

ПАНТЕОНЪ

№ 5.

МАРТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

4855.

СОДЕРЖАНІЕ:

Последнія минуты въ Бозѣ почившаго Императора Николая I. — Ходъ болѣзни Государя. — Высочайшій манифестъ о восшествіи на престолъ Государя Императора Александра II. — Приказъ, войскамъ и Гвардейскому и Гренадерскому корпусамъ. — Церемоніалъ выноса тѣла въ Бозѣ почившаго Императора. — Высочайшій рескриптъ г. С.-Петербургскому Генералъ Губернатору. — Церемоніалъ погребенія тѣла въ Бозѣ почившаго Императора Николая I. — Выраженіе народныхъ чувствъ: статья Н. И. Греча, стихотвореніе О. Н. Глинки. С. 1-28

I. ИЗЪЯЦНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

ВЕОДОРА, владѣтельница древней Сугдаи. Историческая повѣсть. Г. К. С. 1-64

- СТИХОТВОРЕНІЯ:**
1. Мнѣна. (Изъ Гете). Н. Гербеля. С. 1
  2. Карагенъ. (Изъ Шиллера). Н. Гербеля. С. 2
  3. Безсонница. Гр. Е. П. Ростопчиной. С. 2
  4. Слова для музыки. Гр. Е. П. Ростопчиной. С. 3
  5. Негодваніе. Гр. Е. П. Ростопчиной. С. 4-5
  6. Ликъ завѣтный. Г. П. Данилевскаго. С. 5
  7. Полдень въ степи. Н. Сьверцова. С. 6
  8. Элегія. Н. П. Грекова. С. 7
  9. Молодому художнику В. В. П—ву. Н. П. Грекова. С. 8
  10. Совѣтъ. Е. Вердеревскаго. С. 9
  11. Смерть малютки. Я. П. Полонскаго. С. 10

II. Исторія и теорія ис-ва

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕЯ СОВРЕМЕННОКЪ: ДЕЖАЗЕ. — С. 1-22

III. Смесь

1. **Нѣсколько дней за Кубанью.** Изъ дорожныхъ записокъ. А. Чужбинскаго. С. 1-34
2. **Отъ полюса къ полюсу.** Новое путешествіе Жака Араго. С. 35-80
3. **Воспоминаніе о Севастополѣ.** В. И. Савилова. С. 81-104

IV.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. Испанская литература и ея повѣіііе историкъ. — Генрихъ Лонгфеллоу и современная литература въ Сѣверной-Америкѣ. — Исторія присоединенія Лотарингіи къ Франціи. **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА И ИСКУССТВА:** Рашель (біографическій очеркъ, Евгенія Мирекура). — Сцены и очерки парижской театральной жизни (статья третья). **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Солнце и магнитная стрѣлка. — Дѣйствія гельминтовъ. — Грызуны камней. — Полосатая муха. — Извѣстія изъ центральной Африки. — Коверъ изъ слоновой кости. — Лодка новаго устройства. **АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, НОВОСТИ:** Изрѣченія персидскаго поэта Фицъ-Араи. — Плясовая болѣзнь. — Странная компанія на акціяхъ. — Исторія колець. — Крысы. **ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ:** Миссіонеръ въ Китаѣ. **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ:** Страшная ночь. (Разсказъ г-жи Клемансъ-Робертъ). С. 1-54-78

Оглавление XX тома. 1855 г.
Книжка третья, март. (Продолжение).

Парижская жизнь. Письма А. Бонавентуры. (С. 77-104).

Лондонская жизнь. Письма В. С. (С. 105-122).

V. Петербургский вестник.

1. Литература.

Журналистика: Февральские книги журналов. – Поэма г. Жемчужникова. – Стихотворения «Отечественных записок». – Повесть Ольги Н*. – Двойная любовь и сентиментальные героини. – Богатство серьезных статей. – Журналистика, ее направление и мнения. – «Гонкий человек» г. Некрасова. – Повесть г. Писемского и суждение о ней рецензента Петербургских Ведомостей. – Стихотворения «Современника». – Критические статьи о новом издании сочинений Пушкина. – Недостатки этого издания. – Старые замашки нового поэта. – Персидские пародии на русские стихотворения. – Поэма г. Мея. – Повесть г. Михайлова и главы в пять строк. – Журналистика и фельетон. – Замечания петербургского жителя и его жалобы на свою горькую долю. – Настоящая «Горькая доля». – Последняя книга «Москвитянина» за прошлый год. – Стихи и проза. (С. 1-13).

2. Библиография: Народно-южно-русские песни. Издал А. Метлинский. – Киев, 1854 г. (С. 13-22).

3. Общественная жизнь: Усердие России по случаю ополчения на врагов. – Патриотические излияния чувств. – Кончина адмирала П. И. Рикорда. – Краткий некролог его. – Юбилейный обед, данный в честь графа Ф. П. Толстого. – Речи, произнесенные на обеде. – Стихи Бенедиктова, Майкова, Щербины, полонского, Ф. Н. Глинки, Николаевского, Алферьева, Федорова. (С. 22-38).

VI. Репертуар русской сцены. № 3.

Русские в 1854 году. Драматические сцены. Соч. А. А. Тальцевой. (С. 1-38).

О П

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

О. А. Конон.

ТОМЪ XX.

МАРТЪ. — КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

1855.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ
МАРТА
1855
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИМПЕРАТОРСКОГО
УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

18188. 9916.

ПАТЕНТЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 20-го Марта 1855 года.

Ценсоръ *Ю. Шидловскій*,

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

27-го января Государь Императоръ заболѣлъ гриппомъ, но продолжалъ, по обыкновенію, неумоимо заниматься государственными дѣлами. Черезъ нѣсколько дней, именно 9-го февраля, чувствуя Себя лучше, вопреки совѣтамъ пользовавшихся Его врачей, лейбъ-медика Мандта и доктора Карелля, изволилъ, послѣ преждеосвященной обѣдни, выѣхать въ Экзерциръ-гаузъ Инженернаго Замка, для осмотра маршевыхъ батальйоновъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго и Егерскаго полковъ. «Ваше Величество, сказалъ докторъ Карелль: нѣтъ ни одного медика въ Вашей арміи, который позволилъ бы рядовому выписаться изъ госпиталя въ такомъ положеніи, въ какомъ Вы находитесь, и при такомъ морозѣ (23 градуса); мой долгъ требовать, чтобъ Вы еще не выходили изъ комнаты.» — «Ты исполнилъ свой долгъ, отвѣчалъ Государь: позволь же Мнѣ исполнить Мой». Въ часъ пополудни, Государь отправился въ Экзерциръ-гаузъ, не взявъ даже предосторожности (не смотря на убѣжденія Государя Цесаревича и просьбы близкой Своей прислуги), одѣться потеплѣ обыкновеннаго. Послѣ смотра заѣзжалъ къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, а отъ Нея къ бывшему тогда больнымъ военному министру; возвратясь же, почувствовалъ Себя хуже, чѣмъ наканунѣ. Кашель и одышка, уже и въ предшествовавшіе дни иногда появлявшіеся, увеличились. Ночь Его Величество провелъ безъ сна; однако, на другой день, 10 числа, опять изволилъ выѣхать въ тотъ же Экзерциръ-гаузъ, для осмотра маршевыхъ батальйоновъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго ре-

зервныхъ полковъ и лейбъ-гвардіи Сапернаго резервнаго полубатальйона. Съ этого дня всѣ болѣзненные припадки начали усиливаться. Государь уже не выходилъ изъ комнаты. 11-го числа хотя намѣревался еще быть у преждеосвященной обѣдни, но не могъ, и слегъ въ постель. Вечеромъ болѣзнь оказалась очевидно тяжкою и признаки опасности жизни начала развиваться съ неимовѣрною быстротою *. Несмотря на болѣзненное Свое положеніе, Государь не покидалъ занятій государственными дѣлами и только 12-го числа, по настоянію врачей, рѣшился предоставить трудъ сей Цесаревичу.

Когда опасность признана была несомнѣнною, Государыня Императрица, скрѣпя сердце, рѣшилась предложить Августѣйшему Супругу Своему приобщиться Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Государь началъ—было на первой недѣлѣ поста говѣть и съ понедѣльника по четвергъ включительно изволилъ постоянно присутствовать при Божественной службѣ; но неоднократно, жалуясь на слабость здоровья, выражалъ сомнѣніе: въ силахъ ли будетъ исполнить этотъ христіанскій долгъ? Не смотря, однакожь, на Свою слабость, ни разу впродолженіе службы не садился, хотя и былъ къ тому убѣждаемъ протопресвитеромъ Бажановымъ. Императрица воспользовалась этимъ случаемъ. «Если Ты, сказала Она, не могъ окончить начатаго говѣнія и приобщиться Святыхъ Таинъ на первой недѣлѣ, то не хочешь ли исполнить это теперь? Хотя состояніе здоровья Твоего вовсе не опасно, но сколько примѣровъ, что съ принятіемъ Святыхъ Таинъ Богъ посылаетъ страждущимъ облегченіе». — «Нѣтъ, я не могу приступить къ такому великому таинству въ постели, не одѣтый; лучше тогда, когда Я буду въ силахъ совершить это приличнымъ образомъ». Императрица замолчала. Вскорѣ Онъ замѣтилъ на глазахъ Ея слезы. «Ты плачешь?» — «Нѣтъ; это отъ насморка». Черезъ нѣсколько минутъ Императрица тихо начала читать: *Отче нашъ*. «Ты читаешь молитву? Зачѣмъ?» — «Я молюсь о Твоемъ выздоровленіи». — «Развѣ я въ опасности?» — «Нѣтъ»... У Ея Величества

* Когда и прежде покойному Императору случалось заболѣвать, Онъ не соглашался на изданіе бюллетеней, чтобъ не тревожить публики. Такъ и нынѣ, за три дня до кончины, Онъ изволилъ сказать Цесаревичу: «Надѣюсь, что не беспокоили публику бюллетенями о Моей болѣзни».

недостало духа отвѣчать утвердительно. — «Но Ты очень разстроена; Ты устала; поди успокойся». — Императрица вышла.

Около 3-хъ часовъ ночи Государь спросилъ доктора Мандта: «Скажите мнѣ откровенно: какая у Меня болѣзнь? Вы знаете, что и прежде Я всегда вамъ приказывалъ предупредить меня во время, если заболѣю тяжело, чтобъ не упустить христіанскаго долга». — «Не могу скрыть предъ Вашимъ Величествомъ, что болѣзнь Ваша становится серьезною: у Васъ поражено правое лёгкое.» — «Вы хотите сказать, что ему угрожаетъ параличъ?» — «Если болѣзнь не уступитъ нашимъ усиліямъ, то, конечно, это можетъ послѣдовать; но мы того еще не видимъ и не теряемъ надежды на Ваше выздоровленіе.» — «А, теперь Я понимаю Мое положеніе; теперь Я знаю, что мнѣ дѣлать». Отпустивъ доктора, Государь позвалъ Наслѣдника и спокойно сообщилъ Ему о безнадежности Своего положенія, примолвивъ: «Надѣюсь, что Ты еще ничего не сказалъ и не скажешь Матушкѣ. Прикажи позвать духовника». Протопресвитеръ Бакановъ находился уже во дворцѣ. Тутъ вошла Императрица. Когда духовникъ началъ читать предшествующія исповѣди молитвы, Государь благословлялъ стоявшихъ у постели Его на колѣняхъ Императрицу и Цесаревича. За симъ они вышли. — По окончаніи исповѣди, Государь, перекрестившись, произнесъ: «Молю Господа, чтобы Онъ принялъ Меня въ Свои объятія». Священный обрядъ причащенія, совершенный, по желанію Его Величества, въ присутствіи Императрицы и Цесаревича, исполнилъ Онъ съ полнымъ самосознаніемъ, съ умиленнымъ благоговѣніемъ и необыкновеннымъ спокойствіемъ. Молитву же: *Върую Господи и исповѣдую*, прочиталъ отъ начала до конца довольно-твердымъ голосомъ. Послѣ сего позвалъ къ Себѣ Государыню Цесаревну, Великаго Князя Константина Николаевича, Великихъ Княгинь Александру Юсифовну, Марию Николаевну, Елену Павловну и Внучатъ, проводившихъ всю ночь безъ сна въ сосѣднихъ комнатахъ; съ твердостью объявилъ Имъ о близкой Своей кончинѣ; со всѣми простился, всѣхъ благословилъ. Произнесенныя Имъ въ эти священные и торжественныя минуты слова, конечно, останутся навсегда запечатлѣнными въ сердцахъ осиротѣвшаго Августѣйшаго Семейства. — Императрица воскликнула: «Боже мой! для чего Я не могу умереть вмѣстѣ съ

Тобою!»—«Ты должна жить для Нихъ».—Обратившись къ Государю Цесаревичу, Императоръ сказалъ: «Ты знаешь, что всѣ Мои попеченія, всѣ усилія стремились къ благу Россіи; Я хотѣлъ продолжать трудиться такъ, чтобъ оставить Тебѣ государство благоустроенное, огражденное безопасностью извнѣ, совершенно—спокойное и счастливое; но Ты видишь, въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ Я умираю; видно, такъ угодно Богу. Тяжело Тебѣ будетъ.» Залившійся слезами Цесаревичъ отвѣчалъ: «Если ужъ суждено Мнѣ Тебя лишиться, то Я увѣренъ, что Ты и тамъ будешь молиться Ему о Россіи, о Насѣ всѣхъ, о Святой Его Мнѣ помощи понести тяжкое бремя, Имъ же на Меня возлагаемое». — «Да, Я всегда молился Ему за Россію и за васъ за всѣхъ; буду, буду молиться и тамъ. Вы же — обращаясь къ окружающему болѣзненный одръ Его Августѣйшему Семейству и указывая на Императрицу, продолжалъ—останьтесь навсегда, какъ было доселѣ, въ тѣсномъ союзѣ любви семейной.»

Послѣ сего Государь потребовалъ къ Себѣ министра двора, графа Адлерберга, графа Орлова и военнаго министра князя Долгорукова; въ трогательныхъ словахъ благодарилъ ихъ за вѣрную службу, за испытанную преданность; поручилъ ихъ Наслѣднику, благословилъ и простился.

За симъ, снова обращаясь къ Цесаревичу и къ графу Адлербергу, отдалъ послѣднія приказанія относительно Своихъ похоронъ: Самъ назначилъ залу нижняго этажа Зимняго Дворца, въ которой должны быть выставлены смертные Его останки, и указалъ мѣсто для могилы въ Петропавловскомъ Соборѣ; требовалъ, чтобъ погребеніе совершено было съ возможно—меньшею роскошью, безъ пышнаго катафалка, безъ всякихъ великолѣпныхъ въ залѣ и церкви убранствъ, дабы избѣжать напрасныхъ издержекъ *. Наконецъ, приказалъ позвать къ себѣ ближайшихъ служителей, благодарилъ ихъ, простился и благословилъ.

Умирающій Государь находился еще въ полной памяти, когда духовникъ приступилъ къ чтенію Отходной, и изволил повторять за нимъ молитвы, хотя слабымъ уже голосомъ, но покойно.

* По духовному завѣщанію блаженной памяти Императора Николая Павловича, вскрытому послѣ Его кончины царствующимъ Государемъ, Онъ требовалъ, чтобы срокъ траура по Немъ назначенъ былъ самый краткій.

Вскоръ голосъ его пресѣкъся. Онъ знаками подозвалъ къ Себѣ духовника, пожалъ ему руку, поцаловалъ наперстный его крестъ, и, не въ силахъ уже будучи произнести ни одного слова, движеніями руки и глазъ показывалъ на Императрицу, на Наслѣдника, какъ-бы желая сказать, чтобы онъ за Нихъ молился. До послѣднихъ минутъ жизни не покидалъ Онъ руки Императрицы и Наслѣдника и крѣпко жалъ ихъ.

Въ двадцать минутъ перваго часа пополудни не стало Государя, почти тридцать лѣтъ украшавшаго престолъ россійскій; обладавшаго въ высшей степени чувствомъ священнаго Своего долга, и неусынно, съ полнымъ самоотверженіемъ трудившагося для блага отечества.

ОПИСАНІЕ ХОДА БОЛѢЗНИ

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Его Величество, въ слѣдствіе сильной простуды, заболѣлъ въ послѣднихъ числахъ января распространившимся тогда въ городѣ гриппомъ, но продолжалъ всёъ обычныя Свой занятія, и состояніе здоровья Его не предвѣщало никакихъ дурныхъ послѣдствій; 4-го же февраля, ночью, почувствовалъ нѣкоторое стѣсненіе въ груди, родъ одышки.

Ислѣдованіе показало весьма сильный упадокъ дѣятельности въ верхней долѣ лѣваго лёгкаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ открыто, что нижняя доля праваго лёгкаго поражена гриппомъ. Лихорадки не было, а пульсъ совершенно-натуральный. Государь оставался дома, соблюдая самую строгую діету.

Вечеромъ того дня дыханіе въ верхней долѣ лѣваго лёгкаго сдѣлалось гораздо свободнѣе; припадки, означавшіе страданія онаго, почти исчезли; Его Величество выходилъ изъ Своей комнаты и по прежнему занимался дѣлами.

5-го и 6-го февраля сказанный выше припадокъ въ лѣвомъ лёгкомъ исчезъ совершенно; гриппый же кашель, съ изверженіемъ мокроты, не прекращался. Его Величество не выѣзжалъ, продолжая соблюдать назначенную діету.

Съ наступленіемъ первой недѣли великаго поста, Государь, не смотря ни на какія предостереженія, началъ говѣть, причѣмъ необходимо должно было послѣдовать измѣненіе въ діетѣ; однакъ, склоняясь на убѣдительныя просьбы врачей, не выходилъ ни 7-го, ни 8-го февраля.

9-го февраля чувствовалъ себя такъ хорошо, что настоялъ на принятіи намѣреніи осмотрѣть нѣкоторыя войска, выходившія въ походъ, въ мапейжъ Инженернаго Замка. Отклонить Его отъ этого намѣренія, какъ въ тотъ день, такъ и на другой, 10-го февраля, было невозможно. Докторъ Карель сильно противился выѣзду Государя, но напрасно *. Съ 9-го числа Государь сталъ кашлять сильнѣе, но еще кушалъ съ большимъ апетитомъ.

11-го февраля ночь проведена было покойно, но поутру послѣдовалъ ознобъ, а потомъ сильный лихорадочный жаръ. Трудно было склонить Его Величество лечь въ постель; наконецъ Онъ легъ, тепло прикрывшись, но не раздваяясь. Вечеромъ появилась испарина, и въ-теченіе ночи припадки уменьшились. Языкъ однако былъ нечистъ и оказалась чувствительность въ печени.

12-го февраля, около обѣда, снова ознобъ и снова лихорадочный жаръ. Его Величество въ первый разъ остался на цѣлый день въ постели. Въ оба эти дня кашель и изверженіе мокроты были весьма умѣренны. Вечеромъ оказался потъ, и какъ языкъ сталъ нѣсколько чище, то, по ходу болѣзни, можно было ожидать простой перемежающейся лихорадки съ желудочнымъ разстройствомъ. Телеграфическая депеша о дѣлѣ подъ Евпаторією сильно взволновала Августѣйшаго Больнаго. вмѣсто постепеннаго уменьшенія припадковъ, лихорадка перешла въ непрерывную; языкъ сталъ хуже прежняго.

13-го и 14-го февраля лихорадка продолжалась, и въ оба эти дня утромъ Государю было легче, а съ полудня хуже; ночи же

* Докторъ Мандтъ просилъ себя сотрудника: Государь изволилъ назначить Кареля, сопровождавшаго въ послѣднія восемь лѣтъ Его Величество во всѣхъ путешествіяхъ, который съ 8-го числа и принялъ участіе въ леченіи.

безнокойны и почти безъ сна. Языкъ сдѣлался чище и оставался все влажнымъ, причеиъ явился аппетитъ выкупать чашку слабого чаю. Ни малѣйшей головной боли, какъ и прежде, не было; чувствительность въ печени исчезла.

15-го февраля изверженіе грудныхъ мокротъ оказалось смѣшаннымъ нѣсколько съ кровью, но совершенно-свободное, а нижняя доля праваго лёгкаго—болѣе страждущею. Вечеромъ Его Величество жаловался на подагрическую боль въ большомъ пальцѣ на ногѣ; языкъ былъ влаженъ, но чище; голова все свѣжа и безъ боли.

16-го числа Государь почувствовалъ въ нижнихъ заднихъ реберныхъ мускулахъ, съ правой стороны, сильную боль. Въ большомъ пальцѣ на ногѣ боли не было; изверженіе мокротъ обильное, бураго цвѣта; лихорадка умѣренная, послѣ ночи, проведенной довольно снокойно; языкъ влажный, болѣе красный; аппетитъ къ чаю; голова свѣжа и безъ боли. Вечеромъ боль въ спинѣ значительно уменьшилась и уже не беспокоила, но нижняя доля праваго лёгкаго оставалась замѣтно-пораженною; появилось біеніе сердца, какое и прежде бывало у Его Величества; пульсъ мягкій и неполный. Надлежитъ сказать, что Блаженной памяти Государь вообще не любилъ, чтобы, въ случаѣ болѣзней Его, издаваемы были бюллетени. Посему, безъ вѣдома Его, но съ разрѣшенія Высочайшей Фамиліи, для Августѣйшихъ Членовъ оной и Особъ, прѣзжавшихъ во дворецъ, составлялись, въ пріемной комнатѣ, краткія записки о томъ, какъ проводимы были Имъ ночи.

17-го февраля. Ночь безнокойная; цвѣтъ мокроты болѣе желтый; наканунѣ и въ этотъ день утромъ желудокъ былъ совершенно-свободный; языкъ все еще влажный, по краямъ и на концѣ красный. При пробужденіи отъ весьма-непродолжительнаго сна, Его Величество впадалъ въ легкій бредъ, о которомъ сохранялъ, однакожъ, сознаніе. Къ полудню Августѣйшій Больной внезапно почувствовалъ сильное колотье въ лѣвой сторонѣ груди, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ сердце. Черезъ два часа этотъ сильный припадокъ прошелъ, но лихорадочный жаръ усилился; стала чаще появляться склонность къ бреду, которую Его Величество все еще могъ преодолевать. Кожа сухая, изверженіе грудной слизи желто-бурой обильное и съ большимъ усиленіемъ; пульсъ оставал-

ся неправильнымъ, впрочемъ, мягкимъ, неполнымъ. Утромъ, безъ вѣдома Государя, но также съ разрѣшенія Высочайшей Фамилии, составленъ бюллетень и подписанъ еще третьимъ врачомъ, лейб-хирургомъ Енохинымъ послѣ того, какъ Его Величество былъ осмотрѣнъ имъ, вмѣстѣ съ двумя другими пользовавшими врачами. Къ сожалѣнью, бюллетень этотъ не могъ быть въ тотъ день напечатанъ въ газетахъ, и вышелъ вмѣстѣ съ позднѣйшими нумерами, въ которыхъ описывались послѣдовавшія перемѣны.

Въ три часа ночи на 18-е февраля, при сдѣланномъ изслѣдованіи, впервые оказались въ нижней долѣ праваго лёгкаго явные признаки начинавшагося паралича. Изверженіе мокроты за нѣсколько уже предъ тѣмъ часовъ сдѣлалось гораздо-затруднительнѣе; большой палецъ на ногѣ оставался по прежнему нечувствителенъ, а кожа—сухою. Появленіе этихъ опасныхъ признаковъ возвѣстило безнадежность положенія Государя. Между тѣмъ головной боли и никакихъ нервическихъ припадковъ вовсе не было; сознаніе совершенно-ясное; даже дыханіе менѣе затруднительное, хотя развитіе паралича въ лёгкихъ, по направленію снизу вверхъ, продолжало распространяться. Въ двадцать минутъ перваго часа пополудни послѣдовала кончина Его Величества, совершенно спокойная, безъ малѣйшаго припадка судорогъ.

Остается сказать, что въ продолженіе болѣзни Государя, всѣ медицинскія средства употребляемы были своевременно и согласно появленію припадковъ, выражавшихъ болѣзненное Его Величества состояніе.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАННФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Неисповѣдимому въ путяхъ Своихъ Бѣгу угодно было поразить всѣхъ насъ неожиданнымъ страшнымъ ударомъ. Любезнѣйшій Родитель нашъ, Государь Императоръ Николай Павловичъ, послѣ кратковременной, но тяжкой болѣзни, развившейся въ послѣдніе дни съ немовѣрною быстротою, скончался сего 18 февраля. Никакія слова не могутъ выразить скорби Нашей, которая будетъ скорбію и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ. Смиряться предъ таинственными судьбами Небеснаго Промысла, Мы только въ Немъ ищемъ себѣ утѣшенія и отъ Него одного ожидаемъ дарованія Намъ силъ для подытія бремени, волею Его на насъ возлагаемаго. Какъ оплакиваемый нами Любезнѣйшій Родитель нашъ посвящалъ всѣ свои успія, всѣ часы Своей жизни, трудамъ и попеченіямъ о благѣ подданныхъ, такъ и Мы, въ сей печальный, но и торжественный важный часъ, вступая на прародительскій нашъ Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, предъ лицомъ невидимо-соприсутствующаго намъ Бога, приедемъ священный обѣтъ имѣть всегда единою цѣлію благоденствіе отечества нашего. Да руководимые, покровительствуемые призавшимъ насъ къ сему великому служенію Провидѣніемъ, утвердимъ Россію на высшей степени могущества и славы, да исполняются чрезъ насъ постоянныя желанія и виды Августѣйшихъ нашихъ предшественниковъ: Петра, Екатерины, Александра Благословеннаго и незабвеннаго нашего Родителя.

Испытанное усердіе любезныхъ нашихъ подданныхъ, теплыя мольбы ихъ, соединенныя съ нашими, предъ алтаремъ Всевышняго будутъ намъ пособіемъ. Призываемъ ихъ къ сему, повелѣ-

вая имъ съ тѣмъ вмѣстѣ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ 18-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятьдесятъ пятое, царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

« АЛЕКСАНДРЪ ».

ПРИКАЗЫ РОССІЙСКИМЪ ВОЙСКАМЪ:

I.

Храбрые воины, вѣрные защитники Церкви, Престола и Отечества!

Всемогущему Богу угодно было испытать насъ самую горестною, тяжкою потерею. Мы лишились общаго нашего Отца и Благодѣтеля.

Среди неусыпныхъ заботъ о благоденствіи Россіи и славъ русскаго оружія, Любезнѣйшій Родитель Мой, Государь Императоръ Николай Павловичъ, перешелъ въ жизнь вѣчную!

Послѣднія Его слова были: «Благодарю славную, вѣрную гвардію, спасшую Россію въ 1825 году, равно храбрые и вѣрные армію и флотъ; молю Бога, чтобы сохранилъ въ нихъ навсегда тѣ же доблести, тотъ же духъ, коими при Мнѣ отличались. Покуда духъ сей сохранится, спокойствіе государства и внѣ и внутри обезпечено, и горе врагамъ его! Я ихъ любилъ какъ дѣтей Своихъ, старался, какъ могъ, улучшить ихъ состояніе; ежели не во всемъ успѣлъ, то не отъ недостатка желанія, но отъ того, что, или лучшаго не умѣлъ придумать, или не могъ болѣе сдѣлать».

Да хранятся въ сердцахъ вашихъ эти незабвенныя слова, какъ доказательство искренней Его къ вамъ любви, которую Я раздѣляю въ полной мѣрѣ, и какъ залогъ вашей преданности Мнѣ и Россіи.

II.

Храбрые воины, доблестные сподвижники въ Божѣ почившаго Августѣйшаго вождя вашего!

Вы запечатлѣли въ сердцахъ вашихъ послѣднее выраженіе Его пѣжной, родительской къ вамъ любви.

Въ знакъ сей любви, войска гвардіи, 1-й кадетскій корпусъ и гренадерскій генералиссимуса князя Суворова полкъ, жалую вамъ тѣ самыя собственные Его Величества мундиры, кои Государь, вашъ благодѣтель, Самъ носить изволилъ; храните сей залогъ и да хранится онъ между вами, какъ святыня, какъ памятникъ и для будущихъ родовъ незабвенный.

Сверхъ сего повелѣваю:

1) Въ роткахъ и эскадронахъ, носившихъ названіе Его Императорскаго Величества, имѣть всѣмъ чинамъ на эполетахъ и погонахъ вензеловое изображеніе имени Государя Императора Николая I-го, доколѣ кто изъ бывшихъ по спискамъ 18 февраля 1855 года въ сихъ роткахъ и эскадронахъ оставаться будетъ.

2) То же самое вензеловое изображеніе сохранить имѣвшимъ оное, какъ генераламъ, при Особѣ Его Императорскаго Величества состоявшимъ, такъ и генераламъ и флигель-адъютантамъ, при Его Величествѣ находившимся.

Да живетъ всегда въ рядахъ нашихъ священная память Николая I-го, да будетъ она страхомъ враговъ и славою Отечества.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

С. Петербургъ, 19 февраля 1855 года.

П Р И К А З Ъ

ПО ГВАРДЕЙСКИМЪ И ГРЕНАДЕРСКИМЪ КОРПУСАМЪ.

Въ С.-Петербургѣ, 19 февраля 1855 года.

Неисповѣдимому Промыслу Божию угодно было посѣтить всѣхъ Насъ всеобщю горестью: Мы лишились Отца, Благодѣтеля, Государя Нашего Николая Павловича.

Съ сердцемъ полнымъ скорби, сыновней любви и памяти къ благодареніямъ незабвеннаго родителя Моего и Императора, Я возвѣщаю войскамъ гвердейскихъ и гренадерскаго корпусовъ о столь печальномъ событіи и остаюсь убѣжденнымъ, что всѣ чины сихъ войскъ, зная отеческія попеченія и постоянную о нихъ заботливость Отца и Монарха, вполне сочувствуютъ, сколь велика Наша потеря и раздѣляютъ со Мною общую скорбь, столь неожиданно Насъ постигшую.

Какъ близки были сердцу въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича войска, и какъ Государь любилъ ихъ, тому служить доказательствомъ послѣднее завѣщаніе Родителя Моего, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Благодарю славную, вѣрную гвардію, спасшую Россію въ 1825 году, равно храбрыя и вѣрныя армію и флотъ; молю Бога, чтобъ сохранилъ въ нихъ навсегда тѣ же доблести, тотъ же духъ, коими при Мнѣ отличались. Покуда духъ сей сохранится, спокойствіе государства, и внѣ и внутри обезпечено, и горе врагамъ его! Я ихъ любилъ какъ дѣтей Своихъ, старался, какъ могъ, улучшить ихъ состояніе; ежели не во всемъ успѣлъ, то не отъ недостатка желанія, но оттого, что или лучшаго не умѣлъ придумать, или не могъ больше сдѣлать».

Глубоко проникнутой сею незабвенною Монаршею любовію къ войскамъ гвардіи и гренадеръ, въ рядахъ которыхъ, съ приятнымъ о томъ воспоминаніемъ, Я Самъ провелъ 17 лѣтъ, поспѣшаю исполнить послѣднюю волю въ Бозѣ почившаго Родителя Моего и передать имъ благодарность Государя, будучи вполне убѣжденъ, что она послужитъ войскамъ залогомъ обильныхъ заботъ и отеческихъ попеченій о нихъ вѣчной памяти достойнаго Монарха, и что они потщатся оправдать надежды, коими исполнено было сердце Государя въ послѣднія минуты Его жизни.

Отдавая присемъ случаѣ полную справедливость отличной усердной и ревностной службѣ ближайшихъ Моихъ сотрудниковъ, неуслыннымъ стараніемъ которыхъ Я постоянно былъ удостоиваемъ Всемилостивѣйшаго благоволенія въ Бозѣ почившаго Государя Императора, искренно благодарю гг. командировъ: гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго и пѣхотнаго корпусовъ, генерала-отъ-кавалеріи Штрандмана и генераль-адъютанта Сумарокова; бывша-

го командира гренадерскаго корпуса, генераль-адъютанта Муравьева, и командующаго нынѣ симъ корпусомъ, генераль-адъютанта Плаутина; командующаго войсками въ Санктпетербургѣ и окрестностяхъ оставшимися, генераль-адъютанта Арбузова; начальника штаба, генераль-адъютанта Витовтова; начальниковъ артиллеріи и инженеровъ; гг. дивизионныхъ начальниковъ, бригадныхъ и полковыхъ командировъ, равно всѣхъ гг. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ означенныхъ корпусовъ. Нижнимъ же чинамъ объявить мое душевное спасибо.

Приказъ сей прочесть во всѣхъ ротяхъ, эскадронахъ, батареяхъ и прочихъ частяхъ, при собраніи штабъ и оберъ-офицеровъ.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою:
« АЛЕКСАНДРЪ ».

*Собственноручный Его Императорскаго Величества
Высочайшій Рескриптъ, данный на имя С.-Петербургскаго
Военнаго Генераль-Губернатора.*

Глубоко тронутый искреннимъ участіемъ всѣхъ сословіи столичнаго города Нашега С.-Петербурга, въ общемъ горѣ Нашемъ, столь явно выразившимся сегодня при выносѣ тѣла незабвеннаго Родителя и Благодѣтеля Нашега, изъ Зимняго Дворца въ Петропавловскій Соборъ, поручаю вамъ выразить веѣмъ жителямъ столицы душевную благодарность Нашу и Любезнѣйшей Супруги Нашей.

Да хранится въ сердцахъ ихъ навсегда память общаго Отца Нашега, Императора Николая I-го.

Пребываю вамъ искренно доброжелательный

« АЛЕКСАНДРЪ ».

С.-Петербургъ, 27-го Февраля 1855 года.

Ц Е Р Е М О Н И А Л Ъ

ВЫНОСА ИЗЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ЗИМНЯГО ДВОРЦА

ВЪ ПЕТРОПАВЛОВСКІЙ СОБОРЪ

ТѢЛА ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го:

ОТДѢЛЕНІЕ I.

1) Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крена. 2) Литавры Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка и сводный хоръ трубачей Гвардейской Кирасирской и 1-й Легкой Гвардейской Кавалерійской дивизій, верхомъ, и въ парадной формѣ. 3) Конюшенный офицеръ верхомъ, въ мундирѣ и въ полномъ траурѣ. 4) Маршалъ съ маршалскимъ жезломъ, штабъ-офицерскаго чина. 5) Эскадронъ Лейбъ-Гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка. 6) 4-я Гренадерская рота Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго Резервнаго полка. 7) Резервная рота Лейбъ-Гвардіи Сапернаго баталіона. 8) 4-я Карабинерная рота Лейбъ-Гвардіи Егерскаго Резервнаго полка. 9) Войска сіи шествуютъ по Военному Уставу, въ приличномъ числѣ оберъ и унтеръ-офицеровъ, держать оружіе на погребеніе, а барабаны бьютъ во время шествія также на погребеніе. 10) Конюшенный офицеръ, верхомъ, въ мундирѣ и въ полномъ траурѣ. 11) Сорокъ придворныхъ лакеевъ, по четыре въ рядъ. 12) Четыре скорохода, рядомъ. 13) Восемь камеръ-лакеевъ, по четыре въ рядъ. 14) Восемь придворныхъ офиціантовъ, по четыре въ рядъ. 15) Шестнадцать пажей, по четыре въ рядъ, съ ихъ офицерами, кромѣ должностныхъ. 16) Четыре камеръ-пажа, рядомъ, съ ихъ офицерами, кромѣ должностныхъ. 17) Ротный Командиръ Пажескаго Его Величества Корпуса.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

18) Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крена. 19) Маршалъ 6-го класса, съ жезломъ, въ траурѣ. 20) Знамя родоваго герба Его Императорскаго Величества, несомое чиновникомъ 7-го класса, и лошадь сего герба, ведомая двумя лицами оберъ-офицерскаго чина; сверхъ того при лошади и конюхъ.

21) Знамя военное, красное, съ Императорскимъ гербомъ, съ красною бахрамою и кистями, несомое Полковникомъ, при двухъ ассистентахъ изъ штабъ-офицеровъ; все въ полной формѣ и въ надлежащемъ траурѣ. 22) Лейбъ-пфердь Императорская, подь богатою попоною, ведомая двумя штабъ-офицерами, въ мундирахъ и въ надлежащемъ траурѣ; за нею два конюха въ парадной ливрѣ. 23) Знамя Черкаскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 24) Знамя Армянскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 25) Знамя Кабардинскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 26) Знамя Грузинскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 27) Знамя Карталинскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 28) Знамена несутъ чиновники 8-го класса; лошадей же ведутъ по два лица оберъ-офицерскаго чина.

Отдѣленіе III.

29) Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ чрезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа. 30) Знамя Иверскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 31) Знамя Мстиславскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 32) Знамя Витебскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 33) Знамя Кондійскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 34) Знамя Обдорскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 35) Знамя Удорскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 36) Знамя Белозерскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 37) Знамя Ярославскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 38) Знамя Ростовскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 39) Знамя Полоцкаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 40) Знамя Рязанскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 41) Знамя Черниговскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 42) Знамя Нижегородскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 43) Знамя Болгарскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 44) Все вышепоименованныя знамена несутъ чиновники 8-го класса; лошадей же ведутъ по два лица оберъ-офицерскаго чина.

Отдѣленіе IV.

45) Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ чрезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа. 46) Знамя Вятскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 47) Знамя Пермскаго герба; за

онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 48) Знамя Югорскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 49) Знамя Тверскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 50) Знамя Карельскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 51) Знамя Бѣлостокскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 52) Знамя Самогитскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 53) Знамя Семигальскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 54) Знамя Курляндскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 55) Знамя Лифляндскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 56) Знамя Эстляндскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 57) Знамя Финляндскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 58) Знамя Подольскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 59) Знамя Волынскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 60) Знамя Литовскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 61) Знамя Смоленскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 62) Знамя Псковскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 63) Знамя Таврическаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 64) Всѣ вышепоименованныя знамена несутъ чиновники 8-го класса; лошадей же ведутъ по два лица оберъ-офицерскаго чина.

Отдѣленіе V.

65) Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ чрезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крена. 66) Знамя Сибирскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 67) Знамя Польскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 68) Знамя Астраханскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 69) Знамя Казанскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 70) Знамя Новгородскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 71) Знамя Владимірскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 72) Знамя Кіевскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 73) Знамя Московскаго герба; за онимъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ. 74) Всѣ вышепоименованныя знамена несутъ чиновники 7-го класса; лошадей же ведутъ по два лица 8-го класса, а за ними идутъ конюхи. 75) Штандартъ Адмиралтейскій, несомый флота капитаномъ 1-го ранга, въ мундирѣ и въ надлежащемъ траурѣ, съ 2-мя ассистентами, капитанами 2-го ранга. 76) Знамя изъ черной тѣсты, съ Государственнымъ гербомъ, несомое чиновникомъ 6-го класса, при двухъ ассистентахъ

штабъ-офицерскаго чина; потомъ лошадь, покрытая чернымъ сукномъ, съ Государственнымъ гербомъ на срединѣ, ведомая двумя чиновниками 7-го класса, а за ними два конюха. 77) Бѣлое знамя, несомое гвардіи Капитаномъ, при двухъ ассистентахъ, изъ гвардейскихъ офицеровъ, въ мундирахъ, безъ траура. 78) Латникъ, въ позолоченныхъ латахъ, на лошади, съ богатымъ чепракомъ и тому принадлежащимъ уборомъ, съ обнаженнымъ мечемъ; лошадь ведутъ два конюха въ парадной ливрѣ. 79) Латникъ пѣшій, въ черныхъ латахъ, съ обнаженнымъ и опущеннымъ внизъ мечемъ; эфесъ обвитъ чернымъ флеромъ. 80) Печальное знамя изъ черной тафты, несомое чиновникомъ 6-го класса, при двухъ ассистентахъ штабъ-офицерскаго чина; за онымъ лошадь, покрытая вся чернымъ, ведомая двумя чиновниками 7-го класса; за лошадью два конюха. 81) Два конюшенныхъ офицера, верхомъ; за ними Унтеръ-Шталмейстеръ.

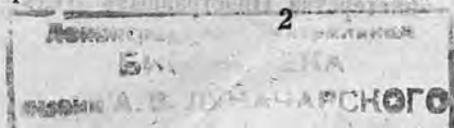
ОТДѢЛЕНІЕ VI.

82) Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ чрезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа. 83) Маршалъ, съ жезломъ, генераль-маіорскаго чина. 84) Гербъ Шлезвигъ-Голстинскій. 85) Гербъ Тавричскій. 86) Гербъ Сибирскій. 87) Гербъ Финляндскій. 88) Гербъ Польскій. 89) Гербъ Астраханскій. 90) Гербъ Казанскій. 91) Гербъ Новгородскій. 92) Гербъ Владимірскій. 93) Гербъ Кіевскій. 94) Гербъ Московскій. 95) Всѣ вышеозначенные гербы несутъ чиновники 6-го класса. 96) Государственный большой гербъ, предшествуемый четырьмя Генераль-Маіорами и несомый двумя Генераль-Маіорами и двумя Полковниками, при двухъ ассистентахъ, изъ штабъ-офицеровъ. Всѣ въ мундирахъ и въ надлежащемъ траурѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

97) Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ чрезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа. 98) Голова отъ общества ямщиковъ, съ ямщиками, по три въ рядъ, въ своемъ одѣяніи, а тѣ изъ нихъ, кои Всемилостивѣйше пожалованы кафтанами, означаютъ трауръ крепомъ на рукавѣ. 99) Сословіе мѣщанъ, по три въ рядъ; сословіе кушовъ, по три въ рядъ. 100) Маршалъ отъ Магистрата, Градской Глава, съ жезломъ; за нимъ Члены Думы и Магистрата и Секретари тѣхъ мѣстъ; потомъ каждаго цеха мастеровые, съ ихъ значками, по три въ рядъ. 101) Маршалъ отъ Дворянства, съ жезломъ; за нимъ С.-Петербургскій Предводитель Дворянства, съ Предводителями уѣздовъ и Членами Депутатскаго Собранія. 102) Маршалъ отъ Губернскаго Правленія, съ жезломъ; за нимъ: Гражданскій Губернаторъ, Вице-Губернаторъ, Предсѣдатели Палатъ, Члены Губернскаго Правленія и Члены всѣхъ Палатъ

99/6

и прочихъ подвѣдомственныхъ Губернскому Правленію присутственныхъ мѣсть; потомъ чины по вѣдомству Военнаго Генераль-Губернатора, по три въ рядъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

103) Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ чрезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крена. 104) Маршалъ съ жезломъ. Россійско-Американская Компанія. Императорское Вольное Экономическое Общество. Общество Попечительное о Тюремахъ. Императорское Человѣколюбивое Общество.

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

105) Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ чрезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крена. 106) Маршалъ, съ жезломъ, отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта; за нимъ, какъ чины подвѣдомственныхъ оному мѣсть, такъ и воспитанники заведеній, въ вѣдомствѣ Совѣта состоящихъ, по три въ рядъ.

ОТДѢЛЕНІЕ X.

107) Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ чрезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крена. 108) Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Юстиціи; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному Департамента и мѣсть, по три въ рядъ. 109) Маршалъ, съ жезломъ, отъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному Департаментовъ и мѣсть, по три въ рядъ. 110) Маршалъ, съ жезломъ, отъ Государственнаго Контроля; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному Департаментовъ и мѣсть, по три въ рядъ.

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

111) Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ чрезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крена. 112) Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Финансовъ; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному Департаментовъ и мѣсть, по три въ рядъ. 113) Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному Департаментовъ и мѣсть, по три въ рядъ. 114) Маршалъ, съ жезломъ, отъ Главнаго Начальства надъ Почтовымъ Департаментомъ; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному мѣсть, по три въ рядъ. 115) Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; за нимъ, какъ чины подвѣдомственныхъ оному Департамента и мѣсть, такъ и воспитанники учебныхъ заведеній вѣдомства сего Министерства, по три въ рядъ. 116) Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному Департаментовъ и мѣсть, по три въ рядъ. 117) Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному

Департаментовъ и мѣсть, по три въ рядъ. 118) Маршалъ, съ жезломъ, отъ Конторы Собственнаго Его Императорскаго Величества Дворца и Конюшенной части сего Дворца; за нимъ чины оныхъ, по три въ рядъ. 119) Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Удѣловъ и Кабинета Его Императорскаго Величества; за нимъ чины подвѣдомственныхъ онымъ Департамента и мѣсть, по три въ рядъ. 120) Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Императорскаго Двора; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному мѣсть и Канцитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, по три въ рядъ. 121) Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Морскаго; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному Департаментовъ и мѣсть, по три въ рядъ. 122) Маршалъ, съ жезломъ, отъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества и Военнаго Министерства; за нимъ, какъ чины подвѣдомственныхъ оному Департаментовъ и мѣсть, такъ и воспитанники учебныхъ сихъ вѣдомствъ заведеній, по три въ рядъ. 123) Маршалъ, съ жезломъ, отъ Правительствующаго Сената; за нимъ, по три въ рядъ: Оберъ-Секретари, Чиновники, состоящіе за Оберъ-Прокурорскими столами, Оберъ-Прокуроры Правительствующаго Сената, исправляющій должность Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода и Сенаторы. 124) Чиновники Канцелярій Министровъ-Статсъ-Секретарей Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго. 125) Маршалъ, съ жезломъ. 126) Чиновники Государственной Канцеляріи, Канцеляріи Комитета Министровъ и Собственныхъ Канцелярій Ихъ Императорскихъ Величествъ, по два въ рядъ. 127) Статсъ-Секретари Его Императорскаго Величества, по два въ рядъ. 128) Министры-Статсъ-Секретари Великаго Княжества Финляндскаго и Царства Польскаго. 129) Государственный Секретарь. 130) Члены Комиссіи для принятія прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ. 131) Члены Государственнаго Совѣта, по два въ рядъ. 132) Предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

ОТДѢЛЕНІЕ XII.

133) Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ чрезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа. 134) Два взвода Кавалергардскаго Ея Величества полка. 135) Два Герольда, съ жезлами. 136) Четыре Полковника, съ четырьмя опущенными внизъ Государственными мечами, въ мундирахъ и въ надлежащемъ траурѣ. 137) Медали, ордена и регалии:

Иностранные:

1) Саксенъ-Альтенбургскій—Герцогскаго Эрнестинскаго Дома. 2) Саксенъ-Веймарскій—Бѣлаго Сокола. 3) Ольденбургскій—Заслуги Петра Фридерика-Людвига. 4) Гессенъ-Кассельскій — Золотаго Льва. 5) Гессенъ-Дармштадтскій — Людвига. 6) Баденскій—За военныя за-

слуги. 7) Баденскій—Церингенскаго Льва. 8) Баденскій — Вѣрности. 9) Ангальтскій — Алберта Медвѣдя. 10) Виртембергскій—Льва. 11) Виртембергскій—Короны. 12) Шведскій — Серафимовъ. 13) Саксонскій—Саксонской Короны. 14) Сардинскій—Анонсиады. 15) Прусскій—Золотой Крестъ, за 25 лѣтъ. 16) Прусскій—Чернаго Орла, съ золотою цѣпью. 17) Португальскій—Башни и Меча. 18) Нидерландскій—Дубовой Короны. 19) Нидерландскій—Нидерландскаго Льва. 20) Нидерландскій — Военный орденъ. 21) Неаполитанскій — Св. Януарія. 22) Неаполитанскій — Св. Фердинанда. 23) Неаполитанскій — Св. Георгія. 24) ГанOVERскій — Св. Георгія. 25) ГанOVERскій — Гвельфовъ. 26) Греческій — Спасителя. 27) Велoкобританскій—Подвязки. 28) Французскій — Св. Духа. 29) Испанскій—Золотаго Руна. 30) Датскій — Слона. 31) Бразильскій — Круперосъ. 32) Бразильскій—Донъ-Педро I. 33) Баварскій—Св. Губерта. 34) Австрійскій—Св. Стефана.

Россійскіе:

35) Медаль за Турецкую войну 1828 и 1829 годовъ. 36) Знакъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ. 37) Крестъ Мальтійскій. 38) Орденъ Св. Станислава. 39) Орденъ Св. Анны. 40) Орденъ Бѣлаго Орла. 41) Орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра. 42) Орденъ Св. Георгія 4-го класса. 43) Орденъ Св. Александра Невскаго. 44) Орденъ Св. Андрея Первозваннаго.

Короны:

45) Грузинская. 46) Таврическая. 47) Сибирская. 48) Польская. 49) Астраханская. 50) Казанская. 51) Государственная Держава. 52) Государственный Скипетръ. 53) Корона Императорская. 138) Регалии, ордена и медали несены будутъ на глазетовыхъ золотыхъ подушкахъ, обложенныхъ серебрянымъ широкимъ гасомъ, съ четырьмя серебряными кистями. 139) Два Церемоніймейстера Двора Его Императорскаго Величества, съ жезлами. 140) Верховный Церемоніймейстеръ. 141) По обѣ стороны процессіи, начиная отъ регалій до Императорской Фамиліи, Кондукторская рота Николаевскаго Инженернаго Училища и рота Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ.

Отдѣленіе XIII.

142) Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ чрезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крена. 143) Пѣвчіе Александрo-Невской Лавры и Казанскаго Собора; за ними вся духовная процессія, имѣя въ рукахъ зажженные свѣчи, по распоряженію Преосвященнаго Митрополита Новгородскаго и С.-Петербуржскаго, съ приличнымъ велелѣніемъ Высокому достоинству въ Бозѣ почившаго Государа Императора. За духовною

процессіею: Придворные пѣвчіе, Придворные Протодьяконы, Придворные Священники, съ двумя Св. Иконами; за ними Духовникъ въ Бозѣ почившаго Императора, Протопресвітеръ Бажановъ. 144) Печальная колесница, запряженная восемью лошадьми, на которую возложено будетъ тѣло покойнаго Государя. У штанговъ четыре Генераль-Адъютанта, а при кистяхъ 8 Генераль-Адъютантовъ и 6 Генераль-Маіоровъ Свиты Его Величества: переднія кисти покрыва поддерживаютъ также два Генерала. 145) Всѣ въ полныхъ мундирахъ и въ надлежащемъ траурѣ. По обѣ стороны печальной колесницы пойдутъ съ факелами шестьдесятъ большаго возраста пажей. Лошадей поведутъ восемь чиновниковъ 8-го класса. 146) За печальною колесницею слѣдуетъ Государь Императоръ, имѣя ассистентами двухъ изъ старшихъ Генераль-Адъютантовъ. Сверхъ того, при Высочайшей Его Особѣ: Министръ Императорскаго Двора, Военный Министръ, Инспекторъ Инженеровъ, Инспекторъ Артиллеріи, Генераль-Квартирмейстеръ и Дежурный Генераль. 147) Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Константинъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ; Его Великогерцогское Высочество Герцогъ Георгій Мекленбургъ-Стрелицкій; Его Императорское Высочество Эрцъ-Герцогъ Австрійскій Вильгельмъ; Его Королевское Высочество Прусскій Принцъ Карлъ и Его Великогерцогское Высочество Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій. 148) Поодаль, по сторонамъ, идутъ Его Величества Генераль-Адъютанты, Генералы, состоящіе въ Свитѣ и Флигель-Адъютанты, и находящіеся въ строю и неимѣющіе по церемоніалу особыхъ обязанностей, и Адъютанты Ихъ Императорскихъ Высочествъ. 149) Рота Дворцовыхъ Гренадеръ. 150) Ихъ Императорскія Величества Государыни Императрицы и Ихъ Высочества Великія Княгини Марія Николаевна и Ольга Николаевна, въ каретѣ, по сторонамъ коей Оберъ-Шталмейстеръ Баронъ Фредериксъ и Генераль-Адъютантъ Графъ Апраксинъ, верхомъ; позади же кареты два камеръ-казака. 151) Ихъ Императорскія Высочества Государыни Великія Княгини: Александра Іосифовна, Елена Павловна и Екатерина Михайловна и Ея Королевское Высочество вдовствующая Великая Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, въ каретѣ, по сторонамъ коей Шталмейстеръ графъ Бобринскій и Егермейстеръ графъ Ферзенъ, верхомъ; позади же кареты два придворныхъ лакея. 152) Шлейфы понесутъ: Государыни Императрицы Маріи Александровны—четыре Камергера, а конецъ—Оберъ-Гофмейстеръ Олсуфьевъ; Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны—четыре Камергера, а конецъ—Оберъ-Камергеръ; Государыни Великихъ Княгинь и вдовствующей Великой Герцогини Мекленбургъ-Шверинской—по три Камеръ-Юнкера. 153) Ихъ Императорскія

Высочества, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Николай Александровичъ, Государи Великіе Князья: Александръ Александровичъ, Владиміръ Александровичъ и Алексѣй Александровичъ, съ Генераль-Адъютантомъ Зинovieвымъ, въ каретѣ, позади коей два придворныхъ лакея. 154) Ихъ Императорскія Высочества Князья Романовскіе: Николай Максимиліановичъ и Евгений Максимиліановичъ и Княжна Романовская Марія Максимиліановна, съ Наставницею, въ каретѣ, позади коихъ по два придворныхъ лакея. 155) Статсъ-Дамы, Гофмейстерши, Камеръ-Фрейлины и Фрейлины, въ каретахъ, позади коихъ по два придворныхъ лакея. 156) Первые и Вторые чины Высочайшаго Двора и состоящіе при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ Великихъ Княгиняхъ Придворные Кавалеры, по два въ рядъ. 157) Камергеры и Камеръ-Юнкеры, по три въ рядъ. 158) Лейбъ-Медики и ближайшіе служители покойнаго Императора, по три въ рядъ. 159) Конюшенный офицеръ, верхомъ, въ мундиръ и полномъ траурѣ; за нимъ Верховный Маршалъ Печальной Коммиссіи, съ траурнымъ жезломъ; при немъ, по сторонамъ, два ординарца, верхомъ; за нимъ Члены и прочіе чиновники Коммиссіи. 160) 4-я Гренадерская рота Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго Резервнаго полка. 161) 4-я Гренадерская рота Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго Резервнаго полка. 162) 4-я Гренадерская рота Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго Резервнаго полка. 163) Лейбъ-Гвардіи Батарейная № 1-го Резервная батарея. 164) Эскадронъ Лейбъ-Гвардіи Копнаго полка. 165) Полуэскадронъ Школы Гвардейскихъ Юнкеровъ. 166) Войска сіи шествуютъ по Военному Уставу, въ приличномъ числѣ оберъ и унтеръ-офицеровъ; держатъ оружіе на погребеніе, а барабаны бьютъ во время шествія также на погребеніе. 167) Все, что касается до разставленія по мѣстамъ для сей процессіи всѣхъ воинскихъ командъ, предоставляется распоряженію военнаго начальства. 168) Равномѣрно военному и гражданскому начальствамъ предоставляется назначить по мѣстамъ всѣхъ чиновъ, поименованныхъ въ семъ Церемоніалѣ, отъ 10-го до 5-го классовъ, приславъ какъ списки имъ, такъ ихъ самихъ заблаговременно въ Коммиссію, которая снабдитъ каждого нужнымъ наставленіемъ.

Подписаль: Верховный Маршалъ Высочайше учрежденной
Печальной Коммиссіи *Графъ Гурьевъ.*

Ц Е Р Е М О Н І А Л Ъ

ПОГРЕБЕНІЯ ТѢЛА ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

1) О назначенномъ днѣ погребенія заблаговременно учинено будетъ отъ Печальной Коммисіи, чрезъ полицію, всей столицѣ извѣщеніе, а наканунѣ читано герольдами, съ обыкновенною церемонією, объявленіе о томъ по всемъ частямъ города.

2) Въ день погребенія, поутру въ десять часовъ, по данному съ С.-Петербургской крѣпости сигналу тремя пушечными выстрѣлами, соберутся въ Петропавловскій Соборъ: члены Святѣйшаго Синода, Духовникъ блаженныя памяти Императора, Протопресвитеръ Бажановъ, придворное и прочее духовенство, по назначенію Высокопреосвященнаго Митрополита Никонора; статсъ-дамы, камеръ-фрейлины, гофмейстерины, фрейлины, члены Государственнаго Совѣта, министры, Сенаторы, первые и вторые чины Высочайшаго Двора, статсъ-секретари, придворные кавалеры, генераль-адъютанты, Свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіоры, адъютанты Ихъ Императорскихъ Высочествъ, съ супругами, все генералы; въ столицѣ находящіеся, и Гвардіи штабъ и оберъ-офицеры, прочіе обоюга пола особы первыхъ двухъ классовъ, въ полномъ траурѣ, а также особы Дипломатическаго Корпуса, съ супругами, которыя будутъ приглашены особыми извѣщеніями отъ Экспедиціи Церемоніальныхъ Дѣлъ, и помѣстятся въ соборѣ по правую сторону катафалка. Сверхъ того, ближайшіе служители въ Бозѣ почившаго Императора соберутся на особо назначенное для нихъ мѣсто.

3) По прибытіи въ соборъ Святѣйшаго Синода, Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ отправлена будетъ Божественная Литургія.

4) Между тѣмъ, назначенныя по Высочайшему повелѣнію войска займутъ опредѣленныя имъ мѣста.

5) Ихъ Императорскія Величества встрѣчены будутъ въ соборѣ Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ и членами Святѣйшаго Синода, съ Крестомъ и св. водою; когда же Ихъ Величества изволятъ стать на Свои мѣста, тогда начинается отпѣваніе по уставу Православной Церкви, съ подобающимъ высокому Его Императорскаго Величества сану обрядомъ.

6) По окончаніи отпѣванія и отданія Высочайшими Особами послѣдняго поклоненія тѣлу Августѣйшаго Усопшаго, генераль-адъютанты принесутъ крышку отъ гроба; Свиты Его Величества генераль-маіоры снимутъ съ гроба покровъ, и отнесутъ въ алтарь, а Государь Императоръ изволитъ уложить порфиру во гробъ; затѣмъ генераль-адъютанты, по прикрѣпленіи крыши ко гробу, поднимутъ оный, и, въ предшествіи Митрополита съ духовенствомъ, понесутъ къ устроенной въ соборѣ могилѣ; по совершеніи же отпуска, опустятъ въ оную.

7) Въ сіе время отъ стоящихъ войскъ учинится бѣглый огонь, а съ Петропавловской Крѣпости и изъ всѣхъ бывшихъ въ строю артиллерійскихъ орудій палба, по шести выстрѣловъ изъ каждаго орудія. Сіимъ заключится отданіе послѣдняго долга Незабвенному и вѣчныя славныя памяти достойному Всероссійскому Великому Государю Императору Николаю I-му.

8) Последнее дежурство при тѣлѣ въ Бозѣ почившаго Императора остается въ соборѣ до совершеннаго задѣланія могилы.

9) Въ самый день погребенія, регалии будутъ отвезены изъ Петропавловскаго Собора въ Зимній Дворецъ, слѣдующимъ порядкомъ: 1) Четыре трубача Лейбъ-Гвардіи Коннаго Полка. 2) Два взвода Лейбъ-Гвардіи Коннаго Полка. 3) Конюшенный офицеръ, верхомъ; за нимъ три конюха. 4) Четверомѣстная карета, съ четырьмя камеръ-юнкерами. 5) Такая же, съ четырьмя камергерами. 6) Открытый фазтонъ, съ церемоніймейстеромъ, цугомъ. 7) Открытый фазтонъ съ верховнымъ церемоніймейстеромъ, цугомъ. 8) Конюшенный офицеръ, 9) Два младшихъ берейтора; за ними три конюха, верхомъ. 10) Восемь четверомѣстныхъ каретъ, цугами, каждая съ двумя вершниками впереди; по сторонамъ же каретъ по два унтеръ-офицера Лейбъ-Гвардіи Коннаго Полка. Въ сихъ каретахъ помѣстятся регалии, съ особами, для принятія оныхъ назначенными. 11) Въ заключеніе—два взвода Лейбъ-Гвардіи Коннаго Полка. Кorteжъ, по въѣздѣ на большой дворъ дворца, останавливается у Посольскаго подъѣзда; главный и внутренній караулы отдають честь регалиямъ. У подъѣзда находится будутъ: камеръ-фурьеръ, два гофъ-фурьера и двадцать гренадеръ Дворцовой Роты, въ предшествіи коихъ, а равно пріѣхавшихъ камеръ-юнкеровъ, камергеровъ, двухъ церемоніймейстеровъ и верховнаго церемоніймейстера; вынесенныя изъ экипажа регалии внесутся въ Георгіевскую Залу, гдѣ встрѣчены будутъ оберъ-гофмаршаломъ и въ должности гофмаршала, и положены на приготовленное для оныхъ помѣщеніе; по сторонамъ несущихъ регалий пойдутъ по одному гренадеру Дворцовой Роты, съ каждой стороны.

10) Когда же послѣдуетъ Высочайшее повелѣніе внести Императорскую Корону, Государственный Скипетръ и Государственную Державу въ Бриллиантовую комнату, тогда понесутъ оныя туда назначенныя для того особы, въ предшествіи верховнаго маршала, оберъ-гофмаршала и въ должности гофмаршала; по принятіи же Его Величествомъ сихъ трехъ регалій, всѣ разъѣзжаются.

11) Прочія же регаліи, въ опредѣленный день, отправлены будутъ изъ Зимняго Дворца въ Москву тѣмъ же порядкомъ, какъ были привезены оттуда въ С.-Петербургъ.

12) За симъ, всѣ вообще ордена, по доставленіи въ Печальную Коммиссію изъ Петропавловскаго Собора однимъ изъ членовъ оной, препроводятся: Россійскіе — въ С.-Петербургскій Арсеналь, для храненія, а иностранныя — къ Государственному Канцлеру Иностранныхъ Дѣлъ, для возвращенія къ тѣмъ Дворамъ, коимъ принадлежать.

13) У дверей обоихъ входовъ Георгіевской Залы, съ внутренней стороны, во все время нахождения въ оной регалій, стоять будутъ часовые отъ Роты Дворцовыхъ Гренадеръ.

Подписаль: Верховный Маршалъ Высочайше учрежденной Печальной Коммиссіи *Графъ Гурьевъ*.

Изъ многочисленныхъ изліаній задушевнаго плача русскаго народа, равно живо и глубоко прочувствованныхъ, мы познакомямъ нашихъ читателей съ теплымъ выраженіемъ чувствъ двухъ равно почтенныхъ ветерановъ нашей литературы, свидѣтелей славной поры двѣнадцатаго года, Н. И. Греча и Ѳ. Н. Глики, у которыхъ на памяти живо хранятся всѣ подвиги тридцати-лѣтняго царствованія Императора Николая I-го.

«Плачь Русская семья! Не стало у тебя Отца! Великій, мудрый, правосудный, благочестивый Государь Императоръ Николай Павловичъ, по волѣ Божіей, переселился изъ временной жизни въ вѣчную, вмѣсто вѣнца земнаго украсился вѣнцомъ небеснымъ.

«Вѣсть о болѣзни Его была такъ внезапна, объявленіе о Его кончинѣ было такъ неожиданно, что мы не можемъ тому вѣрить, и спрашиваемъ другъ у друга: не сонъ ли это? Нѣтъ, не сонъ! Не стало нашего добраго, народолюбиваго, народомъ любимаго Царя Николая. Не увидимъ болѣе Его свѣтлаго взора, ни улыбки пріятной, не услышимъ Его знакомаго голоса, не порадуетъ встрѣтить Его добраго, иногда веселаго, иногда задумчиваго, но всегда пріятливаго и ласковаго.

«Любезный Царь нашъ былъ и любимымъ сыномъ Неба, осыпавшаго Его дарами виѣшними и внутренними. Статный, высокаго роста, благообразный, величественный и, въ то же время, простой и непринужден-

ный. А душа Его? Честная, прямая, откровенная, правдивая, не лишившаяся еще вѣры въ человѣчество, при всѣхъ горькихъ опытахъ жизни царской, исполненная вѣры въ Бога Сердцевѣдца, среди опытовъ и страданій. Эта вѣра, это благочестіе давали нашему Царю мужество и неустрашимость, которыми Онъ дивилъ и своихъ и чужихъ. Онъ не страшился ни какихъ опасностей, среди враговъ ходилъ беззащитно и безбоязненно; съ доблестію христіанскаго подвижника ринулся въ пасть ужасной и неизвѣстной повальной болѣзни, когда надлежало успокоить и обнадежить народъ Его; съ твердостью, достойною русскаго Царя, однимъ звукомъ Своего голоса умирить волненіе безумной толпы. И это же чувство безпредѣльной преданности Богу и исполненія всѣхъ Его заповѣдей, внушало Ему ту дивную дѣятельность, ту безпримѣрную ревность въ исполненіи своего долга, которою блистаетъ все тридцатилѣтнее Его царствованіе. Скажу просто: какъ счастлива была бы Россія, еслибъ каждый изъ насъ исполнялъ хоть въ половину долгъ свой, какъ исполнилъ его почившій Государь! У насъ, частныхъ людей, есть къ тому разныя побужденія: и желаніе наградъ и отличій, и опасеніе ответственности. А у Него что было? Богъ, совѣсть и Россія! Естественнымъ слѣдствіемъ этого священнаго исполненія обязанностей великаго Его назначенія было добросовѣстное правосудіе, знаменовавшее каждый шагъ Его пути въ жизни и царствованіи. Строгій къ самому Себѣ, Онъ ожидалъ и требовалъ отъ другихъ исполненія своего долга, и какъ искренно радовался, когда находилъ въ людяхъ заслуги и достоинства, вѣрную службу, самоотверженіе,—какъ щедро и кетати награждалъ ихъ! Всѣ сіи благія качества челоуѣка и Царя увѣчивалъ Онъ безпримѣрною правотою своихъ мыслей и дѣлъ, твердостью принятыхъ однажды правилъ и рыцарскимъ великодушіемъ. Вся жизнь Его служить тому доказательствомъ: примѣровъ столько, что ихъ приводить не нужно.

«При бѣдствіяхъ, которыми Провидѣніе испытывало Россію, Его ставало на все. Вездѣ Онъ былъ первымъ, вездѣ вождемъ, хранителемъ, утѣшителемъ. На Немъ лежали всѣ надежды, всѣ упованія, всѣ желанія Россіи. Въ послѣдніе полтора года Его жизни, Богу угодно было посѣтить Россію грозною войною, внушенною коварствомъ, завистію и нечестіемъ, противъ незлобія, правды и Вѣры Христовой. Свѣтъ видѣлъ, Россія чувствовала, какъ дѣйствовалъ Онъ—неустрашимо, твердо, рѣшительно, притомъ честно и великодушно, гнушаясь неправдою, коварствомъ и двуличіемъ, готовый на миръ, только бы онъ былъ совмѣстенъ съ достоинствомъ Россіи.

Вознесемъ теплыя молитвы ко Всевышнему за сіи дары мудрости и благодати, излианныя на главу нашего благословеннаго Владыки! Возне-

семь къ Нему молитвы объ упокоеніи души, жившей на землѣ для блага своихъ ближнихъ, своихъ подданныхъ! Да будетъ Николай предстателемъ нашимъ у престола Предвѣчнаго, и благословеніе Божіе низойдетъ на любезнаго Его Сына и на всѣхъ любезныхъ чадъ великой Его Семьи!»

Также равно глубоко прочувствовано и слѣдующее стихотвореніе поэта-воина Отечественной войны, О. Н. Глинка.

Все та же какъ вчера столица,
Все то же въ ней встрѣчаетъ взоръ;
За чѣмъ же въ траурѣ Царица?
За чѣмъ въ смятенъ царскій дворъ?
Все тажъ картина, въ тѣхъ же рамахъ;
Ряды огней, дворцы, народъ,
Всенощныя моленья въ храмахъ...
Кого же ночь не застаетъ?!
Кому не свѣтитъ, какъ бывая,
Луна на ледяномъ стеклѣ?..
Его—Монарха Николая —
Не стало на родной землѣ!..

Когда, отъ мала до велика,
На мощный гласъ царева клика,
Вся Русь вскипѣла, какъ въ котлѣ,
Молитвы къ Богу возсылая,
Его—Монарха Николая —
Не стало на родной землѣ!
Придетъ весна и жизнь повѣсть
Въ долинахъ царственныхъ садовъ,
И вновь заблещетъ, засвѣтлѣетъ
И водометный Петергофъ,
И собственный пріютъ нагорный,
И Царскосельскій лебедь черный
Мелькнетъ опять въ вечерней мглѣ;
Но солнце вешнее пылая,
Уже Монарха Николая
Не сыщеть на родной землѣ!

Не сыщеть! — Трауръ наша доля,
Пройдетъ съ концовъ и до конца,
И дѣти — у Севастополя,
Узнаютъ о судьбѣ Отца!
И за стѣнами новой Трои
Услышать грустную молву,

Что Гекторъ нашъ, державшій бои,
Склонилъ на вѣчный одръ главу....
И недругъ, бомбы разсылая,
Въ гнѣздѣ имъ свитомъ на скалѣ:
Уже-ль, воскликнетъ, Николая
Не стало на родной земли?

Не стало! Но съ землей Онъ чудно
Разстался, высказавъ свой нравъ,
Когда душѣ такъ было трудно
Держать надломленный составъ!
Свой санъ, свои моря и сушу,
Смирясь, сложилъ у ногъ Креста,
И въ руки теплыя Христа
Онъ отдалъ царственную душу.

Но Русь еще не сиротѣетъ;
Пылаетъ Вѣры въ ней алтарь:
Надъ ней надеждой новой вѣетъ,
И къ ней выходитъ новый Царь.
Въ Крыму, на Кяхтѣ, на Олонцѣ,
Для всѣхъ племень, во всѣхъ краяхъ,
Одно еще не скрылось солнце,
Другое всходитъ ужъ въ лучахъ!..
И въ бурномъ, круговомъ пожарѣ,
Залогъ сладкой тишины
Намъ свѣтять въ новомъ Государѣ,
Какъ въ дни бывалой старины.
Какъ Сынъ, обнявъ свою Россію,
Онъ ей же будетъ и Отецъ,
Монистой благъ обложить выю
Изъ счастья ей сплететъ вѣнецъ.
И, предковъ съ мудростью былюю,
Онъ нужды подданныхъ пойметъ,
И, кроткій, милости полою
Слезу у нищаго отретъ.—
Но миръ и радость разсылая,
Все вспомнить съ грустью на челѣ,
Что ужъ Монарха Николая
Не стало на родной землѣ!..

I.

ВЕОДОРА,

ВЛАДЬТЕЛЬНИЦА ДРЕВНЕЙ СУГДАИИ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ, Г. К.

Есть уголки земли, гдѣ чувство природы, врожденное, болѣе или менѣе, всякой душѣ человѣческой, но часто заглушенное въ насъ мелочами повседневнои жизни, пробуждается неволью во всей его силѣ, неволью увлекаетъ насъ и говоритъ о красотѣ и безконечномъ величии дѣлъ творенія.

Къ такимъ уголкамъ земли, въ предѣлахъ нашего обширнаго отечества, принадлежитъ, безспорно, южная нагорная часть Крымскаго полуострова, или «южный берегъ», на всемъ протяженіи своемъ омываемый звучными, вѣчно-измѣнчивыми волнами Чернаго моря.

Природа является на южномъ берегу Крыма во всемъ роскошномъ разнообразіи своемъ; на каждомъ шагу она разсыпала здѣсь, вѣроятно еще въ недавней работѣ своей, чудныя картины. Я говорю *въ недавней работѣ* своей, потому, что геологическіе перевороты Южнаго Берега произошли, какъ кажется, въ очень неотдален-

ную эпоху: эти оторванные от горъ громадныя камни, цѣлыя скалы, сброшенныя въ море или разбросанныя по берегу, все это слѣды страшныхъ и очень недавнихъ землетрясеній и переворотовъ,—предположеніе это подтверждается и свидѣтельствами историческими. Такъ византійскій историкъ Кедринъ, (Georg. Cedrini Historiarum Compendium) подъ 1341 годомъ упоминаетъ, что въ это время «Византія подвержена была страшному и долго-временному землетрясенію, которое достигало до самаго Крыма; въ то же время случился тамъ необыкновенный потопъ, при которомъ свирѣпствующее море выступило изъ береговъ и причинило вредъ неописанный».

Вслѣдствіе этой-то вѣковой работы природы, горы крымскія отличаются своими до крайности разнообразными формами, какъ бы умышленно выдѣланными рукою человѣка.

Горная цѣпь тянется по всему побережью, мѣстами украшенная темною зеленою лѣса, мѣстами дикая и каменистая. Горы или спускаются обрывисто къ морскому берегу, образуя сплошныя, неприступныя стѣны, или вступаютъ въ море дикими каменными утесами, самыхъ странныхъ, самыхъ прихотливыхъ очертаній; или, наконецъ, стоятъ отдѣльными грядами, неподалеку отъ берега и угрюмо смотрятъ въ море, далеко отбрасывая длинныя черныя тѣни свои.

Между горъ и глубокихъ ущелій, густо покрытыхъ лѣсомъ, часто подъ самыми страшными скалами, подъ неприступными, нависшими утесами лѣнятся татарскія деревеньки, всегда расположенныя амфитеатромъ и чрезвычайно картинно: далѣе, лѣсистыя долины, съ веселыми, ярко украшенными зеленою, полянами, и вѣющій прохлагою нагорный потокъ, прокладывающій себѣ дорогу между скалъ; наконецъ, отовсюду открывающійся видъ на безбрежную морскую пустыню, то бурную, то спокойно-игривую, вездѣ взаимное соприкосновеніе моря и земли, все это сообщаетъ горнымъ картинамъ Южнаго Берега удивительную роскошь, разнообразіе и величіе.

Но, я никогда не сумѣю передать вамъ, читатель, того живаго впечатлѣнія, какое производитъ на душу путника полу-денный берегъ Тавриды. Какъ опишу я эту, ярко позлащенную солнцемъ, морскую зыбь; эту, то голубую, то розовую, то по-

дернущую парами гористую даль; эту чистую, или только слегка покрытую облаками синеву неба, все это великолѣпное освѣщеніе горъ и моря, во всякую пору дня и ночи; эти дивные перемены въ тѣняхъ? Взгляните на виды южнаго берега Крыма, такъ неподражаемо схваченные на полотно дивною кистью Айвазовскаго, этого, по-истинѣ, великаго живописца моря, и вы поймете меня тогда, и въ васъ невольно родится желаніе увидѣть этотъ богато украшенный природою край.

Географическое положеніе южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ, почва земли, въ высшей степени благопріятная для роскошной растительности юга, море, окаймленное то живописно-скалистыми, то лѣсистыми берегами и со всѣхъ сторонъ обставленное горами, представляющими естественную защиту отъ нападений съ сѣвера, все это говоритъ ясно, что южная часть Крымскаго полуострова очень рано должна была обратить на себя вниманіе народовъ древности.

Не имѣя положительно точныхъ свѣдѣній о томъ, въ какое время край этотъ заселенъ былъ предприимчивыми эллинами, мы знаемъ однако, что во времена византійскихъ императоровъ онъ принадлежалъ уже грекамъ издавна, что здѣсь находились города, крѣпости и селенія греческія, подпавшія впоследствии подъ власть мелкихъ независимыхъ князей или *топарховъ*, греческаго происхожденія.

Исторія этихъ топарховъ, какъ слишкомъ частная, не могла найти мѣста ни у одного изъ извѣстныхъ историковъ и хронографовъ византійскихъ; но тѣмъ не менѣе, безызвѣстные иноки монастырей, находившихся въ такомъ значительномъ количествѣ въ крымскихъ горахъ, записывали все замѣчательное, происходившее въ ихъ странѣ, и записки свои передавали одинъ другому.

Въ-послѣдствіи, когда монастыри крымскіе опустѣли, вѣроятно, въ слѣдствіе преслѣдованій отъ мусульманъ и когда монахи переселились изъ нихъ въ другія обители Греціи и особенно Малой Азіи, они унесли съ собою и сказанія свои о странѣ, въ которой прежде обитали. Въ бібліотекахъ монастырей Малой Азіи и другихъ мѣсть Турціи, болѣе близкихъ къ Крыму, и теперь попадаются греческія рукописи, въ которыхъ заключается много

чрезвычайно интересныхъ сказаній о Крымѣ и прежнихъ обитателяхъ его, византийскихъ грекахъ.

Во время поѣздки моей въ Турцію, я познакомился съ однимъ монахомъ, изъ Малой Азіи, отъ котораго мнѣ досталась одна такая греческая рукопись. Монахъ говорилъ мнѣ, что эта рукопись касается исторіи Крыма. И дѣйствительно, я нашелъ въ ней самое подробное описаніе жизни послѣдней владѣтельницы греческой той части южнаго берега Крыма, которая простирается отъ Судака до Ялты.

Лѣтописецъ называетъ эту владѣтельницу «*Теодорой*» и говоритъ о ней съ восторгомъ, съ увлеченіемъ, какъ о женщинѣ во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенной. Онъ упоминаетъ о рѣдкой красотѣ ея, о ея изумительной храбрости и высокомъ умѣ, о ея набожномъ и строго-христіанскомъ образѣ жизни; рассказываетъ о борьбѣ ея съ генуэзцами, о томъ, какъ взята была ими Сугдаія, главный городъ въ ея владѣніяхъ, и какъ пала наконецъ сама Теодора въ борьбѣ съ Кафянами, защищая крѣпость и монастырь, существовавшіе на *Кастельгоръ*, (близъ нынѣшней Алушты), ея любимое мѣстопребываніе. Каково же было мое удивленіе, когда, объѣзжая южный берегъ Крыма, я нашелъ живо сохранившимся еще и понынѣ въ памяти народной преданіе о Теодорѣ, преданіе, во всемъ согласное съ описаніемъ жизни этой замѣчательной женщины, о которомъ я упомянулъ.

Преданіе о Теодорѣ перешло даже къ нынѣшнимъ горскимъ татарамъ, и рѣдкій изъ нихъ, особенно изъ живущихъ близъ Судака, не расскажетъ вамъ о *храброй царицѣ*. На основаніи этой-то, доставшейся мнѣ, рукописи и преданія народнаго составилъ я рассказъ свой, и старался сколько возможно быть вѣрнымъ во всемъ своимъ источникамъ. Я ничего не вымыслилъ, не создавалъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, а взялъ ихъ цѣликомъ и заботился только о томъ, чтобы, придавъ исторіи жизни Теодоры форму повѣсти, не измѣнить ихъ въ чемъ-либо.

I.

11-го іюля 13.. года, наканунѣ дня св. мученика Прокла, шумная, живая дѣятельность кипѣла на площадяхъ и по всѣмъ улицамъ богатаго греческаго города Сугдаи.

Большой и многолюдный городъ Сугдаія картинно раскинуть былъ по скату горы и спускался къ самому морю, а на востокъ отъ него стлалась прелестная долина, вся потонувшая въ роскошной зелени виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ. Много богатыхъ церквей и монастырей красовалось въ Сугдаіѣ, поднимая высоко свои златоверхіе византійскіе куполы и отражая ихъ въ синевѣ волнъ; много прекрасныхъ и богатыхъ зданій видно было въ городѣ, и много судовъ разноплеменныхъ стояло въ пристани его.

Народъ особенно толпился на главной городской площади, посреди которой возвышался красивый соборъ, построенный царградскими мастерами, наподобіе собора Софійскаго. На этой же площади стоялъ домъ, въ которомъ обыкновенно жили сугдаійскіе владѣльцы, князья, или *топархи*, и который походилъ болѣе на укрѣпленный замокъ, нежели на обыкновенное строеніе. Онъ былъ построенъ на обрывѣ высокой скалы и одною стороною своею обращенъ къ морю, а другою выходилъ на площадь. Двѣ высокія башни, крѣпко сложенные, повидимому очень древней постройки и только подновленные въ позднѣйшее время, защищали замокъ съ обѣихъ сторонъ. Позади замка паходился небольшой дворъ, вымощенный булыжникомъ и застроенный кругомъ зданіями, гдѣ помѣщалась стража и княжескіе служители. Посреди этого двора устроенъ былъ прекрасный мраморный фонтанъ и разведенъ небольшой садъ. Замокъ со всѣхъ сторонъ обнесенъ былъ высокими стѣнами, и войти въ него можно было только чрезъ большія желѣзныя ворота, такъ, что онъ составлялъ главное городское укрѣпленіе, и уже отъ замка, вокругъ всего города, шла большая городская стѣна, во многихъ мѣстахъ прорѣзанная зубчатыми башнями. На концѣ города, на возвышеніи, съ восточной стороны, стоялъ богатый древній монастырь, въ которомъ жилъ обыкновенно сугдаійскій митрополитъ, и великолѣпная церковь, которая красиво рисовалась съ моря: она первая была видна мореходцамъ, шедшимъ въ Сугдаію. Монастырь этотъ также обнесенъ былъ крѣпостною стѣною и составлялъ особое укрѣпленіе.

Въ городской стѣнѣ было двое огромныхъ, окованныхъ желѣзомъ, воротъ: одни изъ нихъ выходили на западъ, а другія на востокъ. Ворота эти были всегда заперты и у нихъ стояли

часовые, которые отворяли ихъ только тогда, когда было нужно.

Предъ домою князя, у великолѣпнаго мраморнаго фонтана, стояло много богато-убранныхъ коней. Воины, въ полномъ вооруженіи, ходили взадъ и впередъ, какъ бы чего-то ожидая.

Городскія ворота, выходившія на западъ, были отворены, и воины, и народъ, въ праздничныхъ одеждахъ, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, толпами шли изъ города.

Изъ монастыря, около котораго также толпился народъ, выѣхалъ митрополитъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ монаховъ; онъ проѣхалъ чрезъ весь городъ, сопровождаемый толпою народа, и остановился у княжескаго дома. Въ то же время выѣзжалъ со двора своего и князь, на красивомъ ворономъ бѣгунѣ.

Сугдайскій владѣтель былъ мужчина лѣтъ 45, высокій ростомъ и величественной осанки, съ правильными чертами лица и строгимъ выраженіемъ. Возлѣ него ѣхала, также верхомъ, жена его, женщина лѣтъ 30, но еще очень красивая. Невысокая ростомъ, но стройная, гибкая и прекрасно сложенная, съ чрезвычайно нѣжными, правильными, чисто-римскими чертами лица и черными блестящими волосами, обрисовывавшими ея прекрасное лицо кроткаго и немного задумчиваго выраженія, женщина эта, своею удивительною красотою, певольно приковывала къ себѣ вниманіе.

За ними, на маленькихъ красивыхъ лошадакахъ, ѣхали два мальчика, оба черно-кудрые, оба черноглазые и такъ похожіе одинъ на другаго, что еслибъ не разноцвѣтныя платья, въ которыя они были одѣты, то ихъ трудно было распознать. Дѣти, казалось, были лѣтъ 10 или 12 не болѣе, но они смѣло сидѣли на лошадяхъ своихъ и свободно управляли ими. За мальчиками слѣдовало нѣсколько почетныхъ сановниковъ города, съ своими женами и дѣтьми, все въ пышныхъ, праздничныхъ одеждахъ, на красивыхъ, богато-убранныхъ коняхъ.

Жена князя, ѣхавшая съ нимъ рядомъ, впереди всего этого торжественнаго поѣзда, заботливо оглядывалась на слѣдовавшую за ними пожилую женщину-прислужницу, сидѣвшую также на лошади, которую велъ подъ узды слуга. Женщина эта держала на рукахъ дѣвочку лѣтъ 3-хъ или 4-хъ, рѣдкой красоты.

Поѣздъ, тронувшись съ площади, выѣхалъ изъ городскихъ воротъ, и потянулся берегомъ моря, по направленію къ Алустану. Ворота городскія тотчасъ же были затворены за нимъ.

Владѣтель богатой Сугдаи, въ этотъ день, со всею своимъ семействомъ и со свитою, отправлялся на храмовой праздникъ въ монастырь св. Прокла, находившійся на *Кастель-горѣ*. Это было одно изъ главныхъ ежегодныхъ празднествъ во владѣніяхъ Сугдайскихъ, и греки, со всего Крыма, къ этому дню, приходили въ монастырь св. Прокла, который стоялъ на самой вершинѣ Кастель-горы, былъ очень великъ и сильно укрѣпленъ, такъ, что составлялъ вмѣстѣ и значительную крѣпость; кругомъ онъ обнесень былъ крѣпостною стѣною, спускавшеюся, съ восточной стороны, къ самому морю. Въ немъ обитало значительное число монашествующей братіи и воиновъ, составлявшихъ крѣпостную стражу.

Зависѣлъ этотъ монастырь отъ Сугдайскаго епископа, а настоятелемъ его, въ описываемое нами время, былъ одинъ изъ близкихъ родственниковъ князя, отличавшійся рѣдкимъ благочестіемъ, святостію жизни, благотворительностію и дивнымъ даромъ излечивать болѣзни.

Вотъ почему, кромѣ описаннаго поѣзда, тянувагося прибрежною дорогою отъ Сугдаи, все горныя дорожки, по всею направленіямъ, покрыты были толпами пѣшеходовъ и всадниковъ, торопившихся на церковный праздникъ, въ монастырь Св. Прокла.

И, чудное зрѣлище представляла эта пестрая, шумная и веселая толпа народа, покрывавшая весь морской берегъ отъ Сугдаи до Алустана и все извилистыя горныя дорожки! Строгія лица воиновъ, въ ихъ блестящихъ вооруженіяхъ, на красивыхъ горскихъ скакунахъ, женщины въ разноцвѣтныхъ одеждахъ, съ развѣвающимися покрывалами на головахъ; толпы мужичь, пѣшихъ и конныхъ, въ ихъ живописномъ греческомъ костюмѣ, видѣлись по всею направленіямъ. И представьте себѣ эту живую, разлообразную толпу молельщиковъ, среди удивительнаго мѣстоположенія, въ виду красивой и богатой Сугдаи, съ ея высокими башнями и церковными куполами, надъ которыми, со всехъ сторонъ, возвышались горы, то покрытыя густою зеленою лѣсовъ, то дикія и каменистыя, и, наконецъ, въ виду этого без-

брежного, вѣчно-блещущаго моря, слегка серебримаго солнцемъ, и далеко, далеко свѣтлѣвшаго на горизонтѣ! Картина, поистинѣ, была восхитительно-прекрасна!

Владѣтельный князь Сугдайскій, который отправлялся въ монастырь Св. Прокла, на храмовый праздникъ, назывался Θεодоромъ; онъ происходилъ изъ дому Палеологовъ и былъ родственникомъ царствовавшаго тогда въ Византіи императора. Всѣ подвластные Θεодору греки очень любили его за его доброту, справедливость и набожность.

Жена Θεодора была италіанка, родомъ изъ Кафы. Греки имѣли очень частыя сношенія съ Кафой; въ одно изъ своихъ посѣщеній этого города Θεодоръ увидѣлъ ее, когда она была еще очень молода и хороша на-диво; онъ полюбилъ ее, и, не смотря на различіе вѣроисповѣданій и на то, что она была дочерью простаго гражданина Кафы, попросилъ руки ея. Предложеніе Θεодора было принято отцемъ дѣвушки съ радостію: онъ надѣялся извлечь много выгодъ отъ брака своей дочери съ владѣтелемъ богатой Сугдаіи. Дѣвушка крестилась въ греческую вѣру, названа была при крещеніи Еленой, и сдѣлалась женою Θεодора.

На другой годъ женитбы Θεодора, къ нему, въ Сугдаію, пріѣхалъ изъ Византіи одинъ изъ дальнихъ его родственниковъ. Онъ просилъ у Θεодора убѣжища. Θεодоръ принялъ родственника ласково и помѣстилъ его въ своемъ домѣ, съ двумя малолѣтними мальчиками-близнецами, которые, при рожденіи своемъ, лишились матери. Но старикъ векорѣ умеръ, оставивъ дѣтей своихъ, Праклія и Константи́на (такъ звали мальчиковъ), на попеченіе Θεодора и жены его. Елена, не имѣя дѣтей, съ радостію заступила близнецамъ мѣсто матери: лелѣяла, берегла ихъ и привязалась къ нимъ нѣжно. Θεодоръ также любилъ мальчиковъ, но онъ горевалъ, что у него не было дѣтей отъ Елены. Когда близнецамъ минуло пять лѣтъ и Елена родила дочь, то радость родителей была неописана. Во имя святаго, въ день празднованія котораго дитя родилось и въ честь отца, его назвали Θεодорой. Имѣя двухъ сыновей и дочь Θεодоръ и жена его были вполнѣ счастливы и благодарили Бога за свое счастье.

Но счастиемъ этимъ имъ суждено было наслаждаться недолго. Выѣзжая изъ Сугдаіи, въ такомъ веселомъ поѣздѣ, окруженный

любимымъ семействомъ, Θеодоръ не ждалъ, какое горе постигнетъ его.

Солнце начинало уже закатываться за горы, когда они стали подниматься на Кастель-гору. Вдругъ, лошадь Елены споткнулась совершенно неожиданно; она упала и сильно расшибла голову объ острый камень. Елена хотя и была хорошая наѣздница и очень любила верховую ѣзду въ горахъ, но при этомъ неожиданномъ толчкѣ, она не могла усидѣть на лошади. Θеодоръ поднялъ жену свою, и безчувственную ее отнесли въ монастырь. Тутъ увидѣли, что ушибъ ея былъ опасенъ; рана была глубока, и благочестивые монахи тотчасъ же стали прикладывать ей разныя цѣлебныя травы, дѣлали все, что знали, молились, но все было напрасно: кровь сильно лилась изъ раны и Елена изнемогала. Чувствуя, что ей надо разстаться съ жизнью, она подозвала къ себѣ мужа, взяла его за руку и сказала: « Не плачь Θеодоръ! Богу угодно призвать меня къ себѣ, и я отхожу къ нему споконно. Я оставляю тебѣ дочь и двухъ сыновей: пусть они утѣшаютъ тебя. Не плачь! Я была счастлива съ тобою, очень счастлива... Ты полюбилъ и назвалъ меня, простую дѣвущку, своею женою, возвысилъ меня до царскаго сана. Я старалась всемъ возблагодарить тебя за любовь твою. Я любила тебя нѣжно; любила вѣру, которую приняла отъ тебя. Теперь, умирая въ этомъ святомъ мѣстѣ, я желаю, чтобы ты меня здѣсь и похоронилъ. Прошу тебя объ одномъ: въ память обо мнѣ укрась эту святую обитель всеми драгоценностями, которыя ты дарилъ мнѣ, и пусть святой отецъ Юаннъ будетъ наставникомъ дѣтей нашихъ. Онъ воспитаетъ ихъ въ страхѣ Божиемъ и въ святыхъ правилахъ апостольскихъ; ты занять дѣлами, у тебя нѣтъ времени слѣдить постоянно за воспитаніемъ дѣтей ».

Елена умогла, и, послѣ тихой молитвы, какъ бы вдохновенная, сказала снова:

— « Соотечественники мои не любятъ тебя, Θеодоръ! они намѣрены погубить тебя: не вѣрь дружбѣ ихъ. Укрѣпляй стѣны владѣній своихъ, не дай имъ разорить тѣ мѣста, гдѣ мы съ тобою были такъ счастливы. А когда ты будешь умирать, то повтори слова мои дѣтямъ нашимъ. Пусть они храбро защищаютъ земли, гдѣ жили родители ихъ, пусть лучше падутъ все мертвые,

по не отдаются живые въ руки враговъ! Хотя кафане и соотечественники мои, но я должна сказать, что они больше любятъ золото, нежели Бога, и я знаю, что если они побѣдятъ дѣтей нашихъ, то погубятъ ихъ.

Тутъ Елена благословила близнецовъ, которые плакали у ногъ ея; благословила дочь свою, плачавшую такъ же, потому-что плакали другіе; еще разъ взглянула на мужа, положила руки его на грудь свою, поцѣловала крестъ и отошла въ вѣчность.

Теодоръ, пораженный какъ громомъ, долго лежалъ на полу у смертнаго одра Елены, горько рыдалъ и молился, просилъ себѣ утѣшенія свыше, и ему показалось, что Елена упрекаетъ его въ слабости; онъ всталъ, поцѣловалъ въ послѣдній разъ блѣдное чело жены и пошелъ къ дѣтямъ.

На другой день, тѣло Елены, съ надлежащими почестями, опустили въ могилу, приготовленную посреди церкви монастырской.

Теодоръ былъ печаленъ, но спокоенъ. Послѣднія слова жены у него не выходили изъ памяти, и онъ думалъ только о томъ, чтобы свято выполнить ихъ. Первымъ дѣломъ его было исправить городскія стѣны, которыя мѣстами начали разрушаться.

Между тѣмъ, онъ собралъ все драгоцѣнности, принадлежавшія Еленѣ, и приказалъ украсить ими образа святыхъ въ церкви, гдѣ покоится прахъ ея. Онъ построилъ въ монастырѣ св. Прокла еще новыя жилища для отшельниковъ, и особую башню для своего помѣщенія, на время пріѣзда въ монастырь, а также отдѣльное помѣщеніе для дѣтей своихъ.

Старецъ Іоаннъ, настоятель монастыря св. Прокла, рано отсталъ отъ суеты міра, рано поступилъ въ монахи и былъ ревностнымъ поборникомъ жизни монастырской. Онъ бѣжалъ изъ роскошной и суетной Византіи, бѣжалъ отъ религіозныхъ споровъ ея и разврата, скрылся здѣсь, въ этой нагорной обители, устроилъ ее, населилъ монахами, подобно ему отказавшимися отъ міра навсегда и посвятившими себя на вѣчное служеніе Богу. Правила строгія предписалъ Іоаннъ братіи монастыря своего и никто не смѣлъ преступать ихъ: постоянное бдѣніе и постъ, непрерывная молитва и трудъ составляли вседневныя, ежечасныя занятія Іоанна и братіи.

Таковъ—то былъ наставникъ, которому отданы были молодые Пракій и Константинъ.

Но маленькая Θεοδoра скучала безъ своихъ братьевъ, такъ что Θεοδoръ рѣшился и ее помѣстить въ монастырь на Кастель—горѣ, подъ покровительство могилы ея матери и подъ руководство благочестиваго Иоанна. И когда малютку, вмѣстѣ съ одной изъ женщинъ—прислужницъ, находившейся при ней съ самаго ея рожденія, перевели въ монастырь, то она была очень счастлива, увидѣвъ себя снова между своими товарищами.

Θеοδoръ, между тѣмъ, дѣятельно трудился надъ укрѣпленіями Сугдай и другихъ крѣпостей въ своихъ владѣніяхъ. Онъ повсюду исправлялъ водопроводы, устраивалъ новые въ мѣстахъ, гдѣ ихъ не было прежде, и въ каждой крѣпости заготовлялъ съѣстные припасы. Въ крѣпости, находившейся на вершинѣ горы, называемой теперь «Демерджи», которая всегда служила для обладателей этой части южнаго берега важнымъ наблюдательнымъ пунктомъ, онъ построилъ высокую сторожевую башню.

Близнецы, усыновленные Θεοδoромъ, подростали, и сходство между ними, съ годами, становилось еще болѣе разительнымъ, тогда какъ характеры ихъ были совершенно противоположны. Пракій, старшій двумя часами, былъ нрава неласковаго и строптиваго, дичился всѣхъ и не любилъ ни съ кѣмъ говорить; только улыбка маленькой Θεοдoры могла иногда развеселить его; не любилъ учиться, сердился, когда его заставляли читать; не любилъ и не слушался своего наставника. При первомъ удобномъ случаѣ, онъ убѣгалъ изъ монастыря, спускался въ лѣсъ и проводилъ тамъ иногда цѣлые дни, пока голодъ не заставлялъ его возвратиться. Съ возрастомъ, эта угрюмость характера, эта неукротимость нрава увеличивались еще болѣе. Онъ становился гордъ, съ презрѣніемъ глядѣлъ на всѣхъ и даже не любилъ отвѣчать на дѣлаемые ему вопросы.

Когда прошла пора развитія, Пракій сталъ высокимъ, стройнымъ юношей, ловкимъ и сильнымъ. Умѣя смѣло управлять конемъ, онъ спускался въ раскинутое у подошвы Кастель—горы селеніе, бралъ лошадь, садился и скакалъ по горамъ до—тѣхъ—поръ, пока лошадь не падала подъ нимъ отъ усталости. Одну только Θεοдoру любилъ онъ и для нея одной готовъ былъ сдѣ-

латъ все. Брата своего, Константина, Праклій не любилъ совѣтъ; можетъ быть за то, что тотъ былъ совершенно другихъ наклонностей. Константинъ былъ кротокъ, скромнень и пріятливъ со всѣми; постоянно находился при своемъ наставникѣ, прилежно учился, никогда не покидалъ Θεодору, и безъ нея и безъ Іоанна никогда не выходилъ изъ монастыря. Когда Θεодоръ минуло восемь лѣтъ, онъ самъ началъ учить ее читать; и часто, въ то время, какъ буйный Праклій уходилъ въ лѣсъ, Константинъ садился гдѣ-нибудь у обрыва, и держа на колѣнахъ маленькую Θεодору, читалъ ей велухъ Евангеліе и другія священныя книги.

Въ шестнадцать лѣтъ, Праклій считался первымъ наѣздникомъ и лучшимъ охотникомъ во всѣхъ владѣніяхъ Θεодора; не было дикаго коня въ богатыхъ табунахъ отца его, который не смирился бы предъ буйною волею юноши; ни одинъ олень, ни одна серна не уходили на охотѣ отъ его мѣткой стрѣлы. Онъ часто объѣзжалъ съ Θεодоромъ укрѣпленія, внимательно вслушивался въ его распоряженія и приказанія: замѣтно было, что въ юношѣ сильно развивалось желаніе властвовать. Онъ любилъ притомъ всегда одѣваться роскошно. Но, при всей красотѣ своей и ловкости, Праклій не былъ любимъ никѣмъ изъ Сугдайскихъ грековъ, потому что со всѣми онъ бывалъ суровъ и даже жестокъ: онъ смѣялся, когда замѣчалъ слезы на глазахъ другихъ.

Когда Θεодоръ минуло четырнадцать лѣтъ, уже замѣтно было, что она будетъ чудною красавицею; нагорный воздухъ развилъ прекрасно дѣвушку, и лицо ея, сохранивъ нѣжныя черты матери, принимало строгое выраженіе отца. Она становилась очень умною и разсудительною; а уроки и наставленія благочестиваго старца Іоанна сдѣлали ее ревностною христіанкою и очень набожною.

Когда Θεодора бывала въ Сугдаи, она всегда присутствовала въ бесѣдахъ отца съ митрополитомъ и другими старѣйшинами; объѣзжала съ отцомъ владѣнія его, выслушивала каждаго, кто приходилъ къ ней съ просьбою, ласково и всегда помогала, какъ только могла: каждый день приходили къ ней бѣдные и всѣмъ она испрашивала пособія у отца своего. Никто не уходилъ отъ Θεодору, не возсылая къ небу теплыхъ молитвъ объ ея счастіи. Еще ребенкомъ, всѣ произносили имя ея съ благоговѣ-

нѣмъ, а съ возрастомъ, это благоговѣнїе къ ней въ сердцахъ народа увеличилось еще болѣе.

Она избѣгала всякихъ шумныхъ празднествъ народныхъ, и никогда отцу ея не удавалось уговорить ее присутствовать при этихъ увеселенїяхъ. Бесѣды съ людьми умными и благочестивыми, молитва, чтенїе св. писанїя и творенїй св. отцовъ церкви, вотъ въ чемъ Θεодора проводила обыкновенно свое время; отъ того-то, главною, господствующею чертою характера ея сдѣлалась строгая религіозность. Однажды ей привезли изъ Иерусалима священный крестъ, изъ кедроваго дерева. Крестъ этотъ Θεодора положила сначала на могилу матери своей, память которой она всегда чтила свято и всегда молилась у ея могилы; но въ-послѣдствїи, Θεодора никогда не разставалась съ этимъ крестомъ.

Θеодора нѣжно любила и была привязана къ Константину; она скучала, когда разставалась съ нимъ на нѣсколько часовъ. Она любила также и Праклія и часто соглашалась ѣхать съ нимъ верхомъ на охоту.

Праклію бывалъ, въ такомъ случаѣ, очень доволенъ, придавалъ какъ можно болѣе пышности своей охотѣ, собиралъ много ловкихъ молодыхъ людей, богато одѣтыхъ, на красивыхъ скакунахъ, и старался выказать ловкость свою на конѣ, всю мѣткость стрѣлы своей. И когда замѣчалъ, что охота его занимала Θεодору, и что она пускалась вмѣстѣ съ нимъ въ догоню за дикой козой или оленемъ, то это его очень радовало.

Кромѣ того, Праклію устраивалъ часто игры, гдѣ молодые люди одинъ передъ другимъ старались выказать свое искусство въ верховой ѣздѣ, бѣганїи, борьбѣ, метанїи стрѣлъ и разныхъ другихъ упражненїяхъ.

Константинь участвовалъ почти всегда въ этихъ воинскихъ играхъ и охотѣ, устраиваемыхъ братомъ; но забавы такого рода не доставляли ему удовольствїя. Онъ принималъ въ нихъ участїе только потому, чтобы не отстать отъ другихъ и чтобы сдѣлаться искуснымъ воиномъ, что было, въ то время, необходимо для каждаго молодаго человѣка.

И Θεодора не отставала отъ своихъ братьевъ въ воинскихъ

упражненіяхъ; она выучилась превосходно владѣть мечемъ, смѣло управляла конемъ и стрѣляла очень мѣтко изъ лука.

Θеодоръ глядѣлъ съ удовольствіемъ на всѣ эти воинственныя забавы дѣтей своихъ. Онъ присутствовалъ при ихъ играхъ, и отличившимся дарилъ красивыхъ статныхъ коней изъ табуновъ своихъ.

Но, при всей дѣятельной жизни своей, при постоянныхъ трудахъ и заботахъ о пользѣ народа своего, при всемъ желаніи разсѣяться, тоска по женѣ снѣдала Θеодора; ему не было еще и пятидесяти лѣтъ, когда здоровье его, день-ото-дня, становилось слабѣе. Онъ скрывалъ свои страданія отъ дѣтей, и только за три дня до своей кончины слегъ въ постель.

Чувствуя приближеніе смерти, онъ позвалъ къ себѣ дѣтей, митрополита, старѣйшинъ народныхъ и военачальниковъ, и, передавая имъ послѣднія слова Елены, онъ прибавилъ:

«Умирая, я хотѣлъ бы знать, одобрите ли вы мой выборъ въ назначеніи себѣ наслѣдника, а вамъ правителя. Если я увижу радость на лицахъ вашихъ, если вы будете довольны моимъ выборомъ, тогда я умру спокойно. Праклій и Константинъ, я надѣюсь, также будутъ довольны, когда узнаютъ мою послѣднюю волю. Я желаю, чтобы послѣ меня наслѣдницею Сугдаи и всѣхъ подчиненныхъ ей владѣній была дочь моя, Θеодора. Я уже писалъ объ этомъ въ Византію и получилъ согласіе Императора.»

Всѣ присутствовавшіе выслушали съ радостію слова Θеодора, потому что всѣ любили молодую дочь его, цѣнили и уважали ея свѣтлый умъ и прекрасную душу. Одинъ Праклій поблѣднѣлъ смертельно, и, схвативъ за руку брата, стояшаго подлѣ него, жжалъ ее такъ, что тотъ едва не вскрикнулъ отъ боли. Никто не замѣтилъ этого: всѣ глядѣли на умирающаго, всѣ слушали слова его; а Θеодора, на колѣнахъ, у изголовья отца, молилась, закрывъ лицо руками.

Θеодоръ, послѣ нѣсколькихъ минутъ отдохновенія, обратился къ дочери, и сказалъ: «Благословляю тебя, дочь моя, на тяжелый и славный трудъ! Будь защитницею своихъ соотечественниковъ, всегда будь ихъ другомъ, ихъ сестрою, ихъ нѣжною и заботливою матерью. Не забывай словъ матери

и моихъ также: лучше погибни, но не отдайся живая въ руки враговъ, кто бы они ни были, и съ какой бы стороны ни пришли. Рукою своею располагай, какъ уважаетъ тебѣ сердце.

«Я знаю, я увѣренъ, что поступки дочери моеи будутъ всегда радовать меня тамъ, куда я отхожу и откуда мы вмѣстѣ съ матерью твоею будемъ благословлять тебя, Θεοδора! Совѣтниками твоими останутся достойный митрополитъ нашъ и твой наставникъ, отецъ Ιοαννῆς. А вы, дѣти—прибавилъ Θεοδоръ, обращаясь къ близнецамъ,—васъ любилъ я, какъ родныхъ сыновей своихъ; вы были всегда дѣтьми сердца моего; считайте владѣнія мои своими собственными; будьте помощниками сестры своей, Θεοδορυ, въ ея трудахъ; будьте защитниками ея въ битвахъ; облегчайте ей путь, по которому ей предназначено идти. Клянитесь мнѣ, никогда не покидать мѣстъ этихъ, клянитесь никогда не покидать Θεοδορυ.»

—«Я клянусь», вскричалъ Κονσταντῖνῆς, бросаясь на колѣна передъ умирающимъ, «не покидать ни на день Θεοδορυ; клянусь умереть въ землѣ этой; клянусь защищать Θεοδору, пока во мнѣ останется хотя одна капля крови.»

«Благодарю тебя, сынъ мой! я вѣрю клятвѣ твоей: ты ее даешь отъ чистаго сердца и исполнишь свято. А ты Ιρακλῖη, клянешься и ты?»

— «Клянусь», отвѣчалъ глухимъ голосомъ Ιρακλῖη.

Онъ клялся дѣйствительно; но въ душѣ онъ поклялся овладѣть Θεοδоруою и захватить власть надъ ея владѣнiями. Онъ почти былъ увѣренъ, что Θεοδоръ, послѣ смерти, правленiе надъ народомъ своимъ передастъ непременно ему, потому что брата своего, Κονσταντῖνῆς, онъ считалъ на то неспособнымъ, а къ Θεοдорѣ, думалъ онъ, власть не можетъ перейти, какъ къ женщинѣ.

Θεοδоръ взглянулъ ему въ лицо, и, казалось, угадалъ замыслы молодаго человѣка. Но это его не обезпokoило: мужественный характеръ Ιρακλῖη, его храбрость нравились Θεοдору, и онъ подумалъ, что если дочь его изберетъ его мужемъ своимъ, то поступитъ благоразумно, хотя душа влекла его болѣе къ кроткому Κονσταντῖνῆς.

Θεοδоръ сталъ молиться. Онъ молился о счастii дочери, о

благѣ своего народа. Всѣ присутствовавшіе, видя его погруженнаго въ молитву, удалились; при немъ остался одинъ Іоаннь.

На другой день Θεодоръ умеръ, и тѣло его перенесено было въ монастырь св. Прокла, гдѣ и похоронено рядомъ съ тѣломъ жены его.

Θеодора проводила отца въ могилу съ молитвою, но безъ слезъ: наставникъ внушилъ ей съ дѣтства, что тосковать, плакать по умершимъ—грѣхъ. Онъ говорилъ ей, что жизнь наша земная только приготовленіе къ жизни вѣчной за гробомъ, жизни блаженной. Читая съ нею описанія жизни мучениковъ первыхъ вѣковъ христіанства, такъ ревностно, такъ свято погибавшихъ за святую вѣру, Іоаннь всегда ставилъ ихъ въ примѣръ Θεодорѣ, и говорилъ, что одна молитва и жизнь дѣятельная путь, по которому можно достигнуть блаженства вѣчнаго. И Θεодора вѣрила свято словамъ учителя своего, и готовно слѣдовала урокамъ старца.

II.

Θеодорѣ было ровно шестнадцать лѣтъ, когда она лишилась отца и сдѣлалась владѣтельницею богатаго города Сугдаи, со всеми зависѣвшими отъ него селеніями и крѣпостями.

При жизни отца, она большую часть своего времени проводила въ монастырѣ, хотя иногда и пріѣзжала къ нему въ Сугдаю и оставалась по нѣскольку дней въ богатомъ домѣ княжескомъ, роскошно убранномъ персидскими и индійскими тканями. Но со смертію отца, Θεодора приказала снять все эти лишнія, по ея мнѣнію, украшенія, и оставить только необходимое.

Въ огромномъ домѣ своемъ она помѣстила сиротъ, а для себя оставила одну комнату, отдѣланную просто, безъ всякихъ украшеній. Мраморный полъ этой комнаты былъ покрытъ кожами дикихъ звѣрей, привозимыми въ Сугдаю русскими купцами; въ одномъ углу комнаты, около камина, разостланъ былъ дорогой мѣхъ, на которомъ спала Θεодора, когда пріѣзжала въ Сугдаю; подъ голову ей приносили всегда лѣтомъ—свѣжей ароматной травы, а зимою—сухихъ листьевъ. На стѣнѣ, возлѣ постели, висѣлъ мечъ отца ея и стояли образъ, въ богатой оправѣ.

Лишая себя, изъ строгихъ понятій своихъ о жизни, тѣхъ удобствъ, какими она могла пользоваться въ своемъ положеніи, Θεοδора не хотѣла однако, чтобы братья ея чувствовали въ чемъ—либо лишеніе, послѣ смерти Θεοдора, и потому покои ихъ оставались въ томъ же видѣ, какъ были прежде.

Θεοдора пріѣзжала въ Сугдаію только тогда, когда дѣла требовали ея присутствія; но постояннымъ и любимымъ мѣстопробываніемъ ея былъ монастырь св. Прокла, на Кастель-горѣ. Здѣсь, въ выстроенной отцемъ ея башнѣ, она занимала верхнюю комнату, изъ оконъ которой открывался чудный видъ на море и на окрестныя горы. Въ нижнемъ отдѣленіи этой башни, стоявшей неподалеку отъ монастырской церкви, хранилось оружіе. Эта комната также отличалась своимъ строгимъ и скромнымъ убранствомъ. Полъ ея покрытъ былъ леопардомъ и другими кожами, на стѣнѣ развѣшены были луки со стрѣлами, кривая татарская сабля и другія оружія; здѣсь же стояли два образа, Спасителя и Божіей Матери, украшенные драгоценными каменьями. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ комнаты были сдѣланы ниши, въ которыхъ Θεοдора хранила священныя книги и рукописи: Евангеліе, псалтирь, жизнеописанія святыхъ и многія другія творенія славныхъ отцовъ церкви. Послѣ смерти отца, Θεοдора занялась очень дѣятельно укрѣпленіемъ своего любимаго монастыря и сдѣлала изъ него неприступную крѣпость.

При прежнихъ правителяхъ, находившееся подъ горою селеніе окружено было стѣною, съ нѣсколькими сторожевыми башнями. Начинаясь у самой подошвы Кастель-горы, съ западной стороны, стѣна шла то опускаясь въ овраги, то поднимаясь на гору, до крѣпости, стоявшей на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь деревня Алушта; въ этой крѣпости была небольшая церковь. Отъ укрѣпленія, на востокъ, стѣна направлялась къ самому морскому берегу, гдѣ, неподалеку отъ рѣчки, которая и теперь около Алушты изливается въ море, находились ворота; воротами этими входили въ селеніе, очень обширное, въ которомъ дома были разбросаны между садами и холмами. Чрезъ все селеніе протекали три рѣчки, по которымъ разведены были богатые фруктовые сады, а у быстрого ручья, протекавшаго подъ самую Кастель-горой, находился садъ, принадлежавшій монасты-

рю и воздѣлываемый монахами. Въ селеніи было нѣсколько церквей. На берегу рѣки, которую татары называютъ теперь Птичьей рѣчкой, была церковь, во имя св. Космы и Демьяна, а далѣе, поближе къ крѣпости, надъ моремъ, стоялъ большой монастырь Петра и Павла, развалины котораго татары показываютъ и понынѣ. Монастырь этотъ зависѣлъ отъ настоятеля монастыря св. Прокла.

Такимъ образомъ, монастырь св. Прокла на Кастель-горѣ и селеніе составляли одно, очень обширное укрѣпленіе. Но Феодора отдѣлила монастырь отъ селенія особенною стѣною, которая огибала всю гору, и съ двухъ сторонъ спускалась къ морю; и такъ какъ Кастель-гора, съ восточной стороны, идетъ къ морю уступами, то по уступамъ этимъ разставлены были высокія башни, въ которыхъ помѣщались воины, а на скалѣ, висѣвшей надъ моремъ, съ западной стороны, возвышалась башня, съ которой наблюдали за мимоидущими кораблями.

Феодора приказала срыть эту башню, и велѣла вплоть до самаго берега раскидать и набросать въ море огромные камни, такъ что, послѣ этого, пристать къ крѣпости кораблямъ не было никакой возможности; а съ восточной стороны горы, на обрывистой скалѣ, Феодора построила новую башню, откуда можно было обзрѣвать берегъ морской со всѣхъ сторонъ.

До Феодоры монахи брали воду изъ небольшого источника, находившагося подъ Кастель-горою, съ западной стороны, почти у самой подошвы ея. Но воды этой было бы очень недостаточно, въ случаѣ нападенія на монастырь, и потому Феодора устроила огромное водохранилище, въ которое, посредствомъ трубъ, провела воду изъ большаго источника, находящагося и теперь подъ самой вершиной Яйлы. Здѣсь также стоялъ монастырь съ небольшимъ укрѣпленіемъ и было селеніе, въ которомъ жили исключительно пастухи, пасшіе большія стада овецъ и табуны лошадей, принадлежавшихъ Феодорѣ. Жители селенія были вмѣстѣ и стражами устроеннаго здѣсь огромнаго резервуара.

Въ одной изъ башенъ Феодора велѣла вырыть глубокой колодезь и провести изъ него подземный ходъ къ самому морю. Колодезь этотъ закрывался желѣзною дверью. У выхода, на берегу моря, скрыта была между камнями довольно большая лодка, такъ

что, въ случаѣ нападенія непріятели и отнятія крѣпости, этимъ ходомъ можно было выйти изъ крѣпости къ морскому берегу, вытантить лодку изъ камней и уплыть въ море.

Съ восточной стороны къ селенію, въ монастырской стѣнѣ, находились большіе, обитые желѣзомъ ворота, по обѣимъ сторонамъ которыхъ стояли двѣ сторожевыя башни.

Укрѣпивъ, такимъ образомъ, любимый монастырь свой, Теодора занялась работами по укрѣпленію прочихъ селеній и крѣпостей въ своихъ владѣніяхъ, которыя не успѣлъ окончить отецъ ея. Осматривала ихъ всѣ еженедѣльно и за ходомъ работъ всегда наблюдала сама. Она успѣвала быть вездѣ; всюду останавливалась, говорила съ народомъ, совѣтовалась со стариками, ласкала дѣтей, была привѣтлива съ женщинами; каждый бѣдный, каждый несчастный находилъ у ней покровительство и защиту: при монастырѣ или церкви, во всякомъ селеніи, были устроены ею особыя помѣщенія для бѣдныхъ и для сиротъ.

Главная дѣятельность Теодоры сосредоточивалась въ Сугдаѣ. Совѣтникомъ ея во всѣхъ дѣлахъ былъ строгій Іоаннъ; онъ хотя и не покидалъ никогда монастыря своего, но Теодора ничего не предпринимала безъ его совѣта. Всегдашнимъ же помощникомъ Теодоры и постояннымъ спутникомъ ея былъ Константинъ. Опъ стоялъ передъ нею, когда она засѣдала въ совѣтѣ между старѣйшинами, передавалъ ея приказанія старшимъ воинамъ и начальникамъ селеній и крѣпостей; когда она выѣзжала верхомъ, онъ подавалъ ей лошадь, держалъ ей стремя; словомъ, былъ ея хранителемъ, ея помощникомъ, ея преданнымъ слугою.

Иракліи бывалъ иногда также съ Теодорой и съ братомъ; но большую часть своего времени онъ проводилъ на охотѣ, или въ воинскихъ упражненіяхъ съ молодыми людьми. Если онъ и предлагалъ иногда Теодорѣ помощь свою въ дѣлахъ управленія, то при всякомъ подобномъ случаѣ дѣйствовалъ самовольно, жестоко обращался съ народомъ, стараясь выказать власть свою надъ нимъ. Замѣтивъ это, Теодора избѣгала случаевъ возлагать на него какія-либо обязанности по управленію народомъ.

Иракліи угадывалъ это, и считая, что Теодора дѣйствуетъ такимъ образомъ по совѣту своего наставника, ждалъ только

смерти Иоанна, чтобы сдѣлаться независимымъ правителемъ владѣній сугдайскихъ.

Между тѣмъ, молодая правительница Сугдаи приобрѣтала всеобщее уваженіе и любовь. И дѣйствительно, кто видѣлъ ее однажды, не могъ не полюбить ее; кто слышалъ, не могъ не удивляться ей. Рѣдкая, строгая красота ея, привлекла къ ней сердца всѣхъ и внушала какое-то благоговѣніе.

Теодора была высока ростомъ, и съ дѣтства стрѣляя изъ лука и владѣя оружіемъ, она приобрѣла ловкость и силу, необыкновенныя въ женщины. Тѣлосложенія она была крѣпкаго и здороваго, но при этомъ стройна и гибка на-диво: всѣ движенія ея были необыкновенно свободны и привлекательны. Лицо продолговатое, блѣдное, кожа тонкая, прозрачная и нѣжная, какъ у ребенка, глаза большіе, совершенно черныя, окаймленные длинными рѣсницами и взоръ постоянно опущенный придавали Теодорѣ выраженіе кротости и смиренія; но когда она, изрѣдка, въ разговорахъ, поднимала глаза, тогда въ ея глубокомъ и свѣтломъ взглядѣ видѣлась вся сила характера, вся нѣжность души ея; трудно было остаться равнодушнымъ при этомъ взглядѣ: кто видѣлъ его разъ, не забывалъ никогда. Ротъ ея былъ малъ, губы очень тонки, немного блѣдныя, и никогда улыбка не сіяла на ея чудномъ лицѣ, всегда задумчивомъ, всегда печальномъ. Руки ея были не малы, очень худы, но правильны и отличали силу физическую; зато нога ея была необыкновенно мала и изящна. Голосъ ея былъ тихъ и мягокъ; но когда она говорила о Богѣ, когда судила о дѣлахъ, то въ голосѣ этомъ было столько строгости и вмѣстѣ кротости, что тѣ, къ кому обращалась она, слушали ее съ невольнымъ страхомъ и увлеченіемъ. Волосы ея, черныя, мягкіе, какъ шелкъ, завивавшіеся въ кудри на концахъ, были такъ длинны, что покрывали ее всю, какъ мантией; никогда не набрасывала она на свои дивныя волосы покрывала, даже когда бывала на конѣ, они развѣвалились по волѣ вѣтра.

Лѣтомъ и зимою Теодора носила длинную шерстяную одежду чернаго цвѣта, покроемъ походившую на монашескую рясу. На груди этой одежды нашитъ былъ изъ серебряной тесьмы крестъ, но и эта скромная одежда, при всемъ желаніи Теодоры, не могла скрыть ея гибкаго стана.

III.

Сколько извѣстно, татары, завладѣвъ Крымомъ, не селились въ началѣ на южномъ берегу и не старались отнимать этой нагорной части полуострова у грековъ; по тому ли, что имъ, дѣтямъ стеней, нравились горы, или по тому, что греки, цѣлью укрѣпленій своихъ, систематически расположенныхъ по горамъ, не давали имъ возможности нападать на владѣнія свои. Греки, какъ видно, не очень боялись ихъ; хотя, для большей безопасности и снокоиствiя, платили имъ извѣстную дань. Между тѣмъ, они бывали въ довольно частыхъ сношенiяхъ съ татарами, особенно по дѣламъ торговымъ. Многiе изъ бѣдныхъ татаръ приходили въ Сугдаю и въ прочiя греческiя селенiя, а нѣкоторые изъ нихъ селились даже между греками.

Вотъ почему молва о красотѣ Θеодоры достигла до татарскаго хана. Онъ захотѣлъ видѣть молодую Сугдайскую княгиню, о которой такъ много говорили, и послалъ къ ней посла своего просить позволенiя поохотиться за оленями въ ея владѣнiяхъ, подъ горою Чатырдагомъ, на вершинѣ которой у Θеодоры было построено также сторожевое укрѣпленiе. При этомъ, посланный просилъ, чтобы Θеодора позволила хану прiѣхать поглядѣть на нее. Посовѣтовавшись съ отцомъ Иоанномъ, Θеодора согласилась на просьбу хана, и назначила день, въ который общала выѣхать сама на встрѣчу своему гостю и принять его.

За нѣсколько дней до предстоящей охоты, Θеодора, возвратившись поутру изъ Сугдаи, цѣлый день провела въ бесѣдѣ съ Иоанномъ, и, послѣ вечерней молитвы, вышла изъ монастыря, для прогулки. Спустившись по лѣстницѣ, изсѣченной въ скалѣ, къ обрыву, на которомъ стояла церковь монастырская, она сѣла на большой камень у самаго обрыва.

Солнце закатывалось за Яйлу и своими лучами золотило ея вершины. Предъ глазами Θеодоры широко разстилалось море, тихое и гладкое, какъ зеркало; оно мѣрно плескалось о скалы и плескъ его едва доходилъ до ея слуха. Вдали, прямо передъ нею, тянулась цѣпь сугдайскихъ горъ; слабо освѣщенная свѣтомъ заходящаго солнца, она отливалась всеми цвѣтами радуги на темномъ голубомъ небѣ; налѣво ясно рисовалась Демерджиц-

ская гора съ ея удивительною формою, какъ бы филигранной работы, и съ построенными на ней укрѣпленіями. Все было тихо вокругъ Θεодоры. Въ селеніи, и въ монастырѣ, казалось, послѣ дня, проведеннаго въ трудахъ, все предалось отдохновенію. Между зеленью садовъ, кое-гдѣ блестѣли куполы Алустанскихъ церквей и пестрѣли домики; съ горъ спускались стада; на берегу морскомъ, близъ селенія, играли дѣти, бросая камешки въ море, но лепетъ ихъ не доходилъ до Θεодоры. Она сидѣла на камнѣ и задумчиво глядѣла на эту дивную, раскинувшуюся передъ нею картину.

Константинъ, остававшійся долго въ селеніи по дѣламъ, возвращался въ это время въ монастырь по крутой обрывистой тропинкѣ, проложенной между скаль. Онъ медленно поднимался на гору, останавливался по временамъ и разсѣянно глядѣлъ вокругъ себя. Онъ былъ очень задумчивъ, и не замѣчалъ ни этой очаровательной тишины нѣжнаго вечера, ни этого далеко раскинушагося безбрежнаго моря; вся эта чудная природа южнаго берега, которую онъ такъ любилъ обыкновенно, не занимала его въ настоящую минуту. Прислонившись къ дереву, онъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ вдаль безотчетно. Вдругъ, у берега, между камней онъ замѣтилъ Θεодору: сердце его сильно забилось. Онъ хотѣлъ подойти къ ней и уже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, но остановился; опершись о большой камень, онъ стоялъ неподвижно и глядѣлъ на нее.

Въ своей черной одеждѣ, съ распущенными волосами и глазами, устремленными вдаль, на обрывѣ скалы, при свѣтѣ заходящаго солнца, Θεодора была очаровательно-прекрасна. Константинъ долго любовался ею. Прекрасное лицо молодаго человѣка, кроткое и мужественное, выражало попеременно то нѣжность матери, то восторгъ любовника, то благоговѣніе, то униженіе.

Константинъ любилъ Θεодору съ дѣтства; съ лѣтами любовь эта увеличивалась и становилась все болѣе и болѣе пылкою. Едва онъ началъ понимать себя, онъ почувствовалъ, какъ сильна его привязанность къ ней, и угадалъ, что эта привязанность не братская. Константинъ ужаснулся этого чувства. Θεодора развивалась на его глазахъ; онъ хорошо зналъ все изгибы ея дивно-высокой души, зналъ строгость правилъ ея, восторженную

набожность и непреклонный характер, и потому, онъ не могъ не полюбить ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшился этой любви.

При всей кротости своей, Константинъ былъ также сильнаго и твердаго характера: великодушный, терпѣливый, снисходительный къ другимъ, онъ былъ строгъ къ самому себѣ, и умѣлъ владѣть собою. Жизнь монастырская и уроки старца Иоанна научили его смиренію, и онъ былъ также строго религіозенъ, какъ и сама Теодора. Но онъ любилъ жизнь и радости ея: онъ вѣрилъ въ счастье на землѣ. Любовь къ Теодорѣ была его радостію, его благомъ, его желаніемъ. Но зная образъ мыслей ея, онъ страшился обнаружить предъ нею любовь свою; онъ думалъ, что тогда она удалитъ его отъ себя. А жизнь вдали отъ Теодоры для него не была жизнію. Видѣть ее постоянно, слышать ея часто исполненную вдохновенія рѣчь, беречь жизнь ея, помогать ей въ трудахъ, для него была блаженствомъ. Онъ боялся признаться самому себѣ, что желаетъ болѣе. Онъ безпрестанно боролся съ волновавшимъ его чувствомъ, безпрестанно остерегался, чтобъ не высказать его предъ нею.

Въ этотъ вечеръ Константинъ долго любовался Теодорой издали и рѣшился наконецъ подойти къ ней. Онъ приблизился тихо и сѣлъ подлѣ нея на камнѣ.

— Сестра! ты назвала меня своимъ совѣтникомъ. Но я могу только просить тебя, сказать онъ, послѣ нѣкотораго молчанія. Прости меня и выслушай. Ты была такъ милостива, что согласилась выѣхать на встрѣчу и видѣться съ татарскимъ ханомъ; достоинъ ли онъ этого? Пусть онъ охотится въ лѣсахъ нашихъ, сколько ему угодно; но пусть онъ не видитъ тебя, сестра! подъ предлогомъ болѣзни, ты можешь не ѣхать сама на охоту, а Пракліи приметь хана вмѣсто тебя.

— Я могу этимъ оскорбить хана; а ты знаешь, что мы должны жить въ дружбѣ съ татарами. Ханъ почтетъ отказъ мой за неприязнь, сдѣлается врагомъ нашимъ, а Кафяне этимъ воспользуются и могутъ принести намъ много вреда. Къ тому-же съ нами будутъ войны, ханъ въ нашихъ владѣніяхъ, чего же опасаться?

— Я никогда не осмѣлился бы сказать тебѣ этого, Теодора; но, назвавъ меня совѣтникомъ своимъ, ты сама заставила меня

высказать, что я думаю; не гнѣвайся на меня, сестра! Ты такъ прекрасна; ханъ увидитъ тебя, полюбитъ и захочетъ, чтобы ты стала его женою. Онъ вооружится противъ насъ; ему помогутъ генуэзцы и...

— Замолчи, братъ, не грѣши болѣе! строго сказала Θεодора: Я христіанка! Допуститъ ли Господь, чтобъ невѣрный осмѣлился поднять дерзкій взглядъ на меня? Хану мы нужны; онъ не въ ладахъ съ генуэзцами; я это знаю, и соглашаюсь на выполнение его желанія по совѣту отца Іоанна. Ты клялся отцу моему всегда защищать меня, и ты свято выполняешь свою клятву, я это вижу, прибавила ласково Θεодора,—но въ настоящемъ случаѣ, опасенія твои напрасны, братъ!» Отъ того-то ты и казался такъ недовольнымъ въ то время, когда я принимала посла ханскаго. Но будь спокоенъ; съ нами Господь! Изгони изъ сердца своего опасенія, братъ мой! — Говоря это, Θεодора взяла его руку. Константинъ задрожалъ, смутился и опустилъ голову.

— Что съ тобою, братъ мой, продолжала Θεодора ласково: почему ты смутился такъ? что волнуетъ душу твою?

— Прости меня, Θεодора, прости! сказалъ Константинъ, умоляющимъ голосомъ: забудь слова мои; я не боюсь хана, я буду защищать тебя, если онъ станетъ осаждать насъ; прости все, о чемъ говорилъ я тебѣ, забудь все! ты знаешь безграничную преданность мою къ тебѣ: все пугаетъ меня. Но Господь надъ нами: да будетъ Его святая воля.

— Господь да наставитъ тебя и успокоитъ душу твою, братъ мой! сказала Θεодора, вставая: солнце сѣло уже, пойдемъ къ отцу Іоанну.

Когда Константинъ возвратился къ себѣ, онъ бросился на колѣна и горячо молился. Много силы, много твердости и воли нужно было его пылкой душѣ, чтобы не измѣнить себѣ; жизнь его была постоянною борьбою съ самимъ собою. Онъ долженъ былъ скрывать чувства свои не отъ одной только Θεодоры: онъ боялся еще болѣе, чтобъ Ираклію не замѣтилъ любви его къ ней. Различіе характеровъ и наклонностей поселило между братьями какою-то холодность. Константинъ, хотя и любилъ брата, но онъ какъ-то невольно опасался его, скрывалъ отъ него свои мы-

ели и чувства. Душа его что-то предчувствовала, и онъ всегда беспокоился, когда Теодора оставалась съ Иракліемъ одна. Съ своей стороны, Иракліи, угадывая нравственное превосходство надъ собою брата, предпочтеніе, оказываемое ему Теодорой, не любилъ вовсе Константина и завидовалъ ему; онъ пріѣзжалъ рѣдко на Капель-гору, затѣмъ, чтобы не встрѣчаться съ братомъ; онъ жилъ постоянно въ Сугдаїѣ и предавался тамъ всевозможнымъ увеселеніемъ.

Дивная красота Теодоры очаровала и Ираклія, и онъ любилъ ее, но любилъ по-своему: онъ хотѣлъ обладать ею, и съ нею захватить въ свои руки власть надъ народомъ. Властолюбіе было господствующею страстію въ этомъ человѣкѣ, и, при всемъ стараніи скрывать его до времени, оно проглядывало иногда въ его рѣчахъ и поступкахъ.

IV.

Наступилъ день, въ который ханъ долженъ былъ пріѣхать на охоту во владѣнія Теодоры; она хотѣла принять его хорошо и приказала приготовить шатры, убранные дорогими персидскими тканями и устланные богатыми коврами.

Съ большою пышностію выѣхала она на встрѣчу хану, въ сопровожденіи обоихъ братьевъ; подъ нею была прекрасная бѣлая кобылица, ея любимая лошадь; Иракліи и Константинъ ѣхали на дорогихъ бѣгунахъ гореской породы, въ полномъ вооруженіи и въ богатыхъ и пышныхъ одеждахъ; а Теодора выѣхала въ своей обыкновенной одеждѣ съ распущенными волосами и съ крестомъ въ рукѣ, только безъ оружія.

За ними слѣдовало нѣсколько молодыхъ людей и дѣвушекъ, богато одѣтыхъ; потомъ вооруженные воины, пѣшіе и конные, заключали поѣздъ.

Черезъ нѣсколько часовъ они прибыли къ мѣсту, гдѣ должна была происходить охота. Здѣсь Теодору встрѣтили воины ея, которые жили въ укрѣпленіи, устроенномъ на Чатырдагѣ. Она приказала разбить шатры, и въ ожиданіи прибытія хана, удалилась въ одинъ изъ нихъ, приготовленный для нея. Константинъ снялъ оружіе и легъ подъ тѣнью дерева, чтобы отдох-

нуть немного, а Ираклий, не знавший усталости, съ лукомъ и стрѣлами пошелъ бродить по лѣсу.

Онъ уже давно обдумывалъ планъ, какъ приступить къ Теодорѣ и просить руки ея; но ему всегда мѣшалъ Константинъ, сопровождавшій ее повсюду. Онъ угадывалъ, что братъ также любить Теодору, и потому въ его присутствіи не рѣшался говорить съ нею о любви своей; а между тѣмъ боялся, чтобы Константинъ не предупредилъ его.

Утомившись, Ираклий сѣлъ подлѣ ручья, прислонился къ дереву и сталъ мечтать о томъ, какъ онъ будетъ мужемъ красавицы Теодоры и сдѣлается владѣтелемъ богатой Сугдаи. Легкій шелестъ между деревьями вывелъ его изъ задумчивости. Онъ натянулъ лукъ, полагая, что это дикая коза и стоялъ наготовѣ. Въ кустахъ снова что-то зашевелилось; не рассмотрѣвъ хорошенько, Ираклий спустилъ стрѣлу, и вдругъ послышался изъ кустовъ болѣзненный стонъ. Онъ побѣжалъ туда, и увидѣлъ, что пущенная имъ стрѣла вонзилась въ лѣвое плечо мальчику лѣтъ 15 или 16, въ бараньей шапкѣ, блѣдному и исхудавшему. Онъ лежалъ на травѣ, съ закрытыми глазами, и изъ раны его струилась кровь. Ираклий подошелъ къ мальчику и замѣтилъ по одеждѣ его, что это былъ татаринъ. Вынувъ стрѣлу, которая вонзилась въ тѣло мальчика неглубоко, онъ толкнулъ его ногою; но тотъ не оказывалъ никакого признака жизни.

— Я убилъ его, подумалъ Ираклий: а жаль! если бы онъ былъ живъ, я подарилъ бы его Теодорѣ. Теперь же, его увидитъ кто-нибудь изъ нашихъ татарскихъ гостей, и скажутъ, что мы убиваемъ ихъ братьевъ татаръ. Надо его спрятать. И онъ толкнулъ бездыханное тѣло въ кусты, а самъ возвратился къ шатрамъ и скоро забылъ о убитомъ имъ мальчикѣ.

Въ полдень шумъ неблагозвучной татарской музыки возвѣстилъ приближеніе хана. Теодора ждала его у входа въ шатеръ свой. Ханъ подъѣхалъ къ ней, сошелъ съ коня, и увидѣвъ строгую, оригинальную красоту ея, ея повелительный видъ, странную одежду, остолбенѣлъ отъ удивленія. Она показалась ему какимъ-то необыкновеннымъ существомъ.

Видъ Теодоры поразилъ хана до такой степени, что онъ самъ поднесъ предназначенные ей дары, которые, по обычаю,

долженъ былъ поднести одинъ изъ его мурзъ. И когда Теодора привѣтствовала его по-татарски, то изумленіе хана еще болѣе увеличилось. Она хорошо говорила на этомъ языкѣ, выучившись ему отъ татаръ, проживавшихъ въ Сугдаіѣ. Отецъ ея и братья знали также по-татарски.

На другой день началась охота. Ханъ восхищался ловкостію молодыхъ людей, сопровождавшихъ Теодору, и до того былъ пораженъ красотою ея, что даже не замѣтилъ множества прекрасныхъ дѣвушекъ и женщинъ, бывшихъ съ нею; хвалилъ лошадь ея, удивлялся ловкости ея въ стрѣльбѣ изъ лука, все время любовался ею, много говорилъ съ нею о генуэзцахъ, и обѣщаль помочь ей, въ случаѣ нападенія ихъ на ея владѣнія.

Охота длилась три дни, а на четвертый день, утромъ, Теодора объявила, что важныя дѣла призываютъ ее въ Сугдаію, и простилась съ ханомъ. На прощаньи, она подарила ему много богатыхъ индійскихъ тканей и ковровъ, нѣсколько дорогихъ мѣховъ и шатеръ, въ которомъ онъ провелъ эти три дня. Ханъ, очень довольный приѣмомъ Теодоры, благодарилъ ее и сказалъ, что она «великая и славная царица», и что онъ навсегда останется вѣрнымъ другомъ ея.

Разставшись съ ханомъ, Теодора со всею свитою своею отправилась въ монастырь.

Сѣзжая съ высоты Чатырдага, Ираклій остановилъ лошадь свою и сказалъ Теодорѣ:

— Посмотри, царица, какъ обширны владѣнія твои! Эти горы, эти лѣса, эти селенія, все это твое! А тамъ, за холмами, твоя богатая Сугдаія! Все подданные твои храбрые воины! И чѣмъ гордятся Кафяне? повели только, и воины твои побѣдятъ этихъ торгашей итальянскихъ и завладѣютъ ихъ Кафой, и какими несмѣтными богатствами будемъ обладать мы тогда! Не пужно намъ тогда и дружбы этого хана: мы будемъ сильнѣе. Я часто думаю объ этомъ, и удивляюсь твоему равнодушію, при видѣ кичливости этихъ беспокойныхъ соседей твоихъ. Избери себѣ, Теодора, храбраго полководца, поидемъ противъ кафянъ и осадимъ ихъ городъ. Въ Византіи этому будутъ очень рады, одобрятъ насъ и помогутъ намъ.

Когда Ираклій говорилъ это Теодорѣ, онъ пристально гля-

дѣдъ на нее, желая проникнуть глубину ея мыслей; но Теодора, тихимъ и спокойнымъ голосомъ отвѣчала:

— Не затѣмъ ввѣрилъ мнѣ отецъ народъ свой, чтобы я, изъ грѣшнаго честолюбія, проливала его благородную, христіанскую кровь. Если враги нападутъ на меня, я буду защищаться; но сама нападать я не хочу ни на кого. Начто мнѣ увеличивать владѣнія свои? Развѣ этимъ я сдѣлаю подданныхъ своихъ счастливѣе? Оставь въ покоѣ нашихъ горныхъ сосѣдей, братъ мой. При всемъ желаніи завладѣть моими землями, врядъ ли рѣшатся они открыто напасть на насъ: они знаютъ, какъ хороши укрѣпленія мои. И тебѣ, Праклію, совѣтую оставить свои честолюбивые замыслы. Отецъ мой любилъ міръ, а я люблю его еще болѣе.

Константинъ слышалъ весь этотъ разговоръ брата съ Теодорой, но вмѣшиваться съ него не хотѣлъ. Онъ приударилъ свою лошадь, и легкою рысью поѣхалъ впередъ, по узкой тропинкѣ, у края оврага; угадывая намѣренія Праклія, онъ не переставалъ однако прислушиваться ко всему, что говорилъ онъ.

Праклію продолжалъ: «Ты боишься войны потому, что ты женщина: женщинѣ трудно управлять народомъ и вести войну, отецъ же твой не любилъ войны, потому, что былъ старъ и слабъ.»

— Нѣтъ! строго сказала Теодора: — отецъ мой любилъ народъ свой и желалъ ему блага: этому онъ научилъ и меня; прошу тебя, оставь разговоръ этотъ, я никогда не соглашусь съ тобою....

Теодора хотѣла еще что-то сказать; но въ это время лошадь Константина испугалась, кинулась въ сторону, споткнулась на заднія ноги, и вмѣстѣ съ всадникомъ своимъ свалилась въ обрывъ. Теодора вскрикнула и быстро соскочила съ лошади; всѣ сдѣлали тоже, кромѣ одного Праклія. Обрывъ былъ не глубокъ; но Константинъ, при паденіи лошади, сильно ушибъ ногу, и не могъ подняться. Его подняли и посадили близъ протекавшей внизу обрыва рѣчки. Теодора спустилась также въ обрывъ и съ безпокойствомъ осматривала ушибъ брата.

— Слава Богу! сказала она: это не опасно. Отецъ Іоаннъ вылечитъ тебя. Однако, ты теперь не можешь сѣсть на лошадь, надо, чтобъ тебя несли на рукахъ.

— Но что сдѣлалось съ моею лошадыю? чего испугалась она? спросилъ Константинъ.

Осмотрѣлись кругомъ, и надъ дорогою замѣтили мальчика татарина, подстрѣленнаго Иракліемъ, который, при видѣ приближавшейся къ нему толпы всадниковъ, хотѣлъ—было скрыться глубже въ кусты, и движеніемъ своимъ перепугалъ лошадь Константина. Θεοδώρα приказала привести его къ себѣ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? откуда ты? спросила его Θεοδώρα.

Тогда Иракліи сошелъ съ коня, подошелъ къ Θεοδорѣ и разсказалъ ей очень шутливо, какъ три дня тому назадъ онъ подстрѣлилъ этого мальчика, принявъ его за дикую козу.

— Ты, Иракліи, всегда бываешь неостороженъ и жестокъ, строго сказала Θεοδώρα.

— Откуда ты, дитя мое! спросила она опять у мальчика по татарски: говори, не бойся, я тебѣ не сдѣлаю зла. Но мальчикъ былъ такъ слабъ, что едва шевелилъ губами.

Θεοδώρα, осмотрѣвъ рану его, на которой запеклась кровь, сама обмыла ее водою, перевязала и велѣла завернуть мальчика въ плащъ свой, который обыкновенно набрасывала на себя во время ненастья. Потомъ, приказавъ изъ срубленныхъ деревъ сдѣлать наскоро двое носилокъ, на одни изъ нихъ она помогла сѣсть Константину, а на другіе велѣла положить больнаго мальчика.

Въ одномъ мѣстѣ, дорога, по которой имъ должно было ѣхать, была очень узка и обрывиста; Θεοδώρα, все время ѣхавшая рядомъ съ носилками Константина, погнала лошадь свою впередъ; Иракліи послѣдовалъ за нею, и она не замѣтила, какъ носильщики и вся свита ея, для избѣжанія крутаго спуска съ горы, поворотили всторону. Θεοδώρα хотѣла послѣдовать за ними, но Иракліи, схвативъ лошадь ея подъ уздцы, сказалъ:

— Поѣдемъ лучше прямо и подождемъ ихъ у спуска горы. Θεοδώρα нехотя послушалась его и еще разъ взглянула на удалявшихся носильщиковъ.

— Несмотря туда съ такою печалію, не умреть твой вѣрный тѣлохранитель. Да наконецъ, если бы и умеръ, то, право, пора тебѣ избрать другаго.

— Что это ты говоришь, Пракліи! что сдѣлалъ тебѣ родной братъ твой? сказала съ удивленіемъ Θεодора.

— Родной мнѣ тотъ, кого я люблю: а онъ, слѣдуя за тобою постоянно, какъ тѣнь, только мѣшаетъ мнѣ говорить съ тобою.

— Ты грѣшишь, Пракліи! Можно ли не любить роднаго брата? И какъ присутствіе его можетъ мѣшать тебѣ говорить со мною? Вы мнѣ оба по-сердцу: какъ же можете вы мѣшать одинъ другому?

— Послушай, сестра! онъ мнѣ не будетъ мѣшать, если ты выслушаешь меня теперь и согласишься отвѣчать мнѣ.

— Говори, но не грѣши.

— Я люблю тебя, Θεодора! Давно, давно люблю я тебя, но не братскою любовію: я люблю тебя, какъ женихъ любитъ невѣсту, какъ мужъ любитъ жену свою. Избери меня своимъ вѣрнымъ помощникомъ, своимъ хранителемъ и защитникомъ, будь моею, Θεодора. Я люблю тебя страстно, люблю, какъ безумный! Я помогу тебѣ защищать владѣнія твои, я буду заботиться о благѣ твоего народа. Согласна ли ты?

Θеодора слушала Праклія, потушивъ голову, и когда онъ окончилъ, сказала:

— Слова твои удивили и опечалили меня! Я привыкла любить тебя, какъ брата, и никогда не думала, что ты можешь полюбить меня иначе. Если ты хочешь быть во всемъ моимъ помощникомъ, ты можешь и долженъ помогать мнѣ, какъ братъ. Зачѣмъ же намъ мѣнять наши родственныя отношенія.

— Ты избрала вѣрно себѣ друга по-сердцу, и потому не хочешь согласиться на мое желаніе. Можетъ быть, ты избрала себѣ въ мужья хана и хочешь присоединить владѣнія свои къ татарамъ, чтобы вѣрнѣе защититься отъ генуэзцевъ, которые смотрять на насъ недружелюбно.

— Перестань! сказала ему огорченная Θεодора: какъ смѣешь ты говорить, что я сдѣлаюсь женою не христіанина!

— Если такъ, то ты избрала себѣ другаго, злобно продолжалъ Пракліи. Скажи, кто избранъ тобою? Не вѣрный ли тѣлохранитель твой?

— Я не избрала никого.

— А сойдя въ могилу, кому ты завѣщаешь власть надъ народомъ своимъ?

— Тому, кого избереть митрополить, на выборъ кого согласишься императоръ.

— Ну, а если кафияне затѣять споръ съ тобою, если они захотятъ отнять у тебя владѣнія, кто защититъ тебя?

— Богъ, если мы того заслужимъ, храбрые воины мои и наконецъ вы—ты и Константинъ, братья и помощники мои.

— Нѣтъ, я вижу, ты говоришь словами своего учителя, сказала Ираклій; онъ умретъ, и, можетъ быть, ты измѣнишь свое жестокое намѣреніе, ты не захочешь, чтобы я изнывалъ отъ тоски у ногъ твоихъ.

— Тоска твоя, Ираклій, великій грѣхъ! уныніе также: намѣренія своего я не измѣню. Прошу тебя, успокойся и моли Господа, чтобы онъ помиловалъ тебя. Я также помолюсь о тебѣ. А болѣе слушать отъ тебя подобныхъ рѣчей не хочу.

Сказавъ это, Θεοδора повернула лошадь свою въ ту сторону, гдѣ видны были выѣзжавшіе на поляну спутники ея. Ираклій за нею не послѣдовалъ. Онъ остановилъ коня и смотрѣлъ на Θεοдору. «Я хочу и буду обладать тобою, сказалъ онъ: твоимъ народомъ властвовать я хочу, хочу владѣть Кафой, сдѣлаться богатымъ и могущественнымъ владѣтелемъ въ Крыму, вотъ цѣль моей жизни! И клянусь, что ты будешь моею, гордая красавица! Твоя красота склонится предъ моею волею, подданные твои будутъ моими подданными! А какъ хороша она, продолжалъ Ираклій, любуясь удалявшейся Θεοдорой, «какъ дивно хороша!» И не дожидаясь поѣзда, онъ скоро погналъ коня, чтобы другіе не могли замѣтить его волненія.

V.

Возвратившись въ монастырь, Θεοдора пересказала весь разговоръ свой съ Иракліемъ воспитателю своему. Строгий старикъ сказалъ ей:

— Не слушай, дочь моя, льстивыхъ и безумныхъ рѣчей этого человѣка! думай о Богѣ и храни себя въ чистотѣ и непорочности. Если сердце твое и почувствуетъ влеченіе къ кому-либо изъ мужчинъ, то лучше бѣги отъ соблазна!

Феодора общала старцу никогда не забывать словъ его, и дала обѣтъ навсегда сохранить себя въ дѣвствѣ.

Константинъ, возвратившись съ охоты, послѣ паденія своего съ лошади, занемогъ, но не отъ ушиба, а отъ сильнаго внутренняго безпокойства. Разговоръ Праклія съ Феодорой, ея задумчивость послѣ этого до того взволновали его, что онъ слегъ въ постель, въ сильной лихорадкѣ. Феодора ухаживала за нимъ съ заботливостію нѣжной матери, и во все время его болѣзни не покидала монастыря. Праклій звалъ ее ѣхать съ нимъ въ Сугдаію, но она отказалась. Онъ искалъ случая еще разъ поговорить съ нею наединѣ, но Феодора всячески избѣгала этого.

Праклій, въ досадѣ, уѣхалъ въ Сугдаію и искалъ тамъ разсѣянія въ пиршествахъ съ разгульною молодежью.

Константинъ, замѣтивъ угрюмость брата, и видя нѣжную заботливость Феодоры, успокоился мало-по-малу и это ускорило его выздоровленіе.

Между тѣмъ, молодой татаринъ, который былъ причиною испуга лошади Константина, оправился совершенно. Феодора тогда спросила его, какимъ образомъ онъ очутился въ ея владѣніяхъ и куда онъ шелъ? Она узнала, что ханъ, въ гнѣвѣ, приказалъ умертвить отца его; мальчикъ, боясь такой же участи, бѣжалъ, съ намѣреніемъ пробраться къ генуэзцамъ, о которыхъ онъ такъ много слышалъ; но, не зная дороги къ нимъ, онъ блуждалъ по лѣсамъ и питался только дикими плодами. Феодора приказала одѣть его и оставила при себѣ, надѣясь со временемъ обратить его въ христіанство.

Мало-по-малу мальчикъ привыкъ къ грекамъ, научился ихъ языку и очень привязался къ Феодорѣ. Онъ ходилъ за нею въ церковь, слушалъ со вниманіемъ; когда она читала св. писаніе, и видя, какъ она молится Богу, чрезъ годъ просилъ, чтобы и его научили молиться, какъ молится царица; а чрезъ два года принялъ христіанскую вѣру. Феодора была его воспріемницею и дала ему имя Эммануиль. Она полюбила своего крестника за его добрый нравъ и послушаніе, и повсюду брала его съ собою; Эммануиль былъ преданъ ей всею душою: онъ привязанъ былъ къ ней, какъ собака бываетъ привязана къ своему господину. П.

векорѣ, благоразуміемъ своимъ онъ заслужилъ полную довѣренность царицы и любовь всѣхъ воиновъ.

Въ это время генуэзцы начинали дѣлать различныя притѣсненія грекамъ: то захватывали рыбачьи лодки ихъ, то угоняли стада, едва только пастухи отдалялись отъ горъ своихъ, то стѣсняли сугдайскихъ кунцовъ, и часто грабили суда ихъ.

И когда Θεοδώρα послала однажды въ Кафу просить, чтобы не притѣсняли ея подданныхъ, кафане отвѣчали ей смѣхомъ и прогнали посланнаго.

При каждомъ новомъ притѣсненіи со стороны генуэзцевъ, Иракліи говорилъ Θεοδоръ: «Согласись взять меня въ помощники свои, я зажму ротъ генуэзцамъ.»

— Ты мнѣ братъ: помоги мнѣ, если можешь; но не требуй отъ меня за это платы, отвѣчала она ему.

Θεοδώρα принимала, между тѣмъ, всѣ мѣры къ охраненію подданныхъ своихъ отъ обидъ, причиняемыхъ имъ генуэзцами. Во всѣхъ крѣпостяхъ своихъ она удвоила стражу, вооружила большое число воиновъ и раздала оружіе всѣмъ пастухамъ. Все время проводила на конѣ, въ непрерывныхъ трудахъ и занятіяхъ, посвящая отдохновенію только немногіе часы. Ей дѣятельно помогалъ Константинъ, а Иракліи ни во что не вмѣшивался и предавался играмъ и увеселеніямъ. Θεοδώρα не дѣлала ему никакихъ упрековъ и даже старалась не замѣчать его бездѣйствія.

Въ это время скончался наставникъ Θεοδоры; благочестивый старецъ Іоаннъ. За день до своей смерти, онъ призвалъ Θεοдору и сказалъ ей:

— Я чувствую, дочь моя, что часъ смерти моей приближается. Скоро предстану я предъ Вѣчнаго Судію; но я спокоенъ, я счастливъ. Окончивъ земное странствіе свое, я пришелъ наконецъ къ желанной цѣли, и спокойно, радостно покину міръ. Тебя я оставляю также спокойно, дочь моя! ты теперь женщина разумная, сильная духомъ, и съумѣешь бороться на пути своемъ со всѣми трудностями, какія бы тебѣ не встрѣтились. Берегись только брата своего, Ираклія, продолжалъ старикъ: послѣ моей смерти онъ настойчиво будетъ требовать твоей руки. Желаніе властвовать и красота твоя прельщаютъ несчастнаго! Нравъ его буйный — опасайся его! онъ

мстителенъ, и можетъ сдѣлаться врагомъ твоимъ. Константинъ добръ, честенъ и храбръ: онъ всегда будетъ съ тобою; но несчастная красота отуманила и его душу. Не разъ замѣчалъ я за нимъ, и предупреждаю тебя, дочь моя, не брать онъ тебѣ по сердцу; но зла тебѣ онъ не сдѣлаетъ и врагомъ твоимъ не будетъ никогда. Когда нуженъ будетъ тебѣ совѣтъ, обращайся къ митрополиту нашему: онъ мужъ мудрый и добродѣтельный.»

Съ благоговѣшемъ внимала Теодора предсмертной рѣчи своего наставника, котораго она любила, какъ отца. Долго еще старикъ наставлялъ Теодору, долго молился съ нею. Но, часъ отъ часу, слабѣла жизнь въ одряхлѣвшемъ тѣлѣ старца. Теодора не отходила отъ него весь этотъ день и всю ночь, и дала знать о близкой кончинѣ его Сугдайскому митрополиту, Евгению. На другой день, утромъ, когда приѣхалъ митрополитъ, онъ уже не засталъ въ живыхъ Іоанна: старикъ скончался спокойно, на рукахъ Теодоры, цѣлуя крестъ, который она держала. Вѣсть о смерти Іоанна быстро разнеслась между всѣми греками, обитавшими въ Крыму, и много народу стеклось ко дню его похоронъ. Всѣ знали и любили святаго старца, потому что всякому, кто приходилъ къ нему, онъ помогаль чѣмъ могъ: однихъ утѣшалъ въ горести, другимъ даваль мудрые совѣты, тѣхъ излечиваль отъ тяжкихъ болѣзней; обо всѣхъ и всегда молился.

Когда опустили въ могилу бездыханное тѣло Іоанна, при торжественномъ пѣніи монаховъ, при горькихъ рыданіяхъ народа, когда его засыпали зѣмлею, Теодора, которая все время стояла на колѣнахъ и спокойно молилась, встала и, обращаясь къ рыдавшему народу, сказала громко:

— Зачѣмъ вы плачете такъ? о чемъ горюете вы? вы должны благодарить Бога, что онъ принялъ къ себѣ труженика, успокоилъ и наградилъ его: онъ счастливъ теперь, — онъ съ Господомъ. Онъ жилъ между нами, трудился, утѣшалъ и радовалъ насъ; но душа его томилась, она желала успокоенія и обрѣла его наконецъ. Не рыдайте же, не печальте духъ почившаго слезами вашими! идите всѣ съ миромъ, и займитесь спокойно дѣлами своими. Если вы будете пуждаться въ чемъ, если кого изъ васъ посѣтитъ горе, приходите ко мнѣ и я помогу вамъ въ ну-

ждѣ, какъ помогаль онъ, излечу васъ отъ болѣзни, если на то будетъ воля Господня, успокою васъ и облегчу ваше горе. Теперь же идите съ миромъ, и да хранитъ васъ Богъ.

— Ты наша великая царица! воскликнулъ народъ, окружая Θεοδору, осѣнявшую его крестомъ своимъ. Дѣти, старики и женщины цѣловали руки и одежду Θεοдоры, и все разошлись, утѣшенные ею.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Ιοανна, Θεοдора прѣѣхала въ Сугдаю и призвала къ себѣ митрополита и старѣйшинъ народныхъ, за тѣмъ, чтобы держать совѣтъ о мѣрахъ, какія должно предпринять, чтобы избавиться отъ ежедневныхъ безпокойствъ, дѣлаемыхъ грекамъ кафиями.

По окончаніи совѣта, когда все разошлось и когда митрополитъ вышелъ отъ Θεοдоры, Эммануиль сказалъ ей, что Ираклій все время стоялъ у дверей и подслушивалъ разговоръ ея съ митрополитомъ и со старѣйшинами.

— Я не говорила ничего тайнаго... сказала Θεοдора, но при этихъ словахъ къ ней подошелъ Ираклій.

— Можетъ быть, я помѣшалъ тебѣ, сестра; но мнѣ нужно поговорить съ тобою. Онъ приказалъ Эммануилу выдти изъ комнаты и продолжалъ:

— Послушай, Θεοдора! я вижу, въ какой опасности находишься ты теперь; вижу, какъ трудно тебѣ одной управлять народомъ: со всехъ сторонъ тебя окружаютъ враги. Единовѣрные сосѣди наши, херсонцы, и все прочіе греки, уже давно на сторонѣ кафянъ, давно въ подчиненности у нихъ: на нихъ тебѣ надѣяться нечего. Обдумай хорошенько. Противиться долѣ желаніямъ моимъ было бы безумно съ твоей стороны. Генуэзцы намѣреваются серьезно напасть на городъ твой. У тебя много войска—я это знаю, но кафияне сильнѣе тебя. Отдай мнѣ руку свою, и я спасу городъ твой и твоихъ подданныхъ.

— Я не боюсь кафянъ, гордо отвѣчала Θεοдора: войска у меня довольно, а храбрости больше, нежели у нихъ; я не трогаю ихъ только потому, что не хочу проливать невинной крови своего народа. Но, я съумѣю всегда устоять противъ нихъ. И пока во мнѣ есть искра жизни, я буду защищать владѣнія свои.

Помощи херсонцевъ мнѣ не нужно: слабые и безхарактерные, они прельстились золотомъ кафанъ; помощи ихъ я не попрошу никогда. Грозныя укрѣпленія нашей богатой Сугдаи, наши Алу-стонъ, Ламбать, Ялита, все эти крѣпости ужели недостаточно укрѣплены, чтобы отразить враговъ? Все селенія мои обнесены рвами и крѣпкими стѣнами; а оружія и запасовъ у насъ довольно. Въ крайности, я пошлю въ Византію и попрошу помощи у императора. Но если ты имѣешь возможность избавить меня отъ многихъ хлопотъ и издержекъ, отъ непрерывныхъ непріятностей съ гетуэцами, то помоги мнѣ и не требуй за это отъ меня невозможнаго. Женою твоею я не буду никогда, какъ я никогда не буду ни чьею женою.

— Ты горда, но я прощаю тебѣ, потому, что люблю тебя: я буду ждать еще.

— Не жди и не надѣйся! будь лучше мнѣ братомъ, и вспомни клятву, которую ты далъ отцу моему.

— Да, я далъ клятву, дѣйствительно, но не отцу твоему, а себѣ. Я поклялся, что ты будешь моею. И теперь я клянусь снова...

— Не клянись, если не хочешь, чтобы я изгнала тебя изъ владѣній своихъ и не называла болѣе братомъ. Вспомни наше дѣтство, нашу братскую любовь; вспомни ласки матери нашей! Вспомни престарѣлаго отца моего, его послѣднія слова, заботы о тебѣ, и оставь свои безумныя желанія и мысли. Прощай, уже поздно: я хочу отдохнуть.

— Ты гонишь меня отъ себя, сказалъ Праклій съ досадою: «прощай!» Онъ вышелъ, скрежеща зубами отъ злости. Эммануилъ слышалъ, какъ, уходя, онъ говорилъ про себя: «Какими бы то ни было средствами, а я достигну своей цѣли!»

Очень взволнованная разговоромъ съ Пракліемъ, Теодора долго не могла успокоиться. Горько ей было видѣть такое ожесточеніе въ человѣкѣ, котораго съ дѣтства она привыкла называть братомъ. Она стала предъ распятіемъ Спасителя на колѣна и горячо молилась. Окончивъ молитву, Теодора у дверей своей комнаты увидѣла стоящаго Эммануила, смущеннаго и грустнаго; видно было, что онъ также молился; слезы струились по лицу его.

— Что съ тобою, сынъ мой? ласково спросила его Θεοδора: О чемъ ты плачешь?

— Прости меня, царица: я былъ все время здѣсь, когда ты говорила съ княземъ Иракліемъ; я слышалъ какъ угрожалъ онъ тебѣ, когда уходилъ, и молился, чтобы Богъ защитилъ тебя отъ него.

Успокойся, сынъ мой! Богъ защититъ меня. Только храни въ-тайнѣ все, что ты слышалъ.

— Ты знаешь, царица, что я всегда повинуюсь тебѣ.

Ираклій, послѣ этого разговора, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, появлялся очень рѣдко у Θεοδоры. Онъ нѣсколько разъ отлучался изъ Сугдаи; цѣлые дни проводилъ на охотѣ, одинъ, безъ служителей; постоянно былъ мраченъ, задумчивъ и убѣгалъ разговоровъ съ братомъ. Съ грустію глядѣлъ на все это Константинъ, но самъ также не рѣшался заговорить съ нимъ. Онъ угадалъ, что Ираклій просилъ руки Θεοδоры, что она отрянула просьбу его; невольное чувство безпокойства тревожило душу Константина: постоянная угрюмость брата, его частыя отлучки, все это усиливало его безпокойство, хотя онъ не могъ отдать себѣ въ этомъ отчета.

Между тѣмъ, Θεοдора, по совѣту митрополита и старѣйшинъ, снарядила корабль и послала на немъ пословъ своихъ въ Византію извѣстить императора обо всѣхъ притѣсненіяхъ и неприятно-стяхъ, какія ей дѣлали постоянно кафяне.

Но чрезъ нѣсколько времени, она узнала, что корабль этотъ былъ захваченъ генуэзцами и ограбленъ, а послы ея были убиты.

Тяжела была эта вѣсть для Θεοδоры; но она снарядила новый корабль, намѣреваясь опять послать въ Византію. Вдругъ, разъ, вечеромъ, пришелъ къ ней Ираклій и объявилъ, что онъ ѣдетъ въ Византію. Θεοдора предложила ему корабль свой для этого путешествія; но онъ отказался, сказавъ, что поѣдетъ съ купцами, отправляющимся въ Константинополь изъ *Ямболы* (Балаклавы). Θεοдора простилась съ нимъ. И на другой день, въ сопровожденіи одного только служителя, Ираклій выѣхалъ изъ Сугдаи.

Рѣшившись во что бы-то не стало обладать Θεοдорой, онъ не побоялся, для достиженія этого, погубить ея городъ. Онъ уже

имѣлъ нѣсколько разъ тайныя сношенія съ кафиями, далъ имъ знать, когда вышелъ корабль Θεодоры съ послами въ Византію, и постоянно велъ съ ними переговоры или самъ, или чрезъ разныхъ переметчиковъ. Теперь, отправясь въ Кафу, онъ обѣщалъ кафиямъ помощь свою, если они начнутъ осаждать Сугдаю, и сказалъ консулу, у котораго онъ проживалъ все время въ Кафѣ, что онъ отворитъ войскамъ его городскія ворота, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы ему отдали побѣжденную царицу и сдѣлали его главнымъ начальникомъ Сугдаи.

VI.

Константинъ очень удивился намѣренію брата ѣхать въ Византію; онъ сталъ его распрашивать о цѣли его поѣздки; но, не получивъ отвѣта, оставилъ его. Онъ не подозрѣвалъ гнусныхъ намѣреній Ираклія; но постоянно-недовольный видъ его, двусмысленные отвѣты заставляли часто задумываться Константина. Онъ угадывалъ душою, что Ираклій врагъ отечества; но какъ и въ чемъ? этого онъ себѣ не могъ объяснить.

Между тѣмъ, Θεодора изготоя другой корабль къ отправленію съ послами въ Константинополь, узнала, что кафияне ходятъ по морю, сторожатъ вездѣ суда греческія и захватываютъ ихъ. И потому, она боялась выслать въ море пословъ своихъ, и ждала удобнаго случая; а сама, въ отсутствіи Ираклія, еще дѣятельнѣе занялась своими дѣлами.

Она хотѣла послать къ хану и просить его о помощи, въ случаѣ нападенія генуэзцевъ,—какъ вдругъ узнала, что ханъ умеръ, а преемникъ его находится въ тѣсной дружбѣ съ кафиями. Это очень опечалило Θεодору, но не заставило пасть духомъ. Она рѣшилась защищать городъ собственными силами и дѣлала все необходимыя для этого приготовленія: снаряжала воиновъ, совѣтовалась съ стариками и людьми опытными, и во всемъ поступала съ удивительнымъ благоразуміемъ, знаніемъ дѣла и предусмотрительностію.

Къ всеобщему удивленію и къ большому безпокойству Константина, чрезъ два мѣсяца Ираклій возвратился. Θεодора находилась въ это время въ монастырѣ св. Прокла; туда къ ней

пріѣхалъ и Иракліи. Расположеніе духа его нисколько не измѣнилось: онъ былъ, по прежнему—мраченъ, печаленъ и задумчивъ; говорилъ, что болѣзнь помѣшала ему ѣхать въ Византію, и что всѣ эти два мѣсяца онъ пролежалъ больной въ Ямболи, а купца, съ которыми онъ условился ѣхать, воспользовавшись попутнымъ вѣтромъ, уплыли, не дождавшись его выздоровленія.

Θεοдора мало вѣрила словамъ его; она угадывала, что главная причина его задумчивости заключается въ томъ, что онъ ошибся въ своей надеждѣ: онъ думалъ, что въ его отсутствіе Θεοдора передумаетъ и согласится быть его женою. Но, найдя ее и по возвращеніи своемъ также непреклонною, какъ и прежде, Иракліи выходилъ изъ себя.

На другой день послѣ возвращенія Ираклія, утромъ рано, къ Θεοдорѣ вѣбжалъ Эммануиль и торопливо сказалъ: «Сейчасъ прискакалъ посланный отъ митрополита и объявилъ, что часовые со сторожевой бани видѣли большой отрядъ войскъ, идущихъ по горамъ отъ Кафы къ Сугдаіѣ.»

Θεοдора выслушала его спокойно, велѣла подать себѣ лошадь, и выѣхала изъ монастыря. Монахи, воины и всѣ обитатели крѣпости на Кастель-горѣ, съ безпокойствомъ провожали Θεοдору. Въ сопровожденіи Константина и Эммануила она быстро поскакала въ Сугдаію, и передъ закатомъ солнца была уже въ городѣ: она не останавливалась во всю дорогу, и только въ прибрежныхъ селеніяхъ перемѣняла лошадей.

Передъ вечеромъ Иракліи выѣхалъ также въ Сугдаію.

Народъ встрѣтилъ Θεοдору на площади. Церковь соборная была освѣщена, и митрополитъ, въ полномъ облаченіи, молился и ободрялъ народъ. Городъ еще не былъ окруженъ кафиями, но они уже приближались.

Θεοдора, обратившись къ народу, сказала:

— Къ намъ подступаютъ непріатели, которые хотятъ погубить насъ, хотятъ взять городъ, ограбить наши святыя храмы, отнять жилища наши, разлучить насъ съ тѣми, кто намъ дорогъ! Ужели мы впустимъ къ себѣ враговъ этихъ? Ужели мы устранимся ихъ? Ужели вы допустите, братья мои, чтобы кафияне погубили дѣтей и женъ вашихъ, чтобы они посмѣялись надъ могилами нашихъ праотцевъ? Я, предъ всѣми, клянусь святымъ

именем Бога—продолжала Θεодора,—клянусь, что живая не отдамъ города! И тотъ изъ васъ, кто захочетъ сдаться, пройдетъ не иначе, какъ чрезъ трупъ мой!

— Мы все клянемся защищать городъ нашъ до послѣдней капли крови! говорили воодушевленные присутствіемъ и рѣчью Θεодоры греки: «Мы не отворимъ воротъ, пока межъ нами останется хотя одна рука, способная владѣть мечемъ; и кто изъ насъ будетъ послѣднимъ, скорѣе падетъ мертвымъ, нежели отворить ворота!»

— Благодарю васъ, дѣти мои, и благословляю васъ, говорила Θεодора, осѣняя крестомъ своимъ народъ:—теперь, я пойду осмотрѣть укрѣпленія.

Она обошла все крѣпостныя стѣны и одушевляла воиновъ, любившихъ ее, преданныхъ ей и готовыхъ скорѣе умереть, нежели послушаться ея приказаній.

На другой день, вмѣстѣ съ первыми лучами солнца, Θεодора осмотрѣла водопроводы, хлѣбныя магазины, и найдя, что городъ былъ снабженъ на столько запасами, что смѣло могъ выдержать годовую осаду, она сказала воинамъ: «Мужайтесь, дѣти! стѣны наши крѣпки, магазины наши полны запасовъ, враги не одолѣютъ насъ!»

Кафяне, между тѣмъ, подступили къ городу и обложили его. Два мѣсяца генуэзцы осаждали Сугдаю безуспѣшно. Θεодора съ своими воинами сопротивлялась отчаянно; Константинъ и Эммануилъ были неотлучно возлѣ нея. Съ мечемъ въ правой рукѣ и съ крестомъ своимъ въ лѣвой, она являлась вездѣ на крѣпостныхъ укрѣпленіяхъ, какъ одушевляющій геній.

Кафяне, испытавъ такое сильное сопротивленіе у сугдайцевъ и потерявъ значительное число людей, готовились уже покинуть осаждаемый городъ и отложить осаду до другаго времени,—тѣмъ болѣе, что Ираклій не выходилъ къ нимъ на помощь, по данному имъ обѣщанію въ Кафѣ, не смотря на двухъ-мѣсячное пребываніе ихъ подъ стѣнами Сугдаи.

Пользуясь тишиной въ лагерѣ генуэзцевъ, Θεодора отдыхала въ своемъ покоѣ; Константинъ въ полномъ вооруженіи сидѣлъ у ногъ ея. Вдругъ вошелъ къ нимъ Ираклій; все это время онъ сказывался больнымъ, не выходилъ изъ своей комнаты и ни во что не вмѣ-

шивался. Онъ все ждалъ, что Θεοδора пришлетъ просить его помощи; но прошло два мѣсяца, она не сдавалась и не приходила просить помощи у него. Пракλίи терялъ терпѣніе.

Появленіе его очень удивило Θεοдору. Онъ былъ вооруженъ и блѣденъ, какъ мертвецъ; только глаза его сверкали какимъ-то неестественнымъ блескомъ.

— Тебѣ лучше, братъ! сказала ему Θεοдора ласково: слава Богу! Ты всталъ и вооружился, хочешь помогать намъ. Но ты такъ блѣденъ, мраченъ! ты, вѣрно, чувствуешь себя еще несовсѣмъ хорошо?

— Я совершенно здоровъ и бодръ, отвѣчалъ Праклій, и пришелъ спросить тебя: хочешь ли ты моей помощи? хочешь ли ты спокойствія своему народу? желаешь ли ты побѣды?

— До-сихъ-поръ я не просила твоей помощи, потому, что считала тебя больнымъ. Я бы очень желала спокойствія своимъ воинамъ: они крѣпко устали отъ продолжительнаго сопротивленія; но побѣды я не хочу. Я и безъ того надѣюсь, что кафане отступятъ скоро: потерявъ уже такъ много войска, врядъ ли они останутся долго подъ стѣнами города?

— Я спрашиваю тебя: хочешь ли ты спокойно управлять народомъ своимъ и побѣдить враговъ?

— Я только о томъ и молю Господа.

— Согласись же отдать мнѣ руку свою; пойдѣмъ къ митрополиту, онъ обвиняетъ насъ, и въ эту же ночь я нападу въ распахъ на кафанъ, мы перерѣжемъ ихъ; а на завтра ты увидишь съ башенъ и подъ стѣнами нашими только бѣгущихъ непріятелей.

— Нѣтъ! не хочу я купить побѣду и миръ своему народу за такую страшную цѣну!

Во время разговора этого Константинъ обнажилъ мечъ свой, и съ угрожающимъ видомъ, готовъ былъ броситься на брата, по первому знаку Θεοдору.

— Такъ ты не соглашаешься быть моею женою, сказалъ дрожащимъ голосомъ Праклій.

— Нѣтъ! Я не продамъ себя ни за какую цѣну! гордо отвѣчала Θεοдора. — Удивляюсь, какъ смѣешь ты еще меня спрашивать объ этомъ?

— Смѣю, потому что люблю тебя, потому что хочу обладать тобою, потому что клялся, что ты будешь...

— Не договаривай! прервалъ его Константинъ: она никогда не будетъ твоею! Ты говоришь, что любишь ее; можетъ быть и любишь, но больше царство ея, нежели ее самое. Я помню, живо помню еще и теперь, когда отецъ ея объявилъ намъ, что онъ дѣлаетъ ее своею наследницею, ты поблѣднѣлъ и сжалъ мою руку такъ сильно, что я едва не вскрикнулъ. Нѣтъ! ты царство любишь, а не ее. Еслибы ты любилъ ее истинно, ты бы не посмѣлъ говорить ей объ этомъ. Я люблю ее съ-тѣхъ-поръ, какъ узналъ, что у меня есть сердце. Я росъ — росла и любовь моя; я мужалъ, мужала и любовь моя; но никогда не смѣлъ я сказать ей, что люблю ее. Я не смѣлъ даже взглядомъ дать ей это замѣтить; я боялся много говорить съ нею, чтобы, по голосу моему, она не угадала моей тайны. Я самъ себѣ боялся сознаться въ томъ, что люблю ее; одинъ, въ лѣсу, я не смѣлъ произнести имени ея слишкомъ громко, слишкомъ нѣжно. А ты, ты цѣною побѣды надъ врагами дерзаешь покупать право на ея руку, которая всю жизнь сыпала только благодѣянiя и благословляла людей! Ты осмѣливаешься говорить съ ней съ видомъ повелителя. Ты не падаешь къ ногамъ ея и не молишь о прощенiи. Цѣлые два мѣсяца ты глядѣлъ спокойно на труды ея, на опасность, какой она себя подвергала ежеминутно, и ты не дрожалъ при мысли, что она можетъ быть ранена! И теперь ты говоришь, что можешь побѣдить генуэзцевъ, и не побѣждаешь.

— Я хочу награды! сказалъ Ираклiй: ты любишь ее, и вѣрно она любить тебя также, и потому готова лучше погубить ввѣренный ей народъ, нежели сдѣлаться моею женою. Желаю вамъ счастья, пока! сказалъ Ираклiй злобно, съ угрозою, и вышелъ отъ Θεодоры.

Константинъ бросился за нимъ съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ; но Θεодора остановила его, схвативъ за руку, и строгимъ голосомъ сказала:

— Оставь его, Константинъ! Господь накажетъ грѣшника.

Константинъ упалъ предъ нею на колѣна и вскричалъ:

— Прости меня, именемъ Господа умоляю тебя, прости за все, что я сказалъ; не удаляй меня отъ себя! позволь

миѣ, по прежнему, быть твоимъ помощникомъ, твоимъ другомъ, твоимъ братомъ! Я никогда не напому тебя о томъ, что такъ невольно сегодня сорвалось у меня съ языка!

— Встань! сказала Теодора, поднимая его: теперь не время говорить о своихъ чувствахъ, когда мы должны охранять жизнь и спокойствіе столькихъ тысячъ людей; оставь меня одну, миѣ надо успокоиться, помолиться и собраться съ силами.

Константинъ не смѣлъ противорѣчить ей, и тихо вышелъ изъ комнаты. У порога онъ встрѣтилъ Эммануила, который сказалъ ему, что въ лагерьъ непріятельскомъ все тихо и незамѣтно никакого движенія; что часовые все на своихъ мѣстахъ. Константинъ хотѣлъ знать, гдѣ Праклій. Онъ спросилъ о немъ Эммануила; но тотъ не встрѣчалъ его. Онъ послалъ Эммануила отдохнуть, а самъ вышелъ на улицу. Обойдя весь городъ кругомъ, онъ нашелъ, что все было тихо, только у стѣнъ раздавались мѣрные шаги часовыхъ. Онъ заглянулъ за городскую стѣну, у генуэзцевъ также все покоилось, и возвратился къ себѣ, чтобы помолиться и успокоить взволнованную душу. Между тѣмъ, Праклій долго сидѣлъ въ глубокой задумчивости, опустивъ голову, — и думы, одна другой чернѣе, волновали душу его. Когда онъ всталъ (на лицѣ его можно было прочесть, что онъ твердо рѣшился на что-то), онъ тихо вошелъ въ комнату брата. Не найдя тамъ никого, онъ открылъ сундукъ, въ которомъ хранилось платье, взялъ одну пару полного одѣянія, и также тихо, никѣмъ незамѣченный, возвратился къ себѣ. Здѣсь онъ снялъ съ себя свою одежду, отличавшуюся всегда отъ простой одежды Константина богатствомъ и блескомъ, надѣлъ платье брата, взялъ мечъ и вышелъ изъ своего покоя, отворилъ калитку сада, выходящую къ морскому берегу, и очутился на улицѣ.

Онъ сталъ обдумывать теперь, какимъ образомъ выолнить свое ужасное намѣреніе: пройти къ городскимъ воротамъ, отворить ихъ, впустить кафанъ — и заставить Теодору покориться себѣ. Пройдясь раза два по берегу, онъ рѣшился какъ можно скорѣе привести въ дѣйствіе задуманный планъ.

За нѣсколько дней передъ этимъ, во время отсутствія Теодоры, Праклій входилъ къ ней въ комнату и похитилъ ключъ отъ городскихъ воротъ, хранившійся всегда у образовъ. Онъ вы-

нуль теперь ключъ изъ—за пояса; проходя около городскихъ воротъ, оклигнувъ часовыхъ, подражая голосу Константина; потомъ подошелъ къ часовому, стоявшему у воротъ, и, подобно брату, началъ ласково разговаривать съ нимъ. Осматривая вооруженіе его, онъ вдругъ ударилъ несчастнаго мечемъ, и раздробилъ ему голову; воинъ испустилъ легкій стонъ и мертвый повалился на землю.

Тогда Ираклій отомкнулъ тяжелые ворота Сугдаи, притворилъ ихъ за собою кое—какъ и бѣгомъ пустился къ генуэзскому лагерю. Тамъ все уже покоились. Часовые оклигнули Ираклія; онъ назвалъ себя, и какъ его давно ожидали, то и провели тотчасъ къ начальникамъ.

Вѣсть, что ворота Сугдаи отворены, обрадовала всехъ; въ минуту все были на ногахъ, хватались за оружіе и бѣжали къ городу, по дорогѣ, указанной Иракліемъ.

Увидѣвъ бѣжавшихъ къ городу кафянъ, часовые на башняхъ въ Сугдаи дали знать объ этомъ царичѣ.

Все воины и жители вскочили и выбѣжали изъ домовъ своихъ; но кафяне бросились прямо въ ворота и ворвались въ городъ. Θεодора и Константинъ, съ отборнымъ отрядомъ воиновъ, хотѣли удержать враговъ у воротъ; но генуэзцы уже наполнили все городскія улицы, и вездѣ завязалась битва.

Греки защищались отчаянно; но кафяне, ожесточенные долгимъ сопротивленіемъ, не щадили никого: они рѣзали дѣтей, женщинъ, стариковъ; митрополитъ палъ въ битвѣ, на порогѣ храма, который онъ хотѣлъ защитить отъ враговъ.

Θеодора появлялась всюду между сражавшимися, ободряла воиновъ и мужественно защищалась; но кафянъ было слишкомъ много, въ сравненіи съ греками, и побѣда осталась на ихъ сторонѣ, хотя они и потеряли большую половину своего войска.

Константинъ, видя, что уже нѣтъ никакой возможности спасти городъ, думалъ только о спасеніи Θεодоры. Но она не хотѣла бѣжать.

— Вспомни, что у тебя еще есть дѣти — твои монахи и воины въ монастырѣ нашѣмъ. Спасайся! Послѣ, собравшись съ силами, мы, можетъ быть, успѣемъ отнять городъ у кафянъ. Θεодора не слушала его. Она носилась на своемъ бѣломъ конѣ, и

страшно поражала неприятелей мечем своимъ. Услышавъ около одного дома вопли женщины, она бросилась туда, и увидѣвъ, что непріятельскій воинъ убилъ женщину, спасавшуюся съ ребенкомъ на рукахъ, Θεοδора однимъ ударомъ меча раздробила ему голову; но въ эту минуту лошадь подъ нею унала. Константинъ, раненый, но еще въ силахъ держаться на конѣ, подхватилъ падающую Θεοдору. Нѣсколько грековъ, бѣжавшихъ отъ толпы непріятеля, замѣтивъ, что кафияне окружили Константина и царицу, бросились къ нимъ на помощь; одинъ изъ нихъ далъ лошадь свою Θεοдорѣ. Новая толпа кафянъ присоединилась къ своимъ товарищамъ, и они стали сильно тѣснить грековъ. Тогда Эммануилъ схватилъ за узду лошадь изнемогавшей отъ усталости Θεοдоры, и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ грековъ, увлекъ ее къ морю. Здѣсь, въ городской стѣнѣ, было отверстіе, которое обыкновенно заложено было большимъ камнемъ и про которое знали только одни главные начальники города. По приказанію Константина, воины, сопровождавшіе Θεοдору, сбросили этотъ камень, открыли выходъ, и поскакали съ царицею въ горы. За ними спасались женщины, дѣти, воины, все, кто остался живъ и кто могъ.

Константинъ, раненый въ голову, едва могъ сидѣть на лошади; но, опасаясь преслѣдованія, онъ крѣпился и скакалъ, что-есть—силы, увлекая за собою Θεοдору.

Кафияне и не думали преслѣдовать ихъ; они только на другой день узнали, что владѣтельница покореннаго ими города успѣла спастись.

Солнце освѣтило несчастную Сугдаію; она вся была завалена трунами! кое—гдѣ еще защищались греки, пока не пали мертвыми все! Весьма немногіе изъ жителей города успѣли спастись бѣгствомъ; а большая часть была изрублена кафиянами.

Такъ кафияне завладѣли славной греческой Сугдаіей, и скоро за нею перешли въ ихъ руки все остальные владѣнія грековъ въ Крыму. Θεοдора и ея спутники, въ первомъ селеніи отъ города, перемѣнили лошадей и перевязали раны Константина; въ селеніи этомъ, стоявшемъ на берегу моря, была небольшая крѣпость. Желая задержать кафянъ, если бы они вздумали пуститься далѣе, Θεοдора приказала сопровождавшимъ ее воинамъ остаться въ этой

крѣпости; сдѣлавъ еще нѣсколько распоряженій, она съ Константиномъ и Эммануиломъ поскакала далѣе.

Только вечеромъ пріѣхали они въ Алустонъ. Тамъ уже знали о взятіи Сугдаи. Жители плакали, не знали, что имъ дѣлать, и просили защиты у Теодоры.

— Будемъ молиться и надѣяться, говорила она, указывая на окровавленные руки свои и волосы, на платье свое, которое было также въ крови и все изорвано. «Я не щадила себя, и Господь спасъ меня: я осталась невредимою. Господь и впередъ поможетъ намъ и спасетъ насъ. Потеря наша велика, невозвратна! но если Богъ допустилъ до этого, то вѣрно такова была воля Его: мы должны покориться ей. Соберемся съ силами: можетъ быть, намъ удастся отнять у генуэзцевъ нашъ славный городъ.» Воины и жители Алустона, со слезами на глазахъ, цѣловали окровавленную одежду своей храброй царицы.

Рана Константина не была опасна, но отъ сильной потери крови, отъ страха за жизнь Теодоры и отъ усталости, онъ заболѣлъ и слегъ въ постель; Теодора всѣ ночи проводила у его изголовья; а днемъ, оставляя его на рукахъ Эммануила, послѣ минутнаго отдохновенія, занималась неутомимо распоряженіями, по приведенію въ оборонительное положеніе оставшихся въ ея владѣніи крѣпостей, обозрѣвала ихъ сама очень часто и усиливала вновь вооружаемыми воинами.

VII.

Кафяне, занявъ Сугдаю, укрѣпились въ ней и начали исправлять разрушенныя стѣны.

А Праклій, отворивъ ворота роднаго города и предавъ его на разграбленіе враговъ, не рѣшался самъ воротиться въ Сугдаю. Онъ стоялъ не вдаль отъ города и ожидалъ, что къ нему приведутъ плѣнную Теодору.

Въ такомъ ожиданіи онъ провелъ всю ночь. Когда разсвѣло, онъ подошелъ къ городу; вопли и стоны умирающихъ раздавались со всѣхъ сторонъ; обезображенныя тѣла лежали кучами на улицахъ; женщины, изрубленныя, исходившія кровію, умирали, прижимая къ груди младенцевъ своихъ; кровь рѣками

текла по улицамъ: разграбленные храмы Божіи и дома стояли открытыми! Страшно стало Праклію: въ немъ заговорила совѣсть; но онъ старался заглушить ее.

— Гдѣ же царица? спрашивалъ онъ.

— Царица спаслась, отвѣчали ему генуэзцы. Когда мы ворвались въ домъ ея, то нашли только дѣтей, да старухъ, и всѣхъ перерѣзали.

Пракліи рвалъ на себѣ волосы. Онъ надѣялся, по-крайней-мѣрѣ, между тѣлами убитыхъ увидѣть тѣло Константина. Онъ искалъ, всматривался въ каждого мертваго; но брата не было между павшими греками. И эта надежда его обманула! «Они ушли отъ меня,» говорилъ Пракліи: «но я все же отомщу имъ.»

Онъ уѣхалъ въ Кафу, и жилъ тамъ, ожидая новыхъ нападеній генуэзцевъ на владѣнія Θεодоры. Но угрызенія совѣсти не переставали мучить его: ему постоянно слышались стоны умирающихъ, проклятія женщинъ и старцевъ, и постоянно образъ разгнѣванной Θεодоры носился передъ его глазами.

Желая заглушить эти упреки совѣсти, Пракліи предался пьянству и разврату, въ богатой генуэзской Кафѣ, такъ, что сами кафире гнушались имъ и смотрѣли на него, какъ на предателя своихъ соотечественниковъ, но держали его у себя, надѣясь, что онъ можетъ имъ быть еще полезенъ.

Жизнь Θεодоры не имѣла ничего особенно радостнаго: она глядѣла на нее всегда, какъ на испытаніе; хотя душею она была всегда спокойна: ничто не смущало ее, ничто не укоряло ея совѣсти. Единственною радостію въ жизни Θεодоры было то, что она могла дѣлать добро, могла помогать несчастнымъ, утѣшать ихъ.

Теперь же, потеря Сугдаи легла тяжелымъ бременемъ на ея душу. Она сожалѣла о погибшемъ городѣ своемъ не потому, что онъ былъ богатъ и славенъ, не потому, что она утратила власть свою надъ нимъ, нѣтъ: ее мучило воспоминаніе о гибели столькихъ тысячъ невинныхъ жертвъ, навшихъ въ стѣнахъ Сугдаи: ихъ ужасную смерть оплакивала она.

Но всего ужаснѣе была для Θεодоры мысль, что братъ ея, товарищъ ея дѣтства, усыновленный и благодѣтельствованный ея родителями, былъ всему виною: прислужница Θεодоры, спасшаяся

съ немногими женщинами, видѣла, какъ Праклій, накануне постигшаго ихъ несчастія, входилъ въ ея комнату и взялъ что-то съ образа, но она не замѣтила, что именно. Ясно было, что онъ отворилъ ворота генуэзцамъ, и это странно тревожило Θεодору. Всѣ войны ея, весь народъ знали объ измѣнѣ Праклія и всѣ проклинали его!

Потеря Сугдаи также сильно потрясла и воиновъ Θεодоры: всѣ они были убиты горемъ. Сугдаія—это была ихъ слава, ихъ могущество. Многіе изъ нихъ, находившіеся въ укрѣпленіяхъ, построенныхъ близъ города, побросали крѣпости свои и пришли въ селеніе Алустонъ, чтобы быть ближе къ царицѣ. Сюда же собрались и жители изъ опустошенныхъ кафянами селеній и крѣпостей и пригнали съ собою стада свои и табуны.

Къ генуэзцамъ подошли, между тѣмъ, новыя войска, и они заняли всѣ укрѣпленія, стоявшія на берегу моря.

Θеодора сознавала, что съ потерей Сугдаи все погибло для нея и для ея народа, и она очень страшилась за участь остальныхъ подданныхъ. Она хотѣла окружить еще одною стѣною Алустонъ, и строила дома для приходившихъ туда изъ другихъ селеній. Суда, которыя успѣли спастись отъ кафянъ, Θεодора перевела въ пристань Ламбата. Войны говорили ей, что они выстроятъ городъ въ Алустонѣ, и занялись устройствомъ и укрѣпленіемъ домовъ своихъ и церквей, находившихся въ селеніи.

Въ продолженіе этого времени, Константинъ оправился отъ своей болѣзни и сталъ дѣятельнѣе прежняго помогать Θεодорѣ. Онъ не говорилъ ей ни слова о любви своей, постоянно сопровождалъ ее повсюду и трудился неумолимо.

Эммануиль, заслужившій своимъ самоотверженіемъ и храбростію, своею преданностію царицѣ, любовь и уваженіе всѣхъ воиновъ ея, также много помогаль Θεодорѣ въ трудахъ ея; она любила своего крестника, какъ сына. Часто говорила она ему: «Ты замѣняешь мнѣ моего несчастнаго брата, погибшаго для меня и для моего народа. Богъ послалъ мнѣ тебя, чтобы ты былъ помощникомъ нашимъ: недаромъ я назвала тебя Эммануиломъ. Ты вѣрно служишь и помогаешь мнѣ и брату: да хранить тебя Богъ! трудись, молись и не жди для себя радостей въ этомъ мѣрѣ; живи такъ, чтобы заслужить себѣ награду тамъ, за гробомъ.»

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ взятія Сугдаи; миновалось дождливое время; настала весна, зазеленѣла трава и разцвѣли деревья, разливая повсюду благоуханіе, и всѣ радостно встрѣчали весеннее солнце.

Θεοδώρα большую часть времени проводила въ монастырѣ на Кастель-горѣ, только иногда выѣзжая въ Алустонъ или въ другія крѣпости свои, чтобы присутствіемъ своимъ ободрить воиновъ и жителей.

Занимая постепенно крѣпости, расположенныя по берегу моря отъ самой Сугдаи, кафяне приближались къ Алустону и грозили ему нападеніемъ.

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, Θεοδώρα, возвращаясь въ монастырь изъ селенія, въ сопровожденіи Константина, ѣхала по горѣ и грустно глядѣла на синеву моря, разстилавшагося предъ ея глазами. Тяжело было ей. Не видѣла она возможности освободить свой любимый народъ отъ чуждой неволи.

Подѣзжая къ монастырской стѣнѣ, у подошвы горы, Θεοδώρα сошла съ лошади, отдала ее одному изъ воиновъ, отворившихъ имъ ворота, и пошла пѣшкомъ по крутой тропинкѣ. Константинъ оставилъ также лошадь свою и пошелъ за нею.

— Сядемъ здѣсь Θεοδώρα! сказалъ Константинъ, указывая на камень, на которомъ обыкновенно она любила отдыхать: Сядемъ! Я давно замѣчаю, сестра, твою задумчивость, тайную тоску твою. Ты жалѣешь о потерѣ нашего славнаго города, о столькихъ погибшихъ братьяхъ нашихъ, жалѣешь объ отечествѣ своемъ и страшишься за участь остальныхъ храбрыхъ воиновъ нашихъ, которые ждутъ только повелѣнія, чтобы напасть на кафявъ, завладѣвшихъ нашею Сугдаіей; они готовы умереть, исполняя волю твою. За нихъ боишься ты, Θεοδώρα, я это знаю: имъ не устоять противъ могущества враговъ! Всѣ соотечественники наши въ Ямболи, въ Херсонесѣ, подчинились власти генуэзцевъ и порицаютъ тебя за то, что ты не хочешь на добровольныхъ условіяхъ уступить кафьянамъ остальную часть владѣній своихъ, не ищешь постыднаго мира съ врагами: они молчатъ, задаренные деньгами, и цѣлуютъ ногу, которая на ступила имъ на горло. А ты, царица, не хочешь продать воиновъ своихъ, не хочешь склонить свою прекрасную голову предъ вра-

гами. Но какъ защитишь ты воиновъ своихъ? какъ спасешь ты ихъ? вотъ что печалитъ тебя, и ты ежеминутно строишься нападения кафянъ. Одно средство спасти жизнь остальныхъ подданныхъ твоихъ—сдаться генуэзцамъ. Они скоро будутъ у стѣнъ нашихъ, и прежде, нежели стануть осаждать крѣпость, вѣрно будутъ предлагать намъ, чтобы мы сдались. Они знаютъ храбрость воиновъ нашихъ, помнятъ, сколько потеряли людей во время осады Сугдаи, даже тогда, когда были впушены въ городъ несчастнымъ предателемъ; зная все это, они несомнѣнно сдѣлають тебѣ предложеніе, чтобы ты сдалась добровольно. Тогда, рѣшайся, Θεодора, рѣшайся! разумѣется, съ согласія воиновъ своихъ, и если они захотятъ отворить ворота кафянамъ на условіи, чтобы они пощадили жизнь и имущества твоихъ подданныхъ. Но, когда ты отдашь владѣнія свои генуэзцамъ, что ты намѣрена дѣлать тогда, Θεодора?

Тутъ голосъ Константина задрожалъ и онъ продолжалъ тихо, какъ бы боясь собственныхъ словъ своихъ:

— Я далъ тебѣ слово не вспоминать болѣе о томъ, что я такъ невольно высказалъ однажды. Но теперь, я могу говорить съ тобою; выслушай меня спокойно, Θεодора! Отказавшись отъ власти надъ народомъ своимъ, ты не можешь оставаться здѣсь. Я не осмѣлился бы сказать тебѣ это прежде; но теперь, когда для насъ все кончено, когда у насъ нѣтъ болѣе отечества, теперь, говорю, намъ должно покинуть Крымъ! У насъ есть золото: сядемъ на корабль, возьмемъ съ собою Эммануила и всѣхъ, кто захочетъ послѣдовать за нами, и уѣдемъ въ Византію, или куда ты пожелаешь. Мы будемъ жить все вмѣстѣ, Θεодора, будемъ счастливы! Позволь мнѣ произнести эти отрадныя слова; позволь надѣяться, позволь мнѣ жить! Мы оба молоды, оба сильны жизнью, оба мужественны: неужели намъ не должно надѣяться! неужели для насъ нѣтъ счастья на земли? Тебѣ одной, тебѣ я посвящу всю жизнь свою! я докажу тебѣ, что счастье есть и на земли, что человѣкъ созданъ не за тѣмъ только, чтобы страдать, но и чтобы знать радости и наслаждаться. Пока ты владѣтельница царица, я не хочу быть мужемъ твоимъ, не хочу дѣлить съ тобою власть и славу твою: теперь я только помощникъ твой, только хранитель жизни твоей, только стражъ твоего спокойствія... Я знаю, что не слава

пужна и тебѣ, не царствомъ дорожишь ты: ты любишь только подданныхъ своихъ, какъ дѣтей. Теряя же ихъ всѣхъ, ужели ты захочешь погубить меня, Эммануила и многихъ, которые будутъ счастливы уже тѣмъ, что ты имъ позволишь всегда оставаться при себѣ, всегда видѣть себя? Θεοδора! отвѣчай мнѣ, молю тебя, ради самого Бога! говорилъ Константинъ, становясь передъ нею на колѣна. Спаси жизнь свою; спаси жизнь любящихъ тебя! Я прошу не за одного себя, а за многихъ друзей твоихъ, такъ искренно преданныхъ тебѣ! Θεοδора, Θεοδора! согласиесь посвятить жизнь свою людямъ, обожающимъ тебя, не какъ властительницу свою, а какъ мать и благодѣтельница, какъ нѣжно любимую подругу! Если ты не сдасься и останешься здѣсь вмѣстѣ съ войнами своими, кафяне истребятъ насъ всѣхъ, какъ это они сдѣлали въ Сугдаѣ. Но, что будетъ съ тобою, если ты сдасься и не уѣдешь отсюда? Тебя или затворятъ въ темницу,—тогда и я пойду за тобою въ темницу,—или лишатъ жизни, и я тогда погибну съ тобою. Спаси себя! Спаси воиновъ и народъ свой, спаси друзей своихъ, спаси меня!

Константинъ упалъ къ ногамъ Θεοδόры, цѣловалъ ихъ, цѣловалъ землю, на которой покоились онѣ, цѣловалъ края одежды ея.

Θεοδόра молчала. Прижавъ крестъ къ груди своей, она казалась бездыханною. Наконецъ, она подняла голову, протянула руку Константину и сказала тихо:

— Сядь и слушай меня. Я сама понимаю, что селеніе это и любимый монастырь мой—наше послѣднее убѣжище, гдѣ покоится прахъ моей матери и моего отца—надо отдать кафянамъ. Я знаю, что только этимъ однимъ могу спасти жизнь несчастныхъ воиновъ своихъ. Но я знаю также ихъ ненависть къ генуэзцамъ, знаю ихъ безпредѣльную любовь ко мнѣ, и не думаю, чтобы они согласились сдаться добровольно.

«Они спросятъ, что же будетъ со мною? И узнавъ, что я должна ихъ покинуть, захотятъ лучше всѣ умереть. Если же мнѣ и удастся убѣдить ихъ, то предъ алтаремъ святымъ я дала обѣтъ еще при жизни своего наставника—отдать себя Богу, и не могу взять его назадъ. Ты говоришь, что мы должны быть счастливы и здѣсь, въ этомъ мірѣ. Нѣтъ! мы должны посвятить себя Богу; должны

умереть чистыми и непорочными, чтобы достойно предстать предъ престоломъ Всевышняго. Я согласна, я покину отечество, поѣду съ тобою и друзья наши послѣдуютъ за нами; но я требую, чтобы ты никогда не старался убѣждать меня быть твоею женою.»

— Она на минуту умолкла, и опять продолжала: «Я знала любовь твою, наставникъ мой угадалъ ее прежде меня и открылъ мнѣ ее передъ своею кончиною. Я замѣчала за тобою и убѣдилась сама въ истинѣ словъ старца. И я поняла тогда, что и я люблю тебя! Ежеминутно молила я Господа, чтобы Онъ спасъ меня отъ искушенія. Я дала клятву принадлежать Богу и не нарушу ее; но, пока я жива, я не покину тебя; только молю объ одномъ, будь мнѣ всегда братомъ, и пусть я всегда буду сестрою тебѣ!»

Константинъ былъ невыразимо счастливъ; Θεодора сказала ему, что она его любитъ! Это было для него такимъ неожиданнымъ блаженствомъ, что онъ не могъ думать болѣе ни о чемъ другомъ. Онъ упалъ опять къ ногамъ Θεодоры, и цѣловалъ одежду ея. Не имѣя силы произнести ни слова, онъ плакалъ и благодарилъ Бога за счастье, которое Онъ посылаетъ ему.

Θеодора испугалась его волненія, она сказала ему:

— Будь твердъ, братъ мой! Ищи утѣшенія и радости въ молитвѣ: не предавайся порыву чувствъ своихъ. Никогда не напоминай мнѣ о томъ, что я сказала тебѣ сегодня. Я исполню желаніе твое, покину Крымъ, покину наши чудныя горы, если согласишься на то дѣти наши; но невозможнаго отъ меня не требуй.

Они встали и безмолвно возвратились въ монастырь. Θεодора мысленно молилась, а Константинъ блаженствовалъ при мысли, что онъ любимъ.

VIII.

Объ Иракліѣ не было никакого слуха. Всѣ, кто окружали Θεодору, гнушались даже вспоминать о немъ.

Θеодора ждала ежеминутно нападенія кафанъ. Хотя она и рѣшилась сдаться, но принимала всѣ мѣры, чтобы предостеречь себя отъ внезапнаго нападенія враговъ.

Ей нужно было осмотрѣть довольно значительное укрѣпленіе, находившееся на горѣ *Аю-дагъ*. Здѣсь былъ большой монастырь, настоятель котораго заболѣлъ и хотѣлъ видѣть царицу. Теодора отправилась туда, съ спутниками своими, Константиномъ и Эммануиломъ. Пробывъ въ монастырѣ однѣ сутки, осмотрѣвъ крѣпость, на другой день утромъ она пустилась въ обратный путь, въ монастырь свой, на Кастель-гору. Между тѣмъ, Праклій, проживавшій все это время у кафянъ, узналъ отъ лазутчиковъ, бродившихъ во владѣніяхъ Теодоры, что она, вооруженная, въ сопровожденіи небольшого числа воиновъ, уѣхала въ Ламбать, а оттуда далѣе.

Горя желаніемъ отметить Теодорѣ, онъ пользовался всякимъ представлявшимся къ тому случаемъ. Одѣвшись въ платье брата, онъ сѣлъ на вороную лошадь, какая была у Константина, и вечеромъ того же дня, когда солнце уже садилось, подѣхалъ къ воротамъ Алутона. Воины, принявъ его за брата, отворили ему ворота. Но, увидѣвъ его одного, безъ Теодоры, съ безпокойствомъ спросили: Гдѣ же царица?— Она останется ночевать и пробудетъ завтра цѣлый день въ Ламбать, отвѣчалъ имъ Праклій. Опасаясь, въ свое отсутствіе, внезапнаго нападенія кафянъ, она приказала имъ возвратиться.— Съ Теодорой остался Эммануиль: все знали храбрость его и перестали опасаться за любимую царицу свою.

Праклій пошелъ прямо въ монастырь и заперся тамъ въ кельѣ Константина; откуда онъ вышелъ только при наступленіи ночи, спустился къ колодцу, въ которомъ находилась желѣзная дверь, ведшая въ подземный выходъ къ морю, снялъ засовы съ двери и притворилъ ее, но только слегка, такъ, чтобъ можно было толкнуть ее съ противоположной стороны, и войти безъ затрудненія; потомъ онъ обошелъ всю крѣпость, все осмотрѣлъ внимательно и воротился въ келью Константина, не будучи узнавъ никѣмъ. Ему нужно было отворить этотъ потайной входъ, чтобы на всякій случай имѣть все средства къ выполненію своихъ злодѣйскихъ замысловъ. За жизнь свою онъ не опасался, во-первыхъ потому, что зналъ великодушіе Теодоры, а потому онъ надѣялся, что если она и захочетъ схватить его и предать смерти, то онъ или успеетъ уйти, или кафяне придутъ къ нему во-время

на помощь и спасуть его. Онъ былъ готовъ на все, и ждалъ возвращенія Θεодора.

Предъ закатомъ солнца Θεодора пріѣхала въ Алустонъ. Какое же было удивленіе воиновъ, когда они увидѣли съ нею Константина? Они поняли тогда, какъ жестоко обманулись, и рассказали царицѣ все, какъ было. Θεодора осталась въ селеніи и послала воиновъ отыскать и привести къ ней Ираклія. Негодование всѣхъ было безмѣрно.

Ираклій, въ продолженіе цѣлаго дня, не выходилъ изъ кельи.

Когда пришли за нимъ посланные Θεодоры, онъ безпрекословно повиновался, сѣлъ на подведенную ему лошадь, и въ сопровожденіи воиновъ спустился въ Алустонъ.

Когда привели его къ Θεодорѣ, она, обращаясь къ воинамъ своимъ, сказала: «Дѣти мои, это измѣнникъ! Онъ пользуется сходствомъ съ братомъ, и губить соотечественниковъ.»

Ираклій хотѣлъ отвѣчать ей; но Θεодора замахнулась мечемъ и разрубила ему щеку.

— Вотъ знакъ, сказала она, по которому вы будете узнавать теперь его и не будете болѣе обмануты.

Ираклій хотѣлъ говорить, но кровь текла изъ раны его и заливала ему ротъ.

— Перевяжите рану его, продолжала Θεодора: я не хочу убивать человѣка, котораго отецъ мой называлъ своимъ сыномъ, а я братомъ.—Ему перевязали рану и онъ сказалъ съ страшною угрозою:

— Местъ моя будетъ ужасна! исполню свою клятву, рано или поздно, но я исполню ее!

— Простите ему грѣхи его, говорила Θεодора: простите ему и помолитесь за несчастнаго! онъ безумецъ, а безумные могутъ сдѣлать много зла. Я не хочу его осуждать на смерть; пусть судить его Богъ. Выведите его за ворота; пусть онъ идетъ къ тѣмъ, отъ кого пришелъ.

Воины, повинувшись своей царицѣ, связали руки Ираклію и вывели его за ворота, не сказавъ ни слова. Тамъ они развязали его и пустили. Отвращеніе свое они выразили только тѣмъ, что подошли къ ручью и умыли руки.

Когда вывели Ираклія за ворота, онъ, утомленный и ослабѣвшій

отъ потери крови, едва добрель до перваго укрѣпленія кафянъ. Онъ проклиналъ себя, проклиналъ брата, и клялся, что Θεοδора, рано или поздно, будетъ принадлежать ему.

Греки чувствовали, что не передъ добромъ появился между ними предатель князь. И дѣйствительно, не прошло недѣли, какъ съ башень увидѣли, что кафяне огромною массою идутъ на Алустонъ. Они приблизились къ стѣнамъ крѣпости и обложили селеніе со всѣхъ сторонъ, а къ крѣпостнымъ воротамъ подъѣхало нѣсколько вооруженныхъ всадниковъ, требуя, отъ имени республики, чтобы всѣ греки, съ своею царицею, сдались добровольно, чтобы покорились имъ вполне и не имѣли болѣе своихъ властителей; и въ такомъ случаѣ, обѣщали сохранить жизнь, дома и имущество жителей.

На это предложеніе войны Θεοδоры отвѣчали бранью. Кафяне грозили взять селеніе приступомъ, перерѣзать женъ и дѣтей и разграбить все, если они не покорятся добровольно.— «Мы не дадимъ вамъ взять селенія нашего и въ цѣлый годъ, попробуйте осаждать насъ!»

Тогда Θεοдора собрала народъ и воиновъ и сказала имъ:

«Выслушайте меня, мои храбрые воины, дѣти мои, братья мои! Вы не хотите сдаваться кафянамъ; вы отвергаете мирныя предложенія ихъ; чего же хотите вы? Кафяне очень сильны; имъ покорились всѣ сосѣди наши; предъ ними трепещетъ теперь и ханъ татарскій; что же можемъ сдѣлать мы одни? Никто, вѣдь, не придетъ къ намъ на помощь; всѣ, напротивъ, стануть порицать насъ за нашу гордость и неблагоразуміе.

«И наконецъ, вы должны будете покориться генуэзцамъ; тогда они отометятъ вамъ страшно, не оставятъ камня на камнѣ въ селеніяхъ вашихъ! Всѣ вы падете на развалинахъ жилищъ своихъ. Подумайте хорошенько, и пожалѣйте тѣхъ, кто дорогъ вамъ!»

— Мы не дадимся въ руки враговъ! говорили воины. Если такъ поступили другіе, то это не можетъ служить примѣромъ для насъ. У насъ еще наша царица! ты и въ Сугдаѣ защитила бы насъ; ты сохранила бы славный городъ нашъ, еслибы не измѣнилъ князь. Да проклянетъ его Господь, какъ мы проклинаемъ!

— Не проклиняйте, дѣти мои! простите грѣшному, простите

несчастному: возьмите назадъ свое проклятіе! Спаситель молился за мучителей своихъ,—молитесь и вы за враговъ вашихъ; князь вамъ злѣйшій врагъ—простите же ему и помолитесь за него. И тогда испросимъ у Господа себѣ помощи и защиты. Теперь выслушайте меня до конца: васъ пощадятъ генуэзцы; меня же они заключать въ темницу, или лишать жизни: они озлобены противъ меня. Я должна буду бѣжать, у меня есть корабли: я покину васъ, дѣти!

Страшный вопль раздался между народомъ.

«Нѣтъ, царица, не покидай насъ! Мы не хотимъ быть подъ властію враговъ нашихъ; мы не склонимъ головы предъ ними. Мы не допустимъ тебя бѣжать отъ насъ: мы дѣти твои, ты мать наша—не покидай насъ. Раздѣли съ нами нашу участь, такъ угодно Богу, пусть такъ и будетъ! Можетъ быть, мы отстоимъ жилища наши; тогда опять мы будемъ жить счастливо подъ крыломъ твоимъ. Если же мы падемъ, то падемъ со славою и сами враги удивятся храбрости нашей! падемъ около тебя и исчезнетъ родъ нашъ, но не исчезнетъ память о тебѣ, наша славная царица! Ты столько лѣтъ охраняешь насъ; ты была матерью сиротъ, дочерью старцевъ, которыхъ Господь лишилъ дѣтей; ты защищала вдовъ, лечила больныхъ, молилась за грѣшниковъ. Нѣтъ! мы не покинемъ тебя; мы все умремъ за тебя!

— Да будетъ воля твоя, Господи! произнесла Θεодора. Вы хотите защищаться, не хотите разставаться со мною, пусть будетъ такъ! Помолитесь Богу!

Все стали на колѣна и голоса слились въ одну общую, душевную мольбу. Послѣ молитвы, все повеселѣли и ободрились.

Оставшись одна съ Константиномъ и замѣтивъ глубокое уныніе на лицѣ его, Θεодора сказала ему: «Я исполнила желаніе твое, братъ, но Богъ судилъ иначе: покоримся волѣ Его! Умремъ, Константинъ! умремъ съ веселіемъ и мужествомъ, какъ умирали предки наши, какъ умирали святые мученики за вѣру!»

Но слова Θεодоры не могли разогнать грусти Константина: онъ любилъ, онъ хотѣлъ жить, онъ хотѣлъ счастья на землѣ.

На другой день камяне приступили къ осадѣ Алустана.

Греки защищали богатое селеніе свое храбро и отчаянно. Цѣлый день до самой поздней ночи продолжалась страшная бит-

ва. Осаждающіе взбирались по стѣнамъ и падали, раздавленные тяжестию сыпавшихся на нихъ камней; воины Θεодоры, жители, мужчины и женщины—всѣ были на укрѣпленіяхъ, бросали въ неприятелей камни, кипятили смолу и масло и обливали ими осаждающихъ. Генуэзцы во многихъ мѣстахъ проламывали стѣны, но греки быстро закладывали проломы, и съ новымъ ожесточеніемъ принимались драться.

Осада длилась восемь дней, и наконецъ, на девятый день, къ кафьямъ пришли новыя силы, съ огромными машинами для разрушенія стѣнъ, и они одержали побѣду.

Алустонъ былъ взятъ. Всѣ женщины и воины скрылись въ монастырь св. Прокла и заперлись въ неприступныхъ его стѣнахъ.

Ираклій не принималъ участія въ битвѣ, и только съ нетерпѣніемъ ждалъ ея окончанія. Онъ хотѣлъ мстить Θεодорѣ и брату, мстить страшно, мстить предательски.

Послѣ взятія Алустона, онъ увѣрялъ кафьянъ, что они никогда не сдѣлаются полными властителями земель греческихъ, пока жива будетъ Θεодора, и потому имъ нужно завладѣть и сильною крѣпостию ея на Кастель-горѣ. Онъ обѣщалъ и здѣсь помочь имъ, сказалъ, чтобы на другой день они собрались всѣ у неприступныхъ воротъ крѣпости, и что онъ имъ отворить ихъ, но съ тѣмъ только, чтобы они, захвативъ Θεодору, выдали ее ему. Ираклій теперь не хотѣлъ уже ни славы, ни власти: онъ хотѣлъ овладѣть Θεодорой, противъ ея воли; хотѣлъ отомстить ей за ея отверженіе и за позорную рану, которую она нанесла ему.

Весь день послѣ покоренія Алустона, Θεодора заботилась о раненыхъ, утѣшала и успокоивала женщинъ и дѣтей. Вечеру она позвала съ собою Константина.

— Я чувствую, что намъ недолго остается жить, братъ! сказала она: мы здѣсь хотя и въ безопасности, но насъ много: у насъ не станетъ сѣстныхъ припасовъ, и мы должны будемъ умереть съ голоду. Я хочу проститься съ тобою, Константинъ! не знаю почему, я чего-то жду въ эту ночь: сердце мое и радуется и тоскуетъ. Помолимся вмѣстѣ, Константинъ: можетъ быть, душа моя успокоится.—Они оба стали на колѣна передъ

образомъ и долго молились. Θεодора, послѣ молитвы, протянула руки къ Константину, обняла его и сказала:

— Теперь прощай, Константинъ!—Это была первая ласка Θεодоры; Константинъ горячо прижалъ ее къ груди своей и поцѣловалъ.

— Прощай! сказала она опять: прощай! не знаю почему, но мнѣ кажется, я тебя больше не увижу.

— О, не говори этого, вскричалъ Константинъ: да спасеть насъ Богъ! Я вѣрю въ счастье на землѣ: вѣдь ты любишь меня, Θεодора?

— Прощай! говорила Θεодора, крѣпко сжимая его въ своихъ объятяхъ; потомъ, положивъ крестъ свой на голову Константина, она прибавила: «Благословляю тебя на счастье тамъ, у Господа! Кафяне ожесточены противъ насъ; они подъ самыми стѣнами, и, можетъ быть, уже подводятъ подкопы. Иди, я пойду къ раненымъ своимъ, и потомъ приду къ вамъ.—Константинъ, взволнованный ласками Θεодоры, былъ слишкомъ счастливъ, чтобы думать о смерти. Онъ пошелъ къ стѣнамъ крѣпости, а она отправилась въ монастырь, гдѣ лежали раненые.

Какъ только смерклось, Ираклій спустился къ морю, пробрался по знакомымъ ему скаламъ къ отверстію, ведущему подземнымъ ходомъ въ крѣпость, отвалилъ камень и пролѣзъ въ это отверстіе. Потомъ узкимъ ходомъ прошелъ до самаго колодезя, отворилъ желѣзную дверь и вошелъ въ крѣпость.

Ночь была довольно свѣтлая. Онъ ползкомъ между камнями пробрался до стѣны и тамъ притаился.

Вдругъ онъ услышалъ шаги, и чрезъ минуту узналъ брата.

Константинъ шелъ въ это время къ стѣнѣ, чтобы взобраться на возвышеніе и посмотреть, что дѣлается у непріятеля. И когда нагнулся, чтобы лучше разглядѣть, почувствовалъ сильный ударъ ножемъ въ бокъ; онъ вскрикнулъ и упалъ навзничь.

Ираклій наклонился къ нему и сказалъ:

— Я отомстилъ, и она будетъ моею.

— Господь не допуститъ! прошепталъ Константинъ и лишился чувствъ.

Ираклій успѣшно побѣжалъ къ воротамъ, снялъ желѣзные засовы, которыми они были заложены, и пошелъ къ Θεодорѣ.

Она приняла его за Константина и спросила: «что дѣлають камяне?»

— Они сейчасъ будутъ здѣсь, сказалъ Праклій, открывая голову и показывая рану на щекѣ: я отворилъ имъ ворота. Теперь ты моя, гордая царица!»

— Умри измѣнникъ! вскричала Θεοδора, и въ одно мгновение, мечемъ отца своего разрубила ему голову. Праклій, не ожидая удара, не успѣлъ оборониться и упалъ къ ногамъ ея.

«Камяне въ крѣпости!» раздалось вдругъ со всѣхъ сторонъ. Θεοδора бросилась впередъ, съ окровавленнымъ мечемъ и съ крестомъ въ лѣвой рукѣ. На порогъ она встрѣтила Эммануила: «Вотъ измѣнникъ!» сказала она, указывая на Праклія, и кинулась къ врагамъ.

Между тѣмъ, Константинъ не былъ еще мертвъ. Онъ очнулся, и слыша шумъ вокругъ себя; попробовалъ встать, но не имѣлъ силы. Онъ услышалъ голосъ Эммануила, который приказывалъ заваливать камнями ворота, и сталъ звать его къ себѣ. Бѣжавшій мимо воинъ, услышавъ зовъ Константина, подошелъ къ нему: «Князь, ты раненъ?» спросилъ онъ. — Да, я раненъ и умираю; но гдѣ царица?—Она сражается. — Позови ко мнѣ Эммануила.

Воинъ торопливо побѣжалъ къ Эммануилу и сказалъ ему, что любимый князь ихъ, тяжело раненый, лежитъ около стѣны. Эммануиль поспѣшилъ къ нему.

— Я умираю, сказалъ Константинъ: бѣги къ царицѣ, скажи ей объ этомъ и спаси ее отъ Праклія!

— Онъ лежитъ уже съ разрубленною головою, отвѣчалъ Эммануиль: царица сама казнила его.

Потомъ онъ взялъ раненаго, положилъ на камень и хотѣлъ осмотрѣть рану его; но Константинъ сказалъ: «Я умираю, иди къ ней!» и скончался. Эммануиль перекрестился, поцѣловалъ его руку и бросился въ ряды сражавшихся.

Θεοδора искала вездѣ Константина. Увидѣвъ Эммануила, она спросила его: «гдѣ братъ?» — Убить; я сейчасъ отъ него; онъ только что закрылъ глаза.

— Господи! пріими меня! вскричала Θεοδора, и съ ожесточеніемъ кинулась на камянь.

Луна взошла и освѣтила страшную битву на Кастель-горѣ. Греки и генуэзцы сражались отчаянно, съ невыразимою храбростію: монахи, жевщины, даже дѣти, всё сражались, всё искали смерти отъ руки враговъ. Ручьями лилася кровь.

Теодора изнемогала; она была вся изранена; кровь струилась по длиннымъ волосамъ ея, но она не отдавалась кафиянамъ и не переставала рубиться съ ними.

IX.

Чрезъ два дня послѣ этого отчаяннаго сраженія, на Кастель-горѣ все было тихо. Груды тѣлъ покрывали все пространство горы; кровь еще текла со скалъ *; вороны летали надъ трупами, а всё другія птицы далеко улетѣли отъ страшнаго мѣста смерти. Солнце свѣтило ярко. Одинъ человекъ; блѣдный, съ обвязанною головою, ходилъ между трупами и искалъ кого-то. Это былъ Эммануиль. Сражаясь наканунѣ, онъ былъ раненъ въ голову и упалъ около огромнаго камня, который спасъ его и онъ не былъ раздавленъ сражающимися.

Когда онъ очнулся, около него царствовало мертвое молчаніе. Онъ припомнилъ все случившееся и пошелъ отыскивать тѣло погибшей царицы. Онъ вспомнилъ, какъ изнемогала она въ битвѣ отъ полученныхъ ранъ, какъ онъ хотѣлъ увести ее, но она сказала: «умремъ!» и отчаянно бросилась въ самый пылъ битвы. Болѣе Эммануиль ничего не видѣлъ и не помнилъ: въ эту минуту онъ получилъ рану въ голову и упалъ за-мертво между камней.

Отыскивая долго между трупами, онъ нашелъ наконецъ тѣло павшей Теодоры; онъ узналъ ее по одеждѣ. Лица ея нельзя было распознать: оно было покрыто запекшеюся кровью; въ оостенѣлыхъ рукахъ она держала еще кедровый крестъ свой. Эммануиль взялъ обезображенное тѣло, отнесъ къ водѣ и омылъ лицо и длинные шелковистые волосы своей царицы. Широкая

* Еще и теперь одна скала на Кастель-горѣ носить названіе *Емата-каля* или *каль-каля*; а татарское *каль* соответствуетъ греческому *αἷμα*—кровь. См. Крымск. Сборн. Кешена, стр. 160, примѣч. 241.

рана была надъ вискомъ ея, а правое плечо разрублено совершенно; но лицо не было повреждено вовсе. Эммануиль отеръ его: оно было блѣдно, но все еще прекрасно. Онъ долго глядѣлъ на нее и цѣловалъ прекрасные волосы и блѣдное чело Теодоры.

— Я любилъ тебя, не какъ царицу, но какъ нѣжную, родную мать мою! произнесъ Эммануиль. Я былъ преданъ тебѣ всею душою. Ты меня сдѣлала христианиномъ; ты научила меня молиться Богу, любить Спасителя; ты внушила мнѣ любовь къ добру. Прощай, милая, нѣжная мать моя! Прощай, моя славная царица! и онъ цѣловалъ холодныя руки Теодоры и обливалъ ихъ слезами.

Обмывъ тѣло своей любимой повелительницы, Эммануиль пошелъ въ монастырскую церковь. Войдя въ алтарь, ему показалось, что онъ слышитъ легкій стонъ. Онъ осмотрѣлся кругомъ, сталъ прислушиваться внимательнѣе, и замѣтилъ въ углу, между трупами монаховъ, одного изъ нихъ, покрытаго кровью и силившагося освободиться изъ-подъ груди лежавшихъ на немъ тѣлъ. Эммануиль подошелъ къ нему поближе и узналъ въ немъ монаха-священника, отца Анастасія, отъ котораго онъ принялъ св. крещеніе, старца благочестиваго и ученаго.

— Отецъ Анастасій! сказала Эммануиль, помогая ему встать: ты живъ? Боже мой! Я не одинъ пережилъ эту ужасную ночь. Ты раненъ?

— Да, сынъ мой, я раненъ въ плечо и не могу пошевелить рукою. Не знаю, долго ли лежалъ я здѣсь; но когда я опомнился, то солнце было уже высоко. Я съ ужасомъ вспомнилъ страшное кровопролитіе, я увидѣлъ вокругъ себя трупы несчастныхъ братьевъ моихъ, такъ храбро защищавшихъ эту святую обитель.

— Да помянетъ ихъ Господь Богъ во царствіи своемъ! Но гдѣ царица? Она погибла?

— Погибла, отвѣчалъ Эммануиль, и я хочу отдать послѣдній долгъ тѣлу ея. Кажется, только мы одни съ тобою, св. отецъ, и остались живы.

— Пойдемъ, пойдемъ, сынъ мой! говорилъ монахъ, дѣлая страшныя усилія, чтобы двинуться съ мѣста.

— Постой, я прежде перевяжу рану твою. О, какъ глубока

она! пойдѣмъ, я обмою ее, и тогда мы вмѣстѣ предадимъ землѣ тѣло нашей царицы.

Отдохнувъ нѣсколько минутъ, они воротились вмѣстѣ въ церковь, взяли одну изъ священническихъ одеждъ, пришли къ мѣсту, гдѣ лежала Θεодора и обвернули ею тѣло покойной. Эммануилъ началъ рыть для нея могилу; а отецъ Анастасій, не владея рукою, читалъ надъ усопшей молитвы.

Когда могила была вырыта, они простились съ своей царицей. Отецъ Анастасій отслужилъ по своей царицѣ и по всѣхъ павшихъ панихиду.

— Если Богъ сохранилъ насъ живыми, сказалъ юноша, то вѣрно для того, чтобы мы предали землѣ тѣло нашей храброй царицы. Мы исполнили долгъ свой. Теперь уйдемъ отсюда. Спустимся къ морю, отецъ Анастасій! а оттуда, лѣсомъ и горами, намъ будетъ легко добраться до какого-либо уединеннаго монастыря на Яйлѣ, гдѣ я хочу окончить дни свои вмѣстѣ съ тобою, св. отецъ, въ постоянной молитвѣ объ успокоеніи душъ нашихъ убитыхъ братьевъ.

Они еще разъ сотворили молитву на могилѣ Θεодоры, бросили прощальный взглядъ на убитыхъ грековъ, грудями лежавшихъ по всей Кастель-горѣ, и спустились въ колодезь, изъ котораго ходъ проведенъ былъ къ морю.

Эммануилъ былъ сильно раненъ въ голову, а отецъ Анастасій въ плечо, и потому, на пути, силы имъ измѣняли непрерывно. Они съ трудомъ добрались до выхода. Солнце уже садилось.

— Уже поздно... и мы не можемъ сегодня пуститься въ путь, сказалъ отецъ Анастасій: проведемъ здѣсь ночь; тутъ есть вода, мы освѣжимся и уснемъ, а завтра съ восходомъ солнца отправимся далѣе.

Эммануилъ согласился; онъ выпилъ немного холодной воды изъ источника, вытекавшаго неподалеку изъ подъ камня, и въ изнеможеніи легъ на землю. Отецъ Анастасій легъ также возлѣ него, послѣ короткой молитвы.

Но боль отъ раны не давала ему спать; онъ часто просыпался, и, не слыша стоновъ своего товарища, подумалъ, что тотъ спитъ. Когда же занялась заря и отецъ Анастасій склонился къ Эммануилу, чтобы взглянуть на его рану, онъ нашелъ его безды-

ханымъ. На груди его лежалъ кедровый крестъ Теодоры. Онъ уснулъ спомъ вѣчнымъ.

— Прими Господи и его душу, въ царствіи Своемъ, ска- залъ отецъ Анастасіи: Покойся здѣсь, благочестивый юноша! пусть этотъ крестъ нашей царицы будетъ твоимъ могильнымъ крестомъ.

Монахъ прочелъ молитву надъ тѣломъ усопшаго, снялъ съ себя верхнюю одежду и покрылъ его ею. «Теперь тебя здѣсь никто не найдетъ, продолжалъ онъ: хищныя птицы, вѣрно, не залетятъ сюда, у нихъ довольно пищи и тамъ, на верху. А время засы- плетъ кости твои, храбрый юноша!»

— Куда пойду теперь я одинъ? Возвращусь къ мѣсту стра- шной битвы, отслужу еще разъ панихиду, а потомъ... да будетъ со мною воля Господня!

Подземнымъ ходомъ отецъ Анастасіи пошелъ опять на гору; но онъ едва добрелъ до выхода, и далѣе идти не могъ, лишился чувствъ и упалъ у самыхъ дверей.

На другой день монахи изъ сосѣднихъ монастырей, пришед- шіе на Кастель-гору погребать тѣла убитыхъ, нашли отца Ана- стасіа въ этомъ положеніи, привели его въ чувство, подали ему необходимую помощь, и отвели его въ монастырь Св. Плиі, на- ходившійся не вдалекѣ отъ Ламбата *. Отецъ Анастасіи жилъ долго въ этомъ монастырѣ, и здѣсь описалъ жизнь царицы Тео- доры. Послѣ смерти, онъ оставилъ рукопись свою настоятелю монастыря.

Позднѣе, когда большая часть грековъ выселилась изъ Крыма, а оставшіеся обращены въ мусульманство, когда церкви и мо- настыри греческіе были разорены, рукопись эта занесена была однимъ крымскимъ монахомъ въ монастырь Успенія Божіей Ма- тери, находящійся недалеко отъ Трапезонда.

Такъ, вѣроятно, долго сохранялось описаніе жизни Теодоры; его списывали благочестивые монахи и передавали отъ одного другому.

Въ настоящее время, по развалинамъ монастыря Св. Прокла

* У подошвы Яйлы.

на Кастель-горѣ, едва можно опредѣлить то мѣсто, гдѣ онъ находился, и въ грудѣ камней съ трудомъ можно найти какіе-либо остатки отъ церкви его и другихъ строеній. Но мѣсто, гдѣ покоится тѣло Эммануила, можно отыскать еще и теперь, хотя оно очень завалено камнями разрушившихся укрѣпленій. И теперь вы найдете у самой подошвы Кастель-горы, надъ моремъ, со стороны Ламбата, источникъ прѣсной воды, вытекающій изъ подъ-камневъ: здѣсь-то и умеръ крестникъ Θεодоры.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

МИНЬОНА.

(Изъ Гете).

Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ апельсинъ съ лимономъ
Межъ листьями горять подѣ пышнымъ небосклономъ,
Гдѣ небо голубымъ раскинулось шатромъ,
Гдѣ лавръ и кипарисъ слетаются кругомъ,
Ты знаешь ли его?

Туда, туда, туда
Хотѣла бы съ тобой уйти я навсегда!

Ты знаешь ли тотъ домъ, гдѣ своды подпираеть
Рядъ мраморныхъ колоннъ? — Все золотомъ сіяеть;
Гдѣ статуи, тѣснясь, мнѣ шепчуть, милый мой:
«Несчастное дитя! что сдѣлали съ тобой?»
Ты знаешь ли его?

Туда, туда, туда
Хотѣла бы съ тобой уйти я навсегда!

Ты знаешь ли скалу съ подоблачной стезею,
Гдѣ въ мракѣ ищетъ мулъ тропинку предѣ собою?
Гдѣ въ трещинѣ драконъ, съ семьей своею живеть,
Нависъ съдой утесъ, потокъ подѣ нимъ реветъ, —
Ты знаешь ли ее?

Туда, туда, туда
Хотѣла бы съ тобой уйти я навсегда!

Н. ГЕРБЕЛЬ.

II.

ВАРОАГЕНЪ.

(Изъ Шиллера).

Слабый ребенокъ, изнѣженный лучшею матерью нашей,
 Соединявшій могущество Рима съ хитростью Тира:
 Силою тотъ управлялъ покоренной землею, а этотъ
 Мудростью правилъ вселенной, ее обирая. Что скажетъ
 Позднѣй историкъ о славъ твоей? Какъ Римлянинъ—стально
 Ты добывалъ себѣ то, чѣмъ золотомъ правилъ по-тирски.

НИКОЛАЙ ГЕРБЕЛЬ.

III.

БЕЗСОННИЦА.

Безсонница, —мученье праздной лѣтн, —
 Люблю твой полу-бредъ въ безмолвнѣй ночи часъ,
 Когда уляжется дневная жизнь вокругъ насъ, —
 И только въ сумракъ нѣмая бродячь тыни,
 Бесѣдуя съ душой.... Люблю я въ тишинѣ
 Припоминать денныя впечатлѣнья,
 Переживать прожитыя волненья,
 И тайно повѣрять себя наединѣ....

Вотъ слышатся полу-слова.... шептанья....
 Мы дополняемъ ихъ догадливой мечтой!...
 И заблестятъ глаза... И въ темнотѣ ночной
 Светлѣй горять воспоминанья....
 Неясно-сладостной надеждой умъ прельщенъ,
 Все невозможное вдругъ кажется возможно....
 И сердце бьется въ насъ такъ страстно, такъ тревожно....
 И насъ баюкаетъ безъ сна волшебный сонъ....

ГР. Е. РОСТОПЧИНА.

IV.

СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ.

И больно, и сладко,
Когда при началъ любви,
То сердце забьется украдкой,
То въ жилахъ течеть лихорадка,
То жаръ запылаеть въ крови...
И больно, и сладко!

Пробьеть часъ свиданья, —
Потупя предательскій взоръ,
Въ волненьи, въ томленьи незнанья,
Боясь и желая признанья, —
Начнешь и прервешь разговоръ...
И въ муку — свиданье!...

Не вымолвишь слова...
Нѣмвешь... робвешь... дрожишь...
Душа, проклиная оковы,
Вся въ рѣчи излиться-бъ готова...
Но только глядишь и молчишь, —
Нѣтъ силы, нѣтъ слова!...

Настанеть разлука, —
И холодно, гордо простясь,
Уйдешь съ своей тайной и мукой!
А въ сердце истома и скука, —
И вѣчностью каждый намъ часъ,
И смерть намъ разлука!...

И сладко, и больно...
И трепеть безумный затихъ;
И сердцу легко и раздольно...
Слова полились бы такъ вольно,
Но слушать ужъ некому ихъ, —
И сладко, и больно!...

V.

НЕГОДОВАНИЕ.

Нѣтъ, никогда не преклоню колѣна
 Предъ торжествомъ кумировъ суеты!
 Нѣтъ, мой языкъ, заклятый врагъ измѣны,
 Чуждъ лести, лжи и низкой клеветы!
 Нѣтъ, никогда руки не протяну я
 Надменной гордости глупцовъ,
 Насмѣшкою своею не примину я
 Унизить чванство мнимыхъ мудрецовъ!
 Я баловней судьбы самодовольныхъ
 Люблю задѣть безвредной остротой;
 Не удержу я колкостей невольныхъ
 На счетъ ничтожности пустой....
 Когда толпа хвалою незаслуженной
 Курить у ногъ бездушной красоты, —
 Я въ этой куклѣ наряженной
 Найду изъянъ сердечной нищеты....
 Иль чинное притворство въ добродѣтель
 Смиренищъ въ образцы намъ возведутъ: —
 Я вопію, неподкупной свидѣтель, —
 Личину, съ нихъ слова мои сорвутъ....
 За то, когда нашъ свѣтъ несправедливый
 На безоружныхъ жертвъ встаетъ грозой,
 И судить ихъ, какъ фарисей строптивый,
 И ихъ клеймить позоромъ и хулой,
 За женщину, за слабыхъ, беззащитныхъ,
 Безумно въ бой тогда бросаюсь я....
 Чтобъ вырвать ихъ изъ пастей ненасытныхъ, —
 Забыта робость женская моя!
 Я вызову, презрѣвъ самохраненъемъ,
 Молву и свѣтъ, толпу враговъ моихъ:
 Хулителей дразню опроверженъемъ,
 Клеветникамъ въ лицо бросаю ложью ихъ!..
 Мой голосъ слабъ, защитникъ я ничтожный,
 Но мой упрекъ, какъ меткая стрѣла,
 Пронзитъ броню злословящихъ безбожно,

И, поблѣднѣвъ, притихнетъ вдругъ хула...
И, можетъ быть, запуганныя свѣтомъ,
Мнѣ добрыя откликнутся сердца,
И поздній гнѣвъ ихъ закипитъ отвѣтомъ
На шутки злыхъ, на смѣхъ глупца...
Пойдетъ рости безстрашной правды слово, —
И голоса по свѣту вербовать:
Толпа всегда того обнять готова,
Кого за мигъ хотѣла растерзать!...
А мнѣ легко въ тотъ день сто кратъ блаженный,
Что помянуть могу добромъ:
Легко служить и сердцемъ и умомъ
Успѣху истины священной!...

ГР. Е. РОСТОПЧИНА.

VI.

* * *

Гдѣ, скажи, тотъ ликъ завѣтный,
Предъ которымъ такъ, бывало,
Сердце жаждой безотвѣтной
И весельемъ трепетало?

Истощенъ ли пламень бурный
Или нѣтъ у сердца власти,
И всѣ пѣсни эти — урны,
Съ пепломъ юности и страсти?

Г. ДАНИЛЕВСКІЙ.

VII.

ПОЛДЕНЬ ВЪ СТЕПИ.

Ясно небо голубое.

Полдень: все живое спитъ,
Солнце льетъ потоки зноя,
Степь, какъ мертвая, молчитъ.

Вотъ орель летитъ. Спустился,
Крыльями шумя, на стогъ:
Тяжко дышетъ, развалился
И отъ жара взнемогъ.

Тихо все. Въ травъ сожженной
И кузнечикъ не поетъ,
И лежу я, полусонный,—
Солнца зной меня гнететъ.

Полдня жаркое дыханье
Я вдохнулъ, и спитъ печаль,
Спать тревожныя желанья:
Въ прошломъ — ничего не жаль

Все, что прожилъ я, забыто
И въ забвеньи мнѣ покой:
Жизнь природы мнѣ открыта,
Я живу ея душой.

Безотчетно и безцѣльно
Къ верху взглядъ мой устремленъ,
И синья безпредельно
Вверхъ уходитъ небосклонъ.

VIII.

ЭЛЕГИЯ.

Въ часы, когда блеститъ звездами небо мая
И нѣжатся цвѣтки въ саду, благоухая,
И теплой ночи мгла внимаешь соловью,
О, понимаю я бессонницу твою.
Я знаю, отчего тяжелыя рѣсницы
Сомкнуть не можетъ сонъ до золотой денницы,
И долго грустные глаза устремлены
Туда, гдѣ зыблются верхушки липъ тѣнистыхъ,
Когда разрѣзавши завѣсу тучъ волнистыхъ,
Сквозь сѣтку ихъ листовъ мелькаетъ дискъ луны.
Ты любишь, юноша. О, другъ, весны двадцатой
Горячкою любви жизнь каждаго богата;
Всегда въ ней грезятся: и бѣлое плечо,
И гибкій, стройный станъ, и грудь, и локонъ чернѣй,
И отъ очей бѣжитъ сонъ ночи благотворный,
Когда кипитъ душа и сердце горячо.
Не спишь ты? Знаю я, какою ты дорогой
Уходишь въ сумракъ съ душевною тревогой
Питать мечты свои до утреннихъ часовъ,
Туда, гдѣ дикій домъ стоитъ въ тѣни деревъ
И долго огонекъ мелькаетъ въ стеклахъ оконъ.
Быть можетъ, въ этотъ часъ въ кольцо свивая локонъ
И грудь освободивъ отъ тягостныхъ шнурковъ,
Она, равно какъ ты, прекрасная, мечтаетъ
И слово каждое твое припоминаетъ;
Быть можетъ, и ея безъ сна текутъ часы,
Полны тоски, любви и грусти и волненій,
И грезятся ей все, средь дѣвственныхъ виднѣй,
И взгляды томные и черные усы.
Когда же милья блеснутъ тебѣ черты
И встрѣтишь ты ее: въ чаду ли бальной ночи,
На шумномъ ли пиру, и пламенные очи
Найдутъ тебя въ толпѣ: при ней блѣднѣешь ты,
Какъ утренней порой на синемъ неба сводѣ
Блѣднѣетъ дискъ луны при солнечномъ восходѣ.

Н. ГРЕКОВЪ.

IX.

МОЛОДОМУ ХУДОЖНИКУ В. В. П — ВУ.

Право, влюбился я въ головку твою, о, мой юный художникъ.
 Грезятся мнѣ ея алая губки и черные глазки,
 Полные жизни огня безпрестанно. Съ снопомъ золотистымъ
 И въ вѣнкѣ изо ржи съ васильками, ни днемъ мнѣ, ни ночью
 Нѣтъ отъ нея ни покоя, ни грезамъ простора кипучимъ.
 Словно какое видѣнье она предо мною мелькаетъ;
 А между тѣмъ, въ головѣ моей, вѣчно богатой мечтами,
 Грезы другія выводитъ она и тѣ грезы рисуютъ:
 Синее море, какъ яхонтъ, съ блестящими ярко звѣздами,
 Съ яркой луною и рощи изъ миртовъ и лавровъ цветущихъ.
 Вижу я шумное море, Венецію, Римъ и Неаполь —
 Родину свѣтлыхъ и вѣчно прекрасныхъ созданий искусства.
 Тѣни Рафаэля, Данта, Челлини встаютъ предо мною
 И между этихъ видѣній, подъ небомъ Италіи чуднымъ,
 Тамъ, гдѣ въ великой душѣ возникалъ свѣтлый образъ Мадоны,
 Грезится мнѣ твой треножникъ, у шумнаго моря стоящій:
 Кисть животворная, краски бросая на холстъ, переноситъ
 Блескъ изумрудныхъ валовъ и дрожанье въ нихъ яркой лазури;
 Вѣтеръ полуденный тихо играетъ твоими кудрями,
 А на высокомъ челѣ разгорѣлся огонь вдохновенья.
 Холстъ оживаетъ, чудо творитъ твоя кисть чародѣйка:
 Дышетъ онъ весь благодатной природой волшебнаго юга,
 Знойное солнце на немъ, разливая свой свѣтъ, ослѣпляетъ;
 Море, бушуя, бросаетъ на берегъ жемчужную пѣну.....
 Самъ Айвазовскій ему улыбается пріветной улыбкой.
 Такъ я тону въ этихъ грезахъ, твоею картиной внушенныхъ,
 Вѣруя твердо, что ихъ проричаніе сбудется скоро....

Н. ГРЕКОВЪ.

X.

СОВѢТЪ.

Не бойся, другъ, веселости безумной,
Не убъгай отъ радости живой,
Избытокъ силъ носи на праздникъ шумный:
Душъ веселье нужно, какъ покой!...

Не бойся, другъ, душевнаго ненастья;
Когда не въ силу горе, — сътуй, плачь:
Нашъ духъ, какъ сталь, лишь крѣпнетъ отъ несчастья;
Вѣрь, не оно нашъ врагъ и нашъ палачъ!

Прямой палачъ нашъ — ранняя усталость,
Отсутствіе желаній и борьбы;
Когда на жизнь мы смотримъ, какъ на шалость,
Не какъ на даръ властительной судьбы;

Когда, своимъ призваніямъ не вѣря,
На все живущее мы холодно глядимъ,
И, дни свои часами скуки мѣря, —
Мы ни любить, ни вѣрить не хотимъ!...

Е. ВЕРДЕРЕВСКІЙ.

XI.

СМЕРТЬ МАЛЮТКИ.

Свою куклу раздѣла малютка
И покрыла ее лоскуткомъ, —
А сама нарядилась, въ вѣночигъ,
И не-дѣтскимъ забылася сномъ.

И не видитъ малютка изъ гроба,
Въ этотъ солнечный день, при свѣчахъ,
Какъ хорошъ ея маленькій гробикъ,
Подъ парчей золотою въ цвѣтахъ...

А ужъ какъ бы она любовалась,
Еслибъ только могли разбудить....
Милый другъ! будемъ плакать, какъ дѣти,
Чтобъ не дѣтское горе забыть!

Я. ПОЛОНСКІЙ.

II.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННОКОВЪ.

ДЕЖАЗЕ.

Есть счастливо созданныя женщины, при рожденіи которыхъ какъ будто присутствовала благодѣтельная фея, одарившая ихъ всеми благородными чувствами сердца, всеми тонкостями свѣтскаго ума, всеми дарами миловидности и граціи.

Онѣ рождены, чтобы быть счастливыми и счастливить всѣхъ, ихъ окружающихъ.

Ихъ существованіе блеститъ какъ свѣтлая звезда на вѣчно-свѣтлой лазури неба.

Никогда облако грусти не отуманиваетъ чистоты чела ихъ: онѣ не знаютъ плача и скорби.

На закатъ дней своихъ онѣ все тѣ же, какъ на зарѣ жизни: всегда веселы, беззаботны, улыбаются. Онѣ очаровываютъ самаго Сатурна, который щадитъ ихъ отъ морщинъ времени. Таковъ онѣ былъ для Нионы Ланкло; такимъ былъ для героини нашей статьи, которая легко угадаетъ свой портретъ въ приведенныхъ нами немногихъ словахъ.

Водевильная муза нянчила дѣвицу Виргинію Дежазѣ съ самой колыбели на рукахъ своихъ, забавляя ее своею арлекинскою палочкою.

Виргинія исполняла съ дѣтскимъ лепетомъ первую свою роль на сценѣ театра du jardin des Capucines, на мѣстѣ котораго возвышаются нынѣ отели въ улицѣ de la Paix.

Она привлекала публику своею раннею граціею. Театралы бросали ей вмѣсто цвѣтовъ пакеты съ конфектами, которые де-

бютантка съ наслажденіемъ грызла своими маленькими зубками за кулисами.

Тогда существовали въ Парижѣ два театра, назначенные для дебютовъ молодыхъ воспитанницъ и воспитанниковъ. Одинъ изъ нихъ находился въ Бондійской, а другой въ Тіонвильской * улицахъ.

Сначала, Виргинія Дежазэ дебютировала на первомъ изъ нихъ, гдѣ она сдѣлалась любимцею и баловнемъ дамъ, но потомъ перебралась за Сену, на сцену второй залы, гдѣ играла роль Tanebon la Vielleuse.

Это было подражаніе пьесы того же названія, которую публика стекалась смотреть въ театръ Водевиля. Мадамъ Бельмонъ, Фаншона Шартрской улицы, узнавъ, что у нея есть шестилѣтняя соперница, имѣла довольно знанія приличій, чтобы не завидовать ей, а напротивъ, воспользовавшись свободнымъ вечеромъ, поѣхала смотреть ее и аплодировать ей на сценѣ.

Она нашла ее восхитительною въ одеждѣ Савоярки, съ сельскимъ инструментомъ въ рукахъ.

— На вашемъ бы мѣстѣ, сказала она директору театра Водевиля, я бы сейчасъ ангажировала малютку.

— Но у меня нѣтъ для нее ролей, отвѣчалъ онъ.

— Скажите Дюмерсону и Бульи, они вамъ сочинятъ.

Советъ былъ хорошъ. Двѣ недѣли спустя, на афинѣ стояло объявленіе о новой пьесѣ: «La belle au bois dormant.» Виргинія дебютировала въ роли Наботы волшебницы. Она имѣла въ ней громадный успѣхъ.

Всѣ театры оснаживали Дюжазэ другъ у друга. Каждый хотѣлъ въ свою очередь пощеголять передъ публикою маленькимъ дивомъ.

Прилежаніе и стараніе, съ которыми обрабатывала Виргинія каждую изъ своихъ ролей, стали вредить ея здоровью, и мать ея, у которой она была единственнымъ сокровищемъ, признала необходимымъ исхитить ее изъ рукъ парижскихъ спекулянтовъ на всякое дарованіе.

Многіе города провинцій предлагали юной артисткѣ свои условія.

Дежазэ избрала Лионъ. Она пробыла въ немъ полгода. Потомъ отправилась въ Бордо, гдѣ вскружила головы всѣмъ дѣтямъ Гаронны.

* Изышная улица Дофина.

Движеніе, переменна воздуха, путешествіе возвратили Виргинію здоровье и свѣжесть. Маленькая шалунья театра улицы Капуцинокъ подросла. Микроскопическая Фаншона стала живой, рѣзвой, бойкой актрисой; огненная ножка ея жжетъ доски сцены, пламенный взоръ воспаляетъ сердца зрителей.

Насталъ 1815 годъ. Наполеонъ сосланъ на островъ Святой Елены.

По случаю бракосочетанія Фердинанда, герцога Беррійскаго, съ принцессою неаполитанскою Каролиною, директоръ театра Gymnase получилъ позволеніе называть его впредь театромъ de Madame, и пользоваться особеннымъ покровительствомъ герцогини.

Тонкій придворный директоръ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тонкимъ администраторомъ. Онъ умѣлъ всюду отыскать дарованіе, какъ между сочинителями, такъ и между артистами.

Онъ первый оцѣнилъ талантъ Скриба и Леонтины Фѣ.

Леонтина, также какъ и Виргинія, съ рукъ кормилицы перешла на сцену. Первыя ея шаги и первая улыбка освѣщены были огнями театральной рампы.

Но этотъ милый пигмей терялся между актерами гигантскими и затруднялъ сочинителей пьесъ. Надо было найти ей товарища по плечу. Директоръ театра Герцогини вспомнилъ, что бойкость, живость и рѣзвость волшебницы Наботы могутъ ей пригодиться въ роляхъ мальчиковъ, и тотчасъ написалъ въ Бордо, дѣлая ей выгодныя предложенія.

Виргинія получила письмо дня три спустя и отправилась съ матерью въ Парижъ.

Ей назначено быть супругомъ Леонтины Фѣ, въ пьесѣ: Дѣтскій бракъ.

Съ этой эпохи началось цвѣтущее состояніе театра Gymnase. Перо Скриба стало для него работать безостановочно. Драматическіе писатели, хотѣли превзойти другъ друга. Для двухъ маленькихъ артистокъ издано много прелестныхъ пьесъ, переданныхъ ими съ неподражаемой граціей, съ восхитительнымъ комизмомъ и неослабывавшимъ успѣхомъ.

Публика не могла налюбоваться двумя миниатюрными артистками.

Дежазе раздѣляла славу успѣха съ Леонтиною въ слѣдующихъ пьесахъ: «Два школьника», «Маленькая сестра», «Нормандское семейство» и особенно въ пьесѣ «Лучшій день въ жизни», въ прелестномъ твореніи Скриба и Варнера.

Театральная жизнь исполнена нескончаемыхъ интригъ, въ которыхъ сталкиваются самолюбіе, эгоизмъ и всѣ возможные мелкія страсти.

Героиня наша всегда была выше закулисныхъ соперничествъ и распрей. Откровенная, искренняя, преданная, добрая дѣвушка, прежде всѣхъ другихъ качествъ, она нашла тайну всегдашняго согласія съ своими собратами по искусству и постоянной съ ними дружбы.

Обладая тонкимъ умомъ и прямодушіемъ, она умѣла избѣгать всѣхъ козней и обращать непріязненность и зависть въ удивленіе своему таланту.

Актеры и актрисы обожали ее. Даже женщины прощали ей ея успѣхи.

Дежазэ распростилась съ театромъ Gymnase, какъ только онъ перешелъ отъ рзваго, бойкаго и веселаго рода пьесъ къ сантиментальнымъ и меланхолическимъ.

Она обратилась къ театру Новостей, и тотъ принялъ съ восторгомъ хорошенькаго дезертѣра.

Потѣе, Филиппъ, Лепэнтръ, Буфѣ, госпожа Албертъ и Вольнисъ, еще не женатый въ ту пору на Леонтина Фѣ, выбѣжали къ Виргиніи на встрѣчу.

Эта плеяда артистовъ поняла, что съ молодымъ талантомъ Дежазэ она станетъ блистать еще ослѣпительнѣе.

Когда Виргиніи случалось покидать какой бы то ни было театръ, она увлекала за собою многихъ авторовъ. Всякій хотѣлъ писать для нея роли. Пьесы: «Бонапартъ въ Бріенской школѣ», «Генрихъ IV», «Генрихъ V», «Сынъ челоуька» были для Дежазэ великолѣпными триумфами на новой сценѣ избраннаго ею театра.

Намъ посчастливилось собрать нѣсколько анекдотовъ, относящихся къ этой эпохѣ жизни Виргиніи.

Можно было сомнѣваться, что публика, увидя Наполеона, изображеннаго дѣвицею Дежазэ, найдетъ между ею и героемъ большое сходство. Администрація театра Новостей нашла попытку эту неприличною.

Авторы настаивали.

— Мы представляемъ Бонапарта ребенкомъ, говорили они.

— Жаль, что вы не вздумали представить его въ пеленкахъ, возражали насмѣшливо директоры.

— Потому, что нѣкому его представить въ колыбели.

Дежазэ уже выросла даже для ролей театра Капуцинокъ,

наставвалъ Габріель, одинъ изъ авторовъ пьесы, котораго трудно было заставить отказаться отъ его намѣреній. Мы выбрали то время, когда Наполеонъ былъ ученикомъ Бриенской школы; выслушайте нашу пьесу и тогда судите. Нельзя же осудить пьесу, не зная ее.

На это трудно возражать. Директоръ принужденъ былъ выслушать все пять актовъ пьесы.

— Ну, что скажете? спросили авторы.

— Гмъ... оно, конечно, надо признаться, идея не лишена своихъ достоинствъ... Но Дежазэ—Наполеонъ!.. Какъ хотите, вы мечтаете о невозможномъ!

— Она будетъ восхитительна.

— Нѣтъ, Богъ съ вами. Постановка вашей пьесы обойдется не меньше двадцати тысячъ франковъ: я не хочу жертвовать такую сумму.

— А если мы поручимся за выручку?

— О, тогда дѣло другое. По рукамъ! Я принимаю вашу пяти-актную пьесу.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

Вечеромъ того же дня условіе написано и, засвидѣтельствованное законнымъ порядкомъ, представляло для директора театра всевозможныя гарантіи и ручательства. Нужно было выручить среднимъ числомъ по двѣ тысячи франковъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, чтобы Габріель и Мишель Массонъ освободились отъ своихъ обязательствъ.

Вскорѣ тайна театральнѣй сдѣлки становится извѣстною въ публикѣ. Она возбудила всеобщее любопытство и двери театральнѣй кассы съ утра до вечера осаждаемы безчисленною толпою. На биржевой площади давка въ день перваго представленія; публика ропщетъ на невозможность достать билетовъ на вечерній спектакль.

Авторы, съ сердечнымъ біеніемъ являются въ ложу Дежазэ, взглянуть на костюмъ ея. Они застаютъ у нея какого-то господина въ длиннополомъ сюртукѣ, застегнутомъ на все пуговицы. Господинъ вооруженъ пожницами, и кромсаетъ поля шляпы, назначенной для укомплектованія костюма артистки. Виргинія кончаетъ свой туалетъ, не мѣшая господину въ его занятіи.

— Это вѣрно шляпный мастеръ, сказалъ Мишель Массонъ на ухо своему сотруднику.

— Я то же думаю, отвѣчалъ Габріель.

Наконецъ господинъ кончилъ шляпу, повидимому, довольный

свою работою; надѣлъ ее на голову Виргиніи, вѣжливо цѣлуетъ ея руку, раскланивается съ нею и выходитъ изъ ложи.

— Что это за человекъ? спрашиваютъ авторы въ одинъ голосъ.

— А вы его не знаете? спрашиваетъ въ свою очередь Дежазё.

— Нѣтъ.

— Это герцогъ Х...

— Возможно ли?.. Старый генералъ имперіи?

— Онъ самый, и еще къ тому же другъ Наполеона съ юныхъ лѣтъ. Онъ вмѣстѣ съ нимъ былъ въ бріенской школѣ. Вы видѣли, что онъ исторически поправлялъ форму моей шляпы. Ну, что? какова я вамъ кажусь въ моемъ школьническомъ нарядѣ?

— Вы восхитительны!

— А вы все еще надѣетесь на успѣхъ пьесы?

— Еще бы не надѣяться! Онъ будетъ блестящій, благодаря вашей игрѣ.

Авторы не ошиблись въ своихъ расчетахъ.

Никогда восторгъ публики не доходилъ до такой степени, какъ при видѣ любимицы своей въ этой новой роли. Десять разъ вызывала она Дежазё. Изъ ложи и бенуаровъ на нее сыпались букеты и вѣнки.

Послѣ перваго же представленія администрація театра разорвала условіе, сдѣланное ею съ авторами пьесы. «Бонапартъ въ бріенской школѣ» была любимою пьесою Виргиніи Дежазё. Сто пятьдесятъ разъ она была исполнена ею въ Парижѣ и триста разъ въ провинціи, всегда съ равнымъ успѣхомъ, всегда сопровождаемая громкими рукоплесканіями, особенно въ длинномъ куплетѣ, въ которомъ «Маленькій капраль» рассказываетъ свой сонъ.*

Déjà ma couronne est prête

Elle brille sur l'autel.

J'y monte. Elle est sur ma tête,

Je ne suis plus un mortel;

* «Маленькій капраль», прозваніе Наполеона, сдѣлавшееся народнымъ, дано ему было въ бріенской школѣ, когда онъ былъ капраломъ между своими товарищами.

Des rois forment dans ce rêve
 Mon cortège triomphal;
 Un coup de foudre l'achève...
 Je redeviens caporal!

Le réveil, hélas! fut trop prompt
 O, mes amis, Dieu me pardonne!
 Je crois encor de la couronne,
 Sentir l'empreinte sur mon front.

(Корона готова, она блеститъ на алтарь. Вотъ она на цель мосьмъ, я не простой смертный. Короли, мнѣ снилось, составляли мою торжественную свиту.

Ударъ грома прерываетъ сонъ мой... и я снова капраль.

Пробужденіе, увы! было мгновенно. О, друзья мои! да простить меня Господь! мнѣ кажется, я еще чувствую корону на головѣ своей.)

Вся пьеса въ этомъ же родѣ. Она вся основана на провидѣніи славной будущности, которая ожидаетъ молодого воспитанника. Много историческихъ изреченій украшаютъ пьесу и приведены необыкновенно кстати.

Въ одной изъ школьныхъ игръ въ снѣжные шары, одинъ изъ товарищей маленькаго капрала, получивъ снѣжный комъ въ лицо, унאלъ отъ боли.

Раненаго подняли и унесли.

Бонапарте останавливаетъ бой, снимаетъ съ головы шляпу, подымаетъ руку и говоритъ:

«Честь и слава несчастному мужеству.»

Въ другой разъ, любуясь граціей и кроткимъ взглядомъ дочери своего профессора, называвшейся Жозефиной, онъ сказалъ:

«Когда женюсь, то непременно выберу себѣ жену съ нашимъ именемъ.»

Всѣ эти слова говорены были Дежазѣ съ неподражаемою граціей, съ восхитительною увѣренностью. Буфе-Тонно *, управявшій въ это время театромъ Ведевиля и выказавшій въ этомъ дѣлѣ большую смѣтливость, хотѣлъ снова поставить Бонапарта въ Бриеннѣ, прибавивъ къ нему прологъ, гдѣ сонъ его долженъ

* Буфе-бочка, названный такимъ образомъ за неимоверное количество выпиваемаго имъ шампанскаго, чѣмъ отличали его отъ актера того же имени.

быть представленъ въ дѣйстви. — Смерть помѣшала ему исполнить свою мысль.

Дежазэ еще жива; она все еще вѣчно молода, по прежнему жива, всегда бойка и обожаема публикой.

Знаменитая артистка оставила сцену театра Новостей въ 1832 году и перешла въ Палерояль, только что вновь открытый, на мѣсть прежней залы Монпансиэ.

Оставимъ на мгновение разсказъ о торжествахъ артистки, чтобы заняться женщиною. Многіе не знаютъ ее и потому могутъ судить о ней несправедливо.

Не все розы въ жизни театральной. Надо, чтобы вступающій на эту опасную арену, будь онъ мужчина или женщина, все равно, надо, чтобы онъ былъ глубоко поникнутъ чувствомъ своего искусства.

Большая часть актеровъ и актрисъ падаютъ въ сѣти, разставленныя несправедливостью, завистью и глупостью. Они покоряются подобному суду, сознавая свое безсиліе перемѣнить общее мнѣніе и принимая на себя роль какихъ-то общественныхъ парій, находя вознагражденіе въ вечернихъ рукоплесканіяхъ, за дневное пренебреженіе.

Вотъ почему можно почитать феноменами и исключеніями тѣхъ актеровъ и актрисъ, которые живя отчужденными отъ общества, въ кругу эксцентрическихъ обычаевъ и нравовъ, въ который повергаетъ ремесло ихъ, сохраняютъ чувство собственнаго достоинства, откровенность, чистосердечіе, безкорыстіе и все прекрасныя качества человѣческаго сердца.

Виргинія Дежазэ принадлежала къ числу послѣднихъ лицъ. Сострадательная, добрая, чувствительная, она всегда была готова на помощь ближнему, на облегченіе страждущихъ.

Золото, получаемое ею въ награду за ея дарованіе, переходило на благотворительныя дѣла и вспомошествованія. Она никогда не отказывалась играть въ пользу неимущаго.

Никогда не прибѣгала она къ вымышленной болѣзни или другимъ уловкамъ и капризамъ, чтобы разстроить спектакль, назначенный въ пользу какого-нибудь несчастнаго артиста. Приведемъ одинъ примѣръ изъ многихъ:

Проезжая мимо одного маленькаго городка, она узнаетъ, что странствующая Дюгазонъ вывихнула себѣ ногу въ утро того дня, въ который назначенъ былъ ея бенефисъ. Хотѣли отложить или измѣнить спектакль. Дежазэ пробѣгаетъ городскую афишу, и уви-

двѣ выставленную на ней пьесу, летитъ въ театръ, въ которомъ никто ее не знаетъ и предлагаетъ замѣнить бенефициантку. — Какъ это можно? отвѣчаетъ режиссеръ. Мы не сдѣлаемъ никакого сбору. — А я ручаюсь за двѣ тысячи франковъ выручки, говоритъ артистка. Извольте приклеить на афишѣ маленькое прибавленіе, въ немногихъ словахъ: госпожа Дежазэ, артистка театра Палерояля, замѣнить заболѣвшую бенефициантку. Можно себя представить поспѣшность режиссера исполнить волю Виргиніи. Цѣна мѣстамъ удвоена и собрано три тысячи франковъ. Директоръ отдалъ ихъ бенефицианткѣ, за исключеніемъ ста экю, оставленныхъ имъ въ свою пользу.

Когда Дежазэ вздумаетъ оказать кому-нибудь услугу, она даетъ ей тройную цѣну тѣмъ умньемъ и тактомъ, которые примѣшиваетъ къ своему доброму дѣлу.

Сомнѣніемъ въ безкорыстіи ея дружбы обижалась Виргинія болѣе, чѣмъ какимъ-бы то ни было оскорбленіемъ.

Увидя разъ одного изъ своихъ жаркихъ почитателей, проигрывающаго большія суммы въ карты, она сказала ему:

— Останѣвайтесь, прошу васъ! Вы, вмѣстѣ съ своими деньгами, теряете и мою репутацію.

Всѣ тѣ, кому знакома эта честная и открытая природа, это благородное и великодушное сердце, вѣроятно, защитятъ ее, вмѣстѣ со мною, отъ клеветы и напраслины.

Виргинія привыкла отдавать все, что пріобрѣтала; она не имѣетъ въ эту минуту никакого состоянія. Подъ одеждой комедіантки всегда билось у ней самое сострадательное сердце, самая христіанская душа.

Судя по тѣмъ пьесамъ, которыя писались и назначались для Виргиніи, можно подумать, что бойкій ихъ тонъ гармонировалъ съ характеромъ женщины.

Но такое сужденіе было бы весьма ошибочно.

Дежазэ права тихаго, порядочнаго, методическаго. Домъ ея отличается степенностью.

Только передъ зрителями и благодаря господамъ сочинителямъ, она является вакханкой, пьетъ, куритъ и бранится; но сойдя съ театральныхъ досокъ, Дежазэ совсѣмъ нѣта, будь сказано не во гнѣвъ тѣмъ, кто не желаетъ выйти изъ ошибочнаго о ней заключенія.

Внѣ сцены и кулисъ Дежазэ бываетъ иногда весела, очень часто остроумна и всегда скромна, трезва, какъ голубка, не употребляя другаго напитка кромѣ чистой воды. Никогда никто не

видывалъ ее на позднихъ ужинахъ или проводящую ночь на балахъ. Излишества Дежазё ограничиваются излишествами ума. Она отличается остроумными выходками и плънительными, бойкими отвѣтами кстати. Къ несчастію, свободная рѣчь, къ которой поневолю привыкаешь въ закулисной жизни, не позволяетъ намъ привести точныхъ образчиковъ счастливыхъ словъ, сказанныхъ Дежазе въ разныхъ случаяхъ. Они теряютъ всю соль и прелесть, переданные языкомъ болѣе нъжнымъ и подъ прикрытіемъ покрововъ общежитія.

Надо написать цѣлые томы, чтобъ исчислить всѣ остроумныя и многозначительныя слова, брошенныя нашей артисткою на жизненномъ пути. Она никогда не гоняется за остротою... остроты сыплются изъ устъ ея, какъ перлы изъ наклоненнаго сосуда.

Въ то время, когда всѣ театры давали представленія въ пользу разоренныхъ Луарскимъ наводненіемъ, Дежазё, не довольствуясь уже принятымъ ею въ Палерояль участіемъ въ добромъ дѣлѣ на пользу пострадавшихъ, захотѣла участвовать и въ представленіи въ Оперной залѣ.

Занавѣсъ опустилась по окончаніи перваго акта «Вильгельма Теля». Дежазё, уже одѣтая къ слѣдующей пьесѣ, приблизилась къ отверстію занавѣса, чтобъ взглянуть на зрителей. Одинъ изъ закулисныхъ поствителей подошелъ къ ней сзади и взялъ ее безцеремонно за талію.

— Вы ошиблись, сударь, сказала она, обернувшись къ нему лицомъ: я не изъ оперныхъ.

Дежазё не сердится на нахаловъ, но острота и колкость ума ея мстятъ гораздо върше, нежели это могъ бы сдѣлать гивъ.

Здѣсь кстати и намъ самимъ покаяться передъ нашими читателями. Намъ поручено было однимъ издательемъ привести въ порядокъ записки Ниноны Ланкло, которыя нынче издаются выпусками въ одномъ изъ парижскихъ журналовъ. Мы тогда еще имѣли въ виду писать біографіи современниковъ, а тѣмъ мѣнѣе біографію героини этой статьи, и заняли у нея остроту, которую вложили въ уста обитательницы улицы де Турналь, властвовавшей въ ней двѣсти лѣтъ тому назадъ.

Между этими двумя женщинами есть много сходства. И та и другая равно остроумны.

Что сказала одна—то могла сказать другая.

Вотъ наше оправданіе, и, каково бы оно ни было, мы просимъ читателей принять его.

Вотъ анекдотъ, который мы отдаемъ новой Нинонѣ, взявъ его у нея для Ниноны старыхъ временъ.

Одинъ изъ матушкиныхъ сынковъ, которыхъ судьба наградила знаменитымъ именемъ, какъ будто нарочно для того, чтобъ оправдать стихи Буало:

Et la posterité d'Alfane et de Bayard

Si ee n'est qu'une rosse, est vendue au hasard...

Одинъ изъ тѣхъ лицъ, заставляющихъ прошлое краснѣть за нхъ настоящее, которые переходя отъ излишества къ излишеству, сгубили свое имя и даже, можетъ быть нынче, въ ту минуту, какъ мы пишемъ эти строки, одинъ изъ этихъ недостойныхъ наследниковъ чести, дезертёръ славы отцовъ, вздумалъ изъ-за-угла, напасть на артистку Палерояля и сталъ преслѣдовать ее перомъ своимъ. Онъ хотѣлъ этимъ средствомъ довести *Виргинію Дежазѣ* до примиренія съ нимъ.

Женщины, какъ извѣстно, очень самолюбивы, и къ тому же не имѣютъ никакихъ средствъ къ защитѣ противъ нападеній подобнаго рода.

Госпожа Дежазѣ вздумала сдѣлать нѣсколько розысковъ о враждебномъ ей критикѣ.

Ободренный этимъ, врагъ ея рѣшился явиться къ ней. Съ глазу на глазъ съ артисткой, онъ перемѣнилъ съ нею рѣчь и намекнулъ, что поступки его противъ нея имѣли тайный смыслъ и клонились именно къ тому, чтобъ открыть ему доступъ къ свиданію, въ которомъ бы онъ могъ открыть предъ нею глубокую и тайную страсть, обнявшую все существо его.

Но, къ его несчастію, артистка не хотѣла принять ни его намековъ, ни самаго открытаго объясненія.

— Неужели *Виргинія*, сказалъ онъ трагическимъ голосомъ и дѣлая последнее усиліе, неужели у васъ достанетъ на столько жестокости, чтобъ заставить меня умереть отъ любви къ вамъ?

— Что же дѣлать, сказала она: я тутъ ничѣмъ помочь не могу.

— Умоляю васъ, будьте милосердны; одинъ, только одинъ ноцълуй! бросьте мнѣ его какъ милостыню!

— Нѣтъ, о, нѣтъ... у меня есть свои бѣдныя.

И нищій, новаго рода, былъ спровоженъ безъ дальнихъ словъ.

Вотъ нашъ анекдотъ. Очистивъ нашу совѣсть и успокоивши себя, мы обратимся къ Палероялю, гдѣ героиня наша должна начать свои дебюты.

Можно сказать, что Дежазё, рука объ руку съ фортуной, вошла къ счастливцу Дормелю, бывшему тогда директоромъ театра Монпансье. Двѣнадцать лѣтъ гостили онъ у него; послѣ чего артистка оставила его, но не увела съ собою свою подругу.

Исторія театра Палерояля есть своего рода эпопея, которая непременно найдетъ когда-нибудь своего Гомера. На страницахъ ея будетъ жить Дежазё во всемъ блескѣ своей славы, во всей силѣ своего таланта. Передъ ней простирались во прахъ авторы пьесъ; журналы расточали ей похвалы, публика изливала на нее свой восторгъ и свое обожаніе.

Эта артистка разнообразна. Всѣ роли идутъ къ ея генію, какъ всѣ одьянія идутъ ей къ лицу. То гризетка съ лукавой улыбкой, то важная дама съ гордымъ взглядомъ, то поселанка съ разманистыми ухватками, то дерзкій маркизь, стыдливый школьникъ, веселый студентъ, или сынокъ, вырвавшійся на свободу изъ-подъ семейнаго надзора, бѣгающій по картежнымъ домамъ и трактирамъ, — Дежазё надѣваетъ всевозможныя маски, принимаетъ всѣ образы, говоритъ языкомъ, каждому свойственнымъ, поражаетъ тысячами метаморфозъ. Пльнительный Протей, она измѣняетъ выраженіе своего лица и представляетъ одна цѣлый музей изображеній, цѣлую галерею историческихъ портретовъ.

Бонапарте, Генрихъ IV, Нинона Ланкло, Шанмеле, мадамъ Фаваръ, Софія Арну, мужчина или женщина — для нее все равно. Сходство лица, одежды, или сходство характера и приемовъ — все для нея возможно въ области ея искусства. Она ведетъ васъ отъ удивленія къ удивленію, не давая отдыха вашимъ впечатлѣніямъ и восторгу и вызывая всякій вечеръ всеобщія рукоплесканія.

Владѣя сердцами своихъ зрителей, артистка покорна и сама всемъ впечатлѣніямъ, произведеннымъ въ зрителяхъ игрою актеровъ. Она смѣется, волнуется и плачетъ непритворными слезами, какъ любая мѣщанка.

Она готова шикать и аплодировать, если антрактъ ей кажется долгимъ. Мы сами были свидѣтелями того, какъ Дежазё непритворно восхищалась представленіемъ въ одномъ изъ театровъ Маріонетокъ.

Что касается до манеры ея пѣть куплеты, то едва ли подобноѣ можно было встрѣтить на какомъ-либо театрѣ и когда бы то ни было.

Сынъ Дежазè, хорошій музыкантъ, сказалъ ей однажды:

— Ты поешь, маменька, *фальшиво*, но съ неподражаемою, плѣнительною *вѣрностію*.

Нельзя лучше и вѣрнѣе опредѣлить странное пѣніе, которое все въ выраженіи, въ движеніи губъ и, такъ сказать, въ жестѣ и взглядѣ. Дежазè не обращаетъ вниманія ни на звукъ и ноты, ни на смычекъ дирижера оркестра, лишь бы ей сдѣлать художнически понятнымъ смыслъ стиха и соль куплета, отъ котораго васъ бьетъ какъ въ лихорадкѣ.

Послѣдній куплетъ въ «Софій Арну» * заставили Дежазе повторить три раза.

Que la mémoire de Sophie
Ce soir vous rende généreux.
Vous le savez bonne et jolie
Elle n'a fait que des heureux.
Mais, j'observe un peu la morale
Et mon succès sera complet
Si, par bonheur, j'ai dans la salle
Autant d'amis qu'elle en avait.

Милая артистка, пропѣвъ эти стихи, бросала въ партеръ лукавый взглядъ, такой убійственный, что восторгу не было конца.

Въ пьесъ «Triolet Bleu» Дежазè выкурила первую сигару въ обществѣ госпожъ Дюмениль и Пернонъ. Если не ошибаемся въ своихъ воспоминаніяхъ, то въ этой же пьесѣ, или въ «Саламандръ», мы были свидѣтелями довольно страннаго происшествія.

Три, четыре дѣйствующихъ лица, на сценѣ театра Палероля, кончивъ свои роли, стоятъ въ смятеніи и ажитациі, не зная, что имъ говорить.

Дежазè не является, тогда какъ ее ждуть.

Публика начинаетъ тоже волноваться. Проходитъ добрая минута времени, а Дежазè нѣтъ, какъ нѣтъ. За волненіемъ публики являются громкіе возгласы: «Она не придетъ! Нѣтъ, придетъ!» Крики увеличиваются, подымается вошь, актеры бѣгутъ со сцены за актрисою; но тщетны всеобщія ожиданія: актеры не возвращаются и не ведутъ виновницу суматохи.

* Пьеса Дюмануара, Дефоржа и Лёвена.

Наконецъ является артистка, съ сигарою во рту и съ насмѣшкою во взорѣ. Ее встрѣчаетъ свистокъ.

Дежазё не смущается нисколько: подходитъ къ рампѣ; смѣло глядитъ въ партеръ, и какъ будто спрашиваетъ взглядомъ; что значить этотъ шумъ и неодобрительный крикъ, встрѣчающіеся ея появленіе въ первый разъ въ жизни.

Свистки не умолкаютъ, напротивъ увеличиваются. Отважная и спокойная, Дежазё не перестаетъ курить свою сигару, пуская дымъ то вправо, то влево.

Наконецъ, уставъ свистѣть, публика, какъ это часто случается въ театрѣ, начинаетъ удивляться хладнокровію артистки, перемѣняетъ гнѣвъ на милость, и, вмѣсто свистковъ, раздаются отчаянныя рукоплесканія.

Мало-по-малу шумъ стихаетъ. Дежазё, не переставая курить, гдворитъ публикѣ:

— Можно ли мнѣ теперь оправдаться?

— Да, да, говорите... объяснитесь!

— Господа! ключъ отъ моей ложи затерялся. Бѣгали къ ближайшему слесарю. Его не нашли. Надо было искать другаго, а время не останавливалось, пьеса шла своимъ порядкомъ. Приличіе не позволяло мнѣ явиться на сцену полуодѣтой.

— Bravo! bravo! закричала публика.

Топотъ и шумъ возобновился; но то было изъясненіе всеобщаго удовольствія. Никогда артисткѣ не аплодировали съ большимъ восторгомъ какъ въ этотъ вечеръ.

Главные роли Дежазё, игранныя ею съ большимъ успѣхомъ на сценѣ Палерояльскаго театра, кромѣ уже упомянутыхъ нами, были въ слѣдующихъ пьесахъ: «Бондійская ферма», «Индіана и Шарльманъ», «Графиня дю-Тоно», «Нанона», «Сусанна», Веръ-Веръ», «Учительница языковъ», «Шампенуазскій напстокъ», «Дворцовыя алады», «Подъ замкомъ», «Кондитерская актеровъ», «Юдишь», «Скандалъ», «Ришельё», «Леторіеръ» и многія другія. Мы бы могли назвать еще двадцать ея ролей. Дежазё, передъ всякимъ новымъ представленіемъ, дѣлала себѣ русскую баню и входила на сцену раскрасившись, свѣженькая какъ роза.

Директоры французскихъ театровъ, надо признаться, рѣдко бываютъ дальновидны. Они не умѣютъ предвидѣть успѣха; имъ почти надо силою навязать его. «Фретильона» два года валя-

лась въ рукописи у г. Дормейля, не смотря на все убъжденія прочихъ членовъ и пансіонеровъ его театра. Баяръ, авторъ этой пьесы, уже считалъ ее погибшею, а между тѣмъ она выдержала 200 представлений.

За «Фретильоной» явились: «Маркиза де Претенталь», «Благодѣтельная фея», «Шутка». Успѣхамъ нашей героини не предстояло конца.

Говоря о «Бондѣйской фермѣ» намъ бы слѣдовало кстати сказать, что Левассоръ явился въ этой пьесѣ первый разъ на сцену. Онъ до того времени былъ прикащикомъ одного моднаго магазина, и, между репетиціями своихъ ролей, успѣвалъ продавать фуляры своимъ театральнымъ товарищамъ. Но бывъ осыпанъ рукоплесканіями, играя съ Дежазѣ роль ревниваго поселенина, онъ рѣшился бросить торговыя занятія и предаться вполне своему любимому искусству.

Виргинія, пользуясь двумя мѣсяцами отпуска, которые, хотя и съ сожалѣніемъ, давалъ ей директоръ, отправилась играть въ провинцію.

Директоръ Каенскаго театра ангажировалъ ее на шесть представлений; послѣ которыхъ Дежазѣ, распростившись съ нормандцами, отправилась въ Лиль.

При видѣ стѣнъ стариннаго фламандскаго города, горестныя воспоминанія взволновали сердце артистки. Ей было извѣстно, что года три тому назадъ, одинъ молодой человекъ черезъ нее лишилъ себя жизни. Братъ одного изъ музыкантовъ оркестра театра Палерояля, онъ прибылъ девятнадцати лѣтъ въ Парижъ, съ душою, открытою всемъ впечатлѣніямъ юности и ея мечтамъ.

Увидя пльнительную артистку, онъ влюбился въ нее безъ ума. Сердце Дежазѣ не было свободно. Вѣрная своимъ собственнымъ чувствамъ, она старалась дать почувствовать бѣдному юношѣ тщету его надеждъ, безразсудство его страсти. Она предложила ему, въ замѣнъ любви, свою искреннюю дружбу и тѣмъ думала излечить его сердце. Увы! это средство не помогло.

Юноша, въ одинъ прекрасный день исчезъ изъ Парижа, отправился въ глушь своей провинціи, ища забвенія, но вмѣсто его, предался отчаянію и, покорясь ему, лишилъ себя жизни.

Дежазѣ оплакивала его сердечными, горькими слезами.

Никогда не приходила ей въ голову такая трагическая развязка любви несчастнаго молодаго человека, и горестныя ея воспоминанія при въѣздѣ въ Лиль весьма понятны. Она приказав-

ла вести себя на кладбище. Тамъ ей указали могилу несчастливца. Она была въ страшномъ запустѣннн. Репейникъ густо обросъ вкругъ рѣшетки. Простой деревянный крестъ, съ полуистертою надписью, почти заросъ травою.

Дежазѣ обратилась къ сторожу кладбища, который былъ проводникомъ ея, съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Развѣ у него не осталось никого на земль, кто бы вспомнилъ о немъ?

Сторожъ, молча, покачалъ отрицательно головою.

Его жестъ и мимика какъ будто говорили:

— Когда и мы умремъ—всѣ насъ позабудутъ!

Артистка вручила ему кошелекъ съ деньгами, и два дня спустя все измѣнилось на опустѣлой могилѣ. Репейникъ вырванъ съ корнемъ, трава очищена. Четыре тисовыхъ дерева посажены по четыремъ угламъ рѣшетки, а вмѣсто деревяннаго креста надъ могилой возникъ мавзолей чернаго мрамора.

— Что прикажете, сударыня, написать на могильной доскѣ? спросилъ артистку сторожъ, когда она явилась осмотрѣть его работу.

Дежазѣ оторвала листокъ отъ своей памятной книжки, и на немъ начертила слѣдующую надпись:

«Франшому.

Женщина другъ посѣтила его могилу.»

У Виргини Дежазѣ истинно золотое сердце. Безцѣнные качества души, возвышенныя чувства, благородная привѣтливость и совершенная доброта составляютъ отличительныя свойства ея природы.

Она соединяетъ въ себѣ всѣ высокія стремленія, всѣ нѣжныя побужденія женщины.

Никогда не загрязнила она себя мелкою завистью или неблагонамѣренными интригами.

Всегда готовая покровительствовать возникающему дарованію, она не разъ отводила своею рукою препятствія, возникающія во всякой новой карьерѣ.

Дежазѣ тотчасъ поняла Рашель.

Она сейчасъ смекнула и разочла, какія сокровища таятся подъ этимъ драматическимъ талантомъ. Она употребила все свое вліяніе и вліяніе своихъ друзей; чтобы ускорить дебюты этой знаменитой еврейки.

Благодарная Гермюна, еще плохо знавшая орфографию, написала ей благодарственное письмо, съ слѣдующею надписью:

«A la meilleur des femmes».

Въ этихъ строкахъ есть отголосокъ всѣхъ, знавшихъ лично нашу героиню.

Дежазе была любящею и почтительною дочерью; она никогда не хотѣла разстаться съ своею матерью, которая жила въ улицѣ Монпансье, этажемъ ниже своей дочери. Жилище ея было удобнѣе, лучше убрано и соединяло въ себя все удобства и весь житейскій комфортъ.

Мать Дежазе умерла въ преклонныхъ лѣтахъ, призывая на голову своей любимицы, Виргини, все благословенія, заслуженныя ея дѣтскою любовью.

Послѣ смерти матери, она переехала въ пассажъ Saulnier, гдѣ живетъ и нынѣ, посѣщаемая многими старинными своими друзьями.

Про Дежазе можно сказать съ достовѣрностью, что ни одинъ мужчина не смѣлъ поцѣловать кончика ея пальца, не имѣя на то сердечныхъ правъ съ ея стороны. Она всегда почитала любовь дѣломъ важнымъ.

Закулисные товарищи ея рассказываютъ, что ей часто случалось, во время антракта, въ сценическомъ костюмѣ, садиться въ карету и мигомъ слетать въ театръ de la Gaité, чтобы тамъ, тоже за кулисами, пожать руку другу.

Другъ ея былъ тоже молодой артистъ, ея женихъ, товарищъ по искусству.

Мы слышали отъ него самого лично, что вся его будущность есть плодъ совѣтовъ и нѣжной дружбы артистки, и что онъ готовъ пожертвовать ей своею жизнью. Это сказано было болѣе чѣмъ при двадцати свидѣтеляхъ, въ театральномъ фойе. Мало женщинъ, которыя бы умѣли возбуждать такую преданность и такую благодарность.

Разъ Дежазе сказала этому другу:

— Ты свободенъ сегодня вечеромъ; у насъ даются двѣ новыя пьесы: «Скандалъ» и «Дворцовыя алады»; приходи взглянуть на меня въ послѣдней пьесѣ, но я запрещаю тебѣ оставаться во время представленія «Скандала». Они меня въ немъ сдѣлали совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ я есть. Ты будешь имѣть обо мнѣ дурное мнѣніе.

Другъ исполнилъ ея приказаніе въ точности.

На другой день Дежазэ спросила его:

— Ну, какова я тебя показала?

— Прелестна!

— Ты говоришь искренно?

— Восхитительна! Я позавидовала участи тѣхъ, кто ужиналъ съ Людовикомъ XV.

— Неужели? спросила Дежазэ, и задумалась.

— Что съ тобою? спрашиваетъ ее другъ.

— Нѣтъ, ничего... то-есть... я вспомнила, что именно сегодня вечеромъ я должна ужинать съ одною особою.

— У тебя?

— Да, у меня. Прошу тебя не являться ко мнѣ ранѣ полуночи.

— Вотъ еще что вздумала!

— Безъ возраженій. Я этого требую.

Она исчезла, оставя друга, пораженного новостью, терзаемаго ревностью и тяжелыми подозрѣніями.

Въ 11 часовъ вечера, обитатели улицы Монпансье могли видѣть, закутаннаго въ плащъ мужчину, поджидавшаго кого-то въ тѣни бросаемой стѣною дома.

— Если она возвратится изъ театра, говорилъ онъ самъ съ собою, въ сопровожденіи какого-нибудь мужчины... Горе ему! Я убью его.

Легкіе шаги раздались по тротуару; неизвестный спрятался еще тщательнѣе въ углубленіи воротъ дома, и Дежазэ прошла мимо его въ некоторомъ разстояніи отъ него. Она была одна, и несла въ рукахъ узелъ. Черезъ нѣсколько секундъ она подошла къ своему жилищу и вбѣжала къ себѣ на лѣстницу.

— Ахъ, я дуракъ! воскликнулъ мужчина въ плащѣ... Я стою здѣсь, тогда какъ тотъ... ожидаетъ ее у нее же...

Пробило половина двѣнадцатаго.

Онъ вбѣжалъ два этажа, отворилъ дверь комнаты артистки. Служанка хотѣла преградить ему дорогу.

— Вамъ не вѣльно входить до полуночи.

— Молчи, пожалуйста. Гдѣ тотъ, кто долженъ здѣсь ужинать?

— Я не знаю, будутъ ли здѣсь ужинать?

— Ты очень хорошо все знаешь... Убирайся!

И онъ оттолкнулъ ее отъ себя.

Служанка побѣжала къ госпожѣ своей въ будуаръ.

Нашъ молодой артистъ, котораго читатели, конечно давно

узнали, заперъ на ключъ дверь на лѣстницу и положилъ его себѣ въ карманъ.

— Теперь онъ не уйдетъ отъ меня! проговорилъ онъ, сжимая зубы и кулаки. Послѣ чего онъ взшелъ въ столовую, которая была роскошно освѣщена.

Столъ, накрытый только на два прибора, блестѣлъ подъ богемскимъ хрусталемъ и украшался живыми цвѣтами.

— О, измѣнница! проговорилъ молодой человекъ, все болѣе и болѣе выходя изъ себя.

Онъ подбѣжалъ къ дверямъ будуара, котораго дверь хлопнула за собою служанка, успѣвъ запереть ее ключемъ.

— Пустите! Это я! закричалъ онъ грозно.

— Нѣтъ, не пущу! отвѣчала Дежазѣ спокойно. Зачѣмъ было приходить раньше назначеннаго срока.

— А! я вамъ мѣшаю, сударыня!

— Нисколько. Только вамъ придется немного подождать.

Прошло съ четверть часа.

Несчастный задыхался отъ ярости и въ ожиданіи пробовалъ остріе каталонскаго ножа, взятаго имъ съ собою.

Наконецъ, замокъ двери щелкнулъ и она распахнулась. Онъ вскочилъ съ своего мѣста, съ полуоткрытымъ ртомъ и пламеняющимъ взглядомъ, точь въ точь Венеціанскій мавръ при видѣ Дедемоны.

Служанка вышла первая, неся въ рукахъ канделябръ съ шестью зажженными свѣчами и громко провозгласила:

— Король!

За нею слѣдовала Дежазѣ въ прелестномъ костюмѣ, въ которомъ она является въ пьесѣ: «Дворцовыя алады».

Поклонившись молодому человеку, съ видомъ покровительства и величественно, она сказала ему.

— Я надѣюсь, что вы не будете болѣе завидовать участи тѣхъ, кто ужинаетъ съ Людовикомъ XV. За столъ, несносный ревнивецъ! Садись живѣе!

Она весело поцѣловала его и тѣмъ кончилась драматическая сцена, описанная нами.

Подобнаго рода анекдоты, неподверженныя сомнѣнію, гораздо лучше очерчиваютъ характеръ артистки, чѣмъ глубокое изученіе ея нрава и разные выводы о качествахъ ея души.

Не лучше ли, по нашему мнѣнію, оживить наши рассказы, давъ имъ, въ возможныхъ случаяхъ, драматическую форму, не

лишенную истины, чѣмъ слѣдовать сухому изложению біографическаго очерка. Вотъ, по-крайней-мѣрѣ, система, избранная нами въ бесѣдахъ съ нашими читателями; имъ предоставляется судить, хороша она или нѣтъ.

Въ 1838 году, Дежазѣ страдала болью въ горль.

Тогда репетировалась пьеса «Les premières armes de Richelieu».

Не желая, чтобы черезъ болѣзнь ея представленіе пьесы было замедлено, она обратилась къ медику Брумнеру за его со-
вѣтами.

— Продолжайте репетиціи; я не боюсь за васъ, сказалъ онъ ей.

Но дирекція не разделяла надеждъ доктора, и Баяръ, авторъ пьесы, страшился за нее.

Дежазѣ больна! Дежазѣ не можетъ пѣть! Чтò будетъ съ куплетами? Сколько ущерба грозитъ кассѣ г. Дормейля! Надо искать другую артистку, моложе, съ лучшимъ здоровьемъ, и, по возможности, такую же живую, бойкую, рзвуюю. Виргинія уже не та, что была; нѣтъ въ ней прежняго увлеченія, прежней самоувѣренности. Трудно ей будетъ возбудить въ публикѣ прежній восторгъ. Взгляните на нее на репетиціяхъ: нѣтъ эффектовъ, ей свойственныхъ, нѣтъ огня, ее одушевлявшаго. Рѣшено! Дарованіе артистки клонится къ упадку, талантъ ея тускнеть... умираетъ!

Эти пріятные слухи долетали и до ушей Дежазѣ. Они огорчали и оскорбляли ее до глубины души; но въ женской природѣ ея скрывается желѣзная воля. Она поклялась сокрушить всѣ опасенія и предубѣжденія эгоизма и зависти, всѣ оскорбительныя сомнѣнія, выраженныя безъ покрововъ стыда и совѣсти, и дала себѣ слово —перемѣнить ихъ на хвалебный хоръ въ честь свою.

— Посмотрите! говорила она. Въ первое представленіе Баяръ и Дормейль преклоняютъ предо мною свои колѣни.

Какъ она предпологала, такъ и случилось.

Кому неизвѣстно, что роль Ришелье—одна изъ лучшихъ созданій Дежазѣ.

— О, бѣдный Дормейль! говорила она директору, трепля его по плечу, когда тотъ прибѣжалъ къ ней въ ложу съ горячими изъявленіями своей благодарности:—мнѣ жаль васъ: вамъ приходится еще приобрести триста или четыреста тысячъ франковъ, по милости устарѣвшей своей артистки.

Она была зла на директора, и имѣла на то право.

Вскорь послѣ этого, театру Variétés удалось переманить съ Палерояля на свою сцену Виргинію Дежазѣ.

Она перешла туда съ сценическимъ грузомъ огромнаго своего репертуара. Публика, менѣе неблагодарная, чѣмъ директоры театровъ, и болѣе справедливая, чѣмъ авторы—послѣдовала за нею на новую сцену.

Тутъ она создала новыя роли: Жантиль-Бернара, Коломбины и женскую же роль въ пьесѣ «Мельница».

Вечеромъ, когда шла въ первый разъ эта пьеса, Габріель, одинъ изъ авторовъ, былъ остановленъ Баяромъ слѣдующимъ вопросомъ:

— Не женскую ли роль ты сочинилъ для Дежазѣ?

— Женскую.

— Ты и Дюпети сдѣлали большую глупость; пьеса упадетъ.

— Почему ты такъ думаешь?

— Потому, что Дежазе можетъ еще играть только мужскія роли.

— А ты какъ думаешь! На, возьми мое мѣсто въ оркестрѣ: ты будешь видѣть Виргинію какъ нельзя ближе и лучше, и тогда ты скажешь мнѣ свое мнѣніе.

Баяръ принялъ предложеніе. Черезъ часъ онъ кричалъ Габріелю, только что завидѣлъ его издали:

— Она прелестна! восхитительна! Я сейчасъ несу ей букетъ въ 25 франковъ.

— Экой разбойникъ! сказалъ Габріель Баяру, возвращающемуся досмотрѣть второй актъ «Мельницы».

Театръ Водевиля, вспомнивъ тоже объ успѣхахъ артистки на сценѣ театра Новостей, пригласилъ къ себѣ Виргинію. Но ему не посчастлилось. Виргиніи давали въ немъ безтолковыя, ненатуральныя, натянутыя роли, недостойныя ея таланта и гения. Только пьеса «La Douaigière» принесла этому театру нѣкоторый сборъ.

Въ последнее время Дежазѣ являлась снова на сценѣ Variétés, гдѣ она играла въ пьесѣ «Три шалуна», Клервила и Вандербурка.

Шалунамъ нельзя было дать болѣе 12 — 13 лѣтъ, но пьеса была очень стара.

Здѣсь кстати можно замѣтить, что мы не упоминали о лѣтахъ нашей героини, и что совѣстливый критикъ не долженъ былъ дѣлать такого упущенія. Замѣчаніе совершенно справедли-

во; но у насъ нѣтъ въ рукахъ метрическаго свидѣтельства артистки. Если судить по лицу, ей едва ли еще есть 18 лѣтъ.

— Что вы говорите? кричатъ мнѣ со всѣхъ сторонъ: вы забыли, что въ началѣ книги вы упоминали о директорѣ.

— Ну, если я говорилъ, такъ сочтите сами; зачѣмъ же спрашивать?

Дежазэ скажетъ намъ свой годъ, въ тотъ годъ своей жизни, когда Нинона де Ланкло объявила свои Жедуану. Этотъ Жедуанъ былъ живой, бойкой, надушенный юноша и волокита; онъ былъ также любопытенъ, какъ и вы, читатели, и все хотѣлъ знать.

— Который вамъ годъ? спросилъ онъ у Ниноны.

— Мнѣ восемьдесятъ лѣтъ, отвѣчала она.

И она не прибавляла, и Жедуанъ былъ передъ нею на колынахъ!..

Съ госпожею Дежазэ, мы въ томъ увѣрены, будетъ тоже.

Нынче она объѣзжаетъ города Франціи, собирая всюду лавры. Вся Франція ее знаетъ, любить и всюду она принята съ восторгомъ.

Легка, молода, рѣзва, какъ она была въ началѣ своихъ успѣховъ, она сохранила и лукавый взглядъ, и бойкіе жесты, и ту же юную улыбку.

Она сохранила всю свѣжесть и звучность своего голоса, прелестную ножку, милыя ухватки и этотъ неумовимый даръ бросить въ партеръ веселое, двусмысленное словцо, не возбуждая щекотливости, не оскорбляя нѣжнаго слуха стыдливости.

Вмѣстѣ съ Дежазэ замолкаетъ эхо французскаго веселья и хохота.

Въ нашъ вѣкъ не смѣются, не поютъ и не любятъ больше!..

Исхудалыя, желтыя гризетки вводятъ въ моду чахотку на театрахъ. Они плачутъ при видѣ цветка или звезды на небѣ, принимаютъ позы изгнаннаго генія, питаются вздохами, утоляютъ жажду слезами и заставляютъ партеръ звать немилосердно.

Спаси насъ, Виргинія! Избавь насъ отъ жеманницъ. Разбѣй объ этихъ хныкающихъ дѣвъ твою арлекинскую палочку и отправь ихъ поклонниковъ къ тѣнямъ, вмѣстѣ съ этими чахлыми героинями. Возврати намъ радость, громкій смѣхъ и пѣсни!

III.

НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ ЗА КУБАНЬЮ.

(Изъ дорожныхъ записокъ)

А. С. ЧУЖБИНСКАГО.

Десять лѣтъ въ жизни — огромное пространство времени, въ продолженіе котораго измѣняются и люди, и окружающія ихъ обстоятельства, и, наконецъ воспоминанія событій, выдаваясь какъ-то рельефнѣе, самому показывается въ настоящемъ свѣтъ. Да, десять лѣтъ дѣло серьезное. Хотя это истина довольно старая, однако я какъ-то не обращалъ прежде на нее вниманія, и, что называется, жилъ очертя голову. Надо сказать, что, начиная со втораго курса, я вѣлъ постоянно свой дневникъ лѣтъ пятнадцать, вписывая въ него всѣ событія своей жизни, конечно, однообразной на скамейкѣ лица, по изобиловавшей въ послѣдствіи разнообразными случаями во время моихъ странствованій по блу-свѣту. Нѣсколько лѣтъ какъ пересталъ я вести журналъ, предавшись болѣе серьезнымъ занятіямъ, и съ тѣхъ поръ не перелистывалъ старинныхъ воспоманій, набросанныхъ то во время караула, то въ каютѣ парохода, то у подножія Арарата, или въ

неизвѣстной степи далекой Азіи... однимъ словомъ вездѣ, куда носила меня моя прихотливая доля. Недавно попались мнѣ подъ руку обветшавшіе листки путевыхъ записокъ, и въ ненастный вечеръ я пробѣжалъ ихъ съ жадностью, но не съ авторскимъ самодовольствіемъ, а съ наслажденіемъ чловѣка, живо припоминавшаго эпизоды изъ молодой жизни, которые до того не походятъ на мое настоящее существованіе, что я готовъ былъ счесть ихъ сновидѣніемъ. Мнѣ даже чудилось, что все это сбывалось во снѣ; но собственный почеркъ и проснувшаяся память сказали мнѣ, что все это было, что я, чинно гуляющій по Невскому проспекту, носился нѣкогда на бышенихъ черкесскихъ скакунахъ, что я, лаконически бесѣдующій съ жительницами Петербурга, съ жаромъ водилъ рѣчи съ красавицами въ шелковыхъ шальварахъ и вышитыхъ жемчугомъ шапочкахъ.—Здѣсь, конечно, ничего нѣтъ удивительнаго: Кавказъ не Богъ знаетъ какъ далеко; но дѣло въ томъ, что мнѣ доводилось посѣщать мѣста, почти незнакомыя образованному міру. Въ 184... я былъ очень молодъ, бредилъ многимъ, что уже вычеркнуто изъ обихода настоящаго расположенія бредить, но приводилъ въ исполненіе завѣтную мысль знакомиться съ отдаленными краями обширнаго нашего отечества. Не стану утомлять читателя описаніями какъ я попалъ на Кавказъ, а скажу только, что въ командѣ музульманъ и горцевъ, подъ начальствомъ добраго друга моего, князя **..... ни, я прошелъ по многимъ мѣстностямъ Кавказа, и случалось совершалъ поѣздки, иногда вопреки совѣтамъ благоразумія. Мнѣ хотѣлось знать Кавказъ не такъ какъ знаютъ его многіе, пробѣжавшіе на почтовыхъ отъ одного мѣста къ другому; не такъ какъ знаютъ его нѣкоторые, проведя безъвыездно нѣсколько лѣтъ на одной точкѣ; но изучить въ разныхъ направленіяхъ, забираясь внутрь страны какъ можно глубже, проживая сколько можно въ мѣстахъ интересныхъ, и именно проходить его въ обществѣ людей, которые сами служили матеріалами для изученія этого любопытнаго и дикаго края. Я, должно признаться, не имѣлъ никакого понятія объ этнографіи Кавказа.

Не въ укоръ будь сказано покойному Марлинскому, онъ такъ много повредилъ Кавказу своими фейерверочными описаніями, что, право, трудно рѣшиться описывать край, гдѣ читатель привыкъ встрѣчать сказочный міръ Шахеразады и восточное великолѣпіе. Но у Марлинскаго хоть Кавказъ и идеализованъ, по-

крайней-мѣрѣ сказка занимательна, и, читая пныя мѣста, почувствуешь автору. За то подражатели его поступаютъ уже съ Кавказомъ безъ всякой церемоніи и населяютъ его такими героями и героинями, которыхъ ни Казбекъ, ни Эльбрусъ не видали отъ сотворенія міра. Надо еще замѣтить, что многіе, побывавъ на Кавказѣ гдѣ нибудь въ одномъ, въ двухъ мѣстахъ, взглянувъ иной разъ мелькомъ и на мѣстность, и на горцевъ, считаютъ себя вправѣ разсуждать и даже писать обо всемъ Кавказѣ, конечно, опираясь ни мысль, что никто не станетъ повѣрять ихъ описаній. Начитавшись Марлинскаго и заучивъ хоть у него нѣсколько самыхъ кудрявыхъ татарскихъ фразъ, нѣкоторые господа испещряютъ этими фразами свои повѣсти, не позаботясь узнать говорятъ ли описываемыя племена между собою по-татарски, и на сколько горцы Марлинскаго похожи на горцевъ настоящихъ. Иные, въ простотѣ души, придерживаясь мнѣнія нашихъ солдатъ, называющихъ всѣ вообще горскія племена татарами, сами ихъ такъ именуютъ, и оттого во многихъ повѣстяхъ и романахъ встрѣчаются страницы, хоть очень цвѣтистыя, но до того расходящіяся съ правдой, что человеку, хорошо знающему мѣстность, какъ-то грустно приниматься за описаніе Кавказа. И топографія, и этнографія не рѣдко хромаютъ въ подобныхъ сочиненіяхъ, то взлзая на несуществующія скалы, то проходя по небывалымъ ущельямъ, то спускаясь въ пропасти, вымышленныя досужимъ воображеніемъ автора. Что за герои и героини! какъ они выражаются! Что за цвѣтистый слогъ востока, о которомъ истинный Адиге не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. А женщины! Впрочемъ и неудивительно, что женщины выходятъ невѣроятнѣе всего; здѣсь самая простая причина: многіе авторы, даже бывавшіе на Кавказѣ, видѣли ихъ лишь издали, и никогда ни слова не говорили съ ними, тоже по весьма естественной причинѣ—невладѣя ни однимъ изъ употребительнѣйшихъ нарѣчій.

Вѣря печатнымъ описаніямъ, я былъ убѣжденъ, что всѣ горцы—Черкесы, что языкъ различныхъ племенъ, болѣе или менѣе, одинъ и тотъ же; но имѣлъ въ виду, что мнѣ необходимо знать по-черкески, если я не хочу быть наблюдателемъ, по примѣру многихъ, неимѣющихъ понятія о языкѣ народа, нравы и обычаи котораго передаютъ они съ такимъ краснорѣчіемъ и даже щеголяютъ небывалыми фразами. Средства у меня были въ рукахъ. Не смотря на молодость и неопытность, я какъ-то взялъ

ся за умъ и, помогая князю въ письменныхъ дѣлахъ, принялся составлять для себя списокъ нижнихъ чиновъ команды по племенамъ. Сотня горцевъ, находившихся съ нами, состояла изъ тринадцати племенъ. Въ остальныхъ сотняхъ были закавказскіе татары, лезгинны, грузинны, ахалцихскіе турки, малое число армянъ и два куртинца. Офицеровъ у насъ состояло довольно. Можетъ быть, они и были учены по восточному, но ни у одного я не могъ добиться толку о любопытныхъ мѣстностяхъ. Мысль заняться какимъ нибудь общимъ языкомъ овладѣла мною съ первыхъ дней поступленія моего въ команду, еще очень далеко не только отъ Кавказа, но даже и отъ Ставрополя, который для многихъ, небывавшихъ дальше, носитъ тоже названіе Кавказа. Пріятель мой и начальникъ команды князь **...ни, проведя лѣтъ 12 въ Варшавѣ, самъ едва съ трудомъ объяснялся съ своими подчиненными, а въ трудныхъ случаяхъ прибѣгалъ къ помощи одного офицера изъ армянъ.

Занимаясь расчетами съ квартирмейстерами и иными всадниками, я замѣчалъ фзіономіи, казавшіяся мнѣ болѣе умными, и старался избрать себѣ учителя. Незнаю почему считалъ я кабардинское нарѣчіе общимъ, и записалъ словъ 50, которыя съ жаромъ выучилъ, составивъ изъ нихъ самыя необходимыя фразы. На другой день ко мнѣ пришелъ назрановецъ. Я спросилъ его по-кабардински: хороша ли погода? онъ ломанымъ русскимъ языкомъ отвѣчалъ мнѣ, что не понимаетъ. Я началъ его спрашивать слова, записанныя мною, и нашелъ, что назрановское нарѣчіе нисколько не похоже на кабардинское. Тоже было съ натухайскимъ, абадзехскимъ, бесленейскимъ, и хотя послѣднія имѣють что-то общее какъ между собою, такъ и съ кабардинскимъ, подобно нарѣчіямъ славянскимъ, имѣющимъ одинъ корень, однако я убѣдился, что если я хочу говорить съ каждымъ племенемъ на его языкѣ, то долженъ изучить всѣ нарѣчія, на что недостало бы всей жизни. Я пріунылъ и упалъ духомъ. У князя былъ слуга изъ армянъ, Гео, мошенникъ и плутъ, какихъ я думаю не рождается по два въ продолженіе столѣтія, и онъ однажды навелъ меня на умъ. Видя привязанность ко мнѣ князя и, нѣкоторымъ образомъ значеніе мое въ командѣ, Гео нерѣдко обращался ко мнѣ съ различными просьбами. Какой бы горецъ ни приходилъ ко мнѣ, Гео съ каждымъ разговаривалъ какъ по писанному, и поселилъ во мнѣ высокое мнѣніе о своихъ лингвистическихъ способностяхъ. Былъ у насъ

одинъ куртинець: отчаянный головорѣзь, ужаснѣйшій пьяница, но самый послушный изъ всадниковъ. Онъ пришелъ ко мнѣ въ первый разъ попросить рубль въ счетъ жалованья, и объяснялся со мною самымъ исковерканнымъ русскимъ языкомъ. Гео случился тутъ же, и завелъ съ куртинцемъ разговоръ по-польски. Я изумился.

— Что это ты, Гео, болтаешь по-польски? спросилъ я.

— Какъ же иначе съ нимъ говорить, вѣдь онъ не понимаетъ по-татарски? Да у насъ есть нѣсколько горцевъ, которые и между собою говорятъ по-польски: иначе другъ друга не понимаютъ.

Благодаря этому происшествію, я дѣятельно принялся спрашивать и узналъ, что общій языкъ всемъ горскимъ племенамъ татарскій, и что рѣдко, съ небольшими исключеніями, случается, чтобы горець не зналъ хоть какого нибудь татарскаго нарѣчія. У меня свалилась гора съ плечъ. Я взялъ переводчика, записывалъ слова, велѣлъ ему склонять имена и спрягать глаголы, составлялъ фразы, понималъ духъ языка, и въ три недѣли могъ обругать со всеми варіаціями всадника, а въ два мѣсяца очень свободно изъяснялся по-татарски, что пріобрѣло мнѣ особенное уваженіе въ командѣ. Придя въ С.... я былъ спокоенъ и ожидалъ только случая отправиться куда нибудь подальше отъ провзжей дороги.

Между горскими племенами, слѣдовавшими съ нами до С... откуда они должны были разойтись по домамъ, былъ у меня кунакъ непривѣтливый, серьезный, но очень умный горець, князь Арсланъ-бей .....овъ, который самъ предложилъ мнѣ свою дружбу еще на походъ. Еще на продолжительномъ растахъ въ П..... онъ заболѣлъ горячкой. Азіятскій лекаръ, сопровождавшій команду, пресмѣшной армянинъ, увѣрялъ, что это «ничего, пройдетъ», а между тѣмъ Арсланъ-бей впалъ въ сильный бредъ и сдѣлался опасенъ. Узнавъ объ этомъ я поѣхалъ за лучшимъ докторомъ, удалилъ отъ больного много лишняго народа, сидѣвшаго на сѣдлахъ и курившаго самый крѣпкій табакъ; прислалъ самоваръ, пріезжалъ наблюдать за своевременными пріемами лекарства, и черезъ недѣлю больной выздоровѣлъ. Первый его выходъ былъ ко мнѣ. Арсланъ-бей явился ко мнѣ въ сопровожденіи муллы, который подобно ему, плохо говорилъ по-русски. Въ то время я только что началъ учиться по-татарски, но кое-какъ мы поняли другъ друга.

Арсланъ-бей сказалъ, что въ настоящее время онъ бѣденъ и можетъ только предложить мнѣ кинжалъ, но что придя на Кавказъ, онъ отблагодаритъ меня. Напрасно я старался убѣдить его, доказывая, что каждый человекъ обязанъ пешись о ближнемъ, не имѣя въ виду награды, но слова мои не дѣйствовали на азіянца. Онъ просилъ моей дружбы и взаменъ ея обещалъ пріязнь на жизнь и на смерть. Послѣ этого онъ переломилъ кусокъ хлѣба, подаль половинку мнѣ и просилъ съѣсть, а самъ съѣлъ остальную. Мулла въ это время пробормоталъ какой-то стихъ изъ корана, и я пріобрѣлъ истиннаго друга. Меня это тронуло. Съ тѣхъ поръ я старался быть болѣе внимательнымъ къ Арсланъ-бею, а когда послѣ началъ лучше понимать по-татарски, иногда цѣлые переходы вѣхалъ съ нимъ рядомъ и разговаривалъ о Кавказѣ. Арсланъ-бей былъ рѣдкое исключеніе изъ горцевъ, проводящихъ нѣсколько лѣтъ въ Варшавѣ. Не говорю, что европейская цивилизація нѣсколько не привилась къ этому человеку—она и не прививается къ его соплеменникамъ, — но онъ не усвоилъ ни одного европейскаго порока, и ни на волосъ не измѣнилъ мусульманской религіи, тогда какъ товарищи его открыто пили вино, играли по ночамъ въ карты и безчинствовали, не смотря на строгость главнаго начальника. И онъ мнѣ нравился своей дикостью, необщительностью; я видѣлъ въ немъ типъ настоящаго горца, со всеми его вѣковыми предразсудками; я узналъ эту мрачную фигуру, которая отталкивала просвѣщеніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ не предавалась соблазнамъ европейскаго большаго города. Сколько у насъ походомъ было непріятностей въ командѣ, но все это между мусульманами, а въ сотнѣ Арсланъ-бея никакого происшествія, исключая одинъ разъ нѣсколько черкесъ пошалили на Дону, и то дѣло уладилось очень скоро и безъ всякихъ послѣдствій. Арсланъ-бей постепенно ко мнѣ привязывался: то велитъ осыдлатъ для меня собственную лошадь, то покупаетъ мнѣ фрукты, то придетъ учить меня по-татарски. Когда же вступили мы въ Кавказскую область, я долго не зналъ особенной его обо мнѣ заботливости. На этихъ безводныхъ степяхъ до самаго Ставрополя нѣтъ никакой опасности, однако каждую ночь у двери моей квартиры стоялъ часовой съ заряженной винтовкой. Я думалъ, что это по распоряженію начальника, но узналъ, что Арсланъ-бей такимъ образомъ охранялъ мое спокойствіе.

Въ С... большая часть горцевъ была распущена, и всѣ офи-

церы провели вечеръ у князя командира. При уходѣ гостей, я подошелъ къ Арсланъ-бею и хотѣлъ попрощаться, но онъ остановилъ меня и сказалъ, что утромъ придетъ самъ. На другой день мы съ княземъ сидѣли у чайнаго стола и, растворивъ окна, вливали бальзамическій воздухъ южной весны, насыщенный разными ароматами. Послышался конскій топотъ, и Арсланъ-бей вошелъ въ комнату. Я почти не узналъ его съ перваго раза. Обыкновенно прежде ходилъ онъ въ форменной черкескѣ, смотрѣлъ почти всегда въ низъ, и никогда самъ не начиналъ разговора. Теперь онъ былъ въ старой верблюжьей чухѣ, набитые патроны на груди заткнуты были какими-то тряпками, ахалухъ немного разорванъ, но на немъ было самое драгоценное оружіе, какого я никогда не видывалъ. Выпрямивъ стройный станъ и сверкая черными глазами, Арсланъ-бей подошелъ къ князю и поблагодарилъ его за доброе расположеніе. Съ достоинствомъ сѣлъ онъ на предложенный стулъ, взялъ стаканъ чаю и закурилъ коротенькую трубочку.

— Искендеръ-ага, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: ты всегда былъ и будешь моимъ лучшимъ другомъ, я многимъ тебѣ обязанъ, но до сихъ поръ ничѣмъ не могъ отблагодарить тебя. Я живу всего въ трехъ дняхъ пути отсюда, поѣдемъ ко мнѣ въ аулъ, и тамъ я достойно угощу тебя.

— Надо спросить у князя, сказалъ я.

— Не советую, проговорилъ князь по-французски: хоть онъ и честный человекъ, однако на горца трудно полагаться; при томъ же теперь весна, кто знаетъ каково за Кубанью!

— Не знаю, что говорить тебѣ князь, молвилъ Арсланъ-бей, нахмуривъ брови; но когда Арсланъ.....овъ приглашаетъ въ домъ свой добраго брата, брату бояться нечего, а князю стыдно отговаривать путника.

— Ты знаешь, любезный Арсланъ, отозвался князь, что онъ мнѣ нуженъ.

— Знаю, возразилъ тотъ, но недѣля не сдѣлаетъ разницы, а Искендера я велю проводить до Горячеводска, или хоть до Георгіевска.

— Буду, сказалъ я рѣшительно.

— Помни, что я предупреждалъ тебя, отвѣчалъ князь: и не пѣнай, если случится что-нибудь.

— Нѣтъ, не могу не ѣхать: это единственный случай для меня побывать за Кубанью.

— Какъ хочешь! удерживать тебя не могу, и буду очень радъ, если возвратишься благополучно.

Мигомъ собрался я, не забывъ захватить мѣдный чайникъ, наполнилъ необходимымъ переметныя сумы, и сѣлъ на отличную кабардинскую лошадь, которая, по распоряженію Арсланъ-бея, стояла у крыльца, какъ моя собственность. Многіе наши дивились моему отъезду, но бокъ-о-бокъ съ Арсланъ-беемъ, въ верблюжьей чухѣ и съ винтовкой за плечами, я выѣхалъ быстрою ходою къ югу отъ С.....

Не могу выразить всего, что дѣлалось въ душѣ моей, когда я совершенно одинъ очутился въ толпѣ не только чуждаго племени, а племени, которое не всегда сохраняетъ обязанности мирныхъ гражданъ. Но возлѣ меня ѣхалъ Арсланъ-Бей, и на суровомъ, мужественномъ лицѣ его было столько благородства, что усомниться въ искренности этого горца, казалось бы преступленіемъ. Не безъ восторга смотрѣлъ я впередъ, но только, словно облако, передо мною обрисовывался двоеглавый Эльбрусъ; цѣпи горъ еще не было примѣтно. Собственно поѣздка по самой роскошной степи не такъ занимала меня, потому-что отъ самаго Дона мы шли степями, на которыхъ южная флора разсыпала всѣ дары свои; да и родился и выросъ я въ краю, въ которомъ обширныя луга весною, словно яркіе узорные ковры, разстилаются подъ ногами. Меня привлекали горы, меня манила новизна, меня, не скрою, волновало какое-то желаніе, смѣшанное со страхомъ, испытать нападеніе враждебныхъ горцевъ. Въ полдень мы дѣлали привалъ, слегка пообедали и снова отправились далѣе. Къ вечеру, часу въ шестомъ, вдругъ передовой всадникъ подскакалъ къ Арсланъ-Бею, проговорилъ что-то, и чрезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ конную толпу, ясно обрисовавшуюся на горизонтѣ. Небольшой отрядъ нашъ соединился въ кучку. Арсланъ-Бей сказалъ мнѣ, чтобъ я не тревожился, что конная толпа, это свита его дяди, который выѣхалъ къ нему навстрѣчу. И точно, черезъ четверть часа съдоусый старикъ, въ сопровожденіи челоуѣкъ сорока, присоединился къ намъ. Это былъ мужчина лѣтъ подъ шестьдесятъ, худощавый, но бодрый, веселый, ловко управлявшій горячимъ бѣгуномъ, и, по рекомендаціи племянника, очень ласково обошелся со мною. Свиданіе возвращавшихся на родину горцевъ и прибывшихъ съ Махметомъ, было очень дружеское, и увеличившійся нашъ отрядъ шелъ быстрою ходою сначала. На ночлегъ мы остановились въ небольшой

балкъ, разставивъ ведеты; но не успѣли разсѣдлать лошадей, какъ вблизи показалось нѣсколько казаковъ. Смѣкнувъ, что насъ принимаютъ за немирныхъ, Арсланъ-Бей вскочилъ снова на коня, взявъ меня съ собою, и мы вдвоемъ поскакали къ разъѣзду. Положивъ винтовки поперегъ сѣдла, линѣйцы равнодушно ожидали нашего прибытія. Арсланъ-бей подскакалъ къ уряднику, показалъ билетъ, я по-русски подтвердилъ, кто мы, и дѣло кончено.

— Вы же какой такой? спросилъ меня урядникъ.

Я рассказалъ ему.

— И вы ѣдете гостить къ этимъ головорѣзамъ, ваше благородіе?

— Да.

— Не ровенъ часъ, ваше благородіе! Бывали примѣры, что гости не возвращались. Ну, да Богъ милостивъ! Чтобъ ни случилось, не уступайте только азіатамъ. Впрочемъ фамилію... выхъ мы знаемъ: они взаправду мирные, а есть у нихъ дядя, такъ этотъ хоть и мирный, а ужасный мошенникъ...

Урядникъ поворотилъ коня, и разъѣздъ отправился своей дорогой, а я похалъ съ Арсланъ-беемъ къ становищу, раздумывая, что дядя, рекомендованный линѣйцемъ, хотя бы и въ самомъ дѣлѣ былъ мошенникъ, однако не посмѣетъ напасть на меня въ присутствіи бей. Уставъ послѣ усиленной верховой ѣзды, я завернулся въ свою бурку и прилегъ подъ кустомъ, ввѣривъ лошадь назначенному мнѣ нукеру, и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что вокругъ меня помѣстились все старинные мои знакомцы.

Съ разсвѣтомъ мы были уже въ дорогъ. Облитая лучами восходящаго солнца степь, казалась чѣмъ-то волшебнымъ, тѣмъ болѣе, что утренняя роса, унижавшая стебли травъ и цвѣтовъ, блестяла брильянтами на этомъ ароматномъ морѣ зелени. И вотъ туманъ легкими облаками началъ улетать выше и выше, и передъ нами заблестѣла внизу рѣка, показываясь мѣстами въ раздолахъ овраговъ. Вокругъ меня все смолкло. Мы остановились. Смотрю: всѣ мои спутники уже были на землѣ и молились. Мы увидѣли Кубань... Не успѣвъ я опомниться, какъ уже всѣ вскочили на сѣдла и съ гикомъ неслись къ Кубани, махая винтовками, снизывая пулями орловъ, парившихъ въ поднебесьи, и джигитую съ обычными своими приѣмами. Я скакалъ вслѣдъ, не понимая хорошенько, что со мною дѣлалось. Черезъ полчаса мы

были у Кубани. Снова многочисленный казачій отрядъ переродилъ намъ дорогу и опросилъ какъ слѣдуетъ. Мы стояли надъ рѣкою. Кубань въ этомъ мѣстѣ довольно узка, но берегъ утесистый, сажени двѣ вышиною. Я искалъ взоромъ мѣста, гдѣ мы будемъ спускаться, но каково же было мое изумленіе; когда въ одинъ мигъ вся почти толпа начала спрыгивать съ крутизны... Одни бросились прямо, другіе накидывали лошадямъ на головы бурки. На берегу оставался я да нѣсколько всадниковъ. Не успѣлъ я опомниться, какъ одинъ изъ горцевъ хватилъ мою лошадь нагайкой, та ринулась въ Кубань, начала разсѣкать волны, фыркая и прядая ушамъ. По сторонамъ плыли два кобардинца, поддерживая меня и дружно повторяя мнѣ фразу:

— Твоя не надо боятся.

У меня закружилась голова, но я благополучно переправился на лѣвый берегъ. Здѣсь я впервые замѣтилъ оптическій обманъ, который замѣчалъ въ послѣдствіи при переправѣ черезъ кавказскія быстрыя рѣки: стоя на берегу, видишь куда идутъ волны, но чуть въѣхалъ въ рѣку, представляется, что быстрина несется въ противоположную сторону. Отряхнувшись послѣ невольнаго купанья, мы проскакали съ версту въ карьеръ, и Арсланъ-бей объявилъ мнѣ, что надо быть осторожнымъ, что здѣсь уже могутъ встрѣтиться враждебныя племена, изъ которыхъ нѣкоторые преслѣдуютъ мирныхъ горцевъ съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ русскихъ. Сдѣланъ былъ коротенькій привалъ, осмотрѣны ружья и пистолеты, и какъ у меня и еще у двухъ, трехъ всадниковъ они были подмочены, то мы ихъ немного почистили, перерядили, и пошли поспѣшно, чтобъ къ закату солнца пріѣхать въ аулъ Арсланъ-бея.

Въ продолженіе этого пути съ нами не случилось ничего особеннаго, издали только по временамъ мелькали одинокіе всадники, которые быстро исчезали, возбуждая въ насъ удвоенную осторожность. Наконецъ къ полудню впервые увидѣлъ я на горизонтѣ цѣпь снѣговыхъ вершинъ Кавказа... Этого мгновенія я описать не въ состояніи. Какое-то неизъяснимое чувство овладѣло мною, и присутствіе его понялъ я чрезъ нѣсколько времени въ двухъ, трехъ слезахъ, невольно скатившихся мнѣ на рукавъ черкески. Вскорѣ при выѣздѣ изъ одной небольшой ложбины, я увидѣлъ зеленыя лѣсистыя предгорія, которыми въ послѣдствіи, блуждая по Кавказу, никогда не могъ довольно наслаждаться. Прислонясь къ одному изъ зеленыхъ этихъ отро-

говъ, забѣлели сакли аула, и мы увидѣли новую конную толпу, несшуюся къ намъ навстрѣчу. Это были родные и подданные Арсланъ-бея. Гику, стрельбѣ, бросанью вверхъ шапокъ не было конца, и, увлекаемый въ карьеръ дикою массой, я почти безъ сознанія влетѣлъ въ аулъ, народонаселеніе котораго выбѣжало навстрѣчу давно ожидаемому князю. Толпа остановилась у порога довольно безобразнаго, но обширнаго дома, съ неправильно расположенными окнами. Арсланъ-бей соскочилъ съ лошади и подалъ мнѣ руку.

— Искендеръ! сказалъ онъ: домъ мой—твой домъ, и братъ весь къ твоимъ услугамъ.

Дядя его нѣсколько покосился на меня, но уступилъ мнѣ дорогу, и я вслѣдъ за Арсланъ-беемъ вошелъ въ низенькую комнату, откуда онъ ввелъ меня въ какую-то клетку съ однимъ окномъ, и сказалъ, что это мое жилище.

— Располагайся, какъ знаешь, прибавилъ онъ, требуй чего хочешь, нукеръ будетъ близъ тебя неотлучно; но не выходи изъ дому. Сегодня вѣроятно мы не увидимся. Завтра я познакомлю тебя съ родными, а теперь мнѣ надо и въ мечеть, и къ старикамъ, и наконецъ къ женѣ и сестрамъ, съ которыми я не видался десять лѣтъ.

И Арсланъ-бей вышелъ.

Оставшись одинъ, я началъ разглядывать свое помѣщеніе, въ которомъ кромѣ низкаго дивана и топорной работы столика не было никакой мебели. Изъ окна былъ видъ на садъ, по которому скрещались маленькія тропинки, очевидно вытоптанныя ногами, но который весь, словно молокомъ, облитъ былъ цвѣтами черешень и другихъ плодовыхъ деревьевъ, наполнявшими воздухъ ароматомъ. Явился незнакомый мнѣ нукеръ и поклонился по восточному, приложивъ руку къ сердцу и на татарскомъ языкѣ испрашивалъ моихъ приказаній. Я велѣлъ принести свои вещи. Въ минуту предо мною явилось все мое походное имѣніе до конской збруи включительно, и съ помощію нукера я принялся устранивать себя на нѣсколько дней помѣщеніе. Первымъ дѣломъ моимъ однако же было велѣть затопить каминъ, сложенный кое-какъ изъ булыжника, что не мало удивило нукера, удивленіе котораго прошло, когда я принялся кипятить мѣдный чайникъ. Я зналъ, что у Арсланъ-бея не было самовара и въ поминъ, а потому еще въ С..... просилъ его необижаться, если буду у него пить свой чай. Доставъ дорожный портфель,

я вынулъ бумагу, перья и черниллы, и разложивъ все это на столикъ, отпустилъ нукера. Но мнѣ много стоило услать этого прислужника, который только послѣ убедительныхъ просьбъ рѣшился оставить меня въ покоѣ, объявивъ, что онъ будетъ за дверью. Вскипятивъ чайникъ и наливъ себѣ стаканъ чаю, я началъ набрасывать путевой дневникъ, въ которомъ было много лирическихъ отступленій, какъ дань пылкаго возраста, исключенныхъ однако же изъ настоящей статьи, не только изъ боязни нашихъ рецензентовъ, сколько изъ нежеланія придавать своему журналу видъ сочиненія. Не успѣвъ я исписать листа бумаги, какъ мнѣ принесли ужинать: илову, шашлыка и на глиняной мискѣ прекрасныхъ, душистыхъ сотовъ, что было мнѣ не лишнимъ для подкрѣпленія силъ, ослабленныхъ въ продолженіе двухдневнаго пути верхомъ, при весьма скудной походной пищѣ. Пока я ужиналъ, нукеръ принесъ мнѣ подушку, обтянутую шелковою наволокою и шерстяное одѣяло, какъ видно, мало бывшее въ употребленіи. Я улегся на диванъ, зажегъ стеариновый огарокъ и началъ учить татарскія фразы, записанныя мной въ С..... Часу въ девятомъ Арсланъ-бей вошелъ ко мнѣ въ ахалукъ съ коротенькою трубочкой и усѣлся у изголовья.

— Ну, что, Искендеръ, хорошо ли тебѣ?

— Какъ нельзя лучше.

— Сытъ ли ты?

— Даже и очень.

— Извини, если сегодня поскучалъ: мнѣ нельзя было сидѣть съ тобою. Говорилъ я о тебѣ женѣ и сестрамъ. Жена, извини, не хочетъ тебѣ показаться: хоть путникъ братъ и другъ тебѣ, сказала она, но онъ христіанинъ, и я не хочу открыть лицо передъ невѣрнымъ.

— Что же дѣлать! отвѣчалъ я, улыбаясь.

— За то увидишь завтра сестеръ: онѣ объ примутъ тебя. Завтрашній день мы проведемъ вмѣстѣ; я покажу тебѣ аулъ, създимъ, пожалуй, и къ дядѣ; но помни, что безъ меня ты не долженъ дѣлать ни шагу за порогъ сакли.

— А ты, Арсланъ-бей, доволенъ возвращенію на родину?

— Доволенъ, да не совсѣмъ, отвѣчалъ онъ, придавивъ пальцемъ огонь въ трубкѣ. Одинъ изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ поссорился съ дядей, обидѣлъ его, укралъ у него любимую жену и удалился въ горы. Славный былъ малый, храбрый, отчаянный,

и теперь у насъ однимъ заклятымъ врагомъ больше. Мало того, что самъ онъ ушелъ, но увелъ чело­вѣкъ двадцать удалцовъ и угналъ у меня большой табунъ.

— Зачѣмъ же у тебя?

— Я съ дядей имѣлъ этотъ табунъ пополамъ. Здѣсь у насъ опасное мѣсто, Искендеръ; мы довольны русскимъ падишахомъ, намъ хорошо; но вокругъ насъ немирные, и то и дѣло что бунтуетъ народъ.

— Надѣюсь, Арсланъ-бей, что ты, какъ умный чело­вѣкъ, сумѣешь управиться съ подданными.

— Съ подданными-то я управлюсь, но зачѣмъ же разстроилась моя семья? Ты не зналъ Али: это после меня былъ лучшій стрѣлокъ въ Кабардѣ. Мы росли съ нимъ вмѣстѣ.

— Паниши къ нему, можетъ быть, онъ вспомнить прежнюю дружбу.

— Ты не знаешь нашихъ обычаевъ: я жду, что онъ сдѣ­лаетъ набѣгъ на насъ, и мнѣ придется перевѣдываться съ нимъ, какъ съ неприятелемъ. Однако пора! спи спокойно, Искендеръ, какъ бы ты спалъ подъ отеческою кровлей.

Арсланъ-бей ушелъ, я задулъ свѣчу, но немогъ долго уснуть, не смотря на усталость. Повторю, что мнѣ и въ мысль непри­ходило сомнѣваться въ искренности Арсланъ-бея; а признаюсь, что, очутясь за Кубанью, далеко отъ линія, среди племени, ко­торое имѣло между собою кровавые расчеты, мнѣ не разъ думалось, что немирные горцы легко могутъ сдѣлать на­бѣгъ на владѣніе Арсланъ-бея. Нѣсколько разъ я закрывалъ глаза и, закутываясь въ одѣяло, хотѣлъ уснуть, но сонъ не приходилъ, а на памяти обрисовывались мирные холмы моей ро­дины и тѣнистый Слънородъ и красивые Исковцы, раскинувшіеся въ густой зелени. И вотъ къ полуночи неслышно было въ аулѣ чело­вѣческаго голоса, лишь подъ окномъ дѣлъ кабардинскій со­ловей, дальше, по временамъ, лаяли собаки, да гдѣ-то близко горный потокъ журчалъ по камнямъ. Наконецъ я уснулъ, а когда пробудился, въ комнатѣ моей было светло, и свѣжій аро­матный воздухъ, врываясь въ окно, обвѣвалъ меня какою-то роскошною прохладой. Мнѣ принесли довольно вкуснаго кофе безъ сахару, и какихъ-то пшеничныхъ пренеприятныхъ лепешекъ. Под­крѣпясь сномъ, я чувствовалъ себя гораздо бодрѣе, и всѣ мрачныя мысли исчезли вмѣстѣ съ ночными грезами.

Арсланъ-бей вошелъ ко мнѣ.

— Ну, Искендеръ, пойдемъ въ кунацкую. Я уговорилъ сестеръ повидаться съ тобою, и кстати сдамъ имъ тебя до вечера, потому что мнѣ нужно осмотрѣть кое-что изъ хозяйства. Идемъ!

— Черезъ полчаса буду готовъ, а теперь позволъ, dokonчу листокъ.

— Хорошо, только пришли мнѣ сказать, когда кончишь дѣло.

Признаюсь откровенно, что занятія были только однимъ предлогомъ, а мнѣ не хотѣлось предстать предъ княжнами въ будничномъ костюмѣ. Первымъ моимъ движеніемъ было достать походное зеркальце и чисто побриться; потомъ я вынулъ новенькій костюмъ, взятый на всякій случай, перетянулся какъ можно тоньше, и надѣлъ самые щегольскіе сапоги, которые хотя и не гармонировали съ горскимъ костюмомъ, однако все таки были красивѣе и удобнѣе чевяковъ. Я не позабылъ также выпустить цѣпочку отъ часовъ, и надѣлъ самую красивую шапку, подаренную мнѣ начальникомъ команды. Я послалъ за Арсланъ-беємъ, и чрезъ нѣсколько минутъ мы входили въ кунацкую. Это была небольшая, почти полукруглая комната съ двумя окнами, у одной стѣны тянулся низкій диванъ, покрытый шелковою матеріей; направо отъ него стояли два высокіе сундука, накиннутые богатыми коврами, а у оконъ всего три самые топорные стула, возлѣ которыхъ стоялъ не менѣе топорный столъ ни чѣмъ не покрытый. На стѣнахъ, вмѣсто украшеній, висѣло драгоценное оружіе, развѣшанное съ той горской кокетливостью, которая показываетъ на видъ только оружіе, достойное извѣстности, не заботясь въ какой оно оправѣ. И, надо сказать правду, у Арсланъ-бея былъ порядочный арсеналь, извѣстный, какъ я узналъ послѣ, на всемъ правомъ флангѣ. Въ то время, какъ Арсланъ-бей рассказывалъ мнѣ гдѣ и какъ добыта какая шапка или винтовка, тихо скрипнула дверь, зашепеляли шелковыя одежды, и двѣ стройныя женщины въ покрывалахъ вошли въ кунацкую. Я схватился уже было за шапку, чтобъ снять ее, но не успѣла рука моя совершить этотъ довольно недовкій поступокъ, какъ я опомнился и, поклонясь вошедшимъ, проговорилъ употребительное привѣтствіе по-татарски. Мнѣ отвѣчали обычнымъ «добро пожаловать» и, княжны усьлись на диванъ. Арсланъ-бей заговорилъ по-кабардински, и старшая княжна откинула покрывало. Это была дѣвушка высокаго роста, прекраснаго сложенія, но не только не красавица, а скорѣе не

хороша собою. Она была въ пунцовомъ ахалухѣ, обшитомъ узенькимъ галуномъ, въ желтой рубашкѣ, застегнутой жемчужинной и въ такихъ же шальварахъ. На головѣ у нее надѣта была пунцовая шапочка, изъ-подъ которой струились черныя мелко заплетенныя косы. Она прекрасно говорила по-татарски.

— Братъ нашъ и господинъ, сказала она, такъ много говорилъ намъ о тебѣ, Искендеръ-ага, что мы рѣшились показаться передъ тобою и поблагодарить за дружбу къ Арслану.

У меня вертѣлись на языкъ извѣстныя фразы: я очень счастливъ, мнѣ чрезвычайно лестно и т. д., но я удержался и сказалъ, что люблю Арсланъ-бей и надѣюсь заслужить расположеніе прекрасныхъ сестеръ его.

— Ты не думай, Искендеръ-ага, сказала она, что мы преступили законъ, открывая лице передъ незнакомымъ и невѣрнымъ: у насъ въ семействѣ этотъ законъ не исполняется. Покойная мать наша въ дѣтствѣ была христіанка и всегда ходила съ открытымъ лицомъ.

— Ну, Искендеръ, сказалъ Арсланъ-бей, сиди же съ сестрами; если хочешь, онѣ поведутъ тебя въ садъ, а я поѣду по дѣламъ.

И, поручивъ меня княжнамъ, Арсланъ-бей вышелъ.

— Покойно ли ты спалъ? спросила меня старшая княжна.

— Очень, отвѣчалъ я, поглядывая на меньшую, которая не снимала еще покрывала.

— У тебя есть сестры?

— Есть.

— Желала бы я ихъ видѣть. Что же ты не сядишься?

Я сѣлъ.

— Мнѣ грустно, сказалъ я, что сестра твоя не хочетъ познакомиться со мною.

— Зюльма еще очень молода и совѣстится чужеземца.

И обратясь къ Зюльмѣ, она что-то сказала ей по-кабардински. Та отвѣчала ей на томъ же нарѣчій.

— Зюльма говоритъ, что она видитъ тебя и очень рада знакомству, но не хочетъ показываться, потому что совѣстно.

— Совѣстится меня нечего, а значить ей непріятно говорить со мною.

Лейла (такъ звали старшую княжну) сказала тихо нѣсколько словъ, и вскорѣ послѣ мгновенной нерѣшимости, медленно Зюльма откинула покрывало... Я не могу высказать восторга, съ какимъ

увидѣлъ я истинную красавицу, которая, закраснѣвшись и потупя глаза, слегка мнѣ поклонилась. Зюльма была гораздо меньше ростомъ сестры. Стройную талию ея обхватывалъ голубой атласный архалукъ, унизанный по бортамъ золотыми турецкими монетами. Бѣлая шелковая сорочка ея была застегнута алмазной запонкой, а на головѣ голубая шапочка, отороченная мелкимъ барашкомъ и вышитая крупнымъ жемчугомъ. Пунцовые широкіе шальвары волнистыми складками спускались въ крошечныя, вышитыя туфли и у лодыжки завязаны были золотымъ снуркомъ съ кисточками. Когда она подняла на меня блестящіе черные глаза, во взорѣ ихъ замѣтна была какая-то робость.

— Видишь, ты напрасно думалъ, что сестра не хочетъ тебѣ показаться, сказала Лейла.

— Я благодаренъ княжнѣ Зюльмѣ, отвѣчалъ я, за удовольствіе, съ которымъ смотрю на ея прекрасное лицо. Но отчего же княжна не говоритъ со мною?

— На это есть причина: сестра недавно возвратилась домой, и не только не понимаетъ по-татарски, но почти разучилась по-кабардински. Она воспитывалась въ горахъ, у тетки.

Мнѣ стало не много грустно. Во взглядѣ и въ чертахъ Зюльмы было столько прелести, и вся она была такъ обворожительна, что я не могъ оторвать глазъ отъ этой пльнительной горянки.

— Ты никогда не былъ на Кавказѣ, Искендеръ-ага? спросила меня Лейла.

— Никогда.

— Братъ говорилъ намъ, что ты пишешь книги: хотѣла бы я знать, что у васъ въ книгахъ, и какъ вы ихъ пишете?

— Пишемъ очень просто: или о томъ, что видѣли, или выдумываемъ.

— Что же ты напишешь о Кавказѣ?

— Все, что замѣчу.

— Расскажешь про нашъ аулъ и про насъ съ сестрою?

— Непременно, княжна.

— Что же тутъ любопытнаго? Двѣ простыя горянки, которыхъ никто никогда не видалъ. Вѣдь ваши женщины лучше...

— Есть у насъ всякія.

Я уже хотѣлъ пуститься въ восточныя любезности, приготовленныя заранѣе, но меня остановила мысль, что въ присутствіи дѣтей природы комплименты были бы еще пошлѣе, чѣмъ

Въ нашихъ гостиныхъ, а главное, цвѣты краснорѣчія моего не послужили-бъ ни къ чему, оттого, что Зюльма не могла принимать прямого участія въ разговоръ.

— У васъ, говорятъ, женщины очень хорошо одѣваются, сказала Лейла.

— У насъ нѣтъ постоянного наряда, княжна: больше ста лѣтъ, какъ дворянство наше оставило народный уборъ и одѣвается по-чужеземному; а за границей каждый годъ мѣняютъ моды.

Лейла передала отвѣтъ мой сестрѣ, а та сказала ей нѣсколько словъ по-кабардински.

— Зельма просить, чтобъ ты рассказалъ намъ про свои женскіе наряды.

— Если вы ихъ никогда не видали, то это сдѣлать трудно; но я могу исполнить желаніе Зюльмы и покажу вамъ картинки.

Со мною было нѣсколько модныхъ картинокъ, захваченныхъ мною нарочно, и отправясь на минуту въ свою комнату, я принесъ ихъ княжнамъ. Надо было видѣть, съ какимъ дѣтскимъ любопытствомъ, съ какимъ восторгомъ разсматривали горянки изображеніе парижскихъ модъ, и видно женщины вездѣ женщины,—княжны мои увлеклись до того, что, позабывъ о моемъ присутствіи, съ жаромъ разсуждали о европейскихъ костюмахъ, разсматривая ихъ по-очереди.

— Дивныя картинки! сказала Лейла.

Я понималъ уже азіятскіе обычаи на столько, чтобъ не показаться невѣждой, и тотъ же часъ предложилъ княжнамъ картинки. Онѣ охотно приняли этотъ подарокъ и долго, какъ дѣти, затруднялись въ выборѣ. Наконецъ онѣ раздѣлились, и Зюльма начала подпрыгивать отъ радости, повторяя одну и ту же фразу.

— Сестра говоритъ, что ты очень добръ, Искендеръ-ага-сказала Лейла: а мнѣ совѣстно, что ты, можетъ быть, жаль, ешь разстаться съ своими красавицами.

Мнѣ очень трудно было разсказать княжнамъ, что это не портреты: во-первыхъ, я не такъ свободно могъ объясняться по-татарски, а во-вторыхъ, горянки не имѣли никакого понятія о нашихъ журналахъ. Я сказалъ только, что картинки не имѣли для меня никакой цѣны, и что мнѣ очень пріятно доставить хоть какое нибудь удовольствіе моимъ гостепріимнымъ хозяйкамъ.

— Мы оставимъ тебя на минуту, пойдемъ показать братней женѣ подарки и сейчасъ же возвратимся, сказала Лейла.

И княжны убѣжали, оставя меня одного въ кунацкой. Отъ нечего дѣлать, я подошелъ къ окну и началъ разсматривать дворъ, слегка огражденный неправильнымъ каменнымъ заборомъ. Вокругъ видѣлись разбросанныя сакли, у порога которыхъ сидѣли и лежали горцы съ трубками и въ совершенномъ бездѣйствіи, то собравшись въ кучки, то одиноко; взвѣдка подбѣгали къ нимъ выпачканныя, оборванные дѣти. У мальчиковъ лѣтъ восьми, девяти привѣшены были къ поясамъ кинжалы.

Княжны сдержали слово и скоро возвратились. Зюльма была раговорчивѣе, смѣялась и много шутила со мною; но мы не могли передать рѣчей своихъ другъ другу иначе, какъ съ помощію Лейлы. Вскорѣ послѣ полудня пріѣхалъ Арсланъ-бей и очень былъ доволенъ, видя нашу веселую бесѣду. Обѣдали мы однако же съ нимъ вдвоемъ, а послѣ обѣда, въ сопровожденіи десятка горцевъ, ѣздили въ аулъ къ дядѣ Махмету, жившему верстахъ въ пяти къ востоку.

Аулъ этотъ тѣснился въ небольшомъ ущельи, входъ въ которое заросъ густымъ лѣсомъ, и, въ случаѣ надобности, удобно могъ защищаться. Сакля дяди Махмета ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ саклей, и только небольшая пристройка въ два окна, на манеръ казачьей избы, давала возможность Махмету устроить болѣе обширную кунацкую. Старикъ весьма радушно принялъ племянника, и мнѣ довольно привѣтливо проговорилъ: добро пожаловать (хошъ гялды). Мулла изъ аула Арсланъ-бея присутствовалъ тутъ же. Не смотря что мы уже обѣдали, намъ подали дымящійся шашлыкъ и прекрасныхъ сотовъ. Разговоръ шель о политикѣ. Изъ вниманія ко мнѣ, все говорили по-татарски—черта, которую не всегда встрѣтишь и въ образованномъ обществѣ, гдѣ не спрашивая знаетъ ли гость тотъ или другой языкъ, ведутъ разговоръ, въ которомъ гость не можетъ участвовать. Какъ хитрый горець, Махметъ, вѣроятно, давно разспросилъ Арсланъ-бея кто я и какія мои намѣренія, следовательно и разговоръ шель въ такомъ духѣ, чтобъ и мнѣ могъ быть интересенъ.

Тогда занималъ всѣхъ извѣстный въ то время разбойникъ Ат....овъ, шайка котораго изрубила пѣхотнаго маіора С.... и взяла въ плѣнъ, вблизи Ставрополя, адъютанта Г.... Махметъ рассказывалъ нѣкоторыя подробности изъ быта этого разбойника, не лишенная занимательности.

— А вотъ что случилось и со мною, прибавилъ Махметъ.

Я знавалъ Ат...ова, когда онъ только что началъ службу въ линѣйскихъ казакахъ. Это былъ славный наездникъ, лихой головорѣзъ и страшный пьяница. Въ старые годы взжалъ я на линію къ своему кунаку, сотнику Л..., и тамъ встрѣчался съ Ат...вымъ. Малый, казалось, былъ порядочный, но послѣ повадился въ ауль къ моему сосѣду, гдѣ и сыгралъ, собачій сынъ, со мною отчаянную штуку. Сосѣдъ мой, правду сказать, не то чтобъ мирной, но и не совсѣмъ немирной, но частенько передерживалъ русскихъ плѣнныхъ. Онъ живетъ въ такой трущобѣ, что самъ чортъ къ нему не доберется. Мать его какъ-то сродни Ат...ову, и этотъ человекъ какъ заберется, бывало, къ сосѣду—пошли пировать! Однажды пригласили и меня. Надо вамъ сказать, что я тогда досталъ себѣ такого скакуна, какого не скоро встрѣтишь: золото-гнѣдой, ножки тоненькія, бѣжить словно черти за нимъ гонятся, а зло такое, что отцу родному вцѣпился бы въ морду зубами. Ну, я приучилъ его къ себѣ, и вѣсть о моемъ Джеранѣ пошла не только по Кабардѣ, но и по всей линіи до самаго Капкая. * Пріѣзжали ко мнѣ мѣнять его, покупали за большія деньги, я отказывалъ. Одинъ извѣстный мошенникъ изъ нашихъ узденей подсымалъ украсть его, да не тутъ-то было: я подкараулилъ этого узденя, схватилъ, и хоть онъ ранилъ двухъ моихъ нукеровъ, однако я все-народно передъ мечетью влилъ ему сотню нагаекъ. Вотъ приглашаетъ сосѣдъ, я и поѣхалъ, и никого не взялъ съ собою: думаю, кой чортъ можетъ напасть на меня, когда я перемчусь, словно молнія, черезъ знакомое поле. Пріѣзжаю въ ауль. Всѣ сидятъ на дворѣ у сакли, тутъ же и Ат...овъ.

— Ай да конь! говоритъ этотъ головорѣзъ. Продай, дядя.

— Нѣтъ, братъ, говорю: ужъ коли отказалъ такому храброму кунаку какъ сотникъ Л..., такъ тебѣ молокососу, не во гнѣвъ будь сказано, и подавно.

— Эй, говоритъ, Махметъ, возьми лучше деньги, не то и такъ уведу Джерана.

— Попробуй, сказалъ я, но прежде спроси, если увидишь узденя Хыштева, легко ли подступать къ Джерану?

— Какъ знаешь.

Я и говорю ему тихонько:

* Такъ называется Владикавказъ.

— Ты, братъ, мастеръ подъзжать къ чужимъ женамъ, такъ ужъ лучше и занимайся своимъ дѣломъ, и указаль ему глазами хозяина.

Ат....овъ приложилъ палець къ губамъ.

— Я вѣдь шучу, Махметъ; да и какъ украсть коня у тако-го храбраго наездника!

Ну, мы усѣлись чинно въ кружокъ и пошли балагурить. Ат....овъ прослышалъ, что гдѣ-то вблизи есть нѣсколько пѣх-ныхъ солдатъ, и прѣвхаль на совѣщаніе къ намъ, какъ бы ихъ выручить. Каждый изъ насъ предлагаль свое мнѣніе и содѣй-ствіе. Пошелъ дождикъ, и мы перебрались въ кунацкую. Сосѣдь мой богатъ и угощаеть на славу.

— Знаете что, друзья, сказалъ онъ: кунакъ мой Ат....овъ привезъ мнѣ пару бутылокъ отличнаго араку, какого я въ жизнь не пиваль, и говоритъ, не виноградный; такъ не попробоватъ ли?

Мулла случился тутъ же, отвѣдалъ и говоритъ, что не грѣхъ.

— Эхъ, братцы, аракъ этотъ прямо пить негодится, ска-залъ Ат....овъ, а вотъ я вамъ его приготовлю.

Пошелъ онъ въ хозяйскую, вскипятилъ воду, вынулъ изъ пере-метныхъ сумъ сахару, налилъ чашки до половины кипяткомъ, по-ложилъ куска по три сахару и добавилъ душистымъ аракомъ. Чортъ знаетъ какъ вкусно! Вотъ мы и начали пировать и вы-пили чашекъ по нѣскольку. Ноги у меня ослабѣли, да и голо-ва стала тяжеленька. Я собрался ухатъ. Мнѣ подвели Дже-рана. Осмотрѣлъ я подпруги, уздечку, и вскочилъ на сѣдло.

— Стой, Махметъ, кричатъ мнѣ уздени: выѣдемъ вмѣстѣ.

— Вмѣстѣ, такъ и вмѣстѣ, отвѣчалъ я, удерживая ска-куна.

— И я съ вами, отозвался Ат....овъ, которому казакъ тоже подводилъ лошадь.

И нѣсколько человекъ нашъ выѣхали изъ аула. Но князья и уздени поворотили кто налево, кто направо, а мы съ Ат....овымъ поѣхали по одной дорогѣ: ему путь лежалъ почти мимо моей сакли. Я приглашалъ его ночевать, но онъ отказался. Ъдемъ. Темень хотъ глазъ выколи. Что за дьявольщина! чув-ствую что Джеранъ разнуздался. Схвативъ его одной рукой за шею, я принялся шарить другою... Удила висять, а конь на-чинаеть давать козла. Я его нагайкою, а онъ пуще.

— Стойте, братцы! говорю, дѣло не ладно: уздечка лопнула, надо поправить.

Ат.....овъ съ казакомъ остановились, удержали мою лошадь и соскочили съ седель.

— Возьми, Махметъ, запасную узду, говоритъ Ат.....овъ, у меня есть лишняя.

Я спрыгнулъ съ седла и едва не запутался. Ноги такъ и складываются. Поблагодаривши за уздечку, я взнуздалъ лошадь, съѣлъ и поѣхалъ.

— Ну, Ат.....овъ, говорю: а жена у сосѣда не дурна.

Онъ молчитъ.

— Да что ужъ, говорю, я не выдамъ; а смотри, достанешь кинжалъ въ бокъ.

Опять молчаніе. Что за дьявольщина! казаки отстали. Удерживаю лошадь, прислушиваюсь... Направо и налево поскакалъ кто-то во всю прыть, а возлѣ меня ни души. Быстро осматриваю оружіе, не стацили-ль чего, такъ нѣтъ, все при мнѣ. Я пустилъ коня вскачъ. Голова тяжела, и мнѣ чудится, что я не на своемъ седлѣ, и бѣгъ лошади не тотъ что у Джерана. Все точно во снѣ. Вотъ навстрѣчу мнѣ всадникъ.

— Стой! кричу, кто ѣдетъ?

Мнѣ откликнулся одинъ изъ моихъ нукеровъ.

— Посмотри, Ибрагимъ, говорю: Джеранъ ли подо мною? У меня что-то двоится въ глазахъ.

— Какой Джеранъ! говоритъ: это Ат.....ова лошадь. Гдѣ у меня и хмѣль дѣвался! Разсвирѣтивъ прискакалъ я въ аулъ, созвалъ молодцовъ, и мы пустились въ погоню за мошенникомъ. Но его и слѣдъ простылъ. Ъздилъ я послѣ на линію, да гдѣ уже было отыскать коня, когда онъ усланъ куда-то далеко. Съ тѣхъ поръ я поклялся отмстить, и по этому-то случаю онъ боится заглядывать въ нашу сторону.

Старикъ замолчалъ и потушилъ глаза.

— Вотъ до чего доводитъ страсть къ вину, молвилъ мулла, выпуская клубы дыма.

— Какое у чорта вино! мы пили аракъ.

— Эхъ, Махметъ, еслибъ не аракъ, не укралъ бы племянникъ и жены у тебя.

Махметъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Замолчи, мулла! не поминай мнѣ о женѣ, не то наплюю въ бороду и переверну вверхъ дномъ могилу отца твоего.

Здѣсь между тремя собесѣдниками завязался жаркій разговоръ, изъ котораго я не понялъ ни слова, потому что говорили по-кабардински. Легкая ссора не имѣла однако же никакихъ послѣдствій, и скоро мы съ Арсланъ-беемъ выехали домой.

Теплая южная ночь налегла на окрестность и мгла затопила долину, по которой, благодаря чутью коней, мы ѣхали не теряя направленія. И вотъ на насъ пахнуло ароматомъ цвѣтущихъ деревьевъ; соловьиныя пѣсни переливались въ близкихъ рощахъ и садахъ; блеснуло сквозь вѣтви два, три огонька, и мы подъехали къ аулу. Нѣсколько вооруженныхъ горцевъ выскочили къ намъ навстрѣчу, но узнавъ князя, присоединились къ нашей свитѣ.

— Завтра, Искендеръ, сказалъ Арсланъ-бей, я увѣжаю на охоту до вечера. Знаю, что тебѣ хотѣлось бы посмотреть на эту потѣху, но не возьму тебя съ собою. Подъ кровлей моего дома не упадетъ и волосокъ съ головы твоей; но на охотѣ будутъ разные уздени... однимъ словомъ ты останешься на попеченіи моихъ сестеръ, которыя полюбили тебя какъ брата.

Мнѣ было нечего возражать и наставлять, потому что, если уже Арсланъ-бей считалъ неблагоразуміемъ ѣхать мнѣ съ нимъ въ толпу незнакомыхъ друзей, среди которыхъ, конечно, были люди двусмысленнаго поведенія, то мнѣ оставалось только благодарить его за доказательство истинной дружбы. Онъ проводилъ меня въ мою комнату и отправился спать, чтобъ завтра подняться съ разсвѣтомъ. Когда я зажегъ свѣчу, то увидѣлъ на окнѣ у себя хорошенькій букетъ полевыхъ цвѣтовъ и догадался, что это было знакомъ вниманія моихъ радушныхъ хозяекъ. Записавъ происшествія дня, я уснулъ, какъ убитый.

Нукеръ разбудилъ меня, когда солнце уже стояло довольно высоко. Я присѣлъ за столикъ, и по обычаю, за стаканомъ чаю принялся за дорожныя записки. Смотрю, небольшая ручка осторожно взяла черезъ окно вчерашній букетъ и поставила въ глиняную кружку свѣжій, на которомъ еще блестѣла утренняя роса. Я поспѣшно выглянулъ въ окно и увидѣлъ дѣвочку лѣтъ десяти, которая прыгала какъ дикая коза по тропинкѣ. Очевидно она не хотѣла, чтобъ я разглядѣлъ ее. Новый знакъ вниманія княженъ благотворно подѣйствовалъ на мою душу, и этотъ пахучій букетъ наполнилъ мою комнату, словно присутствіемъ какого-то привѣтливаго существа, явившагося разделить мое уединеніе. Мнѣ стало и свѣтло и отрадно, какъ будто всѣ пере-

житыя бѣдствія были прочтены мною въ какомъ нибудь романѣ....

Я, можетъ быть, долго просидѣлъ бы за столомъ, но пришелъ нукеръ и сказалъ, что княжны просятъ меня въ садъ. Я поспѣшилъ исполнить желаніе милыхъ хозяекъ. Садъ, какъ сказано выше, былъ искрещенъ вытоптанными тропинками, надъ которыми повисли вѣтвистыя деревья, а по сторонамъ росли высокія травы и слегка дружно склонялись по прихоти небольшого теплаго вѣтра. Услышавъ невдалекѣ веселый звонкій смѣхъ, я направилъ на него шаги и необманулся: на коврѣ подъ тѣнью черешень сидѣли княжны, въ болѣе простыхъ но тѣмъ не менѣе красивыхъ костюмахъ. Сестры пригласили меня присѣсть на коверъ, гдѣ мы и провели около часа въ разговорахъ. Я увидѣлъ, что Зюльма не только была дѣвушка веселаго характера, но даже большая шалуныя. Цѣлое утро приставала она ко мнѣ съ русской фразой, выученной отъ Арсланъ-бея, и такъ мило произносила: «не надо, братъ, скучно!» что нельзя было глядѣть безъ удовольствія на это чудное дитя природы. Черезъ обычнаго переводчика я увѣрилъ ее, что мнѣ очень весело, и точно, въ тѣ минуты, не увлекаясь красотой княжны, я чувствовалъ какое-то странное наслажденіе, вливая свѣжій, горный воздухъ, смотрѣть на прелестное созданіе, которое откинувъ робость, предавалось всей живости своего неспорченнаго характера. Передо мною была дѣвушка въ полномъ развитіи пластической красоты, которой, въ этомъ отношеніи, позавидовала бы не одна блестящая аристократка, и хотя она была совершенно необразована, за то не умѣла притворяться, и изъ искуснаго исполненія свѣтской роли извлекать выгоды... Зюльма представляла неоцѣнимое сокровище, и самый избалованный вельможа палъ бы къ ногамъ ея за одинъ только поцѣлуй этого малиноваго ротика. Все это пробѣгало у меня въ головѣ.

Въ кустахъ послышался грубый женскій голосъ. Лейла поднялась съ своего мѣста.

— Посидите съ сестрой, сказала она, а мнѣ надо идти на минуту похлопотать по хозяйству. Я скоро возвращусь.

Зюльма вскочила съ ковра и ударила меня по плечу.

— Не надо, братъ, скучно! Гайда! проговорила она и пустилась по тропинкѣ, таща меня за собою.

Я невольно повиновался и, не теряя изъ вида краснаго бешмета, мелькавшаго между деревьями, очутился на концѣ сада.

Небольшой горный ручей, вырываясь из-под неуклюжей каменной ограды, шумѣлъ между высокихъ тополей и чинаровъ. Зюльма сидѣла уже на одномъ камнѣ, у подножія котораго журчала жемчужная пѣна, и пригласила меня сѣсть рядомъ. Перебравшись черезъ ручей, я вспрыгнулъ на камень и устылся возлѣ рѣзвой горянки. Передъ нами вдали обрисовывались снѣговые зубцы Кавказа; надъ нами голубѣло чистое безоблачное небо; вокругъ воздухъ былъ насыщенъ ароматомъ, и пчелы жужжали, толпами прилетая въ садъ изъ пчельника, который въ полуверстѣ раскинутъ былъ на живописномъ пригоркѣ. Зюльма смотрѣла мнѣ въ глаза, какъ бы желая знать мои мысли. Я тоже смотрѣлъ ей прямо въ очи. Она сказала мнѣ что-то по-кабардински, я, позабывшись, началъ ей говорить по-русски... наконецъ мы расхохотались... Въ это время подошла къ намъ Лейла, и, узнавъ въ чемъ дѣло, принялась вторить нашему смѣху.

— Однако, Искендеръ-ага, сказала она: сестра не роза, а ты не соловей! Пойдемъ вѣсть каймакъ и медъ, объѣдать еще не скоро.

Мы снова отправились къ прежнему мѣсту, и на оставленномъ коврѣ я увидѣлъ множество глиняныхъ сосудовъ, на которыхъ положены были разныя яства и лакомства. Прислуживала знакомая мнѣ дѣвочка и смотрѣла на меня изподлобья, стараясь держаться ко мнѣ спиною. Въ этой маленькой дѣвочкѣ, настоящемъ чертенкѣ, было столько живости, что она не могла простоять ни минуты спокойно; а когда садилась на корточки, то непременно или выкидывала босыми ножками па, или быстро ловила бабочекъ, порхавшихъ по ближайшимъ цвѣтамъ. До полудня сидѣли мы на коврѣ и разговаривали, преимущественно княжны спрашивали меня о нашихъ обычаяхъ, и я никакъ не могъ растолковать имъ, что наши женщины занимаются музыкой.

Обѣдалъ я одинъ. Къ вечеру пошелъ дождь, и княжны прислали звать меня въ кувацкую. Я уже хорошо ознакомился съ своими хозяйками, и между нами, словно съ незапамятныхъ временъ, существовала братская дружба. Когда я вошелъ, Лейла сидѣла одна, не много задумавшись. Передъ нею лежала красивая мужская шапка.

— Вотъ, братъ, Искендеръ, мой подарокъ тебѣ на память, сказала она, и надѣла мнѣ шапку.

— Я сама шила ее, продолжала она, и готовила въ подарок жениху... но вышло иначе.

— Благодарю, Лейла, но зачѣмъ же ты лишаешь себя удовольствія подарить свою работу любимому человѣку?

Лейла покачала головой.

— Мы разошлись, сказала она. Это былъ мой родственникъ, котораго я очень любила. Онъ тоже увѣрялъ меня въ пріязни, но полюбилъ жену дяди, укралъ ее, и теперь въ горахъ.

Лейла говорила это очень просто, случайно, нежелая разыгрывать роль покинутой жертвы; но въ каждомъ словѣ ея дышала такая неподдельная горестъ, что пошло было бы говорить ей форменныя утѣшенія.

Я снова началъ благодарить и сказалъ, что буду хранить ея подарокъ, сколько можно долѣе.

— А гдѣ же Зюльма? спросилъ я,

— Она тоже окончиваетъ тебѣ подарокъ. Сегодня цѣлую ночь сидѣла она за работой, и ей мало уже осталось кончить.

— Я право не знаю, какъ благодарить васъ.

— За что же? мы, какъ хозяйки, обязаны почтить гостя, а ты у насъ дорогой гость.

Въ это время вошла Зюльма. Въ рукахъ ея былъ хорошенькій сафьянный кошелекъ, круглой формы, вышитый золотомъ по какому-то причудливому азійскому узору, или, можетъ быть, и по фантазій самой художницы. Краснѣя, подарила она мнѣ свою работу и сказала нѣсколько словъ сестрѣ.

— Зюльма даритъ тебѣ кошелекъ и проситъ вспомнить о ней, сказала Лейла.

— Передай, добрая Лейла, сестрѣ, что она, что объ вы никогда не выйдете у меня изъ памяти.

Сестры обмѣнялись нѣсколькими фразами.

— Не вѣрю тебѣ, Искендеръ-ага, молвила Лейла съ усмѣшкой, чтобъ обвихъ ты равно помнилъ! вѣрно которую нибудь забудешь скорѣе.

Какъ бы не понявъ этого намека, я обратился къ Зюльмѣ:

— Зачѣмъ же въ кошелекъ такое маленькое отверзтіе: сюда не войдутъ деньги.

Когда сестра перевела ей мои слова, она приподняла голову.

— У васъ, у русскихъ, видно, только и мысли, что о деньгахъ. Я работала тебѣ кошелекъ совсѣмъ не для денегъ; онъ предназначенъ для пуля, и мнѣ пріятно думать, что, заряжая

винтовку на врага и вынимая пулю, ты подумаешь обо мнѣ въ битвѣ.

— Благодарю отъ души, сказалъ я и протянулъ руку.

Зюльма не поняла этого жеста. Я сказалъ, что прошу позволенія пожать и поцѣловать ея руку. На пожатіе она согласилась, на поцѣлуй нѣтъ, потому что, по ея мнѣнію, это унижительно для мужчины.

Скоро пріѣхалъ Арсланъ-бей, и весь вечеръ провели мы съ нимъ въ разговорахъ. Я показалъ ему подарки сестеръ. Онъ усмѣхнулся.

— Лейла меньше любитъ тебя, сказалъ онъ. Она подарила тебѣ уже готовую работу, а Зюльма, вѣроятно, не спала ночь и вышивала.

— Онъ объ очень ласковья и мшья дѣвушки.

— Лейла была почти помолвлена, но женихъ ея укралъ жену у дяди, я уже кажется, рассказывалъ тебѣ объ этомъ. Говорять, Лейла долго тосковала. Ну, да нужды нѣтъ: чтобы породниться со мною, многіе сочтутъ за честь жениться на моихъ сестрахъ.

Арсланъ-бей рассказывалъ мнѣ объ охотѣ, и когда была пора расходиться, онъ прибавилъ:

— Завтра у насъ скачка, на которую съѣдется много народу. Пріятелямъ и сосѣдямъ я рассказалъ о тебѣ, и всѣ хотять познакомиться съ тобою. Старайся однако же не отдаляться отъ меня при гостяхъ, а въ случаѣ я выйду изъ комнаты, будь вмѣстѣ съ муллою: знаешь, не за всякаго можно поручиться.

На другой день жизнь въ аулѣ закипѣла съ ранняго утра, и къ Арсланъ-бею начали съѣзжаться гости. Все это были кабардинскіе князья и уздени, которые подходили ко мнѣ и разспрашивали откуда я и зачѣмъ пріѣхалъ. Двое изъ нихъ не приветливо однакоже поздоровались со мною, но я показалъ видъ, что не замѣчаю этого, и разговаривалъ преимущественно съ однимъ бѣлобородымъ старикомъ, который часто повторялъ мнѣ фразу: «Урусъ карошъ адамъ-дуръ.» Последнимъ пріѣхалъ молодой мальчикъ Ногайскій князь, и вмѣстѣ же съ нимъ вошелъ преуморительный горецъ высокаго роста, рябой, кривой и съ перерубленною щекою. Вся фигура его дышала комизмомъ.

— Это Мансуръ—первый лгунъ и хвастунъ во всей Кабардѣ, сказалъ мнѣ Арсланъ-бей на ухо.

Поздоровавшись со всеми, Мансуръ подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ и обратился къ хозяину съ какимъ-то вопросомъ.

— Говори, Мансуръ, по-татарски: братъ и гость мой не понимаетъ другаго языка.

— А мнѣ что за дѣло, что не понимаетъ, сказалъ Мансуръ, однакоже по-татарски: я не боюсь какогонибудь русскаго офицера.

— Въ комнату, Мансуръ-ага, нечего бояться русскаго офицера, сказалъ я, но въ такомъ только случаѣ, если передъ нимъ вѣжливъ.

Многіе князья оступили Мансура кругомъ, и по всему судя, упрекали его за невѣжливость съ гостемъ.

Мансуръ подошелъ ко мнѣ ближе.

— Дай руку, сказалъ онъ: вижу, что ты храбръ. Я хотѣлъ только напугать тебя.

И онъ самодовольно осмотрѣлся вокругъ.

— Даю тебѣ руку, Мансуръ-ага, сказалъ я, и предупреждаю, что не только не боюсь никого въ домъ друга, но не боюсь никого и въ полѣ.

— Всѣ мы мирные, вмѣшался старикъ мулла, но не всѣ русскіе вѣрятъ намъ. Искендеръ-ага одинехонекъ рѣшился пріѣхать въ аулъ къ Арсланъ-бею, слѣдовательно онъ благоразуменъ и храбръ.

Этимъ силлогизмомъ окончился разговоръ о моей особѣ, и вслѣдъ за тѣмъ поданъ былъ шашлыкъ, въ видѣ легкаго завтрака передъ скачкою, послѣ которой уже готовился пиръ на славу.

Перекусивъ на-скоро, всѣ вышли на дворъ и сѣли на лошадей. Мнѣ тоже подвели отличнаго коня, но я, какъ профанъ въ джигитовкѣ, не собирался пробовать искусства, а желая показать, что небоюсь никого, не взялъ никакого оружія, исключая кинжала. Въ карманъ у меня лежала однакоже пара дуствольныхъ пистолетовъ на всякій случай.

Скачка происходила за ауломъ. Въ саду, примыкавшемъ къ площади, въ толпѣ женщинъ, я замѣтилъ княженъ, но не подходилъ къ нимъ, изъ боязни нарушить кабардинскій этикетъ, который хотя въ отношеніи ко мнѣ и не былъ строго исполняемъ сестрами Арсланъ-бея, однако тѣмъ не менѣе я не хотѣлъ обнаруживать это при постороннихъ.

Мансуръ подѣхалъ ко мнѣ.

— Искендеръ-ага, видно, неумѣетъ стрѣлять, что не взялъ винтовки, сказалъ онъ.

— Молчи, дуракъ! отозвался съдобородый князь; я бывалъ между русскими и знаю, что у нихъ скачки не въ обычаѣ. А ты, болванъ, знай, что Искендеръ-ага не взялъ ружья потому, что доверяется намъ, вотъ отчего онъ безоружный, а навѣрно попалъ бы въ твою безмозгую башку. Не слушай, Урусъ, этого хвастунишки, прибавилъ старикъ, обращаясь ко мнѣ: онъ самъ стрѣляетъ прескверно, въ чемъ ты скоро удостовѣришься. А тебѣ, Мансуръ, совѣтую отстать отъ нашего гостя, не то узнаешь кривка ли моя нагайка.

Старикъ сдѣлалъ выразительный жестъ, но Мансуръ былъ уже саженьяхъ въ пяти и поскакалъ впередъ, махая шапкой.

Собравшись на площадь, всѣ выехали на ристалище. Не принимали участія въ этой горской потѣхѣ я, мулла и еще одинъ горецъ съ подвизанною рукой. Сначала скакали въ перегонки и выдѣлывали на лошадяхъ удивительныя штуки, которыя и во снѣ не грезились никому изъ европейскихъ вольтижеровъ. Соскочить съ лошади и снова вскочить на нее, во время карьера, конечно, трудно и въ циркѣ, но здѣсь, какъ хотите, и аллюръ болѣе или менѣе разсчитанъ, и наездникъ одѣтъ очень легко и удобно; когда же бышева лошадь несется во всю лопатки, сдѣлать эту штуку въ полномъ вооруженіи, по моему, большое искусство. Прибавьте къ этому, что горцы, исполняя подобный маневръ, выхватываютъ винтовки, стрѣляютъ и вновь заряжаютъ ихъ на всемъ скаку, и вы отдадите полную справедливость ихъ изумительной ловкости. Мансуръ всегда былъ послѣднимъ, да и лошадь его не отличалась быстротою. Шибче всѣхъ скакуны были у Арсанъ-бея и еще у одного молодаго кабардинца. Дядя Махметъ подѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что еслибъ здѣсь присутствовалъ Джеранъ, то всѣ скакуны нюхали бы только его подковы. Во время скачки стрѣляли тамъ больше для потѣхи и, кажется, холостыми зарядами, потому что всадники падали иногда прямо въ преслѣдующихъ, оборотясь лицомъ къ хвосту и прилегши спиною на гриву. Поза эта очень живописна. Но вотъ всѣ выстроились въ рядъ, и нукеры начали выпускать голубей. Многіе наездники снизывали призъ пулями, иные давали промахи, но все это стоя на мѣсть. Арсланъ-бей три раза выстрѣлилъ, и за каждымъ голубѣмъ, свернувъ крылья, бездыханный упалъ на землю.

— Нѣтъ, онъ не разучился стрѣлять, говорили мнѣ мои собесѣдники.

Единодушныя похвалы сышались со всехъ сторонъ.

Мансуръ не попалъ ни разу, и сопровождаемый громкимъ смѣхомъ, подъѣхалъ ко мнѣ.

— Я не попадаю, сказалъ онъ, подмигивая глазомъ, потому что, стоя на мѣстѣ, все почти попадаютъ, а вотъ на скаку я покажу себя.

— Вѣрю, вѣрю, отвѣчалъ я, и жду съ нетерпѣніемъ увидѣть твою ловкость.

— О, я извѣстный стрѣлокъ, прибавилъ онъ съ самодовольною улыбкой, выхватилъ винтовку и замахалъ надъ головою.

— Что ты здѣсь вертишься и мѣшаешь намъ смотрѣть, сказалъ мулла: посторонись! видишь, принесли полную шанку яиць...

Мансуръ отъѣхалъ, и я началъ смотрѣть, какъ многіе разбивали пулями яица, бросаемыя вверхъ: нѣкоторые однако же упадали цѣлыми и разбивались сами уже при паденіи. Послѣ этого предложено было стрѣлять въ цѣлковый. Трое навздниковъ, въ томъ числѣ Арсланъ-бей, выѣхали на это трудное состязаніе, но чрезъ минуту присоединился къ нимъ и Мансуръ, который, гордо подбоченясь, посматривалъ на окружающихъ. Комическая его фигура возбуждала единодушный смѣхъ, а одинъ изъ стариковъ подскакалъ къ нему съ поднятою нагайкой.

— Прочь, хвастунъ! крикнулъ онъ: здѣсь не твое мѣсто!

Храбрый на словахъ Мансуръ, заблагоразсудилъ удалиться, и, остановясь шагахъ въ двадцати, все-таки приготовилъ винтовку. Нукеръ швырнулъ вверхъ цѣлковый, и младшій изъ состязателей выстрѣлилъ, но рубль упалъ тутъ же перпендикулярно—значить не тронутый пулею. Второй выстрѣлъ то же не имѣлъ успѣха. Въ третій и послѣдній разъ молодой горецъ выстрѣлилъ,верху зазвенѣло... но все оборотились, услышавъ другой выстрѣлъ, и увидѣли, что винтовка дымилась въ рукахъ торжествующаго Мансура. Мгновенно несчастный хвастунъ былъ окруженъ, и хоть сильно сопротивлялся, однако на него посыпался градъ нагаекъ, и онъ былъ прогнанъ съ арены. Второй стрѣлокъ попалъ одинъ разъ изъ трехъ. Наконецъ наступила очередь Арсланъ-бея. Надо было видѣть въ эти минуты послѣдняго: на гордо-спокойномъ лицѣ его не обозначалось никакого движенія, глаза горѣли и вся фигура выражала рѣшительную самоувѣренность. Выхвативъ изъ чехла винтовку и быстро взгля-

нубъ на своего оруженосца, который держалъ наготовѣ другое ружье, онъ, казалось, колебался минуту, затрудняясь въ выборѣ. Но вотъ нукеръ высоко швырнулъ цѣлковый, Арсланъ-бей приложился, выстрѣлилъ, и нетронутый рубль упалъ вертикально. Всѣ обратились къ Арсланъ-бею. Онъ стоялъ почти багровый и такой страшный, какимъ я никогда его не видывалъ. Разразясь ругательствомъ, онъ погналъ лошадь, сдѣлалъ нѣсколько вольтовъ, подскочилъ къ оруженосцу, бросилъ ему винтовку, и схвативъ у него другую, мгновенно вынулъ ее изъ чехла.

— Бросай! крикнулъ онъ нукеру.

Тотъ поспѣшилъ исполнить приказаніе, и рубль взвился въ высоту, сверкая отъ солнца блестящею точкой. Арсланъ-бей приложился, выстрѣлилъ, цѣлковый зазвенѣлъ въ выси, а вокругъ была такая тишь, что слышно было какъ пуля завизжала, встречая препятствіе. Площадь огласилась криками одобренія, и Арсланъ-бей спокойно вытиралъ винтовку и снова принялся заряжать ее.

Я подѣхалъ къ нему выразить и свою похвалу.

— Отцовская винтовка лучше моей, сказалъ онъ, и посмотрѣлъ, какъ и въ другой разъ не дамъ изъ нея промаха.

Онъ проговорилъ что-то по-кабардински. Толпа разступилась не много, а нукеръ, бросавшій монеты, кивнулъ головою въ знакъ, что понялъ приказаніе. Арсланъ-бей отѣхалъ сажень на пятнадцать, поворотилъ назадъ, и въ то время, когда рубль брошенъ былъ высоко, онъ пустилъ коня въ карьеръ, потомъ, остановясь вмигъ, какъ вкопанный, прицѣлился—пафъ! и цѣлковый, настигнутый пулею, улетѣлъ куда-то далеко. Серьезный Арсланъ-бей снова пришелъ въ нормальное положеніе и съ улыбкой выслушивалъ похвалы, которыми со всѣхъ сторонъ осыпали его.

Послѣ этого слѣдовала стрельба на скаку въ цѣль, и здѣсь уже не многіе отличались удачей, но Арсланъ-бей и пять-шесть горцевъ оказывали чудеса искусства. Мансуръ пускался то же на состязаніе, и, какъ водится, безъ успѣха. Въ этой игрѣ участвовали и мальчики лѣтъ двѣнадцати, изъ которыхъ одинъ съ изумительною ловкостью попалъ два раза въ цѣль, за что Арсланъ-бей подарилъ ему довольно хорошую винтовку. Игры заключились всеобщею скачкой, въ которой приняли участіе и мы съ муллою, увлеченные, словно неистожимою силой, или, скорѣе,

нашими лошадьми, которыя, услышавъ всеобщее гиканье и увидѣвъ огромную толпу коней, несшихся во весь лопатки, умчали и насъ въ эту крутящуюся толпу наѣздниковъ.

Послѣ скачки слѣдовало обильное угощеніе на дворѣ Арсланъ-бея, въ продолженіе котораго многіе порядочно натянулись крѣпкаго напитка, выгоняемаго изъ молока. Больше почетные гости улеглись въ кунацкой и въ прилежавшей сакль; храбрый Мансуръ безъ церемоніи забрался ко мнѣ на диванъ, а остальная компанія растянулась на дворѣ, и вскорѣ всеобщій хвранъ доказывалъ, что наѣзники блуждали мысленно въ раю Магомета.

Я вышелъ въ садъ, гдѣ и нашелъ княженъ на коврѣ подъ черешнями. Арсланъ-бей присоединился къ намъ. Разговаривая о скачкѣ, я припомнилъ описаніе, читанное мною у Марлинскаго, и спросилъ у Арсланъ-бея: можетъ ли онъ на скаку отстрѣлить изъ пистолета шипъ на задней подковѣ своей лошади?

Арсланъ-бей уставилъ на меня глаза.

Какъ, шипъ? спросилъ онъ, да развѣ же у насъ куютъ лошадей по вашему?

Этотъ отвѣтъ заставилъ меня покраснѣть, потому что, въ самомъ дѣлѣ, у черкесскихъ лошадей подковы плоскія.

— Да если бѣ, продолжалъ Арсланъ-бей, у подковы и были шипы, то кто бы рѣшился стрѣлять по нимъ на скаку и еще изъ пистолета? Ты видѣлъ, что хорошіе стрѣлки даютъ промахи на скаку изъ винтовокъ и по стоячей цѣли.

Желая замять разговоръ, я сказалъ, что завтра мнѣ нужно вхать.

— Хоть и жаль разстаться съ тобою, Искендеръ, а надо отпустить: я далъ слово князю, да и тебѣ пора. Я думалъ уже объ этомъ. До полудня самъ буду провожать тебя, а тамъ я сверну въ сторону, къ пріятелю, ты же съ своимъ конвоемъ поѣдешь къ Пятигорску. Слушайся во всемъ старика, который поѣдетъ тобою, онъ испытанный удалецъ; а встрѣтишь казачій отрядъ—у тебя есть бумаги. Однако сиди здѣсь съ сестрами, а я уйду къ гостямъ.

И Арсланъ-бей ушелъ.

— Мы завтра расстаемся, сказала Зюльма чрезъ сестру, которая перевела мнѣ эту фразу.

— Да, княжна, и мнѣ будетъ грустно покинуть васъ обвяхъ...

— Ты не долго будешь о насъ помнить, возразила она; ты ходишь по свѣту, и у тебя много еще будетъ названныхъ сестеръ, а мы остаемся и почти никого не видимъ. Въ эти три дня мы полюбили тебя.

Я очень хорошо понималъ, что горянки говорили отъ души. Мужчинъ видѣли онѣ рѣдко, притомъ же ихъ кавалеры не отличаются въжливостью, и удаљство считаютъ достоинствомъ, стараясь быть какъ можно грубѣе съ женщинами.

— Вы очень милыя дѣвушки, сказалъ я, не желая продолжать разговора въ грустномъ тонѣ: безъ сомнѣнія, далеко извѣстны въ окрестности, и скоро выйдете замужъ; а живя счастливо съ мужьями, вамъ легко будетъ забыть о случайномъ знакомствѣ.

Лейла перевела слова мои сестрѣ, и та что-то ей сказала.

— Зюльма говоритъ, что напрасно ты такъ думаешь, Искендеръ-ага, очень можетъ быть, что мы обѣ выйдемъ замужъ, но эти три дня будемъ вспоминать съ удовольствіемъ. Она проситъ сказать тебѣ, что ей будетъ скучно.

— Скажи Зюльмѣ, что я съ благодарностью буду припоминать наши бесѣды, и она, какъ добрая сестра, никогда не выйдетъ у меня изъ памяти.

Зюльма улыбнулась, придвинулась ближе ко мнѣ, и слегка ударивъ меня по шакъ, проговорила нѣсколько словъ.

Я взглянулъ вопросительно на Лейлу.

— Сестра говоритъ, что если она выйдетъ замужъ и у нее будетъ сынъ, то назоветъ его твоимъ именемъ.

Я не могъ не улыбнуться при этомъ оригинальномъ доказательствѣ привязанности, а Зюльма была такъ хороша въ своей естественной простотѣ, что будь я въ другихъ обстоятельствахъ, я увлекся бы этою роскошною красотою. Я хотѣлъ было пуститься въ нѣкоторыя любезности, но мнѣ жаль было опонить для себя эти поэтическія воспоминанія, и, поблагодаривъ Зюльму, я протянулъ ей руку. Она позволила на этотъ разъ поцѣловать мнѣ свою хорошенькую ручку, сильно покраснѣвъ при этомъ.

— Однако, Искендеръ-ага, сказала Лейла, уходя въ саклю: не равно проснутся гости и не хорошо, если насъ увидятъ. Когда разѣдутся вечеромъ, мы явимся въ кунацкую, а завтра выйдемъ провожать тебя.

Я ушелъ нѣсколько взволнованный. Въ самомъ дѣлѣ, думалъ

я, эти дѣвочки поскучаютъ немного послѣ моего отъѣзда и не потому, чтобъ влюбились въ меня, но оттого, что въ затворнической жизни онѣ почти не видятъ молодыхъ людей и не слышатъ простаго, привѣтливаго разговора. Мой прїѣздъ будетъ для нихъ эпохой. Нѣтъ сомнѣнїя, что и онѣ мысленно посѣщаютъ неизвѣстныя страны, знаютъ, хоть мелькомъ, о существованїи богатыхъ, красивыхъ городовъ, и во время этихъ мысленныхъ странствованїй по неизвѣстнымъ краямъ, все таки одинъ я буду представляться ихъ воображенїю. Я былъ настроенъ на этотъ тонъ, и подъ его влїяніемъ написалъ два стихотворенїя.

Къ закату солнца толпа разѣхалась. Мы вчетверомъ провели вечеръ въ кунацкой. Цѣлую ночь я не могъ уснуть, а на разсвѣтъ Арсланъ-бей, въ полномъ вооруженїи вошелъ ко мнѣ.

— Ёдемъ, братъ, сказалъ онъ.

Мигомъ я одѣлся, собрался и уложилъ вещи. При выходѣ изъ сакли мы обнялись съ Арсланъ-беемъ и прошли въ кунацкую, позавтракать на дорогу. Объ княжны уже насъ ожидали. Разговоръ былъ о моемъ отъѣздѣ. Зная азїятскїй обычай, что получивъ подарки, мнѣ слѣдовало отплатить тѣмъ же, я подарилъ Лейлѣ хорошенькїй портъ-монне, а Зюльмѣ надѣлъ на палецъ золотое колечко. Сестры сказали, что сохранять во всю жизнь мои подарки. Черезъ полчаса мы собрались. Арсланъ-бей пошелъ на минуту къ женѣ. У Лейлы навернулись на глазахъ слезы, но она скрывъ ихъ, дружески обняла меня. Зюльма заплакала и припала ко мнѣ на грудь.

— Прощай, братъ, сказала она по-русски и, отойдя, отворотилась къ окну.

Мною овладѣло какое-то странное болѣзненное чувство. Я вышелъ, сѣлъ на своего коня и, поклонившись еще разъ княжнамъ, ожидалъ Арсланъ-бея.

— Прощай, Искендеръ-ага, сказала Лейла: вѣроятно мы никогда больше не свидимся! Помни насъ!

Арсланъ-бей вышелъ, вспрыгнувъ на сѣдло, и быстрою ходою мы выехали на площадь, круто поворотили вправо, и напрасно я оглядывался: сакли скрыли отъ меня княжескїй дворъ, за слоня стоявшихъ на порогъ дѣвушекъ, которыя умѣли привязать меня искренностью и простотою.

До полудня вѣхали мы степями, минуя небольшїя рощи; пообѣдали въ одной балкѣ, и давъ отдохнуть лошадямъ, разстались

съ княземъ. Арсланъ-бей былъ растроганъ при прощаньи. Подаривъ мнѣ кольцо съ надписью изъ корана и шапку, онъ просилъ навѣстить друга, если буду въ этихъ краяхъ. Мнѣ самому было грустно разставаться съ добрымъ Арсланъ-беемъ; но дороги наши, какъ въ степи, такъ и въ жизни расходились въ діаметрально противоположныя стороны, и мы разъѣхались, конечно съ тѣмъ, чтобъ не встрѣчаться болѣе.

Ночеваль я въ полѣ. На утро мы подъезжали къ Кубани. На другомъ берегу показался казачій разъѣздъ. Одинъ изъ моихъ провожатыхъ подскакалъ къ берегу и замахалъ шапкой. Я подъѣхалъ и закричалъ по-русски:

— Свои! Ёду изъ такого-то аула, поручикъ такой-то.

— Извольте ѣхать, ваше благородіе, было мнѣ отвѣтомъ.

Мы бросились вплавъ, и когда достигли противоположнаго берега, разъѣздъ, винтовки черезъ сѣдло—ожидаль пока не подъѣхалъ къ намъ урядникъ. Я показалъ ему бумагу, урядникъ прикомандировалъ къ намъ одного казака, и такимъ образомъ я благополучно добрался до станицы, въ которой дневала наша команда. Князь **.... ни принялъ меня съ распростертыми объятіями, а пребываніе въ аулѣ за Кубанью казалось мнѣ однимъ сновидніемъ.

ОТЪ ПОЛЮСА КЪ ПОЛЮСУ.

(Путешествіе Жака Араго *).

I.

НЕЧАЯННАЯ РѢШИМОСТЬ.

Берегитесь, мой молодой и смѣлый другъ! море сердито. Бури, волнующія его, разбиваютъ корабли, бросаютъ ихъ на берегъ. Страшны эти опустошительные вихри, обхватывающіе сильнѣйшіе корабли и играющіе ими, какъ утренній вѣтерокъ играетъ легкимъ пухомъ.

Одинъ извѣстный поэтъ сказалъ: *«видѣть то же, что имѣть»*. Но если вы думаете объѣхать и изучить свѣтъ безъ трудовъ и опасностей, то весьма ошибаетесь. Всякая наука достается не даромъ. Тѣло часто ослабвваетъ въ борьбѣ.

Однако же, если, какъ я думаю, въ васъ преобладаетъ страсть къ путешествіямъ, то не пугайтесь моихъ угрозъ. У разсудка есть свои привилегіи. Если при отъездѣ часто льютъ слезы, то сколько радости ожидаетъ насъ при возвращеніи. Вы все видѣли, все замѣтили, можете все разсказать, и на старости можете съ

* Въ прошедшемъ году мы представили, въ извлеченіи, нашимъ читателямъ последнее сочиненіе неутомимаго путешественника: «Оба Океана». Думаемъ, что вновь изданное сочиненіе этого занимательнаго разскащика доставитъ такое же удовольствіе, какъ и прежнія его произведенія. Мы исключимъ изъ этого путешествія описанія странъ, о которыхъ упоминается въ прежнемъ сочиненіи и вообще всю излишнюю болтовню, до которой такъ падки французы. *Ред.*

удовольствіемъ отдохнуть надъ этими занимательными страницами своей жизни.

Вы хотите знать нѣкоторые изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ моихъ путешествій; я охотно удовлетворю вашему желанію, потому, что вы вмѣстѣ съ удовольствіемъ ищите и наставленія. Все, о чемъ меня просятъ дѣтство и старость, я считаю священнымъ долгомъ исполнить. Съ любовью и уваженіемъ преклоняюсь я передъ этими двумя возрастами жизни.

Я не расскажу вамъ, милое дитя мое, о разныхъ эпизодахъ послѣдняго моего путешествія вокругъ свѣта: они принадлежатъ издателю моихъ книгъ. Притомъ вы мнѣ сообщили, что уже знаете ихъ. Но будьте спокойны, я уже столько прожилъ и такъ хорошо помню все мое прошедшее, съ тѣхъ поръ, какъ судьба лишила меня зрѣнія, что не могу забыть ни малѣйшаго эпизода моихъ пѣшеходныхъ и морскихъ странствованій.

Въ рассказъ моемъ прежде всего найдете вы истину: ложь унижаетъ и говорящаго и слушающаго. Слѣдственно, вѣрьте мнѣ вполне, любезный другъ мой, и готовьтесь слѣдовать за мною. Я васъ поведу далеко, очень далеко. Я вамъ расскажу о дикихъ нравахъ, о негостепріимныхъ народахъ, о пустынныхъ областяхъ и благоуханныхъ странахъ. Я васъ за руку поведу посреди сценъ кровопролитія, печали и отчаянія. Но если встрѣчу свѣжій и веселый оазисъ, то разобью на немъ палатку и посажу васъ подлѣ себя. Послѣ бури небо всегда такъ чисто и свѣтло. Пожалуйте только обо мнѣ, любезный другъ! Обвѣздивъ весь архипелаги, пролетѣвъ по всемъ морямъ, познакомясь со всеми народами, я уже не вижу ни блеска солнечныхъ лучей, ни улыбки друга, и, однако же, не люблю бездѣйственной жизни; она меня обезсиливаетъ, а звукъ падающаго водопада возбуждаетъ во мнѣ энергію и пріятныя воспоминанія. Передвиженіе сдѣлалось для меня потребностію и счастіемъ.

Однажды былъ я въ Біарицъ; близъ Байоны, и устремилъ взоръ свой на неизмѣримость Атлантическаго океана. Какъ все величественно, великолюбно, высоко! А человекъ, который борется съ этимъ исполиномъ природы, еще выше. Около него реветъ ураганъ, вздымаются волны до облаковъ, бросая корабль его, какъ щепку, а онъ стоитъ на палубѣ, слѣдитъ за движеніемъ волнъ, избѣгаетъ подводной скалы, которая бы раздавила его — и вѣрнымъ путемъ ведетъ свою скорлупу въ безопасную гавань.

Я остановился тогда у какого-то добраго моряка, у котораго спросилъ: какъ бы на другой день сдѣлать мнѣ прогулку по морю.

— Да не хотите ли прогуляться со мною, отвѣчалъ онъ. У меня тамъ въ гавани стоитъ шлюбка. Я на ней ѣду въ Рошфоръ. Со мною ѣдетъ только девятилѣтній мой сынъ, который славно стоитъ на руль. Если хотите, мы поведемъ втроемъ.

— Что же вы возьмете за это?

— Вашу руку.

— Пожалуй; только съ тѣмъ, что возьмете и то, что въ ней будетъ.

— Въ такомъ случаѣ оставайтесь. Я не повезу васъ.

— Упрямецъ. Такъ и быть! вотъ рука; вези даромъ.

Поутру мы выѣхали. Сперва вѣтеръ былъ попутный; мы шли по семи узловъ и надѣялись на третій день быть въ Рошфоръ. Но вдругъ вѣтеръ упалъ, и мы принялись за весла.

Вотъ въ чемъ именно состоитъ наслажденіе морскихъ путешествій. Вы въ нѣсколькихъ миляхъ отъ цѣли; еще полчаса — и вы доѣхали. Вдругъ подымается противный вѣтеръ, — и вы черезъ нѣсколько дней, недѣль, не попадете туда. Всякій, кого спросятъ: куда онъ ѣдетъ? долженъ, какъ Езонъ, отвѣчать: *не знаю!*

Тоже самое случилось съ нами. Мы ѣхали въ Рошфоръ, а попали... увидите куда!

Подуль сильный восточный вѣтеръ.

— Папа! сказалъ молодчикъ на руль: мы, кажется, взяли съ собою мало припасовъ. Съ этимъ вѣтромъ мы рискуемъ попасть въ Нью-Фаундлендъ.

Онъ былъ правъ. Волны стали насъ перебрасывать весьма неучтиво и все болѣе отдалять отъ берега. Намъ пришло на умъ, что прежде Нью-Фаундленда легко было попасться въ руки къ англичанамъ (мы тогда были въ войнѣ). Не смотря на все наше искусство, лодка стала наливаясь водою. Мы были въ очевидной опасности... Вдругъ показался какой-то корабль, быстро обгонявшій насъ. Видя наше бѣдственное состояніе и наши знаки, онъ подошелъ къ намъ, бросилъ веревки, и черезъ нѣсколько минутъ мы, промокнувши до костей, явились на палубу l'Eclair, гдѣ насъ приняли челолюбиво.

l'Eclair былъ бригъ-корсаръ, славно оснащенный и вооруженный. Онъ шелъ по одиннадцати узловъ въ часъ. Экипажа

было двадцать пять человекъ, съ капитаномъ и хирургомъ. Бригъ крейсировалъ десять или одиннадцать мѣсяцевъ, и только остальное время проводилъ въ Нантъ, Брестъ или Рошфоръ.

Въ первый разъ видѣлъ я подобный народъ, слышалъ подобный языкъ; только самая строгая дисциплина могла ихъ держать въ повиновеніи; между собою у нихъ были безпрестанные дуэли на ножахъ, хотя капитаномъ и было объявлено, что дуэлисты будутъ повѣшены.

Капитанъ Бавастро былъ удивительный человекъ; онъ казался холоденъ и медлителенъ. Но, когда начиналъ за что-нибудь бранить матросовъ, то всякое слово сопровождалось нѣсколькими ударами линька, и удары эти сыпались очень быстро, не смотря на медленность словъ. Впрочемъ, онъ былъ ласковъ, и безъ причинъ не бранился. Всѣ прозвали его *добрымъ тигромъ*.

Какъ ни ласково принялъ насъ капитанъ, но онъ не могъ для насъ нарочно идти въ Рошфоръ, гдѣ самъ могъ попасть англичанамъ. Притомъ же онъ слышалъ, что около Азорскихъ острововъ долженъ пройти корабль остъ-индской компаніи съ большимъ грузомъ.

— Мнѣ васъ жаль, сказалъ намъ капитанъ съ своею ласковою холодностію. Но вы должны остаться у меня; мальчика я возьму поваренкомъ на кухню, а васъ беру въ матросы. Вы французы, слѣдственно охотно будете драться съ англичанами. Это будетъ и мнѣ и вамъ выгодно. Чѣмъ больше и лучше вы будете драться, тѣмъ больше получите пиастровъ.

— Я радъ быть матросомъ, отвѣчалъ я, только я не умѣю лазить на мачты.

— Будто не умѣешь?

— Увѣрю васъ.

— И никогда не пробовалъ?

— Никогда.

— Ну, такъ попробуй, и будь увѣренъ, что выучишься. Съ доброю волею и съ линькомъ можно до всего дойти.

Я видѣлъ, что надобно повиноваться. Онъ мнѣ указалъ, куда надобно было лѣзть и я довольно храбро достигъ до назначенной точки.

— Для перваго раза не дурно, сказалъ капитанъ. Этакъ, пожалуй, обойдется и безъ линьковъ.

Ночь была ясная. Капитанъ сидѣлъ одинъ на ютѣ и всматривался въ горизонтъ. Я подошелъ къ нему.

— Что тебѣ надо? спросилъ онъ.

— Поговорить съ вами.

— О чемъ?

— Обо всемъ.

— О комъ?

— О себѣ.

— Ну, говори.

Я разсказалъ вкратцѣ свою жизнь.

— А вы думали, Жакъ Араго, что я васъ не знаю. Я васъ видѣлъ въ Бордо, и сказалъ: это удамая голова! Когда я васъ спасъ сегодня, то тотчасъ же узналъ; но вы не объявляли своего имени, и слѣдственно должны были поступить въ матросы.

— И вы попотчивали бы меня линьками?

— Какъ и всѣхъ другихъ.

— Очень радъ, что этого не случилось.

Съ той минуты я сдѣлался его лейтенантомъ, выучился всемъ корабельнымъ маневрамъ и заставилъ экипажъ повиноваться себѣ.

Вскорѣ я замѣтилъ одного матроса, который старался угождать мнѣ во всякомъ случаѣ. При всякомъ моемъ приказаніи онъ первый бросался, чтобъ выполнить его. Странно то, что первое мое знакомство съ нимъ было не очень дружественное. Какой-то маневръ медленно выполнялся, капитанъ закричалъ, и я началъ безъ разбора хлыстать линькомъ направо и налево. Сильный ударъ достался и этому молодому матросу, хотя онъ и усердно работалъ.

Когда все было исполнено, и матросы разошлись, я увидѣлъ, что мой бѣднякъ сидитъ на запасной мачтѣ, опуствя голову и закрывъ лице руками. Когда я подошелъ къ нему, онъ всталъ и на глазахъ его видны были слезы. Это меня тронуло; я подаль ему руку и сказалъ:

— Ну, братъ, извини. Тебѣ давича даромъ досталось.

— Благодарю васъ, г. Араго, отвѣчалъ матросъ. Ваша ласка служить мнѣ лучшею наградою.

Вечеру разсказывалъ я капитану объ этомъ матросѣ и спросилъ его:

— Гдѣ вы завербовали такого чувствительнаго молодца?

— Въ Гаврѣ. Другіе матросы хотѣли поколотить его за что-

то; я заступился, предложилъ ему вступить на нашъ корабль, и съ-тѣхъ-поръ не нахваляюсь его усердіемъ; онъ всегда первый при abordажъ, и ужъ много получилъ призовыхъ денегъ. При первомъ сраженіи вы увидите, какъ Юлій славно дерется.

Это будущее сраженіе вскорѣ настало. На другой день увидѣли мы со стороны штурборда трехмачтовое судно; мы пустились догонять его и черезъ часъ все было готово къ бою. Я вооружился кийжаломъ, парюю пистолетовъ и славнымъ abordажнымъ топоромъ.

— Лейтенантъ, сказалъ мнѣ Юлій, подойдя ко мнѣ. Возьмите у меня топоръ. Посмотрите, онъ вамъ лучше будетъ по рукъ.

— А ты съ чѣмъ останешься?

— Я вашъ возьму.

— Онъ тяжелъ.

— Ничего, я привыкъ къ такимъ; да у меня же на перевязи есть хорошій крюкъ.

— Хорошо, помняемся. Я слышалъ, что ты славно дерешься; это прекрасно, но ненадобно безъ нужды быть и слишкомъ дерзкимъ.

— Обо мнѣ некому плакать.

— О храбрыхъ людяхъ плачетъ весь экипажъ... я первый очень бы огорченъ былъ подобною потерей.

— Вы меня заставите гордиться и дорожить жизнію.

Раздался свистокъ боцмана, и Юлій сталъ въ ряды. Первымъ выстрѣломъ потребовали мы, чтобъ поднять былъ флагъ. Намъ отвѣчали тѣмъ же, но мы сейчасъ замѣтили, что трехмачтовое судно намърено уйти. Это было мудрено. Нашъ бригъ заслуживалъ по быстротѣ хода свое имя (молнія). Противникъ же нашъ былъ купеческій корабль съ деревянными пушками. Только на палубѣ сигнальныя пушки были настоящія. Это тогда часто дѣлалось, чтобъ избѣжать мелкихъ корсаровъ.

Мы вскорѣ настигли бѣглеца, сѣялись и бросились на abordажъ. Капитанъ первый перескочилъ. Я съ Юліемъ послѣдовалъ за нимъ.

— Жакъ! поддержи честь своего имени! закричалъ мнѣ капитанъ, и я могу похвастаться, что достойно поддержалъ ее. Юлій былъ раненъ въ плечо, но продолжалъ оказывать чудеса храбрости. Флагъ съ англійскимъ леопардомъ былъ спущенъ и экипажъ сдался.

Недѣлю спустя мы продали и судно и грузъ на Азорскихъ островахъ. Я на свою долю получилъ тысячу девятьсотъ пиастровъ. Капитанъ хотѣлъ мнѣ дать еще больше, но я отказался.

— Нѣтъ, сказалъ я: съ меня довольно. Но если хотите наградить кого, то дайте Юлію. Онъ хорошо сражался и раненъ.

— Гдѣ онъ?

— Тамъ, на носу.

— Позовите мнѣ Юлія.

— Капитанъ, сказалъ пришедшій хирургъ: Юлій упрямъ. Онъ истекаетъ кровью и не хочетъ дать перевязать своей раны.

— Принесите его ко мнѣ...

— Позвольте, сказалъ я: я пойду, распрошу и уговорю его.

Бѣднякъ лежалъ на одной каронадѣ и губкою обтиралъ текущую изъ плеча кровь.

— Ну, что, мой храбрецъ, сказалъ я: ты раненъ, а не хочешь перевязать раны. Тебя требуетъ капитанъ, а ты не слушаешься.

— Перевязки я не хочу, явиться я не могу.

— Послушай, мы съ тобою побратались оружіемъ. Неужели ты не слушаешься и меня, твоего друга и брата.

— Не могу.

— Почему же? Ну, дай я осмотрю рану. Покажи плечо.

— Вотъ этого-то и нельзя.

— Это отчего?

— Оттого... что... я женщина.

— И никто здѣсь не знаетъ этого?

— Одинъ капитанъ.

II.

ЮЛІЯ.

Когда призовыя деньги были розданы, нѣсколько матросовъ бѣжало, а мой біарицскій хозяинъ съ сыномъ отпущены были на берегъ, чтобъ искать тамъ случая возвратиться на родину. Слѣдственно, у насъ на бригъ недоставало людей.

Юлій (или Юлія; только я и капитанъ знали это) вскорѣ выздоровѣлъ, и, разумѣется, мое любопытство было раздражено.

въ высшей степени. Что это за существо? Какая судьба заставила эту женщину переодѣться? что придало ей столько силы и мужества, небывалыхъ въ женщинѣ. Самъ капитанъ не зналъ этого. Надобно было попытаться вывѣдать это.

Наканунъ отъезда нашего изъ Прайа (гдѣ мы продали свой призъ), я взялъ ее подъ руку и пошелъ по набережной. Сперва мы молчали. Надобно было мнѣ начать, и дипломатическимъ образомъ.

— А что, Юлія, ремесло наше не надобно еще тебѣ?

— Отчего же? Сегодня оно трудно, завтра спокойно; не такъ ли, какъ море, какъ страсти, какъ вся наша жизнь.

— Я видѣлъ, что ты хорошо знаешь море; но такъ ли же хорошо и страсти?

— Какія?

— Общія всей молодости, а особливо такимъ прелестнымъ женщинамъ, какъ ты.

— Какой странный комплиментъ! Когда я была для васъ матросомъ, вы ни разу не посмотрѣли мнѣ въ лице.

— Кто же думаетъ о лицѣ мужчины! Но теперь дѣло другое.

— Напротивъ, оно нисколько не измѣнилось.

— Развѣ можно отвѣчать за будущее?

— За свое я отвѣчаю.

— Это большое разочарованіе. А я было надѣялся...

— Чего, лейтенантъ?

— Во-первыхъ, быть твоимъ другомъ, а не лейтенантомъ; чтобъ сохранить твою тайну, я долженъ, по прежнему, говорить съ тобою *ты*, но за это требую и отъ тебя того же, когда мы вдвоемъ.

— Пожалуй. Только это ни къ чему не поведетъ.

— Можетъ быть къ тому, что ты, какъ другу, расскажешь мнѣ, какимъ образомъ сдѣлалась корсаромъ.

— *Другу* я никогда не ввѣрю этой тайны.

— Кому же?

— Развѣ мужу.

— Въ такомъ случаѣ я подожду.

— И хорошо сдѣлаешь. Ну, а у тебя нѣтъ на сердцѣ ни какого секрета?

— Какого же?

— Вѣдь и я могла бы спросить: какія несчастія брѣсали тебѣ въ толпу корсаровъ? Не несчастная ли любовь?

— О, нѣтъ! Но къ чему этотъ вопросъ?

— Значитъ, я ошиблась. Видя тебя между корсарами, я думала, что ты мстишь за какую-нибудь измѣну, и жалѣла о тебѣ.

— Нѣтъ, Юлія, ты ошиблась. Не несчастная любовь, а безпутная молодость, ссоры, дуэли заставили меня бѣжать изъ родины...

— Да, я все знаю, что ты рассказывалъ капитану. Только я думала, что ты ему не все открылъ.

— Напротивъ, я всегда говорю все, что у меня на сердцѣ.

III.

ДѢТСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Дружески, рука въ руку, отправились мы на бригъ, и вскорѣ услышали первый пушечный выстрѣлъ, возвѣщавшій призывъ къ отъезду. По дорогѣ я завелъ опять разговоръ.

— Послушай, Юлія, сказалъ я: можешь ли ты мнѣ отвѣчать по-крайней-мѣрѣ на *одинъ* вопросъ?

— На какой?

— Любишь ли ты кого на своей родинѣ?

— О, да! И всюю силою души.

— Счастливецъ!

— Г. Араго! вы ошибаетесь. Это не *онъ*, а *она*.

— Кто же? сестра?

— Это тоже секретъ. Замолчите теперь.

Ночь наступала. Тѣнь острова и громадной горы его покрывала горизонтъ. Волны съ тихимъ прибоемъ ударились о берегъ. Небольшія облака быстро летѣли надъ нами къ берегамъ Америки, тогда какъ утомленныя перелетныя птицы искали себѣ ночлега въ пещерахъ скалъ, или на вершинахъ горъ. Я и Юлія наслаждались этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, какъ вдругъ подъ ногами нашими раздался глухой подземный громъ. Мы зашатались и едва удержались на ногахъ. Черезъ нѣсколько минутъ ударъ возобновился еще сильнѣе и мы принуждены были ухватиться за дерево, которое вмѣстѣ съ нами склонилось къ землѣ. При третьемъ ударѣ, и оно, и мы оба упали. Взглянувъ на морь, увидѣли мы, что оно какъ бы кипитъ на берегу.

— Это волканъ разыгрывается, сказала съ улыбкою Юлія. Вотъ истинная картина жизни. Сейчасъ еще мы мечтали и были спокойны. Теперь все вокругъ насъ въ волненіи и безпорядкѣ.

Второй пушечный выстрѣлъ приказывалъ намъ спѣшить. Мы пустились по тропинкѣ и вскорѣ прибыли на корабль. Капитанъ взялъ меня подѣ руку и тихо спросилъ:

— Все ли она вамъ рассказала?

— Нѣтъ, капитанъ.

— Скромна и молчалива.

— Вы мнѣ говорили, что она уже два года въ числѣ вашихъ корсаровъ и много получила призовыхъ денегъ. Кому она отправляетъ ихъ?

— Я никогда не могъ узнать этой тайны.

Я провелъ бессонную ночь и все думалъ о судьбѣ Юліи. Нѣтъ сомнѣнія, что какія-нибудь несчастія принудили ее броситься въ нынѣшній родъ жизни. Все доказывало, что ея твердость, грубость, храбрость, насильственные качества. Кто же она?..

Мы подняли въ это время якорь и шли вдоль берега. Капитанъ все всматривался въ прибрежныя селенія, и мнѣ казалось, что онъ имѣетъ какія-нибудь враждебныя намѣренія противъ нихъ. Я не ошибся.

Было уже около одиннадцати часовъ. Капитанъ приказалъ лечь въ дрейфъ и пустить шлюбку.

— Двѣнадцать рѣшительныхъ людей!

— Могу ли я быть въ этомъ числѣ? спросилъ я капитана.

— Разумѣется.

— И я то же? спросилъ Юлій.

— Пожалуй: мнѣ нужно шесть матросовъ, чтобъ замѣнить бѣжавшихъ, ни больше ни меньше. Тамъ на берегу въ деревнѣ свадьба. Всѣ пляшутъ на берегу, отправьтесь и приведите мнѣ шестерыхъ танцоровъ, молодыхъ и сильныхъ. Ступайте.

Мы отправились на берегъ, лодку оставили подѣ охраненіемъ одного матроса въ полукабельтовъ отъ берега. Насъ встрѣтили дружески и пригласили участвовать въ пляскахъ и въ попойкѣ. Мы сами пустились угощать мадерою и тенерифомъ, подружились съ шестерыми молодцами и предлагали имъ бросить неводъ съ лодки, чтобъ наловить рыбы къ ихъ празднику. Всѣ согласились. Заманивъ ихъ однажды въ лодку, пошли мы прямо къ кораблю. Просьбы, слезы все было бесполезно.

Одинъ больше всѣхъ рыдалъ и рвалъ на себѣ волосы.

— Ты вѣрно оставилъ на берегу пеньсту? спросилъ у него Юлій.

— О, гораздо больше! мать, старую, больную мать, которой я былъ единственною подпорою.

— А умьешь ли ты плавать? тихо спросилъ Юлій.

— Умью хорошо.

— Убирайся же и утѣшь мать!

Сказавъ это, Юлій схватилъ его за бокъ и за шею и бросилъ въ воду, вскрикнувъ:

— Кто-то утонулъ!

— Нѣтъ, сказалъ боцманъ. Это дезертеръ. Вороти руль; надобно поймать его.

— Не тронь его и держи къ бригу, или я этимъ пистолетомъ размозжу тебѣ черепъ. Если капитанъ разсердится, пусть накажетъ меня. Если ему нужно еще одного матроса, я одинъ сойду на берегъ и захвачу ему двоихъ.

Мы смотрѣли долго вслѣдъ за плывущимъ; онъ вскорѣ присталъ къ берегу, упалъ на колѣни, помолился и побѣжалъ къ хижинѣ своей матери.

Я подошелъ къ Юлію и пожалъ ему руку.

— Ты прекрасно поступилъ, сказалъ я ему; но берегись, капитанъ не любитъ шутить.

— Что же за бѣда? За доброе дѣло можно выдержать линьки.

— Только ты ихъ не получишь...

— Какъ знать! онъ дерзокъ, жестокъ, а приказъ его не былъ выполненъ.

— Да! только если онъ подниметъ на тебя руку, я тутъ же убью его.

— Благодарю тебя, Жакъ.

Насъ встрѣтилъ капитанъ и тотчасъ счелъ плѣнныхъ. Увидя, что одного недостаетъ, онъ хладнокровно взялся за линекъ и спросилъ: кто упустилъ шестаго?

— Я, отвѣчалъ Юлій, и сталъ передъ Бавастро.

Въ тоже мгновеніе подскочилъ я къ капитану и схватился за кинжалъ.

— Капитанъ, не бейте, закричалъ Юлій: жизнь ваша въ опасности!

IV.

ВСТРѢЧА.

Корсаръ взглянулъ на меня и понялъ.

— Diavolo! проворчалъ онъ. Я никакъ не воображалъ, что такъ близко къ смерти. Надобно уладить дѣло. Тебя, Юлій, за то, что ты спасъ мнѣ жизнь, жалую я боцманомъ. Ты, Жакъ, вмѣсто лейтенанта, будешь отнынѣ моимъ другомъ, потому-что помѣшалъ мнѣ сдѣлать низкій поступокъ.

Съ-этихъ-поръ я и Юлій обѣдали за столомъ капитана.

Между тѣмъ корабль приближался къ острову Тенерифу. Это было довольно неосторожно, потому, что вулканъ извергалъ цѣлые потоки лавы. Но капитанъ ожидалъ найти тутъ добычу, и корсарный инстинктъ рѣдко обманывалъ его. Три дни лавировалъ онъ между Азорскими и Канарійскими островами, и вдругъ прямо пошелъ къ Санта-Крузу, столицѣ всего Архипелага.

Въ шести кабельтовыхъ отъ берега легъ онъ въ дрейфъ и началъ осматривать въ трубу гавань, защищаемую дюжиною фортовъ. Тамъ у мола стоялъ красивый англійскій корветъ. Нашъ капитанъ тотчасъ же поднялъ британскій флагъ. Эта военная хитрость до вступленія въ сраженіе тогда часто употреблялась.

Ночью Бавастро позвалъ насъ къ себѣ на ютъ.

— Дѣти мои, сказалъ онъ:—я не знаю, столько ли же вы любите золото, какъ я, а именно—почти наравнѣ съ жизнію и больше, нежели честь.

— А я, отвѣчалъ я, люблю золото гораздо меньше жизни, а жизнь меньше чести.

— Я то же, сказалъ Юлій.

— Съ піастрами получите всѣ возможные почести.

— Мы въ этомъ не сойдемся съ вами, капитанъ.

— Какъ хотите, мнѣ все равно. Вы вѣдь знаете, кто я?

— Корсаръ, который теперъ, повидимому, намъренъ овладѣть этимъ англійскимъ корветомъ.

— Точно такъ! И если я овладѣю имъ, то Франція признаетъ меня своимъ государственнымъ крейсеромъ, а не частнымъ корсаромъ. Только это я и хотѣлъ вамъ сказать. Деритесь хорошенько, чтобъ овладѣть корветомъ, и вы будете признаны въ нынѣшнихъ чинахъ въ государственной службѣ. Теперъ спайте спать.

Едва начинало разсвѣтать, какъ капитанъ уже распоряжался приготовленіями къ бою, наблюдая за движеніями англичанъ. Видно было, что и ихъ подстрекало любопытство—поближе узнать, кто мы, и они уже послали-было лодку, чтобъ опросить насъ, но почему-то сдѣлали ей потомъ сигналъ воротиться.

Но вотъ и день. Солнце еще не взошло на горизонтъ, а вершина горы освѣщаетъ насъ лучами его. Густые столбы дыма безпрестанно поднимаются изъ жерла и разсвѣаются утренними порывами вѣтра.

Вотъ зашевелился и англійскій корветъ. Онъ подвѣлъ якорь и двинулся впередъ.

— Скорѣй, друзья, закричалъ нашъ капитанъ. Насталъ день славы и золота. Кто что любитъ, тотъ то и получить.

Но нашихъ матросовъ не нужно было подстрекать. Всѣ давно были готовы.

— Смотрите же, ребята, продолжалъ капитанъ: не суетиться, не бросаться безъ порядка, беречь порохъ, а прямо на abordажъ. Первому—четверная доля, второму тройная, третьему двойная, последнему—линьки. Но я васъ знаю: последнихъ не будетъ. Теперь поднимай настоящій нашъ флагъ. Да здравствуетъ Франція, и да погибнетъ Англія!

Англійскій корветъ, увидя этотъ флагъ, тотчасъ же натянулъ abordажныя сѣти и капитанъ проворчалъ какое-то проклятіе, приказавши пуститься въ открытое море, какъ будто-бы собирался уйти.

Англичане, увидя это бѣгство, закричали: ура! и бросились преслѣдовать насъ.

— Я вамъ задамъ ура! сказалъ капитанъ. Вы мнѣ поплатитесь, проклятые краснокафтанники!

Вскорѣ англійскій корветъ поравнялся съ нами и далъ залпъ съ одного борта.

— Не отвѣчать! закричалъ капитанъ. Мы дадимъ свой залпъ, когда сѣвнимся.

Я и Юлій стояли подлѣ капитана; Юлій казался мнѣ блѣднымъ.

— Что съ тобою, Юлій? спросилъ я.

— Не знаю, но сердце мое замираетъ. Хочешь ли, Араго, исполнить мою просьбу?

— Говори; все будетъ исполнено.

— Если меня убьютъ, то въ моей койкѣ найдешь ты же-

стяной ящикъ, съ бумагами и деньгами. Пошли и то и другое по адресу, какой найдешь на приготовленномъ тамъ же письмѣ.

— Я самъ доставлю.

— Хорошо!

Въ эту самую минуту началось сраженіе.

V.

ТАЙНА.

Я не буду описывать подробностей морскаго сраженія. Всѣ они почти похожи одно на другое, только въ въ подробностяхъ небольшая перемѣна. Капитанъ былъ героемъ этого дня. Одинъ англійскій матросъ занесъ уже на Юлія свой топоръ, но капитанъ поразилъ его. Я то же былъ раненъ въ левую руку, и спасенъ капитаномъ. Однимъ словомъ, онъ вездѣ являлся и всѣхъ одушевлялъ.

Четыре часа продолжался бой, и жители Санта-Круза всѣ сбѣжались на берегъ, смотрѣть на это зрѣлище. Наконецъ, англійскій корветъ спустилъ флагъ. Капитанъ корвета былъ убитъ.

По осмотрѣ корвета оказалось, что онъ недавно сдѣлалъ богатые призы, которые всѣ достались намъ. Снявъ съ него все, что могло быть намъ полезнымъ, мы посадили его на мель между береговыми скалами, а сами пошли къ мысу Блану.

Бавастро самымъ щедрымъ образомъ роздалъ намъ пріобрѣтенную добычу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого сраженія бросили мы якорь на африканскомъ берегу, въ какой-то бухтѣ, по близости трехъ-мачтоваго португальскаго корабля.

— Вотъ и это то же наша добыча, сказалъ тихо капитанъ, подойдя ко мнѣ.

— Какъ! да развѣ вы нападаете на *всѣ* корабли?

— Это тоже непріятельскій. Знаешь ли, какой въ немъ грузъ?

— Почему мнѣ знать.

— А я такъ съ перваго взгляда вижу, что онъ набитъ неграми, которыхъ везутъ на продажу.

Дѣйствительно, судно *Долоресъ*, увидя нашъ приходъ, тихо подняло паруса и незаметно вышло изъ бухты, надѣясь ускользнуть отъ нашего вниманія и преслѣдованія. Но Бавастро караулилъ всѣ движенія его, и въ нѣсколько минутъ былъ уже подлѣ невольничьяго судна. Шкиперъ спросилъ въ рупоръ: что значить

это преслѣдованіе? Бавастро отвѣчалъ приказомъ: лечь въ дрейфъ и дать осмотрѣть свой грузъ. Но когда португалець не согласился на это, приняты были тотчасъ же мѣры къ абордажу.

Во время приготовленій Юлій подалъ мнѣ жестяной ящикъ и велѣлъ спрятать. Любопытство мое преодолѣло все. Я побѣжалъ въ свою каюту и прочелъ письмо, приготовленное Юліемъ: оно было слѣдующаго содержанія:

«Добрая и милая маменька! Не удивляйся, что я такъ много денегъ тебѣ посылаю. Я, по прежнему, живу въ Гаврѣ, въ томъ же благотѣльномъ семействѣ, которое меня приняло въ Гаврѣ и осыпаетъ ласками. За небольшую услугу, оказанную мною, наградили меня четырьмя тысячами франками, которыя я тебѣ и отправляю.

«Авось мы скоро увидимся. Я всякій день объ этомъ молюсь. Знаю, что и ты то же дѣлаешь. Война вѣрно скоро кончится и мы съ тобою опять соединимся.

Эмма де М.

Надпись: Т. Ф., банкиру въ Гаврѣ, для пересылки въ Манчестеръ, гр. Марин-Луизъ де М.»

Слѣдственно, Юлія скрыла отъ матери все свои опасности и доставляетъ ей пропитаніе самымъ необычайнымъ ремесломъ. Удивительная черта дѣтской любви!

Удовлетворивъ свое любопытство, я бросился опять на палубу. Но тамъ уже и безъ меня все было кончено. Бавастро въ несколько минутъ овладѣлъ судномъ. Шкиперъ былъ повѣшенъ, экипажъ брошенъ въ воду, а несчастные негры освобождены. Товары и провизія перенесены на нашъ бригъ, а *Долоресъ* преданъ сожженію.

Я подошелъ къ Юлію и почтительно снялъ шляпу.

— Вы ужъ все узнали? спросилъ онъ. Будьте же скромны, и до возвращенія нашего во Францію сберегите мой секретъ.

— Въ этомъ вы можете быть увѣрены, отвѣчалъ я.

VI.

ДВА УРАГАНА.

Мы возвратились опять въ бухту и выпустили всѣхъ негровъ на волю. Къ нимъ тотчасъ же вышли туземцы, но боясь насъ, оставались въ отдаленіи. По знакамъ освобожденныхъ они вскорѣ сошлись, смѣшались, и это была оргія радости! Всѣ за-

плясали, заревѣли, захопавали въ ладоши, кувыркались по песку, обнимались, даже кусались отъ радости. Больше всего восхищались ихъ пожаръ *Долоресъ*, гдѣ они претерпѣвали столько мученій.

Всѣ туземцы спѣшили надѣлать насъ подарками, кто плодами, слоновою костью, кто золотымъ пескомъ и оружіемъ.

Наконецъ надобно было разстаться, и капитанъ подалъ уже знакъ. Вдругъ раздался всеобщій крикъ ужаса. Всѣ негры умоляли насъ о защитѣ и спасеніи. Долго мы не могли понять всего этого, и уже начинали опасаться какой-либо измѣны. Всѣ приготовили свои ружья.

Вскорѣ увидѣли мы и враговъ, передъ которыми всѣ бѣжали. Это были великолѣпный левъ со львицей.

Покуда они гнали передъ собою стадо негровъ, львы бѣжали и ревѣли, но увидя насъ, вдругъ остановились и легли спокойно на песокъ, какъ бы высматривая насъ и ожидая нашего нападенія.

Между тѣмъ наступала уже вечеръ, и каждая минута для насъ была дорога. Днемъ могли мы исчислять и вѣрно попадать, но въ темноту мы теряли уже свое превосходство. Мы двинулись всѣ впередъ сомкнутымъ строемъ.

При первомъ нашемъ движеніи левъ и львица встали, начали бить хвостами и сдѣлали нѣсколько скачковъ, только не прямо противъ насъ, а въ сторону, какъ бы намѣреваясь напасть на насъ съ фланга.

Вдругъ они бросились на насъ, и скачекъ ихъ былъ такъ силенъ, что они очутились за нами. Юлій выстрѣлилъ и попалъ въ глазъ звѣрю. Я и одинъ матросъ съ крюкомъ подскочили къ Юлію, который уже лежалъ. Я выстрѣлилъ и то же попалъ, но левъ успѣлъ разодрать мою ногу. Всѣ матросы бросились на животныхъ, левъ упалъ, львица запаталась отъ попавшихъ въ нее пуль. Бой былъ оконченъ, но не кровопролитіе. Разсвирѣпѣлые звѣри оставили насъ и бросились къ берегу на толпу беззащитныхъ негровъ. Тутъ, умирая, успѣли они еще разорвать нѣсколькихъ несчастныхъ.

Наконецъ все кончилось. Мы пошли къ лодкамъ. Изъ нашихъ погибло шесть человекъ.

— Что, Юлій, твои раны? спросилъ я.

— Почти ничего. А твоя нога?

— Чувствую сильный жаръ. Да! это была славное сраженіе. Это была буря, это были два урагана.

VII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Судьба Юліи день ото дня болѣе занимала меня. Покуда никто на корабль не зналъ тайны ея пола, она была весела, бойка, жива и дружна со всеми. Теперь я одинъ открылъ ея тайну, и она чувствовала, что не можетъ уже оставаться на корабль. Всякое мое слово, движеніе невольно обнаруживало, что это уже не матросъ Юлій.

Вскорѣ произошелъ и другой случай, который ускорилъ нашу разлуку.

У насъ былъ матросъ Жанъ. Онъ прислуживалъ мнѣ и угождалъ Юлію. Это было доброе, простое существо, которое сердечно къ намъ привязалось и всегда было съ нами.

И тутъ, послѣ сраженія съ львами, онъ былъ подлѣ насъ, помогая намъ перевязывать раненныхъ. Вмѣстѣ съ нимъ съли мы потомъ въ лодку и отправились на корабль. Намъ выбросили трапъ; Жанъ сталъ на лавку и при качаньи лодки нечаянно толкнулъ подлѣ стоящаго матроса, съ котораго шляпа полетѣла въ воду. Жанъ хотѣлъ поймать ее на лету, но перевѣсился и упалъ въ море.

Всѣ захохотали, потому-что Жанъ мастерски плавалъ.

Вдругъ рулевой закричалъ:

— Акула! Акула плыветъ къ Жану!

— Дайте скорѣе крюкъ? сказалъ Юлій.

— Мнѣ весло! закричалъ я.

Впрочемъ, матросъ, съ котораго Жанъ уронилъ шляпу, то же съ топоромъ бросился въ море, чтобъ спасти Жана. Новая жертва привела на минуту акулу въ недоумѣніе. Нанеся акулъ ударъ въ жабры, матросъ быстро повернулъ къ лодкѣ и мы его вытащили за волосы. Жанъ то же ухватился уже за бортъ, но акула въ это самое мгновеніе перевернулась и уже разинула пасть, чтобъ схватить его за ногу. Но Юлій видѣлъ это движеніе и мѣткою рукою пустилъ гарпунъ въ глазъ акулы, которая отъ боли тотчасъ же погрузилась на глубину, а Жанъ очутился въ лодкѣ живъ и невредимъ.

— Что! сказалъ онъ, указывая на акулу. Не удалось позавтракать. Да и что тебѣ въ моихъ ногахъ? мало жиру. Вотъ попробуй мягокъ ли гарпунъ, который моя избавительница, Юлія, пустила тебѣ въ голову...

— Юлія? вскричали всѣ и обратили глаза на бывшего своего товарища.

Завѣса тайны была сорвана. Еще одинъ человекъ угадалъ полъ Юліи, и весь экипажъ зналъ теперь его.

Чтобъ отвратить объясненія, свистокъ капитана велѣлъ всѣмъ идти по мѣстамъ. Я и Юлія отправились въ каюту капитана, который тотчасъ же направилъ путь къ Тенерифу, чтобъ высадить тамъ благородную дѣвушку. Пребываніе ея на корабль было уже невозможно.

Поутру обоимъ насъ высадили въ Санта-Крузъ; я отвелъ Юлію къ одному банкиру, а самъ отправился въ трактиръ, откуда, переночевавъ, намѣренъ былъ совершить путешествіе по острову.

На другое утро я зашелъ однако къ Юліи, чтобъ узнать о ея здоровьи. Меня встрѣтилъ банкиръ, и на вопросъ мой о вчерашнемъ матросѣ, сказалъ:

— Онъ сейчасъ уѣхалъ на англійской шебекѣ въ Бразилію, оставя мнѣ два письма: одно въ Манчестеръ, которое я перешлю, но другое безъ адреса, синьору Араго.

— Это я! пожалуйста.

Вотъ что она писала мнѣ:

«Я была увѣрена, что вы зайдете узнать обо мнѣ, и оставила вамъ эту записку. Мы теперь *должны* разстаться; но сердце мое говоритъ мнѣ, что мы нѣкогда увидимся. Надежда не то ли же счастье? будьте же счастливы. До свиданія.»

Надобно было покориться судьбѣ. Черезъ два дни отправился я для осмотра острова. Наука то же утѣшеніе.

VIII.

ВОСХОЖДЕНІЕ НА НИКЪ.

Я забылъ сказать, что взялъ съ собою Жана и объявилъ ему, что пойдемъ на вершину горы. Мы уже вышли изъ города, какъ онъ заговорилъ со мною.

— А что съ нами будетъ, спросилъ онъ, когда мы такъ близко подойдемъ къ солнцу?

— А ты что думаешь?

— Да здѣсь внизу мы уже почти изжарились, а на верху будетъ еще хуже.

— Ошибаешься, другъ Жанъ. Тамъ на горѣ ты попросишь шубы.

— Вы все шутите.

— Нисколько; повторяю тебѣ, что ты перезабнешь.

— Да вѣдь солнце большой костеръ, который вѣчно горитъ. Вѣдь чѣмъ ближе къ костру, тѣмъ теплѣе.

— Во-первыхъ, другъ Жанъ, солнце совсѣмъ не костеръ и не горитъ, но это мудрено тебѣ растолковать; а во-вторыхъ, теплота воздуха уменьшается, чѣмъ рѣже она становится. Взгляни на гору. Внизу роскошныя деревья; кверху, чѣмъ выше, тѣмъ бесплоднѣе, а на верху, гдѣ изъ жерла горы льются потоки огненной лавы, виднѣнъ отсюда снѣгъ.

— Да! это правда; я объ этомъ не подумалъ, а впрочемъ увидимъ.

Я пошелъ впередъ и не замѣтилъ какъ онъ отсталъ. Позвавъ его разъ два, я принужденъ былъ самъ воротиться. Гдѣ жъ я его нашель?

Онъ, у ручейка, осѣненнаго гранатовыми деревьями въ цвѣту, сидѣлъ очень спокойно и разговаривалъ съ молодою дѣвушкой, подлѣ которой паслись двѣ овцы; она была лѣтъ пятнадцати, и въ глазахъ ея блисталъ умъ и энергiя.

Я подошелъ, и увидя красоту дѣвушки, не имѣлъ силы бранить Жана за то, что онъ отсталъ.

— Вглядись-ка, Жанъ, хорошенько въ нее, сказалъ я ему: не похожа ли она на одного челоуѣка на нашемъ бригѣ.

— Похожа, г. Араго, только навыворотъ. Юлій болѣе похожъ на дѣвушку, а эта дѣвушка на мальчика.

Я вступилъ съ нею въ разговоръ.

— Не бывала ли ты когда-нибудь на вершинѣ Пика?

— Разъ двадцать. Я служу проводникомъ путешественниковъ.

— Такъ не можешь ли оказать и мнѣ подобную же услугу? хоть до подошвы верхняго Пика.

— Почему же не до вершины? спросила она, глядя на меня съ нѣкоторымъ упрекомъ.

— Но я боюсь, что у тебя неостанетъ силъ.

— О! за меня не бойтесь... Вотъ если вы за себя опасаетесь...

— Веди насъ Жуанита.

— А вы что пожалуете за это?

— А ты сколько бы желала взять?

— У насъ, синьоръ, не отвѣчаютъ вопросомъ на вопросъ.

— Ну, такъ я тебѣ дамъ десятью пиастрами больше, нежели ты запросишь.

— О, прекрасно! съ радостию принимаю: теперь я заплачу за два надгробныя камня и два креста на могилу моего отца и матери.

Жуанита побѣжала впереди насъ и по дорогѣ сдала своихъ двухъ овецъ какой-то старухѣ. Я ѣхалъ верхомъ на мулъ; двое спутниковъ слѣдовали за мною пѣшкомъ. Дорога шла то между исполинскими каштановыми деревьями, то подъ сводами виноградниковъ, которыхъ кисти можно безотчетно срывать. Подъемъ на гору былъ не чувствителенъ, и мы вскорѣ достигли до полосы нижнихъ облаковъ; погода была ясная и жаркая. Термометръ показывалъ на солнцѣ 28° Р. Жуанита, по примѣру и привычкѣ всѣхъ проводниковъ, рассказывала намъ всѣ подробности каждаго видимаго предмета.

Вскорѣ мы достигли до Гротава, гдѣ развѣденъ былъ прелестный ботаническій садъ. Но надъ нами возвышался Пикъ — всѣ прочія красоты не привлекали нашего вниманія. Около полудня мы были на высотѣ, называемой Ласъ-Канадасъ. Здѣсь уже растительность бѣдна и мала, однако же около насъ вились еще цѣлые рои разноцвѣтныхъ бабочекъ. Вѣроятно, для пищи спускаются онѣ ниже, а потомъ возвращаются сюда для безопасности.

Восемь часовъ были мы уже въ пути, а сдѣлали еще всего три лье. Жуанита все шла впередъ, но мнѣ стало жаль ее и я объявилъ, что хочу отдохнуть на площадкѣ, прозванной Stanza de los Inglesos.

— А! сказалъ Жанъ: здѣсь отдыхаютъ наши пріятели красноклафтанники. Ну, не совѣтовалъ бы я имъ сойтись здѣсь съ нами: имъ бы пришлось долго отдыхать.

Здѣсь уже было ощутительно холодно, такъ что мы принуждены были развести огонь. Термометръ показывалъ уже 1° ниже нуля. Жуанита радовалась, видя, что мы восхищаемся великолѣпнымъ ландшафтомъ, простирающимся около насъ.

— Тебѣ не холодно, Жуанита? спросилъ я. Ты такъ легко одѣта.

— О, я привыкла ко всякимъ переменамъ; притомъ, здѣсь еще не такъ холодно. А до вершины намъ еще далеко.

— Какъ далеко? Да она въ глазахъ.

— Только сегодня нельзя уже попасть туда. Солнце уже садится и ночь не должна застать насъ на верху.

— Такъ мы должны ночевать здѣсь?

— Неначе.

Я было попробовалъ сдѣлать нѣсколько шаговъ вверхъ одинъ, но Жуанита засмѣялась.

— Вы или увязнете, или скатитесь черезъ десять минутъ. Ступайте, ступайте.

— Да сколько же времени надобно, чтобъ дойти отсюда до вершины?

— Не меньше четырехъ часовъ.

Нечего было дѣлать. Мы оставили на этой площадкѣ, развели еще побольше огонь, поѣли и заснули.

Я первый проснулся, и восхищался великолѣпнымъ зрѣлищемъ вокругъ себя. Тамъ вдали Атлантическій океанъ, у подножія Пика построены города изъ его лавы, надъ головою дымящаяся вершина горы, выбрасывающая по временамъ столбы огня, освѣщающаго краснымъ отблескомъ всю окрестность. Надъ головою безмѣрность небснаго свода, усыяннаго мириадами звездъ.

Монбланъ, Чимборазо, Гималаѳа гораздо выше Пика, но изъ непогасшихъ огнедышащихъ горъ онъ выше всѣхъ. Площадка, на которой мы ночевали, состоитъ изъ базальта и обсидіана. Отсюда вверхъ нѣтъ уже ни дорожки, ни тропинки, и только опытность проводника можетъ довести насъ туда безопасно.

Всѣ проснулись, и мы пошли. Заря еще не разсвѣтала, но Жуанита съ легкостью и искусствомъ серны, скакала по выдавшимся скаламъ и голосомъ указывала намъ куда идти и на какое мѣсто ступать.

Наконецъ, мы достигли до мѣста, называемаго *Cuera de las Nieves*.

— Слава Богу, сказалъ Жанъ: вотъ первое мѣсто, котораго англичане не прозвали по-своему.

Здѣсь видѣнъ гротъ, образовавшійся отъ оставшейся лавы. Онъ представляетъ видъ неправильной комнаты въ десять шаговъ діаметра. Вездѣ по стѣнамъ имена путешественниковъ на всѣхъ возможныхъ языкахъ. Разумется, и я вписалъ свое.

Наконецъ мы очутились еще на одной площадкѣ и вдругъ передъ нами съ восточной стороны поднялся огненный шаръ

безъ лучей и безъ блеска: это было солнце. Звѣзды еще сіяли на западъ и не хотѣли какъ-будто уступить мѣсто царю природы.

Восходъ солнца въ тропическихъ странахъ, на высотѣ 4000 метровъ, представляетъ великолѣпнѣйшее зрѣлище. Мы насладились имъ вполне. Воздухъ былъ чистъ, море тихо-волновалось около восходящаго солнца, которое однакоже все выше и выше поднималось.

Наконецъ полезли мы на крутизну послѣдняго конуса и дошли до Vista del Pilon, круглой площадки, составляющей его основаніе. Здѣсь каждый шагъ былъ труденъ и изнурителенъ. Нога уже не имѣла твердой опоры, а тонула въ золь и мелкихъ камняхъ, извергаемыхъ вулканомъ. Жуанита велѣла намъ идти всемъ рядомъ, а не одному за однимъ, потому что камни, осыпающіеся подъ ноги передняго, могли сбить съ ногъ задняго, и въ этомъ боевомъ порядкѣ мы подвигались впередъ къ вершинѣ конуса.

У меня и у Жана пошла кровь изъ носу. Жуанита сказала, что это случается со всеми путешественниками. Но мы употребили послѣднія усилія и наконецъ добрались до самой вершины.

Съ чувствомъ гордости вступили мы на нее. Видъ былъ вохитителенъ. Еще наканунѣ видѣли мы облака подъ нашими ногами. Теперь только вѣчный снѣгъ и неугасаемый огонь вулкана боролись здѣсь на уединенной высотѣ.

Кромъ жерла главнаго Пика, есть съ восточной стороны нѣсколько другихъ. Одинъ изъ нихъ, называемый Тайола, можетъ быть, со временемъ поглотить пынѣшній конусъ. Около главнаго жерла устроилось много уступовъ, по которымъ любопытные спускаются внутрь кратера. Я тоже полезъ; меня обхватило жаромъ, какъ въ ископленной печи; дыханіе мое стѣснилось и я спѣшилъ выйти на свѣжій воздухъ. Мы усѣлись на самой возвышенной точкѣ остывшей по краямъ лавы. Подъ ногами было жарко отъ пещла. Разшевели его палкою, выходилъ оттуда дымъ. Вулканъ отдыхаетъ теперь, но подземные удары случаются почти ежедневно и никто этимъ не занимается. Сидя въ этомъ положеніи, мы принялись завтракать, и весело зашивали свои впечатлѣнія...

Вдругъ Жуанита рѣзкимъ голосомъ закричала:

— Скорѣе, господа! Ради Бога, скорѣе! Внизъ, въ пещеру, иначе мы погибли.

— Что это значить, Жуанита? вскричалъ я: гдѣ опасность?

— Вездѣ, подѣ ногами, надѣ головами! одинъ Богъ можетъ насъ спасти! бѣгите!

— Но кратеръ молчить....

— Не онъ намъ грозитъ... а вотъ, смотрите, внизу бѣлая точка, незаметно поднимающаяся кверху. Изъ нея вскорѣ сдѣлается огромная туча, которая опрокидываетъ самыя твердыя скалы. Скорѣе, скорѣе бѣгите, иначе вы уже никому не расскажете, что были на вершинѣ Пика.

Мы повиновались, и черезъ нѣсколько минутъ были на той площадкѣ, гдѣ ночевали— до того быстро мы спустились. Воздухъ былъ тихъ и здѣсь. Солице еще было ясно, но я съ ужасомъ замѣтилъ, что оно подергивается какимъ-то кровавымъ покрываломъ; я замѣтилъ это Жуанитѣ.

— Это значить, сеньоръ, сказала она, что ураганъ быстро летитъ. Остановимся за этою базальтовою стѣною; здѣсь могли бы укрыться и двѣнадцать человекъ. До пещеры намъ не добѣжать. Но схватитесь всѣ трое подѣ руки и прижмитесь къ самой стѣнѣ, а иначе всякаго унесетъ, какъ соломенку.

Слова Жуаниты вскорѣ подтвердились. Сперва пробѣжалъ по воздуху какой-то гулъ, или глухой ревъ, безъ всякаго вихря. Воздухъ наполнился электричествомъ до пресыщенія. Видны были широкіе токи, свободно извивающіеся въ воздухѣ.

Прежде всего ураганъ проникъ въ кратеръ, потому что оттуда вдругъ съ громомъ полилась рѣка лавы. Она неслась прямо на насъ. Разразился и ураганъ. Снѣгъ съ дождемъ осыпалъ всю вершину горы. Огонь, вода, вѣтеръ вступили въ ужаснѣйшую борьбу. Къ довершенію всего, поднялся съ моря огромный смерчъ, подхваченный ураганомъ и понесся тоже на гору.

Кто могъ устоять противъ всѣхъ этихъ силъ? Конечно, не слабый, ничтожный человекъ. Жуанита сказала уже, что одинъ Богъ могъ насъ спасти, — и мы покорились ожидающей насъ участи. Бѣжать было нельзя и некуда. Рѣка кипящей лавы все ближе и ближе подходила къ намъ... Жанъ закрылъ глаза, Жуанита набожно молилась, я безотчетно смотрѣлъ на эти гибельныя красоты природы— и не думалъ ни о смерти, ни о спасеніи...

Вдругъ ужаснѣйшій трескъ и громъ, заглушившій даже на мгновеніе ревъ урагана, раздался около насъ. Огромная глыба скаль, оторванная вихремъ и смерчемъ, скатилась съ вершины

и обрушилась близъ той базальтовой стѣны, за которою мы скрывались.

Это было наше спасеніе! Потокъ лавы, встрѣтивъ эту массу на пути, поворотилъ и продолжалъ теченіе внизъ, только по другому направленію.

— Богъ милосердъ! сказала Жуанита: я еще увижу могилу моихъ родителей.

Три часа простояли мы за своею стѣною. Волканъ былъ въ полномъ изверженіи передъ нашими глазами; ураганъ ревѣлъ и опрокидывалъ все... Но, мало-по-малу, оба стали успокоиваться, и наконецъ затихли.

Наука еще не объяснила намъ, какая связь существуетъ между ураганомъ и изверженіемъ горы, а связь эта очевидна.

— Какъ все это было великолѣпно, сказалъ я Жану.

— Да! Когда завѣсу опустили, такъ пріятно хвалить пьесу; но, во время дѣйствія... благодарю покорно... Да и вы, г. Араго, порядочно поблѣднѣли. Одна Жуанита была спокойна и тверда.

— Потому, синьоръ, что я молилась, а вы нѣтъ, отвѣчала она.

Спустясь на нижнюю площадку, мы нашли тамъ все въ прежнемъ, цвѣтущемъ положеніи. Ураганъ свирѣпствовалъ только отъ вершины до половины горы. Что за своеправіе!

Мы простились съ Жуанитою. Когда я ей далъ деньги, она заплакала отъ радости и побѣжала на могилу отца и матери.

IX.

ВОЙНА СЪ ОБЕЗЬЯНАМИ.

Нѣтъ ничего скучнѣе—знать напередъ, куда идешь и что увидишь. Однообразіе убиваетъ занимательность, а потому я перебросу моихъ читателей вдругъ въ другую часть свѣта, и не буду покуда говорить ни о себѣ, ни о Жанѣ, ни о всѣхъ лицахъ, съ которыми я васъ уже познакомилъ.

Мы въ Остъ-Индіи и займемся обезьянами.

Любопытно вникнуть въ нравы обезьянъ. Ихъ экспедиціи для опустошенія какой-нибудь плантаціи превосходно исполняются въ тактическомъ и стратегическомъ отношеніи. Вотъ, взгляните на толпы ихъ, собирающіяся на опушкѣ лѣса. Сперва онѣ прыгаютъ, бѣгаютъ, высматриваютъ, потомъ все собираются въ ближайшей просѣкѣ и остаются неподвижными на нѣкоторое время.

Что дѣлается въ эти минуты глубокаго молчанія, когда никто изъ толпы не смѣетъ ни заворчать, ни прыгнуть?—неизвѣстно: только послѣ нѣсколькихъ часовъ этого непонятнаго для насъ совѣщанія, пять или шесть обезьянъ отдѣляются отъ главнаго отряда и прячутся въ засаду; семь или восемь идутъ назадъ и составляютъ аррьергардъ, а третій отрядъ производитъ фланговый маршъ, какъ бы для наблюденія за экспедиціею.

Наконецъ, начальникъ всей толпы пронзительнымъ визгомъ подаетъ сигналъ къ атакѣ, — и все съ быстротою вихря устремляются на плантацію, предназначенную къ опустошенію. Черезъ часъ нѣтъ уже ни одного дерева, ни одного плода, ни листа: все истреблено, сорвано, разрушено, какъ-будто опустошительный ураганъ пролетѣлъ по этимъ мѣстамъ, и все это дѣлается на разсвѣтъ, когда на плантанціяхъ все спитъ.

Говорятъ, что обезьяны лукавы и хитры; нѣтъ, онѣ злы. Предательство и малодушіе составляютъ главные черты ихъ характера. Онѣ дѣлаютъ вредъ не для пользы своей, а для удовольствія. Онѣ не воспользуются ничѣмъ сломаннымъ и истребленнымъ, а видимо только радуются и восхищаются своимъ дѣломъ.

Какъ скоро экспедиція кончилась, раздается новый сигналъ, и все предаются бѣгству. Ни какое преслѣдованіе не догонитъ ихъ.

Много хитростей употребляютъ противъ нихъ плантаторы — и, болѣею частію, удачно.

Жители Малайскихъ острововъ, Суматры и Явы приучаютъ даже ручныхъ обезьянъ заманивать и ловить своихъ дикихъ товарищей. Эти ученныя обезьяны отправляются въ лѣсъ, и тамъ собираютъ вокругъ себя толпы дикихъ, съ которыми вскорѣ и нападаютъ на плантацію, но именно на такое мѣсто, гдѣ заранѣе растянуты огромныя сѣти. Всѣхъ покрываютъ сѣтями и убиваютъ, кромѣ своихъ ручныхъ, отличающихся ошейникомъ изъ краснаго сукна.

Въ Борнео и на нѣкоторыхъ Малайскихъ островахъ водится орангутангъ, который ходитъ на двухъ ногахъ съ дубиною и строитъ себѣ отличныя хижины. Борьба человека съ нимъ очень опасна: онъ силенъ, ловокъ, быстръ и дерется съ отчаяніемъ. Часто видѣли толпы орангутанговъ, обращающихъ въ бѣгство слона и буйволовъ.

Въ Бразиліи самыя быстрыя и сильныя обезьяны — жоко, нападающія обыкновенно по ночамъ на плантаціи.

Въ Новой-Голландіи есть порода летучихъ обезьянъ, похожихъ на летучую мышь.

Для науки весьма любопытный фактъ состоитъ въ непостижимомъ ужасѣ обезьянъ при видѣ змѣй. Присутствіе змѣи лишаетъ обезьянъ всякой мысли о бѣгствѣ и спасеніи. Съ трепещущимъ покорствомъ спускается она съ дерева и отдается на жертву сама. Если путешественникъ видитъ, что обезьяна дрожитъ на деревѣ и мало-по-малу спускается внизъ, это значитъ, что вблизи есть змѣя.

X.

ОХОТА ЗА ТИГРОМЪ И ПАНТЕРОЮ.

Тигръ, левъ, пантера—настоящіе хозяева въ Индостанѣ. Если они голодны, то спокойно идутъ въ селенія, врываются въ любой домъ и пожираютъ, что имъ попадется. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть Калькутту. У меня были рекомендательныя письма, и одинъ плантаторъ принялъ меня самымъ дружескимъ образомъ. Г. Петерсъ прежде всѣхъ удовольствій повезъ меня на охоту.

Насъ было шесть европейцевъ (я, Жанъ, три англичанина и одинъ ирландецъ), четыре малайца, два синая и восемь собакъ. Жаръ былъ ужасный; даже всѣ птицы спрятались въ тѣни и молчали. Мы проходили мимо ихъ и онѣ не трогались. Эта доверчивость происходитъ оттого, что здѣсь не стрѣляютъ птицъ, а развѣ ловятъ съѣмн. Здѣсь выстрѣлъ нуженъ для льва, тигра, пантеры.

Въ полдень остановились мы на дачѣ одного доктора. Онъ былъ погруженъ въ глубокую печаль. Наканунъ еще одна пантера перескочила черезъ заборъ и растерзала его сына и одного служителя. А заборъ былъ въ тринадцать футовъ вышины. Докторъ присоветовалъ намъ остаться у него ночевать, указывая вдали на поднимающуюся тучу, обхватывавшую уже полгоризонта.

— Сейчасъ разразится сильная гроза. Барометръ упалъ, собаки воютъ. Посмотрите лучше подъ крышею на это грозное зрѣлище.

Сперва мы было пошли въ садъ и по банановой аллеѣ пришли къ ручью, котораго вода какъ бы кипѣла.

— Вотъ вѣрный признакъ наступающей грозы, сказалъ хо-

зьяннѣ. Пойдемте же поскорѣе домой. Ураганъ часто вырываетъ и деревья.

Дѣйствительно, вскорѣ разразилась буря. Полился дождь, какъ будто цѣлая рѣка спустилась съ облаковъ. Ураганъ заставлялъ трещать весь домъ, и мы видели, какъ онъ вырывалъ деревья и разносилъ ихъ по окрестностямъ.

Черезъ часъ все было опять тихо и светло. Ни одинъ листокъ не шевелился. Странно было видѣть это безмолвіе природы послѣ такой бури.

На другое утро мы отправились въ путь. Къ намъ еще присоединились братъ и сестра съѣденнаго малайца. Они непременно хотѣли отметить за него. Собаки бѣжали впереди. Мы густою толпою слѣдили за ними. Въ лѣсу, на лужку, остановились мы, чтобъ позавтракать... Но не успѣли расположиться, какъ глухой ревъ тигра заставилъ насъ всѣхъ вскочить на ноги. Собаки тотчасъ же спрятались за нами. Вторичный ревъ послышался уже вблизи. Мы осмотрѣли ружья и готовы были встрѣтить гостя. Малаецъ съ сестрою выступили впередъ. У обоихъ былъ одинъ пистолетъ и желѣзная рогатина.

Но вотъ выступилъ и тигръ. Онъ былъ великолѣпенъ. Взглянувъ на насъ, онъ какъ будто испугался, остановился и оглядывался, но потомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Теперь собаки сами выступили впередъ и стѣснились одна къ другой, выжидая нападенія.

Увидѣвъ собакъ, тигръ забилъ хвостомъ, заревѣлъ, запрыгалъ. Очевидно, что ярость его должна была прежде всего обратиться на нихъ. Но тѣ вдругъ разсыпались и бросились къ нему въ тылъ и съ боковъ. Выбравши себѣ взглядомъ самую дерзкую собаку, тигръ однимъ прыжкомъ схватилъ ее и раздавилъ. Мы двинулись впередъ, но малаецъ остановилъ насъ и просилъ позволить сразиться съ кровожаднымъ животнымъ. Сестра его пошла съ нимъ, вооруженная рогатиною, и я замѣтилъ, что желтый цвѣтъ лица ея покраснѣлъ въ эту минуту.

Все поле сраженія занимало не болѣе пятидесяти шаговъ. По крику малайца всѣ собаки вдругъ бросились на тигра, но каждый поворотъ его, каждый ударъ лапы раздиралъ несчастныхъ. Только три остались еще, и тѣ жалобно глядѣли на насъ, какъ бы умоляя, чтобъ мы ихъ отозвали. Въ это мгновеніе раздался выстрѣлъ малайца. Тигръ вздрогнулъ и скакнулъ, онъ былъ раненъ, но не смертельно. Отступя шага два

назадъ; онъ вдругъ бросился на сестру малайца. Та приняла его на рогатину, которая и осталась въ груди звѣря. Сама же она отъ силы удара отброшена была далеко въ сторону. Тигръ съ яростию забросался во все стороны, но чѣмъ больше онъ прыгаль, тѣмъ глубже входила рогатина въ его тѣло. Пора было кончить борьбу, потому-что въ одинъ изъ прыжковъ оцарапалъ онъ малайца своими когтями. Мы все прицѣлились, дали залпъ и тигръ палъ мертвъ.

Обратный путь нашъ былъ безъ приключеній; но когда мы дошли до одного ручья, вдругъ малаецъ и сестра его испустили ужасный крикъ. Мы поспѣшили къ нимъ и увидѣли, что они въ ужасномъ отчаяннн разсматриваютъ чью-то голову, изуродованную звѣрями. Это былъ меньшей изъ братьевъ, котораго за день передъ тѣмъ пантера, перескоча черезъ заборъ, растерзала. Насытая тѣломъ несчастнаго, пантера, вѣроятно, несла голову къ своимъ дѣтямъ и по дорогѣ бросила ее, занявшись какою-нибудь другою выгоднѣйшею добычею.

Напрасно утѣшали мы малайцевъ и звали домой; они объявили, что останутся тутъ и отмстятъ за своего брата.

— Пантера воротится за головою, сказалъ онъ: она здѣсь гдѣ-нибудь близко. Она придетъ, и сама оставитъ здѣсь свою голову.

Къ нимъ присоединился еще одинъ малаецъ и, переговора съ ними, началъ дѣлать очень странныя приготовленія, которыхъ цѣли я долго не понималъ. Чтобъ видѣть, чѣмъ это все кончится, я упросилъ всѣхъ остаться тутъ на ночь.

Изъ бамбуковыхъ вѣтвей устроилъ малаецъ обручъ, посреди котораго помѣстилъ широкую живую петлю, а въ самой петлѣ повѣсилъ голову съѣденнаго брата. После этого взяли они веревку и привязали концы ея къ двумъ толстымъ деревьямъ, такъ что петля и голова были по серединѣ, на свободномъ мѣстѣ, между двумя деревьями.

— Теперь удалимся все, сказалъ малаецъ. Тамъ на холмѣ мы можемъ все видѣть, не мѣшая пантерѣ.

Ожиданіе наше продолжалось недолго. Ревъ пантеры слышался издали.

— Вотъ она идетъ за головою! сказалъ малаецъ.

Дѣйствительно, въ нѣсколько скачковъ звѣрь былъ у деревьевъ. Съ изумленіемъ остановился онъ и разсматривалъ голову, висѣвшую на веревкѣ. Потомъ легъ и какъ-будто размышлялъ.

Недолго продолжались эти размышленія. Пантера сдѣлала вдругъ сильный скачекъ вверхъ, чтобъ схватить голову, но промахнулась и стала на-ноги. Съ злостію началъ звѣрь рыть когтями землю, а потомъ грызть дерево, у котораго былъ привязанъ одинъ конецъ веревки. Утомясь отъ бесполезной злости, онъ отошелъ медленно и опять легъ, внимательно посматривая на голову.

Мы начинали терять терпѣніе.

— Не безпокойтесь, сказалъ малаецъ: пантера не отстанеть, и вы увидите, какъ она за все поплатится.

Дѣйствительно, собравшись съ силами и размѣривъ напередъ глазами высоту и разстояніе, пантера прыгнула и прямо въ средину обруча, схвативъ зубами голову; но, собственная голова звѣря, разумеется, очутилась въ петлю, которая въ то же мгновеніе и затянута, и пантера повисла на воздухъ.

— Теперь не бойтесь, закричалъ малаецъ, подходите все смѣло. Она уже не вырвется.

Онъ первый былъ съ сестрою у повисшаго звѣря, который нѣсколько минутъ еще барахтался на воздухъ, не выпуская головы изъ пасти. Сестра малайца, мстя за брата, нанесла звѣрю еще нѣсколько ударовъ кинжаломъ. Это была бесполезная злость. Пантера уже задохлась. Веревку перерезали и трупъ съ петлею потащили домой.

XI.

ОГОНЬ И ВОДА.

Я отправился на англійскомъ бригѣ въ Мадагаскаръ. Во весь переездъ Жанъ былъ не въ духѣ и все ворчалъ. Онъ вѣхалъ съ англичанами!

— Да за что ты ихъ такъ ненавидишь? спросилъ я.

— Хорошъ вопросъ? За то, что они... англичане.

— Когда мы были въ войнѣ съ ними, пожалуй, злость твоя на нихъ была основательна; но теперь мы въ мирѣ...

— Въ мирѣ съ англичанами? полноте! Да развѣ это возможно? Вода съ огнемъ никогда не сдружится. Императоръ воевалъ съ ними, и онъ былъ правъ. Король подружился, и это его дѣло, но сами націи никогда не сойдутся; покуда будутъ на свѣтѣ англичане, французы будутъ ненавидѣть ихъ и презирать.

— Однакоже, Жанъ, покуда мы съ ними ѣдемъ, благоразу-

міе и французская учтивость требуютъ обходиться съ ними хорошо.

— Пожалуй, я буду молчать. Дальше моя учтивость не можетъ простираться. И то, если который-нибудь *вареный ракъ* косо на меня посмотритъ, то я его хвачу въ рыло по-французски.

— Вотъ этого-то и не надо. Ну, если онъ отъ природы кося, за чтожь ты его будешь бить?

— За то, что онъ англичанинъ.

Разговоръ нашъ прервался при видѣ необыкновенной суетливости и бѣготни экипажа.

— Что случилось? спросилъ я капитана.

Онъ молча указалъ мнѣ на маленькое бѣлое облако, медленно поднимающееся по горизонту. Все было тихо, ясно, спокойно, но барометръ быстро падалъ и въ воздухъ что-то шумѣло и трещало, хотя вѣтру и не было.

Вся паруса были зарифлены, экипажъ на мѣстахъ и готовъ. Какъ благоразумны такія приготовления! Они одни спасаютъ корабли. Бѣлое облако быстро расходилось и стучалось. Вѣтеръ сильно задулъ порывами, волны заиграли вокругъ судна, наконецъ ураганъ разразился.

Невозможно описать этого дѣйствія. Только чудо могло спасти насъ. Мачты все были изломаны, нѣсколько матросовъ унесены въ море вѣтромъ, весь остовъ судна разшатался и далъ сильную течь. Но ураганъ скоро улегся и мы уже отказались отъ Мадагаскара, гдѣ бы не нашли никакой помощи, а пошли къ Батавіи.

Мой Жанъ удивительно дѣйствовалъ во-время бури, а какъ онъ былъ пассажиръ, то капитанъ и хотѣлъ наградить его. Но вѣрный своей ненависти, Жанъ никакъ не хотѣлъ принять награды отъ *англичанина*.

— Я старался для спасенія г. Араго, а не васъ, отвѣчалъ онъ.

Я не старался убѣждать его, а занялся внесеніемъ въ свой дневникъ этой бури.

Жанъ смотрѣлъ на меня улыбаясь.

— Что вы это пишете, г. Араго? спросилъ онъ.

— Записываю сегодняшнюю бурю.

— Да развѣ это можно описать на словахъ?

— Конечно нельзя, но все-таки надобно рассказать...

Часовой на носу закричалъ въ эту минуту, что передъ нами огненный шаръ на моръ.

Всѣ бросились разсматривать этотъ предметъ, и высказывали свои предположенія. Это метеоръ, это скопленіе свѣтящихся молосковъ, говорили иные.

— Нѣтъ, господа, сказалъ Жанъ:—это корабль, который горитъ.

Онъ былъ правъ; мы скоро поровнялись съ кораблемъ. Зрѣлище было ужасное, толпы негровъ издавали какой-то вой отчаянія. Увидя насъ, одинъ бѣлый бросился черезъ бортъ въ море. Мы тотчасъ спустили лодку, подхватили его, подняли на свой бригъ. Онъ сказалъ нѣсколько словъ и умеръ.

Онъ объявилъ, что корабль былъ наполненъ неграми, которыхъ везли на продажу. Небесная кара постигла преступныхъ торговцевъ. Мы подплыли на лодкѣ, чтобъ спасти кого-нибудь; шкиперъ и три негра одни спаслись изъ этого пожараща, а корабль при насъ потонулъ со всеми остальными.

Кто вообразить себѣ удивленіе мое и Жана! Спасенный шкиперъ былъ Бавастро. Когда война кончилась, онъ не могъ уже оставаться корсаромъ, и рѣшился на другое ремесло—торговца неграми. Но небо наказало его. Корабль и грузъ его сгорѣли, а онъ самъ, поднятый на нашъ бригъ, скончался черезъ нѣсколько часовъ.

Три спасшіеся негра сознались потомъ, что сами подожгли корабль. Бавастро такъ жестоко съ ними обходился, что всѣ единогласно рѣшились умереть, лишь бы съ ними погибли и бѣлые.

Нашъ бригъ былъ однако то же въ самомъ жалкомъ положеніи. Мы убедились, что до Батавіи намъ не дойти, и потому рѣшились пристать къ одному изъ Малайскихъ острововъ, гдѣ бы можно было починить судно.

— Берегъ! закричалъ вахтенный.

Передъ нами былъ одинъ изъ Зондскихъ острововъ, которыхъ жители известны своимъ негостепримствомъ и людоедствомъ. Но, какъ на многихъ изъ этихъ острововъ есть конторы голландцевъ, англичанъ, португальцевъ, то мы надѣялись на защиту ихъ въ случаѣ опасности.

Въ двухъ кабельтовыхъ отъ берега бросили мы якорь.

— А! вскричалъ Жанъ: къ намъ ѣдутъ людоеды.

— Смотри же Жанъ, будь съ ними остороженъ.

— Да, ужъ про кого знаешь, что онъ золь, съ тѣмъ и обходишься учтиво.

Два туземца взошли на корабль. Они предложили намъ взять за починку корабля два боченка водки и пороху.

Дѣлать было нечего; намъ нельзя было колебаться. Корабль требовалъ немедленныхъ починковъ. Мы принуждены были соглашаться на всѣ условія, хотя и видѣли, что во всемъ скрывается измѣна и убійство.

Туземцевъ мы угостили водкою и они остались почевать на корабль. Разумѣется, мы всю ночь караулили ихъ самымъ бдительнымъ образомъ, потому что около насъ все разъезжали лодки туземцевъ, вѣроятно выжидавшія какого-нибудь сигнала отъ тѣхъ людей, которые остались на корабль. Но тѣ были подъ строгимъ надзоромъ, и видѣли нашу готовность къ бою.

Путру отправилъ капитанъ двадцать человекъ въ лодкѣ на берегъ и объявилъ туземцамъ, что посылаетъ ихъ за лѣсомъ, за который заплатитъ, если они не будутъ препятствовать въ рубкѣ, и въ задатокъ далъ имъ нѣсколько золота.

Отправившіеся люди были всѣ хорошо вооружены, и имъ предписано было соблюдать величайшую осторожность.

Съ ужасомъ заметили мы однакоже, что черезъ часъ по отъѣздѣ ихъ всѣ лодки туземцевъ исчезли и на берегу не видно было ни одного человека.

Вдругъ въ лѣсу раздался выстрѣлъ и мы тотчасъ же направили наши четыре каронады съ штирборда на Бони-Бану. Но, какъ одинъ отдѣльный выстрѣлъ не значилъ ничего, то мы еще и выжидали..

Вдругъ изъ одной бухты выѣхала лодка европейской постройки и стала подъѣзжать къ намъ. О, радость! девятнадцать бѣлыхъ, хорошо вооруженныхъ людей, сидѣли въ ней и махали намъ шляпами и платками.

Увы! это были не наши люди. Это былъ печальный остатокъ экипажа, разбившагося у этого берега мѣсяць тому назадъ. Сойдя на берегъ, успѣли они наскоро построить себѣ полевое укрыленіе и держались въ немъ.

Дикари захватили одного ихъ товарища, и тутъ же при всѣхъ съѣли его.

— Я сейчасъ послалъ на берегъ лодку съ людьми, сказалъ нашъ капитанъ:— Неужели они подвергнутся опасности?

— Ни одинъ не воротится, отвѣчали вновь прибывшіе.

— Въ такомъ случаѣ, весь экипажъ въ лодки и на берегъ, вскричалъ капитанъ:—лучше раздѣлить ихъ участь, нежели допустить, чтобъ ихъ растерзали.

Только четыре челоѵка оставлены были на суднѣ, чтобъ взорвать его въ случаѣ нападенія. Насъ было тридцать-семь челоѵкъ сошедшихъ на берегъ, шестерыхъ оставили мы караулить лодки. Съ остальными двинулись къ селенію Кармазакъ, надѣясь застать жителей въ расплохъ и захватить заложниковъ. Капитанъ что-то приказывалъ... но вдругъ упалъ, пораженный стрѣлою въ горло.

Въ ту же минуту раздалась позади насъ ужасные крики, и туча стрѣлъ осыпала насъ. Тринадцать челоѵкъ пало; ужасъ объялъ остальныхъ. Всѣ дрогнули и побѣжали къ берегу. Я, Жанъ и одинъ англичанинъ сбиты были съ ногъ нашими же бѣгущими. Черезъ насъ перебѣжала толпа дикарей, преслѣдующая бѣгущихъ, и мы на минуту остались въ числѣ умершихъ. Вскорѣ услышали мы, что все замолкло. Это значило, что наши всѣ разбиты и истреблены.

Что было дѣлать намъ троицѣ? Возвратиться на корабль невозможно, насъ увидятъ и захватятъ. Мы углубились въ лѣсъ, чтобъ скрыться отъ поисковъ. Тамъ, влѣзши на деревья, видѣли мы, какъ туземцы приготавливали себѣ ужасное пиръшество изъ нашихъ пльнныхъ и раненыхъ.

Перо отказывается описывать эти сцены ужаса! Вотъ гдѣ христіанство и цивилизація должны были употребить свои силы, чтобъ искоренить племена людоѵдовъ!

Каждый изъ насъ троицъ неразъ лишился чувствъ при видѣ этихъ злодѣйствъ, но взоры наши были прикованы къ этому зрѣлищу — и мы все должны были видѣть.

Вдругъ представилась новая сцена. Не знаю, изъ-за чего нѣкоторые дикіе поссорились между собою. Всѣ стали вступаться другъ за друга, и началась междоусобная битва между злодѣями. Этою минутою воспользовались мы, чтобъ бѣжать.

Мы углубились въ самую непроходимую чащу лѣса. Около насъ часто поднимали головы огромные удавы, но всѣ они бѣжали отъ насъ, и только одни обезьяны тревожили наше путешествіе.

Мы питались кореньями, плодами, и девять сутокъ провели въ этихъ лѣсахъ. Наконецъ дошли мы до широкой рѣки. Жанъ хотѣлъ переправиться черезъ нее вплавъ, но я не умѣлъ плавать.

— Такъ! сказалъ Жанъ съ досадою: вотъ чему васъ учать въ молодости. Книги писать! Большая польза, когда надобно спастись черезъ рѣку.

Дѣлать было нечего. Мы пошли вдоль этой рѣчки, надѣясь, что она вливается въ море и, можетъ быть, приведетъ насъ къ какому-нибудь спасительному убежищу. Впрочемъ, здѣсь видели мы часто крокодиловъ и должны были держаться дальше отъ берега.

Наконецъ, достигли мы и до устья рѣки. Увы! Оно столь же было пустынно, какъ и лѣсъ. Вероятно, мы были первые люди, пришедшіе сюда: что жъ было дѣлать намъ однакоже? Назадъ идти въ лѣсъ? Съ какою цѣлью? Здѣсь на берегу моря могли мы надѣяться, что какой-нибудь европейскій корабль увидитъ насъ и возьметъ къ себѣ. На мысу, выдавшемся въ море, поставили мы шесть и привязали къ нему красный фуляръ. Авось съ корабля увидятъ этотъ печальный знакъ погибающихъ.

Оставаясь тутъ, мы стали терпеть отъ голода. За плодами и корнями надобно было ходить далеко, и надежды наши на спасеніе, день-ото-дня, упали вмѣстѣ съ нашими силами. Губительное бездѣйствіе, равнодушіе объяли насъ. Мы даже не хотѣли больше заботиться о пищѣ, и самовольно умирали съ голоду. Еще одинъ день — и мы все бы погибли.

Но Провидѣніе сжаилось надъ нами. Корабль Кумберландъ случайно увидѣлъ нашъ флагъ, выслалъ лодку и принялъ насъ къ себѣ.

Я объявилъ капитану все, что съ нами случилось. Онъ тотчасъ направилъ путь къ Бани-Бану, и нѣсколькими выстрѣлами зажегъ это селеніе. Нашего брига не было уже въ бухтѣ. Это значило, что островитяне истребили его и съѣли послѣднихъ людей экипажа.

ХІІ.

БОРНЕО.

(По запискамъ Жоржа Беклера).

Предъ именемъ Жоржа Беклера склоняются все путешественники, называя его: *Геркулесомъ неизвѣстныхъ странъ*. Мы сошлись съ нимъ на Кумберландъ, и онъ сообщилъ мнѣ свои записки, дозволивъ выписать и напечатать все, что мнѣ заблагоразсудитъ.

ся. Его поездка по внутреннимъ областямъ Борнео показалась мнѣ всего занимательнѣе.

Жоржъ Беклеръ былъ швейцарскій уроженецъ. Онъ опредѣлился въ военную службу комендантомъ и отправленъ былъ въ Сомбасскій гарнизонъ. Тамъ онъ услышалъ о богатствѣ Монтрадокскихъ рудъ, разрабатываемыхъ компанією китайцевъ. Воображеніе его воспламенилось. Вспомнивъ, что онъ учился горному искусству, онъ рѣшился попытаться, нельзя ли умомъ и опытностію быть полезнымъ этой компаніи.

Онъ худо зналъ китайцевъ. Они сами успеваютъ приобретать богатства вездѣ, гдѣ не поселятся, но иностранецъ никогда не разбогатѣетъ у нихъ. Вотъ разсказъ Беклера:

«Когда я прибылъ въ Монтрадокъ, то китайцы меня приняли сперва очень хорошо, думая, что я пріѣхалъ къ нимъ для закупокъ. Они дали мнѣ осмотрѣть весь свои магазины, весь рудоконни. Но когда я имъ сказалъ, что намѣренъ поселиться у нихъ и заняться горнымъ промысломъ, то они мнѣ объявили, что законы ихъ воспрещаютъ постоянное жительство у нихъ иноземцевъ; что они допускаютъ къ себѣ только малайцевъ, занимающихся самыми грубыми работами, что никто кромѣ туземцевъ не можетъ разрабатывать рудниковъ, и наконецъ, со всевозможною китайскою учтивостію, объявили мнѣ, чтобъ я въ 24 часа выѣхалъ изъ города.

Я принужденъ былъ повиноваться, но въ самомъ дѣлѣ рѣшился совершить путешествіе во внутреннія страны. Борнео составляетъ почти цѣлую часть свѣта. Онъ величиною съ Европу, и внутреннія ея области вовсе неизвѣстны.

Я досталъ прочную, но легкую лодку, которую бы, въ случаѣ нужды, могъ перетащить черезъ пороги и водопады. На цѣлый мѣсяцъ запасся я съѣстными припасами, и ввечеру отправился вверхъ по рѣкѣ, на берегъ которой стоитъ Монтрадокъ.

Добравъ до густаго лѣса, я остановился до утра. Все вокругъ меня было тихо. Только крокодилы высовывали изъ воды свою зеленоватую голову. Въ лѣсу же не видать было никакихъ звѣрей. Казалось, что удавы всѣхъ истребили.

Поутру я продолжалъ путь, то на парусѣ, то на греблѣ. На пятый день услышалъ я по берегу тонотъ лошадиній. Я остановился, вышелъ на берегъ. Едва я вышелъ, какъ четыре челоуька окружили меня. Они были вооружены копьями, а на рукахъ было по нѣскольку золотыхъ колецъ. Съ любопытствомъ

осмотрѣли они меня и захохотали, а одинъ изъ нихъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я послѣдовалъ за ними. А какъ я колебался, то они подхватили меня подъ руки и почти бѣгомъ повели съ собою, не обращая вниманія на пистолеть, который я держалъ въ рукахъ. По всему видно было, что они вовсе не понимали дѣйствія этого орудія.

Черезъ полчаса прибыли мы въ большое селеніе. Всѣ дома построены были на сваяхъ, въ десяти метрахъ отъ земли. Проводники мои испустили рѣзкій крикъ, и все народонаселеніе высыпало изъ домовъ.

Всѣ окружили меня, поворачивали, отрывали куски платья и осматривали, точно ли я также созданъ, какъ они.

Удовлетворивъ ихъ любопытству, я показавъ имъ знаками, что хочу вѣсть. Одинъ мужчина тотчасъ же бросился на кокосовое дерево и принесъ мнѣ орѣхъ, а молодая дѣвушка подала мнѣ кусокъ жаренаго удава: я вскрылъ орѣхъ и съѣлъ кусокъ. Всѣ были въ восторгъ, что я точно также емъ, какъ и они.

Вскорѣ я увидѣлъ, что нѣсколько жителей принесли на плечахъ и лодку мою. Очевидно было, что мнѣ надобно было остаться съ ними. На ночь помѣстили меня въ одинъ домъ, котораго жители спали всѣ на полу. Меня положили между дѣтьми.

Каковъ же былъ мой ужасъ поутру, когда я увидѣлъ, что съ нами лежитъ большой удавъ. Когда всѣ встали, хозяинъ толкнулъ удава, и тотъ поползъ изъ хижины въ лѣсъ.

Я тогда вспомнилъ рассказы, которымъ прежде не вѣрилъ, а именно, что туземцы дѣлаютъ удавовъ ручными и заставляютъ ихъ караулить свой домъ.

Послѣ семидневнаго пребыванія, жители Нокогога позволили мнѣ продолжать путь, возвратили мнѣ все, что было въ лодкѣ и наградили золотымъ ожерельемъ.

Оттуда рѣка разделялась на два рукава. Я поѣхалъ по широкому рукаву, и подвергся въ первый день сильной грозѣ и бурѣ. Градины были очень крупныя и я принужденъ былъ сдѣлать себѣ отъ нихъ родъ палатки.

Два дни спустя, опять я увидѣлъ людей, которые пустили въ меня стрѣлу. Я вышелъ на берегъ и храбро поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Цѣлое селеніе опять высыпало ко мнѣ. Одна женщина подошла ко мнѣ, взяла меня за руку и потерла свой лобъ. Потомъ, въ сопровожденіи всей толпы, повела меня въ городъ, котораго зданія видѣлись сквозь деревья.

На площади было собраніе до 2,000 человекъ. Мужчины были по одну сторону, женщины по другую; на всѣхъ ихъ замѣтилъ я множество золотыхъ вещей на шеѣ, на головѣ, на рукахъ, на ногахъ: по всему было видно, что золото здѣсь самая обыкновенная вещь.

Старшій въ собраніи подошелъ ко мнѣ, посадилъ меня и обратился ко мнѣ съ длинною рѣчью, часто повторяя слово: *бабо! бабо!*

Я вспомнилъ, что оно на малайскомъ языкѣ значило *свинья!* Мнѣ показалось, что меня спрашиваютъ: емъ ли я это животное. Зная отвращеніе туземцевъ отъ свиней, я сдѣлалъ знакъ, что гнушаюсь этою пищею, и все собраніе одобрило мой отвѣтъ.

Послѣ потиранія нѣсколькихъ лбовъ объ меня, привели меня къ хижинѣ на сваяхъ и указали, чтобъ я туда лѣзъ. А какъ я не могъ, то одинъ туземецъ подхватилъ меня на плеча и снесъ туда.

Изъ этого дома продолжалъ я смотрѣть на собраніе народа, которое не расходилось, а вступило, кажется, въ жаркое преніе обо мнѣ. По ихъ тѣлодвиженіямъ судилъ я, что большинство осуждаетъ меня къ смерти.

Когда дѣло было рѣшено, меня опять вывели на площадь, и сдѣлали все приготовленія, чтобъ отрубить мнѣ голову. Явился и палачъ... Но вдругъ, та женщина, которая привела меня, бросилась между мною и палачемъ, сняла съ себя золотое ожерелье и надѣла на меня. Палачъ отступилъ, народъ выразилъ свое удовольствіе и разошелся по домамъ, а я съ этой минуты долженъ былъ почитать себя гражданиномъ Буробюзона (имя города, куда меня привело мое любопытство).

Мнѣ и подругъ моей отвели домъ, и все наперерывъ снабжали насъ съѣстными припасами. Но черезъ нѣсколько времени, когда мы нѣсколько могли понимать другъ друга, спасительница моя выразила желаніе удалиться изъ этого города, гдѣ моя жизнь все еще была подвержена опасности. Я съ радостію согласился, и мы рѣшились увхаться тихонько. Подруга моя собрала все драгоценности. Мы спрятали ихъ подъ скамьи моей лодки, и въ слѣдующую ночь, набравши сколько можно было съѣстныхъ припасовъ, отправились опять по рѣкѣ.

Не могу довольно нахвалиться преданностію и усердіемъ моей подруги *Тамы*. Ея мужество, сила, бдительность превосходили всякое описаніе.

Здѣсь, во сто-пятидесяти льѣ отъ устья, рѣка, по которой мы плыли, имѣла еще съ полмили ширины. Вездѣ мы видѣли берегъ воздымавшимся. Нѣсколько разъ хотѣлъ я пристать и осмотрѣть его, но Тама не допускала, говоря, что жители тутъ злы и свирѣпы.

Наконецъ доѣхали мы до огромнаго озера, на берегу котораго стоитъ большой городъ. Дома все тоже были построены на сваяхъ. Безъ сомнѣннй, это озеро служило истокомъ рѣки, по которой я прѣехалъ.

По совѣту подруги, скрылись мы до вечера въ бамбуковый тростникъ со своею лодкою. Ночью поѣхали мы по озеру, и на разсвѣтъ были уже въ виду городской пристани. Къ намъ выѣхало нѣсколько лодокъ, и, послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, въ которыхъ мы не понимали другъ друга, сдѣлали намъ знакъ, чтобъ мы слѣдовали за ними.

На берегу ожидала насъ толпа до шести тысячъ человекъ, и, судя по ихъ взглядамъ и тѣлодвиженіямъ, они не имѣли противъ меня никакихъ враждебныхъ намѣреній. Мнѣ дозволили осмотрѣть весь городъ, и когда я градоначальнику выразилъ желаніе объѣхать все озеро, онъ велѣлъ меня посадить въ свою джонку, предоставивъ ее въ мое распоряженіе.

Въ этой снисходительности туземцевъ было вѣроятно и чувство самолюбія, потому-что все окрестности озера были великолепно обработаны. Объездъ мой продолжался нѣсколько дней, потому-что мы на полдни останавливались по причинѣ ужасныхъ жаровъ.

По возвращеніи въ столицу, просилъ я позволенія осмотрѣть загородныя мѣста, гдѣ видѣлись высокія горы, но тутъ снисхожденіе прекратилось, и мнѣ дали понять, что если я шагъ ступлю за городъ, то жизнь моя подвергается опасности. Видя, что все просьбы мои были бесполезны, я рѣшился пуститься въ обратный путь, и объявилъ объ этомъ ласковому градоначальнику. Меня заставили поклясться, что я никому не открою о существованіи этихъ мѣстъ. Я исполнилъ все, чего отъ меня требовали, лишь бы уехать.

На другой день, двѣ городскія лодки проводили насъ до границъ, и мы съ подругою отравились обратно. Теперь плаваніе внизъ шло быстро. Мы не останавливаясь прошли мимо Бурююзака и достигнувъ у Никигого до раздвоенія рѣки, поплыли по другому рукаву вверхъ.

Здѣсь все было безлюдно и пустынно, только мириады птицъ заселяли эти лѣса, и странно, всѣ эти породы пернатыхъ, одаренныхъ самыми блестящими красками, не имѣли ни одного звука пѣвучаго, все какіе-то рѣзкіе, дикіе крики, свисты — и больше ничего.

На третій день нашего путешествія, вошли мы въ обширное озеро, и я хотѣлъ пристать къ берегу, чтобъ осмотрѣть окрестности, но подруга и тутъ не пустила меня. Надобно было повиноваться.

Чтобъ утѣшить меня, обратила она мое вниманіе на отдаленный шумъ по рѣкѣ, и я догадывался, что гдѣ-нибудь вблизи большой водопадъ. Мы пошли у самаго берега, потому-что посрединѣ рѣки теченіе было слишкомъ сильно. Я замѣтилъ, что съ этой минуты невидно стало уже ни одного крокодила, которые часто насъ безпокоили.

На другое утро добрались мы и до водопада. Вышина его была въ пятьдесятъ туазовъ. Оставивъ лодку въ одномъ заливѣ рѣки, мы пѣшкомъ старались взобраться на гору, но камень былъ отвѣсный и голый. Совершенная невозможность остановила насъ, и я съ досадою долженъ былъ воротиться.

Обратный путь и тутъ былъ очень легокъ... Вдругъ Тама сказала мнѣ: «люди! берегись!»

— Чего же опасаться?

— Они людоеды.

Это слово охладило мое любопытство, и я продолжалъ путь далѣе, однакоже наши припасы истощились, а свѣжихъ негдѣ было достать, не приставши къ берегу. Намъ угрожала голодная смерть, или опасность быть съеденными. Надобно было рѣшиться на что-нибудь.

Вдругъ разразилась буря и гроза, какія только бываютъ подъ экваторомъ. Мы спѣшили пристать къ берегу и скрылись подъ густыми деревьями. Сперва мы думали, что буря скоро пройдетъ, но вскорѣ увидѣли, что непогода долго продолжится. Тама съ самаго начала грозы выходила изъ нашего временнаго пріюта и осматривала окрестность. Сначала полагалъ я, что она боится приближенія людоедовъ, но потомъ она сдѣлала мнѣ знакъ, чтобъ я послѣдовалъ за нею, и я повиновался.

Мы вышли изъ лѣсу на обширную равнину, посреди которой находилось капище.

— Пойдемъ туда, сказала она. Тамъ есть припасы; а люди ушли отъ грозы.

Но, Боже мой! что это было за ужасное капище? Оно построено было изъ кокосовыхъ деревь, связанныхъ лианами, которые составляли и сводъ, прикрытый сверхъ того банановыми листьями; съ каждаго фасада были двери. Посреди капища стоялъ кумиръ, выкрашенный красною краскою; идолю изображенъ былъ съ разинутую пастью и высунутымъ языкомъ. Около него повышено было болѣе двухъ сотъ человѣческихъ головъ, изъ которыхъ видно было, что нѣкоторые еще недавно принесены на жертву.

У подножя идола лежали кокосовые орѣхи, бананы и разные съестные припасы. Мы поспѣшно забрали съ собою все, что могли и быстро бѣжали обратно. Буря еще продолжалась, слѣдственно мы никого не встрѣтили, и Тама привела меня на то мѣсто, гдѣ мы оставили лодку.

Не желая оставаться въ этомъ ужасномъ мѣстѣ, мы тотчасъ же побѣжали далѣе.

Увы! Слѣдующій день былъ для меня самый горестный. Тама внезапно скончалась на моихъ рукахъ. Она сидѣла въ лодкѣ и вдругъ опустилась:

- Что съ тобою? спросилъ я.
  - Больно. Страдаю.
  - Гдѣ?
  - Вездѣ.
  - Не устала ли ты? отдохни.
  - Нѣтъ! Больно... жаръ... смерть...
  - Я пристану къ берегу...
  - Нѣтъ, нѣтъ, ступай, я хочу умереть здѣсь. — Прости!
- Завтра ты будешь съ бѣлыми, — а я....

Быстрымъ движеніемъ прыгнула она въ воду, и всѣ мои поиски были напрасны. Съ глубокимъ отчаяніемъ продолжалъ я путь одинъ, и скоро прибылъ въ Монтрадокъ.

Я недолго тамъ пробылъ, и воротился къ своему гарнизону.»
Вотъ разсказъ Беклера о Борнео.

ХІІІ.

ДРАМА ВЪ ЮЖНОМЪ ЛЕДОВИТОМЪ ОКЕАНѢ.

Читатели помнятъ, что мы были спасены *Кулберландомъ*.

Однажды капитанъ этого корабля подошелъ ко мнѣ и спросилъ: куда бы я желалъ вѣхать и гдѣ бы хотѣлъ быть высаженнымъ?

— Наши желанія, отвѣчалъ я, должны подчиняться цѣли вашей экспедиціи. Вы насъ высадите, гдѣ вамъ будетъ по дороге.

— Но у моей экспедиціи нѣтъ цѣли.

— Какъ нѣтъ? Англійскій вооруженный корабль...

— Онъ мой. Я очень богатъ и люблю путешествія. Я построилъ себѣ этотъ корабль, нанялъ лучшихъ матросовъ, плачу имъ вдесятеро больше, нежели лорды адмиралтейства, и когда ворочусь домой, каждый членъ экипажа будетъ имѣть на всю жизнь обезпеченное состояніе.

— Прекрасная цѣль богатства! Познаніе и благотвореніе.

— Итакъ, говорите, куда же васъ вести?

— Меня, — куда угодно. Я тоже путешественникъ безъ цѣли и по страсти.

— И прекрасно! Прочихъ, кому угодно будетъ, я высажу на Сандвичевыхъ островахъ, гдѣ всегда есть корабли изъ Европы.

Не смотря на это обещаніе, мы, по причинѣ противныхъ вѣтровъ, попали на Каролинскіе острова.

Это была самая пріятная стоянка. Растолкуйте мнѣ, господа философы, отчего одни дикари Океанійскихъ архипелаговъ грубы, злы, питаются человѣческимъ мясомъ и преданы пьянству, а другіе, какъ напримѣръ Каролинскіе жители, кротки, ласковы, ѣдятъ одну растительную пищу и почитаютъ пьянство униженіемъ.

Каролинскій архипелагъ состоитъ изъ двѣнадцати плоскихъ, лѣсистыхъ острововъ. У жителей нѣтъ войны. Бываютъ ссоры, драки, но они вскорѣ же заключаютъ миръ и вмѣстѣ все пляшутъ.

Религія ихъ основана на деизмъ съ примѣсью фетишизма. Въ молитвахъ своихъ обращаются къ верхнему божеству, прогоняющему бури и тучи. Молитвы эти всегда поются на трехъ нотахъ съ тѣлодвиженіями.

— Что такое членъ? спросилъ я однажды Тамора (владѣтеля).

— Мысль верховнаго Бога.

— А что такое Богъ?

— Онъ Богъ, — и другаго опредѣленія нѣтъ и не нужно.

— А куда идетъ по вашей вѣрѣ умерщвъ членъ?

— На облака и выше, смотря по заслугамъ его. Онъ часто посѣщаетъ потомъ свою родину и семью, и даетъ имъ росу, дождь, или воздвигаетъ грозы и ураганы, смотря по тому: заслуживаютъ ли они его милость, или немилость своимъ поведениемъ.

Съ Каролинскихъ острововъ пошли мы къ югу. Капитанъ объявилъ мнѣ, что намъренье дойти до неподвижнаго льда этихъ странъ. Я охотно послѣдовалъ за нимъ вмѣстѣ съ моимъ вѣрнымъ Жаномъ.

Сорокъ-пять дней шли мы уже къ югу, — вдругъ вахтенный закричалъ: берегъ! Мы взглянули на карту: никакого острова не было; рассмотрѣли въ подзорныя трубы—это ясно была снѣжная скала.

Когда мы подъѣхали къ ней, то убѣдились, что это не земля, не островъ, а ледяная гора въ нѣсколько миль окружности, которая, оторвавшись отъ вѣчныхъ льдовъ южнаго полярнаго круга, носится по волнамъ океана.

Съ этой минуты мы начали безпрестанно встрѣчать эти ледяныя горы и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. И, однако же, мы были въ срединѣ льта южнаго полушарія. Видъ этихъ горъ былъ самый фантастическій и великолѣпный. Надобно было имѣть удивительное искусство капитана, чтобъ избѣгать столкновенія съ этими исполинами, которые малѣйшимъ своимъ прикосновеніемъ раздавили бы десять кораблей.

На сорокъ-шестой день подверглись мы сильной бурѣ, сопровождавшейся снѣжною вьюгою и выдерживали ее цѣлую ночь; я говорю *ночь*, по привычкѣ къ нашимъ часамъ. Мы уже привыкли въ *полночь* называть это время *ночью*; но тамъ, гдѣ мы были, пользовались почти пяти-мѣсячнымъ днемъ. Солнце закрывалось только тучами и туманами. И на этотъ разъ не видали мы его только на время бури. Когда она прошла и солнце опять засіяло, то послѣдовавшій вдругъ затѣмъ жестокой морозъ оковалъ все пространство моря вокругъ насъ и мы очутились въ совершенномъ плѣну.

Мы знали, что этотъ плѣнъ не можетъ долго продолжаться и при первомъ сѣверномъ вѣтрѣ ледъ взломастъ вокругъ насъ. Но какъ высокое стояніе барометра и холодный южный вѣтеръ обѣщали намъ сутокъ двое неподвижности, то мы и воспользовались этимъ, чтобъ совершить путешествіе пѣшкомъ по льду.

Поль-экипажа отправилось съ нами — и всѣ партіями разбре-

лись въ разныя стороны, съ тѣмъ, чтобъ по сигналу съ корабля тотчасъ же воротиться.

Я заранѣе устроилъ себѣ лыжи, и съ ружьемъ пустился охотиться за морскими коровами. Одну изъ нихъ преслѣдовалъ я почти миль двѣ... вдругъ со страхомъ и изумленіемъ остановился. Между двумя огромными ледяными горами стоялъ остовъ сломснутаго корабля, который былъ уже вполонину покрытъ льдомъ и снѣгомъ.

Я рѣшился осмотрѣть его и съ величайшимъ трудомъ пробилъ себѣ ружьемъ входъ въ каюту. Тамъ, за столомъ, сидѣли наклонясь два челоуѣка, давно уже замерзшіе и окостенѣвшіе.

Какой это былъ корабль, какіе люди, когда они замерзли? я сталъ осматриваться; подлѣ одного лежала тетрадь. Это былъ дневникъ, подлѣ другаго жестяной ящикъ съ разными вещами. Я взялъ съ собою тотъ и другой...

Вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ. Это былъ сигналъ съ корабля. Снабженный лыжами, я всѣхъ прежде явился къ капитану и сообщилъ ему мою находку. Мы узнали изъ дневника, что погибшее судно былъ бригъ «Крокодилъ»; что оно шло изъ Англіи; что журналъ писанъ однимъ тамошнимъ жителемъ, Павломъ, за которымъ пріѣзжалъ братъ его; чтобъ везти его въ Европу къ старой матери, что бури загнали ихъ отъ мыса Горна къ югу, гдѣ вдругъ обхватили ихъ ледяныя горы и раздавили корабль. Нѣсколько времени надѣялись они, что какое-нибудь китоловное судно спасетъ ихъ. Долго боролись со страданіями и голодомъ. Наконецъ я уже сказалъ, въ какомъ положеніи засталъ ихъ.

Читая дневникъ, я забылъ, что подлѣ меня не было моего Жана. Я спросилъ о немъ. Онъ не возвращался, а между тѣмъ поднявшійся вѣтеръ взломалъ ледъ, съ сѣверной стороны державшій насъ въ плѣну и мы уже готовились поднять паруса.

Я тотчасъ же потребовалъ у капитана позволенія итти для отысканія Жана.

— Если я черезъ полчаса не ворочусь, то не ждите меня и предоставьте своей участи.

— Нѣтъ, я бы никогда не простилъ себѣ этого, сказалъ онъ, и велѣлъ половинѣ экипажа разсѣяться по лѣдистымъ горамъ для отысканія моего бѣднаго матроса.

Я обѣщаль хорошую награду тому, кто первый найдетъ его.

Но она досталась мнѣ, я на лыжахъ облетѣлъ все ущелины, криками и выстрѣлами вызвалъ его и вскорѣ прижалъ къ груди.

Жанъ плакалъ отъ радости: онъ уже почиталъ себя погибшимъ. Онъ не слыхалъ сигнальнаго выстрѣла, и забрелъ послѣ меня на тотъ же погибшій бригъ, гдѣ занялся разсматриваніемъ этого печальнаго зрѣлища. Когда же вышелъ оттуда, то съ ужасомъ увидѣлъ все приготовленія на корабль къ отъезду. Мысль, что онъ брошенъ, оставленъ, до того потрясла его, что онъ лишился всѣхъ силъ и неподвижно смотрѣлъ на Кумберландъ. Только появленіе людей возвратило его къ жизни и чувствамъ.

— Повѣрите ли вы, г. Араго, сказалъ онъ мнѣ сквозь слезы, — что мнѣ казалось, будто я лѣтъ пятьдесятъ провелъ на льду, и что вы воскресили меня отъ долготѣняго сна.

— И это совершенная правда, другъ Жанъ! отвѣчалъ ему съ горькою улыбкою, и поднесъ ему ручное зеркало.

Онъ взглянулъ на себя и вскрикнулъ отъ ужаса. Въ четверть часа волосы его посѣдѣли!

Увы! Мы не предчувствовали, что и со всеми нами готовится подобное же бѣдствіе.

Не успѣли отъѣхать мы нѣсколько миль, какъ вдругъ корабль ударился самымъ жестокимъ образомъ.

— Брось лотъ! закричалъ капитанъ, и все по мѣстамъ.

Оказалось, что корабль набѣжалъ на ледяную гору, которой не видать было подъ водою.

Конюпатчикъ явился изъ трюма и донесъ, что тамъ уже на шесть футовъ воды.

— Все къ насосамъ! закричалъ капитанъ.

Все бросились и употребили послѣднія, отчаянныя усилія, чтобъ спастись. Но борьба была неравною, и капитанъ Кларкъ видѣлъ, что все погибло и что надобно готовиться къ смерти.

Раздался свистокъ, сзывавшій все экипажъ. Все явилось блѣдны и безмолвны.

— Мой долгъ обязываетъ меня объявить вамъ, что всемъ намъ осталось только часъ времени жить на этомъ свѣтѣ. Кто христіанинъ, тотъ приготовится къ смерти.

Все опустили голову и безотчетно усьлись на палубѣ. Только одинъ матросъ подступилъ къ нему и требовалъ спустить все шлюпки и наскоро построить плотъ.

— Безумецъ! отвѣчалъ хладнокровно капитанъ. Развѣ бы я

не сдѣлать этого прежде, нежели ты вздумалъ; но къ чему это можетъ послужить? Мы слишкомъ на мѣсяць пути отъ ближайшей земли. Въ лодкѣ не дойдешь и въ полтора мѣсяца. Въмѣсто того, чтобъ умереть христіанами черезъ часъ, вы умрете съ голоду, съѣвши другъ друга. Впрочемъ, я объявилъ вамъ, что мы должны умереть; дѣлайте, что хотите, я слагаю съ себя свою власть.

Раздался ужасный крикъ. Люди, которыхъ до-сихъ-поръ держала дисциплина, вдругъ сдѣлались звѣрями, и бросились все грабить и истреблять. Всѣ, вѣрные чести и долгу, собрались вокругъ капитана.

Разумѣется, возмутители ничего не могли сдѣлать для своего спасенія, а только между собою ссорились и дрались. Наконецъ приступили къ капитану, чтобъ онъ съ ними ѣхалъ, иначе они умертвятъ его.

— Къ смерти я готовъ; но покуда живъ, никому не позволю приказывать мнѣ. Прочь, или я первому прострѣлю голову...

На него бросились, но насъ было девять человекъ, и двадцать бунтовщиковъ пало въ этой безумной борьбѣ.

Въ эту самую минуту корабль нашъ еще разъ обо что-то ударился и остановился. Бросили лотъ. Мы стояли на коралловомъ рифѣ. Вода перестала прибывать и судьба дала намъ ужаснѣйшую отсрочку. Мы уже не могли потонуть, но должны были медленно умирать съ голоду и жажды.

Положеніе наше сдѣлалось болѣе отчаяннымъ и, однакоже, все пришло въ совершенный порядокъ. Капитанъ объявилъ, что беретъ опять въ свои руки власть и требуетъ безусловнаго повиновенія.

Припасовъ оказалось еще довольно, но воды было очень мало. Начали раздавать ее съ величайшею бережливостію; но всякой чувствовалъ, что скоро наступитъ день, когда объявятъ о выдачѣ *последней* порціи.

Двѣнадцать дней провели мы въ этомъ мучительномъ состояніи. Наконецъ Провидѣніе послало намъ голландское китоловное судно. Оно заметило насъ, выслало лодки, и девять человекъ, оставшихся въ живыхъ, были спасены.

Голландскій шкиперъ принялъ насъ ласково, и рассказалъ намъ между прочимъ, что два брата его уже два года безъ вѣсти пропали и что спасая насъ, онъ воображалъ себя, что въ числѣ погибающихъ найдетъ и ихъ.

— А на какомъ суднѣ отправились они? спросилъ я.

— На Крокодилъ...

— Одного изъ нихъ звали Павломъ?..

— Вы знаете? О, ради Бога, скажите мнѣ объ ихъ участи.

Я вынулъ изъ чемодана своего дневникъ и все, что собралъ на замершемъ кораблѣ. Капитанъ тотчасъ же узналъ руку брата и заставилъ меня рассказать всю подробности моей находки.

Голландецъ тотчасъ же поворотилъ свой корабль къ тому мѣсту, съ котораго мы сошли, и судьба была къ нему благопріятнѣе. Онъ счастливо проѣхалъ мимо ледяныхъ горъ и присталъ къ неподвижному полярному льду. Я и Жанъ повели его къ замершимъ братьямъ и онъ ихъ перенесъ на свой корабль.

На первомъ берегу тѣла были преданы погребенію.

Черезъ мѣсяцъ были мы въ Рио-Жанейро.

Здѣсь имѣлъ я самую пріятную встрѣчу. Юлія узнала меня и Жана на берегу. Она была замужемъ, и мужъ ея тотчасъ же пригласилъ насъ; онъ былъ богатый плантаторъ. Онъ зналъ всю прежнюю жизнь Юліи, и мы съ Жаномъ провели у него четыре дни.

Но я чувствовалъ, что прежнія мои отношенія къ этой женщинѣ не позволяли мнѣ долго жить у нихъ въ домѣ, и узнавши въ гавани, что голландскій корабль ѣдетъ въ Европу, съ тѣмъ, чтобъ зайти на островъ Св. Елены, а оттуда въ Сенегаль, на берега Африки, тотчасъ же условился съ нимъ въ цѣнъ и на другой же день, послѣ трогательнаго прощанія, отправился въ путь.

ВОСПОМИНАНИЕ О СЕВАСТОПОЛѢ.

В. И. Савинова.

Корветъ К—са.—Одно слово о нашихъ моряхахъ.—Маленькія неприятели морскаго путешествія.—Беседа съ собакой объ агличъ и проч.—Старый матросъ.—Какъ онъ ловилъ дельфина.—Встрѣча новобранцевъ.—Артиллерійская слободка.—Севастопольская ночь.—Ученый.—Рынокъ.—Цыганка.—Мастерскій.—Корабельная слободка.—Гора Сапуиъ и южная пересыпка.—Татарскій кафе-ресторанъ.—Дрѣвнее татарское кладбище.—Разсказъ цыгана.—Театръ и его антрепренеръ. — Сухарный заводъ. — Инкерманская скала и ея пещеры. — Осель въ оперъ.

Корветъ К—са новый, глянцовитый, одинъ изъ тѣхъ боевыхъ шеголей Черноморскаго флота, которые только-что оставляютъ Николаевскую верфь, въ полдень, 2 октября 1847 года снялся съ Одесскаго рейда, направивъ бойкій бѣгъ свой къ Севастополю. Не смотря, по нашему, на глубокую осень, у свѣрныхъ береговъ Чернаго моря было также тепло, какъ на Черной рѣчкѣ въ июль. Попутный вѣтерокъ круто изогнулъ парусъ и заигралъ пушистымъ *колдунчикомъ* у борта корвета. Одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ Россіи, вставшій на южной и, какъ по справкамъ оказалось, на твердой ея грани, исчезалъ теперь

за нами... Еще множество вымпеловъ всѣхъ европейскихъ націй рѣяли передъ нашими глазами и черною фигурою рисовался на горизонтѣ монументъ герцога де-Решелье, ниже котораго, подъ ступенями гранитной лѣстницы, вправо у мола, желтымъ облакомъ вилась пыль — вѣчный и неизмѣнный гость хорошенькой Одессы. Эта пыль клубами вилась изъ-подъ колесъ рабочихъ телегъ, которыя свозили къ пристани пшеницу, даръ русской земли голоднымъ иностранцамъ... Кто думалъ, кто въдалъ тогда, что Одесса откармливаетъ крысъ, острившихъ зубы на ея житницы?!

Но вотъ, берега становятся ниже, ниже... они какъ будто таютъ, превращаются въ туманъ и, наконецъ—море да небо! Я невольно повторилъ избитую истину, что жизнь моряка—поэзія, со всеми ея разнообразными обстановками! На этомъ крошечномъ, трехдневномъ переходѣ отъ Одессы до Севастополя, я, хотя не вполне, но узналъ эту жизнь, въ которой столько горькаго и сладкаго, столько упокительнаго и разрушительнаго, и бездна-безднъ того, что и во снѣ не грѣзилось намъ, пѣхотнымъ странникамъ!..

Отшатнувшись отъ берега матросы рѣшительно повеселѣли, какъ будто бы имъ было обѣщано по лишней чаркѣ. Самъ *батталеръ*, вельможа своего муравейника, какъ-то особенно щеголевато сдвинулъ на затылокъ свою фуражку; урядники развернулись, встрепенулись и запрыгали, какъ бѣлки, а *марсовые* со *шттыкъ-болтными* посматривали такимъ соколомъ, что, казалось, спрашивали: «такъ-какъ огня нѣтъ... то, не прикажете ли, В. Б., въ воду?»

Чудное созданіе матросъ, болтающійся, въ полномъ смыслѣ слова, между небомъ и землею! У насъ, какъ говорится, все намази, человекъ безъ-изъяна и на руку и на ногу... Съ утра до поздняго вечера ходуномъ ходить; растолкается, умается; вотъ, кажется, всѣ винты вонъ, всѣ шолнеры не въ порядкѣ... а онъ, вечеромъ, подъ плясовую, такъ выплясываетъ на *бакъ*, что, посмотришь, плечами пожимаешь, да про себя и подумаешь: «лишней не замаялъ, а словно послѣ четвертой весело!»

Была 8 стклянка. Въ каютъ-компаніи, послѣ ужиннаго стола, нѣкоторые еще докуривали свои трубки, споря о достоинствѣ оперы, которую мы наканунѣ слышали въ Одессѣ; разумѣется, болѣе спорили не о самой оперѣ, но о ножкѣ, глаз-

какъ и хорошенькомъ ротикъ примадонны Сечи-Корси; тутъ же, подъ общій говоръ, штурманъ записывалъ въ журналъ дневныя шалости вѣтра, а артиллерійскій прапорщикъ чертилъ какой-то проектъ объ устройствѣ новыхъ лафетовъ... я выбрался на верхъ... и дѣйствительно, не *вышелъ*, но *выбрался*. Въмѣсто того, чтобы повернуть направо къ *трапу*, я пошелъ нальво, и попалъ въ матросскую палубу, гдѣ тотчасъ же подвернулся подъ навѣсную койку, занятую тяжелымъ тѣломъ какого-то убаюканнаго моряка; качка была *килевая*, и потому, койка съ блаженно-спящимъ, пошла мнѣ прямо въ *лобовиндѣ*; я покачнулся назадъ, съ непремѣнной надеждой не повредить затылокъ; однакожь, по затылку послѣдовалъ новый ударъ, бросилъ меня влѣво, тамъ приняли направо и такимъ образомъ, минутъ пять голова моя была весьма похожа на рыночный мячъ, которымъ забавляются гостинодворцы въ крещенскіе морозы. Наконецъ, послѣ долгихъ истязаній и тревоженій, я выползъ къ трапу и вышелъ на палубу... Ночь была довольно темна, небо облачно; мирная, спокойная тишина царствовала на палубѣ. Изрѣдка слышался говоръ на *марсъ*, заглушаемый скрипомъ мачтъ, дробнымъ всплескомъ парусовъ и шипящимъ разливомъ волны, разлетающейся въ фосфорическихъ искрахъ подъ носомъ корвета.

Вахтенный лейтенантъ, облокотясь на бортъ, слѣдилъ легкое купеческое суденышко, бѣжавшее съ нами на *траверсъ*. У ногъ лейтенанта кружилъ его мохнатый Нью-Фюндленскій водолазъ. Долго заискивая ласку своего господина, четвероногій мореходъ, какъ бы огорченный равнодушіемъ хозяина, медленно, понуривъ красивую морду, пошелъ къ *баку*, гдѣ расчитывалъ на верную ласку любившихъ его матросовъ. Дѣйствительно, у *фокъ-мачты* старый и съдой урядникъ Сходкинъ окликнулъ водолаза, который назывался «Джальма»; но матросы, вначаль, дали ему кличку: «шальма», а наконецъ уже назвали просто «шельма.»

— Шельма! проговорилъ старый урядникъ, сидя на запасномъ *брѣзентѣ*.

Джальма замоталъ хвостомъ и, положивъ переднія лапы на колына матроса, уставилъ на него свои свѣтлые глаза.

— Ишь-ты!.. Ишь-ты, *мерикаискій* поплавокъ, словно вѣтеръ колдунчикомъ, такъ и ты заигралъ хвостомъ... эхъ-ма! далъ бы сухарика, да ломанаго нѣтъ! Съ этими словами старикъ обревизовалъ карманы своей галландки. Нѣту-ти, голова! продол-

жалъ онъ, размахнувъ руками. А бывало... всегда бывало... Ишь-ты, я вамъ, псамъ, повадку сдѣлалъ... у насъ, вотъ какъ ходили за границу, у капитана былъ такой же ловчага, какъ и ты... ну, и всегда бывало ко мнѣ придетъ поластиться, смотришь, всю, то есть вахту и прокалякаемъ... Хаживали мы съ нимъ, помутили волну у всѣхъ морей, бывали въ гостяхъ и у черныхъ королей... Такъ-то! чего моргаешь?.. Ахъ, ты, собака!.. поглядѣлъ бы ты, примѣрно, за морями, гдѣ винны ягоды растутъ, такъ сказать, за испанской землей—стоитъ островъ скала-скалой, гора-горой, ну вотъ словно *буекъ* стоитъ въ океанѣ да болтается. И островъ, я тебѣ доложу, островъ не простой; на этой, сударь ты мой, торчалкѣ, не однѣ пальмы да мачалки... А тамъ, такъ сказать, могила есть... а въ ней, примѣрно, Наполіонъ, наше вамъ наиглубочайшее, въ семь ящиковъ замазанъ... Чего мордой-то киваешь? Ась! Дескать, знаю Наполіона... врешь ты щенокъ: Саксоніи не нюхалъ! Это былъ, братику, человекъ... вотъ какой! И Сходкинъ, сжавъ кулакъ, пристукнулъ имъ по брезенту... Другаго, душа, хоть лопни не будетъ! продолжалъ старикъ... ужъ я-те говорю, что нѣтъ!.. какъ не укусить тебѣ якоря, какъ не клевать пѣтуху Севастопольской стѣнки!.. да!.. И на этомъ островѣ ходить агличъ важно, выступаетъ вальяжно; съ ружьемъ, съ сумой, краснорылой такой... земля у нихъ ничего... хорошая: нищихъ и портеру дѣвать некуда...

Старый матросъ остановился, пристально поглядѣлъ въ глаза собакъ, какъ будто выслушивая отъ нея что-то и, крикнувъ, продолжалъ:

— Правда, шельмочка, правда! ужъ и не говори: народъ съ колерцемъ: распотѣшный, въ три гудка гудить, а къ пріятелю въ карманъ наровить... знаемъ мы: встречались! Вотъ какъ на Мальтѣ сошлись... Ну, сначала гуть, потомъ гутѣе, дальше пехмѣлье... рыжій-то и въ задоръ... поднесли мнѣ въ ребро, да ужъ и я между глазъ у пріятеля проѣхался: весь марсаль носомъ выпустилъ... знай нашихъ, кланяйся своимъ! У насъ, шельмочка, все по порядку: аль вотъ тебѣ почетъ и ласку, а нѣтъ... усъ его!.. таску!..

И долго бы старый урядникъ продолжалъ свою оригинальную бесѣду съ собакой, еслибы при послѣдней, энергически сказанной имъ фразѣ, не раздалась команда къ повороту.

Въ мгновеніе унтеръ забылъ своего косматого собесѣдника, могилу Наполеона и даже аглича...

День разсвѣталь.

Вотъ показался Тарханхудскій маякъ, влѣво отъ него постепенно зарумяняла окраина горизонта и, при первыхъ лучахъ солнца, еще скрываясь нѣсколько въ туманъ, всталъ Аю-дагъ, старій свидѣтель славныхъ и страшныхъ дѣлъ, совершавшихся въ камнѣ въ Тавридѣ. Когда утренній туманъ, разсѣявшись, обнажилъ вершину горы, мнѣ представилась она глубоко заснувшимъ исполиномъ. На западъ лежала его съдая голова, къ востоку вырисовывались ноги этого исполина, окутанныя тою же снѣжною пеленою, которая размѣтала свой перламутровый слой на пикъ Аю-дага... на вершинѣ едва отънялись остатки стѣнь давно разрушеннаго греческаго монастыря. Въ эту минуту у борта, бойко и быстро бѣжавшаго корвета, впервые показались дельфины или такъ называемыя морскія свиньи. Какъ будто бы желая позабавить насъ, они круто кувыркались на пистолетный выстрѣлъ отъ судна, выказывая то свою толстую морду, то спину.

Пользуясь этимъ случаемъ и желая заговорить съ оригинальнымъ урядникомъ, я подошелъ къ нему. Старикъ, ни на что не обращая вниманія, поплеывалъ за бортъ и о чемъ-то разсуждалъ самъ съ собою.

— Скажи, любезный, началъ я: мнѣ кажется, что эту рыбу легко бить пулей?

Сходкинъ проницески улыбнулся, поправилъ свою голландку и, надвинувъ шапку на затылокъ, лаконически отвѣчалъ:

— Гм... можно.

— Ну... и бьютъ?

— Бьютъ. Только надо выждать время, когда башка покажется.

— А если въ спину, которую она, кажется, такъ охотно подставляетъ?

— На ходу-то? Ищи... кому-нибудь достанется.

Живуща... вотъ какъ живуща! Жирна. А какъ по хребту прошелся—плачься: свинка пронала, да и свинець за грошь отдалъ.

— О, такъ ты знатокъ этого дѣла, старикъ; тебѣ вѣрно случалось бить ихъ?

— Бить-то? Гм... Да я ихъ живьемъ лавливалъ.

— Какъ же это?

— Ловиль-то какъ? А просто-за-просто. Вотъ, какъ, примѣрно, въ Сухумскомъ отрядѣ были позпрошлый годъ... и гегли мы, примѣрно, въ дрейфѣ—въ Пшадахъ. Я, выходитъ, ваше-ское благородіе, посланъ былъ на восмеркъ. Погода хорошая такая: солнышко играетъ, вѣтерокъ чуть-чуть парусъ задѣваетъ—идемъ. Вдругъ, глядь, почитай у самой уключины, нырнулъ, кувырнулся и волной забуровиль морской боровъ. Поглядимъ еще разъ, посмотримъ еще... Ахъ, ты, хомуть этакій! думаю я... Постой, голова, нельзя-ли тебя, дескать, приспособить. Снялъ знаете выходитъ ремень, на которомъ вотъ кортикъ виситъ, угодилъ петлю смастерить, да и хлысть молодца багромъ въ голову, а самъ за бортъ. Кувыркаемся: онъ отъ меня, я къ нему по саженкамъ, да на ходу лѣвшой и задѣлъ, какъ тутъ на буксиръ принялъ, ловко изнамарился: пропустилъ въ петлю желаннаго... Началась потѣха! Я его къ себѣ, а онъ меня за шамайкой въ воду тянетъ... бился, бился... Право, въ водѣ потъ прошибъ. Стой, думаю—не уйдешь, да и меня не возьмешь. А у насъ былъ рулевой—Гакъ, чухонецъ, парень манерный, на руку сноровливый; такой, что только свисши да мигни, хоть въ Сухумъ чихни, изъ Кронштата скажетъ: «здравія желаемъ!» я ему: «Гакъ!» А онъ мнѣ, словно пѣсню складываетъ: «Что, говоритъ, братъ, какъ?»—Напастъ, говорю: кидай запасный шкотъ, не вмоготу измаялся! Вдругъ—шарпъ... шкотъ какъ сонъ въ руку!.. я мигомъ на спину, затянулъ мертвымъ узломъ ремень съ веревкой, снова изнамарился, изловчился и прямешенько бросилъ шкотъ въ восмерку... Потянули моего голубчика, а я къ борту. Такъ, сударь, живьемъ и приспособилъ озорника, заключилъ матросъ.

Въ то время, какъ Сходкинъ рассказывалъ о своей удали, палуба и все судно приняли парадный, праздничный видъ. Вахта нарядилась въ красныя рубахи и черныя косынки, послѣдняя у франта-боцмана вмѣсто узла скрѣплялась перстнемъ подозрительнаго золота съ громаднымъ камнемъ цвѣта сургуча, какимъ запечатываются посылки; матросы въ киверахъ и курткахъ стояли у трановъ, артиллерійскій кондукторъ съ канонирами хлопоталъ, чтобъ вынуть пробки изъ орудій... Все предсказывало, что мы въ-виду порта. Судно несло почти весь паруса и даже *лисем*, такъ что, къ моему горю, изъ-за нихъ ничего нельзя

было видѣть передъ носомъ, разумется, не передъ своимъ, но передъ носомъ судна. Въ ту минуту, какъ стали уменьшать паруса, я побѣжалъ на бакъ. И вотъ онъ давно-жданый портъ, съ своими грозными, далеко-рисующимися желтой чертой, крѣпостями и фортами. Если вы подъѣзжаете къ Севастополю съ симферопольской дороги, а не съ моря, то навсегда потеряли удовольствіе видѣть эту превосходную картинную панораму города. Искрестивъ Россію, какъ говорится, вдоль и поперекъ, не исключая даже и Сибири, я никогда—ни прежде, ни послѣ—не испытывалъ столько наслажденія при первомъ взглядѣ на новую для меня мѣстность, какъ при взглядѣ на Севастополь. Въ его планъ и картинъ—своей особенный, поражающій характеръ! Это не Гибралтаръ, съ его громадными скалами и пестрыми, какъ корректура, шотландскими артиллеристами; въ этой хвастливой скаль все мрачно отъ подошвы до темя... почти ничего живаго кругомъ, кромѣ чайки, также хищной, какъ и крейсиръ благородной морской державы, такой же охотницы до мелкой рыбы, какъ и блистательный лордъ, видѣвшій въ подзорную трубку взятый имъ на пышиномъ обѣдъ нашъ Кронштадтъ! Севастополь, въ первый моментъ, обратно, какъ будто говоритъ гостю: «Милости просимъ: если ты другъ, то не смотри на мои сотни пушекъ, которыя такъ зорко выглядываютъ недруга!» Укрѣпленія его, при входѣ въ бухту, раскинулись или, лучше, приютились по обоимъ берегамъ и, какъ сонный левъ, повидимому нестрашный охотнику, выжидаетъ минуту, чтобы прыгнуть и размятать прахомъ и пылью своего смертельнаго врага. Надъ этими укрѣпленіями, по правую сторону при входѣ въ бухту, раскидывается амфитеатромъ городъ, расположенный на трехъ конусообразныхъ возвышенностяхъ. Облитый лучами солнца—а солнце рѣдко разстается съ Севастополемъ—городъ смотритъ такъ весело, такую золотистою грудюю мазанокъ, крошечныхъ, какъ серебряный несессеръ, бѣлыхъ, какъ козій сыръ, котораго такое обиліе въ караннскихъ лавкахъ Севастополя. И какъ дружно столпились эти мазанки, обнесенныя низменными изгородами изъ степнаго извѣстняка; изъ-за нихъ кое-гдѣ зеленѣютъ тополи, сверкаютъ кресты на православныхъ храмахъ, и далеко виднѣется на горизонтѣ луна татарской мечети, поставленной въ Корабельной слободкѣ...

Но вотъ у фокъ-мачты раздалось: «первая .. пли!» начался

салоутъ Николаевскому форту, и корветъ, одѣвшия облакомъ дыма, дрогнулъ и подъ отвѣтныя выстрѣлы крѣпости бросилъ якорь въ воду. На Графской пристани и у стѣнки крѣпости толпилось множество любопытныхъ, и не удивительно! Жизнь черноморскихъ моряковъ самая дѣятельная: они—смѣю такъ выразиться—постоянно въ расходѣ: то въ крейсеровѣ, то за границей, то въ Сухумскомъ отрядѣ; а потому, каждое салотующее судно говоритъ порту, что или оно въ первый разъ входитъ въ него, или было въ долгомъ отбытіи... Понятно, что на этотъ громкій привѣтъ спѣшатъ все—узнать, взглянуть и обнять дорогаго пріятеля, или молодаго мужа, или усатаго братца, который штормоваль годика полтора въ виду Пицунды или Новороссійска... Можно сказать, не успѣли еще отдать якоря, какъ десятокъ шлопокъ и яловъ подплыли къ трапу корвета... Въ минуту каютъ-компанія наполнилась не надолго-отдыхающими отъ службы севастопольскими моряками, которые пріѣхали полюбоваться новорожденнымъ судномъ. Вниманіе этихъ людей, съ которымъ они пересцупывали каждую кабалку, пересмотрѣли каждую перегородку у каюты, можно было сравнить только съ вниманіемъ истиннаго знатока и художника, который тщательно, съ любовью, съ восторгомъ любитъся каждымъ взмахомъ кисти, на картинѣ артистически выполненной! Тутъ рѣшительно олицетворялась пословица: «У кого что болитъ...» Я спѣшилъ на берегъ... къ тому же, въ обществѣ почтенныхъ моряковъ я былъ совершенно лишній: кажется, и по-русски говорятъ, а ровно ничего не понимаешь: брасы, булины, марса-рей, *исовы*, фалы и проч.,—все это такая мудрость, которой не разрѣшить непривычный умъ, и стоило бы ко мнѣ обратиться хоть съ однимъ вопросомъ, полнымъ этихъ техническихъ словъ, такъ я какъ-разъ былъ бы похожъ на того калмыка, у котораго спросили: «сколько васъ?»

— «Одна!» пришлось бы отвѣтить мнѣ.

Неимѣя въ городѣ ни друзей, ни знакомыхъ, не зная даже, гдѣ пріютить мою подушку, мой чемоданъ и мою голову, я обратился къ Сходкину съ просьбою помочь переселенцу.

— А, вы-жъ извольте, сударь, поспрашать у вахтеннаго лейтенанта шестерку и меня прилучите съ собою, а тамъ ужъ за нами дѣло не станетъ; *ошвартовимся* со всеми, такъ сказать, престелями: у меня фатера есть пустая, въ анторелійской свободкѣ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Минуть черезъ десять шлоб-

ка съ моею микроскопическою поклажею причалила у Графской пристани, съ которой, по чистымъ и бѣлымъ ея ступенькамъ, усаживалось въ барказъ какое-то веселое общество съ развеселюю музыкаю... Тутъ были и матросы, и армейскіе солдаты, и улыбающіяся дамы въ яркихъ чепцахъ, т. е. *супружницы* корабельной аристократіи—фельдшеровъ и писарей.

— Какой это у васъ праздникъ? спросилъ я Сходкина.

— А у насъ, сударь, какъ *некручина*, всегда такой праздникъ съ музыкой, и, такъ сказать, съ должными complimentами, т. е. съ *рислиндомъ*, орѣшками и прочимъ уваженіемъ...

— Такъ это у васъ такъ веселятся на проводахъ новобранца?

— Точно-съ! Эвто наши мѣщане отличаются благоразуміемъ и видностію въ субординаціи и отличительною поведенціею... у насъ мѣщанства немного-съ: хоть неводъ закинь,—немного счетомъ вытащишь. У насъ живутъ весело... у насъ, такъ сказать, городъ на военной ногѣ... да и не городъ, я вамъ доложу, а портъ, что выходитъ, въ немъ живетъ народъ «первый-сортъ»... у кажинаго усъ завиткомъ, шапочка караблемъ и говоритъ басомъ, съ отвагой такъ сказать... Ну, вотъ эти-то мѣщане. В. б., хоть ягода и не нашескаго поля, а поглядить на нашу жизнь-размалину, слюну пустить, соблазнъ одолветъ и идетъ по нашей дорожкѣ, расправивъ ножки. Все больше охотой! Да и молодцы—не тронь ихъ акула! Иного только что выстригутъ—ну... право слово! поравняться съ нимъ не корыстно: глазомъ ушибеть!.. Такіе ухотды, карамболи-съ клопстосомъ, такъ сказать, какъ госнода говорить изволятъ... Другой такой звездой глядитъ, словно *штыкъ-болтнымъ* десять годовъ отмаячалъ... Право слово—народъ съ авантажемъ!..

Шлюбка стала у пристани. Сходкинъ взвалилъ на плеча мой чемоданъ, взялъ подъ мышку подушку и зашагалъ впередъ со словами:

— Не извольте отставать-съ; въ новомъ городѣ недолго заплутать, выходитъ-съ.

На основаніи послѣдней фразы моего вожатаго, небольшая часть прекрасно отстроенной Екатерининской улицы, которая идетъ отъ Графской пристани къ театру, проскользнула у меня передъ глазами, какъ заяцъ, по которому прицѣлился и который юркнулъ въ кусты. Я только успѣлъ замѣтить небольшую, но

чистую площадку съ гаубтвахтою и не роскошнымъ, но чистой архитектуры домомъ, какъ теперь помню—желтымъ, (что большая рѣдкость въ Севастополь), домомъ, въ которомъ постоянно останавливается командиръ 5-го пѣхотнаго корпуса, во время своихъ посѣщеній порта... Направо и налево, у не широкихъ тротуаровъ, тянулись бакалейныя лавки *караимовъ*, въ рукахъ которыхъ, можно сказать, вся торговля города. Но вотъ мы повернули направо въ «Морской переулокъ», спустились подъ гору, перебѣжали оврагъ, живописно застроенный мазанками всѣхъ возрастовъ и наконецъ вступили въ Артиллерійскую слободку. Слободка раскинута и прорѣзана правильными улицами съ переулками, въ большомъ оврагъ. Одноэтажныя ея мазанки чисты, уютны и не лишены маленькаго комфорта, хотя почти всѣ они принадлежатъ матросамъ, состоящимъ на службѣ.... Передъ каждой изъ нихъ встрѣчаете мазанковую стѣнку, за которою яркою зеленью раскидываются орѣшникъ, виноградъ и тополь.

Сходкинъ громко и нетерпѣливо стукнулъ въ калитку одного изъ домиковъ, поставленнаго на исходъ улицы. Раздался громкій лай какого-то породистаго барбоса и звонкій голосъ сожительницы моего чичероне:

— «Сазовычъ!.. Ты что-ли-ча? ась!

— Я... вылазь! Съ бариномъ пришелъ. Эй, Марковна! распоясывайся, что-ли.... неколи, душа-ягода, маячить.

Калитка отворена.

Сходкинъ погладилъ встрѣтившую насъ собаку, молвилъ жемъ обычное «здорово» и ввелъ меня въ небольшую комнату, выходящую окнами на улицу. Направо изъ приземистыхъ дверей смотрѣли стѣны другой комнаты... На этихъ стѣнахъ не было живаго мѣстечка, на которое бы не посягнули карандашъ или брошенная бойкой рукою кизилевая косточка: тутъ плавали корабли и бушевали волны, написанныя углемъ; рядомъ толпились X, Z, Y, а между ними группировались кружки, эллипсисы и линіи; на окнахъ и дверяхъ, какъ въ диванной мусульманина, тщательно рукою были написаны стихи, только не изъ книги, которую горскіе муллы читаютъ вверхъ ногами, но изъ водевилей и драмъ, многимъ извѣстныхъ, однакожь не напечатанныхъ, по скромности автора. На перегородкѣ, отдѣлявшей вѣроятно когда-то каморку деньщика, я даже прочелъ эпиграм-

му на винную лавочку, открывавшуюся изъ оконъ первой комнаты. Признаюсь, надо было имѣть большой запасъ ума и изобрѣтательности, чтобы сказать что-нибудь острое на счетъ этой невинной лавки, какихъ въ Севастополѣ весьма много и которыя никакъ не походятъ на «пивную лавку Гогарта.» Въ нихъ всё чинно, чисто, народу всегда много, но шуму и неприличій никогда. Двери ихъ постоянно раскрыты съ утра до поздняго вечера; полъ и голова сидѣльца лоснятся кваскомъ, бочки съ рислиндомъ и пено-флери глядятъ на прохожихъ, прохожіе умильно поглядываютъ на нихъ. Мальчишки ловко таскаютъ у подслѣповатой торговки съ лотка: кизиль, виноградъ и бублики, которыя остаются вѣчнымъ сосѣдомъ подобныхъ лавокъ...

Было довольно поздно, когда мы добрались до мазанки Сходкина, а потому странствованіе по городу надо было отложить до завтра. Я вышелъ на терассу, съ которой можно было видѣть вечернюю панораму города.

— Видали вы, сударь, гдѣ ни-на есть въ Россіи этикіе виды? спросилъ Сходкинъ.

Дѣйствительно, я ничего не встрѣчалъ подобнаго. При полныхъ сумеркахъ—въ мазанкахъ, прихотливо разбросанныхъ по холмамъ, засверкали огни и какъ яркій мракъ то разбѣгаясь зигзагомъ, то группируясь узорами, то сбѣгая непрерывною мерцающею ниткою, отразились въ спокойныхъ бухтахъ... Мнѣ кажется, съ моря, въ тихую осеннюю ночь, освѣщенный Севастополѣ представляетъ группу кораблей, празднично иллюминированныхъ. Воздухъ былъ невыразимо прохладенъ и чистъ. Въ городѣ царствовала такая мирная тишина, что выходецъ столицы невольно сталъ бы въ тупикъ... Ни дребезжанія горбатыхъ дрожекъ, ни громкій гулъ промчавшейся коляски съ размашистымъ «пади-то», крикнутымъ на весь тонъ... ничего этого! Даже и собаки смирны. Да и на кого имъ маять? Развѣ на провѣжаго татарина, запоздавшаго въ свою деревню, или на оборваннаго цыгана, который пробирается на почлегъ въ пещеры за *Мичманскій* бульварь... Изрѣдка слышны напѣвъ шарманки, наигрышающей «Лучинушку», да скрипка матроса-виртуоза и его же пѣсня:

«На скрипицѣ грая,
Бровами моргая...

Черты его батки зная,
 Чаго винъ моргая?» и пр.

На мое счастье, Сходкинъ на другой день былъ свободенъ отъ службы, а съ такимъ чичероне начать путешествіе было для меня пріятно и занимательно.

Прежде всего выборъ старика палъ на рынокъ. На рынокъ и отправились. Миновавъ два-три переулка и порядочно запыхавшись при подъемахъ на двѣ горки, мы достигли Артиллерійской бухты. Четыре практическихъ судна покачивались на легкихъ волнахъ ея; шаговъ на десять отъ довольно красивенькой шкуны трое мальчишекъ ловили устриць, а на траверсѣ съ ними толстая солдатка отчаянно съ плеча рубила валькомъ, должно быть, голландку сожителя, разговаривая въ то же время съ корабельнымъ фельдшеромъ, который, потирая рукавомъ свѣтлый бортъ своихъ пуговиць, помѣщался рядомъ съ трудолюбивою хозяйкою, въ самой живописной позѣ.

— Да давноли вы, Фалалѣй Акепсимычъ, изъ Одесты-то? спрашивала солдатка, шлепая по голландкѣ такъ громко, что я думаю вытащенныя мальчишками устрицы были въ обморокъ отъ испуга.

— Я то-съ? Да, нониче-съ.

— Ну, и моего видали!

— А какъ же-съ... Мы даже съ нимъ и въ гармонію входили: пинасовали... Поклонъ шлетъ-съ.

— Ну, и скоро вернется...

— Эй... нѣтъ-съ. Къ Османамъ поплыли.

— Ахти, батюшка! Да, далеко ли жъ это?

— Въ Константинополь... такъ сказать, въ Туречину.

— Фу ты, батюшка, а я думала и ни вѣсть ужъ куда! Въдъ слова не скажетъ Фалалѣй Акепсимычъ, такъ, запросто... все по ученому... съ умильной улыбкой замѣтила солдатка.

— Гм... да мы, съ вашего приличія доложить, по ученой и состоимъ.. У насъ не одно только что: чвыкъ, чвыкъ!... съ чернаго на бѣло, какъ у инаго писаря... У насъ все по-латински: морбусъ-катаральсь, фебрисъ-гастрика.

— Ишь-ты! сквозь зубы процѣдилъ Сходкинъ... Вотъ послалъ бы тебя на салингъ,—такъ запросилъ бы ты у меня мастики!

Нараждающійся Эскулапъ продолжалъ:

— А отъ-теле-ча, т. е. изъ Константинополя, наши курсъ, примѣрно, располагають держать къ грецкой земль и наконецъ въ Триестъ...

— Ну, ладно, сударь, его не выслушаешь за одинъ при-
сѣсть, молвилъ Сходкинъ. Пойдемте сударь.

Възжайте въ какой вамъ угодно изъ русскихъ городовъ, вы непременно попадете на рынокъ, и все они выкроены по одной мѣркѣ, съ маленькими отступленіями, судя по объему города... Квадратомъ обстроенныя лавки, деревянныя или каменныя, съ хомутами, хересомъ, мыломъ, помадой, гвоздями и серьгами, словомъ—въ нихъ все, что вамъ угодно; торговцы сидятъ на скамьечкахъ и мирно играютъ въ шашки; голодные собаки прохаживаются по рядамъ и перебѣгаютъ къ шалашамъ и лоткамъ, раскинутымъ передъ лавками, гдѣ прохожій солдатъ или возвращающійся съ заработокъ парень, за гривну тѣшатъ свой аппетитъ. Изрѣдка услышите здѣсь: «Пожалуйте-съ!... или: «Эй, кавалеръ! На, картофъ, на, картофъ!... бравый! поди за грошъ горло отрѣжу!» И вездѣ это такъ, точь въ точь, отъ Тобольска до Переславля и отъ Олонца до Таганрога. Въ Севастополь не такъ. Тамъ, при первомъ взглядѣ на оживленную толпу торгующихъ и покупающихъ; невольно скажешь:

«Какая смѣсь одеждъ и лицъ,

Племень, нарѣчій, состояній...

Татары и арбузы, цыгане и лохмотья, жидки и колечки, карамы и табакъ, греки и холва, солдатки и невыразимые—отъ китайчатыхъ до демикатоновыхъ... все это перемѣшалось, пересыпалось, какъ рожь въ жерновъ, все говоритъ на своемъ родномъ языкъ или безъ милосердія, въ досаду и горькую обиду всѣмъ русскимъ грамматикамъ, ломаетъ русскій языкъ... Одинъ кричитъ: «Князь, полковнику, а куни-жъ гарбузъ—эй! сюда гляди: цѣлій мазанки на рукъ!»—«Сухумскій есть!.. Чистый транезондскій... а надо стамбулку, подхватываетъ караймъ!»—«А, кому колечки, кому колечки съ украсеньемъ?.. Я-съ и задаромъ отдалъ-бы» говоритъ жидокъ. Вотъ нальво, при самомъ входѣ въ рынокъ, груды капусты, бѣлой, какъ зубъ негра, груды моркови, рѣпы, корешковъ и кореньевъ, — это монополія татаръ; да вотъ онъ

и самъ, весьма близкій потомокъ Героя, не претендуя на рванья шальвары, взобрался на самый пикъ арбузной горы... Пойдемте дальше, къ этимъ деревяннымъ, низенькимъ лавочкамъ, за прилавкомъ которыхъ выглядываютъ каранскія бородки и предъ которыми живописно разбросаны калбасы съ мыломъ и конфеты съ туфлями; тутъ же и говядина, и рыба, и все, чѣмъ сутки сытъ неприхотливый желудокъ Севастополя. Но здѣсь такъ тѣсно, въ этихъ узенькихъ интервалахъ, отъ барынь, маленькихъ собачекъ и деньщиковъ, которые тащатъ кульки вдвое ихъ сытнѣе, что невольно спъшишь на просторъ... Площадка. Прямо отъ зрителя нескончаемый рядъ лавокъ втораго разбора... Здѣсь-то развалъ, здѣсь-то въ центрѣ этого зданія пьютъ *магаричи*, громадными бутылками покупаютъ ваксу, за гривенникъ у вашихъ ногъ крошатъ папушу табаку, выше головы подымаютъ продажную ситцевую рубаху и ниже всякой совѣсти простой пруть очень дешево отдаютъ за чубукъ кавказской черешни. Тутъ жизнь во всемъ разгарѣ, во всемъ своемъ тревоженіи; не знаешь, на чемъ остановиться и на кого попристальнѣе взглянуть. Посмотрите, какъ этотъ служивый, загнувъ полы своей шинели и выправивъ шапку корабликомъ, раскуриваетъ у караима крымскій... вѣдь онъ пробуетъ!..

— Нѣтъ ужъ эвто, голова, не къ масти, говоритъ онъ хозину лавочки; вотъ ты бы на Кавказъ лизнулъ табачку... ну, такъ сказаль-бы, что табакъ на престяхъ... А, эвто что?.. солома-съ... Да, на кой же чортъ мнѣ ее, когда я этого дерьма на походъ полпуда въ сапогахъ сносилъ?! Ась?.. Набѣй-ко, набѣй еще!»

— Баякъ! Ай-баякъ! раздалось позади меня.

Я оглянулся. У крайняго ларя, полнаго тыквяными сѣмячками и стручками обсахаренными временемъ, на земль сидѣла цыганка.

Скажите, Бога ради: за что это наши повѣствователи, романисты и путешественники, какъ только заговорятъ о цыганкѣ, такъ она у нихъ и съда, какъ только-что вылуженная кастрюля, и смотритъ какъ господинъ ученаго фельетона одной изъ газетъ, и говоритъ какъ тѣнь Гамлета и, даже, одѣта, какъ старая береза, съ которой ободрали кору?

Право, ничего этого не бывало! Встрѣченная мною цыганка, рѣшительно была *цыганочка*. Женщина лѣтъ двадцати двухъ, съ

правильнымъ контуромъ лица, смуглая, какъ вся ея предки и потомки, она владела такими черными, большими и огненными глазами, что, кажется, на пять шаговъ отъ этихъ глазъ загорѣлся бы фалшфейеръ... Волосы ея, въ мелкихъ курчавыхъ прядяхъ, раскиданныя въ безпорядкѣ по округленному лбу и потомъ закинутыя за ухо, еще болѣе отличали эту наружность, полную красоты дикой, надолго останавливающей на себѣ вниманіе. Не смотря на жалкія лохмотья — наружность ея вызывала участіе и состраданіе. Какая-то черная тряпка перекидывалась черезъ плечо цыганки, и, въ діагональ отъ этого плеча, торчали грязныя и голыя ноги ребенка, котораго она кормила грудью.

— Баякъ, ай-Баякъ! Поди погадаю! повторила она.

— Много ихняго брата тутъ, замѣтилъ Сходкинъ, стоявшій за мопмъ плечомъ... Пойдемъ-те-ко лучше... ну ее... Онъ вѣщескому благородію насулятъ столько, что и расчитаться нечемъ будетъ! Право-слово... Ужъ мы ихъ испробывали ни мало.

— Баякъ! Эй, баякъ! Ну, дай хоть что-нибудь ребенку... Подари, баякъ?

— Я подаль ей нѣсколько мѣдныхъ монетъ.

— Ну, такъ! проворчалъ Сходкинъ... всѣхъ, баринъ, не накормишь... Еще впереди встрѣтишь много, да не съ однимъ... у иной-прочей, что пальцевъ на рукъ, столько и ребятъ.

— А, что это твой ребенокъ? спросилъ я.

— Мой? А мой же умеръ. Нѣтъ не мой... не своего кормлю... Онъ Гуряскинъ... и цыганка поцѣловала ребенка съ нѣжностію матери.

— Какъ же тебѣ его кормить досталось? спросилъ я.

— А просто. Гуряська съ Грудо ушла ночью, а мнѣ оставила его... вотъ и кормлю... ночью мнѣ его подложила, а онъ понимаетъ что ли?.. Ему бы что ни въ ротъ то и...

— Ну, ты его и выкормишь?

— А, какъ же? А, вотъ поднимется и ступай, и меня не знай... Да у насъ, баякъ, и все такъ...

Цыганка прослезилась, и, скрывая слезы, обратилась къ ребенку: «Ну... спи, спи, шука-черный возьметь!»

Я бросилъ ей еще серебряную монету и мы пошли.

— Надуваетъ, сударь, надуваетъ! говорилъ Сходкинъ, а самъ прослезился.

— О чемъ же ты плачешь, старикъ? спросилъ я.

— Эко!.. не плакать!.. Надуваетъ, сударь .. ловко надуваетъ, въ душу такъ сказать лзеть... Этакія шельмы! И Сходкинъ снова отправилъ рукавъ куртки къ своимъ рѣсницамъ.

Въ портовомъ городѣ, разумется, вниманіе любопытнаго болѣе всего вызываютъ его верфи, доки, мастерскія и проч. До послѣднихъ было весьма недалеко. Мы туда и отправились. Южная бухта, на правомъ берегу которой, подъ кручею, вытянуты мастерскія, сосредоточила въ себѣ, кажется, всю дѣятельность черноморскихъ витязей. Шлюбки, гички и восмерки безпрестанно переплываютъ съ одного берега на другой, пристають къ трапамъ разснащенныхъ кораблей, везутъ на нихъ... свозятъ съ нихъ; сотни рукъ красятъ, холятъ, чистятъ своихъ крылатыхъ коней; тутъ же живописно ныряютъ морскія свиньи, сытныя, какъ порядочный боровъ, тутъ же ловятъ и вкусную макрель. Надъ головою вашею едва видны верхи правильнымъ квадратомъ расположенныхъ казармъ двадцать девятого и тридцатаго экипажей. Мастерскія вытянулись правильнымъ рядомъ, по окраинѣ бухты, и надолго могутъ занять вниманіе новичка-посетителя. Порядокъ, обиліе машинъ, инструментовъ, усердіе и искусство рабочихъ, все это поражаетъ съ перваго взгляда. Если корабль, какъ справедливо сказано, есть пловучая крѣпость, такъ для удобствъ и комфорта этой крѣпости здѣсь дѣлается все—отъ гвоздя и кабалки до роскошной рамы въ окно капитанской каюты.

Лодка готова, и я, мой читатель, вмѣстѣ съ вами и съ съдѣмъ Сходкинымъ, могъ бы переправиться въ Корабельную слободку; но въ настоящее время, за это удовольствіе можно отгостить въ гостепріимномъ лагерѣ Джонъ-Буля, гдѣ также много мяса, какъ на ребрахъ Мамонта... Подыметесь по чистой и гладкой тропинкѣ, замѣяющей здѣсь улицу, и остановимся на театральной площади. Отсюда Корабельная слободка такъ видна, какъ на ладони.

У русскихъ въ натурѣ—ничѣмъ и никогда не хвастать... Точно такъ и огромная слобода названа слободкой. Вотъ прямо передъ вашими глазами, на первомъ уступѣ крутаго берега, извилистый рядъ приземистыхъ мазанокъ: это, болѣею частію, помѣщенія артиллерійскихъ кондукторовъ и артиллерійскихъ служителей; выше—надолго любуется огромными правильной архитектуры казармами флотскихъ экипажей; тутъ же помѣщается и го-

спиталь. Чистота, опрятность, даже маленькая роскошь—вотъ что замѣчается въ этомъ зданіи. Восточнѣе къ углу Южной и Большой бухтъ, тянутся небольшія возвышенности; подъ ними дорога и маленькій докъ. Вверху суета, движеніе и трудъ неимовѣрный. Тутъ раскапываютъ цѣлыя горы, взрываютъ ихъ, и сотни людей, по устроеннымъ рельсамъ, свозятъ песокъ и глину. Это устроивается докъ, едва ли не великолѣпнѣйшій и удобнѣйшій въ мірѣ. Гранитныя и каменные бассейны такъ чисты и бѣлы, какъ будто высѣчены изъ отличнаго рефинада. Въ мое время были только-что привезены изъ Англій чугуныя ворота для дока и, мнѣ кажется, чтобы обойти ихъ, уже не говорю осмотрѣть, могло бы понадобится четверть часа времени для отчаяннаго нѣмецкаго скорохода. Западнѣе гора Сапунъ. Подымаясь отъ *пересыпи* южной бухты узкою тропинкою, застроенною домами и домиками, лѣвѣе она дѣлается пустыньѣе и оканчивается казармами артиллерійскихъ юнкеровъ, за которыми видна деревянная татарская мечеть. Вотъ доказательство, что въ Севастополѣ есть татары, а недавно въ одной изъ петербургскихъ газетъ было сказано, что тамъ *нѣтъ ни одного*. Да вотъ они, взгляните къ подножію Сапунки: это небольшая, почти квадратная площадь, называемая пересышью... Съ южной ея стороны стройнымъ рядомъ встали красавцы тополи; на самой площади съ утра до вечера толпятся татары съ своими мажарами дровъ, у арбъ скромно лежатъ верблюды, чавкакая съно и повода своею красивою мордою. Стоить только перебѣжать пересышь и вы насладитесь полнымъ татарскимъ кейфомъ, который стоитъ всего одинъ гривенникъ, и за который первый пивоваръ, онъ же и первый капитанъ Великобританіи, охотно бы заплатилъ теперь въдесятеро, разумѣется четвертаками, добытыми прикладомъ изъ сундуковъ Ялты. Большая мазанка, прислонившаяся къ горѣ, надъ нею висятъ Банборы и сотнядругихъ мазанокъ, въ ней огромная дверь, всегда настежъ. Печь пылаетъ постоянно, въ ней въ огромныхъ котлахъ и въ кипятокъ прыгаетъ баранина—это варится лапша, рядомъ жарится бараній шашлыкъ, подалеже трещать, корчатся на сковородѣ пирожки, также съ неизмѣнной бараниной, а кругомъ, на лавкахъ и табуретахъ, глубокомысленно разсуждая о пользѣ шальваровъ и покуривая крымско-татарскій табакъ, възсѣдаютъ хозяева верблюдовъ, каждый день съ точностію совершающіе умовніе и никогда не умывающіе лица. Это татарскій кафе-ресторанъ. Если ужъ мы спустились на Пересышь, то всего нѣсколько шаговъ вправо отъ дешеваго обѣда, за тополи, и пе-

редь нами древнее татарское кладбище. Трудно встрѣтить гдѣ-нибудь столько поразительной тишины, столько обстановки для картины, полной разрушенія и неподвижнаго хаоса, какъ на этомъ небольшомъ пространствѣ, задвинутомъ со всѣхъ сторонъ холмами, изрытомъ пещерами и, можно сказать, вспаханномъ временемъ. Большая часть могилъ сгладились съ землею и только кое-гдѣ изъ-за тощаго тополя выглядываютъ сѣроватая чалмы гранитныхъ памятниковъ. Куски гранита и часто приподнявшіяся окраины плитъ встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу.

На этомъ кладбищѣ давно ужъ не погребаютъ умершихъ мусульманъ, и никто, даже самые татары, не посѣщаютъ его. Мнѣ случилось быть здѣсь два раза и въ послѣдній воспользоваться весьма оригинальной встрѣчей. Рано, въ ясное декабрьское утро, спускался я съ Сопунки къ кладбищу. Городъ еще спалъ и только штыки часовыхъ сверкали на блокнифахъ, да партіи матросовъ рабочихъ ротъ расходились по своимъ мастерскимъ. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ я на эти молчаливыя горы, заблѣнные первою порошею снѣга, искрившагося алмазами подъ райными лучами солнца; въ спокойныхъ бухтахъ лѣниво двигались лодки и далеко на горизонтѣ моря бѣлелись паруса... Вдругъ, подъ ногами моими послышался грубый и отрывистый голосъ... Внизу, у разрушеннаго памятника сидѣлъ старый цыганъ, окруженный четырьмя оборванными мальчиками. Ветхая каравмокая шапка на двигалась на глаза стараго хитана, дырявый халатъ, вырѣзанный на груди по формѣ черкески, открывалъ его загорѣлую грудь. Босая нога старика была закинута на коленку другой... Онъ какъ будто бранился съ кѣмъ-то и, почти при каждомъ словѣ, билъ своимъ поясомъ по могильной плитѣ. Мальчинки стояли также неподвижно и безмолвно, какъ ихъ сосѣди, стволы осыпавшихся тополей.

Заинтересованный этою сценою я спустился къ цыгану; онъ взглянулъ на меня изъ-подъ лобья мутными глазами и усердно продолжалъ свое дѣло. Наконецъ, шапка полетѣла съ головы его; старикъ тяжело вздохнулъ, отеръ со лба крупныя капли пота, провелъ рукою по вкоченнымъ волосамъ и съ улыбкою, которою какъ будто бы заискивалъ мое расположеніе, спросилъ:

— Что, баякъ? А?

— Гуляю пріятель. А ты что тутъ дѣлаешь?

— Я-то? Бью по камню, а ему достается. Да! съ глубо-

кимъ вздохомъ продолжалъ цыганъ: вотъ третій годъ зову его и день и ночь... Иди говорю — боится...

— Кого же зовешь ты?

— А его, — его! и старикъ судорожно сжалъ кулаки... Вѣдь, говорю... только одинъ разъ дай плюнуть въ твой дырявій черепъ и потомъ лежи... Ну, и лежи, говорю.

Старикъ походилъ на сумасшедшаго.

— Кто же это онъ? спросилъ я.

— Онъ-то? Пстой, пстой... я тебѣ вѣдь, баякъ, не рассказываль... Видишь эти пещеры? Онъ указаль на гору, поднявшуюся за виноградниками у Мичманскаго бульвара. Здѣсь, лѣтъ сорокъ назадъ, кочеваль нашъ таборъ... Я былъ такой красивый, молодой... первый плясунъ, первый воръ... Ухъ! какой я былъ! Ну, и Догачка полюбила меня... красавица... Господа ей говорили: Догачка, Догачка душечка! право... Мы сдружились. Разъ ночью, осенью, нехорошій сонъ разбудилъ меня, я проснулся... Послушай, говорю Догачка, я расскажу тебѣ сонъ...

Старикъ закрыль лицо руками и прослезился.

— Какъ думаешь, продолжалъ онъ, слышала-ли Догачка?

— Не знае.

— Нѣтъ... не слышала, не слышала! Ее не было... она продала меня... она убѣжала, вотъ съ нимъ; онъ украль ее... И старикъ сдѣлаль такое отчаянное движеніе впередъ, какъ будто-бы зубами хотель разгрысть гранитный памятникъ.

— Долго не зналь я, куда пропала Догачка... Много прошло съ тѣхъ поръ времени... Я обошелъ Бессарабію, Венгрію и вотъ опять воротился сюда—и все узналь... Вонъ она, съдина, сказаль старикъ, вырвавъ клокъ своихъ волосъ, а кровь, по старому, клокочетъ во мнѣ за обиду!.. Бѣдная, бѣдная Догачка, скоро пожалѣла она о своемъ Хамко... о-охъ какъ пожалѣла! Бывало намъ тамъ было весело вмѣстѣ... на дождь, въ грязи, то она возьметъ мой армякъ и пойдетъ собирать милостину, или воровать, то я, въ томъ же армякъ, ночью, заберусь въ чужіе огороды и для моей Догачки натаскаю бульбы... А какъ пошла она къ нему... все пошло хуже... все! Всегда тепло, всегда сыто, а свѣту хоть бы въ щель... Ну, ужъ тутъ смерть цыгану... и умерла она... Взяли жъ и его черти! Вотъ онъ... каждую ночь хожу къ нему и требую отвѣта... молчить! ребячь вожу съ собой и говорю... Старикъ обратился къ ребячѣшкамъ:

— Слышите, щенки!.. умру, ходите вы послѣ меня сюда, не отставайте отъ него, не отставайте!

— Такъ это твои дѣти? Хамко? спросилъ я.

— Нѣтъ. Всѣ ребятишки мои дѣти: я ихъ всѣхъ кормлю... я вѣдь кузнецъ... золотыми руками кую желѣзо! гордо добавилъ цыганъ.

— А что, баякъ, продолжалъ онъ тономъ наивной фамильярности: съ тобой есть хлѣбъ?

— Нѣтъ; я вышелъ на прогулку и не запасся завтракомъ.

— Гм... Такъ чѣмъ же я васъ накормлю сегодня, щенки? сказалъ старикъ, обращаясь къ ребятишкамъ, тощія и печальныя лица которыхъ могли бы даже и у Плюшкина выпросить кусочекъ коровая, отъ котораго такъ великодушно отказался герой «мертвыхъ душъ.»

— Постой! продолжалъ цыганъ, вытаскивая изъ кармана шальваръ прекрасно-отдѣланную въ серебрѣ флейту. Вотъ, баякъ, купи-ка у меня дудку... ей-Богу, не краденая, добавилъ онъ, тогда какъ глаза старика нисколько не говорили въ пользу клятвы...

— Я, другъ мой, не играю на этой дудкѣ и она мнѣ не нужна; а вотъ тебѣ... накорми ребятъ.

Мы разстались.

Но, мы остановились на театральной площади, лицомъ къ Корабельной слободкѣ, Южной бухтѣ и Пересыпн. За нами, подъ гору, вытягивается чистая, широкая улица, ведущая въ Артиллерійскую слободку, гдѣ на дорогѣ вы встрѣтите булочную съ бубликами и калачами и еще домикъ, составляющій видную единицу въ итогъ виннаго откупа. Направо садъ, сокровище для дальняго городка, однако жъ мало посѣщаемый, и за нимъ *Мичманскій бульваръ*. Бульваръ пустынный, голый, идущій на тропинкѣ горы и оканчивающійся у обрыва, надъ Пересыпью. На грани бульвара, въ мое время, стояла бесѣдка въ видѣ гриба. Не знаю, скушали-ли теперь враги этотъ сосновый боровикъ, но тогда онъ назывался «*Грибокъ счастливыхъ мыслей*». Такъ какъ авторы оставляли здѣсь свои мысли, очевидно, не для печати, то я о нихъ и умалчиваю.

Севастопольскій театръ, какъ говорятъ, много потерпѣвшій въ настоящее время, отъ непріятельскихъ ядеръ, по своимъ удобствамъ, размѣрамъ и чистотѣ зданія, можетъ назваться однимъ изъ лучшихъ провинціальныхъ театровъ южной Россіи. Поставленъ онъ въ 1843 — 44 г., при антрепренерѣ Жураховскомъ, со-

дѣйствіемъ и помощію гг. офицеровъ Черноморскаго флота. До того времени большія пьесы разыгрывались въ крошечномъ подвалѣ, за Артиллерійскою слободкою. Нѣсколько осыпавшіяся колонны его подъезда, постоянно испещрены афишками и пятнами клеѣстера: корридоръ обширенъ и чистъ, направо крошечная будка, величиною съ обыкновенный посудный шкафъ: здѣсь касса; далѣе, по той же стѣнѣ, дверь въ буфетъ; направо бильярдная; прямо отъ входа—дверь въ залу, около которой проходитъ узенькій корридоръ, вѣдущій на сцену. Зала освѣщается одною люстрою и вмѣщаетъ до полутора ста стульевъ; кругомъ идутъ два яруса ложъ и надъ ними помѣщается галерея. Сцена, я уже сказалъ, довольно помѣстительна, за нею уборная для мужчинъ; героини костюмируются дома. Направо, во второмъ этажѣ зданія, жилия комнаты для Гамлетовъ и Губкиныхъ; тутъ же и второй буфетъ.

Заговоря о Севастопольскомъ театрѣ, нельзя не сказать нѣсколько словъ о Крымскомъ Лумлѣ, г. Жураховскомъ. Старый антрепренеръ, едва ли не современникъ родоначальника провинціальныхъ труппъ — Штейна, Жураховскій, сказать, положи руку на сердце, плохой актеръ, но изумительно-дѣятельный хозяинъ, страстный любитель искусства и знатокъ сцены. Онъ рѣдко пріобрѣтаетъ провинціальную знаменитость, но ангажируетъ начинающихъ, бѣдняковъ, подешевль, и рѣдко ошибется въ будущемъ талантѣ; примѣромъ тому можетъ послужить г. Зубовичъ, которому въ провинціи въ комическихъ роляхъ нѣтъ соперника, и этотъ молодой человекъ началъ у Жураховскаго, едва ли, какъ говорится въ закулисномъ мѣрѣ, не съ перваго шага. Никто прежде М. С. Жураховскаго не совершаетъ контракта на право игры въ Елисаветградъ, во время кавалерійскаго кампанента; никто прежде его не посѣтитъ въ Вознесенскъ, а между тѣмъ и Севастополь не лишенъ актеровъ. Труппа дѣлится такъ умно, что не бранятся здѣсь, да нѣтъ недовольныхъ и тамъ. Самъ антрепренеръ неразлученъ съ Севастополемъ. За то, въ отсутствіе половины своей на все готовой труппы, онъ весь къ услугамъ публики, которую, можетъ быть, по этому случаю, постоянно на афишѣ ублажаетъ названіемъ снисходительной. И въ самомъ дѣлѣ, умная, образованная Севастопольская публика очень снисходительна! Охрипъ ли первый любовникъ—г. Жураховскій влюбленъ за него; нуженъ Тарабаръ (Русалка част. IV), онъ Тарабаръ; заигрался ли на бильярдѣ Чупрунъ—онъ за Чупру-

на; взяли Гамлета въ полицію — г. Жураховскій Гамлетъ. Во всемъ этомъ, право, немного для публики эстетическаго наслажденія, но за то много съ ея стороны добродушнаго смѣха, когда опера превращается въ балетъ, интермедія въ водевилъ и трагедія въ фарсъ. Вообще Севастополь не бѣденъ развлечениями и удовольствіями. Театръ два и три раза въ недѣлю, собраніе, для лѣтнихъ прогулокъ—музыка на Графской пристани, садъ въ Ушаковой балкѣ; для охотниковъ за дичью и зайцемъ—окружныя степи, повздки къ развалинамъ Херсонеса, въ Инкерманъ. О послѣднемъ не могу умолчать, какъ о мѣстѣ, гдѣ русскій штыкъ такъ недавно отмѣтилъ новую страницу въ нашей военной исторіи.

31 декабря я уже былъ готовъ къ отъезду въ Симферополь, какъ неожиданно мнѣ представился пріятный случай сдѣлать прогулку къ Инкерманской скалѣ. Общество наше было не многочисленное, но пріятное и веселое. Мы отправились на шлюбокъ. Утро было очаровательное, солнечное; воздухъ чистъ, свѣжъ, какъ воздухъ послѣднихъ дней сѣвернаго августа. Пройдя между множествомъ военныхъ судовъ, втянувшихся въ гавань, шлюбка наша у форта Св. Павла (80-ти пушечный), повернула направо и пошла Большою бухтою. Оба берега этой бухты круты и обставлены холмами; по правому еще замѣтна крошечная тропинка, которая ведетъ къ Инкерманской скалѣ; на лѣвомъ тянутся отрывистые меловые и песчаные холмы, только въ одномъ мѣстѣ, почти на полдорогѣ этого берега вдалась ровная, гладкая площадка. Трудъ и дѣятельность нашли пріютъ и здѣсь. Чистое, низменное строеніе, поставленное буквою П, останавливаетъ на себѣ вниманіе прохожаго и проѣзжаго. Это сахарный заводъ, гдѣ день и ночь изготавливаются ржаные галеты для Черноморскаго флота. Больше сотни хлбонеконъ работаютъ въ кухняхъ завода. Львую отъ входа сторону занимаютъ именно кухни. Безпрерывный рядъ громаднхъ печей тянется длинною вереницею; надъ ними рѣшетки для сушки сухарей, узенькій проходъ раздѣляетъ печи отъ чистыхъ, бѣлыхъ столовъ, на которыхъ, въ костюмѣ островитянъ Пукагивы, мастеровые мѣсятъ и валяютъ хлбы. Жара здѣсь Сахары! Напротивъ кухонъ помѣщаются амбары и кладовыя. Только что мы оставили сахарный заводъ, какъ передъ нами, въ концѣ бухты, вырисовалась скала, предметъ нашего путешествія. На западной ея оконечности видѣлась полуразрушенная башня, отъ которой грань скалы, из-

рытая пещерами, идетъ почти перпендикулярно къ своему основанію. Инкерманская скала, теперь обращенная въ скитъ (въ 1852 г., вмѣстѣ съ скалою Чуфуть-Кале), была когда-то генуэзскою крѣпостью.

Перейдя почтовую Симферопольскую дорогу и миновавъ неизбѣжный духанъ съ винограднымъ и макрелью (туземная вкусная рыбка), мы подошли къ скаль. Въ нижнихъ, темныхъ ея пещерахъ, заваленныхъ сугробами грязи и обрушившихся камней, стояло нѣсколько скромныхъ ословъ, неизвестно кому принадлежавшихъ. Съ южной стороны, полукруглая пещера ведетъ на верхъ узенькою, изъясненною въ камень, лѣстницею. Путешествіе по ней въ гололедицу не расшевелитъ желанія даже и отчаяннаго туриста. Время изрыло и изуродовало ея ступени.

До поздняго вечера мы не оставляли Инкерманской скалы и обошли весь ея пещеры. Возвращаясь, встрѣтили духанщика, который, на вопросъ нашъ: «Чей это осель жуеть съно въ крайней пещерь?» почтительно снявъ шапку, отвѣчалъ: знакомый вашего благородія?

— Какъ-такъ? съ громкимъ смѣхомъ спросили мы, не подорывая караима въ такой наивной способности острить надъ бѣдными путешественниками.

— А какъ же: вѣдь онъ, который пѣлъ недавно въ театрѣ? самодовольно отозвался духанщикъ.

Тутъ мы вспомнили забавный случай, который я когда-то разсказалъ въ Пантеонѣ и который повторяю кстати. Дней за десять до нашей повѣздки въ Инкерманъ, на Севастопольской сценѣ шла въ бенефисъ режиссера четв. часть Русалки. Известно, что здѣсь, кажется во второмъ актѣ, Тарабаръ выѣзжаетъ на ослѣ. О последнемъ вѣпомнимъ только предъ началомъ спектакля; а Тарабаръ рѣшительно не хотѣлъ идти на сцену, но желалъ выѣхать. Въ торопяхъ бросились искать осла, схватили на южной пересыпи перваго попавшагося въ руки и завербовали въ оперу. Длинноухій артистъ, не сренетировавшись съ оркестромъ, какъ только показался на сцену и моментально пораженный освѣщеніемъ и рукоплесканіями, заоралъ во все ослиное горло, покрывъ и оркестръ и арію тарабара... Помню однакожь, что ни осла, ни Тарабара не вызвали.

На утро, въ первый день новаго года, при звукахъ барабановъ и поздравительной музыки, гремѣвшей на всѣхъ дворахъ, я оста-

виль Севастополь, распротьясь съ его добрыми, гостепрімными моряками.

Знаю, что въ моихъ воспоминаніяхъ о Севастополь много есть недосказаннаго; но я говорилъ о томъ, что видѣлъ; въ настоящее же время, увѣренъ, что и два слова о нашей Сарагосъ — интересны.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. Испанская литература и ея новѣйшіе историки.—Генрихъ Лонгфеллоу и современная литература въ Сѣверной-Америкѣ. — Исторія присоединенія Лотарингіи къ Франціи. **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА И ИСКУССТВО:** Рашель (*біографическій очеркъ, Евгенія Мирекура*). — Сцены и очерки парижской театральной жизни (*статья третья*). **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Солнце и магнитная стрѣлка. — Дѣйствія гельминтовъ. — Грызуны камней. — Полосатая муха. — Извѣстія изъ центральной Африки. — Коверъ изъ слоновой кости. — Лодка новаго устройства. **АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, НОВОСТИ:** Изрѣченія персидскаго поэта Фицъ-Арари. — Плясовая болѣзнь. — Странная компанія на акціяхъ. — Исторія колець. — Крысы. **ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ:** Миссіонеръ въ Китаѣ. **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ:** Страшная ночь. (Разсказъ г-жи Клемансъ-Роберъ).

І. ЛИТЕРАТУРА.

Испанская литература и ея новѣйшіе историки. — Европа обратила теперь особенное вниманіе на испанскую литературу. Уже около пятнадцати лѣтъ, какъ исторія испанской поэзіи сдѣлалась предметомъ дѣятельныхъ изысканій. Мы теперь далеки отъ того времени, когда Моптескѣ въ персидскихъ письмахъ говорилъ: «Вы найдете много ума и здраваго смысла у испанцевъ, но не ищите этого въ ихъ книгахъ. Единственная ихъ книга только тѣмъ и хороша, что смѣется надъ всеми другими».

Въ исторіи испанской литературы двѣ замѣчательныя эпохи. Средніе вѣка и XVI-е столѣтіе. Въ первой родилась эпопея съ блистательнымъ «*Romancego*», а потомъ дидактическія сочиненія. Въ XVI

вѣкъ и въ началѣ XVII, въ блескѣ юности возникъ театръ, гдѣ сатира Сервантеса, подъ самыми веселыми вымыслами, скрывала глубокія нравственныя поученія. Исслѣдованія этихъ эпохъ составляютъ трудъ, болѣе всего приносящій чести литературѣ нашего времени.

Древнѣйшій источникъ кастильской поэзіи состоитъ въ героической пѣснѣ. Всѣ поэты воспѣвали Дона Родриго де Бивара. Съ XIV до XVI вѣка романсы свободно распѣвали преданіе о валенскомъ героѣ и облагородили дикую фizioномію, начертанную неизвѣстнымъ авторомъ Poema del Sid. Сидъ имѣлъ идеи и добродѣтели своего вѣка, въ особенности же военныя добродѣтели, составлявшія смѣсь хитрости съ дерзостью, осторожность съ неустрашимостію. Онъ былъ славнѣйшимъ воиномъ XI вѣка. Ни съ однимъ именемъ не связано столько печальныхъ нападеній, чрезвычайныхъ предпріятій и блистательныхъ побѣдъ. Этимъ было поражено воображеніе народа. Борьба испанцевъ съ мусульманами была тогда патріотическою и религіозною борьбою. Поэзіи нуженъ былъ типъ, символъ, герой, олицетворявшій въ себѣ весь народъ. Кого ей было избрать? Того, кто занималъ уже воображеніе всѣхъ—Сидъ Кампеадора. Родриго де Биваръ сдѣлался героемъ великой христіанской борьбы. Онъ три вѣка, съ XIII до XVI, украшалъ, очищалъ поэмы и одушевлялъ пѣвцовъ, которые сдѣлались наконецъ образцемъ любви, чести, рыцарства, религіи и патріотизма.

Пѣснь о Сидѣ, романсеро о Сидѣ, романсеро Феррона Гонзалеса, котораго Мавры прозвали *кровожаднымъ коршуномъ* (el buitre carnivero), романсера Бернара Карто, пѣснь объ инфантахъ Лары, пѣснь о Карлѣ Великомъ и перахъ его — представляютъ рядъ эпическихъ и лирическихъ памятниковъ испанскаго генія среднихъ вѣковъ.

Рыцарскія идеи произвели въ VIII вѣкѣ то же странную *пѣснь объ Александрѣ Великомъ* (poema de Alejandro Magno), сочиненія Хуано Лорензо Сегура.

Графъ Луканоръ — составляетъ рядъ наставленія для свѣтскихъ людей, написаннаго однимъ изъ владѣтельныхъ принцевъ XIV вѣка, а именно инфантомъ Хуаномъ Мануэлемъ, племянникомъ Альфонса ученаго. Графъ Луканоръ представляетъ типъ челоѣка, который со всевозможною доброю волею хочетъ слѣдовать стезею чести и добра. Онъ при всякомъ обстоятельствѣ жизни спрашиваетъ оракулъ свой *Патроніо* — и тотъ на всякій вопросъ отвѣчаетъ баснею, апологомъ, исторіею, анекдотомъ, и нѣсколько словъ заключенія даютъ ясный и вѣрвый отвѣтъ. — *Мельникъ, сынъ его и осель, Ворона и лисица, Ласточка и птенцы, Молочница и кувшинъ ея, Старикъ и сыновья его*, всѣ басни Лафонтена и другія, можно прочесть въ раз-

сказахъ Патронія. Иногда же, вмѣсто басень, помѣщены событія испанской исторіи, примѣры изъ хроникъ и изъ воспоминаній автора.

Послѣ этого періода первоначальныхъ попытокъ наступилъ настоящій, первый періодъ испанской литературы. Первымъ писателемъ является нѣкто Хуанъ-дель-Энсіна, жившій въ царствованіе Фердинанда и Изабеллы и скончавшійся въ 1534 году въ Саламанкѣ, посвятивши послѣдніе дни свои монашеской жизни, подобно Лопе де Вега, Кальдерону и др. Пьесы его представляютъ болѣе пасторали духовнаго содержанія. Но есть нѣсколько взятыхъ и изъ обыкновенной жизни, какъ напримѣръ «*Fileño y Zambardo*». Сочиненіе его, *Целестина*, явилось въ 1500 году въ Саламанкѣ. Въ немъ живыми красками описаны современные страсти, заблужденія, — и тонкость замѣчаній часто заставляетъ забывать странный слогъ его.

Хиль-Висенте первый далъ названіе autos своимъ духовнымъ сочиненіямъ. Они были двухъ родовъ: одни родъ эклогъ, какъ и пасторали Хуана дель Энсіна; другія изображали мистическія аллегоріи.

Въ продолженіе первой половины XVI вѣка, театръ мистерій развивается и устанавливается. Являются Торресъ Ногарро, написавшій цѣлый томъ пьесъ, названный имъ *Propaladia*, и Лопе Руэда, писавшій комическія пьесы (*posos*). Тогдашнія *comedias divinas* — были тоже, что мистеріи въ прочей Европѣ, а autos — нравоучительныя пьесы (*moralités*) среднихъ вѣковъ. Вскорѣ послѣ нихъ явились Лопе де Вега и Гвильенъ де Кастро, Аларсонъ и Тирсо де Молина, Солисъ и Кальдеронъ.

Всѣ они служили предметомъ изученія, но болѣе всего Лопе де Вега, котораго Сервантесъ прозвалъ чудомъ природы. Неизвѣстно, были ли изъ современниковъ его лица, которыя видѣли представленія всѣхъ его *тысячи пятисотъ* драмъ, четырехъ-сотъ autos и множества комическихъ интермедій; но достоверно, что изъ дошедшихъ до насъ его трехъ-сотъ драмъ, пятнадцати autos и нѣсколькихъ интермедій, едва ли кто прочелъ ихъ всѣ. Конечно, должно съ величайшимъ уваженіемъ говорить о такомъ лицѣ, которое полвѣка (съ 1585 до 1635) обладало испанскою сценою, возбуждало всеобщій восторгъ и поддерживало народную любовь къ сценѣ. Но, изумительная плодовитость его, всѣ эти пьесы, эпическія поэмы, дидактическія, комическія, эниграммы, сатиры, трактаты объ Аристотелѣ, поэма о Маріи Стюартъ, совершенно пугаютъ всякое воображеніе и дѣлаютъ недовѣрчивымъ.

Въ собраніи пьесъ Лопе де Вега есть много историческихъ драмъ, которыя увлекаютъ съ перваго взгляда. Въ нихъ почти вся испанская исторія до XVI вѣка. II періодъ римскаго владычества, и готскаго, и

борьбы съ маврами, и анархія среднихъ вѣковъ, и начало единовластія, все изображено имъ. Но, къ сожалѣнію, странныя и романическія вымыслы всегда мѣшаются съ важностію историческихъ событій. Любовныя интриги, похищенныя принцессы, таинственныя открытія болѣе нравятся автору, нежели истина лѣтописей. Главный недостатокъ Лопе де Вега будетъ всегда состоять въ отсутствіи единства плана, сосредоточивающаго всѣ лучи поэзіи на главномъ лицѣ и событіи. Буало говорить, что гнѣвъ Ахилла достаточенъ былъ, чтобъ наполнить всю Илиаду. Но Лопе де Вега недовѣряетъ своимъ силамъ и пускается въ рассказы, чтобъ принаровиться къ своему вѣку и современному вкусу. Въ его драматическихъ и біографическихъ хроникахъ много второстепенныхъ красотъ, но нѣтъ ни одной сильной идеи, составляющей славу Гамлета, Цинны, Макбета и Гофоліа.

Плодовитый авторъ такъ пристрастенъ къ роману, что только его одного и ищеть въ исторіи. Впрочемъ, не однѣ испанскіе лѣтописи разрабатывалъ онъ. Онъ бралъ сюжеты свои во Франціи, въ Италиі, въ Германіи, въ Англии. Онъ вывелъ борьбу Рудольфа Габсбургскаго съ богемскимъ королемъ Оттокаръ; анархію Венеціи до Матѳея Корвина; онъ написалъ даже *Дмитрія Самозванца*. Онъ изобразилъ Феррарскій дворъ. Но вездѣ Лопе де Вега мало заботится о мѣстной и всеобщей истинѣ, лишь бы былъ случай къ романическимъ картинкамъ. Если онъ и касается до великихъ историческихъ событій, то беретъ ихъ изъ сказокъ и преданій. Посмотрите пьесу его *la fuerza lastimosa* (печальная необходимость). Это исторія *непобѣдимой армады* Филиппа II противъ Англии. Чтожъ онъ сдѣлалъ изъ этого сюжета? Онъ отбросилъ борьбу двухъ націй и религій, а придумалъ престранную романическую интригу. Одна дочь ирландскаго короля назначаетъ свиданіе влюбленному въ нее рыцарю. Другой рыцарь узналъ эту тайну, схватываетъ своего соперника и, вмѣсто его, проникаетъ въ темпотъ въ комнаты принцессы. Любимый рыцарь, узнавши это, бѣжитъ въ Испанію, гдѣ женится на дочери барцелонскаго графа. Принцесса приходитъ въ отчаяніе и лишается разсудка. Между Испаніею и Ирландіею начинается война — и флотъ графа барцелонскаго готовится уже отступить, но буря разбиваетъ его, а любовники видятся, объясняются и женятся.

Въ его сочиненіяхъ замѣтно только одно общее направленіе. Лопе де Вега не любитъ феодальныхъ временъ и вездѣ бранитъ ихъ. Изъ пьесъ его можно составить огромное обвиненіе противъ феодализма. Есть также у него минуты истинной страсти, и тутъ онъ неподражаемъ.

Комедіи его вообще очень милы. Это, конечно, не высокая комедія;

взятая съ натуры, не типы человѣчества. Это смѣсь фантастической комедіи Шекспира съ запутанною интригою современныхъ нравовъ. Корнель и Мольеръ сдѣлали бы изъ его сюжетовъ сотни образцовыхъ произведеній.

Кальдеронъ, какъ драматургъ, выше Лопе де Вега. У послѣдняго нѣтъ нигдѣ глубокой идеи. У Кальдерона же драмы вездѣ серьезныя и обдуманныя. Autos Лопе—слабыя, схоластическія рапсодіи; у Кальдерона autos составляютъ блистательное явленіе, не смотря на многія странности. Кальдеронъ послѣдній поэтъ среднихъ вѣковъ, и, вмѣстѣ съ Данте, самый замѣчательный; онъ какъ бы составляетъ искусственное продолженіе этого періода.

Сервантесъ былъ величайшимъ писателемъ XVII-го вѣка, потому что, не разрывая ни одного національнаго преданія, онъ разорвалъ пелены дѣтства и далъ новую жизнь литературѣ.

Изъ всѣхъ римско-германскихъ странъ, одна Испанія не покорилась влиянію древней греко-римской литературы, которой подражаніе развивалось тогда во всей Европѣ. Не смотря на усиліе нѣкоторыхъ испанскихъ ученыхъ писателей, ввести въ испанскій театръ подражаніе грекамъ и римлянамъ, всѣ попытки остались безплодными.

Литературное движеніе XIX вѣка началось въ Испаніи очень печально: Квинтана сидѣлъ въ Пампелунской тюрьмѣ; Моратишъ скрылся отъ нищеты въ Парижъ; Антонио Гонде былъ изгнанъ; Мартинесъ де ла Роза провелъ шесть лѣтъ въ темницахъ Африки; Алкало Гольано бѣжалъ отъ приговора суда въ Лондонъ, гдѣ давалъ уроки испанскаго языка; Галлего, Гертонилла, Маура были заключены, и первое литературное движеніе Испаніи обнаружилось въ Лондонѣ, гдѣ съ 1824 по 1837 издаваемы были *Ocios de Espanoles emigradas*, имѣвшіе въ 1830 году такой огромный успѣхъ. Поэты: герцогъ Ривасъ и Хиль и Зарате; ученые донъ Агустинъ Дуранъ и донъ Паскуаль де Гайангосъ; философы Бальмесъ и Донозо Кортесъ могутъ назваться представителями своей эпохи.

Теперь уже, конечно, не возстановятся древніе романсеросы, ни хроники, ни драмы XVI и XVII вѣковъ. Новыя времена внушатъ новыя творенія.

(Revue des deux mondes.)

ГЕНРИХЪ ЛОНГФЕЛЛОУ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. — Англо-саксонское племя старается развивать свои умственные способности въ ихъ первоначальномъ и оригинальномъ направленіи. Въ Англіи оно началось и продолжается подъ посмертнымъ влияніемъ

Шеллея; въ Америкѣ принимаетъ болѣе рѣшительный характеръ, и хотя это двоякое движеніе имѣеть, по причинѣ родства двухъ племенъ, много сходства, но можно замѣтить между ними и много существенной разности. У всѣхъ нововодителей древней Европы видны слѣды прошедшаго на каждомъ шагу; но у писателей новаго свѣта этого незамѣтно. Европейцы призываютъ природу, какъ утѣшительницу и какъ отдохновеніе послѣ трудовъ, или во время печали; но американцы не любятъ и непонимаютъ природы. Если они печальны, то ожидаютъ нравственнаго утѣшенія не отъ уединенія, а отъ *труда*, и еслибъ Америка могла породить мизантропа, то онъ не скрылъ бы своей скуки въ пустышѣ, а старался забыть ее въ шумѣ купеческой конторы, или въ безпрестанныхъ умственныхъ занятіяхъ. Трудъ составляетъ законъ за-атлантическаго мыслителя, и онъ можетъ повторить съ Гёте: «Только тотъ заслуживаетъ блага жизни и независимости, кто ежедневно трудится приобрѣсть ихъ.»

Лонгфеллоу соединяетъ, со всѣми отличительными качествами своего племени, нѣкоторыя особенныя, свойственныя новѣйшей, уточненной цивилизаціи. У него видна иногда меланхолія Беллини.

«Будущее, какъ бы оно блистательно ни было, не должно обольщать тебя. Прошедшее должно быть для тебя мертвымъ. Дѣйствуй, дѣйствуй въ настоящемъ, которое существуетъ и живетъ!» Вотъ правила Лонгфеллоу.

Поэзія настоящаго! Это слово странно для нашего слуха. Поэзія не была и въ древности отдѣльнымъ явленіемъ, недоступнымъ и таинственнымъ; напротивъ того, она одушевляла все, и никакое человѣческое дѣйствіе, никакое проявленіе мысли не были чужды поэзіи. Еслибъ промышленность существовала въ древности, то и ее бы не прогнали съ Олимпа, и она бы имѣла свою *музу*. Мы это видимъ въ томъ, что высшій типъ красоты былъ супругою Вулкана, безобразнаго, хромаго кузнеца, этого архитипа и представителя нашего желѣзнаго вѣка. Если когда-либо будутъ воспѣвать Вулкана и трудъ, то поэтъ будетъ американецъ.

Мнѣ скажутъ, что и англичанинъ работаетъ, чтобъ достигнуть своей цѣли и отдохнуть наконецъ. Американецъ трудится, чтобъ работать и никогда не отдыхать. Цѣль его при работѣ состоитъ въ дѣятельности его энергіи, въ развитіи ея, въ достиженіи ея высшей степени.

Лонгфеллоу извѣстенъ въ Европѣ только по поэмѣ своей *Эвангелина*, и мнѣ кажется, что эта извѣстность несправедливо приобрѣтена. Въ этой поэмѣ описательная часть превосходна, но во

всѣхъ другихъ отношеніяхъ достоинства ея вовсе незначительны. Читатель обошелся бы безъ героини, безъ жениха ея, безъ отца, однимъ словомъ безъ всѣхъ лицъ поэмы, и довольствовался бы одними лугами и фермами Новой Шотландіи, «блѣднымъ океаномъ, трепещущимъ подъ сребристымъ взглядомъ луны; исполнскими соснами, обвитыми мхомъ, которыя въ сумракѣ вечерней зари кажутся одѣяніемъ древнихъ друидовъ, нашептывающихъ странныя и мистическія пѣсни.» Разсказъ холоденъ и незанимателенъ; эпизоды нисколько не потрясаютъ читателя.

Гораздо выше этой поэмы мелкія его стихотворенія. Напримѣръ: *Voices of the Nigh* и *Seaside and Fireside*, гдѣ видѣнъ гений и высокая поэзія. Посмотрите въ его *Hyperion*, какъ онъ смѣется надъ юношами, проводящими свою молодость безъ труда и дѣятельности. «Что за удовольствіе, говоритъ онъ, мечтать о блѣдномъ *прошедшемъ*? Что мнѣ мучить себя мечтами о *будущемъ*? какъ грустна юность, которая проходитъ въ сожалѣніяхъ о прошломъ или въ пустыхъ надеждахъ на будущность. Дайте мнѣ *настоящую* жизнь, живую, горячую минуту существенности, и я буду трудиться съ полною сознательностію въ успѣхѣ.»

«Не говорите мнѣ, мечтатели и меланхолики, что жизнь — одинъ сонъ.

«Нѣтъ, — жизнь важное и существенное бытіе! Въ этомъ обширномъ полѣ жизненной битвы я не хочу быть въ числѣ глупаго, нѣмаго, покорнаго стада; но хочу перевѣдаться силами съ ударами несчастія и выйти героемъ побѣдителемъ.

«Наслажденіе! страданіе! это не настоящія слова для опредѣленія моей жизни. Трудиться, дѣйствовать, чтобъ каждый день встрѣчалъ успѣхи моей вчерашней работы, вотъ мое назначеніе.»

Не тоже ли это олицетвореніе дѣятельности (*Thätigkeit*), описанной въ Фаустѣ Гёте? Слѣдственно, весьма ошибаются тѣ, которые думаютъ видѣть въ Лонгфеллоу элегическаго писателя. Онъ гораздо выше этого.

Вообще, лирическія произведенія Лонгфеллоу могутъ быть раздѣлены на три категоріи: на семейныя, на баллады и на философскія.

Между первыми (*domestic poems*) извѣстнѣе всѣхъ: Старыя часы на лѣстницѣ (*the old Clock of the stairs*). Въ одномъ замкѣ исчезло уже нѣсколько поколѣній, а часы все тѣ же и пережили всѣхъ при однозвучномъ щелканьи маятника.

Балладъ немного у Лонгфеллоу, но онѣ прелестны, и смѣло могутъ стать наравнѣ съ балладами Уланда, Кольриджа и даже Гёте. Въ *Skeleton*

top in armour (Скелетъ въ бронѣ) Лонгфеллоу сравнилъ не только съ Шеллеемъ, но и съ Кембелемъ, котораго балладу: «Дочь лорда Уллина» (Lord Ullins daughter) выучили все наизусть лѣтъ тридцать тому назадъ. Начальникъ клана, отдающій все свое имѣнiе, чтобъ переѣхать черезъ рукавъ моря во время бури и погибающій въ волнахъ съ своею невѣстою, далеко не такъ занимателенъ, какъ грозный пиратъ въ балладѣ Лонгфеллоу, котораго противный вѣтръ приноситъ на встрѣчу къ своему врагу.

Американскому поэту нѣтъ еще сорока лѣтъ. Вѣроятно, онъ еще не въ апогеѣ своего дарованiя. До-сихъ-поръ біографiя его состоитъ изъ трехъ важныхъ чиселъ: рожденiя, брака и назначенiя профессоромъ словесности въ кембриджскомъ университетѣ, въ этихъ Аоніахъ Соединенныхъ Штатовъ.

Посмотримъ теперь драматическія его сочиненiя. Что такое его *Испанскій Студентъ* (Spanish Student)? Простая исторiя любви одного юноши. Это самое страстное и самое цѣломудренное сочиненiе. Завязка пьесы не нова: она существуетъ вездѣ. Упорная попытка къ оболъщенiю съ негодованiемъ отвергается, но наружность обвиняетъ невинную дѣвушку; женихъ въ отчаянiи удаляется отъ нея, потомъ узнаетъ истину и женится. Все дѣло слѣдственно состоитъ въ искусствѣ какъ ведена пьеса.

Что теперь сказать о романѣ Гиперіонъ? Герой повѣсти, Флемингъ, видитъ, что его надежды на мнимое *счастiе* пчезли, обращается къ *долгу*, спрашивая самъ себя: въ чемъ состоитъ истинный долгъ?—Въ *трудѣ*, получаетъ онъ въ отвѣтъ.

«Въ жизни, говоритъ онъ, всего труднѣе слово *отказаться*. Разочарованiе! какъ рука твоя холодна и жестка, но это рука друга. Голосъ твой суровъ, но это прiятельскiй голосъ. Терпѣнiе—высшая добродѣтель человѣка. Преодолевая боль и страданiе безъ ропота, человѣкъ возвышается. Да! разочарованiе полезнѣе успѣха.»

Единственная завязка романа—это любовь Флеминга къ мери Ашбортонъ. Но герой получаетъ отказъ. Онъ дѣлается болѣнъ; горячка, безпамятство долго держать его у дверей могилы, и когда онъ приходитъ въ себя, то чувствуетъ, что съ потерей надежды не исчезла любовь; онъ ѣдетъ путешествовать по Германiи, по Швейцарiи и наконецъ прiѣзжаетъ въ Америку. Однажды онъ остановился въ трактирѣ. Въ сосѣдней комнатѣ слышитъ онъ молитвы и женскiй голосъ, это мери Ашбортонъ. Первымъ его движенiемъ было броситься къ ней хоть разъ еще взглянуть на нее. Потомъ гордость остановила его. Голосъ замолкъ и онъ не двигался съ мѣста. Всю ночь провелъ онъ въ этомъ

положеніи и почувствовалъ, что еще любить ее. Извѣстно, что романъ кончается свадьбою и что въ героѣ этого романа авторъ самъ себя описалъ.

Какъ критикъ, Лонгфеллоу можетъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ. Сужденіе его въ Гиперіонѣ о Жанѣ Полѣ и Гофманѣ обнаруживаютъ его тонкій умъ и безпристрастіе. (Revue des deux mondes).

Исторія присоединенія Лотарингіи къ Франціи. Когда современники слишкомъ заняты сами собою, то тѣми же красками описываютъ и прошедшее. Это было во Франціи во время ея литературнаго XVII вѣка. Это еще болѣе замѣтно въ той же литературѣ XVIII столѣтія. Это же перешло и въ нынѣшнее время. Для бѣльшей части среднихъ и послѣднихъ вѣковъ надобно еще *составлять исторію*, то-есть извлекать ее изъ источниковъ, изъ отдѣльныхъ памятниковъ, изъ современныхъ свидѣтельствъ.

Для этого надобно ограничиваться одною эпохою, однимъ важнымъ фактомъ, однимъ характеристическимъ лицомъ, изучивъ его совершенно. Кажется, что г. д'Оссонвиль достигъ этой цѣли въ своей: *Исторіи присоединенія Лотарингіи къ Франціи*.

Не разъ уже говорено было, что весьма бы любопытно прочесть историческое изслѣдованіе: какимъ образомъ составила нынѣшняя Франція посредствомъ постепеннаго присоединенія къ ней разныхъ владѣній, бывшихъ нѣсколько вѣковъ съ нею въ войнѣ и враждѣ; какъ время слило все это въ одно тѣло, не смотря на разность языковъ и степени цивилизаціи. Городъ Валансьеннъ, временная резиденція меровинговъ, только въ 1678 году былъ завоеванъ и присоединенъ по трактату къ Франціи, а между тѣмъ еще въ XIV вѣкѣ родился тамъ и жилъ лучшій тогдашній писатель Франціи, Фруассаръ. Далѣе Литтихъ, имѣвшій долго своего епископа въ видѣ отдѣльнаго владѣтеля, завоеванъ былъ тоже при разлитіи французскихъ нашествій. Наконецъ Лотарингія, которая теперь повидимому составляетъ такую нераздѣльную часть Франціи, имѣла еще въ XVI вѣкѣ три независимыя епископства, и только въ 1766 году, въ царствованіе Людовика XV, была присоединена къ Франціи.

Въ исторіи д'Оссонвиля, послѣ удачнаго описанія жизни и характера герцога де Гюиза, рассказъ быстро развиваетъ всю внутреннюю жизнь Лотарингіи, то-есть честолюбивыя надежды ея властителей на тронъ Франціи и вражду ихъ съ французскими королями.

Со смертію Генриха IV начинается великая драма присоединенія Лотарингіи къ Франціи. Въ драмѣ этой были антракты или интерме-

діи незначущихъ происковъ, до дней рѣшительныхъ дѣйствій, а именно: когда Людовикъ XIII поставилъ въ Нанси свой гарнизонъ, и когда Людовикъ XIV завоевалъ ее оружіемъ, чтобъ опять возвратить по трактату.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ д'Оссонвиль издалъ книгу: *De la politique exterieure de la France*, и въ нынѣшнемъ сочиненіи видно, что онъ руководствовался тѣми же политическими правилами и пользовался всѣми хрониками и старыми узаконеніями. Любопытенъ древній кодексъ Лотарингскаго герцогства. Можно даже почестъ это излишествомъ. Мы нынѣ часто во зло употребляемъ цитаты и документы. Мы ихъ цѣлкомъ представляемъ читателю, который вовсе не занимается ими. Авторъ долженъ бы представлять только ихъ сущность, духъ, одушевляя ихъ жаромъ своего разсказа. Такъ дѣлали древніе историки, которымъ типографіи не представляли удобства для *примѣчаній*.

(Revue des deux mondes).

II. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА и ИСКУССТВО.

РАШЕЛЬ (*біографическій очеркъ, Евгенія Мирекура*). Въ последнее время мы представили въ «Парижскихъ письмахъ» два мнѣнія о Рашели: Француза Планша и англичанки мистриссъ Джемсонъ, доказывающія, что образованные классы въ Европѣ начинаютъ наконецъ раздѣлять объ этой артисткѣ мнѣніе, давно уже высказанное въ Россіи. Въ самое последнее время, большаго шума надѣлала біографія Рашели, изданная Мирекуромъ въ его *Современникахъ* и перепечатанная потомъ во многихъ журналахъ. Беремъ ее изъ журнала *Le Voleur*, и представляемъ читателямъ, выбросивъ только изъ нея лишнія подробности. Съ окончательнымъ приговоромъ Рашели, утвержденнымъ остроумнымъ Мирекуромъ, вѣроятно вполне согласятся читатели нашего журнала, знакомые давно съ тѣмъ, что мы говорили объ этой даровитой, но односторонней артисткѣ.

24 марта 1820 года, въ одномъ жалкомъ швейцарскомъ трактирѣ, Эсвиръ Гайа, жена мелкаго кочующаго купца, еврея Феликса, родила дочь, которой дали имя Елисавета Рахиль (по-французски *Рашель*). Это рожденіе не было правильнымъ образомъ вписано ни въ одну метрическую книгу, ни гражданскую, ни духовную. Это доказываетъ, что знаменитая трагическая актриса, которою вся Европа восхищается, не имѣетъ никакого свидѣтельства о своемъ происхожденіи. Все, что могли найти, состояло въ запискѣ аргаускаго бургомистра (въ кан-

тонъ Аргау), что одна женщина, занимавшаяся мелочною, кочующею торговлею, родила дочь въ деревнѣ Мюнфъ. Въ запискѣ не обозначено ни вѣроисповѣданія, ни фамиліи.

Въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ, отецъ и мать Рашели путешествовали по Швейцаріи и Германіи.

Безъ крова, безъ пристанища, не имѣя иногда куска хлѣба и возя съ собою всѣхъ своихъ дѣтей, отецъ и мать бѣгали съ одной ярмарки на другую, для всѣхъ возможныхъ мелочей, которыми обыкновенно торгуетъ кочующій еврей. Никогда мать семейства не употребляла столько дѣятельности и усилій, чтобъ прокормить свое семейство.

Наконецъ ей удалось приютить его въ Лионѣ, основавши прилавокъ для продажи туалетныхъ вещей.

Въ то время, какъ Эсоиръ Гайа продавала или мѣняла платье, мужъ ея давалъ нѣкоторые уроки нѣмецкаго языка. Сара, старшая дочь, ходила по кофейнямъ пѣть пѣсни, акомпанируя сама себѣ на гитарѣ, а сестра ея, Рашель, собирала подаяніе, обходя всѣ столы.

Около 1830 года отправились они всѣ въ Парижъ, гдѣ ихъ ожидала совершенно другая судьба.

По прибытіи въ Парижъ, семейство Феликса продолжало жить, какъ въ Лионѣ.

Рашель подросла и стала пѣть съ своею сестрою у дверей публичныхъ заведеній, принося ввечеру въ общую каморку весь сборъ.

Нѣкоторые неискусные льстецы, желая угодить знаменитой актрисѣ, пытались оспаривать эти подробности. Они не знали, что она сама была такъ умна, что всѣмъ ихъ разсказывала.

Во время этого эпизода кочующей жизни, Этьеннъ Шоронъ, основатель класса духовной музыки въ Парижской консерваторіи, встрѣтилъ этихъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ и предложилъ имъ ходить въ свой классъ.

Онъ посѣтилъ отца и мать. Рашель больше другихъ ему нравилась. Почтенный старикъ видѣлъ въ лицѣ ея много ума и энергіи.

— Какъ тебя зовутъ, моя милая? спросилъ онъ.

— Елизавета Рашель.

— Это очень длинно. Я тебя просто впишу въ свой списокъ подъ именемъ Элизы. Приди завтра въ мой классъ и не бѣгай больше по улицамъ. Я берусь устроить твою будущность.

Шоронъ сдержалъ слово.

Черезъ мѣсяць замѣтилъ онъ, что рѣзкій и металлическій органъ ученицы его болѣе свойственъ для декламации, нежели для пѣнія.

Онъ самъ повелъ ее къ Сентъ-Олеру, учителю класса трагедій и комедій въ консерваторіи.

Старый профессоръ принялъ къ себѣ молодую ученицу. Она едва умѣла читать. Новый учитель ея преподавалъ ей уроки совершенно отеческимъ образомъ.

Четыре года бился онъ съ нею и посѣялъ въ ней тѣ сѣмена богатой жатвы, которую знаменитая артистка собираетъ теперь.

Роли Герміоны, Ифигеніи и Маріи Стюартъ были затвержены Сентъ-Олеромъ въ памяти ученицы слово за словомъ, полустипшіе за полустипшіемъ, интонація за интонаціею. Между нимъ и молодою ученицею была истинная борьба.

Элиза предпочитала учить Дорину въ Тартюфѣ, Филаменту въ Ученыхъ женщинахъ, Лизету въ Любовномъ безуміи. Она почитала глупцами всѣхъ, которые увѣрили ее, что по сильному ея голосу и жестамъ, трагедія всего приличіе для нея.

Этотъ странной вкуса великой актрисы къ комедіи до-сихъ-поръ еще существуетъ. Она въ восторгѣ, когда въ Одеонѣ, или какомъ-нибудь домашнемъ театрѣ, можетъ сыграть роль Дорины и Маринетты (она даже рѣшилась однажды, 1 іюля 1844 года, играть послѣднюю роль на той самой сценѣ, гдѣ играла Федру), и всѣ находили, что она очень посредственна.

Однажды къ Веделю, кассиру Французскаго театра, явилась въ контору дебютантка и просила его придти послушать ее въ Мольеровской залѣ (нанятой Сентъ-Олеромъ въ Сентъ-Мартенской улицѣ для практическихъ занятій учениковъ его).

— А что вы будете играть, дитя мое? спросилъ онъ у дебютантки.

— Субретку въ Женатомъ философѣ.

— Только?

— Нѣтъ, я начну сперва Герміоною. Но я нехороша въ ней. Приходите ко второй пьесѣ.

Ведель, какъ и всѣ, видѣвшіе молодую Феликесъ въ первый разъ, замѣтилъ въ лицѣ дебютантки силу и выразительность, а въ голосѣ звучность и энергію.

Онъ рѣшился, не смотря на слова ея, послушать первую пьесу, и отправился въ Мольеровскую залу.

Прослушавъ первый актъ Андромахи, онъ поспѣшно ушелъ изъ залы, полетѣлъ въ улицу Ришелье и привезъ въ театръ директора Французской комедіи, Жуслена.

— Посмотрите на эту пятнадцатилѣтнюю жидовку, сказалъ онъ ему. Это чудо.

Начинался третій актъ. Жуслень былъ въ восторгѣ и удивленіи. Онъ никогда не слыхалъ такой чистой декламации, такого удивительнаго дарованія въ дикціи.

Когда потомъ Герміона явилась въ костюмѣ сибретки въ Женатомъ философѣ, онъ вскочилъ какъ бѣшеный, побѣжалъ за кулисы и сказалъ Сентъ-Олеру:

— Да вы съ-ума сошли?

— А что? спросилъ профессоръ.

— Вы портите этого ребенка вашими глупыми ролями изъ Детуша.

— Знаю. Но что же дѣлать? Съ нею мудрено сладить. Она упряма какъ андалузскій мулъ.

— Такъ скажите матери, чтобъ она ее высѣкла.

Потомъ онъ приказалъ привести къ нему Элизу, когда она сойдетъ со сцены. Та явилась.

— Вы хотите вступить въ консерваторію? спросилъ онъ.

— Ахъ, да! Это мое первое желаніе.

— Я васъ помѣшу, и выпрошу вамъ пособіе въ шестьсотъ франковъ. Но если вы когда осмѣлитесь играть хоть одну роль сибретки, я представлю министру, чтобъ исключить васъ.

На другой день допущена она была въ консерваторію въ классъ Мишелю. Это было 27 октября 1830 года.

Вскорѣ послѣ того Жуслень былъ уволенъ, а Ведель, поступившій на мѣсто его, имѣлъ столько ссоръ и непріятностей съ актрисами, что совсѣмъ забылъ о шестистахъ франкахъ, обѣщанныхъ Элизѣ.

У старика Феликса было тогда пятеро дѣтей: четыре дочери: Сара, Рашель, Ревекка, Лія и мальчикъ Рафаэль, а въ 1840 году родилась меньшая дочь, Дина. Разумѣется, старикамъ поскорѣ хотѣлось воспользоваться талантомъ Элизы.

Директоръ театра Gymnase Пуарсонъ увидѣлъ нечаянно въ одномъ спектаклѣ въ Шантереннѣ молодую Элизу въ роли Эрифилы. Онъ удивленъ былъ ея талантомъ и сдѣлалъ ей предложеніе къ ангажементу.

Водевильи Скриба перестали уже дѣлать сборы. Пуарсонъ хотѣлъ попробовать другаго рода зрѣлищъ. Онъ позвалъ къ себѣ Эрифилу съ отцомъ и спросилъ ее:

— Сколько вы желаете имѣть жалованья?

Отецъ Феликсъ тотчасъ же сѣвшилъ отвѣчать:

— Меньше двухъ тысячъ франковъ мы не можемъ взять.

— Вы стоите больше. Я вамъ дамъ три тысячи, и если дочь ва-

ша будетъ играть на моемъ театрѣ, то каждый годъ буду прибавлять по тысячѣ.

— Очень радъ! вскричалъ Феликсъ. Подпишемъ сейчасъ.

— Какъ же мы назовемъ на афишѣ вашу дочь? Я не хочу, чтобъ ее звали Элиза.

— Хотите Рашель? спросила сама молодая дѣвушка: г. Шаронъ заставилъ меня называться *Элиза*, когда я вступила въ его классъ.

— Какая глупость! У меня есть кухарка Элиза. А Рашель это гораздо лучше. Пусть будетъ такъ.

Въ тотъ же день директоръ заказалъ пьесу для своего театра, которая бы поправила сборы. Черезъ три недѣли, Поль Дюпоръ написалъ *la Vendéenne*. Во всѣхъ газетахъ пробарабанили о ней заранѣе и публика явилась на первое представленіе. Но ни пьеса, ни дебютантка, не понравились. Ни та, ни другая не имѣли тѣни успѣха.

Пуарсонъ упалъ духомъ. Вандейку не повторяли, а Рашели стали давать незначущія роли.

Рашель побѣжала къ Ведделю; но тотъ, измученный своими актерами, не принялъ ее. Она написала къ нему письмо; онъ не отвѣчалъ на него. Съ другой стороны, учитель ея, Мишелло, никогда не вѣрившій въ ея талантъ, пересталъ ей покровительствовать.

Съ отчаянія бросилась она къ первому комику Французскаго театра Прово, и тотъ, важно осмотрѣвъ ее съ головы до ногъ, рѣшительно отвѣчалъ:

— Вы не годитесь для сцены. Ступайте на бульваръ и продавайте тамъ цвѣты.

Бѣдная Рашель пошла къ актеру Сансону. Тотъ выслушалъ ее и вскричалъ:

— Боже мой! Еслибъ мнѣ судьба дала вашъ голосъ, я бы надѣлалъ чудесъ,

— Такъ одушевите мой голосъ своимъ гениемъ, сказала Рашель. Будьте моимъ учителемъ.

Съ этой минуты Сансонъ сталъ учить молодую дѣвушку, одушевляя ее своею опытностію. Здѣсь уже она сдѣлалась покорнѣе, нежели у Сентъ-Олера, бросила своихъ сибретокъ, посвятила себя совершенно трагедіи и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ была уже въ состояніи показаться на сценѣ Французской Комедіи.

Веддель былъ уже въ ладу съ своими актерами. Онъ воспользовался этимъ, чтобъ разрушить контрактъ Рашель съ Пуарсономъ и избавя ее отъ дебютовъ, опредѣлилъ къ Французскому театру въ каче-

ствѣ пансіонерки по четыре тысячи франковъ на первый годъ. Вскорѣ явилось на афишѣ имя Рашель въ роли Камиллы (Гораціи, Корнели).

Въ эту минуту Парижъ былъ подверженъ тропическимъ жарамъ. Всѣ выселились за городъ, или купались въ морѣ. Говоря *всѣ*, мы понимаемъ образованный, литературный, художественный миръ.

По случаю, однако же, оставался въ Парижѣ докторъ Веронъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ его *Записокъ* (Mémoires d'un bourgeois de Paris). Онъ остроумнѣе и лукавѣе, нежели думаютъ. Послушайте, что онъ говоритъ:

«Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, 12 іюня 1838 года, отыскивая въ Парижѣ тѣни и прохлады, вошелъ я въ девятомъ часу во Французскій театръ (это очень зло). Въ оркестрѣ было всего четыре зрителя; я былъ пятымъ. Нечаянно взглянувъ на сцену, увидѣлъ я странную физіономію, полную выразительности, съ возвышеннымъ челомъ, черными, огненными глазами. Все это было на довольно худощавомъ тѣлѣ, которое, однакоже, имѣло свои позы и красивыя движенія. Голосъ былъ звученъ, пріятенъ и шелъ прямо къ сердцу. Хотя я вообще расположенъ болѣе къ лѣни, нежели къ восторгамъ, но меня привлекъ этотъ голосъ. Это была Рашель. Это былъ ея дебютъ въ роли Камиллы въ Гораціяхъ.

«Живое и глубокое впечатлѣніе, произведенное во мнѣ этою молодою трагическою актрисою, возбудило много воспоминаній.

«Я припомнилъ, что на театрѣ Gymnase видѣлъ эту же самую физіономію въ роли Вандейки. Я тоже вспомнилъ, какъ эту дѣвушку однажды при мнѣ спрашивали въ коридорахъ одного театра: «что она дѣлаетъ?» и она, бѣдно одѣтая, дурно обутая, скромно отвѣчала басомъ: «я продолжаю учиться».

«Очень сожалѣю о тѣхъ, которые не умѣютъ ни восхищаться, ни ненавидѣть. Картины, статуи, памятники, пѣвцы, пѣвицы, актеры, актрисы, я восхищаюсь ими или ненавижу ихъ. Молодая Рашель сперва удивила меня, потомъ талантъ ея привелъ въ восхищеніе. Я тотчасъ же принудилъ друга моего, Мерля, слѣдить за ея дебютомъ, называя уже ее моимъ маленькимъ чудомъ.

— «Когда тысяча двѣсти, или тысяча пятьсотъ умовъ (сказалъ я ему), составляющихъ общественное мнѣніе въ Парижѣ, услышатъ и оцѣнить эту дѣвушку, то всѣ сознаются, что она составитъ славу и fortuna Французской Комедіи.»

Истиннымъ счастіемъ для Рашели было то, что Веронъ оставался на это лѣто въ Парижѣ. Фельетонистъ Мерль помогъ ему, и даже Жюль Жаненъ былъ въ эту минуту не въ Діеппѣ.

Верону, сидѣвшему все еще въ оркестрѣ и слѣдившему за каждымъ движеніемъ дебютантки, вдругъ кто-то сказалъ, что Жюль Жаненъ сидитъ въ фойе.

— О, лѣнivecъ! вскричалъ онъ, бросился вверхъ по лѣстницѣ, отыскавъ критика и какъ ураганъ напалъ на него.

— Несчастный! что ты тутъ дѣлаешь? Почему ты не въ залъ?

— Тамъ душно, а я бань не люблю, отвѣчалъ Жаненъ.

— Да ты не знаешь, что тамъ происходитъ?

— А что?

— Дюшенуа и Рокуръ воскресли.

— За чѣмъ?

— Молчи и слѣдуй за мною.

— Куда?

— Въ залу.

— Сжался, въ такую жару...

— Надобно все вытерпѣть.

Жаненъ поневолѣ потащился за Верономъ, который, посадивъ его въ ложь, сказалъ какъ Эмистоклъ:

— Потѣй, но выслушай.

И вотъ какъ началась блистательная слава Рашель. Жаненъ написалъ о ней первый фельетонъ въ «Journal des Débats», и если ему вѣрить, то Гермюона, явись къ нему, чтобъ выразить свою благодарность, сказала между прочимъ:

— C'est moi, que j'étais-t-au Gymnase l'an passé.

На что Жаненъ съ громкимъ смѣхомъ отвѣчалъ:

— Je le savions.

Предположимъ на минуту, что докторъ Веронъ не искалъ бы 12 іюня 1838 года въ девять часовъ вечера прохлады и уединенія во Французскомъ театрѣ; предположимъ, что Жаненъ былъ бы по обыкновенію въ Діенпѣ, а Мерль въ Трувилѣ, можетъ быть никто бы и не зналъ Рашели.

Такъ по-крайней-мѣрѣ думаетъ Веронъ. Надобно простить ему это самолюбіе. Кто въ своихъ запискахъ не любитъ выставять себя! Рашель читала записки Верона—и смѣялась.

Какъ бы то ни было, но достовѣрно, что два мѣсяца игравши передъ пустыми лавками, Рашель вдругъ, послѣ фельетона Жюль Жанена, начала дѣлать сборы.

Въ одномъ октябрѣ мѣсяцѣ дала она 100,000 франковъ театральной кассѣ.

И однакоже, общники (sociétaires) Французскаго театра были и

этимъ недовольны. Они говорили, что успѣхи Рашель раззорять ихъ потому высокими ея требованіями.

Въ этомъ было нѣсколько правды.

Но слава Рашель упрочилась между тѣмъ. Репертуаръ ея состоялъ уже изъ нѣсколькихъ великолѣпныхъ ролей, въ которыхъ публика принимала ее съ восторгомъ. Камилла въ Гораціяхъ, Эмилія въ Циннѣ, Герміона въ Андромахъ, Аменаида въ Танкредѣ, Эрифилла въ Пфигеніи въ Авлидѣ, и Монима въ Митридатѣ составляли уже вѣнокъ ея славы. По совѣту Верона учила она уже седьмую роль, Роксаны, которую публика ожидала съ большимъ нетерпѣніемъ.

23 ноября явился на афишѣ Баязетъ.

По какой-то причинѣ Жюль Жаненъ присталъ въ это время къ партіи недовольныхъ общниковъ, и будучи увѣренъ, что онъ *создалъ* Рашель, рѣшился *уничтожить* ее и заранѣе объявилъ объ этомъ.

Подобныя стратегическія дѣйствія были для него не новы. До Рашели дебютировала на сценѣ Французскаго театра г-жа Максимъ, и многіе увѣряли, что она была выше Рашели; но Жюль Жаненъ рѣшилъ, что г-жа Максимъ никуда не годится, и ему повѣрили.

Тоже самое хотѣлъ онъ сдѣлать и теперь. Еще до поднятія завѣсы началась война.

— Вы увидите, какое это будетъ знаменитое паденіе, говорилъ онъ всѣмъ: Дать ей роль Роксаны, да это ни на что не похоже! У этого Веделя нѣтъ ни искры здраваго разсудка. Она будетъ неспособна. Ее освищутъ. Пожалуйста, свистите всѣ.

Явилась на сценѣ Рашель. Ее приняли съ холодностію, которая ее смутила. Партеръ хранилъ глубокое молчаніе, въ ложахъ говорили что-то шопотомъ, смѣялись и старались еще болѣе смутить бѣдную актрису, которая дѣйствительно играла хуже обыкновеннаго.

— Какія глупости вы надѣлали! вскричалъ Жюль Жаненъ, придя на сцену къ Веделю. Вы оба съ Рашелью шлепнулись.

На другое утро Рашель прибѣжала къ раздавателю славы и плакала передъ нимъ.

— Сами виноваты! сказалъ онъ. Вы никого и ничего не слушаете. Вы дурны въ Роксанѣ и всегда будете дурны.

Увы! Жюль Жаненъ ошибся. Второе представленіе Баязета было истиннымъ торжествомъ. При третьемъ была драка за билеты, а сборъ четвертаго дошелъ до 6000 франковъ.

У Жюль Жанена едва не сдѣлался ударъ.

Рашель была вездѣ побѣдительницею. При каждомъ представленіи сыпался на нее дождь цвѣтовъ и вѣнковъ.

Въ одинъ вечеръ собрала она десять или двѣнадцать лучшихъ букетовъ и явилась съ ними къ Прово.

— Не хотите ли, сказала она ему, купить у меня эти цвѣты. Вы вѣдь совѣтовали мнѣ продавать ихъ.

— Перестань, злая дѣвушка! отвѣчалъ старый актеръ: лучше обними дурнаго предсказателя и не сердись на него.

Зима 1838—1839 года была для Рашели непрерывнымъ торжествомъ. Высшее парижское общество осыпало ее ласками. Ее принимали въ самыхъ модныхъ залахъ. Даже министры приглашали ее на свои вечера.

Болѣе всѣхъ полюбила ее г-жа Дюшатель. Въ Аббе-о-буа было тогда общество, котораго душею была старая г-жа Рекамье. Тутъ же былъ и Шатобрианъ. Всѣ они были въ восторгѣ отъ Рашели.

Подъ вліяніемъ этого общества выучила она роль Полины въ Полювектѣ.

Между тѣмъ требованія ея на жалованье, разумѣется, сильно возрасли. Будучи ангажирована за четыре тысячи франковъ, она векорѣ потребовала вдвое, и постепенно усиливая свои претензіи, дошла, въ 1840 году, до 24,000 франковъ, считая со спектакльною прибавкою (feux) и награжденіе, это составляло до 60,000 франковъ въ годъ, то-есть одною третью больше г-жи Марсь.

Братья и сестры ея тоже пожелали вступить на сцену. Надобно было для Рашели и ихъ принять съ порядочнымъ содержаніемъ. Сара, Ревекка, Рафаэль и Динна (которая въ Минимомъ больномъ играла роль дѣвочки) сильно обирали театральную кассу.

Послѣ опредѣленія своей семьи приступила Рашель къ вопросу объ отпускѣ. Сперва она потребовала три мѣсяца, потомъ больше; первый ея отпускъ былъ въ 1840 году. Она поѣхала въ Лионъ, гдѣ члены городского свѣта поднесли ей золотой вѣнокъ въ 7000 франковъ.

Теперь она получаетъ постоянно 42,000 франковъ и обязана играть два раза въ недѣлю въ продолженіи шести мѣсяцевъ въ году. Сверхъ того беретъ она по 100 франковъ по-спектакльной платы. Если же она играетъ третій разъ въ недѣлю, то получаетъ пятьсотъ франковъ. Отпуски же ея приносятъ ей ежегодно кругомъ по 100,000 франковъ, однимъ словомъ въ годъ до 400,000 франковъ.

Эта весьма почтенная цифра. Вѣкъ нашъ можетъ похвалиться, что дѣлаетъ изъ артистовъ новыхъ Ротшильдовъ. А старый Корнель жилъ съ пенсіею въ 2000 ливровъ. Гермона во всемъ смыслѣ слова принадлежитъ своей націи. Золото и всегда золото, вотъ ея де-

визь. Это необходимое условіе ея существованія. Богатство для нея выше всего.

Около полутора года тому назадъ была она больна. Силы ея упали, она лежала, и ничто ея не занимало, не развлекало. Доктора приходили въ отчаяніе и не знали, чѣмъ возбудить жизненную ея дѣятельность. Отецъ ея, Феликсъ, одинъ придумалъ вѣрное, спасительное средство.

Онъ принесъ больной ящикъ, наполненный золотомъ и брилльянтами и поставилъ передъ нею на кровать; та взглянула, опустила туда руки, съ удовольствіемъ начала перебирать перстни, браслеты, діадемы, ожерелья. Глаза ея одушевились, щеки разгорѣлись, жизненные силы вспыхнули: она была спасена.

15 мая 1840 года въ первый разъ играла она роль Полины въ *Поліевктѣ*; 22 декабря того же года сыграла Марію Стюартъ, а векоръ потомъ Химену въ *Сидѣ*.

Впрочемъ, вотъ реестръ главныхъ ея ролей, кромѣ тѣхъ, о которыхъ мы уже упоминали:

Эсфиръ (28 февраля 1839), Лаодія въ *Никомедѣ* (9 апрѣля), Ариадна (7 мая 1842), Береника (6 января 1844), Электра въ *Орестѣ* (6 декабря 1848), Говолия (5 апрѣля 1847). Изъ новаго же репертуара: Фредегонда, Лемерсье (5 ноября 1842), Юдью, г-жи Жирарденъ (24 апрѣля 1843), Виргинія, Латуръ-Сентъ-Ибара (5 апрѣля 1847), Іоанна д'Аркъ, Суме (4 апрѣля 1846), Лукреція Понсара (14 марта 1848), Тизба, Виктор Гюго (18 мая 1850).

Мы не упоминаемъ о пьесахъ: *Ombre de Moliere*, *le Vieux de la Montagne*, Клеопатрѣ, Воробей Лесбій, о г-жѣ Бельиль, Валеріи, Діанѣ, Луизѣ Виньероль, ни даже о леди Тартюфѣ. Рашель была въ нихъ гораздо ниже трагическаго своего таланта, какъ равно въ *Le roi attend* Сауда, *Notase et Lydie*, Понсара.

Самый высокій успѣхъ ея былъ въ *Федрѣ*. Никогда еще въ драматической лѣтописи не было подобнаго триумфа. Это были не рукоплесканія, а изступленіе. Никогда еще стихи Расина не имѣли такой силы, не производили подобнаго впечатлѣнія. Съ тѣхъ поръ играла она эту пьесу пятьдесятъ разъ и всегда имѣла въ ней одинаковый успѣхъ.

Еслибъ могли одушевить древнюю статую Фидія и заставить ее ходить, дѣйствовать, говорить съ нами, то и тогда не могло бы быть вѣрнѣе и совершеннѣе изображенія греческой абсолютной красоты.

Рашель—съ ногъ до головы древняя гречанка. Одежда ея, жесты, складки платья, все чисто-аинское. Природа соединила въ ней все:

округлость тѣлодвиженій, величіе походки, силу взгляда, вѣрность голоса.

Въ органѣ ея должно искать причины тѣхъ изумительныхъ эффектовъ, которыми она насъ поражаетъ. Она сохранила всю интонацію своихъ профессоровъ, всѣ гаммы, всѣ ноты, модуляціи, и вы никогда не услышите фальшиваго звука.

Тутъ читатели, конечно, воскликнуть:

— Какъ! вся эта удивительная дикція, это выраженіе страстей, эта пронія, ужасъ, любовь, ревность, все это ничто иное, какъ случайный механизмъ?

Да! я подтверждаю это. Рашель понимаетъ все, что она дѣлаетъ, но она ничего не создаетъ, ничего не угадываетъ; одаренная твердою памятью, она въ мозговыхъ своихъ камерахъ расположила всѣ эффекты, которые ей указали, и съ вѣрностью, съ точностью находитъ ихъ тамъ въ данную минуту. Это инструментъ съ жизнью и душою, который и вдали отъ учителя умѣетъ повторять гармонію, созданную геніемъ.

Одна и безъ посторонней помощи, она вовсе лишена силы творчества; она идетъ тогда оцупью и теряется въ сомнѣніи и незнаніи.

Она брильянтъ, лежащій въ темнотѣ. Подайте огня и онъ засвѣтится яркимъ лучемъ. Архимедъ говорилъ: дайте мнѣ точку опоры, и я вамъ переверну землю. Рашель нашла эту точку.

При всякой новой роли идетъ она къ актеру Сансону, который объясняетъ ей весь ходъ роли съ перваго шага до послѣдняго, рассчитывая всѣ позы, интонаціи, жесты и озаряя свѣтомъ искусства эту прекрасную понятливость, которая безъ того была бы слѣпа и не опредѣленна.

Сансонъ держитъ въ рукѣ своей всѣ пружины генія Рашели и ключъ отъ ея голоса. Страсть, насмѣшку, отчаяніе, ужасъ, онъ все производитъ, все заставляетъ звучать и дрожать. Всѣ ноты этого волшебнаго голоса составляютъ, подъ руководствомъ учителя, великолѣпную гармонію искусства.

Однажды Рашель захотѣла сыграть безъ учителя роль Агриппины въ Британникѣ, и не имѣла никакого успѣха.

Во время репетиціи *Адриенны Лекуверрь* Сансонъ былъ въ отсутствіи, и Скрибъ приходилъ въ отчаяніе. Онъ видѣлъ, что Рашель не понимаетъ своей роли. Сестра ея Ревекка (она недавно умерла) часто указывала сестрѣ мысль автора; но Рашель не слушалась и запретила ей приходиться на репетицію.

Чтобъ убѣдиться въ отсутствіи всякаго вдохновенія у Рашели, послушайте, какъ она учитъ свои роли. Никогда голосъ ея не измѣнитъ

ни одной ноты, потому уже учится она располагать всю гамму. Она все заучаетъ, и съ тѣмъ навсегда остается. Смотрите сто разъ одну и ту же роль: вы услышите въ условномъ мѣстѣ совершенно тотъ же звукъ, ту же энергію, тоже выраженіе. Новаго ничего она не придумаетъ. Всѣ отбѣнки страстей навсегда одинаковы. Зритель не помнить этого, не знаетъ. Онъ увлеченъ, пораженъ. Но послѣ ужаснѣйшей тирады прибѣгите къ Рашель, возьмите ее за руку, сочтите удары пульса: ни одного больше шестидесяти на минуту.

Когда Тальма сходилъ со сцены, его обвертывали въ одѣяла и уносили въ уборную.

Эта правильная, спокойная, однообразная, почти математическая игра удваиваетъ силу Рашели и позволяетъ ей во время отпусковъ играть всякой день, не чувствуя усталости.

Такимъ образомъ, самые недостатки обогащаютъ ее. Еслибъ она ощущала тотъ жаръ, которымъ воспламеняетъ своихъ зрителей, она бы давно сошла въ могилу, какъ Малибранъ.

Вообще, струнъ истинныхъ чувствъ и порывовъ сердца вовсе нѣтъ у Рашели. Этого не могъ ей дать Сансонъ со всѣмъ своимъ искусствомъ. Только природа даетъ чувство. Иногда люди заглушаютъ въ себѣ и эти сѣмена. Актеръ подражаетъ выходкамъ гордости, презрѣнія, ненависти, ярости: все это выражается игрою мускуловъ, позами, интонаціею; но чтобъ заставить плакать другихъ, надобно самому заплакать, а у Рашель никогда не было слезъ. Она превосходна въ Гермионѣ, въ Федрѣ, но пусть сыграетъ Андромаху!

Для нея и для славы ея желаемъ мы долготѣней жизни Сансону. Умри онъ, и Рашель будетъ не въ состояніи уже играть ни одной новой роли.

Рашель вовсе не трудится, не учится, не читаетъ; она совершенно не знаетъ исторіи лицъ, которыхъ играетъ. Вся цѣль ея въ томъ, чтобъ собрать нѣсколько милліоновъ, и она достигаетъ этого четырьмя пьесами Корцеля и двумя Расина: всего шестью трагедіями. Вотъ ея серьезный репертуаръ. Новѣйшіе писатели находятъ въ ея талантѣ весьма слабую поддержку.

Ей давали роль Сафо; она безжалостно отказалась отъ нее, и никакъ не хотѣла сказать причины своего отказа.

Поэтому—то авторы и не пишутъ для нея ничего новаго.

Рашель мало знакома со всѣми товарищами—артистами, которые не очень ее жалуютъ. У нее безпрестанные процессы съ театромъ. Она, какъ говорятъ, заставила недавно выйти изъ службы одного актера, Балланда, объявивъ, что не хочетъ съ нимъ играть. А почему? Ему хлопа-

ли, когда онъ вмѣстѣ съ нею былъ на сценѣ: этого не могла допустить наша Герміона.

Можетъ быть скажутъ, что актеры завистливы, и слава Рашель колеблетъ имъ глаза. Я не спорю, чтобъ тутъ не было нѣсколько и этой причины, но ее обыкновенно скрываютъ; и если знаменитый актеръ или актриса ласковы и безкорытны, то все товарищи ихъ любятъ. Тальма былъ любимъ всю свою жизнь; Марсъ тоже. Но Рашель ласкова только въ городѣ, а въ театрѣ къ ней приступа нѣтъ. Въ обществѣ она чрезвычайно любезна. Ея разговоръ, обращеніе носятъ на себѣ печать женщины высшаго круга. Она и это переняла, и пользуется всею съ успѣхомъ. Она, то величественна, то болтлива, то скромна, то полна страсти, но ни на минуту не выходитъ за предѣлы свѣтскихъ условій.

Можно вообразить себѣ, что около такой актрисы много увивалось бабочекъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Въ запискахъ Верона видимъ мы, что онъ изъ первыхъ обжегъ свои крылья на этомъ холодномъ огнѣ. Вотъ что онъ говоритъ:

«Не воспламеняйтесь внезапнымъ порывомъ кокетства и нѣжностей нашей Герміоны. Она только, какъ Цирцея, хочетъ очаровать васъ. Завтра она забудетъ все свои ласковыя слова и будетъ смѣяться надъ внушенною ею страстію. Я зналъ одного несчастнаго господина, который представлялъ изъ себя геркулеса. Однажды онъ былъ облаканъ ввечеру, а когда явился поутру, чтобъ довершить свою побѣду, его встрѣтили ледянымъ вопросомъ: «Кто вы? я васъ не знаю.»

«Какъ бы ни старались запутывать ее въ интриги, она въ этомъ лабиринтѣ держитъ всегда спасительную нить Ариадны и выпутается.

«Она умна, какъ Аспазія, нѣжна какъ Дидона, горда какъ Клеопатра, хотя мгновенно превращается и дѣлается простодушною горожанкою улицы Кенкампуа; холодна какъ мраморная статуя, но охотно спускается до бала лоретокъ, не переставая быть Герміоною. Она говоритъ, что эти фантастическія прогулки служатъ ей воспоминаніемъ дѣтства. Она и подъ одеждою трагической музы хочетъ сохранить память прежней бѣдности.

«Наша Федра, продолжаетъ Веронъ, одарена лихорадочною природою. Она истощаетъ и обезсиливаетъ все вокругъ себя; но сама не вѣритъ ни въ перевороты счастья, ни въ будущія морщины. Она обезпечена гениемъ и богатствомъ.»

Въ маѣ 1855 года отправляется она въ Америку, и можно вообразить себѣ, что по-крайней-мѣрѣ миллионъ прибудетъ въ ея кассу. (Ей тамъ гарантировано 200 представлений по 6000 фр.)

Въ своихъ отпускахъ дѣятельность ея неутомима. Она въ мѣсяць даетъ тридцать представлений, а по ночамъ ѣздитъ по желѣзнымъ дорогамъ и спитъ въ каретѣ.

Главнымъ содѣйствователемъ ея въ этихъ побѣздахъ и въ умномъ развитіи системы богатыхъ сборовъ—братъ ея, Рафаэль. Онъ получаетъ за это отъ тридцати до сорока тысячъ франковъ, производя вмѣстѣ съ тѣмъ торговлю автографами и портретами Рашель.

Въ парижскихъ журналахъ увѣряли, что онъ получилъ за это въ Россіи 25,000 руб. и что приобрѣтетъ въ Америкѣ 300,000 фр.

Что же касается до актеровъ кочующей труппы, которую она съ собою возитъ, эти люди получаютъ чрезвычайно мало и съ ними обходятся какъ съ турками. Одинъ изъ этихъ актеровъ однажды захворалъ. Ему надобно было приставить пивки, и онъ просилъ позволенія остаться на день въ одномъ городѣ.

— Невозможно, получилъ онъ въ отвѣтъ. Нельзя же не давать сегодня представленія; а намъ надобно проѣхать двадцать миль. Приставьте себѣ пивки въ вагонѣ.

Такъ и было сдѣлано.

Всѣмъ ея имуществомъ управляетъ отецъ Феликсъ. За это подарилъ она ему прекрасный загородный домъ въ Монморанси, приносящій дохода 12,000 фр. въ годъ.

Она охотно занимается и биржевыми спекуляціями, платя долги за своихъ сестеръ.

Въ Монморанси все семейство имѣетъ небольшую квартиру, и часто бываетъ тамъ, чтобъ провести въ прежней простотѣ нѣсколько дней въ родномъ кругу. Тамъ они обѣдаютъ подъ деревьями, играютъ въ лото и спорятъ о двухъ сантимахъ. Гермюна всегда уступаетъ свой выигрышъ, и всѣ довольны.

Но за то въ общественной жизни она не хочетъ заплатить ничего лишняго противъ другихъ, и часто бываютъ съ нее взысканія въ пятнадцать франковъ черезъ полицію.

Мы уже выше сказали, что у нее теперь, въ 1854 году, два милліона франковъ. Но не одинъ театръ принесъ ей это богатство; она пользовалась всѣми чужими глупостями.

Вотъ одинъ забавный анекдотъ:

Однажды она была у г-жи С., и замѣтила у нее въ углу старую, изломанную гитару.

— Зачѣмъ это у васъ валяется? спросила Федра: подарите мнѣ.

— Съ охотою. Она мнѣ не нужна.

И горничной было приказано отнести гитару къ Рашель въ улицу Жуберъ.

Чтобъ быть подробнымъ біографомъ, я долженъ упомянуть, что прежде того было у Рашели три квартиры: Первая въ пассажъ Веро-Додэ; вторая въ улицѣ Нёвъ-дю-Люксамбуръ № 26, а третья на Малакейской набережной № 23. Изъ улицы Жуберъ переѣхала она въ Риволийскую № 10, и наконецъ—въ великолѣпный домъ улицы Трюдонъ, который въ двадцати газетахъ описанъ съ погреба до чердака.

Три дня спустя заѣхалъ къ Рашели графъ В., занимающій нынѣ одинъ изъ важнѣйшихъ дипломатическихъ постовъ, а тогда бывший однимъ изъ самыхъ пламенныхъ обожателей великой актрисы.

Вдругъ онъ въ будуарѣ ея видитъ старую, дранную гитару, висящую за стекломъ въ шелковомъ футлярѣ.

— Сжальтесь! что это у васъ? вскричалъ онъ, вставя въ глазъ стеклышко.

Рашель приняла торжественно-сентиментальную позу и отвѣчала:

— Увы! Это та гитара, съ которою я, бѣдная дѣвушка, ходила нѣкогда по улицамъ и пѣла пѣсни, вымаливая у прохожихъ милостыню.

— Возможно-ли! О, умоляю васъ, отдайте мнѣ этотъ высокій памятникъ вашего дѣтства! Это истинное сокровище для исторіи и для вашей славы.

— Для того-то я и берегу его.

— Назначьте какую хотите цѣну.

— Вы съума сошли.

— Все равно; я хочу имѣть эту гитару.

— Такъ и быть возьмите ее. Но помните, что она мнѣ очень дорога.

Черезъ часъ потомъ графъ прислалъ ей дорогой бриліантовый bracelet и ожерелье изъ яхонтовъ, а самъ всея показывалъ приобретенную имъ драгоценность. По несчастію, Рашель забыла предупредить г-жу С. и та рассказала все.

Въ заключеніе должно сказать, что у г-жи Рашель двое дѣтей, которые воспитываются въ коллегіумѣ St.-Barbe des Champs.

Мы сказали, что Рашель векорѣ уѣдетъ въ Америку. Мы за это сердиты на нее. Она не понимаетъ своихъ обязанностей къ Франціи. Она теперь чрезъ нее великая актриса,—пора бы сдѣлаться артисткою; пора бы во-первыхъ изучить языкъ, котораго писатели прославили ее и обогатили. Она сама сознавалась всегда въ незнаніи его.

Однажды графъ Моле, восхищенный чистою ея дикціею, сказалъ ей комплиментъ:

— Вы спасаете французскій языкъ.

— А сама не знаю его, графъ, отвѣчала она.

Какъ представительницу древнихъ поэтовъ, ее прозвали *Дочь мертвыхъ*. Это прекрасно; но этого мало: надобно быть и *Дочерью живыхъ*, а она отвергаетъ все новыя роли, не зная ни одной пьесы новейшихъ писателей. Играть только шесть старинныхъ трагедій значить быть одностороннею актрисою, а разъѣзжать безпрестанно по чужимъ краямъ, гдѣ слабѣетъ ея талантъ, значить быть неблагодарною къ Франціи, которой она всею обязана.

Слѣды и очерки парижской театальной жизни. (Статья третья).

Поговоримъ объ отпускахъ артистовъ. Вначалѣ отпуска давались для того, чтобъ артисты отдохнули и поправились въ здоровьи, потому-что нѣтъ ни одного ремесла утомительнѣе сценическаго.

Заставте челоуѣка самаго здороваго и терпѣливаго смотрѣть все представленія пьесы, имѣвшей большой успѣхъ и которая выдержитъ до шестидесяти представленій, вы увидите, что послѣ третьяго или четвертаго раза, зритель этотъ начнетъ зѣвать, скучать и наконецъ сдѣлается раздражительнымъ и захвораетъ серьезно. Вообразите же послѣ этого положеніе актера, который еще до шестидесяти представленій долженъ былъ выучить роль и быть на двадцати репетиціяхъ. Одну скуку еще можно бы перенести; но актеръ долженъ быть въ безпрестанномъ безпокойствѣ, долженъ заботиться, чтобъ самолюбіе его не было унижено предъ другими; въ то же время свѣтъ отъ рампы утомляетъ его зрѣніе, грудь страдаетъ отъ усилій голоса, непрерывная игра истощаетъ силы, бессонныя ночи, труды, ученье, притиранья разстраиваютъ здоровье.

И ко всему этому надобно еще прибавить ужины, которые навсегда разстраиваютъ желудокъ артистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, актеръ никогда не обѣдаетъ, потому-что съ сытымъ желудкомъ не можетъ свободно и отчетливо играть свою роль, но за то ужинаетъ такъ неустово, что желудокъ его не въ состояніи ничего переварить до другаго ужина.

Поэтому нисколько не удивительно, что актеры и актрисы кажутся при дневномъ свѣтѣ страдальцами, работающими выше своихъ силъ.

Стало быть, отпуска необходимы для того, чтобъ несчастные артисты могли немного успокоиться и поправиться.

Вотъ почему наивные люди думаютъ, что лѣтомъ актеры и актрисы, получившіе отпускъ, живутъ за городомъ, пьютъ молоко, ложатся спать вмѣстѣ съ курами, просыпаются съ ласточками, купаются, гуляютъ въ зелени, словомъ—запасаются новыми, свѣжими силами къ зимнему сезону.

Какъ они жестоко ошибаются! Нѣтъ; для актера вмѣстѣ съ отпусками начинаются двойные труды, утомленіе, безпокойства, передъ которыми зимніе труды покажутся спокойствіемъ.

Всякій артистъ, сколько-нибудь извѣстный, получаетъ въ минуту своего отпуска нѣсколько приглашеній со всѣхъ сторонъ Франціи, а иногда изъ Лондона, Германіи, Нью-Йорка. Онъ расчитываетъ, сколько времени ему нужно на проѣздъ. О покоѣ онъ не думаетъ, захворать не смѣетъ, отдохнуть успѣетъ въ Парижѣ, гдѣ ему платятъ не за вечеръ, а по-мѣсячно. Въ провинціяхъ же плата поспектакльная и потому нельзя потерять ни одного представленія.

Притомъ въ Парижѣ театры хорошо устроены, коридоры теплы, уборныя удобны, и каждый актеръ старается нанимать квартиру близъ своего театра, чтобъ не торопиться на репетиціи и по-крайней-мѣрѣ проспаться лишній часъ. Въ провинціяхъ же не всѣ театры комфортабельны, и по уборнымъ и коридорамъ разгуливаетъ сквозная вѣтеръ, но за то плата по спектаклямъ. Актеръ дѣлаетъ сто миль безъ остановки, спитъ въ каретѣ. Никакая страшная погода, никакое препятствіе не можетъ остановить его, потому что пьеса давно назначена и спектакля нельзя отложить. Актеръ пріѣдетъ на поле битвы, разбитый, измученный, голодный, можетъ быть раненый, но все-таки будетъ играть въ назначенный день. Онъ не смѣетъ отговориться даже насморкомъ или кашлемъ, какъ это дѣлается въ Парижѣ, но обязанъ чихать и кашлять свою роль.

И наконецъ, послѣ этой пытки, артистъ возвращается въ столицу. Тутъ онъ получаетъ назначенное жалованье и потому начинаетъ обращать вниманіе на свое разстроенное здоровье. Иногда онъ въ самомъ дѣлѣ болѣнъ, но чаще только утомленъ и потому играетъ вяло, холодно. Лучшія свои роли онъ уже избилъ на провинціальныхъ театрахъ и испортилъ ихъ, поддѣлываясь ко вкусу публики. Привычка играть съ плохими актерами испортила ему вкусъ, манеры, и публика не узнаетъ своего любимаго артиста. Это случилось въ последнее время и съ Рагшелью.

Все это относится и къ актрисамъ, которыя точно такимъ же образомъ *отдыхаютъ* во время своихъ отпусковъ.

Но пѣвцы—это со всѣмъ другое дѣло. Теперь, когда музыка превратилась въ шумъ, пѣвецъ сдѣлался такимъ нѣжнымъ инструментомъ, что можно заранѣе опредѣлить, долго ли онъ продержится.

Въ горлѣ одного пѣвца заключается тысяча-двѣсти представленій, горло другаго не выдержитъ и восьмисотъ, и такъ какъ пѣвецъ знаетъ это лучше всѣхъ, то онъ въ Парижѣ и на своемъ театрѣ поетъ въ

полголоса, вѣчно жалуется на холодъ, на жаръ, на дождь и окруженъ докторами и лекарствами.

Во время отпуска онъ перерождается. Онъ совершенно здоровъ, не бережетъ ни своихъ средствъ, ни голоса, поетъ безъ устали. Что отъ этого происходитъ? То, что голосъ, который продержался бы десять лѣтъ, совершенно истощается въ три года, и потомъ, благодаря славы, терзаетъ уши парижавъ разбитымъ, хриплымъ, дрожащимъ органомъ. Провинція портитъ лучшихъ артистовъ, употребляя во зло все таланты и преувеличивая парижскія моды. Такъ наприимѣръ, когда въ Парижѣ пѣли, въ провинціи начали уже кричать. Теперь, когда въ Парижѣ кричатъ, въ провинціи начали уже ревѣть, чтобъ заслужить благо-склонность публики. Какой голосъ можетъ выдержать такую гимнастику?

Талантливый актеръ или пѣвецъ (актриса и пѣвица тоже) угождаетъ публикѣ Парижа только до тѣхъ поръ, пока слава его упрочена и ему уже нечего бояться; но послѣ онъ недолго позволяетъ наслаждаться своею чудною игрою или симпатическимъ голосомъ. Онъ ждетъ отпуска, начинаетъ беречь свои силы, хлопочетъ объ ангажементяхъ; актриса бережетъ свои хорошіе костюмы, одѣвается чуть не въ тряпкахъ и улетаетъ собирать дань съ провинціаловъ и иностранцевъ.

Года черезъ три этотъ талантъ возвращается на своей родной театрѣ измученнымъ, слабымъ, но извѣстнымъ еще болѣе, и начинаетъ мучить своими капризами дирекцію, товарищей, всехъ окружающихъ, зная, что театръ нуждается въ громкомъ имени. Это продолжается нѣсколько лѣтъ, и актеры эти дѣлаются невыносимыми, тогда какъ въ провинціи приводятъ всехъ въ восторгъ своею любезностію, умомъ, уступчивостію, добротою.

Положимъ, что пѣвецъ можетъ пѣть превосходно десять лѣтъ.

Въ продолженіи двухъ лѣтъ онъ старается пѣть какъ можно лучше, но имя его неизвѣстно и потому онъ рѣдко находитъ случай выказать свой талантъ. Въ слѣдующіе три года талантъ его уже признанъ, и онъ пользуется славою еще пять лѣтъ; послѣ чего голосъ его слабѣетъ, средства исчезаютъ, но онъ не допускаетъ молодыхъ артистовъ до тѣхъ ролей, которыя самъ уже не въ состояніи пѣть; поднимается на хитрости, стараясь производить эффекты, если не голосомъ, то игрою, гримасами и фокусами, и добрая публика, уважая заслуги и имя ветерана, продолжаетъ, по преданію, восхищаться развалинами таланта и даже аплодируетъ ему, видя нечеловѣческія усилія, чтобъ выжать нѣсколько сносныхъ нотъ изъ давно-погибшаго органа. Въ доказательство всего этого—припомнимъ Тамбурини.

Въ прежнія времена, всѣ департаменты Франціи и даже почти вся Европа собирались въ Парижъ, если хотѣли видѣть и слышать знаменитыхъ артистовъ и пѣвцовъ. Они являлись тогда въ полномъ своемъ блескѣ на привычной сценѣ, окруженные тоже талантливыми артистами и великолѣпной обстановкой; теперь сами таланты подрядились обѣгать всѣ столицы свѣта, всѣ города, имѣющіе хоть какой-нибудь сарай вмѣсто театра и играютъ иногда просто съ акробатами, посреди жалкихъ декораций, безъ ансамбля, безъ иллюзій.

Хорошо бы сдѣлали первые театры столицы, еслибы уничтожили отпуска. Неужели первые сюжеты недовольны своимъ жалованьемъ, которое иногда разоряетъ театры? Развѣ мало артисту рукоплесканій парижанъ, что онъ спѣшитъ поминутно мѣнять публику? Отчего же музыканты остаются по двадцати лѣтъ въ одномъ оркестрѣ, а не перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто?

Тогда театры избѣжали бы многихъ неприятностей. Правда, что артисты не дѣлались бы милліонерами въ нѣсколько лѣтъ, а довольствовались бы только полсотнею или сотнею тысячъ франковъ дохода, но за то Парижъ наслаждался бы полнымъ развитіемъ талантовъ, не смотрѣлъ бы на измученныхъ актеровъ и пѣвцовъ, которые, странствуя по городамъ, приобрѣли еще болѣе самолюбія, чѣмъ денегъ, и требуютъ отъ дирекцій баснословнаго жалованья и угожденія всѣмъ чудовищнымъ капризамъ.

Въ настоящее время Опера платитъ своимъ артистамъ груды золота, и каждый пѣвецъ хочетъ въ одинъ вечеръ получить столько, сколько получаетъ въ годъ президентъ суда или дивизионный генералъ. Бѣдному директору, подписавшему всѣ эти раззорительные ангажементы, остается только тѣмъ же перомъ расписаться въ своемъ банкротствѣ.

Авторы тоже могли бы похлопотать объ уничтоженіи отпусковъ, потому, что съ этой системой и они теряютъ очень много. Сколько разъ случалось, что представленія превосходной пьесы, имѣвшей блистательный успѣхъ, прекращались и отлагались на неопредѣленное время, потому, что актеръ или актриса, занимающіе главную роль, отправлялись въ отпускъ. Потеря была бы еще не велика, еслибы артистъ совсѣмъ не взялъ роли, которую могъ бы исполнить другой; но онъ съ намѣреніемъ взялъ ее, сыгралъ хорошо, такъ, что послѣ него трудно будетъ явиться другому артисту, заставилъ всѣ журналы осыпать его похвалами, и когда вниманіе публики въ полномъ разгарѣ и авторъ съ директоромъ рассчитываютъ на вѣрные барыши, великій актеръ напоминаетъ о своемъ отпускѣ и отправляется въ провинціи съ новою ролью,

не слушая никакихъ предложеній, если бы даже онѣ были также выгодны, какъ и поспектакльная плата.

Вообще актеры-скитальцы чрезвычайно любятъ оставлять свой театръ въ минуты блистательнаго успѣха, чтобъ поставить всѣхъ въ затруднительное положеніе и доказать этимъ огромность своего таланта и свою незамѣнимость. Для этого они оттягиваютъ сколько можно представленіе какой-нибудь капитальной пьесы, пропускаютъ репетиціи, хвораютъ, капризничаютъ и наконецъ пригоняютъ такъ, что послѣ трехъ, четырехъ представлений наступаетъ время отпуска.

Намъ кажется, что еслибы отпуска были уничтожены, то больше половины парижскихъ театровъ принуждены были бы закрыться, потому что теперь артисты цѣнятъ отпуска гораздо выше всякаго жалованья.

Если артисты самолюбивы, то и публика не уступаетъ имъ въ этомъ отношеніи. Она ни за что не перемѣнитъ своего перваго сужденія и рѣшенія, хотя и видитъ иногда ясно, что она ошиблась.

Парижская публика похожа на дѣтей или на барановъ. Она скачетъ, когда другіе скачутъ, аплодируетъ, когда видитъ, что аплодируютъ. Клакеры именно для того и учреждены, чтобъ давать примѣръ толпѣ, которая забыла бы, что у ней есть руки, еслибъ хлопанье сосѣдей не напоминало имъ, что и они могутъ дѣлать тоже самое. Говорятъ, что хлопальщики изобрѣтены Нерономъ, который любилъ, чтобъ аплодировали ему и львамъ, отличавшимся въ циркѣ; постановленіе это находится въ цвѣтущемъ положеніи въ настоящее время, когда Порше заставляетъ своихъ римлянъ поддерживать плохія пьесы, хлопать первымъ сюжетамъ, и доставляетъ этимъ барыни какъ авторамъ, дирекціи, такъ и самому себѣ.

Публика собирается въ театръ съ совершенно различными чувствами, наполняетъ ложи, партеръ и галереи, и покуда завѣса не поднимается, не думаетъ даже о пьесѣ и иногда не знаетъ, что будутъ представлять.

Спектакль бываетъ не на одной сценѣ. Часто въ залѣ спектакль гораздо занимательнѣе, чѣмъ у рампы, и очень любопытно наблюдать за нимъ. Каждый ярусъ, каждое мѣсто имѣетъ свою собственную фizioномію, свой костюмъ, свое нарѣчіе.

Въ оркестрѣ говорятъ о биржѣ и дѣлахъ, въ пальто.

Въ партерѣ шумятъ и аплодируютъ, въ блузѣ.

Въ балконѣ разсуждаютъ о торговлѣ, разумѣется мелочной, въ сюртукахъ.

Во вторыхъ галереяхъ смѣются, въ чепчикахъ и платкахъ.

Въ райкѣ ѣдятъ яблоки, въ блузахъ и колпакахъ.

Въ ложахъ за рѣшетками занимаются совѣмъ не спектаклемъ, хотя публика въ черныхъ фракахъ и шелковыхъ платьяхъ, а шляпы и шляпки торчатъ на вѣшалкахъ, чтобъ не мѣшали слушать пьесы.

На аванценѣ находится львы, почитатели актрисъ, которые всегда начинаютъ съ того, что зѣваютъ во весь ротъ, чтобъ показать, что имъ скучно—это въ модѣ.

Но за то, сколько людей приходятъ въ театръ совѣмъ не за тѣмъ, чтобъ видѣть спектакль и заплатить за это свои деньги, но чтобъ доставить себѣ пропитаніе.

Женщина, открывающая ложи и предлагающая скамеечки и старыя афиши.

Продавецъ леденцовъ, самой подозрительной наружности.

Мальчикъ изъ кафе, не дожидаясь, чтобъ занавѣсъ опустился и начинающій громко угощать своими мутными напитками.

Человѣкъ, продающій и отдающій напрокатъ трубки, лорнеты, очки.

Человѣкъ, предлагающій освѣжиться... опухлами, сдѣланными изъ зеленой бумаги.

Наконецъ, продавецъ журналовъ, который кричитъ, что въ нихъ напечатаны самыя любопытныя новости, и когда довѣрчивый зритель даетъ ему три су за *Patricie*, то узнаетъ, что изобрѣтенъ новый шеколадъ изъ деревянныхъ опилокъ, или что вытащили тѣло утопленника и не могли отъ него добиться, кто онъ, и зачѣмъ бросился въ рѣку.

Вся эта мелочная торговля оживляетъ чрезвычайно все театры и производитъ иногда любопытныя сцены, забавляющія постороннихъ зрителей, болѣе чѣмъ спектакль.

Въ коридорѣ толстый господинъ споритъ съ женщиною, открывающею ложи, и говорить ей:

— Вотъ вамъ три су за вашу афишу, за скамейку, за подушечку и за то, что вы сберегли мой зонтикъ.

— Три су! кричитъ старуха голосомъ и тономъ Рашели... Гдѣ вы видѣли, чтобъ давали три су?

— Во многихъ мѣстахъ, моя милая...

— Довольно, сударь; не надобно мнѣ вашихъ трехъ су.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше... возьмите назадъ и вашу афишу, она вчерашняя.

— Еще бы сегодняшнюю за три су! Вы очень взыскательны.

Вотъ маленькая дверь, ведущая въ ложу авансены. Въ ней спитъ молодая, прекрасная женщина, на которую заемотриваются муж-

чины, и прекрасный мужчина, служащий цѣлью дамскихъ биноклей. Всякій завидуетъ ихъ счастью; думаютъ, что счастливыцы говорятъ о чувствахъ, о прекрасномъ, о пьесѣ, артистахъ. Послушаемъ, что за разговоръ между этими молодыми людьми:

— Артуръ, шепчетъ дама: время съ тобою проходить такъ незамѣтно... поди, принеси мнѣ мороженаго или апельсинъ.

— Помилуй, Офелія, ты съѣла ужъ цѣлый фунтъ конфетъ, четыре порціи мороженаго и, кажется, десятокъ апельсиновъ.

— Ужъ не упрекаете ли вы меня за мой аппетитъ?

— Советъмъ нѣтъ; но ты не даешь мнѣ рассказать тебѣ самое любопытное происшествіе, и поминутно просишь ѣсть.

— Ты думаешь, что мнѣ очень любопытно слушать вѣчные рассказы о лошадяхъ?

— Такъ вотъ видишь ли, Кетли перегнала сирь Блака двумя головами, а сирь Блакъ перегналъ миссъ Ловъ и Кракфорда, которые въ свою очередь...

— Какъ меня мучить жажда; принеси мнѣ апельсинъ, Артуръ.

— Какъ ты несносна съ твоею вѣчною жаждою.

— А ты съ твоими лошадьми. Ступай лучше въ берейторы и живи съ ними, а не съ людьми.

И Офелія отвертывается отъ своего кавалера и смотритъ въ противоположную сторону, гдѣ лежатъ львовъ. Артуръ наводитъ трубку на извѣстную мраморную женщину и до конца пьесы не говоритъ ни слова со своею дамою. При выходѣ, оба они сходятъ по лѣстницѣ, опираясь другъ на друга, и публика опять говоритъ: какъ они счастливы! какъ любятъ другъ друга! а между-тѣмъ они также далеки другъ отъ друга, какъ первый любовникъ и героиня пьесы, которую не видали ни Офелія, ни Артуръ.

Въ райкѣ, или *курятникѣ*, какъ его называютъ блузники, такой хаосъ, что трудно разобрать не только слова, но даже на какомъ языкѣ объясняются эти обитатели заоблачныхъ вершинъ.

— Ой! кричить гамень: кто вытащилъ у меня черносливъ.

— Ты съѣлъ на мои яблоки и раздавилъ ихъ! хнычетъ другой.

— Молчать, ребятишки, говоритъ солдатъ, любезничающій съ хорошенькою нянькою и напѣвающій ей слѣдующія цѣзности: «Какъ вы хорошиѣли, землячка! Здѣсь лавки такъ жестки, какъ мой штыкъ, но я все-таки нахожусь въ полномъ удовольствіи, потому, что встрѣтилъ васъ...

— Вы очень любезны, господинъ капралъ...

Вдругъ гдѣ-то громко заплакалъ ребенокъ.

— Вывести плакеу вонъ изъ театра, кричать сотни голосовъ гораздо громче актеровъ, такъ что прерываютъ пьесу.

Стало быть хлопальщики необходимы при такой разнохарактерной публикѣ. Название *римлянъ* получили они потому, что, какъ мы уже замѣтили, учрежденіе это принадлежитъ Нерону.

Къ чему служатъ клакеры? спрашиваютъ поминутно люди недалевидные и не любящіе шума. Отчего не уничтожить этихъ римлянъ, мѣшающихъ французамъ слушать покойно пьесы?

На это очень легко отвѣчать и еще легче доказать необходимость клакеровъ. Нѣкоторые театры, гордясь, по справедливости, своими талантами и хорошимъ выборомъ пьесъ, пробовали уже уничтожить римлянъ; но скоро увидѣли, что безъ нихъ публика стала невнимательна, артисты холодны, авторы не знали, куда имъ дѣвать свои билеты, и потому клакеры опять завладѣли всѣми залами безъ исключенія и все остались довольны.

Близъ всѣхъ парижскихъ театровъ есть продавцы винъ и другихъ прохладительныхъ напитковъ, и у нихъ происходитъ какъ торговля билетами, такъ и наборъ римлянъ, которые, однако, все-таки платятъ за билеты, хотя бездѣлицу.

Чтобъ быть принятымъ въ число клакеровъ, требуются слѣдующія условія:

Быть совершенно свободнымъ отъ шести часовъ до двѣнадцати.

Имѣть громкій голосъ.

А главное—шпрокія, здоровыя руки.

Приличная одежда также необходима. Требуется иногда платокъ для чувствительныхъ сценъ, но, за неимѣніемъ его, можно вытирать слезы и обшлагомъ рукава.

Клакеры забираются въ театръ раньше публики, и помѣщаются въ серединѣ партера прямо подъ люстрою, почему ихъ называютъ еще *рыцарями люстры*.

Все эти рыцари обязаны слѣпо повиноваться своему начальнику или его адъютанту. Вообще начальникъ клакеровъ присутствуетъ только на трехъ первыхъ представленіяхъ, вѣчно въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ улыбающимся лицомъ, и заставляетъ публику аплодировать тирадамъ, которыя безъ него прошли бы незамѣтными.

Аплодисменты раздѣляются на три класса.

Первый разрядъ аплодисментовъ состоитъ въ трикратно-возобновляемыхъ аплодисментахъ, въ крикахъ, топаньи, въ вызовахъ послѣ каждой сцены. Имъ награждаются только первые сюжеты театра.

Для вторыхъ сюжетовъ употребляютъ простой аплодисментъ; для третьихъ рѣдкое одобреніе.

Когда героиня драмы объявляетъ, что старый отецъ ея болѣнъ, клакеры должны вынуть носовые платки.

Когда она со слезами говоритъ, что нѣтъ надежды спасти его, римляне начинаютъ тихо сморкаться.

Если же съ икотой и воплями героиня реветъ, что отецъ ея умеръ, все носы начинаютъ такой концертъ, какъ будто сами понесли такую же потерю, и зрители увлекаются этою чувствительностію, точно также, какъ смѣхомъ въ комической пьесѣ; на другой день въ газетахъ дѣлаютъ слѣдующее замѣчаніе: пьеса имѣла неоспоримый успѣхъ, все зрители плакали.

А между тѣмъ, за эти неподдѣльные слезы начальникъ римлянъ получаетъ 50 или 60 франковъ отъ авторовъ, выигрывающихъ десять или пятнадцать тысячъ франковъ.

По окончаніи пьесы клакеры обязаны также вызывать артистовъ, и только что завѣса упадетъ надъ тѣломъ преступника или любящаго сердца соединятся, какъ римляне громко кричатъ: всехъ! всехъ! И все артисты, даже животныя, участвовавшія въ пьесѣ, должны выйти и раскланяться съ рыцарями.

Въ послѣднее время вызовы эти начали уже употреблять во зло, такъ что это сдѣлалось эпизодомъ всякаго спектакля. Стало быть они ничего не доказываютъ и вовсе не лестны для артистовъ.

III ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

СОЛНЦЕ И МАГНИТНАЯ СТРЕЛКА. — Извѣстно, что періодическія измѣненія магнитной стрѣлки тѣсно связаны съ движеніемъ солнца; но не согласны еще, какимъ образомъ оно дѣйствуетъ.

Непосредственно ли на самый магнитъ?

Или косвенно, посредствомъ измѣненія температуры, производимаго солнцемъ на поверхности земли. Извѣстный Секки утверждаетъ первое предположеніе. Полковникъ Сабинъ, въ первомъ томѣ *Магнитныхъ* наблюдений въ Торонто, замѣтилъ противоположность знака при измѣненіи склоненія, производимаго солнцемъ надъ магнитными перемѣнами въ тропическихъ странахъ. Секки удостовѣрился, что этотъ законъ противоположности, имѣющей связь съ солнечнымъ уклоненіемъ, дѣйствуетъ во всехъ климатахъ земнаго шара.

Слѣдственно, если отношенія разстоянія и угловыхъ положеній солнца объясняютъ періодическія колебанія магнита, то зачѣмъ прибѣгать къ косвеннымъ дѣйствіямъ, какъ напримѣръ къ термо-электрическимъ токамъ!

Стало бытъ, солнце дѣйствуетъ какъ настоящій магнитъ.

(Institut.)

Дѣйствія гельминтовъ. — Въ Gazette medica Italiana сообщаютъ подробности объ анатомическомъ трупоразытіи, произведенномъ гельминтами. Бѣдный мальчикъ, принесенный въ госпиталь, умеръ прежде нежели могли дознаться, въ чемъ состоитъ его болѣзнь.

Его вскрыли. Найдены были въ разныхъ мѣстахъ глисты; произведенныя ими поврежденія были значительны, но они дѣйствовали съ такою анатомическою точностію, которая бы принесла честь самому искусному оператору.

Напримѣръ: весь большой симпатическій нервъ былъ отдѣленъ отъ своихъ связей, съ ячейками, безъ малѣйшаго поврежденія. Вся система грудныхъ артерій, ея вѣтви, многочисленныя сѣти, образующія пище-приемныя и легочныя ткани, наконецъ тонкая сѣть, прикрывающая аорту, все спланхническіе нервы отъ начала ихъ до выхода изъ грудной полости были предметомъ этой анатомической работы глистовъ.

Система сосудовъ была также искусно анатомирована. Аорта и артеріи между ребръ, маленькая азиго съ побочными вѣтвями, грудной каналъ были отдѣлены и совершенно очищены отъ ячейной ткани.

(Idem.)

Грызунъ камней. — Природа имѣетъ безконечное множество странностей, которыхъ предѣлы никогда не будутъ извѣстны наукѣ. Мы, напримѣръ, знаемъ, что бобры сами себя строятъ жилища, но недавно только узнали, что есть животныя, прогрызающія каменныя скалы безъ всякаго орудія.

Евгеній Роберъ представилъ парижской Академіи Наукъ (чтобъ отдать потомъ въ подарокъ въ музей Естественной Исторіи) группу ежей, собранныхъ имъ въ сѣверной части Дуарнезейской губы на берегахъ Финистере. Они занимаютъ горизонтальную поверхность желѣзистаго песчаника, въ которомъ прогрызли множество круглыхъ углубленій. Эти ежи принадлежатъ къ породѣ *echinus lividus*.

Авторъ замѣчаетъ, что эта привычка прогрызать — то дерево, то madreпоры, то, чаще всего, самыя крѣпкія каменныя породы, принадлежатъ многимъ животнымъ, совершенно различнымъ одни отъ другихъ.

Иные производят свои просверливанія самыми мягкими веществами, и однако же видно, что производство это было чисто-механическое. Валансьеннъ думаетъ, что они употребляютъ для этого морскую воду и треніе своихъ лапъ.

Вотъ породы, наиболѣ замѣченныя въ этомъ сверленіи.

Есть небольшая порода *сипонклей* (лучистыхъ животныхъ), пробивающая камни въ индійскихъ моряхъ. Другая порода высверливаетъ себѣ спиральное жилище въ мадрепорахъ. Даже въ губчатыхъ животныхъ есть камнегрызущія породы.

Открыто, что твердыя меловыя скалы часто прорыты червями брюхоходами (*gasteropodes*).

Есть даже рыбы, которыхъ нельзя запереть въ пруды, устроенныя изъ самаго твердаго цемента. Маленькіе сомы, живущіе въ прѣсной водѣ средней Америки, прогрызаютъ береговые камни. (*Idem.*)

Полосатая муха. — Есть насекомое, *musca lineata*, наносящее чрезвычайный вредъ зерновому хлѣбу. Она въ нашихъ климатахъ зараждается два раза въ годъ. Личинка послѣдняго поколѣнія истребляетъ по-крайней-мѣрѣ $\frac{1}{10}$ часть жатвы. Эти мухи являются иногда въ огромномъ количествѣ въ видѣ черной тучи. Въ 1847 году весь куполь Варшавской обсерваторіи покрытъ былъ этою породою, какъ равно и потолки сосѣднихъ домовъ.

Тоже замѣчено было 1 октября 1854 года въ Флери-су-Медонѣ. Отъ нихъ едва могли избавиться въ комнатахъ. (*Idem.*)

Извѣстія изъ центральной Африки. — Въ нашихъ прежнихъ географическихъ книгахъ и картахъ утверждали до-сихъ-поръ, что Африка состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: изъ большой песчаной и углубленной равнины, къ которой принадлежитъ и степь Сагары, и изъ большой плоской возвышенности, занимающей болѣе половины Африки. Эта возвышенность начинается тотчасъ же къ югу отъ озера Чадъ въ видѣ огромной цѣни горъ и въ этомъ видѣ простирается до мыса Доброй Надежды.

Нынѣ, по послѣднимъ открытіямъ, доказано, что мы ошибались. Указанныя равнины и возвышенности теперь измѣнили свои мѣста. Степь Сагара оказалась плоскою возвышенностію отъ тысячи до двухъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, — тогда какъ къ югу отъ озера Чадъ простирается почти горизонтально большая наносная равнина, весьма мало возвышающаяся надъ морскимъ уровнемъ и склоняющаяся отъ озера Чадъ къ югу. Самое же это озеро находится только въ 800 футахъ надъ моремъ.

Прежнія экспедиціи: Ричардсона, Овербега, Барта и Фогеля не имѣли съ собою надлежащихъ инструментовъ къ измѣреніямъ и опредѣленію широты и долготы, только въ последнемъ путешествіи Фогеля положительно опредѣлены нѣкоторые пункты, а въ томъ числѣ и озеро Чадъ.

Отправясь изъ Кука къ юго-юго-востоку до $9^{\circ} 30'$ сѣверной широты, Фогель нашелъ, что географическая долгота этихъ мѣстъ на всѣхъ прежнихъ картахъ показана цѣлыми двумя градусами восточнѣе. Тамъ, гдѣ обозначена была знаменитая гора Мендиско, течетъ рѣка Шари, впадающая въ Чадъ. Вся страна отъ Кука къ юго-юго-востоку до $9'$ сѣверной широты составляетъ лѣсистую наносную равнину, на которой нѣтъ никакихъ горъ, кромѣ отдѣльныхъ гранитныхъ валуновъ и которая нигдѣ не выше 900 футовъ надъ уровнемъ моря.—Въ тридцати нѣмецкихъ миляхъ къ югу отъ Кука нашелъ онъ въ 20 футахъ глубины известковый слой земли, который къ Барну былъ въ шести футахъ, и полагаетъ, что все это пространство было нѣкогда залито озеромъ Чадъ.

Равнина эта начинается уже у оазиса Агадано, въ 35 миляхъ къ сѣверу отъ Кука, и оттуда на 90 нѣмецкихъ миль нѣтъ ни одного камня. Главная рѣка этой равнины, Шари, впадающая въ Чадъ. Въ началѣ дождей, была она шириною до 2000 футовъ и глубиною 15. Быстрота теченія простиралась до 4 миль въ часъ, а по примѣтамъ видно было, что въ полноводье глубина рѣки бываетъ до 30 футовъ.

Подъ 10° сѣверной широты и $14^{\circ} 35'$ восточной долготы (отъ Гринича) нашелъ Фогель огромное озеро, простирающееся къ югу за видимый горизонтъ. По показанію туземцевъ, оно идетъ къ югу на 20 нѣмецкихъ миль, ширина его была въ одну нѣмецкую милю, а глубина до 20 футовъ. На немъ много острововъ и оно называется Тубари.

Ни Бартъ, ни Овербегъ не упоминаютъ о немъ и говорятъ только, что видѣли всю эту страну подъ наводненіемъ разлившихся озеръ. Не періодическое ли это озеро? Только дальнѣйшія путешествія докажутъ это.

(M. f. d. Z. d. A.)

Коверъ изъ слоновой кости. Надобно сознаться, что мы, европейцы, со всѣми своими претензіями на изобрѣтательность, далеко отстали во многихъ предметахъ промышленности отъ другихъ народовъ. У насъ часто химики ищутъ рѣшенія задачи, которую индійцы знаютъ уже нѣсколько вѣковъ. Не напрасно ли мы стараемся подражать ихъ футлярамъ? Тридцать лѣтъ бились мы, чтобъ поддѣлать ихъ шаль и столько же бьемся, чтобъ достигнуть до отдѣлки ихъ ситцевъ. Правда, что

мы для работ своих употребляемъ машины, а они—руки, но за то ихъ работа отчетливѣе и вѣжше.

Вотъ напимѣръ присланъ изъ Калькутты *ковёръ изъ слоновой кости*. Надобно знать, что это не паркетный полъ, составленный изъ кусковъ слоновой кости: это настоящій *ковёръ*—мягкій, гибкій, прелестный. Онъ сдѣланъ изъ длинныхъ, тонкихъ полосъ слоновой кости, переплетенныхъ между собою въ видѣ цыновки. Онъ длиною въ двадцать футовъ, а шириною въ шесть. Еслибъ бѣлый цвѣтъ слишкомъ ослѣплялъ ваше зрѣніе, то индійцы обрасятъ эту кость въ любой цвѣтъ посредствомъ своихъ растительныхъ красокъ, которыхъ секретъ они одни знаютъ. (Revue contemp.)

Лодка новаго устройства. Дерево, плавающее по водѣ, первое подало первобытному человѣку мысль къ устройству лодки. Въ первомъ челнокѣ, выдолбленномъ самымъ грубымъ инструментомъ, скрывался зародышъ сто-пушечнаго линейнаго корабля.

Много столѣтій употребляли на построение судовъ одно дерево. Недавно нашли, что желѣзо легче и прочнѣе дерева. Теперь же Мираванъ устроилъ для опыта судно, и уже шесть лѣтъ какъ оно ходитъ по Сенѣ до Гавра. Для построения его нужны уже не плотникъ, но желѣзные заводчики, а каменьщики или штукатуришки. Остовъ новаго судна сдѣланъ изъ желѣзной проволоки, промежутки которой наполняются гидравлическимъ цементомъ, сквозь который вода не проникаетъ и который болѣе и болѣе твердѣетъ въ водѣ. Подобныя лодки строятся съ удивительною быстротою и могутъ служить транспортами и канонерскими лодками. Еслибъ ударомъ о скалу, или ядромъ, пробило это судно, то отверстие тотчасъ же замазывается тѣмъ же цементомъ, а разорванная проволока легко соединяется вставкою другой, связанной съ разорванными концами.

Если эта система удастся въ большомъ размѣрѣ, то она сбережетъ много времени и денегъ. (Idem).

IV. АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, НОВОСТИ.

Изрѣченія персидскаго поэта Фить-Араи. Если ты любишь Сагару за ея оазисы, то люби и за песокъ.

Подлѣ пальмы славы увядаетъ смоковница скромности.

Правда тоже, что горькая тыква (колоквинта): ея нельзя угощать, не подсластивъ сахаромъ.

Сперва вытаски утопающаго изъ Нила, а послѣ на берегу спрашивай: какъ онъ попалъ въ воду.

Блоха думаетъ, что человекъ созданъ ей въ пищу.

Отъ удавовъ легче бѣжать, нежели отъ маленькихъ змѣй.

Если кто дарить курицу, то она уже вѣрно не несется.

Тѣ, у которыхъ нѣтъ одежды, всего усердѣе шьютъ ее для другихъ.

Если нищему подарятъ новый гаикъ, онъ нашьетъ на него заплату.

Можно быть и бѣлоперой птицею, лишь бы пѣть какъ соловей.

Запасай пизанги въ Анкобаръ, если хочешь ѣсть бананы въ пустынѣ.

Проходя въ Гондарскія ворота, ниже всѣхъ наклоняется карликъ.

У страуса въ ногахъ та сила, которой нѣтъ въ крыльяхъ.

Въ глазахъ зависти кустарникъ вырастаетъ лѣсомъ.

Для труса всякая змѣя—удавъ.

Если проѣзжаешь мимо спящаго крокодила, то не шуми веслами.

Когда плоды сняты, легко бранить дерево.

Отправляясь косить, бери съ собою серпъ.

Для влюбленныхъ и полевая гвоздика пахнетъ жасминомъ.

Благодарность тоже, что цвѣты лотоса: скоро увядаютъ.

Проживи шесть дней въ оазисѣ, на седьмой тебѣ захочется въ пустыню.

Ненадобно сѣять тамъ тыкву, гдѣ можно посѣять арбузъ.

Волна въ заливѣ поднимается уже тогда, когда поднялась прежде въ океанѣ.

Во время путешествія скорѣе доѣдешь до полюса, нежели найдешь друга.

Кто шута бросается въ Ниль, тотъ можетъ серьезно утонуть въ немъ.

Приведи умнаго въ пустыню, онъ и тамъ будетъ доволенъ.

Скупой желалъ бы продать одному покупщику верблюда, а другому горбъ его.

У пьянаго корнака шатается и верблюдъ.

Скажи свою тайну Нилу, и всѣ пустыни узнаютъ ее.

Когда воръ слышитъ рѣчь о бамбуковой трости, то почесываетъ себѣ спину.

Будь перцемъ для огурцевъ и сахаромъ для листьевъ хины.

Подаренный соболю стоитъ двухъ обѣщанныхъ горностаевъ.

Дягушка квакаетъ на верблюда, но не проглотитъ его.

Славѣ не нужно стучаться у воротъ безсмертiя: они отворены для нея.

Если змѣя слишкомъ ядовита, то у нея есть гремушки.

Въ золотыхъ башмакахъ можно дойти до конца свѣта.

Орелъ живеть въ облакахъ и мало говоритъ о нихъ. Но за то ворона всегда хвастаетъ, что видитъ ихъ вблизи.

На гробницѣ тигра не будутъ плакать антилопы.

Кто не голодень, тому не нравятся и кокосовые орѣхи.

Дождевая капля, падающая въ Нилъ, воображаетъ себя, что отъ нея слѣдается наводненіе. (M. f. d. Z.)

Плясовая болѣзнь. Нѣкто докторъ Гекеръ написалъ недавно medico-физиологическую книгу о плясовой болѣзни, свирѣпствовавшей въ XIV вѣкѣ. Это случилось вскорѣ послѣ ужасной эпидеміи, извѣстной подъ названіемъ *черной немочи*. Въ Ахенѣ прежде всего обнаружилась новая болѣзнь. Толпы мужчинъ и женщинъ производили на площадяхъ и на улицахъ изступленную пляску, падая потомъ въ ужасныхъ конвульсіяхъ и умоляя, для своего облегченія, чтобъ ихъ ногами топтали, или били палками. Во время своей пляски ничего они не видѣли, не слышали и не понимали. Потомъ рассказывали, что имъ чудилось въ это время вокругъ нихъ море крови, изъ котораго они старались освободиться. Припадки этой болѣзни начинались судорогами. Безъ чувствъ и съ глухимъ стономъ падали они на-полъ, и пролежавъ недолго, вскакивали и начинали свою изступленную пляску.

Изъ Ахена болѣзнь распространилась по Нидерландамъ. Красный цвѣтъ приводилъ больныхъ въ бѣшенство. Въ Бельгій прошла эта болѣзнь скоро, но въ Кельнѣ и Мецѣ сотни танцующихъ наполняли улицы. Къ больнымъ присоединялись плуты и обманщицы. Духовная власть, полиція и врачи старались истребить зло, но болѣзнь безпрестанно возобновлялась.

Въ XV вѣкѣ обнаружилась въ Нижней Италіи похожая на эту болѣзнь, названная *тарантеллою*. Думали тогда, что укушеніе тарантула (*tarantula lycosa*) производитъ сумасшествіе и смерть, что больного можно только спасти посредствомъ музыки на флейтѣ и на цитрѣ. Вездѣ обнаруживалась эта болѣзнь, и спасительное дѣйствіе—музыки.

Англичанинъ Пирсъ рассказываетъ, что онъ въ нынѣшнемъ столѣтіи видѣлъ въ Абиссиніи, какъ сумасшедшихъ вылечивали музыкою и танцами.

Извѣстный докторъ Карусъ, въ книгѣ своей: *Объ эпидеміяхъ чловѣческаго ума* говоритъ, что танцы составляютъ не болѣзненный припадокъ, а примѣту къ выздоровленію у психондриковъ и помѣшанныхъ. (Erheit.)

СТРАННАЯ КОМПАНИЯ НА АКЦІЯХЪ. Мексиканское духовенство обладало огромнымъ богатствомъ, котораго часть нужно было перевезти въ Манилу. Сокровища эти свезены были на корабль въ гавань Акапулко.

Въ недалекомъ разстояніи отъ береговъ, корсары нанали на этотъ корабль и овладѣли имъ, изрубивъ экипажъ. Часть своего экипажа корсары перевели на взятый корабль, приказавъ имъ идти въ Табаго, въ Панамскую бухту. Корабль корсаровъ слѣдовалъ за призомъ въ видѣ прикрытія.

По дорогѣ, буря разлучила оба эти корабля. Разбойники, оставшіеся на захваченномъ кораблѣ съ богатствомъ, рѣшились присвоить ихъ себѣ. Они тотчасъ же перемѣнили направленіе и поплыли къ *Кокосовымъ* островамъ, гдѣ и зарыли большую часть сокровищъ. Съ остальною отправились они далѣе; но едва вышли въ море, какъ наткнулись на одинъ англійскій военный корабль, который остановилъ ихъ и перевѣшалъ, кромѣ двухъ малолѣтнихъ юнговъ, которыхъ отвезли въ Ямайку, гдѣ и посадили въ тюрьму.

Одинъ изъ нихъ умеръ въ темницѣ, а другой былъ выпущенъ и возвратился на свою родину, въ Галифаксъ, гдѣ потомъ женился.

Долго онъ молчалъ, но наконецъ разсказалъ происшествіе своей юности. Справились по книгамъ страхового общества, и дѣйствительно оказалось, что корабль, нагруженный сокровищами мексиканскаго духовенства, былъ застрахованъ, и какъ захваченъ былъ разбойниками, то общество и заплатило за оцѣнку груза. Въ адмиралтействѣ, по собраннмъ справкамъ, тоже обнаружилось, что корабль корсаровъ былъ захваченъ, но найденныя въ немъ богатства не составляли и четвертой части того, что было нагружено въ Акапулко.

Послѣдствіемъ этого открытія было то, что составила компанія на акціяхъ для отысканія этого зарытаго клада. Юнга (по имени Вога) взять былъ въ эту экспедицію. Но по дорогѣ онъ умеръ, и, какъ говорятъ, передъ смертью объявилъ своему сыну, гдѣ скрыты сокровища.

Вскорѣ по смерти Вога корабль экспедиціи разбился, и спасенный экипажъ разбрелся. Сынъ Вога попалъ въ Панаму, но объявилъ, что отецъ ему не сообщалъ ничего. Цѣль его отпирательства состояла въ томъ, чтобъ получить кладъ одному.

Дѣйствительно, онъ предпринялъ одинъ путешествіе къ Кокосовымъ островамъ, но умеръ не доѣхавъ до нихъ. Теперь составила вновь компанія на акціяхъ. Сокровище оцѣнено въ 15 милліоновъ піастровъ. Выпущено 22,000 акцій по 22 піастра. Нанятъ корабль *Юлій Принглъ* съ многочисленнымъ и надежнымъ экипажемъ. Онъ отправился къ мѣсту назначенія 23 августа 1854 года, и теперь разрываютъ весь островъ,

гдѣ должно быть сокровище. Островъ этотъ лежитъ въ Тихомъ Океанѣ въ 750 миляхъ отъ Панамы. Если кладъ найдутъ, то каждая акція получить по 750 шастровъ, то-есть въ 35 разъ больше противъ номинальной цѣны. (Erheit).

Исторія колець. Если бы мы писали исторію дамскаго туалета, то должны были бы начать ее съ колець.

Въ психологіи туалета есть одинъ важный вопросъ еще нерѣшенный: начали-ли женщины сначала одѣваться, а потомъ украшаться, или наоборотъ. Последнѣе кажется вѣроятнѣе, потому, что во всѣхъ раждающихся обществахъ женщины не имѣютъ одежды, но носятъ браслеты, ожерелья, кольца въ носу, на губахъ, на щекахъ, въ ушахъ. Украшенія эти дѣлаютъ изъ птичьихъ перьевъ, изъ раковинъ, костей, металла, стекла. Стало быть, трудно рѣшить эпоху, когда они вошли въ употребленіе. Одни говорятъ, что Прометей, отказавшись жениться на первой смертной женщинѣ, Пандорѣ, подарилъ ей въ утѣшеніе кольцо. Плиніи же увѣряетъ, что прежде осады Трои кольца были неизвѣстны, потому что Гомеръ, описывая подробно все принадлежности туалета троянскихъ дамъ, не упоминаетъ о кольцахъ. Это значитъ только, что троянки не употребляли колець.

Доказано однако, что кольцо, прежде чѣмъ перешло въ туалетную принадлежность, имѣло въ древности символическое, мистическое, волшебное значеніе.

Жрецы всѣхъ народовъ носили кольца какъ знакъ своего достоинства.

Были тоже кольца, означающія власть, почесть, благородство происхождения.

Королевское кольцо, передаваемое другому, означало, что съ нимъ передается и власть.—Александръ, передавая при смерти свое кольцо Пердикѣ, назначилъ его своимъ преемникомъ. Муціанъ, при императорѣ Веспасіанѣ, носилъ кольцо государя и управлялъ самовластно всеми дѣлами.

У турокъ и сарациновъ кольцо давалось вмѣстѣ съ управленіемъ провинцій. То же самое было и при первыхъ короляхъ Франціи, которые, отдавая вассаламъ земли, вручали имъ кольцо съ гербомъ. Вотъ отчего произошло обыкновеніе употреблять кольца вмѣсто печати.

Венеціанскіе дожи обручались съ моремъ ежегодно кольцомъ. Персидскіе государи дарили кольца, въ знакъ своего благоволенія. Въ Перу инки посвящали въ дворянство, прикрѣпивъ кольцо въ ухо, и этотъ знакъ былъ въ большомъ уваженіи.

Въ Римѣ, только сенаторы и патриціи имѣли право носить золотыя кольца. Простой же народъ носилъ только желѣзныя.

Однако, кольца не всегда означали почестъ, и у многихъ народовъ они же были знакомъ униженія, рабства или дурной нравственности. Въ Римѣ долго ни одинъ мужчина не смѣлъ надѣть двухъ колець вдругъ, потому что это почиталось предосудительнымъ. Только женщины носили столько колець, сколько имъ было угодно.

Волшебныя кольца играли важную роль не только въ сказкахъ, но и въ рыцарскихъ романахъ, гдѣ считались талисманами.

Самый знаменитый талисманъ въ этомъ родѣ было кольцо Гигеса, про которое поэты много писали, приписывая ему многія небывалыя достоинства, тогда какъ этотъ талисманъ не имѣлъ ничего сверхъестественнаго кромѣ добраго совѣта. Вотъ какъ онъ достался Гигесу.

«Народы Лидіи, говоритъ Енифанъ, византійскій схоластикъ, были сибариты Средней Азіи. Они проводили ночи въ пирахъ, а потомъ спали половину дня. Гигесъ жилъ въ городѣ Пелопен, за восемь столѣтій до Р. Х. Онъ былъ молодъ, красивъ, богатъ, имѣлъ множество талантовъ. Въ то время, возлѣ рѣки Галеза, на сѣверо-западъ отъ Эфеса, жилъ философъ Гилипъ, учитель Віаса, одного изъ семи мудрецовъ Греціи. Гигесъ, мучимый тщеславіемъ, пришелъ совѣтоваться къ философу, какъ ему употребить свою жизнь и таланты, и тотъ подалъ ему кольцо, сказавъ:

— Читай, что тутъ написано, всякій день при восходѣ солнца.

Кольцо это было оловянное съ плоскою дощечкою, на которой были начертаны 999 буквъ почти незамѣтныхъ.

Возвратясь въ Пелопеню Гигесъ прочиталъ слѣдующее:

«Потерянные часы.

«Возьми двухъ людей. Одинъ просыпается въ девять часовъ съ половиною, другой въ шесть. Если оба они проживутъ 50 лѣтъ, то послѣдній будетъ жить 63 тысячи 875 часовъ больше перваго, или 2 тысячи 664 день.

«Положимъ, что въ Лидіи 1 миллионъ 500 тысячъ человѣкъ встаютъ въ 9¼ часовъ; если изъ этого числа 950 тысячъ будутъ вставать въ 6 часовъ вмѣсто 9¼ и употреблять это время съ пользою, то въ 50 лѣтъ 56 тысячъ 346 миллионновъ 875 тысячъ часовъ, или 6 миллионновъ 432 тысячи 292 года будутъ употреблены на улучшеніе человѣка и общества.

«Ничего нѣтъ лучше для здоровья и ничто не доставляетъ такой долготѣйшей жизни какъ раннее пробужденіе. Положимъ, что изъ числа 950 тысячъ человѣкъ 500 тысячъ продолжать этимъ способомъ жизнь

на четыре года, то есть, что вмѣсто 50 лѣтъ они будутъ жить 54: этимъ будетъ выиграно еще 2 милліона лѣтъ дѣятельной жизни, которые, сложенные съ 6-ю милліонами 432 тысячами 292 годами, составлять для государства, въ 50 лѣтъ, 8 милліоновъ 432 тысячи 292 года полезныхъ дѣлъ, оттого только, что 950 людей будутъ вставать въ 6 часовъ утра, а не въ 9¼, какъ это дѣлается обыкновенно въ Лидіи, и будутъ употреблять это время съ пользою.»

Гигесъ понялъ это любопытное счисленіе философа и началъ вставать нѣсколькими часами раньше своихъ согражданъ. Его труды, таланты, дѣятельность, открыли ему путь къ почестямъ. Онъ сдѣлался любимцемъ короля Кандоля и царствовалъ послѣ него въ Лидіи.

Стало быть, талисманъ Гигеса доступенъ всѣмъ.

Скоро кольца, потерявъ символическое значеніе, сдѣлались только украшеніемъ рукъ. Смотря по модѣ и по обыкновенію, начали носить кольца преимущественно то на одномъ пальцѣ, то на другомъ, то на всѣхъ вмѣстѣ. Потомъ начали вставлять въ кольца драгоценныя камни, и употребленіе ихъ до того распространилось, что при Тиверіи сенатъ издалъ законъ, чтобъ только люди богатые и свободные имѣли право носить кольца.

Съ рукъ кольца перешли на ноги, и обычай этотъ сохранился до сихъ-поръ въ Индіи, потомъ начали носить кольца въ ушахъ, и всѣ народы приняли эту моду, только съ нѣкоторыми особенностями.

У многихъ американскихъ и азіатскихъ народовъ длинныя уши считаются красотою и чтобъ вытянуть ихъ сколько можно болѣе, протыкали ухо и привѣшивали къ нему тяжести, которыя понемногу приближали ухо къ плечу и расширяли отверстіе, прибавляя тяжесть. Этотъ обычай сохранился и теперь у многихъ народовъ, въ первобытномъ состояніи.

Но фантазіи дамъ не остановились на этомъ и онѣ начали носить кольца въ носу, на губахъ, щекахъ и подбородкѣ. Перуанки и теперь прикрѣпляютъ къ носу массивное золотое кольцо, означающее богатство мужа, и эта тяжесть до того вытягиваетъ ихъ носъ, что въ старости онъ почти закрываетъ ротъ. Женщины острова Санъ-Сальвадора прикрѣпляютъ къ кончику носа золотыя украшенія или раковины. Мексиканки украшаютъ носъ драгоценными камнями, другія, побѣдице, протыкаютъ его костями, щечками, перьями.

Кажется, что всѣ эти украшенія на лицѣ должны быть чрезвычайно неловки, но женщины готовы переносить мученія, лишь бы чѣмъ-нибудь отличиться отъ соперницъ. Въ образованныхъ обществахъ женщины поминутно мѣняютъ матеріи и платья; у дикихъ же народовъ, не

имѣя надобности въ одеждѣ, выдерживаютъ пытку и уродуютъ себя, прокалывая носъ, уши, губы. На островѣ Кайеннѣ, цѣлый народъ прорѣзываетъ себѣ нижнюю губу и вдѣлываетъ въ отверстіе кусокъ хрусталя, камня или дерева; въ Эюіоніи, женщины носятъ на нижней губѣ мѣдное кольцо. Негритянки въ Ріо-Габонѣ протыкаютъ себѣ нижнюю губу только для удовольствія, чтобъ въ эту скважинку просовывать языкъ. Мексиканки продѣвали сквозь щеки и подбородокъ то же разныя драгоценныя украшенія.

Во Франціи и во всей Европѣ, молодыя дѣвушки изъ крови королевъ и принцевъ носили золотыя обручи на головѣ, какъ знакъ своего достоинства.

Римляне носили перстни, стоявшіе цѣлыхъ провинцій. Геліогабалъ имѣлъ страсть къ кольцамъ и носилъ ихъ такое множество, что не надѣвалъ двухъ разъ одного. Этотъ примѣръ подѣйствовалъ на сенаторовъ и ихъ женъ, которые раззорялись на блестящія украшенія.

Клеопатра, на праздникѣ, данномъ ей Антоніемъ, вынула изъ уха серьгу съ жемчужиною въ двадцать милліоновъ сестерцій и, растворивъ ее въ укусу, вышила вмѣстѣ съ Фалернскимъ виномъ. Плиніи говорить, что Толлія, жена Калигулы, носила каждый день колець, браслетъ и другихъ украшеній на сорокъ милліоновъ сестерцій (5 милліоновъ франковъ).

Отъ римлянъ страсть къ роскоши и кольцамъ перешла къ другимъ народамъ, и вотъ одинъ анекдотъ, взятый изъ французской исторіи:

«Герцогъ Анжуйскій привелъ однажды принца Родольфа въ свой кабинетъ и показалъ ему великолѣпную коллекцію колець и драгоценныхъ камней. Германскій принцъ разсмотрѣлъ всѣ сокровища и спросилъ: что они стоили и сколько приносятъ доходу?—Они стоили милліоны, отвѣчалъ герцогъ, но ничего не приносятъ.

— А у меня есть только два камня, возразилъ Родольфъ, которые стоили мнѣ десять флориновъ, но приносятъ ежегодно двѣсти.

Герцогъ, удивленный этими словами, просилъ принца показать ему эти рѣдкіе камни, и Родольфъ привелъ его къ двумъ мельницамъ, недавно построеннымъ и показавъ на жернова, сказалъ:

— Вотъ камни, приносящіе мнѣ больше пользы, чѣмъ всѣ ваши драгоценности.

Во Франціи кольца имѣли тоже артистическое значеніе. При Карлѣ Великомъ лонскій архіепископъ учредилъ школу музыки и каждый ученикъ, при вступленіи въ нее, получалъ кольцо съ изображеніемъ лиры.

Древніе, доведшіе роскошь до крайней степени, начали носить такіе огромные перстни, что украшеніе это сдѣлалось тягостнымъ, особенно

въ лѣтнее время. По этому надобно было придумать кольца лѣтнія и зимнія, то есть тяжелыя и легкія. Ювенальъ чрезвычайно смѣется въ своихъ эпиграмахъ надъ лѣтнимъ золотомъ, освѣжающимъ горячія пальцы.

Кольцами начали также выражать благодарность, дружбу, любовь, и потому начали вырѣзывать на нихъ разные гіероглифическіе знаки, рисовать разные предметы и даже портреты.

Наконецъ, политика овладѣла кольцами, и различныя партіи узнавали по кольцамъ непріятеля. Словомъ, кольца причинили много безпорядковъ, раззорили многихъ гражданъ, такъ что Плиній сказалъ про нихъ:

«Первый, кто выдумалъ надѣть себѣ на палець кольцо, сдѣлалъ большую ошибку.»

Однако, римскій историкъ кажется уже слишкомъ строгъ. Онъ видѣлъ злоупотребленіе роскоши и долженъ былъ осуждать ее, но умѣренное употребленіе колець, напоминающихъ пріятное событіе, потеряннаго друга, прошедшую радость или просто украшающихъ хорошенькую ручку, нисколько не предосудительно и не можетъ сдѣлать никому вреда, а напротивъ приноситъ большую пользу ювелирамъ и искусству.

(Le Voleur.)

Крысы. Въ эпоху, когда наука была не на такой высокой степени совершенства, когда ученые не могли отличать того, что есть, отъ того, что кажется, потому что познанія въ естественной исторіи были очень ограничены,—предразсудки приписывали сверхъестественныя качества многимъ животнымъ и даже боялись ихъ, тогда какъ теперь мнѣніе прежнихъ ученыхъ кажется просто смѣшнымъ. Напримѣръ, о крысахъ писали странныя вещи, приписывая имъ умъ, чуть-ли не равный человѣческому. Крысъ обвиняли въ страшныхъ преступленіяхъ, находили какое-то таинственное отношеніе между человѣкомъ и этимъ грызущимъ животнымъ, и не только простой народъ, но и серьезные, умные люди почитали крысъ агентами злыхъ духовъ.

Сутей замѣтилъ въ одномъ оригинальномъ сочиненіи, что крыса мѣшается непремѣнно во все предпріятія человѣка. Начнетъ ли онъ строить корабль, домъ, копать могилу, обрабатывать поле, поѣдетъ ли далеко въ чужую страну и учредить колонію—крысы непремѣнно явятся тамъ же. Какимъ образомъ крыса предчувствуетъ, что домъ обрушится, а корабль потонетъ? Какъ она переноситъ сырое яйцо изъ погреба на чердакъ, не разбивъ его на лѣстницахъ? Кто выучилъ ее доставать масло изъ бутылки, засунувъ туда свой хвостъ и потомъ облизывая его? Кто показавъ ей, какъ ухаживать за слѣпымъ товарищемъ, какъ водить его,

положивъ ему въ ротъ кончикъ соломенки? Трудно отвѣчать на эти вопросы.

Крысы живутъ не миролюбиво: одно племя выгоняетъ другое. Крысы, которыя съѣли саксонскаго лорда въ царствованіе Альфреда; крысы, стонавшія за обоими, когда солдаты Кромвеля раззоряли замки приверженцевъ Стюартовъ; крысы, мѣшавшія спать Георгу I, были изъ породы чернаго цвѣта: эта порода теперь исчезла почти совершенно. Эти крысы удалились и уступили мѣсто норвежской крысѣ сѣраго цвѣта и больше ростомъ. Не смотря на общее повѣрье народа, трудно объяснить, почему эта крыса называется норвежскою, потому, что она пришла совсѣмъ не изъ Норвегіи. Тѣ, которые думаютъ, что она явилась изъ Скандинавіи, очень удивятся, когда узнаютъ, что она пріѣхала въ Англію изъ Индіи и Персіи въ 1736 году. Въ 1750 она переправилась во Францію и оттуда уже распространилась по всей Европѣ.

Паллась, во время своего путешествія по южной Россіи, видѣлъ прибытіе этихъ крысъ въ 1766 году къ устьямъ Волги. Эта порода плодится неимовѣрнымъ образомъ. Самка производитъ три раза въ годъ, каждый разъ двѣнадцать или пятнадцать дѣтенышей, такъ что отъ одной пары можетъ въ два года расплодиться миллионъ крысъ. Стало быть не мудрено, что эта порода изгнала вездѣ туземную черную крысу. Въ Ирландіи эти животныя истребили почти всѣхъ лягушекъ, которыхъ было чрезвычайно много. Голландцы выѣхали изъ Ильдефранса потому, что крысы не давали имъ покоя и даже люди не могли отъ нихъ защищаться. Крысы, поселившіеся въ Англіи, послали свои колоніи черезъ Атлантическій океанъ, точно также какъ и европейцы. Тамъ нашли они превосходную страну, не холодную и плодородную, такъ что пища имъ была обезпечена. Въ этихъ мѣстахъ они умножались съ неимовѣрною быстротою и сдѣлались наконецъ нестерпимыми, такъ что жители для собственной безопасности начали отравлять этихъ животныхъ. Однако, эта мѣра имѣла важныя послѣдствія. Отравленные крысы, мучимыя жаждою, бросились къ ручьямъ и, понадавши туда, портили воду, которая причинила падежъ стадъ, пившихъ въ тѣхъ же ручьяхъ.

Кромѣ того, крысы нашли на островахъ еще другихъ враговъ. Одна порода муравьевъ объявила жестокую войну крысамъ и изгоняла ихъ изъ плантацій. Притомъ негры, нашедшіе особенный вкусъ въ этихъ животныхыхъ, ловили ихъ и продавали на рынкѣ въ Ямайкѣ, гдѣ находили многочисленныхъ покупателей. Китайцы тоже почитаютъ крысу лакомымъ кушаньемъ, почему всѣ корабли, подходящіе къ Кантону, выставляютъ шесть съ крысою, повѣшенною за хвостъ и которую бросаютъ потомъ въ толпу жителей Китая, съ жадностію бросающихся на эту не

обыкновенную дичь. На американских пароходах крысы причиняют очень много вреда, пролѣзая въ сундуки и чемоданы и истребляя все, что попадется имъ. Однажды случилось, что они съѣли цѣлое духовное завѣщаніе, написанное на пергаментѣ, за исключеніемъ печати, и бѣдный наслѣдникъ лишился огромнаго состоянія.

Грекамъ было извѣстно многое; но если вѣрить ихъ натуралистамъ, то они не знали ни черной крысы, ни норвежской. До-сихъ-поръ еще неизвѣстно отечество черной крысы. Иные думаютъ, что она родилась въ Америкѣ; но тогда надобно сдѣлать вопросъ: какъ она переправилась въ Европу? Неужели она переплыла Беринговъ проливъ, прошла всю Азію?

Кромѣ нашествія норвежскихъ крысъ, причина уменьшенія черной породы можетъ быть еще та, что черная крыса плодится только разъ въ годъ и приноситъ не больше пяти или шести дѣтенышей.

Есть по-крайней-мѣрѣ сто различныхъ породъ крысъ, маленькихъ или большихъ, смѣлыхъ или робкихъ, но все онѣ вообще причиняютъ много вреда человѣку. Длина обыкновенной норвежской крысы простирается до девяти дюймовъ, но есть на Малабарѣ крысы-великаны въ двадцать четыре дюйма, у которыхъ хвостъ занимаетъ половину этой длины. Порода *гамстеръ* водится на югѣ Россіи, въ Венгріи и Германіи. Эти крысы очень лакомы до солодковаго корня, и гдѣ онѣ находятъ это растеніе въ большомъ количествѣ, то истребляютъ его совершенно. Онѣ имѣютъ еще привычку прятать въ своихъ земляныхъ норахъ отъ двѣнадцати до ста фунтовъ зеренъ, для запаса на зиму. Онѣ имѣютъ величину норвежскихъ крысъ, только хвостъ ихъ не длиннѣе трехъ дюймовъ. На каждой щекѣ у нихъ родъ мѣшка, незамѣтнаго когда онъ пустой, но похожаго на пузырь, покрытый волосами, когда наполненъ какой-нибудь провизіей. Эти мѣшки служатъ для крысъ средствомъ перетаскивать запасы въ свои магазины. Тогда крыса передними лапками сжимаетъ мѣшки и выешиаетъ все, что принесла. Докторъ Руссель вскрылъ одну изъ этихъ крысъ и нашель, что у ней мѣшки набиты зелеными бобами, уложенными такъ искусно, какъ мудрено было сдѣлать это самыми тонкими пальчиками.

Гамстеръ также ловокъ, какъ и смѣль. Онъ не отступаетъ ни передъ какимъ неприятелемъ, животнымъ или человѣкомъ и не боится ничего. Если онъ встрѣчается съ собакою, то очищаетъ прежде всего свои мѣшки, если они набиты провизіей, а потомъ надуваетъ ихъ до того, что голова дѣлается огромнѣе всего туловища.

Оба пола этихъ животныхъ живутъ отдѣльно; у самцовъ своя квартира, у самокъ другая. Зимой поселяне разоряютъ ихъ норы, обира-

ютъ запасы зеренъ, а крысъ, окоченѣвшихъ отъ холода, убиваютъ и ѣдятъ; шкуры ихъ продаютъ. Въ Германіи правительства платятъ за каждую крысью шкуру, и въ реестрахъ Готской ратуши замѣчено, что въ три зимы выданы деньги за 145,000 шкуръ.

Почти такой же образъ жизни ведетъ *экономическая крыса*, обитающая въ Америкѣ и Азіи, на берегахъ Арктическаго Океана. Эта порода вырываетъ себѣ, въ рыхлой землѣ, настоящія комнаты, имѣющія одинъ футъ въ діаметрѣ, съ правильнымъ сводомъ и иногда съ тридцатью разными выходами во все направленія. Кромѣ своихъ жилищъ онѣ устраиваютъ себѣ магазины и все лѣто наполняютъ ихъ зернами и корнями. Эти работы производятся такъ внимательно, что если въ магазинахъ замѣтна сырость, то крысы выносятъ всю свою провизию на солнце, сушатъ ее и потомъ опять укладываютъ. Только, подобно своимъ германскимъ родственникамъ, эта порода находитъ жестокихъ гонителей въ жителяхъ, которые грабятъ ее запасы.

Эта порода водится и въ Исландіи, но такъ какъ въ негостепримной этой странѣ пища не обильна, то экономическія крысы переплываютъ рѣки и озера, чтобъ отыскать себѣ пропитаніе. Онѣ употребляютъ для этого очень оригинальный способъ переправы. Олафсенъ говоритъ, что, собираясь въ путешествіе, иногда очень дальнее, крысы составляютъ общество, отыскиваютъ большой гладкій кусокъ сухаго коровьяго сала, на который складываютъ небольшой запасъ провизіи и, соединяя все силы, сталкиваютъ этотъ плотъ новаго рода въ воду и потомъ сами садятся на него, только головами въ середину, такъ, чтобъ хвосты ихъ висѣли въ водѣ и служили вмѣсто руля.

Натуралисты совершенно напрасно причислили къ крысамъ много породъ другихъ маленькихъ животныхъ. Для чего ихнеймонъ названъ фараоновою мышью? *Лемингъ*, явившійся на сѣверѣ Европы, и нѣкоторыя породы скакуновъ тоже почему-то называютъ мышами. Правда, что происхожденіе леминговъ до-сихъ-поръ неизвѣстно, и ученый Мюнстеръ, наблюдавшій за этими животными, объявляетъ, что они падаютъ на землю вмѣстѣ съ сильными дождями; но это мнѣніе не принято. Во всякомъ случаѣ, лемингъ не принадлежитъ къ породѣ крысъ. Только крысы, вмѣстѣ съ мышами и лемингами, до того надоѣдали норвежскимъ крестьянамъ, что тѣ всеми силами старались избавиться отъ этихъ животныхъ.

Крысамъ приписывали прежде странныя свойства. Въ Шотландіи если крысу видѣли на спинѣ коровы, то бѣдное животное почиталось околдованнымъ и шотландцы хлопотали объ ея излеченіи. Одно семейство бардовъ имѣло наследственную власть убивать крысъ своими пѣнями,

проштыми близъ ихъ норъ. Шекспиръ упоминаетъ объ одномъ такомъ случаѣ; Филиппъ Сидней и Свифтъ тоже говорятъ съ насмѣшкою, что порода поэтовъ, убивающихъ своими стихами, сохранилась до нашего времени не въ одной Ирландіи.

Не смотря однако на это средство, крысы размножились въ Ирландіи до такой степени, что въ наше время онѣ нападаютъ на дѣтей и съѣдаютъ покойниковъ на кладбищахъ. На берегахъ Чанона рыбаки, много претерпѣвшіе отъ этихъ животныхъ, собрались, чтобъ истребить враговъ; но крысы были въ такомъ количествѣ, что, не смотря на многочисленныя потери, заставили рыбаковъ отступить и оставить врагамъ поле, гдѣ колонія ихъ процвѣтаетъ и теперь.

(Revue britannique).

V. ПУТЕШЕСТВІЯ и СЦЕНЫ ПРАВОВЪ.

МИССИОНЕРЪ ВЪ КИТАѢ. Изъ всѣхъ миссіонеровъ, посѣщавшихъ въ последнее время Китай, Гюкъ одинъ сообщилъ подробный разсказъ своего путешествія. За четыре года тому назадъ разсказалъ онъ любопытную свою поѣздку въ Татарію и Тибетъ (1844 и 1845). Теперь, исполняя тогдашнее обѣщаніе, описываетъ онъ свое возвращеніе изъ Тибета черезъ весь Китай съ запада на востокъ.

Та-ціень-Лу (кузница стрѣлъ), первый городъ, встрѣчающійся при выѣздѣ изъ Тибета. Онъ принадлежитъ къ провинціи Се-Чуэнь. Гюкъ и Габе прибыли туда въ началѣ іюня 1846 года, черезъ три мѣсяца по выѣздѣ изъ Льяссы. Они не очень увѣрены были, чтобъ мандарины сдержали обѣщаніе, данное Ки-шаномъ на счетъ ихъ поѣздки. Сперва должны они были бороться съ мандариномъ за то, что тотъ непременно хотѣлъ заставить ихъ продолжать путь верхомъ. Наконецъ онъ согласился дать имъ паланкинъ. Потомъ слѣдовалъ важный вопросъ объ одеждѣ. Тибетская каска изъ волчьей шкуры негодилась уже въ се-чуэнской провинціи. Китайцы имѣли бы жалкое понятіе о людяхъ, столь дурно одѣтыхъ. А потому путешественники заказали себѣ голубое платье, по послѣдней пекинской модѣ, и надѣли черно-атласные сапоги съ высокими каблуками.

Въ началѣ путешествія надобно имъ было переправляться черезъ высокую гору Фей-ю-лингъ. Но послѣ этого вступили они въ плодотворную страну, усѣянную богатыми пажитями и зеленѣющими долинами, озаренными юньскимъ солнцемъ. Прелестнѣйшіе ландшафты еже-

минутно развивались передъ глазами миссіонеровъ: многолюдныя селенія, постоянныя дворы, пагоды съ загнутыми крышами, бамбуковыя и банановыя рощи, вездѣ картина труда, движенія; наконецъ даже особенный запахъ выхлоли, испаряющійся изъ земли.

Кинанъ приказалъ принимать ихъ вездѣ, какъ первостатейныхъ гущовъ и помѣщать въ *кинъ-куанакъ* по всемъ городамъ, но начальникъ конвола искусно избѣгалъ исполненія этого приказа. На это онъ имѣлъ свои причины. Подѣзжая къ почлегу, онъ посылалъ сказать, что иностранцы, которыхъ онъ провожаетъ, непременно хотятъ остановиться на постояломъ дворѣ, а не во дворцѣ, слѣдственно, чтобъ ему выслали деньги на расходы ихъ угощенія. Эти деньги оставлялъ онъ у себя, тратя изъ нихъ какъ можно меньше.

Провинція Се-чуанъ одна изъ обширнѣйшихъ и богатѣйшихъ въ китайской имперіи, имѣетъ въ ширину триста ли. Въ ней девять перво-классныхъ городовъ, сто пятнадцать второстепенныхъ, множество крѣпостей и фортовъ. Мѣстами видны обширныя озера, питающія своею рыбою окрестныя селенія. Вездѣ каналы, судоходныя рѣки, тысячи джонокъ, развозящихъ произведенія труда и промышленности. Янгъ-Це-Киангъ, эта исполинская рѣка, пересѣкающая Китай во всю его ширину, течетъ черезъ Се-чуанскую провинцію съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Повсюду видны богатѣйшіе урожан хлѣба, кормовыхъ травъ, красильныхъ растений, а въ особенности пенки и индиго. Далѣе плантаціи чаю, табаку, медицинскихъ растений, и пр.

Въ Се-чуанской провинціи христіанство сдѣлало повидимому болѣе успѣховъ. Гюкъ считаетъ въ ней по-крайней-мѣрѣ сто тысячъ христіанъ.

Путешествіе миссіонеровъ очень медленно подвигалось впередъ; на каждомъ шагу надобно было имъ спорить съ конвойнымъ мандариномъ, то хитрить, то грозить. Китайцы вообще много путешествуютъ и наиболѣе совершаютъ свои поѣздки водою. Однакоже, каналы ихъ очень худо содержатся, такъ-что иногда сообщеніе прекращается. Въ древнія времена были у нихъ великолѣпныя дороги. Слѣды ихъ видны еще и теперь. Особливо у главныхъ городовъ содержатся онѣ изрядно, но чѣмъ дальше во внутреннія области, тѣмъ хуже, и кончаются простыми тропинками для пѣшеходовъ. Нѣтъ уже ни обсадки деревьями, ни плить, ни мостовъ черезъ рѣчки и овраги.

Постоялыя дворы не лучше дорогъ. «Мы видѣли, говоритъ Гюкъ, по всей дорогѣ постыднѣйшіе примѣры лихоимства. Судьи продавали правосудіе тому, кто больше дастъ, а мандарины всехъ степеней, вмѣсто того, чтобъ покровительствовать народу, притѣсняють его и обирають

всеми возможными средствами». Все эпизоды путешествія служат доказательством этой истины и обнаруживают настоящее положеніе Китая.

Татары, завоевавъ эту имперію, со страхомъ увидѣли потомъ свою малочисленность посреди этого огромнаго народонаселенія. Они сохранили ему все прежнія узаконенія, но постановили, чтобъ мандарины не болѣе трехъ лѣтъ пользовались своимъ званіемъ въ *одномъ* мѣстѣ. Гюкъ, по справедливости, почитаетъ эту мѣру одною изъ главныхъ причинъ всеобщаго разстройства. Мандарины назначаются въ страну, которой не знаютъ, и гдѣ ихъ не знаютъ: только срокъ отъѣзда ихъ заранее извѣстенъ. Слѣдственно, они о томъ только и думаютъ, чтобъ поскорѣе нажитья, а потомъ уѣхать на другой конецъ имперіи наслаждаться безнаказанно плодами своего грабительства.

Тутъ Гюкъ рассказываетъ самый любопытный эпизодъ всего путешествія:

Въ небольшомъ городкѣ Леанъ-чанъ собралось около миссіонеровъ много христіанъ, радовавшихся ихъ прибытію. Мандарины, молча, но съ неудовольствіемъ смотрѣли на это стеченіе, и однажды одинъ мандаринъ захватилъ письмо и узелокъ, присланные къ миссіонерамъ отъ одного христіанина Чао. Въ узелкѣ были сухіе плоды, а въ письмѣ пріветственныя и прощальныя фразы. Однакоже мандарины схватили Чао и посадили въ тюрьму подъ предлогомъ заговора.

Миссіонеры стали громко требовать публичнаго судилища въ ихъ присутствіи. Губернаторъ думалъ успокоить ихъ обѣщаніемъ, что Чао будетъ выпущенъ и все дѣло предано забвенію. «Нѣтъ, отвѣчали они: мы требуемъ суда и прежде не выйдемъ отсюда».

Это была самая сильная угроза. Миссіонеры путешествовали и жили на счетъ губернаторовъ, и каждый изъ нихъ старался поскорѣе сбыть ихъ съ рукъ. А потому и теперь, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, губернаторъ согласился на публичный судъ надъ Чао, и объявилъ миссіонерамъ, что засѣданіе будетъ открыто въ полночь.

«Насъ ввели (рассказываетъ Гюкъ) въ аудіенцъ-залу, великолѣпно освѣщенную разноцвѣтными фонарями. Число зрителей, между которыми было много христіанъ, было очень велико. Главные мандарины и наши провожатые сидѣли на возвышенной площадкѣ, за длиннымъ столомъ. По прибытіи нашемъ судьи встрѣтили насъ самымъ ласковымъ образомъ, а губернаторъ поскорѣе хотѣлъ усадить насъ, чтобъ тотчасъ же начать судъ. Но *усадить* у китайцевъ дѣло не легкое. Надобно считаться чинами, званіями, предками, знаками отличія. У губернатора на фиолетовомъ тюникѣ былъ нашитъ богдыханскій драконъ,

но у насъ былъ великолѣпный красный поясъ; у него былъ синій шарикъ на шапкѣ, но мы носили желтыя шапки!

«Видя колебаніе губернатора, мы сами рѣшились занять мѣста въ президентскихъ креслахъ, а прочихъ размѣстили по старшинству. Все собраніе удивилось, засмѣялось, но не противилось. Мандарины машинально повиновались. Открылось засѣданіе. Миссіонеры знали всѣ судебныя обряды и слѣдили за соблюденіемъ всѣхъ правилъ.

«Обвиненный Чао былъ введенъ въ судилище. Губернаторъ хотѣлъ было самъ сдѣлать допросъ; но миссіонеры не допустили, и произвели его сами лично. Послѣ всѣхъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ Чао, Гюкъ объявилъ, что богдыханъ дозволилъ христіанамъ свободно отправлять свое богослуженіе, и спросилъ наконецъ у губернатора: слѣдуетъ ли по законамъ освободить Чао?

— Конечно! отвѣчалъ мандаринъ, и тотчасъ же велѣлъ его выпустить, надѣясь, что дѣло кончено; но Гюкъ вспомнилъ о мандаринѣ, захватившемъ письмо и узелокъ. Если Чао былъ невиненъ, то мандаринъ былъ виноватъ. А потому Гюкъ объявилъ, что почитаетъ его недостойнымъ занимать болѣе свое мѣсто (это былъ начальникъ его конвоя).

Этотъ разсказъ съ перваго взгляда невѣроятенъ; но кто знаетъ малодушіе китайцевъ, тотъ пойметъ, что Гюкъ не выдумалъ этого эпизода.

Проѣзжая черезъ Гап-зуанъ, миссіонеры наши были свидѣтелями политической демонстраціи жителей въ честь одного военного мандарина. Мандаринъ ѣхалъ верхомъ и провожаемъ былъ необозримою народною толпою. Доѣхавъ до городскихъ воротъ, онъ остановился. Два старика почтительно сняли съ него сапоги, надѣли ему новую обувь, а старую повѣсили подъ сводомъ городскихъ воротъ. Этотъ древній обрядъ въ Китаѣ сохраняется и донинѣ. На всѣхъ почти воротахъ города висятъ сапоги мандариновъ, отечески управлявшихъ областію.

Близъ Гап-чуана миссіонеры достигли береговъ озера Пингъ-чу, которое усажено искусственными подвижными островами, составленными китайскимъ гениемъ. Этотъ видъ изумителенъ для европейцевъ. Острова составлены изъ бамбуковыхъ плотовъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ растительной земли, на которой построены дома, посажены деревья. Многочисленные семейства живутъ въ этихъ пловучихъ фермахъ, то качающихся посреди водъ на якорѣ, то идущихъ подъ парусами по озеру. Почти всѣ большія озера въ Китаѣ наполнены этими корзинами деревьевъ и цвѣтовъ. Почва этой огромной имперіи недостаточна для жителей, и они выселяются на воду. Туристы восхищаются этимъ зрѣ-

лицемъ, а между тѣмъ оно служитъ явнымъ доказательствомъ нищеты Китая.

У-чангъ-фу занимаетъ центральное положеніе въ Китаѣ. Это важный коммерческій городъ. Посредствомъ Янгъ-це-Кіанга и рѣкъ съ каналами, вливающимися въ него, городъ этотъ имѣетъ сообщеніе со всѣми провинціями. Насупротивъ стоятъ два значительные города: Гань-Янгъ и Гань-Коу. Гюкь считаетъ въ этихъ трехъ городахъ до 8,000,000 жителей. На такомъ небольшомъ пространствѣ восемь милліоновъ! Какъ послѣ этого не допустить 333 милліоновъ китайцевъ, нечисленныхъ Маркартеемъ, или 361 мил. по послѣдней народной переписи манджуйской династіи. Европейцы, живущіе въ приморскихъ гаваняхъ Китая, слишкомъ много придаютъ себѣ важности въ коммерческомъ отношеніи. Конторы въ Шангаи и Кантонѣ воображаютъ себѣ, что безъ нихъ торговля Китая пропадетъ, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ совершенное уничтоженіе ихъ не будетъ ни малѣйшимъ образомъ замѣтно въ Гап-Коу и по всему Янгъ-це-Кіянгу.

Провинція Гу-пе не такъ обширна, а особливо не такъ плодородна, какъ сосѣдственная Се-чуэнь. Она наполнена болотами, дѣлающими климатъ ея не такъ здоровымъ. Жители всѣ блѣдны и болѣзненны. Число христіанъ здѣсь не болѣе 14,000, и они претерпѣваютъ здѣсь частыя гоненія.

Передъ выѣздомъ въ Кіангъ-си миссіонеры еще разъ переправились черезъ рѣку и взяли направленіе къ югу. Имъ оставалось еще до Кантона двѣсти лье. На джонкѣ отправились они черезъ озеро По-ангъ, которое пятнадцать лье длины и пять-шесть ширины. Сойдя на южномъ берегу озера, они сѣли опять въ паланкины до Нан-чангъ-Фу, главнаго города провинціи Кіангъ-си. Дорога чрезъ необозримыя равнины, сожженные солнцемъ, чрезвычайно трудна и утомительна. По счастью, нашли они у одного караульнаго укеусъ изъ полипа. Этотъ укеусъ былъ вовсе неизвѣстенъ въ Европѣ, до описанія Гюка, да и въ Китаѣ немногіе знаютъ его. Вотъ какъ онъ дѣлается. Въ большой сосудъ, наполненный прѣсною водою, кладутъ полипъ, подливши потомъ нѣсколько стакановъ водки. Черезъ двадцать или тридцать дней жидкость эта превращается въ превосходный укеусъ безъ малѣйшаго другаго приготовленія и добавленія. Укеусъ этотъ свѣтелъ, какъ ключевая вода, очень крѣпокъ и весьма пріятнаго вкуса. Послѣ перваго приготовленія, источникъ укуса дѣлается неисчерпаемымъ, потому-что, по мѣрѣ употребленія его, стоить подливать всегда такое же количество воды безъ прибавки уже водки.

Вообще у Гюка много оригинальных открытій. Напримѣръ, чтобъ осель не жгаль, стоитъ ему привязать камень къ хвосту.

Въ провинціи Кіангъ-си находятся величайшія фарфоровыя фабрики. Въ городѣ Кинг-те-чингъ, къ востоку отъ озера По-янга, ихъ по-крайней-мѣрѣ пятьсотъ и болѣе милліона жителей, которые работаютъ на фабрикахъ, или торгуютъ фарфоромъ.

Здѣсь также разводятъ искусственнымъ образомъ рыбу. Въ началѣ весны множество продавцевъ съ икрою объѣзжаютъ провинціи и продаютъ владѣльцамъ прудовъ драгоценныя свои сѣмена, заключенныя въ боченкахъ въ видѣ желтой, густой жидкости. За нѣсколько *санекъ* можно купить большую ложку этой жидкости, и этого довольно, чтобъ заселить цѣлый прудъ. Бросивъ эту жидкость въ воду, оказывается черезъ нѣсколько дней рыба. Когда она нѣсколько подрастетъ, то ей бросаютъ на воду мелко искрошенную нѣжную траву, и по мѣрѣ роста рыбъ увеличиваютъ порцію. Впрочемъ, черезъ мѣсяць рыба уже въ полномъ ростѣ, и тутъ-то ее надобно хорошо кормить. Поутру и ввечеру даются ей большія охапки травы. Тотчасъ же вся рыба всплываетъ на верхъ и съ жадностію глотаетъ траву, производя между собою сильный шумъ. Послѣ двухъ-недѣльнаго кормленія рыба уже не увеличивается въ объемѣ. Тогда ее ловятъ и продаютъ.

Изъ Нан-чанг-фу путешественники прямо отправились въ Кантонъ, гдѣ намѣстникъ сдалъ ихъ подъ росписку голландскаго консула ванъ-Базеля, и съ этой минуты они уже не имѣли дѣла съ китайскими властями.

Гюкъ говоритъ, что, не смотря на усердіе миссіонеровъ, христіанство еще мало имѣетъ успѣховъ въ Китаѣ. Во всей имперіи не болѣе 800,000 христіанъ. Это очень мало на 300 милліоновъ жителей.

(Revue des deux mondes).

СТРАШНАЯ НОЧЬ.

(Разсказъ 1-жи Клемансъ-Робертъ).

1. Скучающая женщина.

Въ прекрасный лѣтній вечеръ, хозяева небольшого загороднаго дома въ окрестностяхъ Нантуа, сидѣли въ залѣ нижняго этажа, стеклянныя двери которой были открыты въ садъ.

Солнце, спускаясь за деревья, освѣщало зелень, окружающую домъ; вѣтеръ, удерживаемый горами, не шевелилъ листьями, птицы тихо пѣли въ кустахъ; все было комфортабельно, какъ внутри такъ и снаружи дома, и если можно было найти тутъ одинъ недостатокъ, — это было чрезвычайное спокойствіе и монотонность, наводящая дремоту.

Вотъ почему все семейство молчало уже давно, какъ вдругъ г-жа Лафоре сказала своему мужу:

— Сегодня, мой другъ, надобно завести часы.

Въ то же время, Фредерикъ, сынъ ихъ, говорилъ тихо своей кузинѣ, подлѣ которой сидѣлъ у окна:

— Отчего вы улыбнулись такъ иронически, Альбертина? Я не вижу ничего смѣшнаго въ томъ, что сказала маменька.

— Напротивъ, это очень серьезно, отвѣчала молодая дѣвушка. Заводить часы!.. да это почти единственное важное происшествіе въ домѣ, и котораго не было вчера и не будетъ завтра.

— Какъ вы насмѣшливы.

— Нисколько... Развѣ можно смѣяться надъ часами, которые управляютъ всею нашей жизнью. Если имъ угодно бить восемь часовъ, то все мы должны выходить изъ нашихъ комнатъ; въ полдень часы собираютъ насъ всехъ къ столу, въ два мы идемъ гулять, и опять непременно въ восемь ужинаемъ... Кажется, что все мы, какъ марионетки, прикрѣплены нитками къ стрѣлкѣ этихъ часовъ.

Фредерикъ прошелся по комнатѣ съ волненіемъ и сказалъ, подходя къ кузинѣ:

— Читайте, работайте; и вамъ не будетъ скучно.

— Я и то работаю; вотъ два часа, что я сижу надъ моимъ вышиваньемъ.

— Такъ ступайте гулять.

— О, будьте покойны! ровно въ десять часовъ мы пойдемъ на берегъ озера, восхищаться тѣмъ же видомъ, какъ вершина горы отражается все въ той же голубой водѣ.

— Не хотите ли вы, чтобъ для васъ перемѣнили ходъ времени, чтобъ перенесли озеро на другое мѣсто, переставили горы, и все это для прихоти пансіонерки...

— Пансіонерки! Кажется, что уже годъ какъ я вышла изъ пансіона и могла бы потерять это названіе.

Фредерикъ сѣлъ опять на табуретъ возлѣ молодой дѣвушки и сказалъ ей серьезно:

— Вы слишкомъ счастливы, Альбертина, и не умѣете цѣнить вашего счастья. Вы рано потеряли вашихъ родителей; но мой отецъ ок-

ружилъ васъ довольствомъ, моя мать полюбила васъ какъ дочь. Вы получили образованіе въ лучшемъ пансіонѣ Ліона, гдѣ приобрѣли таланты, украшающіе жизнь. Потомъ васъ приняли въ семействѣ какъ родную; всѣ васъ любятъ и не отказываютъ вамъ ни въ чемъ.

— Даже дѣлаютъ мнѣ честь, назначая въ мужья моего прекраснаго кузена.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы достойны сожалѣнія Альбертина! Въ вашей жизни не было ни одного облачка: ни заботъ, ни печалей, ни одной слезы... Не примѣрное ли это несчастье!

— Есть слезы не только радости или горя, но и...

— Слезы скуки, наводимыя зѣвотой, хотите вы сказать? Какъ это пріятно для всѣхъ насъ, и какъ учтиво.

— Фредерикъ, вы сегодня несносны.

— А вы раздражительны. Можетъ быть, буря, которая виситъ въ воздухѣ, дѣйствуетъ на ваши нервы.

— И буря, и хорошая погода нисколько не дѣйствуютъ на мой характеръ, и я васъ прошу не говорить со мною такъ дерзко.

— Мнѣ кажется, что вы начали ссору.

— Совѣмъ нѣтъ. Это вы сердитесь и горячитесь, что я смѣю находить нашу жизнь монотонною.

— То-есть вы хотите сказать *вашу* жизнь. Это возможно.

— Нѣтъ, я говорю о всѣхъ вообще.

— По-крайней-мѣрѣ я не принадлежу къ числу скучающихъ, и нахожу, что въ жизни моей много приключеній. Да, продолжалъ онъ, видя что кузина смотритъ на него съ удивленіемъ: кто любитъ, тотъ не знаетъ скуки, и дни его проходятъ въ волненіи, заботахъ, опасеніяхъ... Когда вамъ угодно быть любезной, веселой; когда вы удостоите улыбнуться мнѣ... когда, на примѣръ, вы сняли съ вашего пальца это кольцо и подарили мнѣ (и онъ показалъ ей золотое кольцо съ небольшимъ медальономъ, въ которомъ были ея волосы), тогда у меня праздникъ... я веселъ, счастливъ, все вокругъ меня сіяетъ! Когда же вы холодны, насмѣшливы какъ сегодня,—для меня это настоящій адъ... Я готовъ убѣжать отсюда, чтобъ не видѣть, какъ вы скучаете... Я въ отчаяніи уже нѣсколько разъ хотѣлъ бросить мое семейство и навсегда оставить васъ... Вы видите, Альбертина, что мои дни не монотонны, потому что зависятъ отъ вашего каприза.

Альбертина, немного тронутая, хотѣла уже протянуть руку молодому человѣку и утѣшить его; но, къ несчастію, въ эту минуту часы начали бить и мысли молодой дѣвушки обратились къ другому предмету.

— Четыре часа! сказала она. Держу пари, что Манета тотчас принесет подносъ и меня позовутъ разливать чай.

Предсказаніе ея сбылось.

Альбертина встала съ мѣста и пошла къ столу. Фредерикъ, въ досадѣ, топнулъ ногою и выбѣжалъ изъ залы въ садъ. Тамъ онъ уже не удерживалъ своего гнѣва и немилосердно милъ цвѣты и ломалъ кусты, чтобъ хоть немного облегчить свое горе. Когда кровь его немного успокоилась, онъ опять вошелъ въ залу и сѣлъ за чайный столъ.

Г-жа Лафоре, выпивъ свою порцію чая, уже смотрѣла на дверь спальни, какъ бы говоря: пойду-ка я за шалью и шляпой, чтобъ итти къ озеру. Альбертина зѣвала, Фредерикъ мрачно сдвинулъ брови; г. Лафоре, не замѣчая ничего, нюхалъ табакъ.

Въ эту минуту вошла Манета и сказала, что пришелъ какой-то г. Мальвуазье, который хочетъ видѣть семейство Лафоре.

Къ этому она прибавила, что г. Мальвуазье купилъ имѣніе недалеко отъ ихъ дома и желаетъ познакомиться съ сосѣдами.

Фредерикъ посмотрѣлъ на кузину, чтобъ видѣть, какое дѣйствіе произвело на нее это неожиданное посѣщеніе; но лицо Альбертины вдругъ прояснилось и выражало сильную радость.

Въ эту минуту вошелъ Мальвуазье.

Это былъ человекъ лѣтъ тридцати, прекрасно одѣтый, красивой наружности, съ благородными манерами. Можно было только замѣтить, что цвѣтъ его лица, и безъ того смуглый, очень загорѣлъ для городского жителя, только-что пріѣхавшаго въ помѣстье.

Альбертина граціозно налила ему чаю и подала чашку съ благодарностію, потому что гость избавилъ ее отъ прогулки въ назначенный часъ.

Разговоръ завязался очень живо. Разумѣется, говорили о выгодахъ и доходахъ имѣнія, купленного незнакомцемъ. Упоминали и о рыбахъ, наполняющихъ прудъ, и о сосѣдствѣ монастыря Бенедиктинскихъ монаховъ, гдѣ въ девятомъ вѣкѣ былъ погребенъ Карлъ Лысый, о фабрикахъ, о торговлѣ и потомъ опять о рыбахъ, величина которыхъ, по мнѣнію Лафоре, прибавлялась съ каждымъ годомъ.

Во время этого долгаго разговора не забывали чай. Особенно Мальвуазье не уставалъ пить чашку за чашкой. Можно было подумать, что онъ пилъ много чаю только для того, чтобъ коснуться руки Альбертины, подававшей чашку, потому что онъ поминутно обращался къ ней и смотрѣлъ на нее блистающими глазами.

Но никто не замѣчалъ этихъ странныхъ взглядовъ гостя. Фредерикъ, не вида еще никогда возлѣ любимой имъ женщины молодого че-

ловѣка, не научился ревновать, а добрые Лафоре не были въ состояніи подозрѣвать что-нибудь дурное. Одна Альбертина чувствовала электричество этого взгляда и смущалась отъ него, сама не понимая, отчего это происходитъ.

Г-жа Лафоре спросила гостя: нѣтъ ли чего новаго въ Ліонѣ, съ тѣхъ-поръ какъ она тамъ не была, то-есть съ времени выпуска Альбертины изъ пансіона.

— Еще расскажите намъ, не случилось ли чего-нибудь съ вами въ дорогѣ, прибавилъ Лафоре; это, можетъ быть, заинтересуетъ нашу племянницу.

— Почему же? спросилъ незнакомецъ.

— Потому, что она чрезвычайно любитъ разсказы о ночныхъ приключеніяхъ и подвигахъ разбойниковъ... Она съ восторгомъ читала исторію пиратовъ и флибустьеровъ и приходила въ ужасъ отъ ихъ побѣдъ.

— Люди, которымъ надоѣло все хорошее и доброе, сказалъ мрачно Фредерикъ, всегда ищутъ новыхъ впечатлѣній въ картинахъ пороковъ и преступленій.

— Что ты за вздоръ говоришь, перебила г-жа Лафоре: Альбертина просто любитъ разсказы о разбойникахъ; что тутъ дурнаго?

— Ихъ нѣтъ, къ несчастію... сказала молодая дѣвушка.

— Какъ нѣтъ! вскричалъ старикъ Лафоре. Развѣ ты забыла нашего Бартоля.

При этомъ имени незнакомецъ сдѣлалъ невольное движеніе назадъ, которое тоже никѣмъ не было замѣчено.

— Это не разбойникъ, отвѣчала Альбертина съ презрѣніемъ, а просто воръ, браконьеръ, простой поселанинъ.

— Да, только этому браконьеру нужна особенная дичь, продолжалъ старикъ. Давно ли онъ, только съ двумя товарищами, остановилъ женева дилижансъ, убилъ кондуктора, который вздумалъ защищаться и ограбилъ всѣхъ пассажировъ.

— Я слышалъ объ этомъ, сказалъ съ пренебреженіемъ гость.

— О, вы у насъ часто будете слышать о Бартолѣ, говорилъ Лафоре. Это въ самомъ дѣлѣ человѣкъ необыкновенный. Началъ онъ тѣмъ, что пошелъ охотиться въ нашихъ горахъ, избилующихъ разными звѣрями; потомъ набралъ себѣ товарищей изъ негодяевъ, и къ браконьерству присоединилъ другое ремесло—разбой на большихъ дорогахъ. Говорятъ, что богатства его несмѣтны.

— Чтожъ изъ этого? сказалъ Фредерикъ: все-таки кончится тѣмъ,

что этого богача схватятъ и повѣсятъ. Всѣ герои большихъ дорогъ кончаютъ одинаково.

— Не говорятъ ли также, замѣтилъ Мальвуазье—что этотъ... разбойникъ уменъ и красивъ... что даже его манеры довольно благородны и не изблѣчаютъ низкаго происхожденія.

— Это правда, сказала г-жа Лафоре, хотя и удивительно, гдѣ онъ могъ перенять порядочное обращеніе. Тѣ, которые видѣли его, увѣряютъ, что Бартоль замѣчательный человѣкъ во многихъ отношеніяхъ.

— Я слышалъ про него оригинальную исторію—продолжалъ незнакомецъ, покачиваясь на стулѣ,—случившуюся даже въ нашихъ горахъ, которыя видны отсюда.

— Разскажите! закричали женщины.

— Это исторія любви браконьера...

— Бартоль былъ влюбленъ? вскричала Альбертина.

— Начинайте же поскорѣе, сосѣдь, говорила г-жа Лафоре.

— Увѣряютъ, началъ Мальвуазье, что, благодаря его приличной наружности и свѣтскимъ манерамъ, Бартоль подъ какимъ-то предлогомъ пробрался однажды въ почтенное семейство, жившее близъ Нантуа. Я не знаю фамиліи этихъ людей. Тамъ, кажется, внезапное чувство любви овладѣло сердцемъ разбойника при видѣ одной молодой дѣвушки, которая, въ свою очередь, была увлечена страстью, выражавшеюся въ глазахъ Бартоля. Чувство это до того овладѣло ею, что она вечеромъ въ тотъ же день была одна съ преступникомъ, который говорилъ ей: Адель, я браконьеръ Бартоль; я люблю тебя, ты моя, потому что тоже любишь меня.

— Чтожь дальше? спросила дрожа Альбертина.

— Дальше, отвѣчалъ разсѣянно Мальвуазье, проводя рукою по лбу... я право забылъ, чѣмъ кончилась эта исторія.

— Однако, любопытно знать, поѣхала ли съ нимъ эта Адель? сказала г-жа Лафоре.

— Право, не знаю...

— Это жаль, проговорила Альбертина.

— Есть о чемъ жалѣть, сказалъ Фредерикъ съ досадою,—о сказкѣ и еще о самой невѣроятной.

И молодой человѣкъ быстро всталъ съ своего мѣста, какъ бы давая знать, что уже поздно. Гость подошелъ учтиво къ хозяину и, попросивъ у него позволенія посѣщать его по-сосѣдству, ловко раскланялся съ дамами и ушелъ.

Странно однако, что, не смотря на волненіе молодой дѣвушки и замѣтное вниманіе къ ней незнакомца, Фредерикъ не почувствовалъ ни

ревности, ни подозрѣнія. Сердце его и то довольно страдало отъ капризовъ Альбертины, и онъ не замѣчалъ опасности визитовъ молодаго сосѣда.

Молодая дѣвушка была тоже не слишкомъ взволнована присутствіемъ этого гостя. Она поняла, что произвела на него сильное впечатлѣніе, и это льстило ея самолюбію; но она и не думала отвѣчать его страсти, а была только рада, что онъ хоть немного нарушилъ монотонность ихъ жизни.

Всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Г-жа Лафоре приказала запереть всѣ окна и ставни, потому что собиралась буря, и градъ могъ разбить стекла.

Комната Альбертины была возлѣ залы, тоже въ первомъ этажѣ. Она поставила свѣчку на туалетъ, и разбѣжно осмотрѣлась кругомъ. Все было тутъ такъ красиво, чисто, изящно, что тотчасъ можно было узнать комнату молодой и хорошенькой женщины. Флаконы съ духами, чистая вода въ хрусталѣ, кружевной чепчикъ, батистовый пеньюаръ, обшитый валасіенами, бѣлая какъ снѣгъ постель съ голубымъ одеяломъ, на которомъ лежали узоры вышитой кисейной занавѣски: все это было такъ свѣжо и изящно, какъ сама обитательница комнаты.

Альбертина открыла окно и посмотрѣла на небо. Горизонтъ былъ покрытъ тучами и вдали блестѣла молнія.

Воздухъ былъ тяжелъ, запахъ цвѣтовъ раздражителенъ, но не смотря на это молодая дѣвушка оперлась на окно и задумалась.

Въ это время она почему-то вспомнила о своемъ любимомъ цвѣткѣ, за которымъ сама ходила и который только поутру распустился, и такъ какъ ночью надо было ожидать дождя или града, то она вздумала внести этотъ цвѣтокъ въ комнату на ночь.

Она перешла залу, спустилась въ садъ и тихо пошла къ клумбѣ, гдѣ стоялъ горшокъ съ туберозой. Приближаясь къ рѣшеткѣ сада, выходящей на дорогу, она услышала тихіе звуки флейты, которые показались ей очаровательными въ тишинѣ ночи. Она подошла поближе, чтобъ разслышать мелодію, но музыка удалялась по направленію рѣшетки. Сама не понимая, что она дѣлаетъ, дѣвушка слѣдовала за нѣжными звуками и остановилась у калитки. Тамъ чудные ноты затихли, а вмѣсто нихъ послышался скрипъ желѣза. Замокъ отлетѣлъ и калитка отворилась.

Въ ту же минуту сильная рука схватила руку Альбертины.

Молодая дѣвушка вскрикнула отъ страха. Она, не смотря на темноту, очень хорошо разглядѣла, что передъ нею стоитъ Мальвуазье; но это только увеличило ея ужасъ и она никакъ не могла скрыть его.

Однако она сдѣлала усиліе, чтобъ оправиться, потому что не хотѣла казаться пансіонеркой, какъ ее называлъ Фредерикъ, и сказала довольно твердымъ голосомъ незнакомцу:

— Что это значитъ? Зачѣмъ вы вернулись сюда въ такую пору?

— Альбертина! отвѣчалъ сосѣдъ: я браконьеръ Бартоль: я люблю тебя, ты моя, потому, что тоже любишь меня. Бѣжимъ отсюда!

— Вы съ ума сошли?.. Зачѣмъ вы опять рассказываете мнѣ эту сказку?

— Это не сказка, а правда. Ты, Альбертина, должна окончить ее, отвѣчая на любовь бандита, преступника, вора, но который обожаетъ тебя. Пойдемъ же, не заставляй меня прибѣгать къ силѣ.

Молодая дѣвушка рванулась назадъ, чтобы освободить свою руку и бѣжать, но бандитъ держалъ ее крѣпко. Она закричала, но вѣтеръ, шумѣвшій деревьями, заглушилъ ее крики.

Бартоль подаль знакъ.

Два человѣка бросились на Альбертину, завязали ей ротъ и посадили въ карету, стоявшую у калитки. Бартоль сѣлъ возлѣ нея; лошади помчались въ галопъ.

II. Путешествіе.

Карета быстро катилась по дорогѣ. Альбертина не могла разглядѣть окружавшихъ ее предметовъ. Возлѣ нея сидѣлъ ея похититель, на противъ—одинъ изъ людей, схватившихъ ее, другой правилъ лошадьми. Кажется, что экипажъ мчался по женевской дорогѣ, поминутно поворачивающей около горъ. Молодая дѣвушка чувствовала, что отъ страха, отъ волненія, силы ее оставляютъ и холодный потъ давалъ знать, что она скоро впадетъ въ безчувствіе. Однако, понявъ инстинктивно, что обморокъ для нея всего опаснѣе въ ея положеніи, она старалась преодолѣть себя, открывала глаза какъ можно больше и дѣлала движенія, чтобъ кровь не успѣла остановиться въ жилахъ.

Черезъ полчаса путешествія съ нея сняли платокъ. Она бросилась тотчасъ къ окну и начала звать на помощь.

— Будьте разсудительнѣе, Альбертина, сказалъ Бартоль:—если бы кто-нибудь могъ услышать ваши крики, я бы не развязалъ вамъ рта. Стало быть, вы напрасно стараетесь спастись; лучше замолчите.

Это было такъ справедливо, что молодая дѣвушка перестала биться и кричать, и упала возлѣ своего страшнаго спутника.

— Теперь одиннадцатый часъ, сказалъ Бартоль: дорога совершенно пустая и мы никого не встрѣтимъ на ней до двѣнадцати часовъ, когда проѣзжаетъ женевскій дилижансъ.

— Вы должны лучше знать, когда онъ пройдетъ, отвѣчала Альбертина, съ намѣреніемъ разсердить его, напомни о недавнемъ преступленіи; но, обратясь къ разбойнику, она увидѣла, что черты лица его не измѣнились, напротивъ—онъ еще улыбнулся очень мило.

Положеніе бѣдной дѣвушки было ужасно. Одна, съ безжалостными спутниками, посреди пустынной дороги, гдѣ нѣтъ ни домовъ, ни прохожихъ, никакой надежды къ спасенію. Бартоль рассчитывалъ, что въ ночь онъ будетъ далеко, а родственники жертвы только утромъ примутся искать ее.

Товарищъ разбойника, сидѣвшій передъ Альбертиной, былъ въ маскѣ и закутанъ въ плащъ; на козлахъ сидѣлъ тоже бандитъ. Вѣрно Бартоль выбралъ самыхъ вѣрныхъ людей для этого преступленія, можетъ быть тѣхъ самыхъ, которые ограбили съ нимъ женеvскій дилижансъ. Они убили бѣднаго кондуктора, такъ вѣрно не сжалятся и надъ ея страданіями.

Что же касается до Бартоля, она не хотѣла его упрашивать, увѣренная, что онъ не выпуститъ ее изъ своихъ рукъ. Кромѣ ужасной любви къ жертвѣ, онъ долженъ былъ для собственной безопасности скрывать свое преступленіе.

При этихъ мысляхъ бѣдная дѣвушка зарыдала. Она звала своихъ добрыхъ родныхъ, протягивала руки къ тихому домику на берегу озера, какъ къ потерянному раю, изъ котораго она изгнана, можетъ быть, навсегда.

Въ это время разразилась буря, сбиравшаяся весь вечеръ. Громъ и молнія всегда дѣйствовали болѣзненно на нервы Альбертины. Что же она почувствовала теперь!

Ночь дѣлалась темнѣе; по временамъ молнія рисовала бѣловатыя узоры по небу и освѣщала ряды сосенъ, торчащихъ по горамъ какъ черныя привидѣнія. Удары грома всегда сильнѣе въ горахъ, казалось разряжется надъ ихъ головами и засыплютъ экипажъ и лошадей громадными камнями, оторванными отъ горъ и вырванными съ корнемъ деревьями.

Въ подобныя минуты, всѣ инстинктивно ищутъ возлѣ себя любимаго человѣка, чтобъ найти вмѣстѣ съ нимъ спасеніе или погибнуть съ нимъ; но бѣдная Альбертина, измученная волненіемъ, не могла никому повѣрить своего страха или спрятать свою голову на груди друга. Спутники ея были злодѣи, которые не могли понять ея страданій, и она съ отвращеніемъ отскакивала къ окну кареты всякій разъ, когда толчокъ приближалъ ее къ Бартолю и она невольно до него дотрогивалась. Наконецъ, она почти до половины высунулась изъ окна, не смотря на сильную грозу.

Впереди дорога исчезала въ мракѣ. Вѣтеръ вылъ въ ущельяхъ, дождь, падая крупными каплями на камни, издавалъ глухіе, жалобные звуки. Красноватый свѣтъ разливался по небу и изъ-подъ копытъ лошадей брызгали искры, словомъ—можно было подумать, что эта дорога ведетъ прямо въ адъ.

И когда Альбертина, оглушенная громомъ и ослѣпленная молніею, падала въ уголь кареты, ужасъ ея еще увеличивался.

Бартоль сидѣлъ молча, сложа руки, другой разбойникъ протянулся на противоположной лавкѣ и спалъ такъ покойно, какъ въ своей постели.

Къ мученіямъ Альбертины присоединилось еще чувство совершенно матеріальное. Инстинктъ самосохраненія никогда не засыпаетъ въ человѣкѣ, и молодая дѣвушка, не смотря на свое отчаяніе, начала серьезно бояться за свою жизнь.

Нѣсколько минутъ уже карета катилась по отвратительной дорогѣ. Ее бросало изъ стороны въ сторону, она трещала, какъ будто готовая развалиться и бросить сѣдлоковъ подъ копыта лошадей или въ пропасть.

Притомъ, дорога шла то по окраинамъ горъ, то спускалась въ долину, то дѣлала быстрые обороты. И при свѣтѣ молніи видѣлись, то бездонная пропасть, то скалы, задѣвающие колеса, то громадныя массы, свѣсившіяся на дорогу и готовыя раздавить путешественниковъ.

Однако, не смотря на эти опасности, кучеръ-разбойникъ неистово погонялъ лошадей и карета прыгала по камнямъ, трещала и дрожала.

Наконецъ, бѣдной дѣвущкѣ показалось, что буря утихаетъ, что дорога дѣлается лучше и они ѣдутъ тише, и она, сложа руки на груди, чтобъ успокоить бѣненіе сердца, хотѣла вздохнуть свободнѣе, но вздохъ остановился въ ея груди.

Раздался страшный трескъ; Альбертина почувствовала сильный ударъ, потомъ ей показалось, что она падаетъ куда-то глубоко... глубоко... Она лишилась чувствъ.

Когда она пришла въ себя, то лежала на травѣ. Первымъ движеніемъ ея было поднять руки и глаза къ небу, чтобъ поблагодарить его за чудесное спасеніе. Потомъ она встала и осмотрѣлась кругомъ. Всѣ предметы рисовались черными силуэтами на свѣтломъ фонѣ. Съ одной стороны большой дубъ расправлялъ свои вѣтви, съ другой стоялъ неподвижно Бартоль и два бандита подымали опрокинувшуюся карету. Все дѣлалось тихо, какъ будто дѣйствовали тѣни.

Первая мысль Альбертины въ эту минуту была бѣжать; но какъ

она ни была безумна, Бартоль, кажется, отгадалъ ее, потому что опять схватилъ руку своей плѣнницы и пошелъ съ ней, за каретой, которую бандиты вытаскивали на дорогу. Въ ту минуту, когда они хотѣли сѣсть, атаманъ разбойниковъ вдругъ остановился, тихо засвисталъ и товарищи его, оставя лошадей, подошли къ нему.

Бартоль показалъ рукою на горизонтъ и бандиты наклонили головы въ знакъ согласія. Потомъ онъ быстро указалъ имъ на экипажъ и на лѣвую сторону дороги. Тамъ была между горами узкая тропинка, поросшая кустарникомъ. Они ввезли туда экипажъ, и вѣтви и кусты, прида въ прежнее положеніе, закрыли его совершенно. Потомъ Бартоль потянулъ за собою свою плѣнницу тоже на эту дорогу.

Альбертина не понимала, что все это значить.

Она могла сквозь зелень разглядѣть еще горизонтъ, на которомъ, какъ всегда бываетъ послѣ бури, еще чаще бѣгали послѣднія молніи и освѣщали даль.

Бартоль пристально смотрѣлъ на дорогу и потомъ, обратясь къ разбойнику, занимавшему мѣсто кучера, сказалъ:

— Видѣлъ ли ты ихъ при послѣдней молніи?

— Видѣлъ и сосчиталъ, отвѣчалъ бандитъ... ихъ шесть ружей.

— Есть ли у васъ, что нужно?

— Не совѣмъ... нѣсколько пистоновъ, немного пороху...

— А оружіе какое?

— Пистолеты...

— Только?

— Больше ничего, капитанъ.

— Какая досада!.. Мы не можемъ напасть на нихъ: пусть они проходятъ.

— Они уже близко, сказалъ разбойникъ.. Теперь я ихъ вижу безъ молніи, это конные жандармы втораго полка.

Альбертина вздрогнула и вскричала съ радостію:

— Жандармы! какое счастье!

— Позвольте васъ спросить: какое вы видите въ этомъ счастье? сказалъ холодно Бартоль.

— Я спасена теперь. Боже, благодарю тебя! отвѣчала молодая дѣвушка.

— Молите лучше Бога, продолжалъ Бартоль, чтобъ эти блюстители порядка не открыли насъ; а то васъ, вмѣстѣ съ нами, схватятъ и отведутъ въ тюрьму, гдѣ вамъ будетъ еще хуже.

— Меня въ тюрьму! за что это? Я скажу, что вы меня похитили.

— Все наши жены говорятъ это.

— Ваши *жены!* повторила съ ужасомъ Альбертина.

— Да, чтобъ ихъ не судили съ нами; но имъ не вѣрять.

— Но вы знаете, что это правда... вы сами скажете...

— Что я увезъ несовершеннолѣтнюю? Неужели я буду самъ доносить на себя, когда и то за мною много другихъ шалостей.

— Боже мой! что со мною будетъ... я сойду съ ума!

— Напротивъ; будьте разсудительнѣе... они близко... молчите... вотъ мѣрный шагъ ихъ лошадей... если вы сдѣлаете глупость, что закричите, то черезъ часъ будете въ женевской тюрьмѣ.

— Какой ужасъ!

— И еще подъ секретомъ... такъ, что ни кто не будетъ знать, гдѣ вы, до-тѣхъ-поръ пока все мы будемъ призваны въ уголовный судъ.

Альбертина не могла долѣе переносить этой пытки и упала на землю.

Между тѣмъ жандармы подѣзжали ближе. Слышенъ былъ не только топотъ лошадей, но и стукъ оружія. Ихъ было шестеро, хорошо вооруженныхъ, противъ трехъ бандитовъ, которые были не въ состояніи защищаться. Молодая дѣвушка боялась дышать, чтобъ не открыли ихъ убижища. Она страдала, разумѣется, въ обществѣ этихъ преступниковъ; но сердце ее сжималось при мысли, что она, вмѣстѣ съ ними, будетъ посажена въ тюрьму, что ее будутъ считать сообщницею бандитовъ и потомъ призовутъ въ судъ, наполненный любопытными, которые немилосердно будутъ смѣяться надъ нею, обвинять ее въ небывалыхъ преступленіяхъ... Развѣ можно перенести такой позоръ и не умереть со стыда! И какое это будетъ безчестіе для родныхъ! Нѣтъ, лучше молчать и ждать помощи Божіей.

Въ эту минуту положеніе Альбертины было ужасно. Все ея почтенныя опасности исчезли передъ мученіемъ — молчать и помогать бандитамъ!

III. Ночлегъ въ трактирѣ.

Когда жандармы скрылись за горою и топотъ лошадей затихъ, бандиты вышли изъ своей засады и карета опять выѣхала на дорогу; но Бартоль почему-то не сажалъ туда свою спутницу, а шелъ сзади. Чтобъ показать свои свѣтскія манеры, бандитъ предложилъ руку молодой дѣвушкѣ; но та, хотя усталая и измученная, оттолкнула ее и шла подлѣ него.

Она начала обдумывать свое положеніе. Зная, что слезы и слабость не послужатъ ни къ чему и не произведутъ никакого дѣйствія надъ злодѣями, она рѣшилась казаться твердою, скрывать свои страданія, что бы ни ожидало ее. Смѣлую женщину всегда больше уважають, чѣмъ слабого ребенка.

Вотъ вдали обрисовалась огромная бѣлая масса, какъ будто прилепленная къ горѣ. Альбертина узнала наконецъ, гдѣ она. Это была крѣпость въ двѣнадцати миляхъ отъ Нантуа и въ четырехъ отъ Женевы. Подходя къ крѣпости они услышали сильный подземный шумъ. Въ этомъ мѣстѣ Рона, сдавленная гранитными массами, углубляется во внутренность земли съ грохотомъ и плескомъ, и потомъ опять, на нѣкоторомъ пространствѣ, разливается широкою лентою.

Альбертина вспомнила, что въ прошломъ году она пріѣзжала сюда съ родными, посмотрѣть на это *чудо природы*... Она тогда бѣгала по камнямъ, срывала цвѣты, смѣялась, а теперь!..

При этомъ воспоминаніи она никакъ не могла удержать слезъ; но это не были слезы досады и отчаянія, которыхъ она уже много пролила въ эту ночь. Эти тихія слезы облегчили ее и успокоили.

Пройдя крѣпость, они остановились передъ проселочною дорогою; Бартоль свиснулъ и сказалъ подбѣжавшимъ бандитамъ:

— Въ обыкновенную гостиницу.

Тѣ повернули карету на узкую дорожку, и Альбертина, шедшая возлѣ Бартоля, замѣтила вдали между деревьями огонекъ, къ которому они подходили. Потомъ она различила очеркъ дома, между двумя горами.

Тогда она поняла, что Бартоль не сѣлъ съ нею въ карету оттого, что они хотятъ провести остатокъ ночи въ этой гостиницѣ. На вывѣскѣ была надпись: *Хитрая лиса*. Это былъ ветхій, грязный домишка, во многихъ мѣстахъ развалившійся, покрытый соломой, трущоба, въ которой, кажется, могли жить только дикіе звѣри. И, не смотря на это, огонь въ такое позднее время доказывалъ, что тамъ ждуть гостей, вѣроятно посѣщающихъ гостиницу только ночью. Они вошли въ комнату, занимавшую почти весь нижній этажъ. Комната была очень плохо освѣщена лампою, повѣшенною посрединѣ потолка. Деревянные лавки стояли вокругъ грязныхъ столовъ, испещренныхъ всевозможными пятнами, изрѣзанныхъ ножами, проткнутыхъ палками. На полу собиралась грязь и нечистота въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ; съ закопченного потолка висѣли кисти паутины. На полкахъ разставлена была глиняная посуда, разложены хлѣбы, мясо; тутъ же висѣла сбруя; запахъ отъ лампы смѣшивался съ виномъ и жиромъ и поражалъ тѣхъ, которые приходили съ воздуха.

Альбертина почувствовала отвращеніе, войдя въ эту страшную таверну, но больше всего она сердилась на Бартоля, который смѣлъ привести ее въ свой обыкновенный притонъ, какъ будто имѣлъ право располагать ею.

Она призвала на помощь всю свою твердость и, остановясь на порогѣ комнаты, сказала съ достоинствомъ:

— Г. Бартоль! послѣ всего, что вы смѣли мнѣ сказать, я не хочу проводить ночи подъ одною кровлею съ вами... Я скорѣе брошусь въ одну изъ пропастей, которыхъ здѣсь такъ много... Если вы хотите, чтобъ я провела ночь въ этомъ отвратительномъ трактирѣ, то должны сами уйти отсюда.

— Успокойтесь, Альбертина, отвѣчалъ Бартоль также хладнокровно: — я знаю приличія и не намѣренъ дѣлать вамъ непріятности.

Молодая дѣвушка горько улыбулась, вспомя, какъ *прилично* и *великодушно* поступалъ съ ней бандитъ въ продолженіе всей ночи. Онъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Мнѣ съ товарищами ничего не значить провести ночь на чистомъ воздухѣ. Мы только поужинаемъ здѣсь и пойдемъ ночевать подъ скалою, а вы останетесь въ гостиницѣ дяди Бертрана.

Бартоль принять былъ хозяевами трактира съ такимъ уваженіемъ, какъ будто существованіе заведенія зависѣло отъ него. Дядя Бертранъ и жена его, оба грязные и отвратительные, засуетились по тавернѣ, чтобъ приготовить лучшей ужины; но старикъ и старуха были молчаливы, какъ вообще люди, имѣющіе не совѣтъ чистую совѣсть, которые боятся проговориться. Дѣти ихъ, дикіе, растрепанные, страшные, тоже хлопотали, чтобъ угодить чѣмъ-нибудь богатому путешественнику.

Въ кухнѣ, находившейся подлѣ залы, загремѣла посуда, потомъ въ полуоткрытую дверь пробилась струя дыма, принеся съ собою запахъ жаренаго жира. Столъ покрытъ былъ кружками и бутылками. На него положили хлѣбъ, грубые ножи, вилки и нѣсколько тарелокъ.

Когда кушанье было подано, Альбертина удивилась, что всѣ трое разбойниковъ не сѣли вмѣстѣ ужинать. Связанные вмѣстѣ преступленіемъ и бродяжническою жизнію, они наблюдали строгую дисциплину, и когда Бартоль сѣлъ за столъ, двое товарищей его пошли ужинать въ кухню.

Молодая дѣвушка не отвѣчала на приглашеніе бандита, показавшаго ей приборъ, возлѣ себя и, отвернувшись отъ стола, сѣла на лавку и опустила голову.

Въ этомъ положеніи она могла хорошо разглядѣть бандита, на ко-

того не успѣла еще обратить вниманія. Волненія и усталость этой ночи придали живость его смуглому, выразительному лицу; волосы, отброшенные назадъ, открывали его красивый лобъ и онъ такъ благородно сидѣлъ передъ отвратительнымъ ужиномъ, такъ хладнокровно рѣзалъ жаркое, что Альбертина поневолѣ должна была сознаться, что бандитъ очень красивый мужчина, и въ самомъ лучшемъ обществѣ никто бы не отгадалъ, что это рыцарь большихъ дорогъ.

Она замѣтила тоже, что передъ ней поставили молча чашку молока и небольшой хлѣбъ, и такъ какъ въ эти годы аппетитъ всегда бываетъ хорошъ и притомъ же ей необходимо сохранить силы, то она со вздохомъ принялась пить молоко и закусывать его грубымъ хлѣбомъ. Въ осемнадцать лѣтъ никакія несчастія не лишаютъ аппетита.

Бартоль всталъ изъ-за стола. Товарищи его вышли изъ кухни, опять замаскированные, и всѣ трое оставили гостиницу, какъ бандитъ общалъ Альбертинѣ.

Она осталась одна; но отсутствіе бандитовъ не облегчило ее. Она все-таки была одна, безъ помощи, въ дикомъ мѣстѣ, можетъ быть, неизвѣстномъ никому, кромѣ разбойниковъ и окруженная страшнымъ семействомъ хозяина гостиницы. Старикъ Бертранъ сказалъ молодой дѣвушкѣ, что онъ приготовитъ ей комнату. Альбертина молча посмотрѣла на хозяина и его жену, и, при свѣтѣ лампы, лица ихъ показались ей не только грубыми и некрасивыми, но хитрыми и жестокими.

Въ эту минуту она пожалѣла, что удалила Бартоля, потому, что хозяева гостиницы пугали ее.

По-крайней-мѣрѣ, бандитъ любилъ ее и былъ съ нею вѣжливъ. Онъ бы защитилъ ее, еслибы кто вздумалъ ее обидѣть; но теперь, еслибы захотѣли ее убить, она была беззащитна.

И она, съ сильнымъ біеніемъ сердца, продолжала разсматривать таверну и хозяевъ ея. Все доказывало, что эта гостиница настоящей притонъ разбойниковъ. Съ одной стороны залы было углубленіе, куда не достигалъ свѣтъ,—но Альбертина разглядѣла въ немъ топоръ, испещренный черными пятнами и нѣсколько блестящихъ ножей. Тамъ висѣла также одежда разорванная, грязная, различной формы и величины; дальше ничего нельзя было разглядѣть въ темнотѣ.

Старшій сынъ хозяина былъ рыжій, худой мальчикъ; слѣдя за движеніями молодой дѣвушки, онъ догадался вѣрно, что привлекаетъ ее вниманіе, потому что тотчасъ же пошелъ въ углубленіе и задвинулъ оружіе въ уголъ, и такъ какъ его бѣлая блуза отдѣлялась отъ мрака, то Альбертина увидѣла, что самъ онъ началъ постепенно исчезать внизъ, какъ будто сходилъ въ трапъ, ведущій подъ полъ.

При каждом замѣчаніи бѣдная дѣвушка пугалась еще больше: холодный потъ выступалъ у ней на тѣлѣ и она дрожала какъ въ лихорадкѣ. Она оперлась на столъ, чтобъ не упасть, и не могла отвести глазъ отъ углубленія, гдѣ видѣла топоръ, забрызганный кровью, вѣроятно несчастныхъ путешественниковъ, одежда которыхъ тоже хранилась тамъ. И трапезъ, гдѣ исчезъ сынъ хозяйки, можетъ быть, устроенъ именно для того, чтобъ тамъ скрывать тѣла убитыхъ.

Дядя Бертранъ подалъ молодой дѣвущкѣ свѣчу и сказалъ, что комната ея готова.

Услыша его голосъ она вздрогнула; потомъ, улыбаясь судорожно, сняла съ себя часы, браслеты, булавку, кольца.

— Возьмите все, говорила она, задыхаясь отъ волненія: вотъ вамъ часы, г. Бертранъ, за ваши хлопоты обо мнѣ, и вамъ браслеты, г-жа Бертранъ; булавку эту отдайте вашему сыну; кольца — вашимъ дочерямъ...

Бѣдняжка думала умиловить злодѣевъ, отдавъ имъ все, что на ней было цѣннаго.

Семейство Бертрана съ удивленіемъ получало эти неожиданные подарки и благодарило за нихъ низкими поклонами.

— Какъ они покойны, думала Альбертина: вѣрно они привыкли къ преступленіямъ. Боже! спаси меня!

И она тихо пошла по лѣстницѣ, ведущей въ верхній этажъ; она насилу могла держаться на ногахъ; къ тому же, всѣ ступени лѣстницы тряслись и готовы были обвалиться.

Первы мѣся дѣломъ, войдя въ комнату, было запереть дверь или застановить ее. Къ счастью, она нашла замѣкъ и задвижку, и немного успокоилась. Поставя свѣчку на комодъ, возлѣ постели, она вспомнила послѣдній вечеръ въ домѣ родныхъ, когда собиралась ложиться, окруженная роскошью, кружевами, батистомъ, шелкомъ, свѣжестью, изяществомъ... Теперь же, оглянувшись, она не могла удержать крика ужаса при видѣ страшной картины. Въ этой каморкѣ все было грязно, старо, отвратительно. Потолокъ весь въ ращелинахъ, стѣны сырыя, полъ черный, сломанный комодъ, два хромые стула, соломенный тюфякъ на кровати, а простыни и одѣяла до того сѣрыя, что нельзя было отгадать, были ли они когда стираны, — вотъ въ чемъ состояла комната, гдѣ избалованный, нѣжный ребенокъ долженъ былъ провести ночь.

Бѣдная дѣвушка молча поужинала молокомъ и хлѣбомъ, но горько заплакала съ досады, что ее смѣли привести въ такую грязную конуру.

Разумѣется, что она не легла бы и на хорошую постель, не только на эту, потому что рѣшилась не спать, но все-таки была раздражена до чрезвычайности и, сѣвши у узкаго окна, откуда видна была полоска неба, начала припоминать послѣдніе часы своей жизни и что ее ждало въ будущемъ.

Послѣ всѣхъ ужасовъ и страданій, она созналась, что невозможно долго переносить такія волненія. Это адъ, а не жизнь, думала она, удивляясь еще, какъ могла пережить эту ночь. Но всего ужаснѣе—неизвѣстность, что будетъ съ ней завтра, что еще назначено ей перенести!

Еще одна мысль поразила ее: она знала, что Бартоль заслужилъ извѣстность въ своемъ родѣ; что всѣ сосѣдніе города и газеты рассказываютъ его подвиги преступленія и что, можетъ быть, когда разбойникъ будетъ пойманъ и казненъ, имя ея будетъ упомянуто въ судебномъ процессѣ и будетъ обезславлено навсегда, какъ имена безстыдныхъ женщинъ, раздѣляющихъ съ бандитами ихъ жизнь.

Тогда слезы чуть не задушили ее; она, рыдая, смотрѣла на небо и повторяла:

— Боже мой, Боже мой! что я сдѣлала, чтобъ заслужить такое наказаніе!

Внутренній голосъ отвѣчалъ ей: ты пренебрегала тихимъ счастьемъ, ты жаловалась на скуку довольства и спокойствія.

Въ отчаяніи, Альбертина дала себѣ слово не пережить своего стыда и броситься въ первую пропасть.

Вдругъ послышались на лѣстницѣ шаги.

Намѣреніе дѣвушки—лишить себя жизни, не мѣшало ей задрожать отъ страха; сердце ее билось такъ сильно, какъ будто готово было выпрыгнуть; она боялась сдѣлать малѣйшее движеніе; дыханіе ея остановилось... между тѣмъ, шаги все приближались къ ея двери.

При тишинѣ въ домѣ и вокругъ него, каждый звукъ раздавался явственно. Слышно было, какъ скрипѣла каждая ступенька подъ тяжелыми шагами, которые вдругъ остановились у ея комнаты... дверь слегка покачнулась.

Тогда, собравъ послѣднія силы, Альбертина притащила къ двери кровать и все, что было въ комнатѣ, чтобъ хоть немного отдалить минуту смерти; потомъ упала на колѣни передъ окномъ и начала молиться.

Въ это время огарокъ, данный ей Бертраномъ, догорѣлъ и потухъ, оставя смрадный запахъ. Бѣдная дѣвушка осталась въ совершенной те-

многѣ, одна, далеко отъ дома родныхъ, отъ помощи, одна, окруженная удушливымъ мракомъ.

Дверь продолжала шатаваться и скрипеть. Правда, она была заперта на замокъ, но Альбертина видѣла, что это не можетъ остановить злодѣя. Калитка сада была тоже заперта, но Бартоль отворилъ ее въ минуту. Стало быть, и тутъ ей нечего надѣяться на ключи и барикады. И чѣмъ она будетъ защищаться? ктò услышитъ ея крики въ этой глуши, посреди горъ, защищавшихъ этотъ притонъ какъ крѣпость отъ всѣхъ порядочныхъ людей?

Она молилась, какъ будто настала ея послѣднiй часъ.

IV. Вторая ночь.

Въ эту минуту мелькнули первые лучи разсвѣта, благодѣтельные лучи котораго на всемъ земномъ шарѣ прогоняють ужасы и успокоиваютъ слабыхъ и пугливыхъ людей.

При первомъ свѣтѣ, шумъ у двери Альбертины затихъ. Она подумала, что вѣрно хозяева ея не успѣли или не хотѣли выломать двери, чтобъ на привлечь шумомъ бандитовъ, и, успокоенная немного, прислонилась къ спинкѣ стула и заснула тревожнымъ, но крѣпкимъ сномъ.

Быль уже полдень и солнце великолѣпно освѣщало горы, когда Альбертина проснулась, ослѣпленная яркимъ свѣтомъ и испуганная всѣмъ окружающимъ, о которомъ она успѣла забыть. Но воспомнанiя о вчерашнемъ днѣ возвратили ея къ страшной дѣйствительности. Однако, днемъ молодая дѣвушка уже не боялась убiйства и, подкрѣпленная сномъ, хотѣла поскорѣе вытти изъ гостиницы, чтобъ подышать чистымъ воздухомъ. Въ большой залѣ *Хитрой лисы* она не нашла никого и, пользуясь минутною свободою, выбѣжала изъ нея и пошла по цвѣтушей тропинкѣ. Не успѣла она сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ услышала голоса и идя по тому же направленiю, дошла до небольшой площадки, гдѣ были три разбойника.

Альбертина, скрытая кустами, незамѣтно подошла къ нимъ и, раздвинувъ вѣтви, посмотрѣла, что они дѣлають. Разговоръ между ними прекратился. Бартоль сидѣлъ передъ маленькимъ столикомъ, на которомъ стоялъ завтракъ. Онъ положилъ возлѣ себя недокуренную сигару и, покачиваясь на стулѣ, началъ пѣть арію изъ *Чернаго домино*. Предъ нимъ стоялъ бандитъ, ѣхавшій съ ними въ каретѣ и котораго Альбертина еще не видала въ лицо и не слышала его голоса. Онъ и теперь былъ замаскированъ и стоялъ прислонясь къ дереву, освободивъ только одну руку изъ подъ плаща. Дальше, третiй бандитъ очень спокойно сидѣлъ на травѣ и курилъ.

Альбертина смотрѣла на нихъ нѣсколько минутъ со вниманіемъ и любопытствомъ, потомъ побѣжала какъ можно скорѣе назадъ, прямо въ гостиницу, въ свою комнату и опять упала на колѣни съ теплою молитвою.

О чемъ она молилась—это осталось тайною между ею и небомъ! только когда она встала, наружность ея совершенно перемѣнилась. Она была покойна и хотя лицо ее выражало много мыслей, но на немъ не осталось и слѣдовъ печали и страданій. Она поправила, какъ могла, свой туалетъ, сошла опять въ залу и нашла тамъ все семейство хозяина и путешественниковъ. Поклонившись всемъ ласково, она посмотрѣла со вниманіемъ на все окружающее и нашла все вовсе не такимъ страшнымъ, какъ ей показалось вчера. Дядя Бертранъ и жена его были добрые, услужливые старики; рыжій сынъ ихъ казался теперь только смѣшнымъ; въ углубленіи комнаты висѣла одежда семьи и кухонные ножи, а трапъзъ велъ не въ подземелье, а въ погребъ, откуда рыжій приносилъ бутылки.

Альбертина была такъ довольна, что даже нисколько не пожалѣла о своихъ часахъ и браслетахъ, отданныхъ этому бѣдному семейству.

Она сама подошла къ бандиту, и, протянувъ ему руку, сказала, что сегодня не откажется, если онъ пригласитъ ее завтракать.

Бартоль съ удивленіемъ посмотрѣлъ на свою плѣнницу и немного смутился.

Мы уже знаемъ, что онъ завтракалъ; но, какъ вѣжливый кавалеръ, не смѣлъ отказать дамѣ и во второй разъ позавтракалъ съ нею.

Вставъ изъ-за стола, молодая дѣвушка сказала бандиту:

— Г. Бартоль! такъ какъ день сегодня прекрасный и уже довольно поздно, то позвольте мнѣ воспользоваться погодою и погулять въ окрестностяхъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Бартоль, удивляясь все болѣе и болѣе, но стараясь поддѣлаться подъ тонъ дѣвушки. Я готовъ дѣлать все, что вамъ угодно; притомъ же сегодня мы не могли бы ѣхать дальше, потому что карета моя сломана и будетъ починена только къ завтраму.

— Въ такомъ случаѣ я буду гулять до ночи. Завтра вы опять можете везти меня куда угодно.

— Я очень радъ вашей перемѣнѣ въ отношеніи ко мнѣ... Послѣ этого, я смѣю надѣяться, что продолженіе нашего путешествія будетъ гораздо пріятнѣе начала... Только я удивляюсь...

— Что я такъ скоро перемѣнила обращеніе съ вами?

— Точно такъ.

— Не беспокойтесь, г. Бартоль; я вамъ скажу причину этой перемѣны... только не теперь. Приходите сегодня въ восемь часовъ вечера на маленькій лугъ, окруженный кустами и деревьями, въ двадцати шагахъ отсюда, и тамъ я объяснюсь съ вами серьезно. Попросите также вашихъ товарищей, чтобъ они были свидѣтелями нашего разговора, который, можетъ быть, рѣшитъ нашу судьбу.

— Ваше желаніе будетъ исполнено, отвѣчалъ бандитъ, кланяясь.

Альбертина вышла весело изъ гостиницы и, повидимому, наслаждалась вполнѣ восхитительными видами, чудной погодой, живописнымъ пейзажемъ, иѣняющимся всякую минуту.

Она замѣтила только, что молчаливый и замаскированный товарищъ бандита слѣдуетъ за нею издали, не теряя ее изъ виду; но такъ какъ она не имѣла средствъ бѣжать и, можетъ быть, не была расположена къ этому, то не обращала вниманія на этотъ присмотръ и продолжала свою прогулку.

Солнце начало спускаться къ горизонту.

Альбертина повернула къ лужайкѣ, гдѣ поутру видѣла Бартоля съ бандитами и гдѣ съ намѣреніемъ назначила имъ свиданіе.

Темнота начала уже одѣвать лѣсъ, хотя верхушки деревьевъ еще блистали послѣдними лучами. Въ воздухѣ было тихо, ни одинъ листикъ не шевелился, и въ этой тишинѣ было что-то торжественное.

Бартоль стоялъ прислонившись къ дереву, товарищи его были подлѣ него; положеніе ихъ и взгляды ясно выражали любопытство, съ которымъ они ждали объясненія, назначеннаго въ этомъ мѣстѣ и въ этотъ часъ.

Молодая дѣвушка подошла къ нимъ; они поклонились. Потомъ Альбертина начала говорить, стараясь усмирить волненіе и казаться твердою.

— То, что я вамъ, скажу, Бартоль, такъ необыкновенно, что мнѣ нужно много смѣлости и рѣшимости, чтобъ сдѣлать вамъ такое важное признаніе. Но я хочу тоже отплатить откровенностію за вашу откровенность. Если же я просила васъ привести вашихъ товарищей, то для того, чтобъ рѣшеніе мое было еще важнѣе и я ужѣ не могла бы отъ него отказаться.

Остановясь на минуту она продолжала:

— Вы сказали мнѣ: «Альбертина, я тебя люблю, ты моя, потому, что тоже меня любишь!» Меня сначала поразили эти слова; но теперь я чувствую... что вы были правы. Эта любовь неестественна... невозможна... но она существуетъ, я въ этомъ увѣрена. Она вошла въ мою душу такъ внезапно, какъ молнія. Вѣрно, я не рождена была для тихой жизни, для семейнаго блаженства: я стремилась къ другому счастью,

полному волненій, страданій и, наконецъ, нашла его. Вы отгадали мои чувства... я принадлежу вамъ, какъ будто насъ давно соединила судьба. Моя жизнь сольется съ вашею, и я охотно раздѣлю съ вами ваши опасности и усталость, и трудные переходы между горъ по неизвѣстнымъ тропинкамъ... и даже, когда законъ произнесетъ надъ вами... приговоръ... я и тогда не оставлю васъ ни въ тюрьмѣ... ни въ судѣ... ни на эшафотѣ! Я знаю, что въ будущности моей мало отрады, что имя мое будетъ предано стыду, но оно будетъ нераздѣльно съ вашимъ, Бартоль, и это меня утѣшаетъ. Вотъ все, что я вамъ хотѣла сказать.

Сказавъ это, Альбертина, вѣроятно, стыдясь своей дерзости или не желая видѣть радости бандита, убѣжала опять по тропинкѣ и скрылась изъ глазъ.

Три бандита остались неподвижные и молчаливые какъ статуи, и удивленіе поразило ихъ до того, что они, не сказавъ ни слова, разошлись въ разныя стороны.

Альбертина пошла въ свою комнату уже не съ ужасомъ и отвращеніемъ, какъ вчера, а съ совершеннымъ хладнокровіемъ. Она даже улыбнулась, припомня свой страхъ, и была увѣрена, что приняла мышей, игравшихъ на лѣстницѣ и у двери, за убійцъ.

Однако, не смотря на свое спокойствіе, она все-таки не рѣшилась лечь на постель, а расположилась опять на стулѣ у окна и начала смотрѣть въ него.

Посреди наступающей темноты она увидѣла черную фигуру, бродившую по тропинкѣ и, не смотря на даль, узнала опять молчаливаго и замаскированнаго товарища Бартоля.

Очень могло быть, что начальникъ бандитовъ поставилъ близъ окна плѣнницы часоваго стеречь ее и, можетъ быть, помѣшать ей, если бы она вздумала бѣжать. Только часовой этотъ былъ очень безпокойнаго характера: онъ то скоро шагаль, то останавливался подъ самымъ окномъ дѣвушки, то нечезалъ въ кустахъ, то являлся на вершинѣ горы. Альбертина, не хотѣвшая почему-то спать, наблюдала за этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, который всю ночь пробродилъ между горъ.

Къ утру все было готово къ отъѣзду.

Альбертина, Бартоль и замаскированный бандитъ вышли изъ гостиницы, провожаемые низкими поклонами всего семейства Бертрана.

Карета стояла въ нѣсколькихъ шагахъ на проселочной дорогѣ, выходящей на большую дорогу изъ Ліона въ Женеву. Бартоль отворилъ дверцы и подаль руку своей спутницѣ; маска стояла сзади его, другой бандитъ держалъ лошадей.

Исключая наших путешественников, на дорогѣ было совершенно пусто.

Замаскированный бандит подошелъ ближе къ Альбертинѣ и, всунувъ ей въ руку письмо, хотѣлъ удалиться.

— Оставайтесь, сказала ему дѣвушка, такъ повелительно, что онъ не сдѣлалъ ни шагу.

Вмѣсто того, чтобъ сѣсть въ карету, Альбертина отошла отъ нея съ двумя своими спутниками и, гордо поднявъ головку, сказала:

— Пора кончить эту комедію, господа! Можете снять вашу маску г. бандитъ изъ шайки знаменитаго Бартоля: я васъ давно узнала, Фредерикъ; а вы, г. Бартоль—тоже неудачно сыграли вашу роль, которая совсѣмъ нейдетъ къ помощнику прокурора въ королевскомъ Лионскомъ судѣ, г. Кановиллю.

Молодые люди вскрикнули отъ удивленія и остались неподвижны. Фредерикъ печально опустилъ голову.

— Что же касается до третьяго вашего товарища, то такъ какъ онъ былъ все время на козлахъ, то я и не разглядѣла его.

— Это мой слуга, отвѣчалъ г. Кановиль.

— Но какъ вы могли узнать меня? спросилъ наконецъ Фредерикъ.

— Вы, правда, были очень хорошо замаскированы, сказала Альбертина,—но не мѣшало бы вамъ спрятать также кольцо, подаренное мною. Оно мнѣ открыло вашу тайну.

— Это правда... Но Кановиль, вы его не знаете, никогда даже не видали...

— Мнѣ часто говорили, что другъ вашъ, помощникъ прокурора, всегда поетъ арію изъ *Чернаго домино* и всегда фальшиво.

— А! ты рассказываешь, что я пою фальшиво, замѣтилъ Кановиль съ небольшою досадою.

— И я сегодня утромъ имѣла удовольствіе, слышать, какъ г. Бартоль пѣлъ свою арію... Но вы, Фредерикъ! не стыдно ли вамъ мучить меня цѣлую ночь, возить по дорогамъ ночью въ грозу, пугать разбойниками, убійцами, судомъ, эшафотомъ! А вы, г. Кановиль, обязанные смотрѣть за порядкомъ, вы, королевскій прокуроръ и взялись играть роль вора, чтобъ обмануть бѣдную дѣвушку!

— Однако, признайтесь, что безъ аріи изъ «Чернаго домино» вы бы не узнали меня.

— Альбертина! такъ вы, въ самомъ дѣлѣ провели ужасную ночь?

— И я вамъ отплатила за нее!.. Признайтесь: вы Фредерикъ, всю эту ночь пробѣгали по горамъ въ страшномъ разстройствѣ, и я увѣрена, что и другъ вашъ былъ не очень покоенъ. Что это за пись-

мо вы мнѣ всунули въ руку, кузень, прибавила, она раздѣрывая бумагу! А! это ваша духовная!.. вы хотите застрѣлиться и оставляете мнѣ все ваше состояніе!.. Вы правы, васъ стоить наказывать за то, что вы меня промучали всю ночь.

— Надѣюсь однако, Альбертина, что волненія ночи заставятъ васъ оцѣнить счастье тихой жизни въ кругу родныхъ. Вы больше не будете искать сильныхъ впечатлѣній.

— А вы, Фредерикъ, не будете давать уроковъ женщинѣ, испытавъ, какъ она можетъ вамъ отмстить. Вы тоже, г. Кановиль, извините меня за мою хитрость, прибавила она краснѣя, и не воображайте, что я могу влюбиться въ незнакомаго человѣка съ перваго взгляда.

— Но, скажите мнѣ хоть одно слово надежды, настаивалъ Фредерикъ:— послушайте меня...

— Не хочу! отвѣчала смѣясь молодая дѣвушка и пошла къ каретѣ, сказавъ:

— Вернемтесь скорѣе въ Нантуа. Тамъ, можетъ быть, я прощу васъ...
(Le Voleur).

ПАРИЖСКАЯ ЖИЗНЬ.

Настоящая зима.—Предлогъ къ увеселеніямъ.—Приготовленія къ лѣту.—Выписка изъ статистики.—Чѣмъ Парижъ живетъ и кто имъ живетъ.—Однофамильцы знаменитостей.—Увеличеніе народонаселенія Франціи.—Драматическія произведенія въ 1854 году.—Отель Каstellанъ.—Журналисты въ Парижѣ.—Молодой журналистъ.—Школьные товарищи.—Первая статья.—Типографія журнала.—Ночной редакторъ.—Сотрудники.—Закройщикъ.—Главный редакторъ.—Разные типы.—Кабинетъ редактора.—Контора журнала.—Г-жа Редакція.—Спеціальные редакторы.—Легконогій.—Военный журналистъ.—Иностранные корреспонденты.—Фельетонъ и фельетонисты.—Редакціи обзорній.—Типы критиковъ.—Музыкальный фельетонъ.—Верхній и нижній этажъ журнала.—Фразы, не употребляемыя въ журналахъ.—Происхожденіе журналистовъ.—Кассиръ.—Леонъ Фоше.—Его жизнь.—Драматическая награда.—Опять Медея, Легуве и Рашель.—Современная Медея.—Произведенія римской школы.—Нападки на это учрежденіе.—Картина Бугеро.—Пейзажъ Лекуанта.—Скульптура.—Живопись Жандрона.—«Un conseil d'amі», комедія въ стихахъ.—Гюставъ Надо и его пѣсни.—Прикащикъ—музыкантъ.

Наконецъ настала настоящая зима въ Парижѣ. Давно не запомнятъ такого суроваго февраля. Парижъ, кажется, торопится насладиться своею короткою зимою: никто не бережетъ себя, рассчитывая, что лѣтомъ можно отдохнуть и поправиться. Впрочемъ, въ нынѣшнемъ году нельзя рассчитывать на спокойное лѣто, потому, что если большая выставка привлечетъ въ Парижъ много гостей, то немало надобно хлопотъ, чтобъ принять ихъ, забавлять, угощать. Однако, покуда еще не видать большихъ приготовленій. Отстраивается колоссальная гостиница, наполняется дворецъ промышленности, но—вотъ и все. Говорили, что къ этому времени откроется нѣсколько новыхъ театровъ, но до-сихъ-поръ ничего еще

не слышать положительнаго. Довольно и того, что теперешніе парижскіе театры не будутъ наслаждаться каникулами и распускать своихъ артистовъ, а будутъ все лѣто забавлять прїѣзжихъ гостей. Даже итальянцы продолжатъ свой сезонъ и не уѣдутъ въ Лондонъ, гдѣ и въ прошломъ году ихъ мало слушали, но труша ихъ увеличится еще новыми сюжетами, прїѣхавшими изъ Петербурга. Ронкони уже ангажированъ и выйдетъ въ роли *Риголетто*, Верди; Французская опера тоже ставитъ оперу Верди: *Сицилійская Вечерня*; можетъ быть и Мейерберъ рѣшится поставить свою *Африканку*: стало быть, посѣтители выставки могутъ быть покойны. Они обезпечены на счетъ музыки, и еще самой громкой.

Парижъ, какъ минотавръ, собираетъ дань почти со всѣхъ народовъ. Произведенія всѣхъ странъ и климатовъ собраны въ немъ. Многіе трудятся полжизни, переплываютъ моря, вырываютъ золото изъ пѣдръ земли, истощаютъ себя лишениями, наукою, и для чего все это?—чтобъ прїѣхать въ Парижъ и бросить въ бездонную пасть его свое богатство. Во всякое время, но еще болѣе со времени открытія легкихъ способовъ сообщеній, можно найти въ Парижѣ образчики почти всѣхъ націй. За то, стоить посмотрѣть въ статистики, чтобъ ужаснуться, увидя, какое множество людей работаетъ на этотъ ненасытный городъ. Невозможно сосчитать промышленниковъ, фабрикантовъ, артистовъ, литераторовъ, садовниковъ, флеристокъ. Восемьсотъ шестьдесятъ два адвоката готовы защищать какое угодно дѣло; тысяча шестьсотъ восемьдесятъ три врача лечатъ отъ болѣзней; шестьсотъ архитекторовъ строятъ дворцы съ безчисленными этажами; девятьсотъ сапожниковъ обуваютъ жителей Парижа.

Но всего больше Парижъ занимается своимъ желудкомъ. Пятьсотъ шестьдесятъ кофеенъ и шестьсотъ восемьдесятъ четыре ресторана открыты для всѣхъ аппетитовъ и кошельковъ, начиная отъ *Maison d'or*, гдѣ обѣдаютъ за сорокъ франковъ, до знаменитаго заведенія, подъ вывескою «*L'azard de la fourchette*», гдѣ плата за обѣдъ никогда не превышаетъ пяти сантимовъ. Для утоленія жажды есть въ Парижѣ восемьсотъ-сорокъ-пять виноторговцевъ, торгующихъ оптомъ, и четыреста-семьдесятъ-восемь погребокъ, гдѣ можно пить по-рюмочкѣ. Шестисотъ булочниковъ готовятъ хлѣбы, семьдесятъ-пять шоколадныхъ фабрикъ работаютъ безъ устали, пятьсотъ мясниковъ, сто-восемьдесятъ колбасниковъ тоже всегда готовы угостить Парижъ. Кажется, послѣ этого, можно быть сытымъ; но все-таки сколько жителей, вставая поутру, не знаютъ, будутъ ли они въ этотъ день обѣдать!

Чтобы одѣть Парижъ надобно девятьсотъ тридцать шесть портныхъ, не считая привратниковъ, которые почти всея непонятые портные.

Но всего больше въ Парижѣ, въ сравненіи съ другими промышленниками и торговцами, мелочныхъ торговцевъ (*epiciers*); которыхъ считается тысяча-девятьсотъ-семьдесятъ-три.

Семнадцать карточныхъ фабрикъ не успѣваютъ готовить играть средства къ выигрышу и проигрышу; триста-тридцать-шесть фабрикантовъ зонтиковъ защищаютъ Парижъ отъ дождя; двѣсти пятьдесятъ два пансіона воспитываютъ дѣввицъ.

Удивительно, что литераторы все еще жалуются на неимѣніе книгопродавцевъ-издателей, тогда какъ ихъ въ Парижѣ семьсотъ-сорокъ-пять. Правда, что эти издатели продаютъ только книги, но не любятъ покупать рукописей авторовъ; за то сочинители могутъ обратиться къ восьмидесяти типографіямъ и печатать, что имъ угодно—если у нихъ есть чѣмъ заплатить за это. Живописцы тоже не могутъ печалиться, что имъ некуда дѣвать своихъ произведеній: пятьдесятъ три магазина картинъ скупаютъ все, что имъ не приносятъ, и продаютъ потомъ любителямъ за Мурильо и Рубенсовъ.

Триста-двадцать дровяниковъ и торговцевъ углемъ отопляютъ Парижъ; сорокъ двѣ фабрики разныхъ свѣчей освѣщаютъ только внутренность домовъ, не считая газа. Но невозможно перечестъ и четверти промышленностей, живущихъ Парижемъ и для Парижа.

Любопытно также собраніе адресовъ всѣхъ лицъ, жившихъ въ Парижѣ. Странно, что люди не родные, не знакомые, не видѣвшіе другъ друга никогда, посѣятъ не только одну фамилію, но даже одни имена. Извольте отыскать Лакруа, который вамъ нуженъ, когда въ Парижѣ шестьдесятъ три Лакруа; а сколько Леблановъ, Леружевъ, Ленуаровъ, Легри, Легро.

Замѣчательно тоже, что извѣстные люди имѣютъ тоже по нѣскольку однофамильцевъ въ разныхъ частяхъ города. Кромѣ извѣстныхъ писателей, въ Парижѣ есть еще: шесть Гюго, четыре Сень-Бѣва, три Берлюза и одинъ Ламартинъ. Единственный однофамилецъ Жюль Жанена продаетъ сосиски въ улицѣ Монторгѣль № 17.

Чтобы не выходить изъ статистики, посмотримъ, сколько припасовъ истребилъ Парижъ въ 1854 году.

Вина, бочками, онъ вышилъ 1,241,062 гектолитровъ, и бутылками 11,603 гектолитра. Онъ скушалъ винограду 2,297,575 килограмовъ; 57,366,193 килограмма мяса, вышедшаго изъ боенъ и 13,876,501 килограмъ привезеннаго изъ провинцій; 4,001,134 килограмма свинины. Рыбы скушалъ Парижъ на 7,874,030 франковъ и на 1,641,359 фр.

устрицъ; дичи на 14,933,564 фр.; яицъ на 7,157,044 фр. и масла на пятнадцать милліоновъ.

Отопленіе стоило ему въ годъ восемь милліоновъ.

Въ 1854 году родилось въ Парижѣ 34,049 дѣтей: 16,603 дѣвочки и 17,446 мальчиковъ.

Умерло 38,262 человекъ: 16,792 мужескаго и 17,470 женскаго пола.

Браковъ было въ Парижѣ 11,574.

Одинъ человекъ достигъ ста-пяти лѣтъ.

Во всей Франціи въ 1854 году родилось 965,080 человекъ, а умерло 810,695. Стало быть, народонаселеніе увеличилось 154,385 жителями.

Средняя продолжительность жизни считается 36 лѣтъ и семь мѣсяцевъ.

Вотъ постепенное увеличеніе народонаселенія Франціи, взятое изъ официальныхъ источниковъ:

Въ 1820 году народонаселеніе Франціи простиралось до	30,451,187	чел.
Въ 1830 — — — — —	32,560,934	—
Въ 1836 — — — — —	33,540,910	—
Въ 1841 — — — — —	34,230,178	—
Въ 1851 — — — — —	35,783,000	—
Въ 1854 — — — — —	36,000,000	—

Надобно еще замѣтить, что въ этомъ числѣ нѣтъ жителей Алжири и колоній. Что-то скажетъ 1855 годъ? Временное народонаселеніе Парижа можетъ возвыситься во время выставки, но нельзя имѣть никакой надежды, чтобъ народонаселеніе Франціи увеличилось; напротивъ, кажется, она значительно уменьшится, какъ это было во время первой имперіи.

1854 годъ былъ очень щедръ на драматическія произведенія. Онъ далъ 18 оперъ, 17 комедій, 2 балета, 24 драмы и одну трагедію въ одномъ дѣйствіи. Что касается до водевилей, число ихъ было огромное. Вотъ, впрочемъ, отчетъ всѣхъ театровъ:

Опера дала 2 новыхъ пьесы; Французскій Театръ 11, Комическая Опера 5, Итальянскій театръ 2, Одеонъ 10, Лирическій театръ 11, Водевиль 19, Гимназія 13, Разнообразія 50, Палероаль 28, Театръ Сень-Мартенскихъ воротъ 6, Веселости 7, Амбюгю 13, Циркъ 3,

Драматических пьес 17, Комическое отдохновение 25, театр Бомарше 10, Люксембургский 20, Шуазель 3,—итого 255. Кажется довольно.

Кромѣ того было еще множество фарсовъ, пантомимъ, импровизаций, пьесъ на дѣтскихъ театрахъ, маріонетокъ, и т. п.

Вотъ, между прочимъ, одно извѣстiе для любителей забавъ. Отель Каstellанъ въ предмѣстьи Сентъ-Оноре отдѣливается за-ново, украшается статуями, рѣдкостями какъ внутри такъ и снаружи. Это значитъ, что г. де-Каstellанъ намѣренъ опять открыть свои залы для высшаго общества, а главное—открыть свой прекрасный домашнiй театръ, доставлявшiй столько удовольствiя артистамъ-любителямъ и избранной публикѣ.

Въ нашей выпискѣ изъ статистики мы не упомянули о журналистахъ, играющихъ важную роль въ Парижѣ и составляющихъ любопытный типъ, достойный изученiя. Мы займемся имъ поподробнѣе.

Кто теперь не читаетъ журналовъ? Кажется, такихъ людей нѣтъ и на свѣтѣ. Посреди дикихъ племенъ, гдѣ нѣтъ ни типографiй, ни бумагъ, все-таки передаются новости изустно, съ разными украшениями и прибавлениями, и если ихъ нѣтъ, то выдумываются, точно также какъ въ журналахъ, потому что надобно же чѣмъ-нибудь занимать публику.

Въ современныхъ обществахъ говорятъ часто, что журналы вредны, что они обманываютъ публику, портятъ ея вкусъ, но все-таки всѣ сознаются, что они необходимы, какъ соль, хлѣбъ и кофе.

Послѣ этого не мудрено, что журналистъ, фельетонистъ, редакторъ, составитель хроникъ, корреспондентъ, даже издатель, играютъ важную роль въ парижскомъ обществѣ.

Но чтобъ познакомиться короче съ журналистомъ, надобно изучить его съ самаго начала его поприща, когда онъ только-что оставилъ скамью училища. Разставаясь съ товарищами, между которыми нѣтъ еще никакого различiя, кромѣ физической силы и степени прилежанiя, молодой зародышъ журналиста сговаривается сойтись съ ними черезъ годъ, чтобъ отобѣдать вмѣстѣ.

И вотъ, въ назначенный день, собираются къ Везуру или Вери молодые люди и тотчасъ же начинаются разспросы:

— Ну, что ты дѣлаешь: чѣмъ занимаешься, служишь, торгуешь?

Надобно замѣтить, что тутъ уже между школьными товарищами происходитъ большая перемѣна.

— Какъ идутъ твои дѣла? спрашиваетъ будущій писатель одного изъ своихъ товарищей.

— Не дурно: я торгую произведениями моей родины, моего цвѣтущаго Прованса... Доходы мои вѣрны... я доволенъ... но ты, что ты дѣлаешь?

— Я!.. я... пишу въ журналахъ.

— А! поздравляю. Въ какомъ же журналѣ я могу прочитать твою статью? Въ *Presse, Débats, Siècle, Revue*?

— Да... я еще не знаю... Признаться, мои статьи еще не напечатаны... Только скоро...

— Да, жди... Знаю я, что это значить. Ты ничего не дѣлаешь и никогда не будешь ничего дѣлать. Выгодное занятіе!.. Прощай однако: мнѣ нѣкогда.

И торговецъ прованскаго масла съ презрѣніемъ отворачивается отъ своего несчастнаго товарища. Школьная дружба кончается почти всегда такимъ образомъ.

Это первое разочарованіе производитъ глубокое впечатлѣніе на молодого журналиста. Онъ пишетъ нѣсколько горькихъ статей и рассылаетъ ихъ по вѣсѣмъ редакціямъ. Но онъ жестоко ошибается, если думаетъ, что такъ легко добиться до печати. Нѣтъ, онъ износитъ еще не одни сапоги и не одно пальто, бѣгая отъ одного редактора къ другому, отъ одной типографіи къ другой.

Каждый вечеръ онъ справляется у дворника, не принесли ли на его имя свертковъ бумагъ, то-есть корректуръ; иногда ему подаютъ пакетъ, но бѣднякъ находитъ тамъ рукопись свою съ вѣжливой припискою:

«Очень сожалѣемъ, что планъ нашего журнала не позволитъ намъ напечатать вашу превосходную статью. Попробуйте написать что-нибудь въ другомъ родѣ и мы помѣстимъ охотно. Выгода журнала и ваша собственная...»

И такъ далѣе; но бѣднякъ никогда не дочитываетъ до конца этихъ пошлыхъ посланій, которыя способны привести въ отчаяніе самыя слабыя натуры. Но журналистъ долженъ быть твердъ и не обращать вниманія на препятствія.

Наконецъ, какъ описать восторгъ его, счастье, блаженство, когда первая его статья является въ какомъ-нибудь журналѣ! Это лучший день его жизни. Онъ бѣгаетъ по вѣсѣмъ кондитерскимъ, пьетъ вездѣ шоколадъ или вино, чтобъ только имѣть удовольствіе прочитать свою собственную статью и вслушивается, не говорятъ ли про нее. Его

смущеніе и яркій цвѣтъ лица яено изобличаютъ въ немъ автора, но, къ счастью, никто не обращаетъ на него вниманія, а то его приняли бы за сумасшедшаго или преступника—такъ сильно его волненіе.

Съ этой минуты онъ можетъ считать себя журналистомъ и вводится за кулисы редакціи, которая намѣрена заставить его работать какъ негра, для *своихъ* и *его* выгодъ.

Прежде всего читатель долженъ познакомиться съ лабораторіею журнала, то-есть съ типографіею.

Устройство журнальной типографіи ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной, только люди и машины работаютъ гораздо скорѣе. Наборщики проворны какъ молнія и хладнокровны какъ гранитъ. Въ самомъ дѣлѣ, передъ ихъ глазами проходитъ столько статей, противорѣчащихъ одна другой, столько различныхъ мнѣній (писанныхъ одною рукою), что они уже не добираются до смысла ихъ, но машинально составляютъ наборъ, думая только о томъ, чтобъ было меньше ошибокъ и чтобы главный редакторъ не сдѣлалъ выговора. Надобно видѣть, съ какимъ вниманіемъ и заботливостію набираются самыя пустыя статьи главнаго редактора.

Корректурa приносится всегда въ типографію вечеромъ и потому печатаютъ всегда ночью. Потомъ надобно еще сложить всѣ листы и иные завернуть и запечатать, но все-таки подписчики еще спятъ, когда приносятъ имъ на домъ утреннія газеты.

За то надобно видѣть, какая работа идетъ ночью въ типографіи при свѣтѣ лампъ. Но не думайте, чтобъ работники молчали или перечитывали то, что печатаютъ. Нѣтъ: они набираютъ извѣстіе, которое можетъ быть завтра произвестъ переворотъ въ мірѣ, разговаривая съ сосѣдомъ о домашнихъ дѣлахъ, о погодѣ, о последнемъ балѣ.

Еще одно лице не спитъ во всемъ Парижѣ, хотя и не работаетъ въ типографіи. Это *полночный* редакторъ, обязанный просматривать послѣднія корректуры и передъ которымъ, какъ тѣнь Банко, поминутно является главный наборщикъ и говоритъ проническимъ голосомъ:

— Недостаетъ ста строчекъ оригиналу... недостаетъ двадцати строчекъ. Еще десять строчекъ...

И бѣдный *полночный* редакторъ долженъ составлять статьи, растягивать ихъ, сокращать, чтобъ только они уложились въ извѣстное число строкъ и чтобъ не было никакой задержки въ выходѣ журнала.

Теперь посмотримъ, какія лица составляютъ редакцію журнала.

Каждое утро собираются всѣ сотрудники и начинаютъ тѣмъ, что просматриваютъ всѣ вышедшіе журналы. Не думайте, чтобъ это было

изъ любопытства или любознательности. Нѣтъ, они глотаютъ все англійскія, испанскія, нѣмецкія и итальянскія газеты, чтобъ выбрать изъ нихъ, что нужно для своего журнала, потому—что ни одинъ журналъ не составляется собственными средствами, а набирается изъ двадцати другихъ, изъ которыхъ берутся не одни туземныя извѣстія, но цѣлыя статьи и даже мнѣнія. Это, конечно, гораздо легче.

Эту первую работу журналисты производятъ, куря сигары и сообщая другъ другу свои замѣчанія. Потомъ одинъ изъ нихъ беретъ огромныя ножницы и вырѣзываетъ статьи изъ французскихъ и иностранныхъ журналовъ.

Должность эта не совсѣмъ незначительна и поручается если не самому умному, то самому ловкому журнальному закройщику, который выбираетъ все новое и занимательное и наклеиваетъ на бумагу, составляя такимъ образомъ отдѣлъ важныхъ извѣстій и парижскія новости.

Хорошій закройщикъ въ журналахъ также рѣдко встрѣчается, какъ закройщикъ у портнаго и имъ дорожатъ все журналы.

Ремесло это передается отъ отца къ сыну по наслѣдству, и говорятъ, что въ одной редакціи есть закройщикъ, предокъ котораго занимался этимъ же почетнымъ занятіемъ въ семнадцатомъ вѣкѣ и выкрывалъ изъ процесса Сень-Марса—новѣйшія извѣстія.

Этотъ же закройщикъ долженъ имѣть талантъ группировать извѣстія такъ, чтобъ вниманіе читателя постепенно увеличивалось и искусно перемѣшивать статьи, разнообразя интересъ.

Надобно еще замѣтить, что если случится вдругъ недостатокъ извѣстій и ихъ не откуда вырѣзать, то закройщикъ бросаетъ ножницы, ударяетъ себя по лбу и импровизируетъ извѣстіе собственного сочиненія.

Правда, что онъ недолго ломаетъ голову и всегда *сочиняетъ* слѣдующія два происшествія:

«Молодая швея, въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи, Софія Б., покинутая своимъ возлюбленнымъ, Этьеномъ Р., работникомъ въ мебельномъ магазинѣ, бросилась изъ окна пятого этажа на улицу. Нѣтъ никакой надежды спасти несчастную.»

Или:

«Въ Монмартской улицѣ открыли еще тайный игорный домъ. Семнадцать лицъ обоего пола играли въ азартныя запрещенныя игры, но успѣли скрыться черезъ садъ при приближеніи полиціи. Квартира мебелирована великолѣпно, но на игорномъ столѣ нашли только шесть франковъ.»

Читатель может быть покоенъ. Молодая швоя нѣсколько разъ въ годъ прыгаетъ изъ пятого этажа, когда недостаетъ извѣстій, и въ Мон-мартеской улицѣ играютъ развѣ въ лото; но журналисту необходимо было какое-нибудь извѣстiе и онъ поневолѣ выдумалъ *утку*. Это выраженiе, хотя и неблагозвучное, принято всеми.

Но выпѣзывать чужія статьи не значить еще *дѣлать* журналъ. *Дѣлать* журналъ тоже не значить наполнять его своею прозою, своими стихами, разсужденiями, разборами, но выбирать уже написанныя статьи, составлять изъ нѣсколькихъ одну, располагать все это искусно, живописно. На это тоже надобно имѣть талантъ, и хотя должность эта поручается сотруднику № 3, но онъ долженъ соединять въ себѣ таланты декоратора, машиниста и театральнаго режиссера.

Отъ него требуютъ, чтобъ одна статья не мѣшала другой, чтобъ одна не затмѣвала другую своимъ превосходствомъ, чтобъ колонны журнала имѣли особенную физиономiю, различный характеръ и нравились бы каждому разряду читателей.

Разумѣется, что и эта должность не требуетъ генiальности, потому что она механическая, но исполняющiй ее играетъ важную роль въ редакцiи, и все его уважаютъ, потому, что отъ него зависитъ помѣстить вашу статью, выбросить ее какъ не нужную, или напечатать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она теряетъ интересъ или гдѣ не всякiй ее прочтетъ.

За этимъ человѣкомъ ухаживаютъ больше, чѣмъ за главнымъ редакторомъ, угощаютъ его обѣдами, выслушиваютъ все его замѣчания. Главный редакторъ можетъ приказать ему напечатать какую-нибудь статью, но есть столько средствъ исполнить это приказанiе дурно, что авторъ статьи будетъ самъ не радъ, что не обратился къ сотруднику № 3.

А сколько у него средствъ вредить своему врагу, который вздумалъ бы печатать свои статьи въ его журналѣ. Онъ помѣститъ ихъ, и еще на самомъ видномъ мѣстѣ, но зато такъ прочтетъ корректуру, что писатель придетъ въ отчаянiе. Онъ можетъ вдругъ уничтожить смыслъ, перековеркать имена, наставить каламбуровъ, словомъ—погубить будущность человѣка, потому что смѣшное не забывается во Францiи.

Но обратимся къ главному редактору.

Въ кабинетѣ его происходитъ столько важныхъ событiй, что каждый писатель, даже знаменитый, чувствуетъ волненiе, вступая въ этотъ кабинетъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ человѣкъ держитъ въ своихъ рукахъ будущность десятковъ генiевъ: онъ можетъ по своему капризу возвы-

силь талантъ и унижить его, можетъ составить блистательную репутацію, точно также какъ уничтожить всякое значеніе, напечатать статью мелкимъ шрифтомъ, изуродовать ее всеми средствами.

Власть редактора безпредѣльна. Онъ распоряжается въ своемъ журналѣ, какъ паша въ своемъ пашалыкѣ.

Есть много типовъ редакторовъ. Одни горды, важны, холодны. Это старые типы, принадлежатіе 1832 году.

Другіе отличаются эксцентричностью, какъ издатель газеты Temps, у котораго было столько ума, столько идей, что все сотрудники его казались идиотами и мѣнялись каждую недѣлю, потому что не могли ужиться съ такимъ редакторомъ.

Есть еще типъ Армана Бертенъ, человѣка разсудительнаго, со вкусомъ и высокимъ образованіемъ, но слишкомъ строгаго, неприступнаго, какъ вообще большая часть главныхъ редакторовъ.

Типъ Верона—это редакторъ веселый, любезный, но съ претензіями на знаніе и остроуміе.

Типъ Жирардена—съ претензіями на политическую значительность.

Есть еще много современныхъ типовъ съ разными особенностями, но объ нихъ не стоить говорить, потому что не останется времени и мѣста исчислять все ихъ качества.

Есть наивные люди въ провинціяхъ и даже въ самомъ Парижѣ, воображающіе, что главный редакторъ—это главнокомандующій журналомъ, работающій много, распоряжающійся своимъ войскомъ сотрудниковъ и типографщиковъ, словомъ—человѣкъ знающій, литературный, извѣстный. Советамъ нѣтъ. Главный редакторъ, большею частью, только богатый человѣкъ. Онъ даже не живетъ въ редакціи, но имѣетъ непременно тамъ свой кабинетъ, халатъ и туфли. И этотъ кабинетъ иногда такъ долго остается пустымъ, что мыши, выгнанныя изъ типографіи вѣчнымъ шумомъ, составляютъ въ немъ свой ночной клубъ, не боясь, чтобы ихъ потревожили. За то контора главнаго редактора представляетъ самый оживленный видъ. Тутъ навалены груды книгъ, акціи всевозможныхъ компаній, альманахи, гравюры, письма изъ всехъ частей свѣта.

Доступъ къ главному редактору очень труденъ, однако есть средства задобрить и этого пашу.

Главное правило: надобно избѣгать фамильярности, и писатель, осмѣлившійся нецеремонно обращаться съ нимъ, можетъ быть увѣренъ, что никогда не попадетъ въ столбцы журнала.

Если редакторъ женатъ, то все сотрудники называютъ его жену *редакціею*, и на всехъ балахъ обязаны полькировать съ нею и заботиться, чтобъ она танцевала безъ отдыха. Вотъ отчего на вечерахъ слышатся иногда фразы, непонятныя профанамъ:

— Я вальсировалъ съ редакціею до-упала.

— А я отыскалъ ей визави.

— Да видить ли *самъ* наши старанія.

— Какъ-же, онъ улыбнулся сейчасъ мнѣ и редакціи.

Другое средство угодить редактору,—это приходитъ въ восторгъ, когда онъ вздумаетъ самъ составить какую-нибудь *тартинку* для журнала.

— Г. ***! какое вы мнѣ доставили удовольствіе вашею статьею. Сердитесь на меня сколько хотите, но я не могу скрыть моихъ чувствъ и говорю откровенно, что никто у насъ не умѣетъ писать какъ вы. Да, подъ вашимъ фельетономъ съ восторгомъ подписались бы первые наши гении. Это смѣсь Бакона, Гроціуса, Босеюэта...

Редакторъ сладко улыбается и говоритъ нѣжно откровенному сотруднику:

— Вѣрно тебѣ нужны деньги... ну, такъ и быть, ступай въ кассу съ этой запиской. Тебѣ тамъ выдадутъ франковъ двѣсти... только не хвали меня очень часто.

Султаны редакцій такъ гордятся своимъ титуломъ, что надписываютъ его на визитныхъ карточкахъ, на портъ-моне, на сигарочницахъ, на картонкахъ, словомъ рады написать его на лбу, чтобъ все знали, что главный редакторъ не шутка.

Теперь обратимъ вниманіе на простыхъ редакторовъ журнала.

Вотъ редакторъ, доставляющій первую, главную, основную статью журнала, *ростбифъ*, какъ говорятъ нынче.

Этотъ редакторъ долженъ быть человекъ серьезный, положительный, но живой. Онъ обязанъ держать себя вдалькѣ отъ молодыхъ сотрудниковъ, не позволять имъ фамильярности, и хотя характеръ его и вкусъ не соотвѣтствуютъ этой роли, но онъ долженъ съ важностію говорить молодому поколѣнію:

— Вы фантазеры, живете вашимъ воображеніемъ, занимаетесь мелочами, но *мы* люди спеціальные, изучаемъ тщательно всякій вопросъ и не увлекаемся фантазіями.

Эта роль разыгрывается въ совершенствѣ старыми повѣсами и во-

дить въ заблужденіе всѣхъ сотрудниковъ и даже самого редактора, который безъ доклада допускаетъ къ себѣ серьезнаго сотрудника и даже позволяетъ ему работать въ своемъ кабинетѣ. За то должность эта требуетъ чрезвычайной акуратности. Безъ главной статьи журналъ не можетъ выйти, и потому специальный редакторъ долженъ всякій день наполнить извѣстное число листковъ, и для него не можетъ быть ни какой отговорки, потому что его статью никакъ нельзя замѣнить другой. Вотъ отчего специальный редакторъ знаетъ себѣ цѣну и смотритъ на всѣхъ свысока, какъ разбогатѣвшій лавочникъ.

За нимъ слѣдуетъ редакторъ легконогій (*vélocipède*), который пишетъ что угодно и о чемъ угодно, и съ быстротою наполняетъ листки такъ, что наборщики не успѣваютъ ихъ набирать. Его вдохновеніе должно быть всегда готово, днемъ и ночью, и если по какому-нибудь случаю нечѣмъ наполнить нѣсколькихъ колоній журнала, то отыскиваютъ легконогаго редактора, сажаютъ его за столъ и говорятъ, чтобъ черезъ два часа было оригиналу на два столбца съ половиною. И онъ тотчасъ же пишетъ, не останавливаясь, не поднимая головы, не думая... и наполняетъ столбцы.

Во всякой редакціи есть тоже военный сотрудникъ, который пишетъ обо всемъ, что относится къ арміи, стратегіи, тактикѣ.

Онъ имѣетъ право заставить ретироваться легкія статьи и объявленія, когда ему вздумается начертать какой-нибудь военный планъ, по которому маневрируетъ артиллерія и кавалерія его громкихъ фразъ. Сотрудникъ этотъ сохранилъ наружность времени имперіи и объяняется отрывисто и рѣзко, какъ будто на него все еще смотрятъ сорокъ вѣковъ.

Есть еще при редакціи журнала *нувелистъ*, то есть человекъ, приносящій разныя извѣстія иногда изустно, иногда записанныя наскоро.

На эти новости есть такса, смотря по ихъ важности. За нѣкоторые извѣстія платятъ до тридцати франковъ, другія не стоятъ и пяти. Все дѣло въ томъ, чтобъ новости были самыя свѣжія, и, главное, чтобъ ихъ не знали редакціи другихъ журналовъ.

Каждый журналъ, дѣла котораго въ цвѣтущемъ положеніи, имѣетъ непременно иностранныхъ корреспондентовъ. Нѣмецъ пишетъ ему разсужденія о капуэтѣ и о рейнскомъ вопросѣ. Иногда нѣмца можно замѣнить альзасцемъ и даже овернцемъ.

Богатыя редакціи простираютъ роскошь до того, что держатъ сотрудника негра, для статей о Кубѣ, Сулукѣ, Помаре, сахарѣ и другихъ за-атлантическихъ сюжетахъ.

За неизмѣнимъ негра берутъ просто курчаваго писателя и заставляютъ его писать о колоніяхъ, о дядѣ Томѣ, о креолкахъ, что всегда занимаетъ публику.

Теперь перейдемъ къ фельетону.

Тутъ тоже находится много фizioномій, имѣющихъ отдѣльные типы.

Вотъ фельетонистъ, занимающійся отчетомъ театральныхъ пьесъ, играемыхъ на всѣхъ театрахъ. Эта работа такъ трудна, что надобно имѣть большой талантъ, увлекательный слогъ, пропасть остроумія, знанія и воображенія, чтобъ быть порядочнымъ театральнымъ фельетонистомъ.

Наивные люди воображаютъ, что стоить только посмотреть пьесу, чтобъ потомъ рассказать о ней публикѣ. Какъ они ошибаются! Напротивъ, чтобъ написать хорошій театральнй фельетонъ, ненадобно никогда видѣть новыхъ пьесъ, если же и смотрѣть ихъ, то только для формы, а совсѣмъ не для того, чтобъ разсказывать сюжетъ драмы или водевиля.

Подумайте только, что вотъ уже пятнадцать или двадцать лѣтъ играютъ на всѣхъ театрахъ все одну и ту же пьесу съ едва замѣтными измѣненіями въ подробностяхъ. Сюжетъ все одинъ и тотъ же, только афиши разныя. Какъ же послѣ этого поступать бѣдному фельетонисту, обреченному каждый понедѣльникъ разсказывать одинъ и тотъ же водевиль Клервиля или Деншери? Онъ обязанъ занять публику не отчетомъ о театральномъ представленіи, а своимъ остроуміемъ, находчивостью, любовью, пожалуй, хоть вовсе не упоминая о новой пьесѣ. Это будетъ еще лучше, потому что читатель, не найдя разбора пьесы, пойдетъ ее смотрѣть, что доставитъ выгоду директору театра, который будетъ благодаренъ редактору, а этотъ своему фельетонисту. Вообще, фельетонъ понедѣльника стоить много трудовъ бѣдному фельетонисту и къ этому еще публика не умѣетъ цѣнить его, воображая, что ничего нѣтъ легче какъ набросать нѣсколько столбцовъ блестящей болтовни обо всемъ, кромѣ театра. Нѣтъ, эта должность становится иногда настоящею пыткой, возобновляемою еженедѣльно, чего не дѣлала и сама инквизиція.

Въ фельетонѣ укрываются также многотомные романы писателей, которыхъ публика перестала читать отдѣльно въ книгахъ и которые называютъ о себѣ, бросаясь въ глаза ежедневно въ нижнемъ этажѣ журнала.

Въ этомъ же этажѣ занимаетъ иногда мѣсто и критикъ книгъ. Надобно признаться, что это самый неблагоприятный отдѣлъ журнала, и не удивительно, что эти сотрудники всегда сердиты и необщительны, какъ медвѣди.

Статьи о книгахъ помѣщаются въ фельетонѣ только когда рѣшительно нечего больше напечатать, стало быть очень рѣдко. Послѣ этого нечего и удивляться, если статьи эти отстали; если книги, о которыхъ они разсуждаютъ, давно забыты и, можетъ быть, съѣдены мышами до послѣдняго экземпляра. Критикъ, разбирая какое-нибудь произведение, непременно назоветъ автора *молодымъ человекомъ*, хотя онъ можетъ быть старше его, и начнетъ давать ему наставленія какъ писать, у кого учиться, кому подражать, и если случится, что главный редакторъ написалъ книгу или статью о томъ же предметѣ, то критикъ непременно упомянетъ объ этомъ, осыпая похвалами своего хозяина.

Впрочемъ, этихъ критикъ никто не читаетъ, не исключая автора критикуемыхъ книгъ.

Въ редакціяхъ *Обозрѣній* (Revue) есть особенные типы журналистовъ и цѣлая коллекція критиковъ всѣхъ временъ и состояній. Тутъ критикъ играетъ уже не жалкую роль, какъ въ ежедневной газетѣ; напротивъ, самое важное мѣсто занимаетъ критикъ грозный, безжалостный, который въ своихъ статьяхъ походить на пантеру и терзаетъ свою жертву какъ шакаль. Всѣ сотрудники питаютъ къ нему уваженіе и смотрятъ на него какъ на стараго льва, выпущеннаго изъ клѣтки. Молодой критикъ, вступившій въ сотрудничество недѣльнаго или мѣсячнаго журнала, не можетъ имѣть своего собственнаго мнѣнія въ печати, но долженъ слушать приказанія старшихъ, которое состоитъ изъ двухъ словъ, написанныхъ поочереды то на той, то на другой книгѣ, а именно: *брани, хвали!* И молодой критикъ безусловно исполняетъ это, не смѣя отступить ни на шагъ отъ приказанія. И вотъ онъ, не читая книги, пишетъ, что она превосходна, занимательна, написана увлекательно, что все въ ней ново, любопытно, много поэзіи, смѣлости, таланта, краснорѣчія. И такимъ образомъ составляетъ онъ длинную статью, тогда какъ все это значитъ только, что авторъ принадлежитъ къ сотрудникамъ *Обозрѣнія*.

Или критикъ, напротивъ, находитъ безъ всякой причины, что книга дурна, неестественна, что въ ней все старо: нѣтъ ни поэзіи, ни таланта, ни слога, словомъ—авторъ не имѣетъ никакихъ сношеній съ редакціею *Обозрѣнія*.

Иногда случается, что критикъ получаетъ отъ своего начальника книгу, на которой написаны оба слова: брани, хвали. Онъ и тутъ не затрудняется, зная, что это значитъ. Автора хотятъ задобрить или напугать и потому похвалы перемѣшаютъ такъ искусно съ ироніею и колкостями, что онъ самъ не будетъ знать, хороша ли его книга или дур-

на, но навѣрное догадается, что редакторъ *Обозрѣнія* за что-нибудь на него сердить, и надобно поскорѣ съ нимъ помириться, а не то онъ можетъ помѣшать вступленію писателя въ Академію.

Кромѣ этихъ двухъ критиковъ, есть еще критикъ, который находитъ граматическія ошибки въ *Мизантропъ*, который готовъ исковеркать, разрубить на части гениальное произведеніе, чтобъ только доказать, что и въ немъ есть ошибки и что можно было написать еще лучше. Для этого человѣка нѣтъ ничего не только совершеннаго, но прекраснаго или порядочнаго. Онъ вездѣ видитъ одно дурное, одни недостатки, которые берется исправить. Къ несчастію, такихъ людей много, и если они берутся сами написать что-нибудь, то самый благонамѣренный критикъ не найдетъ даже, чтобъ сочиненіе это можно было исправить и сдѣлать сноснымъ.

Надобно замѣтить, что сотрудники *Обозрѣнія* обязаны быть всегда одѣты по модѣ и что палевыя перчатки необходимы. Хорошо также, если наружность писателя напоминаетъ слегка англійскій или американскій типъ.

Журнальный сотрудникъ *Обозрѣнія* долженъ отличаться отъ всѣхъ прочихъ журналистовъ тѣмъ, что обязанъ казаться богатымъ, быть всегда похожимъ на театральнаго любовника, или на сына банкира.

Въ редакціяхъ другихъ газетъ не трудитесь искать такихъ модныхъ картинокъ. Тамъ иногда самъ главный редакторъ не носитъ перчатокъ, а сотрудники похожи на странствующихъ актеровъ.

Въ *Обозрѣніяхъ* непременно есть сотрудникъ дипломатъ, занимающійся одною политикою и разбирающій всѣ дѣла Европы. Онъ за двѣсти франковъ въ мѣсяцъ передѣлываетъ нѣсколько разъ карту земнаго шара, заключаетъ союзы, трактаты, предостерегаетъ правленія, спасаетъ ихъ и пишетъ будущую исторію также справедливо и краснорѣчиво, какъ Капфигъ прошедшую.

Есть еще большой и самый скучный отдѣлъ журналистики. Это музыкальныя хроники. Бѣдному музыкальному критику надобно много таланта, чтобъ заставить читать свою прозу, усыпанную бемолями; но все-таки, по бѣльшей части, ему приходится всегда говорить одно и то же. Каждый сезонъ поютъ тоже и тоже самое, играютъ тѣ же виртуозы и потому добросовѣстный и строгій критикъ поневолѣ восклицаетъ:

«Браво! брава! превосходно! удивительно! Невозможно вообразить такой легкости, пріятности, какія *brio, morbidezza, maestria, mortadella* и пр.

И на эту тему называютъ безконечныя варіаціи восторга, смотря потому, о чемъ идетъ дѣло, о французской оперѣ, концертѣ или итальянцахъ.

Сколько фельетоновъ написали о неподражаемомъ голосѣ Альбони, тогда какъ весь талантъ ея можно характеризовать нѣсколькими словами: она удивительно выдѣлываетъ музыкальные фокусы. Стало быть, вовсе не легко составлять музыкальные фельетоны, и Кастиль Блазъ, основатель этого занятія, можетъ похвастаться геніальнымъ человекомъ.

Мелкіе фельетонисты по этой части, обязанные каждую недѣлю говорить о музыкѣ, описываютъ погоду, парижскія улицы, рассказываютъ анекдоты, шутятъ очень мило съ читателями. Впрочемъ, у нихъ заранѣе приготовлены вступленія, сообразныя со всѣми временами года, и надобно только не перемѣшивать ихъ. А то однажды случилось, что въ среднѣхъ лѣта, цвѣтовъ и жаровъ, какой-то музыкальный фельетонистъ жаловался на морозъ, туманъ и печальный видъ снѣжныхъ полей. Это очень разсмѣшило публику; но главный редакторъ очень разсердился на фельетониста и послалъ его въ поле, смотрѣть, есть ли тамъ снѣгъ.

Между верхнимъ и нижнимъ ярусомъ журнала, то-есть между серьезными сотрудниками и фельетонистами, существуетъ всегда сильная вражда. Жильцы верхняго этажа съ презрѣніемъ смотрятъ на фельетонъ и говорятъ ему:

— Ты ничего не значишь въ журналѣ, не можешь поддержать его своею болтовнею, легкими статьями, не нужными фантазіями. На насъ лежитъ вся тяжесть редакціи. Мы говоримъ о политикѣ, о важныхъ вопросахъ, о серьезныхъ учрежденіяхъ, законахъ, государственныхъ переворотахъ. Наши статьи подписаны именами Шатобриана, Ройе-Коллара, Жуфруа, Армана Каррель, Огюстена Тъери, Сень, Маркъ Жирардена, Ламартина, Саси и многихъ другихъ, которыхъ публика уважаетъ. Наши столбцы наполнены краснорѣчіемъ, геніальностію; твои глупыми вымыслами, пошлыми шутками, которыя надобдають намъ до того, что мы удивляемся, какъ главный редакторъ не уничтожить фельетонъ, приносящій только вредъ такому прекрасному журналу.

На это фельетонъ отвѣчаетъ:

— Ахъ ты, старый... политикъ! Гордись своимъ готическимъ благо-разуміемъ сколько хочешь, но безъ меня публика не взяла бы тебя въ руки. И сколько разъ фельетонъ спасалъ весь журналъ, доведенный до крайности твоими снотворными статьями. Развѣ ты забылъ, что Веронъ заплатилъ за *Вѣчнаго Жида* сто тысячъ франковъ? А позволь спро-

силь, кто изъ твоихъ знаменитыхъ сотрудниковъ получалъ хоть половину этой суммы. Я тоже могу гордиться именами, дѣлающими честь всякому журналу. У меня Жюль Жаненъ разсыпаетъ каждый понедѣльникъ неистощимый запасъ своего остроумія: Теофиль Готье, искусный колористъ, превращаетъ фельетонъ въ картину; Эдуардъ Тьері пишетъ вѣрно, отчетливо, добросовѣстно. Я могу назвать тебѣ еще Лирьё, Амедея Ашаръ, Поля де Сентъ-Викторъ и множество другихъ именъ.

«Ты научаешь (и наскучаешь) статьями, я забавляю моихъ читателей. Тебя читаютъ по принужденію и иногда совсѣмъ не читаютъ, меня же торопятся проглотить. Словомъ, если ты объѣдъ журнала, то я десертъ, вдова Кликъ... и не промѣняю ни за что своего мѣста на твое.»

Такъ продолжается эта вѣчная война между журналистами и фельетонистами, и покуда будутъ существовать газеты, сотрудникъ политики все будетъ называть фельетониста безумнымъ фантазеромъ, а тотъ будетъ отвѣчать, что серьезныя статьи усыпляютъ читателей.

До-сихъ-поръ были въ журналистикѣ старыя стереотипныя фразы, которыя помѣщались при каждомъ удобномъ случаѣ, но теперь не только столичныя, но и провинціальныя журналы не смѣютъ употреблять ихъ, боясь насмѣшекъ.

Напримѣръ, ни одно перо не смѣетъ написать: *мракъ покрываетъ политическій горизонтъ* или *Европа танцуетъ на вулканѣ*, хотя и то и другое было бы кстати; но эти фразы до того избиты, что заставляютъ улыбаться привратниковъ.

Критикъ не смѣетъ больше сказать о пріятелѣ, книгу котораго онъ разбираетъ: *У этого челоуька высокій слогу и благородное сердце*. Со времени *Буржавовъ* все смѣются надъ напыщенными выраженіями.

Журналистъ избѣгаетъ тоже, говоря о первыхъ дебютахъ, напоминать, что «являясь въ первый разъ передъ публикою, смущеніе необходимо, но впрочемъ дебютантъ подаетъ большія надежды». Все это уже такъ устарѣло со времени первыхъ дебютантовъ, подававшихъ надежды, что теперь надобно говорить о чемъ-нибудь другомъ.

Надобно тоже избѣгать повтореній о красотѣ актрисъ и актеровъ, особенно если у этой красоты недостаетъ таланта. Это тоже самое, что хвалить вывѣску передъ пустымъ магазиномъ.

Глухая фраза: *нашъ молодой и умный директоръ театра*, тоже давно исчезла изъ газетъ, потому что доказано, что умныхъ директоровъ въ Парижѣ уже нѣтъ, иначе они не доходили бы до банкротства, и что молодость совершенно лишняя въ этомъ званіи.

По окончаніи сезона, даже музыкальные фельетоны не смѣютъ больше напечатать, что «соловьи залы Вантадуръ замокнули и полетѣли въ Англію». Это сдѣлалось пошло. Не говорятъ больше, что *весь Парижъ* былъ въ оперѣ, что Парижъ веселится, скучаетъ, гуляетъ; все это невозможно потому, что фельетонистъ не представляетъ собою всего города и потому, что смѣшно вообразить, будто все жители Парижа будутъ разомъ плакать и хохотать.

Давно также вышло изъ моды говорить журналисту о самомъ себѣ, рассказывать, что онъ путешествовалъ, переѣхалъ на другую квартиру, сломалъ себѣ ногу или ходилъ на охоту. Всѣмъ этимъ публика не занимается болѣе и не хочетъ знать семейныхъ дѣлъ фельетониста. Жюль Жаненъ, объявляя въ фельетонѣ о своей женитьбѣ, однимъ разомъ убилъ всю фамильярность между журналистами и публикою. Теперь уже никто не смѣетъ, да и главный редакторъ не позволитъ, чтобъ фельетонистъ распространялся о собственной своей персонѣ и рассказывалъ читателямъ, что носить коричневое пальто и лиловыя перчатки.

По всѣму этому видно, что въ настоящее время ремесло журналиста совсѣмъ не легко и что надобно много таланта, трудовъ, терпѣнія, чтобъ составить себѣ репутацію, но болѣе всего надобно ловкости и искусства, чтобъ жить въ мирѣ съ прочими сотрудниками и не ссориться съ главнымъ редакторомъ.

Надобно въ тоже время угождать наборщику, стараясь писать ясные, не растягивать статей, чтобъ не отнимать мѣста у другаго сотрудника, избѣгать частыхъ пробѣловъ, что не всегда нравится редактору, стараться не слишкомъ отличатся, чтобъ не произвести зависти, но и не казаться бездарнымъ, чтобъ избѣжать насмѣшекъ, словомъ, карьера журналиста полна препятствій всякаго рода и можетъ на каждомъ шагѣ порваться и навсегда погубить бѣднаго писателя, посвятившаго себя служенію журналистики.

А сколько есть средствъ, чтобъ избавиться отъ сотрудника, который начинаетъ мѣшать товарищамъ. Иногда одинъ изъ нихъ отправится въ Страсбургъ и, по дорогѣ, въ каждомъ городѣ оставляетъ на почтѣ по письму къ главному редактору, въ которомъ бранитъ несчастнаго и угрожаетъ, что весь департаментъ перестанетъ выписывать его журналъ, если извѣстный сотрудникъ будетъ продолжать писать. Все письма подписаны: одинъ изъ вашихъ подписчиковъ. Если же это средство не удается, особенно когда угнетаемый сотрудникъ въ самомъ дѣлѣ чловѣкъ съ талантомъ, то враги его употребляютъ другое средство. Они пишутъ редактору письмо, въ которомъ до того хвалятъ этого сотруд-

ника, что представляют его поддержкою журнала, гениальнымъ человѣкомъ, и редакторъ, какъ самолюбимый человѣкъ, разумѣется, сердится, что кто-нибудь, кромѣ его, смѣетъ считаться поддержкою журнала и ссорится окончательно съ сотрудникомъ, не умѣвшимъ ужиться съ товарищами.

— Грустное занятіе журналистика! но, не смотря на это, сколько молодыхъ безумцевъ только и добиваются, чтобъ попасть въ журналъ.

Молодые студенты, не выдержавшіе экзамена, дѣлаются журналистами съ отчаянія; молодые люди, которые по окончаніи курса не хотятъ отправляться къ себѣ въ провинцію и которымъ родители прекращаютъ пособія; молодые люди съ разными физическими недостатками, которые посредствомъ журналистики хотятъ быть любимы театральными нимфами, наконецъ богатые и дѣятельные люди берутся за журналы, чтобъ имѣть больше вліянія, чтобъ жить въ кругу артистовъ, акціонеровъ разныхъ предпріятій, чтобъ сойтись со всѣми знаменитостями и играть важную роль. Развѣ это не привлекательно? но многіе ли достигаютъ этой цѣли. Сколько бѣдныхъ молодыхъ людей останавливаются на первой статьѣ.

Мы говорили о восторгѣ молодого человѣка, когда онъ увидитъ себя наконецъ въ печати, но послѣ этого случаются и комическія сцены. Всякій знаетъ методу платежа въ редакціи и заранѣе уже расчиталъ, сколько ему придется за статью. Разумѣется, что въ ожиданіи этого журналистъ позволяетъ себѣ нѣкоторую роскошь въ костюмѣ и обѣдѣ и потомъ является къ кассиру журнала.

Кассиръ—это грозное, таинственное лицо, передъ которымъ низко склоняются знаменитые гении и самъ редакторъ. Впрочемъ, это всегда добрый человѣкъ, преданный своему журналу, но холодный и непреклонный какъ цифра. Только нѣкоторые избранники имѣютъ талантъ расшевелить этотъ мраморъ и выпросить что-нибудь впередъ; но новички со страхомъ подходятъ къ форточкѣ кассира и дрожащимъ голосомъ просятъ денегъ за статью.

— Какихъ денегъ, отвѣчаетъ кассиръ: развѣ вы не знаете, что за первую статью никогда не платятъ?

И это совершенная правда. Случается даже, что самъ писатель платитъ, чтобъ напечаталъ его статью.

Кассиръ знаетъ всѣ тайны редакціи и сотрудниковъ; можетъ самъ написать огромную книгу, которая, подъ заглавіемъ: *мемуары кассира* такого-то журнала, имѣла бы огромный успѣхъ, но онъ скромненько какъ докторъ и не рассказываетъ никому тайнъ журналистики. За то всѣ

его уважають, всё ухаживаютъ за нимъ. Онъ могъ бы нажить состояніе только продавая автографы знаменитыхъ писателей, отъ которыхъ онъ имѣеть много записокъ, но честный кассиръ и этого не сдѣлаетъ. Онъ знаетъ много тайнъ, но не хочетъ разочаровывать публику на счетъ ея любимцевъ.

Окончимъ наше немного-длинное разсужденіе о журналистикѣ полезнымъ совѣтомъ молодымъ писателямъ: вы можете ссориться съ главнымъ редакторомъ, съ акціонеромъ, со всеми сотрудниками, но если умѣли заслужить дружбу кассира, не бойтесь ничего. Онъ сумѣетъ защитить васъ и вы будете пользоваться въ редакціи тѣми же правами; но горе вамъ, если вы заслужите нерасположеніе кассира! Васъ не спасетъ ни редакторъ, ни талантъ вашъ. Вы должны перебираться изъ одной редакціи въ другую: Это значитъ, что главное лице во всякомъ предпріятіи все-таки то, которое имѣеть въ рукахъ деньги.

Перейдемъ однако къ парижскимъ новостямъ. Мы говорили уже, что Академія наукъ лишилась одного изъ своихъ дѣятельныхъ членовъ, Франція одного изъ замѣчательныхъ писателей, человѣка съ большимъ талантомъ, умомъ и богатою будущностію. Скажемъ нѣсколько словъ о жизни Леона Фоме, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ.

Онъ родился въ 1803 году, стало быть смерть похитила его на пятьдесятъ первомъ году. Окончивъ воспитаніе, онъ прибылъ въ Парижъ и, какъ многія знаменитости Франціи, посвятилъ себя званію профессора. Однако, онъ не могъ найти мѣста въ университетѣ и началъ писать въ журналахъ. Леонъ Фоме былъ тогда слишкомъ молодъ, чтобъ его могли замѣтить и только черезъ восемнадцать лѣтъ оцѣнили его таланты.

Онъ сдѣлался редакторомъ газеты *Le Temps*; но статьи его, отличающіяся превосходнымъ слогомъ и богатствомъ идей, были посвящены не политикѣ, а наукѣ. Онъ занялся тогда философіею исторіи. Позже, когда страсти утихли, образовалась партія покойная, честная, добро-совѣстная, выражавшаяся въ *Courrier Français*. Фоме приступилъ къ этой партіи и сдѣланъ былъ главнымъ редакторомъ журнала. Извѣстность его возрастала, всё уважали его не только за талантъ писателя, но какъ честнаго, благороднаго человѣка. Его статьи имѣли большое вліяніе какъ во Франціи, такъ и въ сосѣднихъ государствахъ, и его статьи о промышленности Англій написаны такъ превосходно и съ такимъ знаніемъ дѣла, что даже англичане, всегда строгіе къ иностраннымъ писателямъ, говорятъ, что никто лучше Фоме не изучилъ вліянія промышленности въ Англій. Онъ старался о распростра-

нени во Франціи полезныхъ учреждений и желѣзныхъ дорогъ. Въ 1846 году онъ былъ избранъ депутатомъ Реймса; но и въ собраніи, занимая почетное мѣсто въ оппозиціи, онъ мало занимался политикою, думалъ только объ улучшеніи благосостоянія народа, и рѣчи его отличались всегда благонамѣренностію. Въ революціи 1848 года онъ принималъ участіе только когда надобно было установить порядокъ и, принявъ министерство внутреннихъ дѣлъ, не спѣшилъ переимѣнить всѣхъ государственныхъ людей, служившихъ монархіи, но, напротивъ, просилъ ихъ занимать эти мѣста и продолжать управлять дѣлами, покуда кончится волненіе. Это благородное поведеніе не могло нравиться новому правительству, но твердость Фоше была непоколебима. Онъ зналъ, что нельзя импровизовать государственныхъ людей и потому оставилъ тѣхъ, которые уже привыкли къ управленію.

Не обращая вниманія на оппозицію, онъ продолжалъ заниматься дѣлами Франціи: вводилъ законы, успокаивалъ партіи и думалъ только о постоянномъ правленіи, чтобъ упрочить порядокъ; но видя, что всѣ усилія его согласить партіи напрасны, онъ вышелъ изъ министерства и Собранія за шесть недѣль до 2-го декабря 1851 года.

Съ этой минуты онъ удалился отъ дѣлъ, хотя новое правленіе, зная его способности, предлагало ему мѣсто въ учредительной комиссіи, которое повело бы къ высшимъ государственнымъ званіямъ. Но Фоше не хотѣлъ мѣнять своихъ правилъ и посвятилъ остатокъ своей жизни полезнымъ предпріятіямъ, потому что дѣятельность была ему необходима. Однако, безпрерывныя работы, заботы во время управленія министерствомъ, разочарованіе во многомъ сильно подѣйствовали на его здоровье и онъ поѣхалъ лечиться сперва на воды, потомъ въ Италію. Посреди сильныхъ страданій, онъ все еще слѣдилъ за политикою Франціи и прислалъ послѣднюю свою статью въ *Revue des deux mondes*. Но онъ не успѣлъ даже узнать, какое вліяніе произвела эта статья и умеръ въ Марсели, откуда тѣло его привезли въ Парижъ. Уваженіе къ этому рѣдкому человѣку доказывается тѣмъ, что даже противники его мнѣній всегда отдавали ему справедливость. Если бы даже превосходныя его статьи и могли быть когда-нибудь забыты, то имя его будетъ всегда съ благодарностію воспоминаемо драматическими писателями, потому что Леопъ Фоше, заботившійся объ улучшеніи правовъ, точно также какъ о пользахъ промышленности, торговли и государственной экономіи, учредилъ премію за лучшую нравственную пьесу, на какомъ бы она театрѣ ни была играна. Это удержитъ многихъ драматическихъ писателей отъ пошлыхъ произведеній, портящихъ вкусъ и нравы зрителей и заставитъ ихъ обдумывать свои пьесы.

Неизвѣстно еще, кто въ нынѣшнемъ году получитъ премію Фоме, но ужъ вѣроятно не авторъ *Меден*, Легуве, который никакъ не могъ заставить Рашель сыграть свою трагедію. За то онъ напечаталъ ее, и такъ какъ процессъ его съ знаменитою актрисою надѣлалъ много шума, то и *Меден* произвела много толковъ въ журналахъ.

Упрекають Легуве въ томъ, что онъ выбралъ старій сюжетъ и что это главная причина, почему Рашель отказалась играть въ его пьесѣ. Если упрекъ справедливъ, то послѣднее предположеніе ошибочно. Кажется, въ послѣднее время писали много и *новыхъ* сюжетовъ, которыхъ нѣтъ даже у Еврипида, а великая артистка все продолжаетъ расцвѣтать того же Расина и не хочетъ учить никакихъ ролей. Она можетъ быть и хорошо дѣлаетъ, потому что недавно еще маленькая роль Розамунды стоила ей такихъ усилій, что она на другой день захворала; Меден же, чего мудренаго, можетъ, пожалуй, убить слабую, нервическую Федру. Пусть лучше она остается при своемъ репертуарѣ.

Но что же за *Меден* написалъ Легуве? О выборѣ сюжета нечего спорить, потому что нельзя заставлять поэта искать новыхъ пьесъ. Для чего же мы изучаемъ Грековъ и Римлянъ? Да и гдѣ взять совершенно новаго? Намъ кажется даже, что авторъ, идущій по избитой дорогѣ, долженъ имѣть больше таланта и смѣлости, а главное—долженъ бояться сравненій, особенно если предшественники его были люди гениальные.

Кто не знаетъ исторіи Меден, этой дикой женщины, которая въ припадкѣ отчаянія и ревности убила своихъ дѣтей. Поступокъ ея ужасенъ, но понятенъ, если вспомнимъ время, въ которое составлено было преданіе объ ней. Меден жила только любовью Язона и когда онъ оставляетъ ее, она теряетъ рассудокъ и рѣшается на преступленіе. Вотъ какъ древніе писатели представили намъ это лицо; но Легуве хотѣлъ почему-то приблизить Меденю къ современнымъ понятіямъ. У него Меден не страстная дикарка. Кажется, что авторъ хотѣлъ написать психологическую этюду, а совсѣмъ не трагедію, и потому сгладилъ все характеры, все порывы ревности и любви и развилъ въ сильной степени материнское чувство въ Меден. Имъ-то онъ и объясняетъ убійство. Да, Легуве вывелъ Меденю не влюбленною, не ревнивою женщиною, но страшною матерью, которая готова уступить Язона Креузѣ, готова удалиться и жить въ удивленіи; но Язонъ, какъ добрый отецъ, хочетъ оставить дѣтей у себя, хочетъ, чтобъ они звали Креузу матерью, и тогда Меден, въ отчаяніи, чтобъ не разстаться съ ними, рѣшается на преступленіе.

Притомъ же, авторъ, занявшись отдѣлкою главной роли, оставилъ

остальных персонажей на последнем планѣ, такъ что они даютъ только реплики Медеи, въ которой Левуге уже воображалъ видѣть Рашель. Не смотря однако на противорѣчія древнимъ преданіямъ, Еврипиду и Аполонію, трагедія все-таки могла бы имѣть огромный успѣхъ, потому что написана прекрасно и занимательно. Рашель ошиблась жестоко, отказавшись играть Медею. Долго еще не дождется она такой эффектной роли. Можетъ быть, она боялась выражать материнскія чувства, чего съ ней еще не было на сценѣ. Она хотѣла бы лучше представить древнюю, дикую Медею, но не современную женщину, какою вывелъ ее авторъ.

Въ изящныхъ искусствахъ произвела большое волненіе послѣдняя присылка картинъ пенсионерами изъ Рима. Римская школа можетъ похвастаться счастливою, потому что принадлежитъ къ небольшому числу постановленій, пережившихъ нѣсколько революцій. Маленькая французская колонія виллы Медичи все еще процвѣтаетъ посреди развалинъ и ежегодно оживляется молодыми талантами. Не смотря на свои труды и успѣхи въ искусствахъ, школа эта имѣетъ многочисленныхъ противниковъ, такъ что не только писатели, но даже артисты возставали противъ нея. Даже собственныя ея ученики не щадили ее. Жироде объявилъ, что никогда талантъ не можетъ образоваться, когда его принуждаютъ жить на одномъ мѣстѣ, тогда какъ, можетъ быть, для него необходимы путешествія, другой климатъ, другія мѣста. Недавно еще одинъ изъ плодовитѣйшихъ романистовъ удивлялся, какъ можетъ существовать Академія живописи съ такими постановленіями, и утверждалъ, что во Франціи не будетъ порядочныхъ артистовъ, покуда будутъ посылать учениковъ въ одинъ Римъ, гдѣ *только* можно копировать Рафаэля и Микель-Анджело, а не въ Антверпенъ, гдѣ должно изучать Рубенса, въ Мадридъ для Мурильо, въ Мюнхенъ для Корнеліуса, и т. д.

На всѣ эти нападки римская школа не хочетъ даже и отвѣчать, но продолжаетъ работать и совершенствоваться. Если изъ нея невыходятъ великіе артисты, то въ этомъ виновать не Римъ. Геніи рождаются въ ками. Зато она даетъ всѣ средства развитія таланту, представляя ему образцы великихъ учителей. Удивительно, какъ до-сихъ-поръ какой-нибудь романистъ не предложитъ уничтожить университеты и коллегіи, подъ предлогомъ, что они образовали мало гениальныхъ людей. Это такое же логическое предложеніе, какъ замѣна Рима Антверпеномъ и Микель-Анджело г. Корнеліусомъ. Но къ счастью, парадоксы эти не имѣютъ большаго вліянія на молодыхъ живописцевъ, которые стремятся къ одной цѣли — получить награду, позволяющую ѣхать въ Римъ. Притомъ Италия имѣетъ такое очарованіе для всѣхъ истинныхъ артистовъ, что еслибы въ самомъ дѣлѣ имъ предложили отправить-

ся изучать живопись куда они хотятъ, то всё безъ исключенія полетѣли бы въ Италію, оставшуюся навѣки странюю искусствъ. Не съ восторгомъ ли молодые люди оставляютъ душный, мрачный Парижъ, шумную жизнь и дѣятельность, чтобъ отдохнуть душою и тѣломъ среди величественныхъ развалинъ. Самые холодные и проническіе характеры перемѣнялись къ лучшему, когда изъ виллы Медичи смотрѣли на Римъ при закатѣ солнца. Вообще, всё ученики римской школы уносятъ съ собою чудныя воспоминанія, которыя позже утѣшаютъ ихъ въ печальныя минуты и возбуждаютъ вдохновеніе.

Послѣднія присылки римской школы, выставленныя въ *школь художествъ*, подтверждаютъ все сказанное нами въ пользу этого учрежденія. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе картина г. Бугеро. Это серьезное произведеніе требовало долгаго изученія, глубокаго обдумыванья и исполнено превосходно. Это «Погребеніе Цециліи въ катакомбахъ Рима» производитъ сильное, торжественное впечатлѣніе, потому что артистъ самъ глубоко чувствовалъ и понималъ свой сюжетъ.

Толпа христіанъ молится въ катакомбахъ. Вѣра и восторгъ оживляютъ всё лица, обращенныя къ тѣлу Цециліи, которую опускаютъ въ могилу. Группы составлены превосходно, отдѣлка вѣрная, даже слишкомъ старательная, но она доказываетъ, что молодой живописецъ изучилъ мѣстность внимательно. Нельзя не похвалить его и за то, что онъ не увлекся желаніемъ произвести эффектъ и не освѣтилъ своей картины какимъ-нибудь фантастическимъ свѣтомъ. Одинъ недостатокъ, если только это недостатокъ, состоитъ въ томъ, что Бугеро отдѣлываетъ малѣйшія подробности съ такимъ стараніемъ, какъ будто отъ нихъ зависитъ участь картины. Этотъ ученикъ римской школы доказалъ, что можно написать умную, прекрасную картину и не въ Антверпенѣ; и если онъ будетъ продолжать совершенствоваться, то будущность готовить ему блистательные успѣхи.

Картина Бодри имѣетъ совершенно противоположный характеръ, доказывающій, что въ Римѣ могутъ образоваться таланты во всѣхъ родахъ. Это колористъ въ полномъ смыслѣ. Его *Фортуна и дитя* не отличается отдѣлкой, но въ ней столько свѣжести, жизни, прелести, что молодому живописцу можно предсказать, что онъ будетъ впоследствии любимцемъ публики, увлекающейся всегда смѣлостію и граціею въ живописи.

Буланже не совсѣмъ удачно изобразилъ одну изъ балладъ Шиллера, но пейзажъ Лекуанта составленъ удивительно. Богатая перспектива развивается при первыхъ лучахъ солнца; живописное ущелье, надъ ко-

торымъ вѣтеръ качаетъ пальмы. Вообще, давно мы не видали такой удачной картины въ этомъ родѣ.

Скульптура въ этомъ году тоже заслуживаетъ вниманія. Гюмери сдѣлалъ прекрасную группу *Фавна, играющаго съ козленкомъ*. Какъ веселье и счастливъ этотъ Фавнъ. Сколько въ немъ жизни и силы. *Орфей*, Томаса, слишкомъ флегматиченъ, но зато *Меркурій*, Боннарделя, такъ легокъ, что кажется сейчасъ готовъ улѣтъ по приказанію Юпитера.

И такъ, въ маленькой выставкѣ нѣсколькихъ произведеній есть уже замѣчательныя вещи, достойныя вниманія знатоковъ; какъ же послѣ этого распространять нелѣпыя слухи, что римская школа бесполезна, что въ ней нѣтъ гениальныхъ людей. Мы не говоримъ, что это заведеніе совершенно, потому что нѣтъ ничего совершеннаго на свѣтѣ и что Академія художествъ можетъ сдѣлать еще много полезныхъ перемѣнъ; но все-таки римская школа можетъ отъ всѣхъ нападковъ защитить себя именами, которыми гордится Франція. Прадье былъ ученикъ римской школы; Давидъ Анжерскій, Симаръ, Руанье, Фландренъ и многіе другіе тоже учились въ Римѣ. Энгръ тоже былъ въ виллѣ Медичи.

Вотъ еще одно произведеніе французской школы живописи. Жандронъ окончилъ живописныя работы въ комнатахъ контрольной палаты въ Парижѣ.

Репутація этого поэтического живописца давно уже установлена и потому публика съ любопытствомъ осматриваетъ его работу. Талантъ Жандрона имѣетъ мало энергіи и смѣлости, но зато въ немъ много выраженія и поэзіи. Его *Виллы* произвели сильное впечатлѣніе на публику, хотя въ нихъ много неяснаго, недоконченнаго, неправильнаго. Теперь живописецъ сохранилъ все свои качества и недостатки; но эти послѣднія, замѣтныя только въблизи, на полотнѣ, совершенно исчезаютъ въ монументальной живописи. Школа реалистовъ можетъ быть найдеть, что фигуры слабо очерчены, что позы очень нѣжны, колоритъ недовольно ярокъ, но въ этомъ-то и заключается прелесть таланта Жандрона, что онъ изображаетъ все въ идеальномъ видѣ.

Картины его покрываютъ верхи стѣнъ залы и потолокъ. Въ четырехъ главныхъ отдѣленіяхъ изображены три фигуры женщинъ, представляющихъ часы дня. Восемь другихъ картинъ изображаютъ человѣческую жизнь и времена года. *Аврора*, *Утро* и *Полдень* сдѣланы превосходно.

Только кажется, что сюжетъ этой композиціи не совсѣмъ соответствуетъ назначенію зданія. Какое отношеніе между этими воздушными женщинами и контрольною палатою? Но дѣло не въ томъ: довольно то-

го, что вся эта работа исполнена отчетливо, старательно; что она прекрасна, хотя и не согласуется со всеми современными требованіями публики, которая любить въ искусствахъ, чтобъ ее поражали, пугали, приводили въ восторгъ. Въ такомъ случаѣ, Жандронъ не можетъ назваться моднымъ композиторомъ. Онъ не любитъ громовыхъ ударовъ, выстрѣловъ, саксофоновъ; его картины—это тихая, нѣжная мелодія, тревожащая сердце, но не заставляющая падать въ обморокъ.

О Парижскихъ театрахъ мы поговоримъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, тѣмъ болѣе, что въ это время явилось мало произведеній, достойныхъ вниманія. Поговоримъ только объ одной пьесѣ Одеона, имѣвшей значительный успѣхъ.

Un conseil, d'amі, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Поль счастливый супругъ Сесили, богатъ и любимъ женою и могъ бы жить очень покойно, какъ вдругъ пріѣзжаетъ къ нему другъ его дѣтства, школьный товарищ Гастонъ, который и поселяется въ домѣ молодыхъ. Поль думаетъ, что дружба не можетъ помѣшать любви, но онъ жестоко ошибается. Гастонъ, сблизясь съ женою друга, влюбляется въ нее и начинаетъ писать ей страстные стихи. Одно изъ стихотвореній попадаетъ въ руки мужа и тотъ хочетъ убить своего друга. Но одинъ старинный знакомый удерживаетъ его отъ преступленія и совѣтуетъ лучше наказать влюбленнаго другимъ способомъ. Съ этой минуты начинается для Гастона жизнь мученій. Поль заставляетъ своего друга работать, посылаетъ его со всевозможными комиссіями, и тотъ долженъ все переносить изъ любви къ Сесили, которая только смѣется надъ несчастнымъ молодымъ человѣкомъ. Наконецъ однако терпѣніе его лопнуло и онъ, отказываясь отъ всехъ порученій Поля, бросается къ ногамъ Сесили и признается въ любви. Гастонъ столько страдалъ, столько перенесъ неприятностей, что молодая женщина невольно сожалѣетъ о немъ, но въ эту минуту входитъ мужъ и видитъ, что совѣтъ пріятели не имѣлъ никакого дѣйствія, тѣмъ болѣе, что самъ этотъ пріятель ухаживаетъ за женою Поля. Мужъ хочетъ опять стрѣляться съ Гастономъ и съ совѣтователемъ, но жена миритъ его съ соперниками, объявляя имъ, что она любитъ одного мужа и что оба хорошо сдѣлаютъ, если отправятся путешествовать.

Маленькая эта пьеса написана такъ превосходно, ведена такъ искусно, что была бы не лишнею и на первомъ французскомъ театрѣ. Автора можно упрекнуть только въ томъ, что комедія его очень коротка. Онъ далъ прекрасный совѣтъ публикѣ и потому вѣрно самъ послушается полезнаго совѣта, и въ будущій разъ напишетъ такими же живыми стихами большую комедію. Пуршель подаетъ блестящія на-

дежды и публика вправѣ ожидать отъ него многого, послѣ таковой занимательной пьесы.

Нечего и говорить, что она была разыграна превосходно.

Знаете ли, кто въ настоящую минуту занимаетъ весь Парижъ? Это не герой, не политикъ, не знаменитый артистъ или художникъ, а скромный музыкантъ, Густавъ Надо, пѣсни и куплеты котораго поются вездѣ, гдѣ есть какой-нибудь инструментъ, насвистываются на улицѣ, играютъ всеми шарманками. Каждый гамеиъ знаетъ наизусть: *Посланіе*, *Добрый малый*, *Воздушное путешествіе*, *Наслѣдство* и, особенно, *Жандарма Пандора*, который въ состояніи размѣшить человѣка самаго задумчиваго, самаго занятаго. Довольно того, что Луи-Наполеонъ, котораго рѣдко кто видѣлъ улыбающимся, невольно размѣялся, слушая наивныя пѣсни Надо и его маленькую оперу *Le Docteur Vieux temps*, которая была играна блистательно любителями и любительницами.

Вотъ отчего веселаго артиста принимаютъ вездѣ съ восторгомъ, и аристократическіе салоны, точно также какъ общества артистовъ не могутъ обойтись безъ пѣсень Надо, которыхъ никто не споетъ съ такимъ увлеченіемъ, добродушіемъ и искусствомъ, какъ самъ авторъ.

А между тѣмъ, Надо совсѣмъ не учился музыкѣ, не готовился быть артистомъ, но съ молодыхъ лѣтъ вступилъ въ торговлю и былъ прикащикомъ въ одномъ изъ магазиновъ на площади побѣдъ. Но огонь поэзіи не потухаетъ и между товарами, и молодой Густавъ, самъ того не замѣчая, все напѣвалъ какіе то мотивы, мѣряя матеріи и когда ему поручали дѣлать счетъ, то онъ, вмѣсто цифръ, писалъ стихи или ноты. Надобно однако замѣтить, что Надо получилъ хорошее образованіе въ коллегіи Роллена и что страсть къ поэзіи развилась въ немъ, когда онъ училъ *Виргилія*, *Горація* и *Катулла*. Наконецъ артистъ почувствовалъ свои силы, бросилъ торговлю и явился въ обществахъ. Жюль Барбье и *Эмиль Ожье* представили его *Рашели*, гдѣ всѣ знаменитости собиравшись его слушать: *Араго*, *Альфредъ*, *Мюссе*, живописецъ *Жиро* захотѣли тоже насладиться его забавными пѣснями и наконецъ, высшее общество рѣшилось тоже посмѣяться отъ души и начало приглашать Надо на всѣ балы и рауты.

Вотъ уже третій годъ, какъ музыкантъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ и успѣхи его доказываются тѣмъ, что не только Парижъ, но вся Франція знаетъ его имя, такъ, что когда лѣтомъ онъ путешествовалъ для здоровья на югъ, то долженъ былъ перемѣнить свое имя, а то безпрестанныя приглашенія и угощенія въ каждомъ городѣ не допустили бы его и къ началу зимы доѣхать до водъ.

Мы уже сказали, что Надо не ученый музыкантъ; но въ немъ много счастливаго вдохновенія, музыкальнаго инстинкта, много ловкости и прелести, а главное—природнаго таланта, котораго нельзя добыть ученьемъ. Манера его настоящая французская и его маленькая опера можетъ почесаться зхомъ Гретри. Эта слава тоже завидная. Можно надѣяться, что Надо не остановится на этомъ и будетъ еще продолжать писать не только комическія цѣсны, но и оперы.

ЛОНДОНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Очеркъ Темзы. — Владѣтели Темзы. — Суда и матросы. — Размѣщеніе кораблей на Темзѣ. — Доки. — Набережныя и пристани. — Перѣздъ черезъ Темзу. — Пароходы. — Продовольствіе Лондона. — Съѣстные припасы. — Рыбный рынокъ. — Говядина въ Лондонѣ. — Дичь и зелень. — Фрукты. — Статистика торговыхъ заведеній.

Прошлый мѣсяцъ былъ такъ бѣденъ въ Лондонѣ новостями артистическими, театральными и литературными, что мы поневолѣ должны разсказывать о новостяхъ торговыхъ и промышленныхъ, играющихъ впрочемъ въ Англій роль чуть ли не важнѣе, нежели всѣ остальные новости. Бросимъ сначала взглядъ на рѣку, по которой доставляются въ Лондонъ почти всѣ торговыя и промышленныя повинки.

Путешественникъ, который захотѣлъ бы обозрѣть однимъ взглядомъ всю торговлю Темзы, лучше всего сдѣластъ, если проведетъ полчаса на колоннѣ, называемой просто *памятникомъ*. Для этого пусть выберетъ время утромъ пораньше, когда дымъ трехъсотъ тысячъ трубъ не покрылъ еще чернымъ покровомъ всей столицы. Пусть, заплативъ три пенса, взойдетъ онъ съ планомъ Лондона по 311 ступенямъ, устроеннымъ въ самой колоннѣ. Посмотрѣвъ тогда вокругъ себя, увидитъ онъ панораму, какой нѣтъ нигдѣ. На три мили къ сѣверу, на три къ югу, на четыре къ востоку, на пять къ западу, все пространство представится ему плотною массою жилищъ. На краю этой площади въ пятьдесятъ квадратныхъ миль есть и зелень, но съ вершины Памятника ее нельзя разглядѣть. Если онъ посмотритъ на верхнюю часть рѣки, то одинъ за другимъ увидитъ мосты: Лондонскій, Соутваркскій, Блакфрейерскій, Ватерлоскій, Гунгеръ-Фордскій, Вестминстерскій и, можетъ быть, Вокзальный. Внизъ по рѣкѣ, къ востоку, видно извилистое теченіе Темзы до Собачьяго острова. Выше Лондонскаго мо-

ста, послѣдняго, спускаясь по рѣкѣ, уже не видно кораблей, потому что они не могутъ проходить подъ мостами, но множество барокъ, плашкоутовъ и пароходовъ. Посредствомъ этихъ барокъ перевозится уголь съ судовъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ. Барки эти тяжелы и медленны на ходу, и ихъ безирестанно обгоняютъ маленькіе пароходы, быстро скользящіе между ними; нѣкоторые изъ нихъ ходятъ отъ Вулча и Гринича до Гунгерфорда и Вестминстера, другіе только вверхъ по рѣкѣ отъ Лондонскаго моста. Есть и Half reppu boats (лодки въ поль-пенни), которыя по цѣнѣ своей очень хороши.

Но настоящее коммерческое зрѣлище открывается ниже Лондонскаго моста. По всему протяженію южнаго берега возвышаются обширные амбары и магазины, наполненные произведеніями всѣхъ частей свѣта. Передъ ними причалены корабли. На другомъ берегу, Библингетскій рыбій рынокъ, пароходная набережная и таможня, передъ которыми только самое небольшое пространство земли, нужное для прибытія и отъѣзда судовъ.

Далѣе видѣнь лѣсъ мачтъ судовъ съ угольями (эта часть рѣки называется *Путь*), а тамъ дальше другой еще выше мачтовый лѣсъ кораблей, стоящихъ въ Лондонскомъ и Екатерининскомъ докахъ. За рѣкою видны Брейтонская и юго-восточная желѣзная дорога съ идущими по нимъ паровозами; видѣнь дымъ мануфактуръ и верфей, но людей не видать нигдѣ, кромѣ какъ на Лондонскомъ мосту и въ King William Street. Они слишкомъ малы, чтобъ ихъ можно было разглядѣть. И, однако же, тутъ движутся два съ половиною милліона существъ.

Юридическія столкновенія, происходящія по судоходству на Темзѣ, чрезвычайно любопытны. Лондонскіе цехи, адмиралтейство, заведеніе Trinity, всѣ имѣютъ свои отдѣльныя права, и всегда не согласны между собою о пространствахъ и границахъ этихъ правъ. Лордъ-меръ носитъ титулъ *Охранителя* Темзы, не только въ самомъ Лондонѣ, но и до Стейнса, вверхъ и внизъ по устью Медвея. По этому званію имѣетъ онъ засѣданія, въ которыхъ судъ присяжныхъ разбираетъ всѣ жалобы.

Адмиралтейство спорится съ Сити за право судоходства по Темзѣ. Общество Trinity имѣетъ право уничтожать запруды, опредѣлять грузъ и балластъ судовъ, воздвигать маяки и распределять лоцмановъ. Однимъ словомъ, на Темзѣ множество владѣтелей, и оттого дѣла идутъ худо.

Лондонскіе цехи назначаютъ офицеровъ, которымъ поручено надзирать за причаленіемъ и размѣщеніемъ судовъ. Судохозяева платятъ за это поль-пенни, или пенни, съ тонны. Есть навигаціонный комитетъ, состоящій изъ альдерменовъ и членовъ общиннаго совѣта (common-council) числомъ до пятидесяти. Онъ занимается опредѣленіемъ и размѣщеніемъ судовъ. Офицеры получаютъ отъ нихъ свои инструкціи.

Цехъ имѣетъ также рынокъ, или биржу, для продажи угля, и это дѣло подвержено такому множеству формальностей, такому числу агентствъ, что несчастная бочка угля не принадлежитъ уже сама себѣ съ минуты появленія ея въ Гревезендѣ до полученія ея потребителемъ.

Но, кромѣ цеховъ, адмиралтейства и общества Trinity, есть и другіе владѣтели Темзы. Агенты таможи почитаютъ ее своею собственностію, какъ бы своимъ товарнымъ анбаромъ, гдѣ они могутъ рыться сверху до низу. Власть таможи очень обширна. Уже девятьсотъ лѣтъ, а можетъ быть и болѣе, какъ всѣ приходящія въ Темзу суда подвержены власти таможи. Одинъ изъ саксонскихъ королей держалъ совѣтъ въ Вангаѣ (въ Беркшейрѣ), чтобъ опредѣлить пошлину, которую слѣдуетъ взимать въ Биллингсетѣ, гдѣ была тогда главная лондонская пристань. Рѣшено было брать съ малаго судна польпени, съ парусной барки пенни, съ корабля съ лѣсомъ—охабку дровъ, съ рыбачей лодки, смотря по величинѣ, польпенни, или пенни.

Въ феодальныя времена торговли Темзы составляла родъ монополіи, доходы которой раздѣляемы были между королемъ, рыцарствомъ и высшимъ духовенствомъ. Эту монополію захватили потомъ главные лондонскіе негодіанты. Они были иностранцы: фламандцы, генуэзцы, венеціане, ганзейцы, и жили на сѣверномъ берегу Темзы, гдѣ теперь Thames street. Тутъ у нихъ были анбары, кладовыя и пристани.

Настоящій лондонскій купецъ принадлежитъ уже къ новѣйшей исторіи. По мѣрѣ того, какъ торговля развивалась, правительство вводило болѣе и болѣе таможенныя пошлины. Въ 1589 году число пристаней назначено было *двадцать* между лондонскими мостами и Тоузромъ, и судохозяева обязаны были представлять поруки въ томъ, что они ничего не выгрузятъ, не выплативъ королевскихъ пошлинъ. Чрезъ нѣсколько времени учреждены были еще новыя пристани.

Большимъ пожаромъ 1666 года истреблено было зданіе таможи. Выстроили другое, которое тоже сгорѣло въ 1718 году. Простоявъ почти столѣтіе, оно сгорѣло въ 1814 году.

Нынѣшняя таможа отстроена въ 1817 году, послѣ величайшихъ затрудненій къ утвержденію фундамента. Не смотря на это, часть зданія обрушилась. Оно стоило полмилліона фунта стерлинговъ. Тутъ находится все управленіе великобританскихъ таможенъ. Половина доходовъ, получаемыхъ *со всѣхъ* таможенъ, собирается въ Лондонѣ. Таможенный департаментъ (Board of commissioners) облеченъ самыми обширными полномочіями. Онъ собираетъ болѣе двадцати милліоновъ фунтовъ стерлинговъ пошлинъ и имѣетъ въ распоряженіи своемъ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ агентствъ, которымъ производится ежегодно

жалованья до милліона фунтовъ стерлинговъ. Недавно въ Парламентѣ производилось судебное слѣдствіе о злоупотребленіяхъ этого управленія.

Мы уже сказали, что на Темзѣ много правителей, и оттого дѣла ея идутъ худо. И, однакоже, здѣшнее скопленіе кораблей самое многочисленное въ свѣтѣ. Остъ-индскіе (отъ 500 до 1500 тоннъ) привозятъ чай, кофе, сахаръ, пряности, шелкъ, индиго и хлопчатую бумагу; вестъ-индскіе: сахаръ, патоку, ромъ, кофе; сѣвероамериканскіе: табакъ, хлопчатую бумагу, хлѣбъ и множество другихъ издѣлій; южно-американскіе: рисъ, кофе, гуано, шкуры, сало; мексиканскіе разное дерево. Корабли Балтійскаго моря: строевой лѣсъ, смолу, пеньку, сало; изъ Испаніи и Португаліи: апельсины, изюмъ, вина; изъ Средиземнаго моря: хлѣбъ, вино, масло, фрукты; съ береговъ Западной Африки: золотой песокъ, слоновую кость, пальмовое масло, кокосовые орѣхи. Такимъ образомъ, не смотря на чрезвычайную торговую дѣятельность Ливерпуля, Глазго, Лейта, Гулля, Сундерланда, Бристоля, Соутгемптона, Дублина, Корка и др., Лондонъ одинъ занимаетъ четвертую часть всей англійской торговли.

Форны, соблюдаемыя для приходящихъ и отходящихъ кораблей, чрезвычайно многочисленны, сложны и тягостны. Это дѣльный курсъ особенной науки, которая изучается только на практикѣ и которая, впрочемъ, за немногими исключеніями, вездѣ одинакова.

Иностранные корабли, какъ приходящіе въ Темзу, такъ и выходящіе изъ нея, имѣютъ круглымъ числомъ по десяти человекъ экипажа. Угольные суда имѣютъ по восьми; каботажныя тоже; слѣдственно, ежедневно пріѣзжаетъ въ Лондонъ по тысячѣ матросовъ и столько же уѣзжаетъ. Участь этихъ матросовъ самая печальная. Покуда онъ на кораблѣ, онъ на родинѣ, въ кругу семьи своей, въ кругу друзей, все его знаютъ, всякой готовъ помочь ему; но какъ скоро онъ на сухомъ пути, онъ совершенно чужой всему міру, и на берегахъ Темзы больше, нежели гдѣ либо. Тутъ все ждуть его, чтобъ надуть и обобрать послѣднюю его трудовую копѣйку.

Чтобъ избавить этихъ бѣдняковъ отъ ожидающихъ ихъ опасностей, составилось, лѣтъ шестнадцать или восемнадцать тому назадъ, *заведеніе для матросовъ*, которое дѣйствуетъ самымъ похвальнымъ образомъ. Оно находится въ Well Street близъ Ваппинга и доковъ. Совѣтуемъ всякому путешественнику взглянуть на это заведеніе. Прежде всего входите вы въ обширную залу, на стѣнахъ которой вывѣшены все новѣйшія объявленія, нужныя для моряковъ. Вверху большая столовая, за нею кухня. Во второмъ этажѣ снальная, раздѣленная на множество отдѣльныхъ комнатокъ, гдѣ матросъ пользуется комфортомъ, какого не знаетъ на своемъ кораблѣ. Матросы платятъ въ этомъ заведеніи за

квартиру, пищу и стирку бѣлья по 10—14 шиллинговъ. Четыре раза въ день получаетъ онъ пищу и пользуется разными удовольствіями. Есть общая зала, гдѣ сходятся для разговоровъ и для куренья; есть библиотека, составленная изъ религіозныхъ книгъ и журналовъ; есть музей рѣдкостей; есть даже школа для плаванія. Матросы, ищущіе мѣсть, живутъ здѣсь иногда долго. Въ годъ перебиваетъ ихъ въ этомъ заведеніи до 6000 человекъ. Ежедневно могутъ почевать только 300.

На Темзѣ всего труднѣе найти кораблю мѣсто. Отъ Лондона до моря пятьдесятъ миль, и корабли должны на этомъ пространствѣ искать себѣ помѣщенія, удобнаго для своихъ товаровъ. Протяженіе это разделено на восемнадцать reaches, то-есть участковъ отъ одного изгиба рѣки до другаго. При приливѣ ширина Темзы имѣетъ у Лондонскаго моста 265 метровъ, у Тоннеля 322, у Вулича 448, у Пурфлита 635, у Гревезенда 130, а три мили дальше 1180.

До конца XVIII вѣка, полицейскія постановленія лондонской гавани были чрезвычайно дурны. Иногда по два мѣсяца стояли корабли и не могли разгружаться, потому что не все формальности были исполнены. Въ складочныхъ пакгаузахъ не было мѣста, и употребляли вмѣсто анбаровъ старые корабли. Часто грузы сахара лежали на набережныхъ и подвергались кражѣ и порчѣ. Ежегодная потеря отъ этого считалась въ 200,000 фунтовъ стерлинговъ.

Удивительнымъ покажется, что Лондонъ такъ долго терпѣлъ подобную систему, но нигдѣ нововведеніе не принимается такъ тяжело, какъ здѣсь. Всякій видитъ и чувствуетъ злоупотребленіе, но никто не смѣетъ коснуться до него. Въ 1793 г. начали составляться комитеты купечества для обсужденія этого предмета, начали печатать брошюры, и инженеры представили планы устройства новыхъ доковъ. Разумѣется, возсталъ сильная оппозиція. Всякій, пользовавшійся злоупотребленіемъ, хотѣлъ увѣковѣчить его. Только въ 1799 году парламентъ рѣшилъ построить доки между Лиммергоузомъ и Блэквелемъ. Они были открыты въ 1802 году. Послѣ того лондонскіе доки открылись въ 1803, ость-индскіе въ 1806; нѣсколько лѣтъ спустя еще четыре, а въ 1828, послѣдніе Екатерининскіе.

Извѣстно, что эти доки составляютъ глубокіе бассейны, окруженные набережными и складочными магазинами. Величина ихъ различна. Екатерининскій докъ занимаетъ 23 акра; лондонскій 100, вестъ-индскій 295, ость-индскій 100. Складочные магазины могутъ вмѣстить въ себѣ огромное количество товаровъ: екатерининскіе 110,000 тоннъ, лондонскіе 230,000 вестъ-индскіе 180,000. Кораблей же можетъ помѣститься: въ екатерининскомъ докѣ 120, въ лондонскомъ 500, въ вестъ-индскомъ еще больше. На нѣкоторыхъ докахъ устроено такъ хорошо, что

судно въ 250 тоннъ можетъ разгрузиться въ продолженіе двѣнадцати часовъ, на что прежде требовалось двѣ недѣли.

Вотъ нѣсколько цифръ о всеобщей торговлѣ Англій (и мы припоминаемъ еще разъ, что Лондонъ производитъ четвертую часть ея). Въ 1853 году привезено въ Англію: 900 милліоновъ фунтовъ хлопчатой бумаги, 90 милліоновъ фунтовъ шерсти, 7 милліоновъ фунтовъ шелку, 150 милліоновъ фунтовъ льну, 110 милліоновъ фунтовъ пеньки, 66 милліоновъ фунтовъ чаю, 54 милліона фунтовъ кофе, 750 милліоновъ фунтовъ сахару, 36 милліоновъ фунтовъ курительнаго табаку, 16 милліоновъ галлоновъ винъ и спиртныхъ напитковъ, 160 милліоновъ фунтовъ сала и пальмоваго масла, 110 милліоновъ фунтовъ риса, 7 милліоновъ кварталовъ хлѣба, 400 милліоновъ фунтовъ луку, 60 милліоновъ фунтовъ шкуръ и кожъ.

Въ томъ же году *вывезено* изъ Англій издѣлій хлопчато-бумажныхъ на 30 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, шерстяныхъ матерій на 11 милліоновъ, льняныхъ на пять милліоновъ; угля 4 милліона тоннъ, 90 милліоновъ штукъ горшечнаго мастерства; металлическихъ издѣлій на 13 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; соли 20 милліоновъ мѣръ.

Осмотримъ теперь внутренность доковъ. Это самое одушевленное зрѣлище коммерческой дѣятельности. Ворота доковъ открыты для каждаго, и мы сожалѣли бы о томъ путешественникѣ, который не нашелъ бы тутъ предметовъ для наблюденій. Здѣсь вы видите множество морскихъ картъ и инструментовъ мореходства. Далѣе продаютъ морскіе сухари, которые, повидимому, не поддадутся никакимъ зубамъ. Тутъ одежда матросовъ для всѣхъ временъ года; тамъ съѣстные припасы, сохраняемые во время самыхъ продолжительныхъ путешествій.

Между промышленниками замѣтны занимающіеся переселеніемъ эмигрантовъ. Все для нихъ тутъ приготовлено, какъ во время перѣзда, такъ и для самаго поселенія.

На воротахъ доковъ прилѣплены тысячи объявленій объ отплытіи кораблей во всѣ части свѣта, въ особенности въ Австралію. Описаны всѣ выгоды и удобства судна, и, разумѣется, съ поэтическими преувеличеніями, которыя многихъ потомъ заставляютъ раскayваться въ легковѣрности

Товары и жители доковъ еще любопытнѣе самыхъ кораблей. Здѣсь вы видите карету, отправляемую на Мысъ Доброй Надежды; тамъ пѣлыя горы коньяку, портеру и проч., около которыхъ прохаживается таможенный чиновникъ, вымѣриваетъ ихъ, пробууетъ, чертитъ на нихъ знаки. Тутъ ящикъ съ чаемъ, бочка съ сахаромъ, мѣшки съ мукою, и всѣ

эти громады разных товаров перетаскиваются то съ кораблей на берегъ, то съ берега на корабли тысячами носильщиковъ.

Любопытно посмотрѣть, какъ, ровно въ полдень, все это изродонаселеніе поспыщиковъ обѣдаетъ на ящикахъ, бочкахъ и мѣшкахъ. Обѣдъ ихъ состоитъ изъ холоднаго мяса съ хлѣбомъ и запивается пивомъ.

Передъ кораблями для переселенцевъ, видны толпы этихъ несчастныхъ, которые хлопчутъ о всѣхъ подробностяхъ отправления.

Для входа въ пакгаузы и погреба доковъ нужно особенное позволеніе. Складочные магазины табаку всего занимательнѣе. На пространствахъ нѣсколькихъ акровъ уставлены бочки, которыхъ число очень мудрою счесть. Между ними устроены аллеи для посѣтителей, но непривычный человѣкъ къ табачному духу скоро бываетъ принужденъ уйти.

Подобное же опьяненіе ощущаетъ и посѣтитель погребовъ. Кто получилъ позволеніе осмотрѣть докъ, тотъ можетъ и пробовать все вина. Пробные стаканы значительной величины, и всякій, подвергшись кромѣ того алкоголическимъ испареніямъ, выйдетъ отсюда въ нетрезвомъ видѣ.

Мы уже сказали, что на Темзѣ много хозяевъ, и это разноуправство наноситъ большой вредъ. Вотъ напримѣръ пріѣзжаетъ корабль; является на него таможенный приставъ и агентъ компаніи дока. Если ихъ донесенія разнятся въ чемъ-нибудь, назначается высшая коммиссія и начинаются споры и процессы. Года два тому назадъ, началось подобное дѣло между таможеню и лондонскимъ докомъ за нѣсколько мѣшковъ сахару. Оно стоило компаніи 10,000 фунтовъ стерлинговъ и столько же правительству. Компанія ничего не выиграла, а таможня проиграла много въ общественномъ мнѣніи. Чтобъ избавиться отъ этихъ процессовъ, теперь рѣшено, что если судохозяева не заплатятъ назначенныя пошлины, то товаръ сжигать.

Отъ Мильбанка до Блаквелля и отъ Воксала до Дентфорда существуютъ, кромѣ доковъ, тысячи пристаней, гдѣ корабли пристають для выгрузки и нагрузки. Иныя изъ этихъ пристаней назначены для сѣверныхъ провинцій Англіи, другія для Валлійскаго княжества, иныя для Ирландіи, другія для кораблей изъ чужихъ краевъ. Притомъ, въ каждой пристани свой отдѣльный товаръ.

Всякій любознательный путешественникъ долгомъ поставляетъ себѣ взглянуть на Биллинггетскій рыбный рынокъ въ Лондонѣ. Хотя англичане вообще небольшіе охотники до рыбы, но въ $2\frac{1}{2}$ милліонахъ жителей, разумѣется, многіе употребляютъ и ее. Въ прежнее время даже почему-то старались заставлять англичанина больше ѣсть рыбы, и въ

1813 году составилось даже одно общество высшаго сословія, старавшееся о доставленіи незажиточнымъ жителямъ известнаго количества рыбы по дешевымъ цѣнамъ. Но опытъ убѣдилъ потомъ, что лучше предоставить ходъ дѣль обыкновенному теченію. Рыболовы платятъ нѣкоторыя пошлины за право приставать къ Биллинггетскимъ набережнымъ. Телеги, привозящія рыбу, также подвержены этой платѣ. Вотъ количество рыбы, ежегодно привозимой на Биллинггетскій рынокъ: 400,000 штукъ живой трески, 750,000 въ боченкахъ, 1,600,000 соленой, 200,000 штукъ семги, 2,500,000 свѣжей вахи, 19,500,000 копченой, 97,000,000 камбалы, 23,000,000 миногъ, 200,000 свѣжихъ сельдей, 10,000,000 угрей; 20,000,000 мерлановъ, 36,000,000 палтусовъ, 1,200,000 головней, 500,000,000 устриць, 2,000,000 гомаровъ, 500,000,000 раковъ.

Другой рынокъ также заслуживаетъ вниманіе, а именно—хлѣбный. Большая часть зерновыхъ запасовъ привозится моремъ. За четыреста лѣтъ предъ симъ учреждены были въ Лондонѣ общественныя магазины, чтобъ сохранить цѣны на хлѣбъ въ средне-постоянныхъ цифрахъ. Но эта система произвела злоупотребленія и монополію. После пожара 1666 года, все эти заведенія сгорѣли и система оставлена. Сперва Корнгиль былъ главнымъ рынкомъ зерноваго хлѣба, а Bread-street базаромъ булочниковъ; но теперь все измѣнилось. Сперва хлѣбъ продавался прямо отъ хозяина потребителю, но въ концѣ XVI вѣка ввелась удобная система комиссіонерства, и съ-тѣхъ-поръ она сильно развилась. Привозный изъ чужихъ краевъ хлѣбъ подверженъ многимъ притѣснительнымъ формамъ. Пошлина съ хлѣба уничтожена, но хлѣбная торговля не освободилась еще отъ лердъ-мера, который собираетъ подати за мнимыя услуги, оказываемыя будто бы судамъ. Во время послѣднихъ хлѣбныхъ законовъ случилось, что нѣсколько тысячъ кварталовъ хлѣба бросили въ воду за неплатежъ пошлины.

Теперь времена вѣтранныхъ мельницъ. Близъ береговъ Темзы возвышаются великолѣпныя паровыя мельницы. Одна изъ нихъ, у Блакфрейрскаго моста, стоила 80,000 фунтовъ стерлинговъ. Въ ней устроено шестьдесятъ паръ жерновъ, которые могутъ смолоть по тысячѣ кварталовъ хлѣба въ день (3, 4 кварта = 4, 7 русскимъ четвертямъ).

Къ числу самыхъ замѣчательныхъ предметовъ лондонской торговли принадлежитъ уголь. Около 1666 года число привозимаго угля составляло 200,000 чальдроновъ (чальдрой равенъ 1308 фр. литръ, а литръ = 0,3 гарнца, то есть чальдронъ = полъ-ласту); въ 1688 количество это возрасло до 300,000, въ 1774 до 600,000, въ 1823 дошло до 1,200,000, въ 1831 до 1,600,000, наконецъ въ

1842 дошло до 2700,000 тоннъ. Всѣ угольные суда становятся по Темзѣ на мѣстѣ, называемомъ *Пуль*. Доковъ нѣтъ еще для нихъ, но начинаютъ строить противъ Вулича. Угольная торговля занимаетъ въ Лондонѣ 40,000 человекъ. Теперь привозится ежегодно до 3,500,000 тоннъ. Число угольныхъ судовъ простирается до 3000, совершающихъ въ годъ по пяти рейсовъ. Пошлина, получаемая съ угля, составляетъ ежегодно 200,000 фунтовъ стерлинговъ.

Въ продолженіе семи или восьмисотъ лѣтъ существовалъ въ Лондонѣ только одинъ мостъ. За сто лѣтъ тому назадъ построили Вестминстерскій. Сомнительно, чтобъ Бритты и Римляне имѣли мостъ чрезъ Темзу. Исторія упоминаетъ только объ Англо-Саксахъ, построившихъ въ 1000 году первый мостъ въ Лондонѣ. Онъ былъ деревянный и, во время одного сраженія между саксонцами и датчанами, разрушенъ. Онъ потомъ былъ возобновленъ и существовалъ при Вильгельмѣ Завоевателѣ. Буря снесла его въ 1091. Будучи вновь выстроенъ, онъ сгорѣлъ въ 1136. Въ 1176 начато построеніе каменнаго моста, бывшее весьма продолжительнымъ. Издержки на построеніе назначались съ пошлины на шерсть. Это родило поговорку, что лондонскій мостъ построенъ на шерстяныхъ тюкахъ. Онъ представлялъ странное зрѣлище, со множествомъ построенныхъ на немъ домовъ. Болѣе шести вѣковъ простоялъ онъ. Дома на немъ нѣсколько разъ горѣли и окончательно исчезли въ 1760. Закономъ 1823 года рѣшено было выстроить новый. Первый камень положенъ былъ въ 1825 году, а въ 1831 онъ открытъ. Онъ стоилъ 8,000,000 фунтовъ стерлинговъ.

Съ царствованія Елисаветы до Георга I неразъ старались исходатайствовать позволеніе о построеніи моста у Вестминстера. Но цехъ лодочниковъ, содержащихъ перевозы, противился этому. Однако же мостъ наконецъ выстроенъ былъ въ 1750 году. Теперь почти разрушается. Блакфрейерскій мостъ открытъ былъ въ 1769. Фундаментъ его непроченъ и возбуждаетъ всегдашній опасенія.

Послѣ него, по хронологическому порядку, слѣдуетъ Баттерзейскій мостъ, оконченный въ 1771 году. Тяжелыя деревянные сваи и двадцать арокъ представляютъ некрасивую картину. Воксальскій мостъ открытъ въ 1831 году. Онъ изъ желѣза, и очень красивъ.

Въ 1817 г. открытъ былъ самый великолѣпный мостъ въ Англіи — Ватерлосскій. Замѣчательно, что онъ совершенно горизонтальный, и это устройство стоило значительныхъ издержекъ. Его строилъ Ренно.

Въ 1819 открытъ Оутваркскій мостъ, самой смѣлой архитектуры изъ всѣхъ желѣзныхъ мостовъ. Средняя его арка въ 240 футовъ ширины.

Последній лондонскій мостъ Гунгерфордскій. Онъ оконченъ въ 1845 году, и, будучи висячимъ, собственно построенъ для однихъ пѣшеходовъ. Теперь строятъ другой висячій мостъ между Чельзійскимъ госпиталемъ и Battersea-Fields. Что же касается до Путнейскаго, Гаммерсмитскаго и Кьюскаго мостовъ, они за чертою Лондона.

На этихъ мостахъ всегда чрезвычайное движеніе. До 600,000 жителей ежедневно имѣютъ надобность въ сообщеніи, и число экипажей, лошадей и людей, съ ихъ стукомъ, говоромъ, шумомъ, превосходятъ всякое описаніе. Исчислено было однажды, сколько каретъ переѣзжаетъ по Лондонскому мосту, а именно 13,063,080 пѣшеходовъ, 1,114 верховыхъ.

На городской чертѣ платятся нѣкоторыя пошлины. Карета съ людьми и товаромъ, принадлежащая лондонскому гражданину (freeman), свободна отъ платы; но карета гражданина, везущая товаръ челоуѣка, не имѣющаго этого званія, платитъ пени. Карета же не-гражданина и съ товарами не-гражданина, платитъ вдвое. Сборъ этотъ отдается городомъ на откупъ за 6,000 фунт. стер. Эта сумма назначена на устройство новой улицы, отъ Гольборнъ-Бриджа къ Клеркенвиллю, которая вѣроятно окончится къ 1955 году.

Кромѣ всѣхъ этихъ мостовъ, есть еще путь чрезъ Темзу, а именно: *тоннель*. Всякій путешественникъ почитаетъ своею обязанностію осмотрѣть его. Извѣстно, что строитель его, Бруннель, началъ работать въ 1826 году, что тоннель неразъ былъ наводняемъ прорывомъ водъ, но что наконецъ открытъ былъ для пѣшеходовъ въ 1842 году. (Планъ о проѣздѣ экипажей не былъ исполненъ). Онъ стоилъ 400,000 фунтовъ стерлинговъ. Пѣшеходы платятъ пенсъ, и сбора этого едва достаетъ на содержаніе. Можетъ быть, нѣкогда употребленъ онъ будетъ для какой-нибудь желѣзной дороги, но неменѣе того — приносить величайшую честь своему геніальному строителю.

Весь цехъ лондонскихъ лодочниковъ постановленіемъ 1558 года отдавъ былъ подъ надзоръ восьми инспекторовъ, избираемыхъ лордъ-меромъ и совѣтомъ альдерменовъ. Изъ этого постановленія видно, что этотъ цехъ пользовался тогда не очень хорошею репутаціею. Тогда же былъ учрежденъ и тарифъ за переѣздъ съ одного берега на другой, или вдоль береговъ на извѣстныя разстоянія. Въ это время аристократія и богачи много и часто ѣздили водою. Лѣстницы большихъ домовъ на Страндѣ и въ Вейтгаллѣ выходили на рѣку, гдѣ у пристани стояли собственныя лодки и ливрейныя лодочки. Впрочемъ, у цеховыхъ лодочниковъ было много работы. Въ тогдашнее время трудно было добраться сухимъ путемъ изъ Лондона въ Вестминстеръ. Всѣ предпочитали ѣздить водою.

Но всему на свѣтѣ свое время. Завелись въ царствованіе Елисаветы кареты, а въ наше время пароходы, и лодочникамъ остался только переездъ съ одного берега на другой.

Сообщеніе между Лондономъ и Гревезендомъ было всегда довольно важно, и въ 1401 году дана была гревезендскимъ жителямъ привилегія на содержаніе судовъ по этому сообщенію. Это продолжалось до 1815 года. Тутъ первый пароходъ *Марджер* сталъ тоже ходить въ видѣ плавниковъ, а въ 1825 году пароходы перевезли 25,000 пассажировъ въ годъ изъ Лондона въ Гревезендъ. Въ 1833, число это возрасло до 300,000. Бѣдныя парусныя лодки мало-по-малу исчезли, и теперь уже нѣтъ ни одной, а число пассажировъ, перевозимыхъ пароходами, дошло до милліона въ годъ.

Пароходы выше Лондонскаго моста не спускаются никогда ниже его, и здѣсь движеніе удивительное. За полъ-пенни возятъ пароходы отъ Лондона до Адельфа по 40,000 человекъ въ недѣлю. За пенни ѣдутъ до Вестминстера; за два и за три пенса ѣдутъ до Баттерзейскаго моста.

Ниже моста пароходы многочисленны и работа ихъ труднѣе. Они возятъ въ Гриничъ, Блэквелль, Вулвичъ за четыре и шесть пенсовъ. Иные доѣзжаютъ до Соутъ-Энда, Ширниса, Гернъ-Бей, Маргета и Рамсгета. Сюда уже ѣздить только по дѣламъ, а не для прогулокъ, потому что морская болѣзнь уже тутъ ощутительна.

Ознакомясь съ Темзой, въ ясное, лѣтнее утро войдите на верхній шпиль собора Св. Павла, и вы увидите подъ ногами вашими обширнѣйшее пристанище людей, какое когда-либо скопилось на одномъ мѣстѣ. Еслибъ можно было подняться и еще выше шпиля, вы увидѣли бы, что эта живая панорама разливается и за волны, окаймляющія бассейнъ, посреди котораго вы находитесь. Два съ половиною милліона столпились тутъ. Это вдвое, нежели все народонаселеніе Норвегіи, болѣе нежели во всей Швейцаріи съ ея сотнями долинъ, и почти столько же, какъ въ Голландіи, со всеми ея цвѣтущими гаванями и плодоносными равнинами.

Вскорѣ вы начинаете разсматривать, что городъ просыхается. Со всехъ сторонъ поднимаются столбы дыма, раздается стукъ колесъ, молотковъ, голосовъ, и вамъ тогда невольно придетъ въ голову вопросъ: какимъ образомъ все эти два съ половиною милліоновъ людей получаютъ ежедневно свое продовольствіе?

Въ Лондонѣ не берутъ акциза съ привозимыхъ въ городъ съѣстныхъ припасовъ, и потому *официальной* статистики продовольствія нѣтъ, но есть много другихъ вѣрныхъ и подробныхъ свѣдѣній.

Начнемъ съ Рыбнаго рынка, потому, что рыба составляетъ теперь любимое и чаще всего подаваемое блюдо на столѣ англичанъ. Близъ Лондонскаго моста находится рынокъ, называемый Billingsgate. Только здѣсь можно покупать рыбу *оптомъ*, и торговля эта происходитъ ежедневно съ пяти до семи часовъ утра. Въ прежнее время, все количество привозимой сюда рыбы шло водою; теперь желѣзныя дороги замѣнили лодки и пароходы. Лондонъ—это паукъ, который во все стороны растянулъ свои желѣзныя лапы и тащитъ ими все въ свою средину. Прежде, нежели жители его проснулись, уже все свезено для ихъ продовольствія. Такъ напримѣръ, ямутскіе рыбаки ловятъ каждый вечеръ, во все продолженіе рыболовнаго времени, по сту тоннъ (12,081 тонну въ годъ) сельдей, и все это количество на другое утро привозится на Биллингсетскій рынокъ по линіи восточныхъ дорогъ. По юго-западной дорогѣ такимъ же порядкомъ привозится 4,000 макрелей. По сѣверо-западной линіи свозятъ всю ежедневную ловлю по берегамъ Ирландіи, Шотландіи и сѣверо-западной Англій до 3,578 тоннъ, болѣе всего семги; тогда по большой сѣверной дорогѣ получается 3,248 тоннъ. Большая западная линія привозитъ 1,500 тоннъ съ береговъ Корнаваллиса и Девоншейра. Брейтѳонская же и южная дороги доставляютъ 15,000 ящиковъ устрицъ и 4,000 тоннъ рыбы.

Слѣдственно, ночью, въ то время, какъ Лондонъ спитъ, къ нему везутъ по вышеозначеннымъ дорогамъ всю рыбу, которая поутру продается на мѣстѣ, развозится и разносится на лоткахъ.

Въ первые часы рыбной продажи все тихо и спокойно. Агенты, перекупщики разбираютъ весь привозъ и раздѣляютъ свои участки разносчикамъ по кварталамъ. Въ семь часовъ, когда эта оптовая закупка кончилась, вторгаются на рынокъ удлинныя торговцы, и по типу физиономій ихъ видно, что это евреи. Богатые изъ нихъ покупаютъ каждый день на 50 фунт. стерл. (300 руб. сер.), перепродавая потомъ по мелочамъ и съ барышемъ. Другіе складываются между собою для этой операціи.

Впрочемъ, эти торговцы обнаруживаютъ чрезвычайную дѣятельность. Если на Биллингсетѣ мало рыбы, они тотчасъ же являются на Ковентгарденскомъ овощномъ рынкѣ, и лотокъ ихъ, вмѣсто рыбы, покрывается сливами. Но если, напротивъ того, привезено экстренное количество корюшки, камбалы, то мелочные торговцы тысячами вдругъ нахлынутъ: ихъ бываетъ тамъ до 5,000 человекъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, все устрицы привозились водою. Но недавно нашли большую устричную банку посреди Ламаншекаго пролива, между Шоргемомъ и Гавромъ: она длиною сорокъ миль и всеѣмъ

доступна. Это сдѣлалось теперь источникомъ богатства для рыболововъ, которые тотчасъ отправляютъ свой ловъ по Брейтонской и Южной дорогѣ прямо въ Лондонъ, избѣгая такимъ образомъ городскихъ рыночныхъ пошлинъ.

4-го августа открывается по здѣшнему обычаю продажа устрицъ; но Ламанскія очень велики, и въ высшемъ обществѣ не употребляютъ ихъ. Въ Биргамъ (Эссекскомъ графствѣ) разводятъ ихъ искусственнымъ образомъ. Съ эпохи метанія икры нужно три года для продажи устрицъ. Для лучшаго вкуса кормятъ ихъ овсяною мукою. Впрочемъ, ихъ изъ Лондона развозятъ въ огромномъ количествѣ и по другимъ городамъ.

Въ концѣ августа начинается главный ловъ сельдей. Ярмутъ составляетъ средоточіе этой промышленности. Каждую ночь, въ хорошую погоду, бросаютъ здѣшніе рыболовы болѣе 3,000 квадратныхъ миль неводовъ. Все пойманное количество ежедневно отправляется въ Лондонъ по восточной желѣзной дорогѣ.

Послѣ ловли сельдей, самая важная ловля корюшки, показывающейся около эпохи вступленія въ должность лордъ-мера, и, по обычаю, первое блюдо этого лова подносится ему. Послѣ корюшки идетъ палтусъ до конца мая. Тогда уже Шотландія и Ирландія начинаютъ высылать лососину. Что же касается до гомаровъ, то ихъ привозятъ изъ Франціи, съ Ламанскихъ острововъ, Оркадскихъ и Шотландскихъ. Ихъ до 20,000 штукъ ловятъ каждую ночь и по привозѣ въ Лондонъ тотчасъ же опускаютъ въ кипятокъ. Въ этомъ видѣ они еще могутъ держаться дни три. Крабы же (морскіе раки) прежде убиваются иглою въ голову, а иначе если ихъ варить живыми, то лапы ихъ отдѣляются.

Вотъ статистическая таблица количества рыбы, доставляемой на лондонскій рынокъ:

Лососины и форелей	406,000	штукъ.
Трески	400,000	—
Палтуса	97,510,000	—
Мерлана	17,920,000	—
Камбалы	34,130,000	—
Макрелей	23,520,000	—
Сельдей	1,225,000,000	—
Угрей	9,800,000	—

Соленой рыбы:

Трески	2,350,000	—
Сельдей	197,000,000	—

Черепокожныхъ:

Устриць	496,000,000	штукъ.
Гомаровъ	1,200,000	—
Крабовъ	600,000	—
Разныхъ раковинъ	925,000,000	—

Посмотримъ теперь на болѣе питательную пищу.

Англія всегда славилась отличными быками. Если въ васъ довольно мужества, чтобъ пуститься въ одну изъ ужасныхъ улицъ около Смит-фильда, то вы увидите неправильную площадь въ два съ половиною гектара, окруженную грязными жилищами и полуразвалившимися заборами. Сюда сгоняютъ весь скотъ и бьютъ его. Бойня дѣйствуетъ во второмъ часу ночи ежедневно. Наибольшее число убиваемаго здѣсь скота бываетъ передъ Рождествомъ, а именно: до 4100 быковъ и 30,000 барановъ, кромѣ телятъ и свиней. Полиція и врачебная управа не смотрятъ за этою бойнею, и потому все, что здѣсь дѣлается, не только нельзя разсказать, но даже и вообразить. Мученія, въ которыхъ издыхаетъ животное, портить мясо его въ однѣ сутки.

Почти все число скота привозится желѣзными дорогами, а сухопутнаго пригона очень мало. Восточная линія перевезла въ 1853 году 81,744 быка и 277,735 барановъ; сѣверо-западная дорога 70,435 быковъ и 248,445 барановъ.

Изъ чужихъ краевъ привозится болѣе седьмой части лондонскаго продовольствія. Вотъ таблица этого привоза со списковъ таможни:

Изъ Голландіи, быковъ	40,538	штукъ.
— — барановъ	172,730	—
— — телятъ	24,280	—
— — свиней	9,370	—
— Даніи: быковъ	9,487	—
— — барановъ	7,515	—
— — телятъ	60	—
— Ганзеатическихъ городовъ: быковъ	4,366	—
— — барановъ	37,433	—
— — свиней	632	—
— Бельгіи . . . . . быковъ	449	—
— — барановъ	12,006	—
— — телятъ	1,244	—
— Франціи . . . . . быковъ	100	—
— — барановъ	224	—
— — телятъ	135	—
— — свиней	139	—

Изъ Португаліи	быковъ	100 штукъ.
— Испаніи	быковъ	17 —

Въ прошломъ году привезено по желѣзнымъ дорогамъ на лондонскій рынокъ 36,487 тоннъ битаго скота.

Такимъ образомъ, все продовольствіе Лондона мясомъ представляетъ слѣдующія достовѣрныя статистическія цифры:

Быковъ	483,000 штукъ.
Барановъ	2,140,000 —
Телятъ	133,000 —
Свиной	159,000 —

Все это количество представляетъ цѣнность въ 14,000,000 фунт. стерлинговъ.

При продажѣ мяса существуетъ законъ, что если оно окажется испортившимся, то представляется въ полицію, которая тотчасъ же сожигаетъ его, а продавецъ обязанъ выдать свѣжее.

Но достовѣрныя свидѣтельства доказываютъ, что бѣольшая часть испортившагося мяса перекунается мелкими кушцами, которые за дешевую цѣну (по одному пенсу за фунтъ, 3 коп. сер.), продаютъ его бѣднымъ. Даже эта опасная торговля усилилась въ послѣднее время такъ, что одинъ торговый домъ еженедѣльно продавалъ этого мяса на 500 фунтовъ стерлинговъ (3000 руб. сер.).

Дичь и домашнія птицы продаются въ Леденгалтѣ и Нью-Гетѣ; въ особенности первый получаетъ двѣ трети всего запаса. Источники привоза и доставки не такъ многочисленны, какъ бы можно было вообразить. Шотландскія горы и Юркшейръ высылаютъ почти все количество живности. Фазаны и куропатки доставляются Норфолькскимъ и Сьюфолькскимъ графствами; бекасы и дикія утки изъ Голландіи. Изъ Остенде ежегодно привозятъ въ Лондонъ 600,000 ручныхъ кроликовъ; гусей изъ Ирландіи; свирестели изъ Египта и Южной Европы.

По западной желѣзной дорогѣ ежегодно привозятъ 1400 тоннъ куръ, гусей и утокъ. Изъ Франціи привозятся все голуби; оттуда же получается до 75 милліоновъ яицъ.

Вотъ таблица ежегодной продажи дичи и живности на Леденгалтскомъ и Нью-Гетскомъ рынкахъ. Разумѣется, сюда не вошло количество отдѣльно выписываемое разными домами:

Глухарей	100,000 штукъ.
Куропатокъ	135,000 —
Фазановъ	70,000 —
Бекасовъ	80,000 —
Дикихъ птицъ	150,000 —

Зуйковъ	150,000	штукъ.
Свирестелей	30,000	—
Жаворонковъ	400,000	—
Полевыхъ чирковъ	100,000	—
Дикихъ утокъ	200,000	—
Голубей	400,000	—
Куриць и пулярокъ	2,000,000	—
Гусей	100,000	—
Утокъ	350,000	—
Индѣекъ	104,000	—
Зайцевъ	100,000	—
Кроликовъ	1,300,000	—

Семь лондонскихъ желѣзныхъ дорогъ привозятъ въ годъ до 7,870 тоннъ дичи и живности.

Какъ въ самомъ городѣ, такъ и предмѣстьяхъ, находятся 20,000 коровъ. Этого конечно недостаточно для продовольствія Лондона, даже съ помощію разбавки молока водою, но и тутъ желѣзныя дороги помогаютъ недостатку. Восточная дорога привезла въ прошломъ году въ Лондонъ 3,174,179 литръ молока, сѣверо-западная 144,000, западная 23,400, брейтонская 100 тоннъ, а сѣверная до 140,000 литръ. Молоко привозное скупается здѣсь 1347 агентами, которые и рассылаютъ его по всему городу. Со временемъ, вѣроятно, исчезнуть всѣ коровы въ Лондонѣ, а будутъ довольствоваться привознымъ молокомъ, которое дешевле, но только скорѣе портится.

Часть овощей и фруктовъ, привозимыхъ на лондонскіе рынки, а въ особенности въ Ковентгарденъ, воздѣлывается въ окрестностяхъ города, гдѣ до 4,800 гектаровъ земли подъ огородами и 2000 подъ садами. Благодаря искусственному воздѣлыванію, здѣсь получается отъ четырехъ до пяти сборовъ въ годъ. Таже телега, которая поутру везетъ на рынокъ овощи и фрукты, возвращается съ навозомъ для удобренія земли. Нѣтъ ни дюйма бесполезной земли. Подлѣ самыхъ яблонь растетъ капуста; между кустами малины посажено селлери. Сорной травы ни листка. Для истребленія насѣкомыхъ, огородники покупаютъ себѣ жабъ по шести шиллинговъ за дюжину.

Однакоже, мало-по-малу увеличивающееся народонаселеніе вытѣсняетъ огороды далѣ въ поле. Теперь до 80 гектаровъ обрабатываются для земляники и 2 гектара для шампиньоновъ. Вообще огородничествомъ занимаются 35,000 человекъ.

Въ Лондонѣ ятъ рынковъ для продажи овощей и фруктовъ: Ко-

вентгарденъ, Спитафильдсъ, Боро, Фаррингдонъ и Портменъ. Первый значительнѣе всѣхъ.

Фруктовъ нынѣ чрезвычайно много ввозится изъ чужихъ краевъ.

Вотъ, напримѣръ, что въ одну ночь привезено по юго-восточной желѣзной дорогѣ:

Зеленаго гороха, изъ Франціи.	100 тоннъ.
Плодовъ, изъ Кента	50 —
Большихъ лѣсныхъ орѣховъ, оттуда же.	10 —
Грушъ, оттуда же.	25 —
Черной смородины, изъ Франціи	10 —

По сѣверной желѣзной дорогѣ привезено въ прошломъ году 45,819 тоннъ картофеля и 1940 другихъ овощей.

Вообще, по книгамъ желѣзныхъ дорогъ оказывается, что на семи линіяхъ привозится ежегодно въ Лондонъ до 70,000 тоннъ овощей и фруктовъ.

Ананасовъ привозится до 200,000 штукъ съ Богемскихъ острововъ, гдѣ они рождаются въ дикомъ состояніи. Дыни получаютъ изъ Испаніи, Португаліи и Голландіи. Апельсиновъ привозится до 60,000,000 штукъ въ годъ; лимоновъ до 15,000,000.

Вотъ таблица таможеннаго ввоза иностранныхъ фруктовъ:

Яблоковъ.	39,561 мѣръ.
Грушъ	19,742 —
Вишень	264,240 фунтовъ.
Винограду	1,328,190 —
Ананасовъ	200,000 штукъ.
Апельсиновъ	61,635,000 —
Лимоновъ.	15,408,000 —
Испанскихъ орѣховъ	72,509 мѣръ.
Бразильскихъ —	11,700 —
Каштановъ	26,250 —
Орѣховъ	36,088 —
Кокосовыхъ орѣховъ.	1,255,000 штукъ.

Потребленіе хлѣба можетъ быть исчислено только приблизительнымъ образомъ; но, по статистическимъ таблицамъ, количество это простирается до 413,700,000 хлѣбовъ, по два фунта въ каждомъ.

Пива потребляются здѣсь цѣлыя рѣки. Семнадцать большихъ лондонскихъ пивоваренъ употребили въ прошломъ году 745,050 кварталеровъ солода. Каждый кварталеръ даетъ три боченка съ половиною пива, то есть всего 1,614,675 боченковъ. Одинъ пивоварный домъ Трумана и комп. заплатилъ акциза 180,000 фунт. стерл.

Хорошее качество здѣшняго пива приписываютъ водѣ. Но ее берутъ не изъ Темзы, а изъ глубокихъ, нарочно вырытыхъ колодезь.

Вотъ статистическая таблица ремесль и лицъ занимающихся ими въ Лондонѣ.

Продавцевъ пряностей	7,151	человѣкъ.
Молочниковъ	4,530	—
Сырниковъ	2,156	—
Мясниковъ	10,719	—
Птичниковъ	551	—
Рыбниковъ	2,389	—
Торгующихъ разными домашними животными	1,659	—
Торгующихъ овощами	4,266	—
Булочниковъ	10,321	—
Кандитеровъ	2,348	—
Зеленщиковъ	2,242	—
Трактирщиковъ	743	—
Пивоваровъ	2,499	—
Содержателей кабаковъ	12,255	—
Погребщиковъ	1,930	—
Другихъ продавцовъ спиртныхъ напитковъ	4,242	—
Соловаровъ	37	—
Водоносовъ	428	—
Итого	70,484	—

Ограничимся на этотъ разъ этими любопытными цифрами и выводами, отложивъ до другаго мѣсяца все прочія лондонскія новости.

IV.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА.

1. ЖУРНАЛИСТИКА.

Февральскія книги журналовъ. — Поэма г. Жемчужникова. — Стихотворенія «Отечественныхъ Записокъ». — Повѣсть Ольги Н*. — Двойная любовь и сентиментальныя героини. — Богатство серьезныхъ статей. — Журналистика, ея направленіе и мнѣнія. — «Тонкій человекъ», г. Некрасова. — Повѣсть г. Писемскаго и сужденіе объ ней рецензента Петербургскихъ Вѣдомостей. — Стихотворенія «Современника». — Критическая статья о новомъ изданіи сочиненій Пушкина. — Недостатки этого изданія. — Старыя замашки новаго поэта. — Персидскія пародіи на русскія стихотворенія. — Поэма г. Мея. — Повѣсть г. Михайлова и главы въ пять строкъ. — Журналистика и фельетонъ. — Замѣтки петербургскаго жителя и его жалобы на свою горькую долю. — Настоящая *Горькая доля*. — Последняя книга «Москвитянина» за прошлый годъ. — Стихи и проза.

Вторая книга «Отечественныхъ Записокъ» занимательна не менѣе первой. Она начинается поэмой г. Жемчужникова: «Мой знакомый», но—да не ужасаются читатели, давно уже отвыкшіе отъ поэмъ: напечатана всего первая глава, двадцать девять строфъ, по одиннадцати строкъ въ строфѣ, стало быть, предстоитъ одолѣть меньше трехъ-сотъ стиховъ; это еще сносно. Сверхъ того, стихи г. Жемчужникова легонькіе, гладень-

кіе, и читаются очень удобно: нигдѣ не заинешься на поэтической картинѣ, не остановишься на свѣтлой мысли, не задумаешься надъ теплымъ чувствомъ. Самая идея его поэмы до того проста, что только изъ учтивости не назовешь ее пустою. «Знакомый» г. Жемчужникова уже очень давно знакомъ и читателямъ по множеству другихъ произведеній съ подобными же героями: это ни больше, ни меньше, какъ человѣкъ, подававшій большія надежды и, разумѣется, не осуществившій ихъ. Само собою разумѣется также, что въ первой главѣ этой поэмы объ авторѣ ея говорится гораздо больше, нежели о самомъ героѣ; изъ нея мы узнаемъ, что поэтъ очень любитъ цитястоппный ямбъ (напрасно только авторъ увѣрять, что въ этомъ размѣрѣ нѣтъ цезуры; она бываетъ попеременно на второй или на третьей стопѣ и безъ нея нельзя составить стиха); видно также, что авторъ съ пользою читалъ и изучалъ стихотворенія Лермонтова; онъ беретъ изъ него цѣлые стихи, одни отиѣчая, какъ заимствованные, а о другихъ умалчивая, какъ напримѣръ о томъ, въ которомъ говорится о безбрежномъ колыханьи травъ... Жаль, что г. Жемчужниковъ не заимствовалъ у Лермонтова и его строгости въ отношеніи къ отдѣлкѣ стиха, потому что, не смотря на гладкость поэмы вообще, въ ней попадаются все-таки стихи изысканные и неправильныя выраженія, въ родѣ «безтруднаго пути, тихошественной рѣчи поэмы, рнемъ въ родѣ: *runctum* и *пунктамъ*, или цѣлыхъ плохихъ стиховъ въ родѣ слѣдующихъ:

И отъ цвѣтовъ *нарядныхъ* аромать
Струями свѣжими поитъ роскошный садъ

или:

Порокъ, съ которымъ спорить *нѣту* средства;
Владычествомъ его я *тлагощусь*:

Черезъ-чуръ оригинальна также слѣдующая мысль автора:

По мнѣ, десятокъ дюжинныхъ головъ
Полезнѣй геніальной единицы.

Не поздравляемъ его съ этимъ открытіемъ. Самая лучшая строфа поэмы послѣдняя; въ ней авторъ обѣщаетъ не скоро вторую главу поэмы.

Кромѣ «Знакомаго» помѣщено въ этой книгѣ еще пять стихотвореній. Первое изъ нихъ тысяча первое повтореніе старой мысли: поэтъ ѣдетъ въ телегѣ, вокругъ него скучныя поля, колокольчикъ звенитъ грустно. Все это весьма обыкновенно, кромѣ послѣднихъ двухъ стиховъ, отличающихся высокимъ слогомъ, теперь уже очень рѣдко встрѣчающимся:

И просторъ меня *объемлетъ*
Безглагольной пустотой.

Четыре стихотворенія г. Полонскаго довольно слабы; нѣсколько лучше другихъ первое и послѣднее: «Въ глуши» и «Спасибо», но и въ нихъ нѣтъ ни одной свѣтлой мысли, ни одного счастливаго выраженія, надъ которыми можно было бы остановиться. Для другаго поэта эти стихи были бы очень не дурны; отъ г. Полонскаго мы вправѣ требовать лучшаго.

«На весь свѣтъ не угодишь», повѣсть Ольги Н*, произведеніе весьма замѣчательное, хорошо задуманное и исполненное. Двойная любовь Брежнева къ немножко-положительной Мадленѣ и немножко-сентиментальной Алинѣ—развита мастерски, и всѣ измѣненія этой любви очерчены умно и занимательно; аксессуарныя лица также очень хороши; спокойный Елецкій и долговязый Васинька какъ нельзя больше вѣрны дѣйствительности. Въ особенности конецъ повѣсти производитъ сильное впечатлѣніе своею неожиданностью и сжатостью. Алина такъ просто, такъ спокойно рѣшается уѣхать въ Петербургъ къ призывающему ее Брежневу, что невольно уважаешь эту женщину за ея высокую страсть, за жертву, приносимую такъ благородно. Это лицо возбуждаетъ невольное участіе и понравится каждому гораздо больше Мадлены Елецкой, которая даже не совсѣмъ ясно обрисована авторомъ. Если она хотѣла только поиграть въ любовь съ Брежневымъ, въ такомъ случаѣ истинной любви къ нему быть не могло, и не зачѣмъ было приходить въ отчаяніе, когда Брежневъ оставилъ ее; а если была любовь, то разрыва такого быстрого быть не могло, и истинное чувство должно было взять свое. Брежневъ, конечно, не обратился бы къ Алинѣ, еслибы Мадлена полюбила его. Читатель сначала даже болѣе расположенъ къ Мадленѣ, и только въ самомъ концѣ повѣсти обращается къ Алинѣ, видя, какъ сильна ея любовь. Это происходитъ отъ того, что Алина изображена женщиною довольно спокойною, избѣгающею любви и ея тревожныхъ ощущеній, привязанною къ памяти своего покойнаго мужа. По счастью, она не представлена женщиной съ натурой возвышенной, поэтической, пренебрегающей всѣми матеріальными заботами по хозяйству, какъ героиня другой повѣсти того же автора: «Не такъ живи какъ хочется», которую мы разбирали мѣсяць тому назадъ. Вообще, у болѣе части нашихъ дамъ писательницъ (кромѣ В. Крестовскаго) есть склонность представлять своихъ героинь восторженными умницами, пренебрегающими самоваромъ и падающими въ обморокъ при видѣ палецъ. Всѣ капризы, вся сентиментальность, вся неуживчивость этихъ идеаловъ, не только оправданы — превознесены до небесъ. Очень жаль, что авторы этихъ идеаловъ дамы: ихъ слѣдовало бы женить на такихъ идеалахъ, и онѣ увидѣли бы тогда, хорошо ли жить съ ними.

Вторая статья «о Мусульманской религии, въ отношеніи къ образованности» еще занимательнѣе первой и осязательно доказываетъ всю шаткость, неосновательность, нелѣпность магометанской религии. Вѣроятно, отъ недосмотра корректора въ эту прекрасную статью вкралось нѣсколько выраженій и словъ, совершенно непонятныхъ, какъ напримѣръ: «поэты послѣдуютъ ихъ заблудшимися», рѣзкорѣчіе, равнственный. Чрезвычайно любопытна также первая статья г. Пыпина: «Очерки старинной русской литературы». Г. Пыпинъ разбираетъ только одну сказку: «Объ Акирѣ премудромъ», взятую изъ Тысячи одной ночи и извѣстную у насъ въ русскомъ переводѣ XIII или XIV вѣка. Его филологическіе и историческіе выводы чрезвычайно любопытны; онъ обращается съ удивительною добросовѣстностью съ каждымъ выраженіемъ перевода, отмѣчаетъ даже явныя ошибки переписчиковъ сказки, что кажется намъ уже лишнимъ, и разбираетъ ее чрезвычайно вѣрно и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Третья серьезная статья этой книги: «Завѣщаніе помѣщика сыну», время Императрицы Анны Іоанновны, также весьма любопытна. Тоже самое должно сказать и о критической статьѣ, разбирающей сочиненіе г. Забѣлина: «Историческое обозрѣніе финиціанскаго и пенинскаго дѣла въ Россіи». Вообще, богатство отдѣла серьезныхъ статей во второй книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» очень замѣчательно.

Библиографія составлена, какъ всегда, съ знаніемъ дѣла; но намъ кажется совершенно лишнимъ разборъ книгъ въ родѣ «Основаній Кинематики», написанный не только черезъ-чуръ подробно, но даже съ чертежами и формулами высшаго математическаго анализа. Не думаемъ, чтобы спеціалисты — математики читали «Отечественныя Записки», а для читателей этого журнала нисколько не интересны всѣ эти тапгенсы и косинусы.

Журналистикой этого номера мы не очень довольны, также какъ необъяснимой статьѣй этого же отдѣла, помѣщенной въ прошлой книгѣ. Вообще, выводъ рецензента журналовъ, судя по его запутаннымъ фразамъ, въ родѣ: «критика затрудняется сказать свое мнѣніе, потому что повѣсть не представляетъ тѣхъ рѣзкихъ отклоненій идеи отъ общепринятыхъ понятій, или той несоответственности идеи и формы, которая легко замѣтить», этотъ выводъ заключается въ мысли, что легко и ловко бранить дурное, а о хорошемъ говорить не стоить. Если рецензентъ хочетъ выразить что-нибудь другое своими статьями, то жаль, что не выражается поплотнѣе. Во всякомъ случаѣ, противъ своего желанія, онъ очень хорошо выразилъ внутреннее состояніе его критики: лѣнь, усталость и сонъ. Въ этомъ состояніи легко броситься на что-нибудь рѣзкое, нелѣпое, отыскивать оживленія въ насмѣшкѣ, часто въ

мелочномъ спорѣ, но думать, анализировать — это слишкомъ утомительно, это уже прежде дѣлали, «прежде было хорошо толковать эти вещи угрюмымъ тономъ» и притомъ «серьезныя критическія статьи не только не приносятъ никакой пользы литературѣ, но даже причиняютъ ей часто нѣкоторый вредъ». Далѣе слѣдуютъ весьма темныя и непонятныя фразы и объясняется, что: «въ нынѣшнее время задача критики стала труднѣе прежняго, тѣмъ, что она обязана слѣдить за каждымъ шагомъ каждаго писателя.» Можно подумать послѣ этого, что прежняя критика не дѣлала того же. За рецензентомъ остается впрочемъ неоспоримо оригинальная мысль раздѣленія нашихъ писателей на образованныхъ и необразованныхъ, мысль громадная, неслыханная ни въ одной литературѣ. Слѣдовало бы уже вслѣдъ за системой приступить и къ ея примѣненіямъ, за раздѣленіемъ поставить и именной списокъ: *ученые писатели* — такой то и проч., *не ученые* (мы употребляемъ этомъ эпитетъ изъ учтивости) такой-то и т. д. Для полнаго назиданія читателей это было бы необходимо.

Между подобными оригинальными идеями, рецензентъ журналистики «Отечественныхъ Записокъ» высказываетъ и такія, которыхъ вовсе не говорили авторы разбираемыхъ имъ повѣстей. Такъ, рассказывая содержаніе комедіи г. Тургенева: «Мѣсяцъ въ деревнѣ», рецензентъ говоритъ, что «Бѣляевъ влюбленъ въ Наталью Петровну, но какъ истинный любовникъ дякъ, пугливъ и робокъ съ нею.» Не думаемъ, чтобы г. Тургеневъ былъ доволенъ этой идеей и подобнымъ объясненіемъ характера Бѣляева, какъ ни теменъ этотъ характеръ у самого автора. Бѣляевъ, конечно, очень молодъ, хотя лазить по деревьямъ и клеить змѣя, еще не составляетъ необходимыхъ признаковъ молодости. Любовь женщины, къ которой онъ боится подойти, потому, что на немъ старый сертукъ, а у нея надушено платье, должна была удивить его; но самъ первый онъ никогда не могъ полюбить этой женщины. Узнавъ, что она любитъ его, онъ какъ будто хочетъ до нея возвыситься, какъ-то развиться, но потомъ чуть не кричитъ: «мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу.» Положимъ, что и это естественно, но уже слишкомъ неопредѣленно; то, что не досказывается въ жизни, должно сколько-нибудь яснѣе быть высказано въ романѣ. Рецензентъ видитъ и въ Натальѣ Петровнѣ живость характера. Намъ кажется, что она уже черезчуръ капризна. То, что случается съ нею, конечно, бываетъ, но дѣлается безъ этого прыганья съ мѣста на мѣсто, которыми она занимается въ продолженіе всей пьесы.

Мы согласны съ рецензентомъ только въ осужденіи г. Григоровича

за его плохую повѣсть «Свистулькинь», и г. Майкова за его непротительное, слабое стихотвореніе «Арлекинъ».

Въ Смѣси очень интересна статья Тъери: «Гуны послѣ Аттилы» и «Историческій очеркъ черноморской торговли». Мелкія извѣстія, иностранныя и отечественныя, составлены хорошо.

Развернувъ вторую книгу «Современника», мы прежде всего начали искать въ ней продолженія «Тонкаго человѣка», романа г. Некрасова, начатаго въ первой книгѣ, но продолженія не оказалось, и такъ какъ, можетъ быть, еще не скоро и окажется, то мы скажемъ прежде всего нѣсколько словъ о началѣ. У г. Некрасова большое поэтическое дарованіе, и мы высоко ставимъ его въ ряду нашихъ современныхъ поэтовъ. Настоящее значеніе его утвердится, впрочемъ, когда явится собраніе его стихотвореній. Прозаическіе опыты г. Некрасова до-сихъ-поръ были немногочисленны и не блестящи. Географическій романъ, написанный имъ въ сотрудничествѣ съ одною писательницею, очень плохъ. Еще слабѣе была повѣсть, взятая изъ стариннаго анекдота, о франтѣ, выкрашенномъ ревнивымъ красильщикомъ въ зеленую краску. Новое произведеніе его, судя по началу, немного прибавитъ къ извѣстности г. Некрасова, какъ повѣствователя. Оно рѣзко раздѣляется на двѣ половины: въ первой рассказывается исторія одного Тонкаго человѣка, сильно смахивающаго на хлыща; во второй разговоръ о неудачномъ сватовствѣ содержателя постоялаго двора за купеческую дочку. Въ этой части много вѣрно схваченныхъ и комическихъ подробностей, но цѣлое растянута. Впрочемъ, подождемъ окончанія похождения Тонкаго человѣка.

За отсутствіе его походовъ насъ вполне вознаградила повѣсть г. Писемскаго: «Виновата ли она?» Это прекрасный, полный чувства и наблюдательности рассказъ объ одномъ несчастномъ бракѣ. Всѣ лица рассказа очерчены типически и вѣрны дѣйствительности: слабая жена, ея безхарактерный братъ, дурная мать, пьяный мужъ, его колоссальный пріятель и супруга, ухаживающая за братомъ героини, все это лица, въ высшей степени занимательныя; рассказъ веденъ мастерски, и авторъ напрасно далъ вопросительную форму заглавія своей повѣсти. Никто, конечно, не обвинитъ эту бѣдную женщину. Если она въ чемъ-нибудь виновата, такъ это въ опрометчивости, съ которою вышла замужъ за Ивана Кузмича, не разузнавъ хорошенько, что это за человѣкъ. Не знаемъ, почему рецензентъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» находитъ, что повѣсть эта недостойна таланта г. Писемскаго. Сказать такую мысль, значить выказать себя слишкомъ строгимъ судьей. Рецензентъ этой газеты можетъ говорить напрямѣрь,

что повѣсти первой книги «Пантеона», подписанныя именами гораздо менѣе извѣстными, чѣмъ имя г. Писемскаго, не стоять разбора: это нисколько не огорчить насъ и заставить только улыбнуться; но произносить наобумъ сужденіе о повѣсти: «Виновата ли она?» значить, обнаруживать недостатокъ эстетическаго чувства и нецеремонность обращенія съ писателями, которые, во всякомъ случаѣ, стоить выше подобныхъ рецензентовъ.

Въ Сибси этой же книги помѣщенъ еще очень недурной рассказъ «Голубеньіе глазки». Это простая исторія бѣдной, хорошенькой сироты, ослабшей отъ усиленной работы у одной золотшвейки. Написанная безъ всякихъ претензій, повѣсть эта оставляетъ глубокое впечатлѣніе. Недурень также переводный рассказъ «Часовщикъ», въ которомъ хорошо очерчены нѣкоторые типы сѣверо-американцевъ.

Изъ стихотвореній помѣщены три прекрасныя пьесы Пушкина, взятая изъ новаго изданія его сочиненій. Стихотвореніе г. Полопецкаго — «Аспазія», лучше помѣщенныхъ имъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», что не значить, конечно, чтобы оно было очень хорошо. Содержаніе его состоитъ въ томъ, что Аспазія ждетъ Перикла, который долженъ возвратиться съ агоры, гдѣ говорить рѣчь народу. Частности аэниской жизни представлены не совсѣмъ вѣрно. Какіе свитки могла разбрасывать Аспазія, ожидалъ Перикла? и отчего у рабынь ея только въ это время причесаны косы? неужели она позволяла имъ ходить нечесаными? Слово амфора г. Полонскій пишетъ черезъ *фиту*, вѣроятно позабывъ, что по-гречески это слово пишется не черезъ *тету*. Очень граціозно стихотвореніе г. Фета «Въ саду», кромѣ первой строфы, весьма изысканной, гдѣ поэтъ *пьетъ* аромать сада, которымъ дышало его дѣтство.

Изъ серьезныхъ статей, продолженіе «Жизни Алкивиада» очень интересно; но окончаніе журнала Хметевскаго изъ рукъ вонъ скучно. Критическою статьею о новомъ изданіи сочиненій Пушкина «Современникъ» поторопился, и мы были бы очень благодарны за эту поспѣшность, елибы въ статьѣ этой были добросовѣстно разобраны достоинства и недостатки этого изданія. Но въ статьѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ никакого разбора: это одинъ панегирикъ изданію и больше ничего. Странно было бы сомнѣваться въ томъ, что новое изданіе лучше стараго; но оно такъ далеко отъ тѣхъ требованій, которыя наша публика вправѣ предъявить издателю ея любимаго поэта, что мы имѣемъ гораздо болѣе причинъ быть недовольными изданіемъ г. Анненкова. У него въ рукахъ были напримѣръ все матеріалы для біографіи Пушкина, и что же онъ сдѣлалъ изъ этихъ матеріаловъ? Къ чему въ этихъ матеріалахъ г.

Анненковъ помѣстилъ дополнительныя строфы къ нѣкоторымъ поэмамъ Пушкина и продолженія повѣстей, когда эти дополненія и измѣненія должны слѣдовать за самыми поэмами и повѣстями, составляя къ нимъ варианты? Наконецъ, самую корректуру изданія слѣдовало бы держать поточнѣе, изъ уваженія къ памяти великаго поэта.

Къ совершенно *современнымъ* и интереснымъ статьямъ въ Смѣси относятся: продолженіе записокъ Занда и Верона. Новый поэтъ, по прежнему, вѣренъ самому себѣ: также рассказываетъ разные анекдоты о персидскихъ литераторахъ, изъ которыхъ одинъ, по словамъ Новаго поэта, былъ недавно выведенъ съ пиру одного знаменитаго персидскаго артиста, за то, что хватилъ черезъ край и испортилъ великолѣпную мебель хозяина. Что за дѣло читателямъ до этихъ анекдотовъ, отличающихся персидскою эстетикою и кому Новый поэтъ думаетъ ими доставить удовольствіе—вопросъ очень темный. Что поэтъ любезенъ по прежнему, въ этомъ тоже никто не будетъ сомнѣваться. Такъ онъ представляетъ переводъ стихотворенія одного персидскаго поэта, гдѣ есть, между прочими, слѣдующіе стихи:

хоть я равень герою,
Но могучей атлета ступнею
Не сомну и ничтожнѣйшей травки;
Мірозданья любуясь красою,
Не задѣну мельчайшей козявки;—

И потомъ, черезъ нѣсколько страницъ, цитируетъ слѣдующіе стихи г. Щербины:

Исполненъ вниманьемъ
Для всякой летающей крошки,
И груди сдержавъ колыханье,
Въ себя не втяну я дыханьемъ
Въ лучахъ затерявшейся мошки.

Какъ все это остроумно, и, въ особенности, какая это славная критика!

Въ заключеніе книги помѣщены, неизвѣстно зачѣмъ, четыре стихотворенія, которыя могли бы или остаться не напечатанными, или занять мѣсто подлѣ Аспазіи г. Полонскаго. Зачѣмъ «Современникъ» угощаетъ ими читателей *roug la bonne bouche*,—это его тайна.

Къ совершенному удивленію нашему, и во второй книгѣ «Современника» нѣтъ Литературнаго Ералаша.

Февральская книга «Библіотеки для Чтенія» съ первой страницы удивила насъ самымъ пріятнымъ и неожиданнымъ образомъ. Она начинается небольшою поэмою г. Мея «Цвѣты». Мы давно не встрѣ-

чали такой прекрасной картины, описанной такими звучными стихами. Содержание поэмы: известное событие, случившееся во время Нерона и повторившееся при Гелиогабалъ: смерть некоторых собесѣдниковъ кесаря, засыпанныхъ пѣтами; но подробности этого разсказа такъ живы и занимательны, такъ вѣрно изображаютъ малѣйшія черты римской жизни, что, восхищаясь стихомъ, удивляемся въ то же время глубокому знанію этой жизни, выказанному поэтомъ. Всѣ лица этой поэмы очерчены превосходно. Вотъ портретъ Поппеи:

Подъ складками лазурнаго хитона
 Прозрачнаго какъ утренній туманъ,
 Сквозить ея полуразвитый станъ,
 Сквозить волна встревоженнаго лона.
 Гибка, стройна, какъ тонкая лоза,
 Съ приемами застѣнчивой дѣвицы
 Поппея на стыдливые глаза
 Склонила бѣлокурова рѣсницы.

Вотъ портретъ другой красавицы, Максимииллы:

Пурпурная туника Мельпомены,
 Не удержась на мраморѣ плеча,
 Слилась съ него на дѣвственныя члены,
 Весь трепетный твой станъ изоблича.
 Твоя коса вѣнцемъ трехзвѣзднымъ сжата,
 Но, кажется, мгновение—и вотъ
 Она алмазный обручъ разорветъ
 И раздробится въ иверни агата
 О дорогую мозаику плитъ.

Превосходно очерченъ также британецъ Генгитъ, взятый въ плѣнъ на Альбіонѣ, задушившій въ циркѣ голыми руками гиенну и медвѣдя. Мы бы должны были цитировать всю поэму, какъ образецъ прекраснаго стиха, но ограничимся еще одною небольшою выпискою изъ окончанія поэмы:

И падаютъ, и падаютъ цвѣты,
 И зыблятся какъ радужныя сѣти,
 Спущенныя на землю съ высоты.
 Ихъ сотня рукъ съ потухшихъ хоръ кидаетъ
 Корзинами, кошнами; ароматъ
 Вливаетъ въ воздухъ смертоносный ядъ;
 Клокочетъ кровь и сердце замираетъ

Отъ жара и несносной духоты...

И падаютъ, и падаютъ цвѣты...

Напрасенъ крикъ пирующихъ: «Пощады!

Мы умираемъ! «Падаютъ цвѣты —

Пощады нѣтъ; всѣ двери заперты;

Потухли всюду пирныя лампы.

Въ отвѣтъ на вопль отчаянный и стонъ

Въ желѣзныхъ клѣткахъ завывали звѣри,

И за дверями хохоталъ Неронъ...

Повторяемъ еще разъ, что поэма эта одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій современной поэзіи, и такъ вѣрно изображаетъ описываемую въ ней эпоху, что мы предпочитаемъ ее драмѣ г. Мея, изъ той же эпохи «Сервилія», не смотря на то, что сюжетъ не новъ и былъ уже давно развитъ очень хорошо и полно въ одной французской повѣсти. Жаль только, что нѣсколько неправильныхъ удареній и изысканныхъ выраженій портятъ мѣстами пріятное впечатлѣніе, оставляемое каждою картиною. Къ такимъ выраженіямъ отнесемъ слѣдующіе стихи:

Съ вѣнками на *заемныхъ* парикахъ (некрасивый эпитетъ, да
сверхъ того парики и не могутъ быть *незаемные*).

Предъ красотою *избранницъ* Гимена...

И вотъ уже двурогій свой вѣнецъ,

Сронила въ моръ сонная Селена...

(очень изысканная картина)

Въ *изнѣженцахъ* неронова дворца...

И *отдали* свободу наконецъ...

(галлицизмъ: rendre à la liberté)

Раздался *храпъ* заснувашаго Генгита...

Подъ *блѣшено-нахмуренною* бровью...

Немного побольше строгости къ самому себѣ, и поэма была бы безукоризненною.

Помѣщенные послѣ нея стихотворенія блѣднѣютъ отъ такого соседства. Ярче всѣхъ выдается «Путешествіе въ Грецію» г. Щербинны, проникнутое истиннымъ чувствомъ. Переводы г. Михайлова изъ Гёте и Шиллера слабы.

Очень слаба также его повѣсть «Изгоевъ», тысяча первое повтореніе скромной, непризнанной и нераздѣляемой любви учителя къ сестрицѣ его ученика. Къ тому же, любовь эта рассказана вяло и незанимательно. Авторъ видитъ это, вѣроятно, и самъ еще лучше

послѣ похвалъ одного исписавшагося фельетониста, сочинившаго днев-
рамбъ повѣсти г. Михайлова, наравитъ съ музыкою г. Контскаго и чемо-
данами Ржечицкаго. Въ этой повѣсти авторъ дошелъ, между прочимъ,
вѣроятно до послѣдней степеня возможнаго дѣленія на главы: въ ней на
тридцати четырехъ страницахъ разгонистой печати умѣстилось двадцать
шесть главъ; есть главы въ полстранички и даже въ пять строкъ.
И приятно и полезно.

Не дурень, по нѣкоторымъ подробностямъ и картинамъ престопа-
родной жизни, разсказъ г. Максимова «Дружка». Напрасно только ав-
торъ не придумалъ лучше содержанія.

Въ Справочномъ словарѣ, помѣщаемомъ въ «Библиотекѣ для Чте-
нія» хороша кампиляціонная статья г. Хотинскаго «Алхимія».

За литературную лѣтопись «Библиотеки для Чтенія» мы напрасно
порадовались. Въ январской книжкѣ разбирались, какъ слѣдуетъ, все
новыя произведенія порознь; въ февральской все опять сбито въ такую
кашу, что ничего не разберешь; полонизмовъ опять не оберешься.

Журналистика этой книги, по умѣренному тону и справедливымъ
сужденіямъ, рѣзко отличается отъ прежнихъ статей этого отдѣла. Намъ
почему-то кажется, что она написана совершенно другимъ человѣкомъ.
Напрасно только рецензентъ такъ подробно разбираетъ пустую статью
П. В. А-ва: «О мысли въ произведеніяхъ изящной словесности», по-
мѣщенную въ «Современникѣ» и отличающуюся совершеннымъ отсут-
ствіемъ мысли и наборомъ однихъ тяжелыхъ фразъ, ровно ничего не
говорящихъ.

Въ Смѣси интересны «Воспоминанія о рыбной ловлѣ въ Сибири»,
г. Черепанова, и «Замѣтки странствующаго вокругъ свѣта», — луч-
шій фельетонъ иностранныхъ новостей во всехъ нашихъ журналахъ.
Мы сдѣлаемъ фельетонисту только два замѣчанія въ этой книгѣ: 1) на
Михайловскомъ театрѣ никогда не давали пьесъ: «Diane de Lys и Le cha-
reau de l'horloger», и 2-е) пусть онъ оставитъ свою странную ор-
ографію англійскихъ именъ и не пишетъ: Госорнъ и Водворсъ; ан-
глійское th, конечно, трудно передать русскими буквами, но оно ни въ
какомъ случаѣ не можетъ быть замѣнено буквою с, иначе намъ бы
пришлось писать: *Оселло* и *Макбесъ*.

Въ «Замѣткахъ Петербургскаго жителя» со многимъ можно согла-
ситься, но многое высказано пристрастно. Такъ фельетонистъ совер-
шенно правъ, говоря, что система захваливанія погубила многихъ ар-
тистовъ; что у г-жи Читау есть неровность въ игрѣ, излишняя плак-
сивость и монотонность дикціи, не всегда воздержная жестикуляція; что
г-жа Орлова артистка весьма холодная; но мы рѣшительно не видимъ

причинъ, почему онъ восхищается появленіемъ на сценѣ г. Яблочкина. Отъ этого появленія выиграло, конечно, званіе режисера, но не самая сцена. Далѣе опять совершенно справедливо все, что говорится о несбывшихся надеждахъ на талантъ г-жи Гриневой, о томъ, что г-жа Самойлова беретъ на себя слишкомъ молодыя роли. Напрасно также фельетонистъ очень часто жалуется на свои обязанности, на горькую долю фельетониста. Право, эта доля еще не такъ горька, какъ читать, напримѣръ, повѣсть подъ тѣмъ же названіемъ. Да и самъ авторъ этой повѣсти, г. Моллеръ, представилъ еще не настоящую горькую долю въ своемъ разсказѣ, который мы недавно разбирали. По заглавію этой повѣсти мы думали, что г. Моллеръ разскажетъ намъ, помѣщенную недавно во французскихъ журналахъ, исторію одного безталантнаго парижскаго писака, кропавшаго сначала плохіе фельетоны въ Gazette de Paris, отставленнаго этою газетою за неспособностью, явившагося затѣмъ въ редакцію журнала, кажется l'Artiste, съ предложеніемъ писать все, что угодно, уволеннаго и оттуда послѣ мѣсячнаго испытанія, и убѣжденія въ совершенной бездарности литературнаго пролетарія, перешедшаго потомъ окончательно въ Revue retrospective и кропающаго тамъ никѣмъ нечитаемые очерки парижскихъ нравовъ, никогда не существовавшихъ, или сочиняющаго въ этомъ періодическомъ изданіи, добродушно пріотившемъ этого Вѣчнаго Жида журналистики, критику на писателей съ извѣстными именами и замѣчательными дарованіями. Подобныя неутѣшительныя похождения были бы настоящею горькою долею и г. Моллера не упрекнули бы тогда въ неправдоподобіи.

Намъ слѣдовало бы говорить теперь о «Москвитининѣ» нынѣшняго года; но мы отлагаемъ бесѣду о немъ до слѣдующаго раза, и скажемъ только нѣсколько словъ о послѣдней, двадцать четвертой книгѣ этого журнала за прошлый годъ, полученной въ Петербургѣ весьма недавно.

Въ этой книгѣ помѣщено прежде всего восемь стихотвореній. Первое принадлежит Жуковскому и написано въ 1816 году на годовщину паденія Наполеона; въ немъ есть превосходныя строфы:

Къ стопамъ рабовъ бросалъ онъ троны,
Срывалъ съ царей грозу порфирь,
Сдвигалъ народы въ легіоны
И мыслилъ весь заграбить міръ;
Но все, что рушилъ онъ—природа
Уже красою облекла,
И по слѣдамъ его свобода
Съ дарами жизни протекла.

И честь Тому, кто, вѣрный чести,
 Свободѣ мечь свой посвятилъ,
 Кто въ грозную минуту мести
 Лишь благодатью отомстилъ.

Два стихотворенія г-жи Жадовской не дурны. Жаль, что въ последнее время рѣдко слышится голосъ этой поэтессы, у которой были признаки замѣчательнаго дарованія. Стихи г. Раича очень слабы. Изъ четырехъ стихотвореній г. Берга: «Вечеръ и утро» и «Сонетъ» — слабы, баллада «Возвращеніе отца» переведена съ польскаго очень удачно; но всѣхъ лучше и граціознѣе стихотвореніе «Прощаніе». Вотъ его послѣднія строфы:

Прощай! спокойна ночь! какъ дологъ и горячъ
 Послѣдній поцѣлуй... еще!.. еще!.. все мало!
 Открытое плечо и ножку ты не прячь,
 Не прячь назадъ подъ одѣяло.
 Прощай! спокойна ночь Еще хочу взглянуть,
 Покуда не сомкнешь совсѣмъ дремотой очи;
 Прощай! гони меня, не то не дамъ заснуть,
 Тебѣ желая доброй ночи.

О прозѣ этой книги «Москвитянина» сказать почти нечего. Окончаніе повѣсти *Яша*, также безцвѣтно какъ и начало; окончаніе переводнаго романа «Питеръ Симпль» также безграмотно, какъ и начало (см. статью нашу въ февральской книгѣ Пантеона). Въ «Историческихъ матеріалахъ» любопытны письма къ г. Архарову Императрицы Екатерины II и графа Безбородко. Смѣсь также не лишена интереса. Книжка вышла довольно толста, но въ ней семь листовъ переводнаго романа и два листа оглавленій и объявленій «Москвитянина».

2. БИБЛИОГРАФІА.

Народно-южно-русскія пѣсни. Издалъ А. Метлинскій. Кіевъ, 1854 г.

Хотя и пишутъ и печатаютъ, что миновалось время поэзіи, однако мы не можемъ съ этимъ согласиться, и утверждаемъ, что именно только теперь дѣятельно начали у насъ заниматься поэзіей. Посмотрите, какъ серьезно принялись за собраніе народныхъ пѣсень, и какъ повсемѣстно явилось соревнованіе въ этомъ серьезномъ и чрезвычайно интересномъ

дѣлѣ. Не станемъ входить въ подробный обзоръ того или другаго отдѣла поэзіи, но, что можетъ быть проще и лучше поэзіи народной, которая, не прибѣгая къ искусственному воспроизведенію различныхъ впечатлѣній, безхитростно выливается въ заунывную и вмѣстѣ въ раздольную пѣсню нашего крестьянина. Знаемъ, что нѣкоторые непризванные и непризнанные Ювеналы возстанутъ на насъ за это; но мы имѣемъ привычку не обращать вниманіе на возгласы этихъ журнальных хлыщей, которымъ народность столько же знакома, сколько намъ извѣстенъ японскій языкъ, и продолжаемъ восхищаться пѣснью русскаго поселянна. Въ обширномъ нашемъ отечествѣ простонародныя пѣсни раздѣляются на два занимательные отдѣла—на сѣверно-русскія и на южно-русскія. Сѣверныя славянскія племена, начиная съ XIII столѣтія, пошли по другому пути, переживъ скоро грустную эпоху рабства иноземцамъ, и начало развиваться подъ мирнымъ управленіемъ родныхъ властителей; южные же постоянно, до половины XVII столѣтія, билось съ врагами или за вѣру или за свободу, не зная ни на минуту спокойствія. Вотъ уже главная причина различія характера ихъ пѣсень. Притомъ же, на югѣ, въ слѣдствіе политическихъ событій, образовалось совершенно своеобразное сословіе козачества этой загадочной семьи степныхъ рыцарей, которое создавало и свои совершенно особенныя удалыя пѣсни, воспѣвавшія подвиги храбрыхъ защитниковъ православія: то ихъ побѣды, то тяжкій плѣнь, то мученическую смерть въ рукахъ агарянь, (татаръ и турокъ), или образованной націи поляковъ, которые среди Варшавы на площадяхъ терзали и жгли живыми козачьихъ предводителей. Лишнимъ будетъ говорить, что и народная поэзія, самыя любовныя или материнскія пѣсни малороссіянъ должны были отливаться въ форму драматическую, въ которой грусть была преобладающимъ началомъ. Самыя буйныя плясовыя пѣсни, и пѣсни сатирическія, которыхъ очень немного, отличаются какою-то заунывностью своихъ напѣвовъ, словомъ, здѣсь южно-руссъ не могъ отрѣшиться отъ своей *туги* и *журбы*, которыя въ продолженіе почти пяти вѣковъ царствовали на его родинѣ.

А между тѣмъ, очень и очень не многіе занимались у насъ южно-русскою народностью. Нѣсколько ученыхъ и любителей постарались однакоже собрать историческія пѣсни, такъ называемыя думы, и спасли ихъ отъ конечнаго забвенія. Пѣсни эти неминуемо погибли бы для науки, потому, что слѣпцы-бандуристы, или кобзари, которые учили ихъ и передавали изъ поколѣнія въ поколѣніе, начали переводиться и теперь ограничиваются только пѣніемъ легендъ духовнаго содержанія, распѣвая изрѣдка, и то въ искаженномъ видѣ, нѣкоторыя изъ этихъ интересныхъ остатковъ поэзіи казацкаго періода. Первый изъ этихъ сборниковъ, въ 1818

Году, издалъ князь Цертелевъ, довольно слабо знавшій народность, что видно изъ его очень неудачныхъ примѣчаній и невѣрныхъ объясненій. Потомъ М. А. Максимовичъ напечаталъ, въ 1827 году, Украинскія Народныя Пѣсни, въ которыхъ помѣстилъ думы, собранныя кн. Цертелевымъ и добавилъ нѣкоторыя новыя, съ переводами и примѣчаніями. Но и этотъ ученый впалъ въ погрѣшность: зная хорошо языкъ и народность, онъ однакожь позволилъ себѣ многія, неосновательныя догадки, и нѣкоторые стихи записывалъ по своему усмотрѣнію. Въ 1833 году, издалъ свою Запорожскую Старину извѣстный и ученый нашъ славистъ И. И. Срезневскій. Въ этомъ сборникѣ многія думы появляются уже съ вариантами и снабжены дѣльными историческими замѣчаніями. Предаваясь изученію русской народности и языка, г. Срезневскій понялъ, что историческія козацкія пѣсни надо искать на мѣстѣ, гдѣ разыгрывались или слагались степныя драмы, и записывалъ ихъ въ Екатеринославской губерніи отъ бандуристовъ, прямыхъ потомковъ рыцарей войска запорожскаго. Въ 1836 году г. Лукашевичъ напечаталъ свой сборникъ: «Старинныхъ малороссійскихъ и червенорусскихъ думъ», добавивъ одну новую, еще неизвѣстную, о Самойлѣ Кишкѣ. Послѣдній сборникъ только этимъ и отличается, потому что, какъ предисловіе г. Лукашевича, такъ и всѣ его примѣчанія ниже критики. Въ 1840 г. М. А. Максимовичъ снова издалъ сборникъ думъ, включивъ въ него и изъ сборника г. Лукашевича новую о Самойлѣ Кишкѣ. (Объ этой думѣ см. Извѣстія II Отдѣлен. Имп. Акад. Наукъ.) По своему обыкновенію, г. Максимовичъ не могъ не ввести чего-нибудь новаго въ свое изданіе и раздѣлялъ эту думу на пѣсни или главы, давъ каждой особое заглавіе. Вотъ и всѣ сборники. Въ иные изъ нихъ вошли и нѣсколько пѣсень не героическаго содержанія; но во всякомъ случаѣ, книги эти можно назвать только сборникомъ историческихъ пѣсень, съ ихъ вариантами. Что же касается до народныхъ пѣсень, какъ старинныхъ, такъ и новыхъ, раздающихся по всей Малороссіи, объ этомъ еще никто не позаботился. Нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны любителямъ и то, по большей части, въ изуродованномъ видѣ; нныя попали въ Пѣсни Русскаго Народа, г. Сахарова, но въ самомъ ничтожномъ количествѣ и, какъ намъ показалось, безъ малѣйшаго знанія малороссійскаго языка, потому, что одна пѣсня, въ которой разсказывается не только безотрадное, но безвыходное положеніе человѣка, покинутаго женою, названа шуточною. Такъ у насъ вообще вездѣ печатали и переводили малороссійскія пѣсни. Только Гоголь отозвался о нихъ какъ знатокъ, да, по нашему мнѣнію, глубже и вѣрнѣе взглянулъ на нихъ О. М. Бодянский.

«Пѣсни украинскія столько выше пѣсень прочихъ славянъ, сколько драма выше прочихъ родовъ поэзій, составляя собой какъ соединеніе, единство всѣхъ ихъ въ одной себѣ, такъ и послѣднюю цѣль, конечное, полное, гармоническое развитіе всякой поэзій, сколько дѣйствіе превосходитъ умствованіе, чувствованіе, рассказъ, описаніе и т. п. Кромѣ того, онѣ выше прочихъ и своей музыкой, напѣвомъ, голосами, языкомъ, въ высокой степени поэтическимъ и музыкальнымъ (который въ этомъ случаѣ сравнивать можно только: изъ древнихъ—съ греческимъ, изъ новыхъ—съ итальянскимъ) стихосложеніемъ, заключающимъ въ себѣ и размѣръ, и топику, и рѣзму, удивительно свободнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стройнымъ и богатымъ своею многочисленностью и разнородностью и т. д. (О народной поэзій славянскихъ племенъ г. Бодянского, стр. 135—136).

Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе г. Бодянского и, занимаясь нѣкогда сами собираніемъ малороссійскихъ пѣсень, имѣли возможность убѣдиться въ ихъ музыкальности, поэтичности и красотѣ. Конечно, съ мнѣніемъ ученаго слависта могутъ не соглашаться нѣкоторые изъ нашихъ рецензентовъ, но вѣдь для этихъ господъ законъ не писанъ, потому, что иные изъ нихъ, родясь въ Петербургѣ и не выѣзжая изъ столицы далѣе окрестностей, готовы на цѣломъ печатномъ листѣ толковать о народной поэзій какой угодно отдаленной провинціи, извѣстной имъ только по географіи. Вотъ какъ подчасъ пишутся разборы. Съ нѣкоторыхъ поръ, статья эта въ журналистикѣ дошла до послѣдней крайности неуваженія къ литературѣ, потому что нѣрѣдко составляется людьми незнакомыми съ предметомъ и часто подчиняется личнымъ отношеніямъ пишущихъ и печатающихъ. И какъ легко теперь быть сотрудникомъ по отдѣлу Библиографіи: стоитъ только списать заглавіе книги, написать общими мѣрами нѣсколько періодовъ, про или сонга, сдѣлать нѣсколько выписокъ для подкрѣпленія приговора, часто даже вырывая фразу съ половины, отчего она теряетъ иногда смыслъ, и точно кажется нелѣпностью. Если же сочиненіе непогрѣшительно, и разбранить его нельзя, то можно прибѣгнуть къ ученической уловкѣ и упомянуть, что читатели ничего не потеряютъ, если мы не расскажемъ содержанія такой-то книги. И подобныхъ господъ много завелось въ литературѣ; иные изъ нихъ даже хорошо образованы, имѣютъ основательныя свѣдѣнія, и были бы полезны; но духъ промышленности глубоко вѣдрился въ нихъ, и они готовы превознести выше всѣхъ похвалъ бездарность, а скромный талантъ втоптать въ грязь, не только по мановенію патрона, но даже изъ своихъ маленькихъ видовъ. Но это такой печальный предметъ, о которомъ и говорить грустно.

Мы остановились на томъ, что малороссійскія пѣсни не только не оцѣнены у насъ, но даже не были еще собраны въ достаточномъ количествѣ. Здѣсь невольно рождается вопросъ: какая же причина подобнаго забвенія, или невниманія? Причина очень проста: некому заняться изученіемъ народности, потому, что для этого надо посвятить много времени, много труда, а время нужно на что-нибудь другое, а трудъ долженъ принести какую-нибудь выгоду. Сбирать народныхъ пѣсень нельзя налету, какъ по большей части у насъ дѣлаются наблюденія; наконецъ, если и собирать, не зная народности, такъ все-таки надо проѣхать край по разнымъ направленіямъ, а здѣсь-то запятая! Видѣли мы на вѣку собирателей, въ тетрадяхъ которыхъ записывались пѣсни, надиктованныя горничными дѣвушками, и мы ни мало не удивлялись, встрѣтя въ малороссійской пѣснѣ два три стиха изъ старинныхъ пѣсенниковъ, а между тѣмъ почтенные собиратели не давали себѣ даже труда исключить подобныя погрѣшности. Случалось намъ также видѣть юныхъ господъ, плѣненныхъ поэзіей малороссійскихъ пѣсень, и которые, бывъ недовольны какимъ-нибудь куплетомъ, передѣлывали его, увѣряя, что такъ будетъ художественнѣе и полнѣе. Признаемся откровенно, мы всегда боялись повстрѣчаться съ подобными сборниками въ печати. Да! въ дѣлѣ собиранія народныхъ пѣсень нужно не только глубокое, основательное изученіе народности, но и въ высшей степени добросовѣтностъ: иначе, трудъ можетъ повести къ печальнымъ результатамъ. Очень еще недавно бесѣдовали мы объ этомъ предметѣ съ однимъ ученымъ и опытнымъ знатокомъ русской народности, который сказалъ: «поддѣлка и передѣлка народныхъ пѣсень есть преступленіе, которое, искажая самую благоую цѣль, порождаетъ недовѣріе къ самому добросовѣстному труду въ дѣлѣ собиранія памятниковъ народной поэзіи.»

И вотъ, г. Метлинскій, извѣстный уже многими изданіями на малороссійскомъ языкѣ, даритъ насъ «Сборникомъ южно-русскихъ пѣсень», красиво и опрятно изданнымъ, напечатаннымъ прекраснымъ шрифтомъ, чѣмъ, впрочемъ, всегда отличается типографія Кіевскаго Университета. Сборникъ этотъ, какъ видно, состоитъ изъ трудовъ нѣсколькихъ собирателей народности, записывавшихъ пѣсни на разныхъ мѣстностяхъ, и представляетъ большой запасъ матеріаловъ, отчасти извѣстныхъ уже по другимъ сборникамъ, отчасти новыхъ, и, преимущественно, изобилуетъ множествомъ вариантовъ.

Мы съ любопытствомъ прослѣдили все эти отдѣлы и пришли къ такому заключенію, что прежде всего должно поблагодарить г. Метлинскаго за изданіе народныхъ южно-русскихъ пѣсень; вскорѣ же постараемся изложить вкратцѣ, какъ достоинство, такъ и недостатокъ этой кни-

ги. Г. Метлинскій помѣстилъ въ своемъ Сборникѣ что только попалось ему подъ-руку по части малороссійской народности: и историческія пѣсни, называемыя думами, и пѣсни старинныя разнаго содержанія, и пѣсни обрядныя, и наконецъ современныя. Важнѣе всѣхъ долженъ бы выйти отдѣлъ думъ, но г. Метлинскій помѣстилъ только нѣсколько вариантовъ къ прежнимъ и включилъ нѣсколько новыхъ, т. е. никому еще неизвѣстныхъ. По нашему мнѣнію, приступая къ печатанію этого отдѣла, слѣдовало бы уже помѣстить всѣ доселѣ изданныя, снабдивъ ихъ примѣчаніями и сдѣлавъ критическій разборъ всѣхъ списковъ, потому что многія примѣчанія гг. Цертелева, Лукашевича и въ особенности Максимовича, чрезвычайно не вѣрны. Но болѣе всѣхъ въ этомъ отдѣлѣ заслуживаетъ вниманія замѣчательная статья о Хвеськѣ Ганджи-Андыберѣ, сообщенная П. К., которая, безъ малѣйшаго сомнѣнія, произведеніе чисто-народное, а если и встрѣчаются въ ней промахи, то собственно потому, что кобзари Черниговской губерніи употребляютъ нѣсколько неправильное нарѣчіе. Ганджа-Андыберъ, удивительно вѣрный типъ запорожцевъ и передавъ со всѣмъ разгуломъ и юморомъ запорожской фантазіи. Мы разберемъ эту думу и, по возможности, передадимъ красоты подлинника. Но прежде разбора этой думы, бросимъ бѣглый очеркъ вообще на содержаніе всѣхъ думъ, доселѣ напечатанныхъ. Поэтическія пѣсни эти, дошедшія до насъ и скорѣе написанныя мѣрною прозою, чѣмъ стихами, отличаются полнотою содержанія, поэтическимъ изложеніемъ и имѣютъ предметомъ непременно подвиги какого-нибудь козацкаго героя. Всѣ онѣ очень нравственны, задуманы сочинителемъ и глубоко имъ прочувствованы въ религіозномъ духѣ, какимъ отличался всегда козакъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, старающихся доказать, что козакъ, въ особенности запорожскій, былъ типъ своевольнаго разбойника. Чтобы не походить на многихъ изъ рецензентовъ, толкующихъ тономъ авторитета, мы приведемъ здѣсь нѣсколько стиховъ изъ думы, названной г. Максимовичемъ «Черноморская буря», а въ народѣ и у бандуристовъ извѣстной подъ именемъ «Олексія Поповича», и которой, къ сожалѣнію, въ Сборникѣ Метлинскаго помѣщенъ одинъ только плохой вариантъ. Дѣло въ томъ, что на Черномъ морѣ поднялась страшная буря, разбила козацкія лодки и свирѣпствуетъ въ особенности съ той частью козацкихъ судовъ, которою предводительствовалъ атаманъ, Грицько Зборовскій. Атаманъ расхаживаетъ по судну и говорить: «Кто-то, братцы, между нами большой грѣшникъ, потому что насъ сильно преслѣдуетъ свирѣпая буря. Исповѣдайтесь же милосердому Богу, Черному морю и мнѣ Кошевому Атаману. Пусть этотъ грѣшникъ бросится въ волны и не губить козацкаго войска». Козаки это слышали, но молчали,

потому, что никто не чувствовал за собою тяжкаго прегрѣшенія. Тогда отозвался войсковою писарь пирятинскій поповичъ Алексѣй. Возьмите одного меня, братцы, мнѣ только завяжите глаза черною китайкою, прицѣпите къ шеѣ большой камень и столкните меня одного въ море. Пусть я одинъ погибну и не буду причиной гибели войска козацкаго». Тогда всѣ козаки обратились къ Алексѣю Поповичу.

Слыша эту исповѣдь, козаки не вѣрятъ Поповичу, чтобы онъ, знающій св. писаніе и научающій ихъ на добро, могъ имѣть тяжелый грѣхъ на душѣ.

«Хотя я читаю св. писаніе, отвѣчаетъ Поповичъ, и васъ учу добру, однако самъ все начинаю не такъ, какъ слѣдуетъ. Когда я выѣзжалъ изъ Пирятина, то не прощался съ отцомъ съ матерью; гнѣвался на своего старшаго брата, близкихъ сосѣдей лишалъ пропитанія, малыхъ дѣтей и старыхъ вдовъ толкалъ въ грудь стременами; гарцу по улицамъ на конѣ и проѣзжая мимо церкви, не сымалъ шапки. Вотъ мой тяжелые грѣхи, причина моей гибели. Нѣтъ, братцы, это не Черное Море волнуется, а караетъ меня гнѣвъ отца и матери.»

Когда такимъ образомъ Поповичъ калялся всенародно, буря умолкла, челны остались невредимы, а Поповичъ говорить въ заключеніе:

«Такъ-то, братцы: надо уважать людей и почитать родителей! Кто это дѣлаетъ, тотъ всегда бываетъ счастливъ, и минуетъ того мечъ смертельный. Отцовская и материнская молитва вынимаетъ и со дна моря, откупаетъ душу отъ смертельныхъ грѣховъ и помогаетъ въ полѣ и на морѣ.»

Вотъ они, эти буйные запорожцы, заклеянные недоброю славою у многихъ писателей, имѣющихъ привычку судить обо всемъ поверхностно. Если послѣдніе непохвальныя поступки Коша, отживавшаго свое политическое существованіе, и достойны порицанія, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы козаки эти всегда были безбожниками, пьяницами, однимъ словомъ неразумною, своевольною толпою.

Новая дума о Хвескѣ Ганджѣ Андыберѣ, по нашему мнѣнію, ошибочно помѣщена въ числѣ думъ отъ начала XVI до 1647 года. Пѣсня эта могла быть сочинена въ XVIII столѣтіи, когда между малорусскими козаками начинала вкрадываться роскошь. Можетъ быть мы и ошибаемся, по-крайней-мѣрѣ намъ такъ кажется. Въ этой думѣ видна вся разгульная фантазія запорожскаго кобзаря, выставившаго въ невыгодномъ свѣтѣ нѣсколькихъ старшинъ, которые, въ протѣвность регулѣ казацкой, ставили выше всего деньги и богатство. Всего юмора и красоть передать невозможно, а потому мы и ограничимся разсказомъ содержанія.

Долго гулялъ козакъ по полю Килійскому, и растерялъ своихъ коней. На немъ уже остались только сермяга, епанча рогожная и хмѣлевый поясъ; сафьянные сапоги такіе, что видны пятки и пальцы: гдѣ ступить, то оставляетъ слѣдъ босой ноги. Шанка на немъ сверху дирная, хотя и шолкомъ шита, но подбита буйнымъ вѣтромъ, а околыша давно нѣтъ и въ поминѣ. (О подобной шанкѣ упомянуто уже въ другой стар. пѣснѣ:

«Гей ты, татарюго, сидый, бородатый,

Нащо ты уповаешь?

Чы на свою шапку-бирку,

Що шовкомъ шита,

Витромъ подбыта,

А зверху дирка?

Сбор. Укр. Пѣс. М. Максимова, стр. 16. Впрочемъ, у кобзарей встрѣчается довольно подобныхъ, общихъ мѣсть). Вотъ прибылъ козакъ въ Килію и не спрашиваетъ, гдѣ бы остановиться покормить коня, а спрашиваетъ, гдѣ новая корчма, гдѣ молодая шинкарка, которая хотя и сердита на гулякѣ, но все-таки къ нимъ внимательна. Идя по Килію, онъ однако же прислушивается, не собирается-ли кто гулять на славное Запорожье, и слышитъ только, что три богача собираются въ кабакъ распивать медъ и водку. Услыхавъ это, онъ спѣшитъ занять мѣсто въ кабакѣ, и садится грѣться у печки. Богачи входятъ въ кабакъ, садятся за столъ и требуютъ по ушату меду и водки. Пьютъ они, но не привѣтствуютъ гуляку, который на нихъ искоса поглядываетъ. Тогда одинъ изъ богачей, болѣе радушный, вынимаетъ денежку и отдавая шинкаркѣ, говоритъ:—Хотя ты и сердита на гулякѣ, но все-таки къ нимъ внимательна, возьми-ко эту денежку, сходи въ погребъ и нацѣди бѣдному козаку хоть молодого пива, скрѣпитъ ему казацкій желудокъ съ похмѣлья. Шинкарка отправилась въ погребъ, нацѣдила кружку водки и поднесла гулякѣ. Мигомъ онъ осушилъ кружку, а какъ забрало его, то онъ началъ кружкой такъ стучать по столу, что у богачей рюмки и стаканы полетѣли. Когда же его сильнѣе поразобрало, онъ изъ подъ рогожаной епанчи и хмѣлеваго пояса началъ вынимать золотую вещь, и отдавалъ шинкаркѣ въ закладъ за водку. Увидя это богачи сказали шопотомъ: эй, молодя шинкарка, пусть не выкупаешь онъ этой вещи, а погоняетъ намъ волю, тебѣ же пусть топить печки. Услыхавъ это, козакъ гуляка сѣлъ за столъ, вынулъ *черезъ* и сталъ весь столъ устилать червонцами. Тогда богачи начали его привѣтствовать и

подчивать медомъ и водкой, да и шинкарка привѣтливо его спросила: завтракаль-ли онъ, обѣдалъ-ли, и пригласала къ себѣ въ свѣтлицу раздѣлить съ нею трапезу. Гуляка ходитъ по комнатѣ, отворяетъ окно, смотритъ на быстрыя рѣки и говорить: «Ой, рѣки вы глубокія, помощницы Днѣпровы! или помогите мнѣ, или возьмите меня съ собою.» Вслѣдъ за этимъ входитъ одинъ казакъ, приноситъ дорогія одежды и надѣваетъ ему на плечи, другой казакъ вноситъ сафьянные сапоги и обуваетъ его, третій приноситъ козацкую шапку и надѣваетъ ему на голову. Тогда то богачи заговорили тихо:—Это не бѣдный казакъ гуляка, а Хвесько Гайджа-Андыберъ, атаманъ запорожскій. Придвинься къ намъ ближе, говорятъ они ему: мы тебѣ низко поклонимся и будемъ совѣтоваться, хорошо-ли поживать на славной Украинѣ. И начали они его подчивать медомъ и водкою. Онъ все это принималъ отъ богачей, но не пилъ, а выливалъ на свои дорогія одежды. «Эхъ, одежды мои, говорилъ онъ; нейте, гуляйте: не меня уважаютъ, но васъ почитаютъ; когда васъ на мнѣ не было, никто меня не считалъ и атаманомъ.»

Таково содержаніе этой пѣсни, изобилующее весьма удачными мѣстами, которыхъ мы не приводимъ, потому что малороссійскій языкъ былъ бы для большинства непонятенъ.

Пѣсня эта, по нашему мнѣнію, самая любопытная вещь въ Сборникѣ г. Метлинскаго. Богатъ у него также отдѣлъ пѣсень свадебныхъ. Что же касается до другихъ отдѣловъ, то они весьма не полны, и, въ добавокъ, мы встрѣтили еще многія пѣсни, которыя ни что иное, какъ поддѣлки подъ народность. Но, высказавъ свое мнѣніе, мы не можемъ не отдать справедливости г. Метлинскому, который, что могъ, собралъ въ свою книгу, и дай Богъ, чтобы примѣръ его подѣйствовалъ на другихъ любителей народности русской и вызвалъ ихъ на труды новые, болѣе совершенные. Мы очень хорошо понимаемъ, что ученому, занятому въ своемъ кабинетѣ, нельзя знать глубоко народность, а потому долгъ нашъ быть снисходительными къ ошибкамъ и невѣрностямъ, вкравшимся въ изданіе, отъ невниманія ли корреспондентовъ, или по другимъ какимъ причинамъ. Не поправилось намъ еще одно обстоятельство: зачѣмъ г. Метлинскій не соблюлъ единства въ нарѣчій. Малороссійскія пѣсни вездѣ одинаковы, слѣдовательно надо и печатать ихъ однообразно, не вводя нарѣчій Черниговскаго или Волынскаго, что очень непріятно для слуха. Во второмъ изданіи, котораго отъ души желаемъ, вѣроятно почтенный собиратель пополнитъ свои отдѣлы, включитъ недостающія пѣсни и исключитъ тѣ, которыя не принадлежатъ простому народу.

II.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Усердіе Россіи по случаю ополченія на враговъ. — Патриотическія изліянія чувствъ. — Кончина адмирала П. И. Рикорда. — Краткій некрологъ его. — Юбиларный обѣдъ, данный въ честь графа О. П. Толстаго. — Рѣчи, произнесенныя за обѣдомъ. — Стихи Бенедиктова, Майкова, Щербины, Полонскаго, О. Н. Глинки, А. П. Глинки, Николаевскаго, Алферьева, Федорова.

Августѣйшаго Вождя, подвизавшагося за Крестъ не стало; но Россія согрѣта тѣмъ же духомъ, которымъ она и при Немъ пламенѣла. Та же готовность на все жертвы во всехъ сословіяхъ, та же непоколебимая вѣра въ Бога правыхъ продолжается. Кажется, изъ устъ каждаго такъ и рвется возгласъ полный памяти великихъ эпохъ нашего отечества и сознанія той народной славы, которая смѣло можетъ воскликнуть:

Стой отчина твердо!

Съ горней высоты

Отражая гордо

Вражьи клеветы.

Слѣдуй правдѣ чистой,

Лишь ее любя:

Ждетъ вѣнецъ лучистой

Впереди тебя.

Ложь и вѣроломство —

Власть ихъ не крѣпка —

Все на судъ потомства

Предадутъ вѣка.

Такъ! враговъ невѣренъ

И непрочень трудъ;

Правъ, не лицемеренъ

Отдаленный судъ.

Жди его спокойно

Путь свой совершай,

Щайкѣ недостойной

Злиться не мѣшай.

Русь! Теперь, ты точно
 Всадник—исполнѣ,
 Что во тьмѣ полночной
 Выѣхалъ одинъ.

Вдругъ бѣгутъ пигмеи—
 Сто на одного!
 Выползли, какъ змѣи
 Съ ядомъ на него.

Всѣ кричатъ: на битву,
 Иль живому леу!
 Прочитайъ молитву,
 Всадникъ вынулъ мечъ.

Зову отвѣчаетъ
 Маленькихъ людей,
 И не замѣчаетъ
 Онъ шипѣнья змѣи!

Куда не обернуться, на призывъ этотъ откликается все таже Русь,
 отъ Камчатки до Тавриды:

И тамъ, гдѣ снѣжная равнина —
 Могила вражескихъ костей
 Ужь разъ встрѣчала исполина
 Съ пожаромъ, вьюгою своей,
 И тамъ, гдѣ хладною Невою
 Прахъ оmyвается Петра,
 Гдѣ пала подъ стопы герою
 Нерукотворная гора;
 И тамъ, гдѣ зрѣютъ миртъ и тополь,
 Глядясь въ морскую синеву,
 Гдѣ громоносный Севастополь
 Напоминаетъ имъ Москву —
 Вездѣ, все таже одна Россія,
 И встрѣтитъ разнородный сборъ
 Одна Славянская стихія
 И тѣ же символы родные:
 На шагкѣ крестъ, въ рукѣ топорь!

Всѣ съ готовностію спѣшать въ ряды дружинъ русскихъ; вожди, давно извѣстные народу русскому, опять съ прежнею юношескою бодростію готовятся обнажить мечъ свой, знакомый съ битвами, а между тѣмъ, неумолимая смерть, насильно вырываетъ изъ рядовъ нашего многочисленнаго воинства многихъ, которые хотѣли бы еще пожить и, не смотря на свои заслуженныя сѣдины, служить примѣромъ для юнаго поколѣнія, только начинающаго военное поприще. Русскій флотъ также понесъ чувствительную утрату. Мы хотимъ сказать о кончинѣ адмирала Петра Ивановича Рикорда, послѣдовавшей 16-го числа прошлаго февраля. Имя этого знаменитаго моряка долго, долго не забудется, какъ въ исторіи нашего русскаго флота, такъ и въ исторіи всѣхъ европейскихъ, кругосвѣтныхъ мореплаваній, которыя онъ совершалъ не разъ, въ теченіе своей слишкомъ восьмидесяти-лѣтней жизни. «Иностранецъ по фамили, православный по вѣрѣ, истинно-русскій по чувству, любви и преданности Россіи», — какъ онъ самъ говорилъ, заслуженный старецъ этотъ былъ свидѣтелемъ четырехъ славныхъ царствованій и испытаннымъ слугою четырехъ русскихъ царей. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ море сдѣлалось любимую стихіей этого сопротивника адмирала Непира, которому онъ съ такою неустрашимою готовностію противопоставлялъ въ прошломъ году свои Балтійскія эскадры, между неприступными бойницами Кронштата. Въ продолженіе своей пятидесяти-лѣтней доблестной службы, дѣятельность его ни на минуту не ослабѣвала. Далекая Камчатка служить свидѣтельницею его трудовъ многолѣтнихъ и неусыпныхъ, которые были началомъ того прекрасно-укрѣпленнаго положенія, которое испытали и сознали въ истекшемъ году западные союзники Порты; берега Японіи видали флагъ его, когда онъ освобождалъ изъ плѣна товарища своего, Головнина, и ни одно море не осталось ему неизвѣстнымъ. Любознательный, готовый на услуги, общительный, адмиралъ Рикордъ былъ извѣстенъ и любимъ во всѣхъ кругахъ общества и ни одна отрасль человѣческихъ знаній не была для него чужда. Художества, литература равно были ему близки и занимательны, и ни одно полезное предпріятіе не совершалось, чтобы адмиралъ, или не участвовалъ въ немъ лично, или не хлопоталъ о его осуществленіи, или не выказывалъ къ нему искреннаго и полнаго своего сочувствія. Каждый, кто только обладалъ какимъ-нибудь талантомъ, имѣлъ къ нему во всякое время свободный доступъ и удалялся, напутствуемый умнымъ совѣтомъ, или отраднымъ и вѣрнымъ общаніемъ покровительства, или существеннымъ вспомошествованіемъ. Петръ Ивановичъ былъ повсюду любимымъ, уважаемымъ и занимательнымъ гостемъ, и успѣвалъ быть во всѣхъ ученыхъ и художественныхъ собраніяхъ, нисколько не упуская изъ виду

главного своего долга — присяги и службы. Ни одного торжественного праздника во имя науки или искусства без него не проходило, и бодрый старец всегда являлся съ своею умною рѣчью, радушною улыбкой и искреннею готовностію принести и свою безкорыстную лепту. Еще незадолго до своей смерти присутствовалъ онъ на юбилейномъ обѣдѣ, данномъ въ залѣ общества шахматнаго клуба, вице-президенту нашей Академіи Художествъ, графу *Ө. П. Толстому* почитателями таланта маеститаго художника, и замѣчательно высказалъ тѣ благородныя чувства, которыя теплились въ его заслуженной груди, все еще горячей и юной. *П. И. Рикордъ*, по характеру своему, принадлежалъ къ самымъ отраднымъ и рѣдкимъ личностямъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ: высокое благородство и чувство человѣчности отличали его; подчиненные видѣли въ немъ начальника взыскательнаго, но въ тоже время друга - сослуживца; враги отечества чтили въ немъ противника отважнаго, предприимчиваго, находчиваго, но и самаго челолюбиваго побѣдителя. Онъ былъ членомъ почти всѣхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, и тысячи облагодѣтельствованныхъ имъ бѣдняговъ благословляютъ его память такъ же искренно, какъ и многочисленные друзья оплакиваютъ его потерю. Рассказъ его, всегда живой, остроумный, умѣлъ картинно выставлять разные случаи изъ его полной опытами и событіями жизни. Радужный, привѣтливый, всегда и для всѣхъ готовый на услугу, онъ разливалъ вокругъ себя какое-то тепло, обновляющее душу. По мѣрѣ возвышенія его вліянія увеличивались и подвиги его милосердія. Прямой, безыскусственный характеръ сразу приближалъ къ нему всякаго и дѣлалъ поневолю откровеннымъ. Всѣ интересы Россіи были близки его сердцу, и все, что только служило къ ея возвеличенію, славѣ, благоденствію, по какой-бы-то ни было отрасли—радовало его душу и составляло для него обильный предметъ размышленій и разговора. Говоря почти на всѣхъ главныхъ европейскихъ языкахъ, онъ всегда былъ отыскиваемъ замѣчательными иностранцами, которые уходили отъ него, очарованные его знаніями и привѣтливостію.

О добротѣ сердца *П. И. Рикорда* — нѣтъ словъ. Приведемъ два случая изъ нашихъ личныхъ сношеній съ нимъ, которые вполнѣ покажутъ, до какой степени душа этого замѣчательнаго челолюбца умѣла понимать и чувствовать нужды ближняго. Года три тому, въ теченіи лѣта, когда мы жили сосѣдями и видались почти каждодневно, намъ очень часто случалось видѣть у адмирала челолюбца, довольно неблагонадежной наружности. На вопросъ, кто онъ? почтенный старецъ отвѣчалъ: «Бѣднякъ, лишившійся мѣста въ *О.* Все хлопочу какъ-бы его пристроить. Три мѣста уже я ему доставилъ, да что-то плохо уживается, теперь

надо будетъ прискаты ему четвертое.» — На замѣчаніе наше, что человекъ, который въ такое короткое время сумѣлъ лишиться четырехъ мѣстъ, вѣроятно самъ въ себѣ носитъ зародышъ своихъ неудачъ, что хлопотать о ненадежномъ человекѣ, значить только понапрасну тратить бисеръ своей души.—«Нѣтъ, это не такъ, отвѣчалъ адмиралъ, о *ненадежномъ*-то и надо хлопотать, потому что надежный самъ все найдетъ, безъ сторонней помощи!»

Въ другой разъ, это было уже въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, въ кабинетъ его вдругъ входитъ пожилой человекъ, рассказываетъ, что у него двѣ дочери, что надо имъ дать воспитаніе, и что онъ встрѣчаетъ разныя препятствія въ опредѣленіи ихъ въ казенное заведеніе.—«Что же, этому надо помочь! Похлопочемъ, похлопочемъ, опредѣлимъ. Да какъ бишь ваша фамилія?»—Такой-то.—«Я васъ что-то не помню.»—Ваше высокопревосходительство никогда меня не видали и я не имѣлъ чести служить подъ вашимъ начальствомъ.—«А, такъ познакомимся: все равно, оставьте мнѣ записочку, я похлопочу!» — По уходѣ незнакомца, адмиралъ, съ свойственной ему добродушной улыбкой сказалъ: «Что дѣлать, надо пристроить бѣдныхъ дѣвушекъ. Можетъ быть препятствія будутъ, а все надо хлопотать, нельзя же ихъ оставить. Неудача будетъ мнѣ очень непріятна, а все дѣло дѣлать надо. Вотъ у князя ^{***}, добрейшаго человека въ мірѣ, но очень нетерпѣливаго, былъ дворецкій, добрый человекъ. Разъ къ князю пришли какіе-то бѣдняки, которымъ онъ самъ назначилъ время. Дворецкій доложилъ разъ, князь, занятый дѣлами, крикнулъ: пусть подождутъ; дворецкій вторично доложилъ, князь его выгналъ; наконецъ дворецкій въ третій разъ явился съ докладомъ. Князь всыхнулъ и, забывшись, далъ дворецкому порядочнаго толчка. — «Прекрасно, отвѣчалъ тотъ, это для меня—за бѣдныхъ, а что же будетъ отъ вашего сіятельства самимъ бѣднымъ?»—Князь опомнился, разсмѣялся, обнялъ вѣрнаго слугу и удвоилъ помощь, обѣщанную бѣднякамъ.—Такъ и я: иногда отъ хлопотъ—достается и мнѣ за бѣдныхъ, но все-таки что-нибудь перепадетъ и на ихъ долю!» — Высокая черта самоотверженія и человеколюбія!

За то П. И. Рикордъ пользовался рѣдкой и завидной народностію. Онъ любилъ бесѣдовать съ простолюдинами, входилъ въ ихъ нужды, давалъ добрые совѣты и помогалъ, чѣмъ могъ. Рѣдкій изъ жителей столицы, между простонародьемъ, не зналъ адмирала въ лицо или по слухамъ. Онъ даже пользовался у простолюдиновъ особеннымъ названіемъ «Божьяго война.» Во время похоронъ его, эта народность проявилась въ самомъ яркомъ свѣтѣ: начиная отъ зданія Морскаго Корпуса, гдѣ происходило отпѣваніе тѣла усопшаго, вплоть до Александро-

Невской Лавры, гдѣ оно предано вѣчному успокоенію, по обѣ стороны улицъ, стояли густыя массы народа, набожно снимавшаго шляпы для отданія послѣдней чести его праху. И много умиленныхъ сценъ происходило на этомъ длинномъ протяженіи! Почетно такъ прожить долгую жизнь, сладко и умереть среди такого искренняго сочувствія.

Петръ Ивановичъ родился въ Петербургѣ, воспитывался въ Морскомъ Корпусѣ, пятьдесятъ два года съ честію служилъ отечеству, удостоился юбилея, былъ украшенъ особенными знаками отличія, состоялъ при особѣ Его Императорскаго Величества и имѣлъ счастье въ послѣдній годъ жизни защищать Петербургъ отъ нашествія союзниковъ луны, не дерзнувшихъ вступить съ нимъ въ бой.

Къ нему превосходно подходятъ стихи Мерзлякова:

Но и въ величїи равно
Онъ не былъ гордымъ, строгимъ, дикимъ,
И вѣчно лишь твердилъ одно:
Не называй меня великимъ.

Память о Петрѣ Ивановичѣ Рикордѣ надолго останется въ Россіи и многія дѣла его перейдутъ на страницы исторіи. Таковы: устройство Камчатки и Петро-Павловскаго порта, первыя сношенія Россіи съ Сандвичевыми островами; бомбардировка Кунашира; избавленіе Головнина изъ японскаго плѣна; блокада Дарданеллъ, защита Кронштата въ 1854 году.

Всюду добрыя начатки,
Всюду слѣдъ его трудовъ,
Отъ Хіоса до Камчатки
И Сандвичьихъ острововъ!

У друзей и близкихъ его сердцу — слезы по немъ никогда не изсякнутъ.

Петръ Ивановичъ скончался на 79-мъ году своей жизни. Похороны его происходили 21-го февраля. За гробомъ его густою толпою слѣдовали сановники, ученые, литераторы, артисты и почти всѣ знаменитости столицы.

Въ нашу лѣтопись не вошло еще описаніе юбилярнаго обѣда, даннаго гр. О. П. Толстому.

Учредить это празднество въ честь неотъемлемыхъ заслугъ графа, пришло на мысль тѣмъ изъ художниковъ и литераторовъ, которые были въ отсутствіи, въ день 10 октября, когда Академія Художествъ официально праздновала пятидесяти-лѣтній юбилей своего даровитаго начальника. Къ декабрю прибыли въ Петербургъ, старинный другъ графа Толстаго, литераторъ *О. Н. Глинка*, а изъ художниковъ г. *Филиповъ*, проведеншій цѣлое лѣто подъ стѣнами Силистріи, и академикъ *Гохъ* изъ Рима, и предположенная мысль тотчасъ же приведена была въ исполненіе. Болѣе восьмидесяти лицъ соединились, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія, и восемнадцатаго декабря, въ богато-убранной залѣ Шахматнаго клуба, за огромнымъ столомъ, помѣстились: въ срединѣ графъ *Федоръ Петровичъ*, его супруга и адмиралъ *Петръ Ивановичъ Рикордъ*. Между прочими многочисленными собесѣдниками находились художники: *Н. А. Майковъ*, отецъ поэта, *Штакеншнейдеръ*, *Гохъ*, *Петцольдъ*, *Филиповъ*, *Бейдеманъ*, *Рауловъ*, *Горавскій*, *Шарлеманъ*, *Страшинскій*, *Осиповъ* и многіе изъ литераторовъ.

Когда наступило время тостовъ, адмиралъ *Рикордъ*, поднявшій-было уже бокаль, чтобы предложить тостъ въ честь графа, былъ пріостановленъ словами хозяина:

«Милостивые государи! Хотя мы и собрались сюда въ небольшой дружескій кружокъ, но какъ онъ ни малъ, а все-таки составляетъ звѣно горячихъ и чистыхъ сердець семьи нашей, матери Россіи, охраняемой отеческою рукою нашего общаго Отца, и потому, почтеннѣйшій *Петръ Ивановичъ*, вами, какъ старшимъ и заслуженнѣйшимъ, вѣрнымъ сыномъ его, долженъ быть произнесенъ первый тостъ за здравіе *Того*, Котораго исторія и потомство, созерцая наши дни, должны нарѣчь и нарекутъ *Великимъ Того*, во славу котораго нѣтъ достаточно ни рѣчей, ни удивленія!»

Единодушное и нѣсколько разъ повторенное ура, послѣ котораго всѣми присутствовавшими былъ пропѣтъ нашъ народный гимнъ: *Боже, Царя храни!* послѣдовали за тостомъ, произнесеннымъ адмираломъ:

«За здравіе *Его Императорскаго Величества* и всей *Августѣйшей Фамиліи!*»

Когда гости усѣлись, *Петръ Ивановичъ Рикордъ* повторилъ тостъ въ честь графа Толстаго, и между прочимъ, вѣчно веселый, остроумный, никогда не затруднявшійся въ словахъ, добавилъ, что:

«*Медали графа Толстаго* наша исторія: онѣ извѣстны всей Россіи, отъ *Крыма* до *Колы* и *Соловецкой обители*, и отъ береговъ *Финляндіи*, гдѣ прошлымъ лѣтомъ сторожили наши корабли залетнаго гостя, *Джонъ-Буля*, до *Камчатки*, которая нѣкогда пасаждалась и укрѣплялась моими руками

и гдѣ такъ геройски отражены теперь нападки смѣлыхъ дѣтей того же Джонъ-Буля! Да прибавится много славныхъ дѣлъ и чудныхъ медалей Толстаго къ этой исторіи!»

Тотчасъ же за этимъ тостомъ, извѣстный нашъ оперный пѣвецъ Петровъ, пропѣлъ подъ аккомпаниментъ фортепяно куплеты, сочиненные для юбиларнаго обѣда, Федоромъ Николаевичемъ Глинкой:

Мы собрались, и старъ и молодъ,
Съ сердечной, русской теплотой,
Чтобъ, свѣтскихъ формъ откинувъ холодъ,
Тебя привѣтствовать, Толстой!

За твой талантъ, во славу вѣка,
Тебя привѣтилъ юбилей.
А намъ—талантъ и человѣка
Въ тебѣ привѣтствовать милѣй!

Какъ мастеръ, въ поприщѣ открытомъ, —
Какъ человѣкъ, ты жилъ въ тиши,
И души привлекалъ магнитомъ
Своей прекраснѣйшей души!

Всего высокаго, святаго
И творчества съ его огнемъ
Ищите въ мастерской Толстаго...
А мы нашли все это въ немъ!

Такъ вотъ зачѣмъ и старъ и молодъ,
На праздникъ дружбы поспѣшаль,
Чтобъ свѣтскихъ формъ откинувъ холодъ,
Поднять задравный твой бокаль!

И поднять чувствомъ онъ свободнымъ,
Любовь и дружба нескрять въ немъ...
Съ твоимъ семействомъ благороднымъ,
Твое мы, графъ, здоровье пьемъ!

Послѣ пропѣтія этихъ стансовъ, виновникъ празднества предложилъ тостъ за здоровье Петра Ивановича Ригорда, который отблагодарилъ присутствовавшихъ слѣдующими, краткими, но выразительными словами,

доказывавшими, сколько еще юношеской отваги, теплоты и скромности сохранилось въ его маститой старости:

«Милостивые государи! Благодарю васъ за честь, оказанную мнѣ, старому моряку, знавшему когда-то великаго Нельсона и теперь узнаваемаго его современныхъ наслѣдниковъ. Я неожиданно попалъ въ ваше очаровательное общество, въ вашъ артистическій порто-франко! Увы! я, восьмидесяти-лѣтній, старый корабль, долженъ стать въ гавань. По морскому уставу, высаживаясь на берегъ, я прежде всего долженъ свезти съ корабля порохъ. Мой огнеметательный порохъ свезенъ, чѣмъ же мнѣ теперь привѣтствовать ваше милое, артистическое собраніе?..»

— Сигналами, сигналами! прервали слова адмирала голоса нѣкоторыхъ столпившихся кругомъ.

«Согласенъ съ вами, подтвердилъ Петръ Ивановичъ, — и опускаю предъ достойнымъ обществомъ семьи русскихъ артистовъ и литераторовъ мой адмиральскій флагъ. Но, знайте, что только предъ этою благородною семьею и спущу я свой флагъ. Предъ тѣми же, которыхъ я встрѣчалъ и, быть можетъ, встрѣчу снова скоро на морѣ, передъ врагами нашего отечества, онъ не бывалъ и не будетъ спущенъ никогда!»

Восторженный возгласъ общаго ура, не допустилъ адмирала продолжать. Обѣдъ былъ покинутъ и всѣ еще оставшіеся блюда и десертъ остались непочатыми. Прочіе присутствовавшіе сѣли въ свою очередь, кто какъ могъ и умѣлъ, привѣтствовать графа Толстаго. Начались чтенія и Авдотья Павловна Глинка поднесла графу Ѳедору Петровичу, отъ общества артистовъ, лавровый вѣнокъ, при чемъ художникъ Осиповъ прочелъ стихи г. Николаевского, довольно обширные, изъ которыхъ мы приведемъ только тѣ строфы, которыя ближе всего касались поднесенія вѣнка:

Здравствуй, старецъ знаменитый,
Духомъ бодрый молодець!
Свѣжъ и яркъ нынѣ свитый
Въ дань заслугъ твоихъ вѣнецъ!

То чело, что вдохновенъ
Носитъ свѣтлую печать,
Свѣжимъ лавромъ увѣнчатъ
Завѣщали поколѣнья!

Гражданина-человѣка
Долгъ тебѣ святыней быть;

Ты, въ теченье полувѣка,
Отъ него не отступилъ!

Нынѣ, какъ тебѣ отрадно
На свершенное взглянуть!
Такъ прими-жь за долгій путь,
Отъ собратій тостъ наградный...

Заклучимте наши чувства
Въ возгласъ дружный, хоть простой:
— Да цвѣтутъ у насъ искусства
И да здравствуетъ Толстой!

За этимъ выступилъ В. Г. Бенедиктовъ и прочелъ сочиненные имъ для юбилейнаго обѣда стихи:

На берегу Невы державной,
Есть храмъ искусства, свѣтлый храмъ;
Оно, свершая путь свой славной,
Судилось и вѣнчалось тамъ!
Въ обычный срокъ, тѣсясь у входа,
Со всѣхъ сторонъ толпы народа
Текутъ стремительно туда —
Взглянуть на новыя творенья,
Плоды роднаго вдохновенья
И благодатнаго труда!

Давно въ рядахъ картинъ и статуй,
Созданья блещутъ тамъ твои,
Младыхъ художниковъ вожатый
И другъ ихъ творческой семьи!

Поэтъ * сказалъ: «Въ трудѣ смиренномъ
Пчела надъ смертнымъ верхъ беретъ;
Въ тканьѣ воздушно-уточенномъ—
Намъ образцы паукъ даетъ;
Червякъ ловчѣе насъ во многомъ;
Въ познаньи, въ вѣдѣннн строгомъ,

* Schiller. «Die Künstler».

Насъ выше духи горнихъ странъ....
 Но даръ искусства, вдохновенья
 Данъ человѣку во владѣнье —
 И только человѣку данъ!..»

Художникъ славный, ты достоинъ
 Не разъ поклона и вѣнца:
 Во всемъ талантъ тобой усвоенъ —
 Хозяинъ кисти и рѣзца!
 Изъ-подъ руки твоей свободной
 Рисунокъ смѣло-благородный
 Волшебной падаетъ волной,
 Текуть изгибы формъ и линій
 И проникаются святыней
 И блещутъ жизнью неземной...
 Струями огненными вышить,
 Холстъ подъ рукой твоей горить,—
 Трепещетъ глина, мраморъ дышетъ,
 Медаль съ потомствомъ говорить!

По прочтеніи стиховъ этихъ, возбудившихъ громкія рукоплесканія, къ графу Толстому обратился поэтъ, Я. П. Полонскій, выразившійся слѣдующимъ краткимъ экспромтомъ:

У небесъ похитивъ пламень,
 Какъ Протей, стремился ты
 Облекать металлъ и камень
 Въ формы вѣчной красоты!
 Пораженъ безсмертья свѣтомъ,
 Я въ толпѣ кажусь такъ малъ,
 Что, съ неконченнымъ привѣтомъ,
 Поднимаю свой бокалъ!..

Вслѣдъ за этимъ экспромтомъ, заслужившимъ общее одобреніе, привѣтствовала графа стихами Авдотья Павловна Глинка. Стихотвореніе это прекрасно; мы приведемъ здѣсь только тѣ строфы, которыя болѣе прочихъ возбудили восторгъ присутствующихъ:

...Но здѣсь снѣга, но здѣсь морозы
 И небо сѣрое кругомъ

Стѣсняють мысль своимъ свинцомъ;
 Къ тому-жь и столько встрѣчной прозы,
 Что надо много, много силъ,
 Чтобы рѣзецъ заговорилъ...
 Но твой то сдѣлалъ!.. Мнѣ-жь осталось
 Желать лишь для себя одной,
 Чтобъ я ужь слишкомъ не зазналась,
 Сказавъ, что рыцарь мой—Толстой.

Заслуженнаго виновника юбилярнаго празднества привѣтствовали также стихами г. Поповъ, Любичъ-Романовичъ, стихотвореніемъ, подъ названіемъ «Незабудка»; г. Левшинъ «Къ потомку древней графской фамиліи Толстыхъ» и г. Ѳедоровъ прочелъ два стихотворенія, въ одномъ развилъ мысль, что:

Въ медаляхъ для народа
 Навѣкъ ты (графъ Толстой) впечатлѣль
 Двѣнадцатаго года
 Безсмертныхъ память дѣль.
 И вотъ, Царя велѣнемъ,
 Медаль тебѣ дана,
 Твоимъ изображеніемъ
 Украшена она!

Подъ конецъ обѣда, когда предложенъ былъ тостъ въ честь семейства графа Ѳедора Петровича, г. Ѳедоровъ снова прочелъ слѣдующее четверостишіе, при громкихъ возгласахъ ура:

Дай Богъ намъ въ новый годъ успѣхъ въ борьбѣ кровавой,
 Чтобъ съ силою тройной нашъ врагъ надменный палъ,
 Чтобъ русскихъ подвиги вѣнчались новой славой
 И чтобъ Толстой ихъ всѣ въ медаляхъ изваялъ!

Послѣ этихъ словъ, по просьбѣ адмирала Рикорда, на голову графа Толстаго былъ надѣтъ Авд. П—ной Глинкою поднесенный ему отъ художниковъ лавровый вѣнокъ, вышиты тосты за здоровье Ѳ. Н. и Ав. П. Глинки, В. Г. Бенедиктова, и обѣдъ, кончившійся въ восемь часовъ, заключился вторичнымъ пѣніемъ народнаго гимна, подъ аккомпани

ментъ фортепяно, на которомъ игралъ извѣстный артистъ-любитель, г. Кашевскій, и затѣмъ все общество разсыпалось на многіе отдѣльные кружки. Кто слушалъ рассказы адмирала Рикорда, относящіеся до нынѣшней войны; кто тѣснился около фортепянъ, внимая ихъ неумолкаемымъ звукамъ. Около поэтовъ: Майкова, Бенедиктова, Щербины и пѣвца Петрова собралась также слушатели. Многолюдное общество представляло будто одну семью, собравшуюся на чествованіе старшаго своего члена. Ни кто не чувствовалъ никакой принужденности: художники толковали объ искусствѣ, литераторы о предметахъ также имъ близкихъ—словомъ, картина этого вечера была такъ живописна и разнообразна, что одинъ изъ находившихся на немъ молодыхъ художниковъ выразилъ намѣреніе нарисовать изображеніе этихъ группъ для Русскаго Художественнаго Листка. Талантливому гостю было довольно времени, чтобы осуществить свою мысль очень отчетливо и набросать вѣрный очеркъ, потому, что гости, приглашенные на обѣдъ, не покидали залы общества шахматной игры до самой поздней полночи. Время шло незамѣтно, среди откровенныхъ рѣчей, звуковъ музыки, народныхъ пѣсень, исполненныхъ нѣсколько разъ г. и г-жею Петровыми. Они пропѣли также нѣсколько дуэтовъ, вызвавшихъ у г. Бенедиктова прекрасный экспромтъ. Г. Петровъ, подхватываемый всѣми присутствовавшими, пропѣлъ потомъ въ честь графа Федора Петровича извѣстную старинную застольную пѣсню:

Чарочка моя,
Серебряная,
На золотомъ блюдѣ
Поставленная,
Кому чару пить,
Кому вышивать?
Пити-то Федору
Свѣтъ Петровичу, —
Наши буйныя головушки
Преклоняются.

Эта же самая пѣсня была пропѣта и графинѣ Толстой, также съ аккомпаниментомъ хора.

За тѣмъ началось опять чтенія. А. Н. Майковъ прочелъ среди общаго одобренія стихотвореніе свое:

АНАКРЕОНЪ СКУЛЬПТОРУ.

«Что чиниться намъ, ваятель!
 Оба мы съ тобой, приятель,
 Дослужили до вѣнца.
 Лавръ тебѣ несутъ въ награду;
 Я-жь, въ вѣнцѣ изъ винограду,
 Вѣкъ свой корчу мудреца!

Такъ, подь старость, ради смѣху,
 Хоть для юношей въ потѣху,
 Мнѣ одинъ вопросъ рѣши:
 Видѣлъ я твои творенья —
 Формы, мысль ихъ, выраженье,
 Все обдумалъ я въ тиши.

Но однимъ смущень я крѣпко....
 Въ нихъ совѣмъ не видно слѣпка
 Съ нашихъ модныхъ героинь,
 Жрицъ аѳинскаго разврата —
 А съ любимыхъ мной когда-то
 Юныхъ дней моихъ богинь —

Горлицъ, манною вскормленныхъ.
 Купидономъ припасенныхъ
 Мнѣ, какъ баловню его!
 А съ красы ихъ покрывало,
 Милый другъ, не упадало,
 Знаю я, ни для кого!

Геба у тебя младая,
 Что, кувшинъ съ главы спуская,
 Изъ-за рукъ, смѣясь, глядитъ —
 Это *Дафна*! Та-жь незрѣлость
 Юныхъ формъ, дѣвчонки смѣлость
 И ужъ взрослой дѣвы стыдъ!

Дафну я тайлъ отъ свѣта!...
 Этой розы ждалъ расцвѣта —
 Но напрасно... Разъ она,

Искупавшись, нагая,
 Въ воду камешки кидая,
 Веселилася одна....

Вдругъ на шорохъ обернулась,
 Видить — я тутъ! поскользнулась,
 И съ уступа на уступъ,
 Прямо въ омутъ!... Къ ней лечу я,
 Всплыль — и что же? выношу я
 Безъ движенья хладный трупъ....

Зналь еще я дочь Сатрапа!
 Подкунивъ въ дворцѣ арапа,
 Проникаль въ гаремъ я къ ней;
 Что же?... ликъ ея надменный
 Нетерпѣемъ оживленный,
 Вижу въ *Герль* я твоей....

Та-жь игра въ ланитахъ смутныхъ,
 Та-же линія округлыхъ
 Чудно выточенныхъ ногъ;
 То-жь изнѣженное тѣло
 И волнистость спинки бѣлой,
 Взглядъ... я снести его не могъ!

Этихъ дѣвъ гдѣ-жь могъ ты видѣть?!
 Въдъ готовъ возненавидѣть
 Женскій родъ подъ старость я!
*Иль ты въ вѣчныхъ идеалахъ
 Видѣлъ то, что въ доляхъ малыхъ
 Смертный видитъ вокругъ себя?»*

Н. О. Щербина, привѣтствовавшій графа отъ имени московской семьи артистовъ, прочелъ въ заключеніе стихотвореніе:

ВЪ МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА.

«Какъ у себя, я въ твоей мастерской, о, ваятель-художникъ!
 Какъ-то привольно душѣ межъ боговъ и героевъ:
 Молодъ я сердцемъ тогда, говорю откровенныя рѣчи,
 Къ дѣтству людей возвращаюсь, сближаюсь съ природой....»

Какъ ты искусно поставилъ свою Афродиту и Вакха
 Въ зелени темной плюща, между гроздїи и миртовъ!
 Кажется, будто Киприда ко мнѣ простираетъ объятя,
 Въ полномъ блистаньи своей красоты всепобѣдной,
 Хочетъ сойти съ пьедестала и Вакхъ-Дионисъ вѣчно-юный —
*Дружески руку пожать мнѣ, привѣтствуя юность,
 Что низошла на меня въ созерцаньи твоихъ изваяній...*

*Сколько спокойствія въ этихъ сіяющихъ лицахъ,
 Сколько довольства и жизни, себя навсегда утѣшившей!*

Добрый художникъ! Я знаю, что близко ты къ музамъ:
 Ихъ попроси за меня — да пошлютъ мнѣ покой и довольство
 Въ душу больную, въ изрытое ранами сердце!
*Да утолю я на-вѣки немолчно-звующую жажду
 Къ истинамъ міра, — да вижу я все безъ страданій,
 Мудро на лонѣ покоясь ничьимъ несмущаемой мысли!»*

Недавно умершій молодой поэтъ Алферьевъ, приготовилъ было также нѣсколько строфъ въ честь гр. Толстаго, но ему не удалось произнести ихъ. Впрочемъ, этотъ посмертный привѣтъ былъ прочитанъ, по его порученію, актеромъ Бурднымъ. Вотъ онъ:

«Въ младенчествѣ твоёмъ, предъ тобою
 Являлася богиня, говорить,
 Сойди съ небесъ неслышною стоною,
 Своей красой обворожая взглядъ,
 Съ любовію къ тебѣ простерши руки,
 Она тобой прельщалася, какъ мать, —
 Сказала такъ: «Со мною сердца муки,
 Дитя мое, ты станешь забывать!
 Ты не пойдешь путемъ обыкновеннымъ;
 Я укажу тебѣ на лучший путь,
 И пламенемъ къ высокому священнымъ
 Одушеблю младенческую грудь!
 Вдохну въ тебя и жаръ и нѣжность чувства,
 Чистую твою вѣсь изыщной простотой —
 И будешь ты любимый жрецъ искусства
 Богини, здѣсь играющей съ тобой...»
 — «Но кто же ты, богиня?» ей сказали:

«Насъ за такой вопросъ не укори!
«Гдѣ твой чертогъ, иль гдѣ тебѣ стояли
«Увитые цвѣтами алтари?»...
—Я муза формъ изящныхъ и ваянья!
Отвѣтила богиня и потомъ
Сказавъ тебѣ: «Молотка, до свиданья!»
Исчезла вдругъ въ сіяньи золотомъ. .

Такъ заключился этотъ замѣчательный русскій народный, художественный праздникъ въ честь одного изъ лучшихъ представителей нашего роднаго искусства. Память о немъ вѣрно надолго сохранится во всѣхъ сердцахъ.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 5.

РУССКІЕ ВЪ 1854 ГОДУ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ И ЧЕТЫРЕХЪ КАРТИНАХЪ.

СОЧ. А. А. ТАЛЪЦЕВОЙ.

ПРЕДСТАВЛЕНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

января 15 дня 1855 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЗАЛѢСИНЪ, отставной генераль и помѣщикъ, 80-ти лѣтъ.	<i>Г. Самойловъ.</i>
МИХАИЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ, сынъ его, 25 лѣтъ.	<i>Г. Максимовъ 1.</i>
ВЪРОЧКА, дочь его, 18 лѣтъ.	<i>Г-жа Самойлова.</i>
АННА ИЛЬМИШНА БУЯНЦОВА, богатая помѣщица, 55 лѣтъ.	<i>Г-жа Липская.</i>
АНАТОЛІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ РЮМИНЪ, 26 лѣтъ.	<i>Г. М. Максимовъ.</i>
ТРОФИМЪ ИВАНОВИЧЪ, инвалидъ, прикащикъ Залѣсина, 70 лѣтъ.	<i>Г. Бобровъ.</i>
ОСИПЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ, писарь, 30 лѣтъ.	<i>Г. Разказовъ.</i>
СЛУГА.	<i>Г. Рупини.</i>

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ: въ 1-й, 3-й и 4-й картинахъ — въ домъ Залѣсина; во 2-й — въ домъ Буянцовой; въ первомъ актѣ въ *февраль* 1854 года, во 2-мъ въ *августъ* того же года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

(Комната въ домѣ Залѣсна).

I.

ОСИПЪ читаетъ книгу, ТРОФИМЪ выходитъ изъ кабинета Залѣсна.

Трофимъ (*подавая Осипу бумаги*). Вотъ, Осипъ Васильичъ, бумаги... баринъ велѣлъ переписать къ завтрашнему дню.

Осипъ. Очень хорошо, Трофимъ Ивановичъ! а я въ ожиданіи приказаній занялся здѣсь, такъ сказать, газетами, изучалъ политическія соображенія.

Трофимъ. Что же ты вычиталъ?

Осипъ. Очень многое, Трофимъ Ивановичъ, и такое, смѣю вамъ доложить, интересное. Только позвольте васъ спросить (*показывая газету*), что это тутъ толкуютъ, въ иностранныхъ извѣстіяхъ, о равновѣсіи? Какое же это, такъ сказать, равновѣсіе? новое что-ли постановленіе?

Трофимъ. Какъ тебѣ растолковать? Это должно бѣть такое постановленіе, что нашъ братъ пойдетъ на врага, да возьметъ басурмана на штыкъ, вотъ должно бѣть и всё тутъ равновѣсіе!

Осипъ. Нѣтъ, Трофимъ Ивановичъ, кажется, не то; это, такъ сказать, тамъ въ Европѣ разсуждаютъ, чтобъ было равновѣсіе!..

Трофимъ. Ну, такъ чортъ его побери, коли это тамошняя поведенція.

Осипъ. У нихъ въ парламентъ...

Трофимъ. Охъ, братецъ, не говори ты мнѣ про ихъ парламентъ! Видаль-ли ты, какъ иной разъ бабы сойдутся потолковать?

Осипъ. Какъ не видать!

Трофимъ. Слыхалъ, какъ онъ тутъ та-та-та, весь мiръ разберутъ, все сплётни на свѣтъ выведутъ, болтаютъ, спорятъ, рады грызться, вотъ тебѣ и у нихъ точёхоньхо такой же парламентъ; только вмѣсто сплётницъ-бабъ въ сарафанахъ, засядятъ тамъ мусью во фракахъ, да и городятъ всякъ свое; тотъ, дескать, слишкомъ богатъ, тотъ слишкомъ силенъ, ну, словомъ всё въ чужія дѣла суются. Зависть-то у нихъ, вишь, на сердце, пуще всего противъ батюшки нашего Царя, вотъ они и давай мѣшаться въ наши дѣла... Бьситъ ихъ, завистниковъ, что земля наша велика, что сила въ ней богатырская, что нѣтъ славнѣе и могучѣе нашего Царя, нѣтъ върнѣ русскаго народа. Соберутся они, окаянные завистники, толковать и сплётничать, да выпнютъ для куражу чарку-другую, вотъ тебѣ и парламентъ!.. беспорядокъ, буянство, сплётни и — всё тутъ!..

Осипъ. Да чтожъ ихъ не уймуть?.. Начальство-то что смотреть?

Трофимъ. А какое у нихъ начальство?.. только говорить не хочется!

Осипъ. А скажите-ка, Трофимъ Иванычъ, на счетъ политики, — какъ вы думаете...

Трофимъ (*перебивая его*). Охъ, Осипъ Васильичъ, что это у васъ всё на умъ политика!.. По моему, политика это, знаете, какъ скомандуютъ: «впередъ, ребята, коли!..» да какъ бросимся въ штыки, вотъ и вся наша политика...

Осипъ. Нѣтъ, Трофимъ Иванычъ, извините, вы политику не такъ понимаете, смѣю вамъ доложить: сраженье само-по-себѣ, а политика дѣло другое! Это вещь, такъ сказать, особенная, глубокая, Трофимъ Иванычъ, глубокая-съ.

Трофимъ. А много-ли ты въ ней смыслишь, гусь?..

Осипъ. Это я вамъ скажу, вещь тонкая! вотъ изволите видѣть: одинъ разсуждаетъ такъ и такъ; другой такъ и этакъ. Вотъ они каждый свое: по-моему, говорить, надо то; а по-моему, говорить, не то; и все такъ учтиво толкуютъ, знаете, тонко, хитро, въ этомъ-то и есть политика.

Трофимъ. Ну, коли такъ, то у меня политика такая: чужаго не беру, а моего не тронь, цыцъ!

Осипъ. Оно точно такъ, Трофимъ Иванычъ, наша политика, такъ сказать, великодушная, а у нихъ задорная; а все же полезно человѣку заниматься чтеніемъ. Оно, знаете, расширяетъ умъ.

Трофимъ. Ну, братъ, другому умъ не разширишь! Какъ ни дергай, на вершокъ не натянешь... ты у насъ дока, Осипъ Васильичъ, а вотъ ужъ я родился безграмотнымъ, такъ и умру такимъ; вашихъ хитростей не понимаю...

Осипъ. Баринъ сюда идетъ, прощенья просимъ, Трофимъ Ивановичъ! (*Уходитъ*).

II.

ЗАЛЪСИНЪ и ТРОФИМЪ.

Трофимъ. Ваше превосходительство, когда прикажете отправлять новобранцевъ?..

Залъсинъ. Не позже сегодняшняго вечера. Я сейчасъ ихъ благословилъ и простился съ ними!.. Вспомнилъ старину!.. Бывало, и я собирался на службу!.. (*Садится и задумывается*).

Трофимъ (*подходя къ нему почтительно*). О чемъ это, батюшка, ваше превосходительство, изволили пригрустнуть?

Залъсинъ. А тебя, Трофимъ, развѣ весело на душѣ? говори-ка по совѣсти...

Трофимъ. Да, изволите видѣть, батюшка, зависть-то смертельный грѣхъ!..

Залъсинъ. А какъ вспомнишь былое!.. что, старикъ?

Трофимъ. Былаго, батюшка, не воротить!.. а хорошо, кабы лѣтъ сорокъ съ костей долой!..

Залъсинъ. Пошли бы съ тобой, Трофимъ, по старому, а?

Трофимъ (*оживляясь*). Куда имъ молокососамъ противъ насъ? (*Махая рукой*) Да что!.. лучше и не думать!..

Залъсинъ. Какъ хорошо было въ молодости, Трофимъ!.. а на что мы теперь годны?..

Трофимъ. А на молитву-то, батюшка?.. Кто же намъ мѣшаетъ за нихъ молиться?..

Залъсинъ. Правду ты говоришь, старина! (*Помолчавъ*). Счастливы Сидоръ и Петръ!

Трофимъ. Вотъ вы, батюшка, все на свое!

Залъсинъ. И я когда-то отпускалъ сынковъ на Царскую службу, и мое сердце билось отъ гордости и обливалось кровью!.. Грустна была разлука, а весело было смотреть на молодцовъ!.. Въ нихъ, Трофимъ, была моя кровь!.. Какъ я, они порывались умереть за отечество, какъ я, не щадили они жизни своей!.. Тяжело мнѣ было услышать о ихъ смерти... но я благодарилъ

Бога за славную кончину дѣтей... (*Понизивъ голосъ*). Я гордился своими старшими сынками, Трофимъ!

Трофимъ. Грѣхъ вамъ, батюшка, не любить меньшаго.

Залѣснѣй. Не любить! ахъ, Трофимъ; худо же ты понимаешь отцовское сердце. Я въ немъ души не слышалъ. Онъ былъ сынъ моей второй жены, которую я любилъ, если можно, еще больше первой. Когда онъ родился—братъевъ его уже не было на свѣтъ. Онъ былъ у насъ одинъ, и, по просьбѣ ея, согласился я определить его въ статскую службу!.. я тогда еще думалъ: «потышу жену!.. а если настанетъ въ Россіи военное время... такъ вѣдь въ немъ моя кровь, надѣнетъ солдатскую шинель и пойдетъ по слѣдамъ братъевъ!» Видишь, какъ я обманулся!.. вотъ ужъ мѣсяць, какъ я жду, чтобъ онъ сказалъ слово!.. Хоть намекнулъ бы о желаніи идти на войну!.. и нѣтъ-таки, молчить. Иной разъ гляжу я на него и думаю: неужели сердце въ тебѣ каменное?.. неужели нѣтъ въ тебѣ русской души?.. Начну говорить про былое, рассказываю ему про наши походы... вижу—краснѣеть, жду, жду отъ него слова... одного слова, сердце дрожитъ отъ нетерпѣнія; хочу сказать ему: безчувственный! да сынъ ли ты мой? моя ли въ тебѣ кровь? но языкъ не ворочается!.. не могу съ нимъ объ этомъ говорить!.. больно, слишкомъ больно!..

Трофимъ. Батюшка!.. да развѣ надоэль вамъ сынъ, что такъ хочется отослать его отъ себя?

Залѣснѣй. Не понимаешь ты, братецъ!.. да *ему-то* слѣдуетъ проситься!.. я съ гордостью полюбовался бы его пылкой молодостью; я уважалъ бы его, Трофимъ... Больно мнѣ, что сынъ мой можетъ сидѣть дома, когда русская кровь льется за родину!.. а еще больнѣе, когда подумаю, что его здѣсь удерживаетъ...

Трофимъ. Ахъ, Господи, Боже мой!.. вѣдь онъ для вашей милости пріѣхалъ въ отпускъ.

Залѣснѣй (*улыбаясь*). И цѣлые дни проводитъ у сосѣдокъ?

Трофимъ. Эхъ, батюшка, ваше превосходительство, вспомните свою молодость!.. не грѣхъ и Михаилу Андреичу влюбиться въ Вѣру Александровну. Она барышня хорошенькая, веселенькая.

Залѣснѣй. Да только та бѣда, что она на него и не смотритъ, а старуха и спитъ и видитъ, чтобъ отдать дочь за богача...

Трофимъ. Вишь, ей, старой, мало своего богатства!..

Залъсинъ. Ну, какую же глупую, ничтожную роль играетъ тамъ Миша?.. нѣтъ, пора, пора ему въ городъ...

Трофимъ. А вотъ, ихъ милость сами сюда идутъ. (*Уходитъ въ боковую дверь, Михаилъ Андреевичъ входитъ въ среднюю*).

III.

ЗАЛЪСИНЪ и МИХАИЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

МИХАИЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ (*всторону*). Съ чего бы начать! Какъ мнѣ приступить?..

ЗАЛЪСИНЪ. Здорово, братецъ, что? какова сестра?..

МИХАИЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ. Мнѣ кажется, что ей сегодня гораздо лучше! какъ вы находите, батюшка?

ЗАЛЪСИНЪ. Сегодня я также спокойнѣе на ея счетъ.

МИХАИЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ. Дай Богъ, чтобъ она выздоровѣла до моего отъезда... вамъ не такъ будетъ скучно...

ЗАЛЪСИНЪ (*смѣясь*). Смотрите, какой самоуувѣренный!.. ты думаешь, я буду безъ тебя скучать?

МИХАИЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ. Я желалъ бы, чтобъ вы не скучали...

ЗАЛЪСИНЪ. Ахъ ты, болванъ!.. ты думаешь, я въ тебѣ души не слышу?..

МИХАИЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ. Я такъ увѣренъ въ вашей любви, что... что рѣшаюсь...

ЗАЛЪСИНЪ. Ну, опять что-нибудь новое? (*Всторону*). Уже не объ женитьбѣ-ли?

МИХАИЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ. Да, батюшка, я къ вамъ съ большой просьбой... то-есть, я... васъ хочу... я вамъ... я .. вы понимаете?

ЗАЛЪСИНЪ. Ни полъ-слова.

МИХАИЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ. Я давно желалъ поговорить съ вами... но все боялся огорчить... и притомъ болѣзнь сестры... наконецъ, я не знаю, какъ вы это примете... и... однимъ словомъ... наконецъ...

ЗАЛЪСИНЪ. Да я тутъ ни конца, ни начала не вижу! Говори ясно и откровенно.

МИХАИЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ. Я знаю, что слова мои огорчатъ васъ, батюшка.

ЗАЛЪСИНЪ (*всторону*). Такъ и есть!.. (*Вслухъ, сурьезно*). А если ты напередъ знаешь, что огорчатъ, такъ лучше и не говори!..

МИХАИЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ. Ахъ, поверьте, что я вѣкъ бы молчалъ, еслибъ не страдалъ невыносимо.

Зальснъ (*сердито*). Ради Бога, братецъ, не угощай меня этими невыносимыми страданіями! Человѣкъ съ твердой душой все можетъ перенести и нѣтъ для него ничего невыносимаго.

Михаилъ Андреевичъ. Такъ и для васъ, слѣдовательно, батюшка, нѣтъ жертвы, которой бы вы не принесли изъ любви къ дѣтямъ? Вотъ я пришелъ просить васъ принести мнѣ жертву...

Зальснъ. Чего же ты отъ меня хочешь?

Михаилъ Андреевичъ (*неръшително*). Вашего благословія.

Зальснъ. Ну, вотъ: я отгадалъ!..

Михаилъ Андреевичъ. Вы говорите это съ такой грустью...

Зальснъ. Ахъ, братецъ: старину всегда воспоминаешь съ грустью!.. а ты наномнилъ мнѣ мою молодость, мою первую любовь. И я когда-то былъ влюбленъ... что съ тобой?... да, и я былъ страстно, безумно влюбленъ въ первую жену мою. Женившись на ней, я былъ на верху блаженства... но вотъ... (*Смотря на него пристально*) открылся походъ въ Италію, это было въ 1799 году. Братъ мой и два корпусные товарища участвовали въ походѣ. Суворовъ велъ богатырей къ славнымъ побѣдамъ. Я благоговѣлъ съ дѣтства предъ его грознымъ именемъ. Сердце мое замирало, мыслью летѣлъ я вслѣдъ за великимъ полководцемъ, чувствовалъ свое призваніе, чувствовалъ, что мое мѣсто на бранномъ полѣ, въ рядахъ русскихъ воиновъ... Слава нашего оружія была мнѣ дороже жизни и счастья, грудь моя изнывала въ бездѣйствіи, сердце дрожало отъ нетерпѣнія: «не отстану отъ товарищей, думалъ я; не отпущу брата безъ себя; гдѣ будетъ литься ихъ кровь, тамъ прольется и моя, и гдѣ лягутъ ихъ головы, тамъ ляжетъ и моя!..» А между тѣмъ, семейная жизнь и тихое счастье улыбались мнѣ у домашняго очага... но я не вытерпѣлъ; высказалъ женѣ свое тайное желаніе. Ея благородное сердце поняло, что происходило въ душѣ моей, и, скрывая грусть свою, она благословила меня на царскую службу. Я отправился. Въ солдатской шинели шелъ я за великимъ Суворовымъ и былъ участникомъ въ безсмертныхъ сраженіяхъ при Трѣби и Нови, былъ очевидцемъ чудныхъ дѣлъ, грозной доблести, несокрушимой силы русскаго воинства. О, дивные часы провелъ я тогда на пути славы и побѣдъ! Я помню нашъ переходъ черезъ Альпы, гдѣ мы побѣждали природу непобѣдимую, гдѣ духъ Суворова явилъ сверхъестественную силу и совершилъ чудо!.. да мало ли было дивныхъ временъ на нашей родинѣ! Не успѣлъ я вымечтаться отъ жестокой раны, полученной при

Прейсишь-Эйлау, какъ опредѣлился снова на службу и шель черезъ Ботнической заливъ, въ рядахъ, предводимыхъ Барклаемъ, по льдистымъ скаламъ, по грудамъ снѣга, надъ страшными пучинами... а потомъ, въ двѣнадцатомъ году, въ незабвенную эпоху Отечественной войны, я снова былъ раненъ въ Бородинскомъ сраженіи... *(Номолчавъ)*. Вотъ опять, Миша, завлекся я своими воспоминаніями!.. Съ чего, бишь мы начали?.. да! я сказалъ тебѣ, что былъ влюбленъ, точно какъ ты теперь.

Михаилъ Андреевичъ. Я васъ не понимаю, батюшка, я... я пришелъ говорить съ вами о другомъ... *(Рѣшительно)*. Ну! будь, что будетъ! Я вамъ все выскажу... Я не могу дольше молчать!.. Батюшка!.. посмотрите на меня, и скажите: здѣсь ли теперь мое мѣсто?.. меня тяготитъ бездѣйствіе!.. Съ-тѣхъ-поръ, какъ загорѣлась война—тяжелая, страшная грусть завладѣла моимъ сердцемъ! Какъ вы, въ вашей молодости, порывался и я на смерть за родину; какъ вы, терзался я домашнимъ покоемъ, и когда победы Бебутова и Андроникова прогремѣли на востокъ, когда слава Синопскаго боя озарила нашъ флотъ, когда русская кровь потекла за честь отечества... терзанья стали невыносимыми. Въ безсиьной досадѣ проводилъ я безсонныя ночи! чувствовалъ, что я молодъ, что я русскій; завидовалъ братьямъ, умершимъ на войнѣ... во снѣ слышались мнѣ воинственные звуки, и я тысячу разъ рѣшался броситься къ вашимъ ногамъ... но тогда вспоминалъ я покойницу мать: не оставляй отца! говорила она мнѣ передъ смертью. При видѣ вашихъ сѣдинъ, вашей одинокой старости, при видѣ тяжкой болѣзни сестры, я не смѣлъ открыть вамъ своей души, боялся показаться вамъ неблагодарнымъ... Я не зналъ, что дѣлать, убѣгалъ васъ... но сегодня... *(нерѣшительно)*... сегодня мы объяснились съ сестрой, и видя ея выздоровленіе, я рѣшился поступить по ея совету и высказать вамъ все, что такъ долго таилось въ груди!.. Батюшка!.. простите меня!.. Батюшка... вы молчите.

Залѣсинъ *(обнимаетъ его молча и говоритъ, послѣ минутнаго молчанія)*... Я ошибся... я не понималъ твоего благороднаго сердца... Миша!.. вѣдь я давно ждалъ этихъ словъ... этой минуты.

Михаилъ Андреевичъ *(виль себя отъ радости)*. Батюшка... и вы отпускаете меня!.. вы согласны?..

Залѣсинъ. Согласенъ ли я?... Ахъ, Маша, я снова узналъ гордость родительской любви!.. *(Обнимая его)*: Ступай съ Богомъ,

дита мое! Служи честью и правдой!.. да сохранить тебя Господь на утѣшеніе моеи преклонной старости! (*Одушевляясь*). Будь храбръ и хладнокровенъ въ бою; помни; что русскій духъ великъ и въ опасности и въ торжествѣ; чуждайся жестокости къ побѣжденнымъ; будь набоженъ, иди съ вѣрой и упованьемъ!.. (*Вздохнувъ глубоко*). Да сохранить тебя Господь...

МИХАИЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ (*бросаясь къ нему въ ноги*). Батюшка! Батюшка!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

(Въ домъ Буянцовой).

I.

Г-ЖА БУЯНЦОВА и ВЪРОЧКА, (*первая раскладываетъ пасьянсъ, вторая сидитъ за книгой*).

БУЯНЦОВА (*говоря за кулисой*). Тише вы тамъ, безтолковые!.. Господи! какъ шумять!.. Не дадутъ выспаться Анатолю Михайловичу!..

ВЪРОЧКА (*улыбаясь*). Ну, нельзя сказать, чтобъ онъ не успѣлъ до-сихъ-поръ выспаться; теперь ужъ скоро двѣнадцать часовъ.

БУЯНЦОВА. Ахъ, Вѣрочка, ма-шеръ, ты ничего не понимаешь: вѣдь эти господа гранъ-жанръ всегда снятъ до перваго часа.

ВЪРОЧКА. Такъ они никогда ничѣмъ не занимаются?

БУЯНЦОВА. Ахъ, ма-шеръ, какая ты дурочка!.. объ чемъ же хлопотать такому богатому человеку, какъ Анатолю Михайловичу? У тебя, машеръ, престранныя сужденія, и вообще ты ни о чемъ не имѣешь понятія!.. Чему тебя учили въ Петербургъ?..

ВЪРОЧКА. Конечно, не многому, маменька; но вѣдь я въ этомъ не виновата!

БУЯНЦОВА. Я удивляюсь, мон-анжъ, какъ ты это не умѣешь быть привѣтливой... любезной. Вотъ недѣля какъ у насъ гоститъ этотъ шармантъ-омъ Анатолю Михайловичъ, ухаживаетъ за тобой, старается тебѣ нравиться, а ты съ нимъ такъ странно обходишься, ма-шеръ-ами!..

ВЪРОЧКА. Что же вы находите страннаго въ моемъ обхожденіи, маменька? Мнѣ съ нимъ весело, я разговариваю, смѣюсь!..

точно также, какъ съ Мишелемъ Зальсинимъ... но зачѣмъ же мнѣ показывать имъ серьезное вниманіе, когда ни одинъ изъ нихъ мнѣ не нравится?..

Буянцова. Ахъ, сдѣлай одолженіе, мон-анжъ, не говори мнѣ объ Зальсинѣ! ну, какое же сравненіе между имъ и Рюминимъ? какъ можешь ты ихъ ставить на одну доску? Анатолий Михайловичъ настоящій ком-иль-фо, а этотъ Зальсинъ, просто неизанъ.

Върочка. Я этого не нахожу. Мнѣ кажется даже, что у Зальсина и души и ума больше, чѣмъ у вашего фаворита.

Буянцова. Нѣтъ, сдѣлай одолженіе, птить, не говори такихъ глупостей. Я знаю намѣренія Анатолия Михайловича и надѣюсь, Върочка, что ты подумаешь наконецъ серьезно о своей судьбѣ.

Върочка. Боже мой, маменька, мнѣ такъ хорошо въ настоящемъ, что я не хочу думать о будущемъ.

Буянцова. Какая же у тебя пустая голова! (*Отнимая у нее книгу*): И всѣ эти романческія идеи отъ вашихъ глупыхъ книгъ?.. что ты это читаешь?

Върочка. Путешествія.

Буянцова. Вѣрно какой-нибудь глупый романъ?

Върочка. Это не романъ, маменька.

Буянцова. Все равно! дѣвицамъ не годится столько читать!.. ты ни о чемъ серьезномъ думать не хочешь!

Върочка. Придетъ время, подумаю.

Буянцова (*бросая книгу на столъ*). Это все отъ глупыхъ книгъ! Нѣтъ, сударыня, я вамъ говорю, что пора вамъ подумать о вашей будущности. Я не хочу, чтобъ вы отталкивали отъ себя счастье!

Върочка. Какъ можно его отталкивать!.. я такъ люблю счастье!.. такъ бы хотѣла всегда быть счастливой!..

Буянцова. Ты обо всемъ судишь неосновательно!.. нечего тебѣ разсуждать о счастьи, когда ты имъ пренебрегаешь. Сестра пишетъ мнѣ изъ Петербурга, что Анатолий Михайловичъ пріѣхалъ сюда съ намѣреніемъ просить твоей руки, а ты именно оттого не обращаешь на него вниманія, что онъ мнѣ нравится.

Върочка. Да скажите мнѣ, маменька, что вы въ немъ нашли необыкновеннаго?

Буянцова. Онъ добръ, солиденъ и богатъ... что тебѣ еще?

Върочка. О его добротѣ мы не можемъ еще судить: давно ли мы его знаемъ? солидность его меня ничуть не прельщаетъ, а богатство его для меня послѣдняя изъ послѣднихъ вещей.

Буянцева. Вотъ сужденія!.. кескесе, ма-шеръ, какія у тебя понятія!.. Это все отъ книгъ!.. я тебѣ запрещаю читать!.. Я всѣ книги выброшу за окно... Богатство — послѣдняя вещь, petite sottise!.. пожила бы ты въ хвалёной бѣдности.

Вѣрочка. Я нисколько ею не восхищаюсь, но не ищу и богатства, именно потому, что сама богата. (*Ласкаясь къ матери*). Вы такъ добры ко мнѣ, такъ меня балуете, что я поневолю довольна своей судьбой и не желаю переменъ.

Буянцева. Лиса ты, лиса ты, ма-шеръ; но подумай, какъ я была дружна съ матерью Анатоля, и какъ вы будете богаты, когда къ его состоянію присоединится твое! Да ты, мон-анжъ, будешь точно дюшесь. У тебя стѣны будутъ въ позолотахъ, портьеры самыя дорогія! будетъ толстый метръ-д-отель, который придетъ тебѣ докладывать: «мадамъ-э-серви!» А горничную ты наймешь мамзель, въ корсетъ и въ ботинкахъ. Когда ты поѣдешь на балъ, на тебѣ будетъ столько бриліантовъ, что при каждомъ твоёмъ движеніи, въ комнатѣ станетъ свѣтлѣе, точно отъ молніи. Войдешь ты въ залу такъ важно, плавно, точно лебедь! (*Ходитъ съ комической важностью*) и чуть-чуть кивнешь головой: bonjour monsieur. bonjour маме; всѣ кавалеры бросятся тебя приглашать.

Вѣрочка. Ахъ, какъ все это было бы скучно, маменька!..

Буянцева. Ужъ не хочется ли тебѣ мечтать, гдѣ-нибудь на чердакѣ, о любви и поэзіи, глядя на луну?

Вѣрочка. О, нѣтъ!.. я мечтаю о любви и поэзіи и при солнечномъ свѣтѣ!

Буянцева. Ты все противорѣчишь! У тебя голова не на мѣсть. Ну, скажи, что тебѣ не нравится въ Рюминъ? чего ты еще ищешь въ женихъ?

Вѣрочка. Маменька!.. да я жениха-то вовсе не ищу!.. вотъ погодите, маменька, когда мнѣ кто понравится, я вамъ скажу.

Буянцева. А я все боюсь, ма шеръ, не влюблена ли ты въ Зальсина?..

Вѣрочка. Къ сожалѣнію, нѣтъ!

Буянцева. Это еще что за новости!.. отчего къ сожалѣнію?

Вѣрочка. Оттого, что онъ благородный человѣкъ.

Буянцева. Конечно, онъ не дурной человѣкъ, грѣхъ солгать, но въ этомъ пейзажѣ нѣтъ ничего деликатнаго. (*За дверью слышно, какъ зываетъ Рюминъ*).

Вѣрочка (*смысьс*). Bravo, Анатолій Михайлычъ, какъ рано изволили проснуться!

Буянцова. Иванъ! Матрена! Аннушка! Петька!.. чаю!.. подайте скорѣ чаю и кофе!.. Иванъ, Матрена! глухіе!.. никогда не слышать!..

II.

ТЪ ЖЕ, РЮМИНЪ и слуги сбѣгаются со всѣхъ сторонъ.

Буянцова. Здравствуйте, дорогой гость! хорошо ли почивали? А вы, дураки, зачѣмъ не сидите въ передней? Какъ я рада, что вы здоровы!.. Самоваръ скорѣе, безтолковые!.. ты, медвѣдь, зачѣмъ не сидишь въ комнатахъ? садитесь Анатолий Михайлычъ, прошу покорно! (*Людямъ*): Да шевелитесь же, неповоротливые! (*Слуги разбѣгаются*). Хорошо ли вы почивали, дорогой гость?

Рюминъ (*цѣлуетъ ея руку*). Какъ нельзя лучше! благодарю васъ.

Буянцова (*всторону*). Какой почтительный, комиль-фо!.. (*Съ безпокойствомъ*).

Рюминъ. Вѣра Александровна! Здоровы ли вы?..

Вѣрочка. Какъ всегда...

Рюминъ. Слава Богу!.. вы меня успокаиваете!..

Вѣрочка. О чемъ же вамъ было безпокоиться?

Рюминъ. Я видѣлъ про васъ такой ужасный сонъ...

Буянцова. Вы меня извините, Анатолий Михайлычъ, я пойду похозяйничать! (*Тихо дочери*). Машеръ-амп, будь посурьознѣе! ты все смѣешься, точно une sottise! (*Уходитъ*).

III.

ВѢРОЧКА и РЮМИНЪ.

Рюминъ. Вѣра Александровна!..

Вѣрочка. Что прикажете, Анатолий Михайлычъ?

Рюминъ. Вы мнѣ ничего не отвѣчали...

Вѣрочка. Развѣ вы спрашивали?

Рюминъ. Я говорилъ вамъ, что видѣлъ васъ во снѣ...

Вѣрочка. Чтожъ мнѣ на это отвѣчать? тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго!

Рюминъ. По-крайней-мѣрѣ, это доказываетъ, что я объ васъ постоянно думаю,... тогда, какъ вы никогда обо мнѣ не вспоминаете.

Вѣрочка. Напротивъ!.. недавно еще, услышавъ что кто-то зѣваетъ за дверью, я подумала объ васъ.

Рюминъ. Это жестоко съ вашей стороны!..

Върочка. Что такое?

Рюминъ. Ваши насмѣшки...

Върочка. Я и не думала смѣяться...

Рюминъ. Вы всегда смѣетесь!.. Я не могу поймать въ васъ минуты серьезнаго размышленія.

Върочка. И не трудитесь ловить ее. Мнѣ такъ весело въ жизни, что я никогда не размышляю.

Рюминъ. А между тѣмъ, мнѣ часто кажется, что подъ очаровательной наружностью веселаго ребенка скрывается маленькій философ!..

Върочка (*улыбаясь*). Развѣ вѣчно смѣющійся Демокритъ!

Рюминъ. Счастливая природа!.. я вамъ завидую!..

Върочка. Ахъ, не завидуйте!.. Зависть такая гадкая вещь!.. советую вамъ лучше подражать мнѣ...

Рюминъ. Мнѣ? подражать вамъ?.. Смѣяться, когда въ душѣ отчаянье?.. Чего вы отъ меня требуете?

Върочка. Ахъ, я ничего не требую!.. я только советовала...

Рюминъ. Въмѣсто совета—скажите одно слово и во мнѣ произойдетъ этотъ чудный переворотъ...

Върочка. О, нѣтъ: мои слова не могутъ дѣлать чудесъ!..

Рюминъ. Вы притворяетесь, что не понимаете меня... но я вамъ не вѣрю!.. не вѣрю, чтобъ вы не угадывали причины моей грусти... вы знаете, что мѣшаетъ мнѣ предаваться безотчетно счастію видѣть васъ, любоваться вашимъ дѣтскимъ весельемъ!.. Вы, конечно, все знаете, все угадываете... но, какъ своенравный ребенокъ, вы не хотите въ томъ признаться, и притворяетесь слепой. Вы шутите моею любовью, а между тѣмъ...

Върочка (*живо прерывая его*). Погодите, погодите!.. Если ужъ пошло на откровенность, то скажите мнѣ прежде всего: сколько разъ вы говорили другимъ женщинамъ эти самыя слова?..

Рюминъ. Сколько разъ!.. Развѣ можно любить нѣсколько разъ?

Върочка. Не знаю можно ли, но знаю навѣрно, что вы не въ первый разъ собираетесь объясняться въ любви. Послушайте, Анатолій Михайлычъ, будемъ говорить искренно, какъ люди уважающіе другъ друга. Скажите мнѣ, сколько разъ вы были влюблены?

Рюминъ. Трудно отвѣчать...

Върочка. Потому, что вы потеряли счетъ!.. Но положимъ, что быть влюбленнымъ не значитъ еще любить... Я спрашиваю

васъ: сколько разъ вы любили искренно и сколько разъ забывали также искренно?.. Сколько клятвъ было нарушено?.. сколько обѣтовъ не исполнено?.. Сколько увлеченій осмѣяно?.. Не оправдывайтесь: васъ никто не обвиняет!.. у всѣхъ у васъ одно и тоже прошедшее!.. Я хочу вамъ только доказать, какъ трудно женщинамъ вѣрить вашимъ страстнымъ объясненіямъ, рассчитывать на ваше постоянство, ставить счастье всей своей жизни на одну карту, когда противъ нея столько шансовъ?..

Рюминъ. Вы странное созданіе, Вѣра Александровна!..

Вѣрочка. А вы думали, что веселая и безпечная молодая дѣвушка не можетъ внимательно присматриваться къ людямъ и отгадывать многое въ дѣйствительной жизни? Скажите же, права я, или нѣтъ?

Рюминъ. Вы правы, потому, что вы меня не любите; въ противномъ случаѣ, вы вѣрили бы мнѣ.

Вѣрочка. Какъ же вы хотите, чтобъ я любила васъ, чтобъ я вамъ вѣрила, когда я васъ такъ мало знаю?.. Вотъ почему я не хотѣла понимать вашихъ намековъ и прервала вашу рѣчь... Теперь мы объяснились и я спокойна!.. Давайте говорить о другомъ... Какъ? вы на меня сердитесь?.. Меня это огорчает!.. (*Добродушно*). Я не хотѣла васъ обидѣть, я была съ вами откровенна...

Рюминъ. Мнѣ? сердитесь?.. Я люблю васъ больше прежняго!..

Вѣрочка. (*грозя ему*). Опять!.. Я васъ уверяю, что это вамъ такъ кажется...

Рюминъ. Кокетка!.. вы сведете меня съ ума.

Вѣрочка. Фи!.. бранить женщинъ кокетками... это утѣшеніе уколотаго самолюбія!..

Рюминъ (*всторону*). Да это, просто, бѣсенокъ!

Слуга (*входя*). Анатолій Михайловичъ, барыня проситъ васъ въ столовую, чай кушать! (*Уходитъ*).

Рюминъ. - Сейчасъ приду! Вѣра Александровна, считайте меня всегда вашимъ лучшимъ, вѣрѣйшимъ другомъ! (*цѣлуетъ ея руку. Всторону*). Здѣсь дѣло плохо: надо атаковать непріятеля съ фланга... полюбезничаю съ belle-maman!.. (*Уходитъ*).

IV.

ВѢРА одна, потомъ МИХАИЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ ЗАЛѢСИНЪ.

Вѣрочка. Онъ назвалъ меня кокеткой потому, что я была съ

нимъ откровенна!.. Вотъ справедливость людская!.. да что объ этомъ думать?.. Я рада, что объяснилась съ нимъ и избавилась, хоть на время, его докучныхъ преслѣдованій. Онъ меня чуть было не разсердилъ, а я сердиться не люблю, это не въ моемъ характеръ... теперъ я снова буду весела! (*Увидя входящаго Замысина*). А... здравствуйте, здравствуйте Михайль Андрейчъ! (*Протягивая ему руку*). Пойдите-ка!.. поглядите на меня?.. да что это съ вами случилось?..

Михайль Андреевичъ (*улыбался и тихо удерживая ея руку*). Что васъ такъ удивляетъ во мнѣ?..

Вѣрочка (*смотритъ на него пристально*). Да я не узнаю васъ, это не ваши глаза, не вашъ голосъ!.. что съ вами случилось?.. вы такъ веселы!..

Михайль Андреевичъ. Потому, что я счастливъ.

Вѣрочка. Вотъ это такъ необыкновенно!.. я привыкла видѣть васъ всегда такимъ...

Михайль Андреевичъ. Сердитымъ, хотѣли вы сказать?

Вѣрочка. Нѣтъ, не сердитымъ.

Михайль Андреевичъ. Скучнымъ?

Вѣрочка. Угрюмымъ, печальнымъ, серьезнымъ.

Михайль Андреевичъ (*смѣясь*). Молчаливымъ, несноснымъ, неповоротливымъ.

Вѣрочка (*смѣясь*). Злымъ, дикимъ, и... медвѣженкомъ!

Михайль Андреевичъ. Продолжайте!.. продолжайте!..

Вѣрочка. Нѣтъ, довольно! портретъ оконченъ и удивительно похожъ.

Михайль Андреевичъ (*кланяясь съ улыбкой*). Душевно благодаренъ.

Вѣрочка. Не стоитъ благодарности! Я люблю говорить правду; я всегда ссорилась съ вами за вашу угрюмость.

Михайль Андреевичъ. Не только ссорились, даже ненавидѣли меня.

Вѣрочка. Вотъ, ужъ это неправда!.. Я въ жизни своей не знала ненависти; я всѣхъ готова любить.

Михайль Андреевичъ. Всѣхъ?

Вѣрочка. Всѣхъ, говорю вамъ, особенно веселыхъ.

Михайль Андреевичъ. Такъ вы меня сегодня немного любите?

Вѣрочка. Даже очень. Сегодня вы другой человекъ!

Михайль Андреевичъ. Это истинная правда!

Вѣрочка. Сегодня мы не будемъ ссориться?

Михайль Андреевичъ. Совершенно отъ васъ зависитъ...

Вѣрочка. Вы не будете называть меня ребенкомъ?

МИХАИЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ (*смѣясь*). Постараюсь забыть, что вы не только ребенокъ, но еще *прекапризный!*..

ВЪРЮЧКА. Прекрасно!.. тотъ назвалъ меня кокеткой, а этотъ капризной!.. Да растолкуйте мнѣ, что значить, по вашему, быть капризной...

МИХАИЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ (*полу-шутя, полу-серьезно*). Ежеминутно мѣнять свои чувства, не знать въ жизни ничего серьезнаго, отвѣчать шуткой на чувство, улыбкой на страданіе, смѣхомъ на теплую слезу. Ласкать одной рукой и отталкивать другой; плѣнять добротой и отдалять холодностью; иметь всегда наготовѣ страшный бичъ—холодную насмѣшку, чтобъ разить каждое светлое чувство, каждое благородное увлеченіе.

ВЪРЮЧКА. Продолжайте, продолжайте!..

МИХАИЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ. Нѣтъ, довольно!.. портретъ оконченъ и удивительно похожъ!..

ВЪРЮЧКА (*съ досадою*). И вы въ самомъ дѣлѣ такого обо мнѣ мнѣнія?

МИХАИЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ. Развѣ это можетъ огорчить васъ?

ВЪРЮЧКА. Какъ всякая несправедливость. Послушайте, съ чего вы взяли, что я встречаю насмѣшкой любовь и теплое чувство?.. я до-сихъ-поръ ихъ ни въ комъ не находила!.. Правда, за мной много ухаживаютъ, я окружена людьми, которые зовутъ себя моими друзьями... (*Выразительно*): но ни въ одномъ изъ нихъ не видѣла я искренней, откровенной привязанности, и считаю себя вправѣ смѣяться надъ ихъ избитыми фразами, вздохами и неясными намеками. Но еслибъ я встрѣтила душу прямую и теплую, которая высказалась бы мнѣ смѣло и откровенно, еслибъ я встрѣтила челоуѣка, который бы понялъ, что подъ наружностью безпечнаго ребенка скрывается во мнѣ любящее и теплое сердце, еслибъ онъ понялъ, что любовь мою можно заслужить... не колкими упреками, а благородной откровенностью..., еслибъ я встрѣтила въ мужчинѣ не плохаго актера съ затверженной ролью, съ мелкими заботами и мелкимъ самолюбіемъ, а челоуѣка одушевленнаго благороднымъ увлеченіемъ, тогда бы я доказала, что я не холодная кукла! (*Хочетъ идти*).

МИХАИЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ (*останавливая ее*). Вѣра Александровна! Вѣра Александровна!.. вы въ-правѣ презирать меня!.. я былъ грубъ, несправедливъ, не умѣлъ оцѣнить вашего благороднаго сердца... вы правы!..; но зачѣмъ же... зачѣмъ не хотите уга-

дать искренняго и глубокаго чувства, которое скрывается подъ несчастной робостью?.. Но зачѣмъ же ваше чуткое женское сердце не отгадало привязанности неподдѣльной!...

Вѣрочка (*съ волненіемъ*). Привязанность доказывается довѣріемъ.

Михаилъ Андреевичъ. Послушайте!.. сегодня я могу, я хочу, я *долженъ* быть откровеннымъ; сегодня я счастливъ и чувствую себя способнымъ высказать вамъ все.

Вѣрочка (*съ удивленіемъ*). Отчего же сегодня?

Михаилъ Андреевичъ. Оттого, что сегодня перестаю я быть рабомъ моей страсти, потому, что сегодня свѣтлое и отрадное чувство взяло верхъ надъ моею любовью, надъ ревностью, надъ всеми терзаньями несчастной любви... (*Съ увлеченіемъ*). Да, Вѣра Александровна! есть еще чувство, которое выше этой любви; есть слово могучее и сильное, которое отзывается въ сердце роднымъ и сладкимъ звукомъ! Въ немъ вся жизнь наша. Вѣра, честь, вѣрность, мужество, самоотверженіе... все содержитъ въ себѣ эта высокая любовь, въ которой какъ въ ясномъ зеркалѣ отражаются лучшіе инстинкты сердца!.. Этотъ живительный источникъ, этотъ священный двигатель, эта любовь называется—*любовью къ родинѣ!*

Вѣрочка (*живо и съ увлеченіемъ протягивая ему руку*). Говорите, говорите же. Я понимаю, я уважаю этотъ чистый восторгъ!.. этотъ великодушный порывъ!.. Вы говорили, что сегодня...

Михаилъ Андреевичъ. Я пришелъ проститься съ вами, Вѣра Александровна! завтра утромъ я отправляюсь въ Петербургъ, а оттуда въ армію... Дядя уже все устроилъ, будучи увѣренъ, что батюшка согласится. Сегодня рѣшилась судьба моя; сегодня отецъ благословилъ меня, и скоро сбудется мое пламенное, непобѣдимое желаніе!.. я вступлю въ ряды русскаго войска, пойду на враговъ отечества, увижу грозное величіе нашей силы, узнаю упоеніе воинской славы!..

Вѣрочка. И... вы ѣдете?..

Михаилъ Андреевичъ. Батюшка, съ своимъ чистымъ и высокимъ самоотверженіемъ, забылъ, что онъ остается одинъ съ больной дочерью, что лишается, быть можетъ, послѣдней опоры старости: онъ со слезами радости принялъ сегодня мое признаніе.

Вѣрочка (*съ одушевленіемъ*). Онъ русскій, я его понимаю...

Михаилъ Андреевичъ (*увлекаясь все больше и больше*). Да! рус-

скій человекъ всегда будетъ вѣренъ своему святому призванію. Все исчезаетъ въ душѣ его предъ яснымъ величіемъ любви къ Богу, къ престолу и отечеству... Въ этой любви вся сила его. Русское чувство Минина, русское единодушіе его сподвижниковъ, спасли наше отечество въ годину бѣдствія; русская любовь ополчилась на врага Европы подъ знаменемъ Александра, русское самоотверженіе озарило Москву огнемъ сокрушительнымъ и, въ настоящее время, русскіе воспрянуть съ силой и любовью единодушной, и не уронять славы своихъ предковъ!..

Вѣрочка. Да! да, я въ этомъ увѣрена... я это вижу и понимаю!.. и съ гордостью чувствую въ себѣ *русское сердце*...

Михаилъ Андреевичъ. О, пусть это священное чувство, которыми мы одушевлены, примиритъ насъ въ торжественную минуту разлуки... (*Взявъ ея руку*). Простите мнѣ мои колкія слова. Забудьте все, что происходило между нами.

Вѣрочка (*взволнованная*). Я... я также прошу у васъ прощенья... если мои дѣтскія выходки, мои ребячeskіе капризы когда-либо огорчали васъ... (*съ искренностью*): я увѣряю васъ... мы до-сихъ-поръ другъ друга не понимали.

Михаилъ Андреевичъ. Прошу васъ объ одномъ: будьте увѣрены, что моя робкая и скрытная привязанность была искренняя. Она не умѣла высказываться... но не презирайте ее: повторяю вамъ, она была искренняя...

Вѣрочка. Презирать!.. но... но я уважаю ваше чувство!..

Михаилъ Андреевичъ. Благословите же меня, Вѣра Александровна! (*Становится передъ нею на колѣна*).

Вѣрочка (*кладетъ ему руку на голову*). Какъ другъ... какъ сестра, призываю на васъ благословеніе Божіе!

Михаилъ Андреевичъ (*вставая*). Благодарю!.. теперь, прощайте!

V.

ТѢ ЖЕ и БУЯНЦОВА.

Буянцова. Вѣра, кескесе машеръ, ты оставляешь меня одну съ Рюминимъ... а!.. вотъ кто здѣсь!.. (*холодно*) bonjour msieur!

Михаилъ Андреевичъ. Я пришелъ проститься съ вами, Анна Ильинишна и благодарить васъ... за вашу дружбу... прощайте! (*Подходитъ къ Вѣрѣ и цѣлуетъ ея руку*)... Прощайте!.. (*въ дверяхъ*). Вѣра Александровна... будьте счастливы! (*Уходитъ*).

Бянцева. Чтò съ нимъ сдѣлалось?.. Вѣра, что съ тобой? что было антр-ву!

Вѣрочка. Онъ... ѣдетъ... на войну!..

Бянцева. Чтò?.. ахъ онъ, мой голубчикъ!.. ахъ онъ, мой красавчикъ. Ахъ, онъ мой сердечный!.. *(Подбѣгаетъ къ окну).* Михайль Андреечъ!.. добрый путь!.. *(Вытирая слезы)* Родной мой, похваль сражаться!..

Вѣрочка *(медленно подходитъ къ окну и смотритъ въ него).* Ухаль!... *(Отходитъ отъ окна и говоритъ въ раздумьи....)* Ухаль!..

Бянцева. Ахъ, онъ сердечный!.. Да что съ тобой, мон-анжъ? поди, займись гостемъ...

Вѣрочка *(глубоко задумавшись, прижимаетъ руку къ сердцу).* Маменька, маменька!.. зачѣмъ онъ ухаль!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

(Кабинетъ ЗАЛЪСИНА; налѣво диванъ и т. д., въ глубинѣ шахматный столикъ. Двѣ двери: одна всрединѣ, другая на лѣвой сторонѣ.)

I.

ТРОФИМЪ, ВѢРОЧКА *(входитъ).*

Вѣрочка. Здравствуй, мой добрый Трофимъ?.. Что? каковъ сегодня нашъ больной?

Трофимъ. Вышелъ погулять въ садъ, барышня... Все про васъ спрашиваетъ.

Вѣрочка. Ахъ, я вчера никакъ не могла его провѣдать: къ намъ пріѣхалъ этотъ скучный гость изъ города.

Трофимъ. Тотъ самый, который былъ прошлою зимою?

Вѣрочка. Тотъ самый. Онъ и сюда похваль съ нами; сейчасъ явится съ маменькой... Ну, скажи, Трофимъ, что твой баринъ?.. меньше ли грустилъ вчера?

Трофимъ. Да онъ все также тихъ, покорень... а какъ не грустить? одна дочь была и ту Богъ взял!

Взрочка. А скажи, Трофимъ, посланный еще не возвратился съ почты?

Трофимъ. Должно быть скоро будетъ... Ахъ, матушка, какъ баринъ обрадуется, какъ васъ увидитъ!.. Что бы съ нами было, кабы не вы? (*Подходя къ окну*). Вотъ баринъ прохаживается по дорожкѣ... позвольте доложить ему, что вы пріѣхали... ужъ онъ ждетъ не дождется веселенькой своей барышни...

Взрочка (*улыбаясь съ грустью*). Веселенькой!.. (*Вслухъ*) Напрасно однако онъ вышелъ сегодня на воздухъ.

Трофимъ. Вотъ и маменька ваша пришла съ г-мъ Рюминимъ.

Взрочка. Они идутъ сюда?

Трофимъ. Гость-то говорить съ бариномъ, а маменька входить въ горницу...

Взрочка. Я предвижу неудовольствіе...

II.

ТЪ ЖЕ и г-жа БУЯНЦОВА.

Буянцева. Прекрасно! прекрасно, Вѣра Александровна!.. вы съ каждымъ днемъ, ма-шеръ, становитесь милѣ!.. Зачѣмъ вы увѣхали впередъ!.. куда вы спѣшите?.. кескесе, ма-шеръ?.. на что это похоже?..

Трофимъ (*всторону*). Ахъ ты, старая кескесе!.. только и знаетъ, что бранится!.. (*Уходитъ нальво*).

Буянцева. Ты меня, ма-шеръ, хочешь уморить съ горя!.. Ну, какъ ты обходишься съ Рюминимъ?.. а онъ, просто, золото—не человекъ!.. Я его съ каждымъ днемъ все больше и больше уважаю.

Взрочка. А я васъ умоляю, маменька, перестаньте его обнадеживать вашими ласками...

Буянцева. Та-та-та, petite sottе!.. да что ты наконецъ о себѣ думаешь?.. да съ какихъ ты перъ вышла изъ повиновенія?.. да въ какихъ ты книгахъ почерпнула такія правила?.. Я тебя, ма-шер-ами, не позволю зазнаваться!.. я, мон-анжъ, посажу тебя на-хлѣбъ на-соль!.. я всѣ книги твои выброшу за окно; я тебя, пароль-донеръ, никуда не стану пускать... Вотъ, ма-шеръ, до чего ты меня довела! Если ты меня не хочешь потышить, такъ я не стану тебя баловать!..

Взрочка. Маменька!.. зачѣмъ мнѣ быть любезной съ Рюминимъ?.. вѣдь я все-таки не выйду за него замужъ?

Буянцова. Это еще мы увидимъ, мон-анжъ!

Върочка. Какъ онъ неделикатенъ!.. Онъ видитъ, что я его не люблю... благородный человекъ давно бы удалился. (*Хочетъ идти*).

Буянцова. У алле-ву? у алле-ву? Върочка, ты, ма-шеръ, совсѣмъ растрепалась!.. посмотри, на что ты похожа? Кель орреръ!.. поправь волосы!.. (*Садясь*). Одно чтеніе въ головъ! арранже-ву!.. Охъ, какъ я устала!

III.

ТЪ ЖЕ, РЮМИНЪ и ЗАЛЪСИНЪ.

(*Върочка бѣжитъ на встрѣчу къ Залъсину, беретъ его руку, усаживаетъ его въ кресло*).

Върочка. Ахъ, Андрей Николаичъ... вы совершенно перестали исполнять мои просьбы!.. Можно ли такъ долго гулять? воздухъ сегодня холодень...; не стыдно ли вамъ?.. а кто даль мнѣ слово беречь себя?.. погодите!.. я разсержусь на васъ; буду дуться, капризничать, не стану вамъ читать Ммхайловскаго-Данилевскаго... мы совсѣмъ поссоримся!..

Залъсинъ (*смыльсь и цѣлуя ея руку*). Простите, въ послѣдній разъ!

Рюминъ. О!.. да какъ вы умѣете сердиться, Вѣра Александровна!

Залъсинъ. Э! э!.. вы не знаете еще, какая она у насъ злая и сердитая!.. Когда я не хочу принимать лекарства, Трофимъ все стращаетъ, что пожалуется Върочкѣ!.. Я говорю ему: «Ты думаешь, я боюсь ее? Давно ли я носилъ ее на рукахъ? что мнѣ ее бояться!»—Пожалуюсь, говоритъ, да и только!..—Ну, Богъ съ тобой, жалуйся!.. мнѣ все равно!.. а какъ придетъ моя командирша, я и начинаю ретироваться: «Трофимъ!.. не говори!.. сдѣлай одолженіе!», а Трофимъ все свое: «пожалуюсь!» Я еще минуту похрабрюсь, но только она ко мнѣ въ комнату... я поскорѣй давай глотать эту бурду, которой они меня съ докторомъ угощаютъ.

Върочка (*смыльсь*). Хорошо еще, что страхъ есть!.. а то бы хоть рукой махни!..

Залъсинъ. Ахъ вы, моя строгая командирша!.. да кого же мнѣ и слушать, кромѣ васъ?.. Я бы здѣсь умеръ съ тоски, елибъ вы меня оставили!.. кто умѣлъ бы успокоить и развесе-

лить меня, какъ вы!.. Я самъ знаю, что бываю иногда нестерпимо скучень... тоскую... такъ тоскую, что сердце поеть!.. но вдругъ услышу голосъ Вѣрочки... *(Съ чувствомъ)*... и этотъ ласковый, милый голосокъ поетъ родныя мнѣ слова... переносятъ меня въ давно-минувшее время... я молодью... мнѣ весело!.. *(смыльсь)* такъ весело, будто я снова въ полку, въ кругу друзей и товарищей!.. и грудь моя дышетъ свободнѣе... все прошедшее воскресаетъ для меня!.. *(Грустно)* Тогда хорошо было жить на свѣтъ!.. не то, что теперь въ старости!.. Вотъ и сегодня я хандрить все утро, хандрить и думалъ: скоро ли придетъ моя командирша?.. ужъ она повеселитъ старика!

Вѣрочка *(грозя ему)*. Вижу, вижу, до чего вы добираетесь!.. ну, извольте Андрей Николаевичъ... только поторгуемся!.. вы будете принимать лекарство?

Залѣсинъ *(съ кислой миной)*. Ффф!.. опять вашу бурду? Ну, нечего дѣлать!.. согласенъ!..

Вѣрочка. По рукамъ?

Залѣсинъ. По рукамъ!..

Вѣрочка. Которую же прикажете пропить?

Залѣсинъ. Разумѣется, любимую!.. *(Вѣрочка поетъ «Громъ победы раздавайся».* Во время ея пѣнія, Залѣсинъ то принимаетъ ей вторить, то слушаетъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ; улыбается, смѣется, лицо его одушевляется... послѣднія слова они поютъ вмѣстѣ).

Залѣсинъ. Еще!.. еще!.. Да!.. вотъ такъ пѣвали мы въ старину... *(Смыльсь)*. А вѣдь славно поетъ командирша!.. любо солдатскому сердцу слушать ее... Ну, скажите, кто бы сталь такъ баловать меня, какъ эта шалунья?..

Рюминъ *(тихо Вѣрѣ)*. Вы всегда, вездѣ одна и та же!..

Вѣрочка *(всторону)*. Да ужъ и вы всегда, вездѣ одинъ и тотъ же!..

Буняцова *(всторону)*. Какъ бы устроить, чтобъ онъ могъ съ ней объясниться! *(Вслухъ)*: Андрей Николаичъ, что бы намъ кончить до обѣда давшиную партію?.. сядемте-ка за шахматы!..

Залѣсинъ. Съ удовольствіемъ, матушка!.. сядемъ... *(Садятся за шахматы)*.

Вѣрочка *(всторону)*. Я это предвидѣла!.. опять должно съ нимъ заниматься! *(Садится на диванъ и беретъ работу)*.

Рюминъ *(усаживаясь возлѣ нея)*. Вѣра Александровна, рѣшите мнѣ, пожалуйста, одну задачу!..

Вѣрочка. Какую?..

Рюминъ. Вотъ, извольте видѣть: представьте себѣ, что по дороге идетъ слѣпецъ...

Вѣрочка (*всторону, смѣясь*). Слѣпецъ: это я! (*вслуухъ*) Представляю.

Рюминъ. У этого слѣпца есть другъ.

Вѣрочка (*улыбалась*). А!.. другъ?.. что же дальше?

Рюминъ. Другъ видитъ, что слѣпецъ идетъ по краю пропасти и говоритъ ему: остерегись! тебя ожидаетъ гибель на этомъ пути.

Вѣрочка (*наивно*). Въ моихъ дѣтскихъ книгахъ было что-то похожее на эту басенку...

Рюминъ. Слѣпецъ не врить. Ему нравится путь, который онъ избралъ...

Вѣрочка. Бѣдный слѣпецъ!..

Рюминъ. Теперъ рѣшите: какъ долженъ былъ поступить другъ?.. предоставитъ-ли слѣпца его участи или вывести его изъ заблужденія?..

Вѣрочка. Въмѣсто отвѣта, я вамъ расскажу также басенку, менѣе замысловатую...

Рюминъ. Я васъ слушаю.

Вѣрочка. Была одна вѣтряная, безпечная дѣвушка...

Рюминъ. Отъ которой всѣ были безъ ума...

Вѣрочка. Безъ поясненій!.. Эта дѣвушка была весела и счастлива, потому что довольствовалась своей судьбой.

Рюминъ. Словомъ: это былъ маленькій философъ въ юбкѣ...

Вѣрочка. Не бранитесь! У этой дѣвушки былъ одинъ знакомый, который назывался ея другомъ...

Рюминъ. Какой же это былъ человекъ?..

Вѣрочка (*холодно*). Очень милый и умный, но онъ ухаживалъ за дѣвушкой...

Рюминъ. Любилъ её безъ памяти, искалъ ея руки и любви.

Вѣрочка. Но она отказала ему и въ томъ и въ другомъ...

Рюминъ (*сconfузясъ*). Гм!..

Вѣрочка. Потому, что не отвѣчала на его чувство... Этотъ человекъ, или другъ, сталъ дѣйствовать изъ-подтишка; поддѣлался къ ея матери, склонилъ ее на свою сторону...; но этого мало! Другъ вздумалъ ревновать... да еще ревновать къ отсутствующему... вообразите, какой странный! Что-жъ вы думаете?

Онъ началъ вдругъ чернить своего мнимаго соперника... выдумалъ какой-то небывалый романъ...

Рюминъ. Сказалъ ей смѣло и откровенно: человекъ, котораго вы любите...

Върочка. Онъ не зналъ, любить ли она его.

Рюминъ. Человекъ, котораго вы любите, не стоитъ вашей привязанности. Онъ обманывалъ ваше доверчивое сердце; онъ шутилъ вашимъ чувствомъ. Въ то самое время, какъ онъ старался возбудить вашу любовь, онъ игралъ другимъ сердцемъ, губилъ другую женщину...

Върочка. И эта женщина!..

Рюминъ. ... Жила въ томъ же городѣ, гдѣ онъ служилъ. Разлучившись съ ней, онъ писалъ ей страстные письма, наполненные клятвами.

Върочка. Да!.. всё это говорилъ другъ моей двушкѣ; но, вообразите: — она ему не вѣрила.

Рюминъ. Стало быть, она считала его негодяемъ?

Върочка (*добродушно*). О, нѣтъ!.. но легковѣрнымъ. Она говорила ему: «я вѣрю чести русскаго солдата».

Рюминъ. Но если у друга есть доказательства? Если, одушевленный желаніемъ спасти ту, которую онъ любилъ, онъ не щадилъ труда, чтобъ имѣть въ рукахъ эти доказательства; если... ему удалось завладѣть тайной перепиской?.. и если... (*показывая на карманъ*) эти письма здѣсь?

Върочка (*взволнованная, почти съ крикомъ*). Не смѣйте мнѣ ихъ показывать! Я не вѣрю! напередъ не вѣрю!.. (*Опомнилась и старалась казаться спокойною*). Видите ли, мнѣ больно сомнѣваться въ благородствѣ этого человека, хотя онъ мнѣ совершенно чужой.

Рюминъ (*вынимая письма*). Я думаю, вамъ знакомъ почеркъ Зальсина, по письмамъ его къ отцу? (*Показывалъ ей письма*). Узнаете ли вы?

Върочка (*судорожно схвативъ письма*). О, нѣтъ!.. этого быть не можетъ! (*разсматривая письма*). Это его почеркъ! (*Всторону*) Боже! какое терзанье!.. (*смотря въ письма*): Кто эта Marie? (*Рюмину*) Ну, чтожъ?.. да!.. я знаю этотъ почеркъ... Но, вы... видите... (*улыбаясь принужденно*) я спокойна. Это до меня не касается!.. (*всторону*) Возможно-ли?.. онъ, онъ... котораго я такъ уважала!.. (*отдаетъ письма Рюмину*). Не понимаю, что вамъ была за охота отрывать эту глупую переписку! (*оста-*

новьясь и какъ будто оживляясь счастливою мыслью): но... скажите, когда эти строки были писаны?

Рюминъ. Кажется... число не выставлено.

Върочка (съ нетерпѣливомъ). Дайте!.. я хочу видѣть!..

Рюминъ. Но вы говорили, что это дѣло до васъ не касается!

Върочка (съ повелительнымъ и нетерпѣливымъ движеніемъ). Покажите!..

Рюминъ (какъ будто нехотя, даетъ ей письма).

Върочка (живо смотритъ на подпись и, опустивъ голову, говоритъ сквозь слезы). Онъ писалъ ихъ недавно!..

Рюминъ. Теперь вы вѣрите?.. теперь вы видите, что другъ поступилъ благоразумно?..

Буянцева. Cher Anatole!.. придите-ка сюда на минуту!.. дайте мнѣ добрый совѣтъ...

Рюминъ (съ досадою). Вотъ во-время!.. (идетъ къ ней и смотритъ на ихъ игру.—Върочка остается на аванъ-сценѣ въ оцѣпенѣннѣи).

Трофимъ (выходя изъ боковой двери). Чтò бы это значило?.. Какія это письма?.. Вижу я, что тутъ обманъ, да какъ бы его объяснить? (Подходитъ къ Върочкѣ и говоритъ тихо, притворясь, что стираетъ пыль съ дивана). Оставьте у себя хоть одно письмо... все объяснится!..

Върочка (вздвинувъ). Ты все слышалъ?

Трофимъ. Эхъ, пыль какъ садится!.. цѣлый день знай себя вытирай... (Въра торопливо прячетъ одно письмо въ карманъ).

Рюминъ (возвращаясь къ Върочкѣ). Повѣрьте, Въра Александровна, что одна искренняя привязанность къ вамъ внушила мнѣ эту мысль! (Беретъ у нее пакетъ писемъ и прячетъ ихъ въ карманъ).

Върочка (машинально). Благодарю васъ!..

Буянцева. Что это, ма-шеръ-ами, какъ ты блѣдна?

Върочка. (ободряясь и подходя къ матери). Ничего, увѣряю васъ.

Трофимъ (всторону). Играй себѣ, шеръ-ами, въ шахматы!..

Буянцева. Что это вы тамъ читали съ Анатодемъ Михайлычемъ?..

Рюминъ (поспѣшно). Мои дорожныя записки!. (всторону:). Мамашъ ничего не надо знать про письма!..

Трофимъ. Однако, долго что-то почты не несутъ!.. Пойти еще посмотреть: не видать ли Вани?.. (Уходитъ).

Вѣрочка (*вздрыгнувъ*). Почта?.. да!.. но теперь мнѣ ужъ нечего ждать!.. (*Зальсину*). Андрей Николаичъ! вѣдь вы даромъ отдаете ладью!..

Зальсинъ. Правда, правда!.. Что это со мной сегодня?.. (*всторону*) Сейчасъ принесутъ почту!.. (*вслухъ*)... Спасибо, командирша!.. Вотъ дочка помогаетъ обыгрывать матушку!..

Бунцова (*съ досадою*). Таковъ свѣтъ теперь Андрей Николаичъ!.. Это онъ все въ книгахъ учатся!.. (*Вѣрь*) Кто тебя просилъ совѣтовать? алле-ву-занъ, ма-шеръ-ами!

Трофимъ (*вбѣгаетъ въ комнату съ газетами и письмами, за нимъ толпятся дворовые и стаиваются около двери; впереди всѣхъ писарь*).

Трофимъ (*весело*). Газеты! письма!.. Ваше превосходительство, два письма!.. одно отъ барина!.. (*Отдаетъ Вѣрочкѣ всѣ бумаги*). Читайте, матушка!

Зальсинъ (*взволнованнымъ голосомъ*). Распечатайте же скорѣе, командирша!..

Вѣрочка (*развертывая газеты, говоритъ съ восхищеніемъ*). Извѣстія изъ Азіатской Турціи... Князь Бебутовъ нанесъ, 24-го іюля, совершенное пораженіе шестидесятитысячному непріятельскому корпусу, передъ Карсомъ!.. (*Общее, радостное восклицаніе*).

Зальсинъ (*беретъ у нея газеты и говоритъ дрожащимъ отъ радости голосомъ*). Да!.. милостивъ Богъ!.. послалъ побѣду русскому оружію!..

Трофимъ (*внѣ себя отъ радости*). Порадовалъ же насъ Господь!.. Вотъ, батюшка, хандра-то у васъ видно была передъ радостью...

Всѣ. Слава тебѣ Господи!..

Зальсинъ (*Людямъ*). Ну, дѣти, молитесь Богу!.. Трофимъ!.. завтра всѣхъ освободить отъ барщины!.. Закажи обѣдню... и чтобъ всѣ шли въ церковь, а оттуда ко мнѣ обѣдать!.. Смотри, старикъ, угощай, хорошенько, купи вина!

Трофимъ. Радъ стараться, ваше превосходительство! (*Зальсинъ перечитываетъ газету*).

Писарь (*Подкравшись къ Трофиму, говоритъ ему тихо*). Газету-то, Трофимъ Ивановичъ, когда освободится, позвольте мнѣ изучить.

Трофимъ. Какое тутъ, братъ, изученіе?.. Поколотили Турокъ какъ слѣдуетъ: тутъ и учиться нечему.

ПИСАРЬ. Вы, Трофимъ Ивановичъ, все, такъ сказать, по военному, а мы такъ любимъ заниматься соображеньями.

ТРОФИМЪ (*сердась*). Да говорятъ тебѣ, что турецкое соображеніе поколочено!

ЗАЛЬСИНЪ (*распечатываетъ письма*). Сынъ самъ пишетъ!.. поэтому, онъ, слава Богу, здоровъ!.. А вотъ это что за письмо съ черной печатью?.. и почеркъ незнакомый!.. не могу ничего разобратъ... (*Подавая письмо Вьрочкѣ*). Прочитайте-ка, матушка, чья подпись!

ВЬРОЧКА. Какого-то Зимина.

ЗАЛЬСИНЪ. Ахъ, это товарищъ моего зятя: они вмѣстѣ отправились въ Дунайскую армію!.. Ну, что мой зять?.. (*Вздыхнувъ*). Знаетъ ли онъ, что я лишился дочери, а онъ жены?.. Что же вы, командирша, не читаете?

ВЬРОЧКА (*въ смущеніи*). Я... я... вашъ зять раненъ, и очень сильно.

ЗАЛЬСИНЪ (*беретъ у нее письмо*). Дайте!..

ВЬРОЧКА. Погодите, погодите!.. не читайте!..

ЗАЛЬСИНЪ. Понимаю!.. (*Пробывая письмо*). Убить!.. (*Общій возгласъ сожалѣнія. Зальсинъ стоитъ, выпрямившись, спокойно, только губы его дрожатъ*).

ТРОФИМЪ. Царство ему небесное!.. Завидная смерть, батюшка.

ВЬРОЧКА (*ласково беретъ руку Зальсина*). Но сынъ вашъ живъ; онъ замѣнитъ вамъ всѣхъ!

БЯНЦОВА. Ахъ, бѣдный Андрей Николаичъ!.. въ такое короткое время лишиться дочери и зятя!.. Какой чудный былъ человекъ!.. И малютки-то остаются круглыми сиротами!..

ЗАЛЬСИНЪ (*съ кротостью и спокойно*). Не смущайте меня, матушка!.. Его участь завидна: онъ умеръ за родину. (*Слегка дрожащимъ голосомъ*). Да упокоитъ Господь его душу!.. (*Бодро*). Не плачьте, друзья мои; не омрачайте эгоистическою грустью чистую радость сегодняшняго счастливаго извѣстія! Здѣсь—дѣло идетъ объ одномъ семействѣ, тамъ—о славу родины.

ВЬРОЧКА (*всторону*). Ну, возможно ли, чтобъ у этого отца былъ безчестный сынъ!.. О, нѣтъ!.. я чувствую, что Мишель оправдается!..

ЗАЛЬСИНЪ. Что-то пишетъ Миша?.. понюхалъ ли онъ пороху при Карсѣ? (*Въра отворачивается, чтобъ скрыть свое волненіе. Рюминъ смотритъ на нее пристально*).

ЗАЛЬСИНЪ. Видно спѣшилъ... не узнать его руки!.. (*надъвѣаетъ*

очки и читаетъ). «Батюшка! благодарите за меня Бога. Я былъ въ сраженіи, видѣлъ торжество русскаго оружія, и горжусь раной, которую получилъ въ плечо... Не бойтесь, она не опасна! Къ несчастію, я не могу продолжать службы, пока не вылечусь совершенно. Буду лечиться къ вамъ, а тамъ, что Богъ дастъ. Прощайте, скоро увидимся!» (*Залѣсинъ молча прячетъ письмо въ карманъ и кажется совершенно спокойнымъ. Трофимъ стоитъ неподвижно, опустивъ голову, Вѣра держитъ руку старика*).

БЯНЦОВА (*тихо Рюмину*). Нѣтъ, ужъ видно ему плохо; онъ понапрасну не сталъ бы пугать!..

ЗАЛѢСИНЪ. Трофимъ!

ТРОФИМЪ Что прикажете, ваше превосходительство?

ЗАЛѢСИНЪ (*весело*). Вѣдь и я когда-то былъ раненъ, да еще какъ,—на-вылетъ!.. и ничего, — живу себѣ... сколько лѣтъ живу!..

ТРОФИМЪ. Известное дѣло, батюшка! Ужъ убить, такъ на мѣсть убьютъ... а что такое рана? не Богъ вѣсть какая невидаль!.. (*Вытирая украдкой слѣзы*). Ничего! поздравляю васъ, ваше превосходительство!..

ЗАЛѢСИНЪ (*съ веселымъ лицомъ*). Ты правъ, Трофимъ: меня можно поздравить!.. ну, завтра всѣмъ по два стакана вина: одинъ за побѣду, другой за Мишину обновку.

ТРОФИМЪ (*сквозь слезы*). Вотъ такъ!.. по-старому; по-солдатски!

ЗАЛѢСИНЪ. Теперь, другъ мой, оставьте меня одного!.. (*Тихо Вѣръ*). Помолись за него, дитя мое!.. (*Садится въ кресло. Всплываются, кромѣ Вѣры*).

IV.

ЗАЛѢСИНЪ и **ВѢРОЧКА**. (*Залѣсинъ въ креслахъ. Вѣра возлѣ него на коленяхъ. Онъ держитъ ея руки, сложенныя къ молитвѣ*).

ВѢРОЧКА (*тихо и задумчиво*). Господи! Ты видишь слабость отцовскаго сердца!.. прости ему минутную скорбь!.. сойди миромъ въ мятежную душу! Онъ готовъ покориться безропотно Твоей воли; но онъ молить Тебя изъ глубины старческаго сердца: сохрани ему сына, опору его одинокой жизни!.. будь милосердъ къ престарѣлому воину... отдай ему его единственное дитя!.. (*Залѣсинъ наклоняется къ Вѣрѣ, и прижимаете ее къ своему сердцу. Занавѣсъ опускается*).

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

(Комната Трофима. Направо от зрителя боковая дверь; въ глубинѣ другая, чрезъ которую виднѣнъ корридоръ. Въ комнатѣ старое кресло, скамейка, два-три стула, простой, дубовый столъ и на немъ счеты и счетныя книги. На гвоздѣ виситъ полотенце и военная фуражка; на стѣнахъ нѣсколько лубочныхъ картинъ).

I.

Трофимъ. Такъ ты говоришь, братецъ, что видѣлъ г. Рюмина въ городѣ.

Писарь. Докладываю вамъ, Трофимъ Ивановичъ, что я шесть дней тому назадъ былъ въ городѣ и встрѣчалъ тамъ ихъ благодаріе.

Трофимъ. А не знаешь ли, къ кому онъ тамъ ѣздилъ?

Писарь. Какъ не знать? вамъ извѣстно, что племянница моя въ супружествѣ съ кучеромъ г. Видошилова?

Трофимъ. Ну, да! вѣдь ты къ ней и ѣздилъ?

Писарь. Теперь г. Видошиловъ, такъ сказать, въ супружествѣ съ вдовою родной сестрой Рюмина.

Трофимъ. А какъ ее зовутъ?

Писарь. Именуются онъ Марьей Никитишной.

Трофимъ. Она дочь здѣшняго помѣщика, Блявскаго?

Писарь. Точно такъ-съ.

Трофимъ. Вотъ вѣдь я угадалъ!

Писарь. А извѣстно ли вамъ, Трофимъ Ивановичъ...

Трофимъ. Послушай братецъ, ты зачѣмъ кричишь?.. *(Тихо ему)* Вѣдь здѣсь кричать не надо!.. знаешь?.. ну, говори же, только потише.

Писарь. Извѣстно вамъ, что нашъ молодой баринъ, лѣтъ шесть тому назадъ, былъ влюбленъ въ Марью Никитишну?

Трофимъ. А мнѣ почему знать? Я бабихъ сплетень не слушаю! Какое мнѣ дѣло, въ кого господа влюбляются?.. да притомъ Михайла Андреечъ былъ тогда очень молодъ.

Писарь. Имъ было лѣтъ восемнадцать, Трофимъ Ивановичъ; а въ эти лѣта, смѣю доложить, сердце ужъ за двѣ версты узнаетъ смазливенькія личика.

Трофимъ. Полно, Осипъ Васильичъ: господа еще и въ двадцать лѣтъ сидятъ за книгами.

Писарь. Охъ, не верьте имъ, Трофимъ Ивановичъ: сидятъ-то они за книгой, да глаза-то у нихъ черезъ книгу. Умъ-то, быть

можетъ, погруженъ въ науку, но сердце въ хорошенькія глазки...

Трофимъ. Какъ тебѣ, братецъ, все хочется быть умнѣ другихъ?

Писарь. Слыхаль также, что барышня не раздѣляла, такъ сказать, его страсти: «мальчикъ» дескать.

Трофимъ. Охъ, Осипъ Васильчъ, языкъ у тебя по-истинѣ безъ костей.

Писарь. Второй денекъ, Трофимъ Иванычъ, праздную побѣду, такъ оно, знаете, языкъ-то и развяжетъ.

Трофимъ. Да говорятъ тебѣ, тише!.. забылъ, что ли?

Писарь. Прощенья просимъ, Трофимъ Иванычъ!..

Трофимъ. Съ Богомъ, съ Богомъ, Осипъ Васильчъ. *(Писарь уходитъ).*

II.

ТРОФИМЪ одинъ, потомъ ВЪРОЧКА.

Трофимъ. Какъ бы мнѣ переговорить съ барышней?.. погоди-ка мусье Комиль-фо!.. доберемся мы до тебя!.. грѣховодникъ!.. вишь какую напуталь исторію!.. *(Отворяетъ среднюю дверь).* Она, должно быть, скоро поѣдетъ домой и пройдетъ здѣсь по корридору... Матушка-то думаетъ, ужъ дѣло улажено, а вотъ увидимъ!.. Кто-то идетъ? *(въ корридоръ показывается Вьрочка)* Барышня, матушка моя!.. вы часто проходите мимо моей кельи, а ни разу въ нее не заглядывали; окажите милость и честь, вѣкъ не забуду!.. войдите хоть на минуту!

Вьрочка *(входитъ).* Здравствуй, добрый Трофимъ!

Трофимъ. Что это вы, матушка, какъ мало сегодня у насъ погостили, —небольше получасика.

Вьрочка. Да я еще не увѣжаю; я все жду маменьки. Она хотѣла за мной пріѣхать... мнѣ надо съ ней поговорить... Я боюсь, чтобъ она безъ меня не дала слова... Ахъ, какая я сумасшедшая!.. сама не знаю, что говорю!.. Я тебя искала Трофимъ... *(Неръшительно и въ большомъ волненіи):* хотѣла поговорить съ тобой: ты меня вчера такъ удивилъ!..

Трофимъ. Матушка! я невольно услышалъ вашъ разговоръ, и мнѣ точно кто въ ухо шепнулъ, что дѣло нехорошо, что рѣчь идетъ о моемъ молодомъ баринѣ... Ну, ужъ тутъ, изви-

ните, матушка, не прогнѣвайтесь... ей-ей, чуть съ досады не лопнулъ!..

Вѣрочка. Я не могу вѣрить... но... но почеркъ?.. (*Стараясь улыбнуться*). Ну, чтожь? Богъ съ нимъ!..

Трофимъ. Барышня! я право дивлюсь, какъ вы могли повѣрить этому... съ вашего позволенія, клеветнику? да, нѣтъ!.. быть не можетъ, въ душѣ-то вашей вы, конечно, не вѣрите.

Вѣрочка (*съ удивленіемъ*). Да, Трофимъ, ты правъ!.. ты меня понялъ!.. Не смотря на эти доказательства, на эти письма, на этотъ почеркъ, сердце мое отказывается подозрѣвать его въ такой гнусной фальшивости!

Трофимъ. И сердце васъ не обманываетъ, Вѣра Александровна!

Вѣрочка. Но письмо?.. письмо?.. (*Вынимая его изъ кармана*), Скажи по-совѣсти: не его ли почеркъ?

Трофимъ. Его собственный.

Вѣрочка. Ты видишь!..

Трофимъ. Да!.. но письмо-то было писано тому шесть лѣтъ.

Вѣрочка (*грустно улыбаясь*). Тутъ выставлено число.

Трофимъ. А трудно ли, матушка... прости Господи!.. подскоблить и передѣлать, съ позволенія сказать?

Вѣрочка. О, но это было бы такъ низко!..

Трофимъ. Эхъ, матушка: не то еще дѣлають безсовѣстные люди!.. Мнѣ честь барина дороже собственной, такъ ужъ позвольте мнѣ все объяснить...

Вѣрочка. Добрый, вѣрный Трофимъ!.. я тебя слушаю.

Трофимъ. Вотъ изволите видѣть, матушка: Михайлу Андреичу было лѣтъ восемнадцать, когда поселился въ нашемъ сосѣдствѣ помѣщикъ Бѣлявскій съ дочерью. Она была такая хорошенькая, привѣтливая. Михайла Андреичъ пріѣхалъ сюда на каникулы, ну!.. обнюхавъ, и влюбился въ барышню... Смѣхъ было смѣрять!.. старый баринъ какъ ужъ его бывало дразнилъ!.. Иной разъ придетъ ко мнѣ Михайла Андреичъ: «Я тебѣ, гмъ, Трофимъ, прочитаю стихи, которыя я ей сочинилъ!..»—А чтожь вы, говорю, батюшка, ей самой не прочтете?—«Не смѣю!.. гмъ, я при ней все заикаюсь!.. а ты слушай.»—И начнетъ, бывало, такое, какъ водится, про тоску, да про сердце, да про смерть...—«Хорошо ли?» говорить. «Да я, барицъ, ничего не понялъ!»—«Стоило, гмъ, читать!»—Ужъ чего тутъ не было!.. Поѣхалъ онъ въ

Питеръ, такъ слезъ-то, слезъ откуда взялось!.. и давай ей писать, письмо за письмомъ, точно пироги печь!..

Върочка (*улыбаясь*). А она?

Трофимъ. А она ему ни слова!.. Разумьется, смѣялась себя да и только! Однако, онъ, мало-по-малу, и писать, и думать, и любить пересталъ. Теперь вспомнить, такъ и самъ смѣется: «блажь, гмъ, была!» Она же вышла замужъ... И матушка! что же въ его ребяческой любви за важность? Вы у него сами про это спросите: онъ вамъ все расскажетъ, а лгать и обманывать не станетъ. Если онъ говоритъ *люблю*, такъ любить; *помню* такъ помню; *забылъ* такъ забылъ. У него одно слово, и душа не двойная.

Върочка (*слушавшая его съ волненіемъ, съ радостью, съ восхищеніемъ*). Я вѣрю тебѣ!.. Но скажи: какъ эти письма попали въ руки Рюмину?

Трофимъ. Очень просто, матушка. Марья Никитишна двоюродная сестра этому... ну его! Рюмину. Онъ у ней нынче гостилъ, а мало ли о чемъ братъ съ сестрой не переговаривать?.. онъ и смекнулъ сейчасъ, что дѣло это ему пригодится.

Върочка (*смотря на письмо*). Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто подчищено!.. но какъ искусно!

Трофимъ. Вотъ вамъ вся правда, матушка, и не сойди я съ мѣста, коли слово солгалъ!.. только ужъ позвольте мнѣ дать волю языку, на счетъ Рюмина... (*Съ сердцемъ*). Онъ картежникъ, весь въ долгу, промоталъ огромное состояніе и ищетъ себя богатой невесты... Михайла Андреичъ про него все развѣдалъ.

Върочка. Михайлъ Андреичъ?.. онъ?.. но какъ?.. кто тебѣ сказалъ?.. почему ты знаешь?..

Трофимъ. Кто сказалъ?—золотой, дорогой человекъ сказалъ!.. (*Отворяя боковую дверь*). Ко мнѣ сегодня ночью гость прѣхалъ.

III.

(Направо стоитъ Михайлъ Андреевичъ съ перевязанной рукой, опираясь на палку. Трофимъ ведетъ его на сцену. Върочка, при видѣ его, забывшись, съ крикомъ радости и испугомъ бросается къ нему навстрѣчу, и вдругъ останавливается, какъ-будто опомнясь... Трофимъ сажаетъ Михаила Андреевича въ кресло. Вѣра подходитъ къ нему, даетъ ему руку и рыдаетъ. Минутное молчаніе.)

Михайлъ Андреевичъ. Вѣра! другъ мой! успокойтесь!.. ахъ, Тро-

Фимъ, мы ее испугали! (*Тихо опускается на колѣно и держитъ ея руку*). Я не въ силахъ благодарить васъ... я говорить не умѣю; но клянусь вамъ... вашими чистыми слезами... что я этой минуты никогда не забуду!..

ВѢРОЧКА (*подымая его*). Михаилъ Андреечъ! какъ можно!.. садитесь... ради Бога, садитесь!.. и скажите мнѣ, здоровы ли вы? зачѣмъ вы прячетесь?..

МИХАИЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ. Я здоровъ, но еще слабъ; прѣвхаль ночью въ такомъ изнеможеніи, что боялся испугать батюшку и спрятался у Трофима, пока его не приготовятъ къ нашей встрѣчѣ... Но, Вѣра, скажите: какъ мнѣ благодарить васъ за ваши попеченія о батюшкѣ!.. Жизни неостанетъ, чтобъ доказать вамъ мою благодарность... ну, скажите: могу ли я вѣрить вашимъ слезамъ и моему счастью?..

ВѢРОЧКА (*молча кладетъ свою руку въ его руку*).

МИХАИЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ. Поэтому... ты любишь меня? ты вѣришь мнѣ?

ВѢРОЧКА (*склонивъ къ нему голову, говоритъ съ одушевленіемъ*): Да, я вѣрю чести русскаго, и истинно русскаго сердца!.. Вчера, читая ваше письмо къ батюшкѣ, внутренній голосъ говорилъ мнѣ: онъ оправдается!.. я чувствовала, что сомнѣваться въ вашемъ сердцѣ мнѣ невозможно!.. (*Съ глубокимъ чувствомъ*). Ты помнишь нашу разлуку?.. эта минута рѣшила судьбу мою, открыла мнѣ глаза. Я увидѣла въ тебѣ новаго челоуѣка, я поняла мое чувство!.. ты обратился къ моему сердцу и оно отдалось тебѣ съ безграничною довѣрчивостію!.. (*Съ нѣжностію*). Вѣрь мнѣ, моя любовь также искренна, какъ твоя; вѣрь мнѣ, она тебя не обманетъ. Пока тебя здѣсь не было, я съ твердостью отстаивала свою свободу... я ждала тебя. Я знала, что ты меня любишь, я чувствовала, что безъ тебя, безъ любви твоей, мнѣ невозможно быть счастливой!..

МИХАИЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ (*цѣлуя ея руку*). Вѣра! Вѣра! мой милый другъ!

ТРОФИМЪ (*стоявшій въ дверяхъ*). Скорѣе!.. спрячьтесь скорѣе, ваше благородіе! Батюшка идетъ по корридору!..

МИХАИЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ. Сейчасъ, сейчасъ!.. (*Встаетъ и опираясь на плечо Вѣрочки уходитъ въ боковую дверь. На порогъ она оставляетъ его, запираетъ дверь и идетъ на встрѣчу къ Зальсину*).

IV.

ЗАЛЪСИНЪ, ТРОФИМЪ И ВЪРОЧКА!

Залъсинъ (*входитъ быстро въ комнату, осматриваетъ ее съ удивленіемъ, потомъ грустно останавливается посреди комнаты и проводитъ рукой по лбу*). Обманъ!.. опять обманулся!..

Върочка. Что съ вами, Андрей Николаичъ?

Залъсинъ. Ничего?.. Ничего!.. мнѣ показалось... послышалось... (*Улыбаясь*). Состарѣлся я, матушка!.. изъ ума начинаю выживать!.. Мнѣ все сегодня кажется: ѣдетъ Миша... то слышу шаги его... то кажется, онъ отворяетъ дверь!.. иной разъ въ ухахъ раздается его голосъ. Знаете: это все отъ ожиданія. Письмо шло долго; онъ могъ бы ужъ быть здѣсь!.. Сегодня ночью я вдругъ проснулся... вскочилъ съ постели... (*Сквозь слезы*) вообразилъ, что кто-то подѣхалъ!.. грудь стѣснилась... не могу дышать... жду, жду, вотъ онъ вбѣжитъ сейчасъ ко мнѣ, мой Миша, родное дитя мое!.. (*Грустно*): а между тѣмъ, все было тихо въ домѣ... и я ждалъ его всю ночь до самаго утра!.. Вотъ и теперь: иду по корридору... слышу... его... его голосъ... право забавно!.. (*Вытирая слезы*). Этакая вѣдь глушь!..

Върочка. Онъ прѣдетъ сегодня!.. вотъ увидите!.. у меня такое предчувствіе.

Залъсинъ (*грустно*): Не вѣрьте предчувствіямъ, матушка!.. видите, какъ я, я, его отецъ, ошибся сегодня! У меня съ утра такая тоска въ сердцѣ... точно куда-то тянетъ... точно кто-то говоритъ: «Онъ здѣсь, твой сынъ, онъ здѣсь!.. Что ты сидишь!.. пойдѣ къ нему, пойдѣ обнять его! (*Смѣясь сквозь слезы*). А вѣдь вздоръ выходитъ! Сердце шалитъ,—и все тутъ!..

Трофимъ. Отцовское сердце, ваше превосходительство!

Залъсинъ. Да, братъ, хотѣлось бы взглянуть на сына передъ смертью.

Трофимъ. Что о смерти толковать, батюшка?.. подождетъ еще она, гостыя непрощеная!

Върочка. Только готовьтесь къ радости; вернется вашъ сынъ.

Трофимъ. Раненый на войнѣ за родину...

Залъсинъ (*съ восхищеніемъ*). Съ чистымъ, неспорченнымъ сердцемъ!..

Трофимъ. Съ солдатскимъ Георгіемъ на груди!..

Залъсинъ. Что ты? что ты?.. почему ты знаешь? (*Смотритъ на Върочку и Трофима*). Да что съ вами?.. вы отъ меня что-

то скрываете? (*Улыбался, сквозь слезы*). Ну!.. говорите же!.. что?.. вы думаете мнѣ не вынести радости?.. да ведь я старый солдат!.. вы улыбаетесь?.. что же?.. да, да я понимаю!.. сердце отца не можетъ обманываться!.. (*Дрожащимъ голосомъ*): Миша прѣхалъ!.. Миша здѣсь... подъ моей кровлей!.. (*смотритъ на боковую дверь, тихо, нерешительно идетъ къ ней и останавливается возмъ нея*). Странно!.. что со мною дѣлается?... ну, если я обманулся? будетъ больно!.. (*опускаетъ ручку двери*). Тверже, старикъ!.. что ты дрожишь, какъ баба!.. (*глядя на дверь и улыбаясь*): Нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ я обманулся!.. (*Дрожащимъ голосомъ*). Онъ здѣсь, здѣсь!! (*Отворяетъ дверь, вбѣгаетъ въ другую комнату; за дверью слышны только восклицанія: Батюшка!.. Миша!*).

Върочка (*утирая слезы*). Добрый, почтенный отецъ!..

Трофимъ (*качая головой*). Нѣтъ, матушка, не узнаю я своего стараго командира!.. плачетъ, смѣется, точно женщина! Когда онъ узналъ, что сыновья его убиты, когда умерла жена его, дочь, онъ только помолился и слезы не пролил!.. и все такъ въ жизни переносилъ: точно сердце и воля были у него желѣзные!.. а теперь?.. отъ радости, съ позволенья сказать, разныкался!.. что за чудо!..

V.

ТѢ ЖЕ и БУЯНЦОВА.

Буянцова (*вбѣгая*). Въра! Въра же-ву-шершъ парту!.. ахъ, ма-шеръ, что со мной случилось!.. вообрази: получила сегодня письмо отъ какого-то Завидина... Ма-шеръ-ами, дайте мнѣ стулъ!.. Онъ мнѣ пишетъ: «Милостивая государыня!.. зять вашъ, г-нъ Рюминъ, долженъ мнѣ сорокъ тысячъ и я предлагаю вамъ скупить его векселя за половину цѣны!.. Въ противномъ случаѣ, я буду принужденъ выслать кормовыя деньги на тюремное содержаніе вашего зятя!..

Върочка. Bravo! Анатолій Михайлычъ!.. онъ, вѣроятно, прославилъ уже, для уснокоенія своихъ кредиторовъ, что женится на мнѣ и что вы заплатите его долги.

Буянцова. Ахъ, онъ монстръ безсовѣстный!..

Върочка. Маменька!.. умоляю васъ, напишите этому Завидину..

Буянцова. Что ты? зачѣмъ?.. какой отвѣтъ?

Върочка. А вотъ какой: напишите, что Рюминъ вамъ не род-

ня... а что зять вашъ... (*ласкался къ матери*), что будущій вашъ зять, Михаилъ Андреевичъ Зальсинъ, никому не долженъ ни копейки.

Буянцева. Что? какъ?... мон-анжъ, что съ тобою?.. (*Зальсинъ выходитъ съ Михаиломъ Андреевичемъ*). Кого я вижу?.. такъ вы не умерли?

Михаилъ Андреевичъ (*цѣлуя ея руку*). Какъ видите, добрая Анна Ильинишна.

Буянцева. Кресло!.. со мной будетъ обморокъ!.. Вы не щадите мои *невры*... дайте одеколонъ!.. ахъ, милый Михаилъ Андреевичъ! какъ я рада, что вы вернулись!.. вы ранены въ плечо?.. ну, ужъ прощайтесь съ левой рукой... же-ву-зассюръ!.. Расскажите-же, ради Бога, какъ это вы такъ сражались?.. ахъ, какія страсти!..

Трофимъ. Да, ужъ сжальтесь надъ нашимъ нетерпѣнѣмъ, ваше благородіе!.. Расскажите про сраженье!.. что?.. сердце, чай, какъ хмельное прыгало отъ радости?

Михаилъ Андреевичъ. О, это былъ незабвенный день моей жизни!.. Вы, конечно, уже читали всѣ подробности этого дѣла; опишу вамъ только одну минуту достопамятнаго дня: — Наша кавалерія отбила уже 8 орудій у непріятели, когда турки заняли выгодную позицію на значительной высотѣ... Пѣхота двинулась къ ней... Молчаливо и смѣло шли мы впередъ. Напрасно грозили намъ съ высоты 28 батальоновъ, напрасно встрѣчались намъ адскій огонь штуцерныхъ и громъ 20-ти орудій, напрасно ринулся на насъ храбрый полкъ Арабистанскаго Низама, мы шли хладнокровно, готовясь броситься въ штыки... Полкъ низама уже уступилъ грозному натиску Эриванцевъ и гренадеръ, и покрылъ землю своими трупами... Съ крикомъ победы вошли мы на высоту!.. тамъ начался рукопашный бой. Мы сражались грудь противъ груди, глазъ противъ глаза. Я почувствовалъ въ плечѣ холодъ железа... но правая рука была свободна... я не отсталъ отъ товарищей. Мы рванулись впередъ, пролагая себѣ дорогу въ толпѣ непріятели. Не устоять имъ было противъ вѣрной и крѣпкой русской груди, противъ русскаго штыка... Они дрогнули, отступили и бросились въ бѣгство!.. Въ эту минуту я лишился чувствъ и очнулся уже на перевязочномъ пунктѣ. Тамъ узналъ я объ окончаніи дѣла и въ первый разъ въ жизни заплакалъ отъ радости. Солдаты, товарищи поздравляли меня съ обновкой, съ этой раной, которой я тогда не чувствовалъ, и

всѣ мы начали обнимать другъ друга. Чрезъ нѣсколько дней я получилъ Георгія... Батюшка!.. вы понимаете мою радость!.. Безъ памяти цѣловаль я священный знакъ воинской доблести. Онъ напоминаль мнѣ, что я имѣль счастье пролить кровь свою за отечество!

Зальсинъ (*обнимая его*). Понимаю. Миша, понимаю!..

Вѣрочка (*Михаилу Андреевичу*). Но ты усталъ, мой другъ!

Буянцова (*вслушавшись*). Какъ?.. ужь у васъ на ты?.. кавеву, машерь!..

Вѣрочка. Маменька!.. вѣдь вы согласились?

Буянцова. Я?.. на что?.. когда?..

Михаилъ Андреевичъ } Да!.. да! вы согласны, не правда-ли?
и **Вѣрочка**.

Буянцова (*Зальсину*). Скажите, пожалуйста!.. они всё безъ насъ устроили!.. а мы-то что?

Зальсинъ. А мы порадуемся ихъ счастью... благословимъ ихъ и помолимся въ эту радостную минуту, за благоденствіе Отечества...

Вѣрочка (*взявъ руку Зальсина, говоритъ съ одушевленіемъ*). И я увѣрена, что Небо услышитъ нашу молитву!.. Я, какъ женщина, не могу разсуждать о политикѣ... ничего не понимаю въ военныхъ дѣйствіяхъ...; но я чувствую, но сердце говоритъ мнѣ, что слава Россіи никогда не погибнетъ!..

996 78188

